
Ф. Джели Кларк
«Умный, соблазнительный и увлекательный стимпанковский детектив с отлично сбалансированным юмором. Мне понравилось». — ШЕННОН ЧАКРАБОРТИ
ХОЗЯЕВА ДЖИННОВ
fanzon

Хозяева джиннов
Ф. Джели Кларк

Аннотация
Ф. Джели Кларк. Хозяева джиннов. Роман, новеллы
Хозяева джиннов
- Глава первая
- Глава вторая
- Глава третья
- Глава четвертая
- Глава пятая
- Глава шестая
- Глава седьмая
- Глава восьмая
- Глава девятая
- Глава десятая
- Глава одиннадцатая
- Глава двенадцатая
- Глава тринадцатая
- Глава четырнадцатая
- Глава пятнадцатая
- Глава шестнадцатая
- Глава семнадцатая
- Глава восемнадцатая

Глава девятнадцатая
Глава двадцатая
Глава двадцать первая
Глава двадцать вторая
Глава двадцать третья
Глава двадцать четвертая
Глава двадцать пятая
Глава двадцать шестая
Глава двадцать седьмая
Глава двадцать восьмая
Глава двадцать девятая
Эпилог
Благодарности
Мертвый джинн в Каире
Дух трамвая 015
Глава первая
Глава вторая
Глава третья
Глава четвертая
Глава пятая
Глава шестая
Эпилог

Аннотация

Финалист премий «Дракон», «Небьюла», «Локус», «Хьюго» и Мифопоэтической премии.

Каир, 1912 год.

Сорок лет назад великий аль-Джахиз пробил портал в измерение джиннов, и теперь джинны и другие магические существа живут вместе с людьми, соблюдают законы и платят налоги. Но и среди волшебных созданий встречаются нарушители и злодеи. Поэтому есть Министерство алхимии, заклинаний и сверхъестественных существ.

Фатима эль-Шаарави – специальный следователь египетского министерства. Одна из немногих женщин в мужской профессии.

В поместье английского лорда находят 24 мертвеца, сожженных заживо, но одежда на телах не пострадала. Дело явно для агента Фатимы.

Книга включает роман и повести Ф. Джели Кларка о магическом альтернативном Каире, полном ангелов, джиннов, духов и нераскрытых тайн.

«Этот эпический роман о магии и тайнах действительно потрясает». – Publishers Weekly.

«Захватывающая история Каира становится еще одним персонажем в этой восхитительной комбинации детектива и фэнтези. Дайте роман любителям альтернативной истории и читателям детективов, которые не против насладиться дозой магии». – Booklist.

«Кинематографичный экшен, радикальное переосмысление реальной истории и магия на каждой странице. Мне это нравится!» – Аликс Харроу.

«Умный, лукавый и увлекательный стимпанк-детектив с отличным балансом юмора и сердечности. Обожаю!» – Шеннон Чакраборти.

«Каир, альтернативно-исторический город-космополит, населен не только людьми, но и множеством сверхъестественных существ. Когда их интересы и планы сталкиваются, то в результате получается книга, которую вы не захотите отложить». – Мари Бреннан.

«Очаровательно! Мне нравится сложный мир альт-истории «Хозяевов джиннов», с его намеками на изменившиеся судьбы народов

и простых людей после катастрофического возвращения магии. Кларк дарит нам увлекательный детектив с чудесным сочетанием фантастического и обыденного, богов-крокодилов, курящих одну сигарету за другой, скучных библиотекарей-маридов и блестящей героини в лихом котелке». – Джанго Векслер.

Ф. Джели Кларк
Хозяева джиннов
Роман, новеллы

© Киселик А.С., перевод на русский язык, 2022
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Хозяева джиннов

Клодетт, которую многие зовут Лиз, а я зову просто Мамой.
Спасибо за все те визиты в библиотеку.

Глава первая

Арчибальд Джеймс Портендорф не любил ступени. С этой их невыносимой высотой, они к тому же, словно издеваясь, всегда вели вверх. «Временами, — думал Портендорф, — можно даже услышать, как они хихикают». Если бы у ступеней были глаза, смешками они бы не ограничились — наблюдая, как он пыхтит сквозь подкрученные рыжие усы, как его короткие ноги подкашиваются под круглым животом. В современную эпоху, когда пассажиров могли с удобством поднимать лифты, просто преступно, что этим лестницам по-прежнему позволялось существовать.

Арчибальд остановился передохнуть у гигантской реплики медного чайника с изогнутым, будто клюв, носиком, опустил свою ношу. Это безобразие, что человек его лет, доживший до шестидесяти и одного в этом 1912 году, вынужден подвергаться подобным унижениям. Ему бы проводить ночь с крепким напитком, а не рысить вверх по дурацким ступеням!

— Все для короля, страны и компании, — пробормотал он.

Утирая со лба пот, Портендорф мечтал дотянуться до сырости на спине и других неприличных мест, к счастью, скрытых темным костюмом. Для ноября было тепло, и в этих перегретых землях казалось, что его тело уже не знало, как *не* потеть. Арчибальд со вздохом обратил усталые глаза к арочному окну. В этот час он все еще мог различить пологие силуэты пирамид, их камни сияли под светом полной луны, повисшей в черном небе.

Египет. Таинственная жемчужина Востока, земля фараонов, легендарных мамлюков и бесчисленных чудес. Десять долгих лет Арчибальд проводил три, четыре, даже шесть месяцев кряду в этой стране. И в одном он был совершенно уверен — с него достаточно.

Портендорф устал от этого ужасающе жаркого, сухого места. Тридцать лет назад страна созрела, чтобы стать еще одним завоеванием Империи Ее Величества. Сейчас Египет превратился в одну из великих держав, а Каир быстро превосходил Лондон, даже Париж. Местные горделиво вышагивали по улицам — насмешливо называя Англию «серым островком». Их еда расстраивала его желудок. Их молитвы разносились днем и ночью. И они наслаждались, прикидываясь, что

не понимают английский, *когда он знал, что они все прекрасно понимают!*

А еще были джинны. Противоестественные существа!

Арчибальд снова вздохнул, проводя пальцем по лавандовой «Д», вышитой на платке. Джорджиана подарила его перед свадьбой. Она любила поездки Портендорфа не больше, чем он сам. Она оставалась в Лондоне, и в отсутствие мужа ей некем было помыкать, кроме слуг.

— Всего несколько недель осталось, моя дорогая. — Всего несколько недель — и он улетит домой на дирижабле. Как же он будет рад увидеть свой «серый островок», где стоял разумно холодный и дождливый ноябрь. Он будет гулять по его узким улочкам и смаковать их вонь. На Рождество он упьется до изумления — хорошим, крепким, английским виски!

Эти мысли приободрили Портендорфа. Он поднял тюк и снова принялся подниматься, на ходу напевая «Правь, Британия!» Но пролет патриотизма сменился томительными ступенями. К моменту, когда Арчибальд добрался до вершины, лестница высосала из него всю энергичность. Он запнулся и остановился перед высокими дверьми темного, почти черного дерева в каменной арке

и, шумно пыхтя, уперся руками в колени.

Пока он стоял, его внимание привлек смутный звон. Он уже несколько недель периодически слышал этот странный звук — далекое эхо ударов металла о металл. Арчибальд спрашивал у прислуги, но большинство его не замечало. Те же, кто его слышал, говорили, что это, должно быть, невидимый джинн, живущий в стенах, и предлагали ему декламировать суры. Все же этот звук должен был доноситься из…

— Портендорф!

Окрик заставил Арчибальда выпрямиться. Он поправил пиджак и повернулся к двум мужчинам, шагавшим в его сторону. Когда Портендорф узнал одного из них, он чуть не скривился в гримасе, но заставил свое лицо сохранять спокойное выражение.

Уэсли Далтон напоминал Арчибальду карикатуры на эдвардианских аристократов: золотые волосы с аккуратным пробором, навощенные до остроты усы и фонтанирующая самонадеянность от бровей до подбородка с ямочкой. В целом он вызывал тошноту. Поднявшись, молодой человек от души хлопнул Арчибальда по спине, чуть не сбив толстяка с ног.

— Выходит, я не единственный, кто опоздал

на суаре компании! Думал, придется извиняться перед старцем. Но если появлюсь с нашим маленьким кайзером, то порки удастся избежать!

Арчибальд растянул губы в улыбке. Фамилия *Портендорф* столетиями считалась английской. И пришла из Австрии, не Германии. Но обижаться на шутку было дурным тоном. Он поздоровался и пожал руку.

— Только прилетел из Эль-Файюма, — поделился Далтон. Что объясняло его наряд — рыжеватый костюм пилота, со штанами, заправленными в черные ботинки. Скорее всего, он летел на одной из этих двуместных планирующих штуковин, которые были здесь так популярны. — Со мной поделились информацией о достойной исследования мумии. Это оказалось надувательством. Местные слепили ее из соломы и шпаклевки, ты можешь в это поверить?!

Арчибальд вполне мог в это поверить. Далтон был одержим мумиями — часть доказательства его теории, что древние египетские правители были белобрысыми родственниками англосаксов, властвовавшими над темными ордами в своем королевстве. Арчибальд и сам был расиалистом, но даже ему подобные утверждения казались вздором и ахинеей.

— Временами, Мустафа, — продолжал Далтон, стягивая перчатки, — мне кажется, что ты получаешь удовольствие, когда отправляешь меня в эти бессмысленные путешествия.

Арчибальд почти забыл о втором мужчине, стоявшем беззвучно, словно предмет мебели. Хоть нанять местных для подобной работы становилось все труднее, Мустафа был слугой Далтона. С тех пор как египетский парламент запретил торговлю, мумии стало тяжело добыть. Однако казалось, что Мустафа всегда способен отыскать для Далтона новую наводку — неизменно бесплодную и, как подозревал Арчибальд, очень дорогую.

— Я лишь пытаюсь услужить, мистер Далтон, — ответил Мустафа на спотыкающемся английском, снимая перчатки и пряча их под голубой галабеей[1].

— Каждая наводка за бакшиш. Не лучше лондонской шпаны, догола разденут, если расслабишься, — хмыкнул Далтон.

Мустафа перевел взгляд на Арчибальда, на его полных губах играла едва заметная улыбка.

— Ух ты! — воскликнул Далтон. — Это… тот

---

[1] Примечания: 1

Длинная, до лодыжек, рубаха с широкими рукавами, без воротника и пояса.

самый предмет?

Арчибальд подхватил тюк с земли. Ему изрядно пришлось поторговаться, чтобы добыть эту штуку. Он уж точно не позволит ее лапать неуклюжими ручищами.

— Увидишь вместе со всеми, — отрезал он.

На лице Далтона отразилось разочарование и легкое возмущение. Но он только пожал плечами.

— Разумеется. В таком случае, если позволишь? — Он потянул, и тяжелые двери заскрежетали по камню.

Стены круглого зала на другой стороне украшали узоры золотых, бежевых, зеленых и коричневых оттенков на ярко-синем фоне. Гладкая поверхность переливалась под ярким светом бронзовой люстры со звездочками в арабском стиле. По сторонам тянулись ряды колонн, чьи изгибающиеся арки расписали полосами охры. Яркая демонстрация ориенталистского декаданса, как и приличествовало Герметическому Братству аль-Джахиза.

Вперед выступила пара автоевнухов, их лица были пустыми и нечеловеческими, нечитаемые листы бронзы. В ловких металлических пальцах каждый из автоматов сжимал белые перчатки,

черные мантии и того же цвета фески с золотой кисточкой. Арчибальд принял свой наряд, накинул длинное одеяние поверх костюма и натянул шляпу на голову — удостоверившись, чтобы вышитый золотой скимитар и месяц рогами вниз смотрели вперед.

В зале находилось двадцать два человека, включая Далтона и Портендорфа. Мустафа уважительно остался снаружи. Все присутствующие нарядились в регалии братства, часть добавили пестрый передник или кушак, чтобы обозначить ранг. Они общались, разделившись на группки по два-три человека, автоевнухи разносили прохладительные напитки.

Арчибальд знал здесь каждого, все они были с положением в компании — иного способа присоединиться к братству не существовало. По пути его приветствовали, и ему приходилось оказывать уважение, останавливаться, чтобы подобающим образом пожать руку и обняться щекой к щеке — ритуал, которому они научились у местных. Все они не сводили глаз с тюка, а Портендорф старательно его прятал от тянущихся рук. Скучное занятие, и он был рад вырваться, оставляя Далтона в их компании. Выбравшись из скопления людей, Арчибальд заметил мужчину,

с которым должен был встретиться.

Лорд Алистер Уортингтон, Великий Магистр Герметического Братства аль-Джахиза, выглядел внушительно в сверкающей пурпурной мантии, украшенной серебром. Он сидел за черным столом-полумесяцем, в кресле с высокой спинкой, напоминавшем трон. За его спиной со стены свисал длинный белый флаг с символом братства.

Арчибальд с трудом мог припомнить время, когда лорд Уортингтон не был «старцем». Со своими снежными волосами и резкими, патрицианскими чертами лица, глава Компании Уортингтона подходил к роли старшего жреца в их эзотерическом содружестве. Он основал Братство еще в 1898 году и поставил задачу отыскать мудрость аль-Джахиза — исчезнувшего суданского мистика, который навсегда изменил мир.

Плоды их трудов выстроились у стен: окровавленная накидка; алхимическое уравнение, снова и снова написанное от руки; Коран, по которому он учил. Бóльшую часть этих реликвий помог добыть Арчибальд, как и тюк в его руках. Но все же в своих поисках они так и не наткнулись на божественную мудрость или тайные законы, управляющие небесами. Вместо этого братство превратилось в убежище для романтиков или

психов вроде Далтона. С годами вера Портендорфа угасла, как фитиль свечи, что слишком долго горела. Но он держал язык за зубами. В конце концов, он был служащим компании.

Когда он добрался до лорда Уортингтона, старец был не один. Рядом сидел Эдвард Пеннингтон, один из старейших работников компании, истинный верующий, хоть и наполовину маразматик. Он расположился между двумя членами братства и клевал носом, пока оба что-то ему рассказывали.

— Германцы доставляют Европе ужасные хлопоты, — заметила единственная в комнате женщина: смуглая красавица с большими светлыми глазами, обведенными черной сурьмой, и косой, спускающейся ниже плеч. Широкий воротник окружал ее шею рядами зеленых и бирюзовых каменных бусин, переходя в белое платье. — Теперь кайзер и царь каждый день обмениваются оскорблениями, как дети, — продолжила она с резким акцентом.

Прежде чем Пеннингтон успел ответить, заговорил мужчина с другой стороны. Он не придумал ничего лучшего, как накинуть на свои тяжелые плечи шкуру какой-то пятнистой твари.

— Не забывайте французов. У них еще осталось

дельце с османцами по поводу алжирских территорий.

— Османцы слишком разбрасываются. Они думают, что вернут Магриб, когда по уши вляпались в Балканы? — прищелкнула языком женщина.

Арчибальд слушал их спор, несчастный Пеннингтон с трудом успевал вставить возражение. Пара еще раз напомнила Портендорфу, как низко пало братство.

— Надеюсь только, что Египет не будет вмешиваться в ваши конфликты, — вздохнула женщина. — Война — это последнее, что нам нужно.

— Войны не будет, — вступил в разговор лорд Уортингтон. В его голосе была едва уловимая жесткость, и за столом воцарилась тишина. — Мы живем в индустриальную эпоху. Мы производим судна, чтобы пересекать моря, и дирижабли, бороздящие небо. С нашим манипулированием ядовитыми парами и возрожденными навыками в алхимии и тайных искусствах вашей страны? Какое новое оружие может создать эта эпоха? — Он тряхнул головой, словно отгоняя кошмарные чары. — Нет, этот мир не может себе позволить войну. Вот почему я посодействовал вашему королю на предстоящем саммите наций.

Единственный путь вперед — это мирное сосуществование, иначе мы наверняка сгинем.

Повисла пауза, затем женщина подняла бокал.

— Египтяне любят тосты не меньше вас, англичан. Мы часто говорим *фи сихатик* — за здоровье. Возможно, теперь нам стоит выпить за мир.

Лорд Уортингтон склонил голову и поднял кубок.

— За мир.

За ним последовали остальные, даже старый маразматик Пеннингтон. Где-то в процессе старец заметил Арчибальда.

— Арчи! Я уж боялся, мы тебя не увидим. Давай, приятель. Ох, у тебя даже бокала нет!

Арчибальд пробормотал извинения и взял бокал у автоевнуха. После обычного формального представления он уселся рядом с женщиной, распространявшей запах сладких, хмельных духов.

— Арчи сыграл важную роль в формировании нашего Братства, — рассказывал лорд Уортингтон. — Он курировал приобретение этого дома — охотничьего домика старого паши. Тогда еще Гиза была глухим местом. Арчи принадлежит титул моего визиря, совсем как… — Когда он заметил прислоненный к креслу тюк, старец оборвал речь, в его голубых глазах появились

искорки. — Это?..

— Именно так, сэр, — закончил Арчибальд, водружая тюк на стол. Взгляды окружающих устремились к темной ткани, их разговоры утихли. Даже маразматик Пеннингтон вытаращил глаза.

Лорд Уортингтон нетерпеливо протянул руку, но передумал.

— Нет. Этот дар мы преподнесем Братству. — Словно по сигналу громко пробил колокол, возвещая новый час. — А! Замечательно совпало. Арчи, ты не мог бы призвать к порядку?

Арчибальд поднялся, выждал, пока не затихнет колокол, и прокричал:

— Порядок! Порядок! Великий Магистр призывает братство к порядку!

Шум стих, все повернулись к столу. Лорд Уортингтон встал, за ним поднялись остальные.

— Слава! Слава! Великий Магистр! — закричал Арчибальд.

— Слава! Слава! Великий Магистр! — ответил зал.

— Благодарю тебя, мой визирь, — сказал лорд Уортингтон. — И добро пожаловать, братья, на это судьбоносное собрание. Десять лет длился наш поиск, мы шли по следам аль-Джахиза,

чтобы раскрыть оставленные им в этом мире тайны. — Его левая рука указала на флаг с символом ордена и словами *Quœrite veritatem,* написанными золотом. — «Ищите истину». Наше Братство не исчерпывается мантиями, секретными паролями или рукопожатиями, оно служит более высокой и благородной цели. Давайте помнить об этом и не терять свой путь между высокопарностью и ритуалом!

— Мир стоит у пропасти. Наша способность создавать превысила нашу способность к пониманию. Мы играем с силами, способными нас уничтожить. Это задача, которую должно решить наше Братство. Восстановить самую священную мудрость древних, создать светлый завтрашний день. Вот за что мы должны бороться. Вот что должно быть нашей величайшей истиной. — Старец положил ладони на тюк. — Нет лучшего символа этой цели, чем то, что мы добыли сегодня. — Он отбросил ткань и поднял сокровище. — Узрите, меч аль-Джахиза!

Раздались ахи. Арчибальд слышал, как женщина бормочет что-то, похожее на молитву. Он не мог ее упрекать, глядя на искусную рукоять и длинный, слегка изогнутый клинок меча — настолько черного, что казалось, будто он

впитывает свет.

— С этим святым тотемом, — объявил лорд Уортингтон, — я хочу еще раз заявить цель нашего Братства. *Quærite veritatem*!

Собрание должно было взорваться шквалом одобрения — но тут раздался внезапный стук.

Взгляд Арчибальда обратился к двери вместе со всеми остальными. Стук повторился. Три раза. При каждом ударе двери содрогались, будто в них колотил огромный кулак. Опустилась тишина — пока створки не распахнулись насильно, одна чуть не слетела с петель, а засов хрустнул, как ветка. За криками ужаса последовал звук шаркающих ног, когда мужчины отступили от сцены разрушения.

Арчибальд прищурился, вглядываясь в появившуюся в проеме фигуру. Мужчина, одетый в черное: широкие штаны, заправленные в ботинки, и рубаху, туго обтягивающую торс. Он спрятал лицо за черной маской, только глаза виднелись сквозь овальные прорези. Незнакомец остановился у сломанной двери, чтобы обозреть зал, затем поднял руку в перчатке, щелкнул пальцами.

И раздвоился.

Арчибальд выпучил глаза. Только что мужчи-

на… удвоился? Дубликаты обменялись взглядами, а потом первый снова щелкнул пальцами. Теперь их стало трое. Щелчок! Щелчок! Щелчок! Уже шестеро странных мужчин! Все одинаковые и будто из воздуха появились! Они, как один, повернули свои лица к потрясенному собранию и заскользили вперед, подобно теням.

Зал охватила новая тревога. Мужчины отшатнулись от молчаливого наступления чужаков. Мысли Арчибальда заметались в поисках объяснения. Это трюк. Похожий на те, что он видел на городских улицах. Это местные — может, воры? Хотят ограбить богатых англичан? Когда шестерка почти достигла центра комнаты, они остановились, неподвижные, как статуи. Странное противостояние нарушил разъяренный голос лорда Уортингтона:

— Кто смеет вламываться в этот дом! — Шесть пар немигающих глаз не дали ответа. Лорд Уортингтон в гневе ударил по столу. — Это святая обитель Братства аль-Джахиза. Убирайтесь или я сейчас же свяжусь с властями!

— Если это дом аль-Джахиза, — раздался новый голос, — значит, я здесь по праву.

В сломанных дверях появилась фигура — мужчина, высокий и задрапированный в струящуюся

черную мантию. Его сложенные руки прятались в темных кольчужных перчатках, а голову покрывал черный капюшон, скрывая лицо. Тем не менее его присутствие заполняло помещение, и Арчибальду казалось, что на них опустился тяжкий груз.

— И кто ты, чтобы заявлять о праве? — требовательно вопросил лорд Уортингтон.

Странная фигура заняла место во главе своих спутников и дала ответ отбросив капюшон. У Арчибальда перехватило дыхание. Лицо мужчины тоже скрывала маска — человеческая личина, украшенная таинственными буквами, которые, казалось, двигались по золотой поверхности. Глаза в овальных прорезях были черными ямами, полыхавшими холодом.

— Я Отец Загадок, — заговорил он с сильным акцентом. — Странник на Пути Мудрости. Путешественник между Мирами. Меня называли мистиком и безумцем. Почитали и проклинали. Я тот, кого вы ищете. Я аль-Джахиз. И я вернулся.

Безмолвие саваном накрыло зал. Даже лорд Уортингтон не нашелся, что ответить. Арчибальд разинул рот, слишком потрясенный, чтобы сделать хоть что-нибудь, кроме как смотреть в изумлении. Его пробудил лающий смех. Кто-то

выкрикнул:

— Нонсенс!

Арчибальд беззвучно застонал. Далтон.

Уэсли пробился вперед, расталкивая других, чтобы предстать перед черными фигурами. Со всей дерзостью аристократии и юности он свысока посмотрел на их лидера.

— Я точно знаю, что ты не аль-Джахиз! Братья! Взгляните на эти образчики! Высокие, с длинными руками и ногами, типичное телосложение для суданских негров в тропическом климате. Однако я настаиваю, что аль-Джахиз не был негром, но, напротив, — представителем белой расы!

Арчибальд от всей души желал, чтобы Далтон заткнулся. Бога ради. Но дурень продолжал, драматически указывая на чужака.

— На самом деле аль-Джахиз происходит от правителей Древнего Египта! В этом секрет его гения! Если его поместить на Бейкер-стрит или среди обитателей Уэнтуорта, осмелюсь сказать, что он был бы неотличим от любого другого лондонца! Я убежден, что под этой маской мы не найдем чистого лица, присущего нашему англосакскому происхождению, но обнаружим закопченную, низколобую физиономию…

Далтон осекся, когда чужак, до того молчащий,

поднял кольчужную ладонь. Внезапно меч в руке лорда Уортингтона начал гудеть и вибрировать. Шум усилился до воя, так что старика трясло вместе с оружием. Клинок освободился резким рывком, проплыл по воздуху и оказался в протянутой руке чужака. Его ладонь сжалась вокруг рукояти, он сделал шаг вперед и направил клинок на Далтона.

— Еще одно слово, — предупредил человек в маске, — и оно станет последним.

Далтон расширил глаза, скосил их, чтобы взглянуть на острие меча. И снова Арчибальд желал, чтобы мужчина — ради всего святого — хотя бы раз *захлопнул свой рот*! Но, увы, этому не суждено было случиться. Местные часто шутили над англичанами, слишком упрямыми, чтобы прислушиваться к предупреждениям о жестоком полуденном солнце, пока не падали от теплового удара. Юный Далтон, похоже, твердо решил придерживаться этого клише. Он устремил на чужака взгляд, в котором сосредоточилось все высокомерие британской гордыни и имперской надменности, а затем открыл рот, чтобы разразиться еще одной слабоумной тирадой.

Человек в маске не пошевельнулся. В отличие от его компаньона. Все случилось быстро, будто

ожил камень. Руки в перчатках протянулись к Далтону и размылись — вверх и рывок в сторону, — после чего фигура снова перетекла в подобную статуе недвижимую позу. Арчибальд моргнул. Ему понадобилось мгновение на осмысление того, что он видел. Далтон по-прежнему стоял на том же месте. Но его голова полностью повернулась назад. Или, возможно, его тело. В любом случае его подбородок теперь покоился на спине мантии — в то время как руки были вытянуты позади. Он сделал полный пошатывающийся круг, словно пытаясь привести себя в порядок. Далтон выглядел почти комично. Затем он остановился, окинул окружающих последним озадаченным взглядом и упал на неправильно расположенное лицо — носки его черных ботинок указывали вверх.

Люди в комнате закричали. Кого-то тошнило. Арчибальд пытался к ним не присоединиться.

— В этом нет нужды, — взмолился лорд Уортингтон с побелевшим лицом. — В насилии нет нужды.

Чужак обратил взгляд черных зрачков к старику.

— Но есть нужда в возмездии. Возмездии человеку, что притязает на мое имя. Маср превратился

в место упадка. Его осквернили чужеземные замыслы. Но я вернулся, чтобы довести свой великий труд до завершения.

— Уверен, мы можем помочь, — быстро проговорил лорд Уортингтон. — Если вы действительно тот, кем себя называете. Если сможете подтвердить, что вы настоящий аль-Джахиз, тогда я в вашем распоряжении. Мое состояние. Мое влияние. Я передам вам все, что мне дорого, если вы докажете, что достойны этого имени.

Арчибальд в шоке обернулся. На лице старца застыло выражение человека, отчаянно желающего верить. *Нуждающегося* в вере. Он в жизни ничего более обескураживающего не видел.

Фигура в черной мантии окинула лорда Уортингтона оценивающим взглядом, глаза под маской потемнели еще сильнее.

— Отдашь все, что тебе дорого? — горько произнес он. — Ты бы так и поступил, так ведь? Я больше не нуждаюсь ни в чем, что ты можешь предложить, старик. Но если тебе нужно подтверждение, я его предоставлю.

Чужак поднял меч, направил его на членов Братства. Комната потемнела, свет сочился сквозь тени. Явственное присутствие, излучаемое человеком в маске, усиливалось, нарастало, пока

Арчибальд не почувствовал, что сейчас упадет на колени. Он повернулся к лорду Уортингтону — и обнаружил, что старец горит. Ярко-красные языки пламени поднимались по его рукам, сморщивая и покрывая волдырями кожу. Но лорд Уортингтон этого не замечал. Его глаза были устремлены в зал, где каждый член Братства тоже горел — тела полыхали бездымным огнем цвета крови. Странный огонь оставлял их одежду нетронутой, но выжигал кожу и волосы, пока их крики наполняли комнату.

Не только их крики, осознал Арчибальд. Потому что он тоже кричал.

Он опустил взгляд на огонь, обвивающий его руки, пожирающий плоть под целехонькой мантией. Рядом с ним визжала женщина, ее предсмертные крики вплетались в чудовищную какофонию. Где-то за гранью боли, за гранью ужаса, перед тем, как последние крохи его сознания пожрало пламя, Арчибальд горевал по Лондону, по Рождеству, по дорогой Джорджиане и мечтам, которым не суждено сбыться.

Глава вторая

Фатима подалась вперед и выпустила клуб дыма из своего кальяна. Муассель смешали из резкого табака, вымоченного в меде, и мелассы с нотками трав, орехов и фруктов. Но чувствовался и другой вкус: сладкий до приторности, он щекотал язык. Магия. Волоски на ее шее встали дыбом.

Собравшаяся вокруг небольшая толпа выжидающе за ней наблюдала. Мужчина с большим носом и в белом тюрбане так близко склонился к ее плечу, что она ощущала окружавший его запах сажи — металлург, судя по вони. Он шикнул на спутника, но только заставил остальных заворчать. Боковым зрением Фатима заметила, как Халид награждает обоих мужчин испепеляющим взглядом — его широкое лицо нахмурилось. Не стоит злить букмекера.

Они, как и большинство, скорее всего, поставили на ее оппонента, сидевшего на другой стороне восьмиугольного стола. «Лет семнадцать, — прикинула она, — с лицом еще более мальчишечьим, чем ее собственное». Но он уже побеждал людей вдвое его старше. Что важнее, он был мужчиной,

чему даже в гордящемся своей современностью Каире все еще придавалась важность — это объясняло улыбку на его темных губах.

Часть более традиционных ахва не обслуживали женщин, особенно, если там курили кальяны, а курили их почти везде. Но в этом злачном притоне, спрятанном в нехорошем переулке, пол никого не заботил. Все же Фатима могла пересчитать женщин по пальцам одной руки. Большинство оставили ставки мужчинам. Три сидящие в темной комнате дамы у дальнего столика, без сомнений, принадлежали к Сорока леопардицам, в их кричащих красных кафтанах, хиджабах и синих турецких шароварах. Если судить по презрительным лицам, их можно было принять за зажиточных светских львиц — а не самую знаменитую воровскую банду города.

Фатима отсеяла окружение — игроков, самодовольных мальчишек и высокомерных леди-воровок, — сфокусировавшись на булькающей воде в луковичной колбе кальяна. Когда Фатима вдохнула дым, она представляла его струящейся рекой, достаточно реальной, чтобы смочить ее пальцы. После долгой затяжки из деревянной трубки Фатима позволила зачарованному муасселю пройти сквозь ее тело, прежде

чем она выдохнула густую колонну дыма.

Он не походил на обычный дым — скорее серебряный, чем серый. И двигался он иначе: сгущаясь, вместо того чтобы рассеиваться. Ему требовалось несколько секунд, чтобы собраться воедино, но когда это произошло, Фатима не удержалась от чувства легкого триумфа. Дымная река извивалась в воздухе, а по ее поверхности, оставляя за собой рябь, плыла фелюга с туго натянутым латинским парусом.

Каждый взгляд в кофейне провожал бесплотное судно. Даже Сорок леопардиц подняли глаза в изумлении. На другой стороне стола улыбка ее противника сменилась разинутым от удивления ртом. Когда магия иссякла, а дым рассеялся, он покачал головой и отложил трубку кальяна, признавая поражение. Толпа взревела.

Фатима игнорировала похвалы, пока Халид собирал свои деньги. Зачарованный муассель был запрещенным веществом: халтурное чародейство и алхимическая смесь, что имитировали наркотик. Пристрастившиеся отказывались от своих жизней в погоне за все новыми величайшими чарами. К счастью, в женском колледже Луксора была популярна смесь помягче. И в бытность студенткой Фатиме довелось поучаст-

вовать в одной-двух дуэлях. Или трех. Может, больше.

— Йа Салям! — воскликнул парнишка. — Шадия, не зря тебя Уста хвалил.

Халид носил прозвище эль-Уста. Старым турецким титулом называли водителей, рабочих, механиков или ремесленников — любого, кто был действительно хорош в том, чем занимался. Фатима не сомневалась, что Халид и дня в своей жизни не работал честно. Но когда дело доходило до игры со ставками, лучше его было не найти.

— Я же говорил, что она одна из лучших, — добавил букмекер, усаживаясь, чтобы пересчитать пачку купюр.

Имя Шадия предложил Халид. Толстяк служил ее гидом по злачной изнанке Каира, где Фатима эль-Шаарави, специальный следователь египетского Министерства алхимии, заклинаний и сверхъестественных сущностей, могла привлечь нежелательное внимание.

— Валлахи! Никогда не видел таких живых чар. В чем твой секрет, а?

Об этом «секрете» каждый первокурсник узнавал на лекциях по ментальной манипуляции элементами — выбирай реальный опыт, а не воображаемый. Фатима остановилась на дядиной

лодке, на которой плавала десятки раз.

— Как говорит Халид Уста — я одна из лучших.

— Вот уж не подумал бы, — фыркнул парень.

Он указал подбородком на ее костюм — полностью белый с жилетом в цвет, он выглядел безукоризненно в сочетании с ее бронзовой кожей. Фатима провела пальцами по золотому галстуку, чтобы продемонстрировать сверкающие запонки на рукавах темно-синей рубашки.

— Завидуешь?

Парень снова фыркнул и сложил руки на выцветшем кафтане. Точно завидует.

— Давай ты отдашь то, за чем я пришла, а я тебя познакомлю со своим портным.

— Гамаль, — вмешался Халид. — Давай к делу. Шадия и без того была достаточно терпеливой.

Более чем терпеливой. Не самая сильная ее сторона. Но работа под прикрытием ее требовала. Воры по существу своему недоверчивы, и только любовь к их грехам могла заставить их расслабиться. Фатима сверилась с золотыми карманными часами в форме старинного астурлаба. Половина одиннадцатого.

— Ночь не молодеет.

Парень склонил голову набок.

— Что скажешь, Саид? Похожа Шадия на дело-

вого партнера?

Сидевший рядом товарищ Гамаля ненадолго прекратил обкусывать ногти, чтобы пробормотать: «Давай с этим покончим, ладно?» Долговязый юнец со своими ушами-лопухами и нимбом кудрявых волос выглядел даже младше Гамаля. Его взгляд никогда не встречался с Фатимой, и агент надеялась, что мальчишка обманулся личностью, которую она отыгрывала: юная прожигательница жизни, готовая хорошо заплатить за ворованный товар.

— Тогда давайте переберемся в место потише, — предложил Халид. Он указал в глубину кофейни и поднялся. Фатима приготовилась вставать, пригладила копну коротко стриженных черных кудрей, прежде чем вновь водрузить на голову котелок. Она остановилась на полпути, заметив, что ни один из юношей не пошевелился.

— Нет, — сказал Гамаль. Саид, похоже, удивился не меньше, чем остальные.

— Нет? — То, как Халид протянул слово, могло устрашить любого. Но не этого парнишку.

— Будешь прятаться в секретных местах — и люди могут неправильно понять. Могут дождаться нас на обратном пути, чтобы узнать наши секреты. Мы можем заняться делом прямо здесь.

В чем проблема? Валлахи, никто даже внимания на нас не обращает.

Фатима не сомневалась, что все окружающие полностью сосредоточили на них все свое внимание. В подобных местах глаза отрастали на твоем затылке, висках и макушке. Все-таки в чем-то парень прав. Она поймала вопросительный взгляд Халида. Он выглядел готовым выхватить юношу из кресла. Но, как бы забавно это ни было, лучше, пожалуй, не устраивать сцену. Она снова опустилась на свое сиденье. Халид вздохнул и последовал за ней.

— Значит, давай показывай, — потребовала Фатима.

Саид снял с плеча коричневый портфель и поставил его на стол. Когда он забрался внутрь, рука Фатимы сжалась на львиноголовом набалдашнике трости. Терпение.

— Погоди. — Гамаль выставил руку. — Покажи деньги.

Фатима сильнее сжала трость. Парень начинал раздражать.

— Так дела не делаются, — заворчал Халид.

— Я их делаю так, дядя. — Его взгляд застыл на Фатиме. — Они при тебе?

Фатима ответила не сразу. Вместо этого она

встретила его взгляд — пока часть бравады не поугасла. Только затем она достала из пиджака свернутые в трубку банкноты. Сине-зеленая бумага, скрепленная королевской печатью, заискрилась в глазах парня, и он облизал губы, прежде чем кивнуть. Саид расслабился и достал из портфеля объект. У Фатимы перехватило дыхание.

Он выглядел как бутылка, сделанная из металла вместо стекла, с грушевидным дном, инкрустированным цветочным золотым орнаментом, который поднимался к длинному горлышку. Позеленевшая поверхность напоминала бронзу, но Фатиме казалось, что это медь.

— Старая штуковина, — заметил Саид, водя пальцем по гравировке. — Думаю, где-то периода Аббасидов. То есть не меньше тысячи лет.

Хороший глаз. Значит, за этим нервным взглядом скрывался знаток.

— Мы ее нашли, когда рыбачили. Я думал, она предназначалась для парфюмов, или ее использовали древние алхимики. Но это… — Его рука потянулась к пробке, поверх которой была керамическая печать с вытравленным на ней драконом. — Никогда такого не видел. Может, китайская? Тан? Язык тоже не узнаю. И воск све-

жий, будто его только вчера заливали…

— Ты ничего не трогал, так ведь? — перебила Фатима.

Резкость ее тона заставила его глаза расшириться.

— Халид Уста сказал, что нельзя. Что нетронутая печать — это часть сделки.

— Рада, что ты послушался. Иначе мы все зря потратили время.

— Айва, — вздохнул Гамаль. — Что я хочу знать, так это что в ней такого особенного? Мы с Саидом много мусора находим. Каждый день, валлахи. Все, что люди выбрасывают в Нил, возвращается снова. Мы продаем это богатеям вроде тебя. Но никто еще не предлагал так много, валлахи. Я слышал, другие вещи…

— Гамаль, — перебил Саид. — Не время опять начинать.

— Я думаю, как раз время, — ответил Гамаль, не сводя глаз с Фатимы. — Моя старенькая сетти[2] любила рассказывать истории о джиннах, которых запирали в бутылках и бросали в море — задолго до того, как аль-Джахиз вернул их в наш мир. Она говорила, что иногда их находили

---

[2] Примечания: 2
Бабушка.

рыбаки, и когда они освобождали джинна, тот исполнял их величайшие желания. Валлахи! Три желания могут сделать тебя королем или самым богатым человеком в мире!

— Я похожа на твою сетти? — спросила Фатима. Но на этот раз бравада паренька не угасала.

— Сделки не будет, — внезапно сказал он. Гамаль схватил бутылку и запихнул ее назад в портфель. В сердце своем Фатима взвыла.

— Йа Аллах! Что ты делаешь? Нам нужны эти деньги! — всполошился Саид.

Гамаль укоризненно поцокал языком.

— А! Валлахи, у тебя только на книги мозгов хватает! Подумай! Если эта бутылка то, что я думаю, — то, чем *она* ее считает, — мы сами ее можем использовать! Пожелать, чтобы деньги дождем на нас сыпались! Или целую пирамиду в золото превратим!

— Вы двое совершаете ошибку, — предупредил Халид. Его лицо потемнело, как шторм, а белые волосы окружали его гневными облаками. — Соглашайтесь на сделку, и каждый пойдет своим путем. Видит Милосердный, будет неумно…

— Неумно? — хмыкнул Гамаль. — Ты теперь шейх? Хадисы зачитывать будешь? Тебе нас не запугать, старик. Ты очень хотел забрать бутылку,

когда мы к тебе пришли. Затем, когда мы отказались, тебе еще больше захотелось договориться о сделке. Вы двое сговорились? Думаете, сможете нас надуть? Лучше поосторожней. Одно желание мы можем потратить на вас, валлахи!

Фатима услышала достаточно. Должна была сообразить, что честным торговцем парень не будет, особенно со всеми этими «валлахи», которые он повсюду разбрасывал. Тем, кто постоянно клянется Богом, доверять нельзя. Вот тебе и простое решение. Она достала из пиджака кусочек серебра и выложила его на стол. Старое министерское удостоверение было пухлой стопкой бумаги с дагеротипом. Они перешли на жетоны в прошлом году — с алхимической фотографией, вплавленной в металл. Не то чтобы засветка прикрытия выступала у нее планом номер один. Но зрелище, как от лица Гамаля отливает наглость, стоило того.

— Ты из министерства? — прохрипел Саид.

— Другими путями этот значок трудновато добыть, — ответила она.

— Ты врешь, — запинаясь, сказал Гамаль. — В министерстве нет женщин.

— Вам двоим стоит чаще читать газеты, — вздохнул Халид.

Гамаль затряс головой.

— Я не верю. Ты не…

— Кхаллас![3] — прошипела Фатима, склоняясь вперед. — Все кончено! Вот, что ты должен знать. В этой комнате еще четыре агента. Видишь того мужчину у двери? — Она не стала оборачиваться, пока парочка присматривалась. — Вон еще один, заговаривает народу зубы, за столиком справа. И третий наслаждается игрой в тавлею и кальяном слева. Даже не буду говорить, где четвертый.

Они крутили головами, как сурикаты. Саид заметно дрожал.

— Вот что произойдет дальше. Ты отдашь бутылку. Я заплачу половину того, о чем договаривались — за дополнительные сложности. И я не стану тебя забирать на допрос. Договорились?

Саид кивал так быстро, что уши развевались. Гамаль, однако, был не таков: он нервничал, но не сдался. Его глаза метались от нее к значку, затем к сумочке и обратно. Когда челюсть парня сжалась, Фатима выругалась про себя. Дурной знак.

Во взрыве движения Гамаль перевернул стол. Халид растянулся на полу, из-под него вылетел стул. Фатима удержалась, отшатнувшись назад.

---

[3] Примечания: 3
Достаточно, хватит.

Гамаль стоял с бутылкой в одной руке и небольшим ножом в другой. Вот тебе и не устроили сцену.

— А теперь мои условия! Ты нас отпустишь! Или я сломаю печать и посмотрим, что случится!

— Гамаль! — запротестовал Саид. — Мы можем просто уйти! Нам не нужны…

— Не тупи! Она нас не отпустит! Они нас заберут, и наши семьи никогда нас больше не увидят! Будут с нами эксперименты проводить! Или скормят гулям!

Фатима нахмурилась. У людей было очень странное представление о том, что происходило в министерстве.

— Ты понятия не имеешь, что делаешь. И отсюда не уйдешь. Не с этой штукой. Теперь отдай бутылку. Последний раз прошу.

Лицо Гамаля исказилось. Он зарычал сквозь сжатые зубы и полоснул ножом по восковой печати, которая сломалась и слетела с горлышка.

На мгновение наступила тишина. Вся ахва повернулась поинтересоваться суматохой. Но их взгляды больше не устремлялись на маленькую женщину в белом западном костюме, большого мужчину, которого знали как местного букмекера, поднимавшегося с пола, или двух юношей,

стоящих за перевернутым столом.

Вместо этого они с открытыми ртами уставились на предмет в руках одного из юнцов — старую антикварную бутылку, из которой изливался яркий, зеленый дым. Словно зачарованный муассель, но в больших объемах. Он сгущался в нечто более вещественное, чем любая иллюзия. Когда дым рассеялся, на его месте оказался живой, дышащий гигант: с кожей в изумрудной чешуе и головой, увенчанной изогнутыми костяными рогами, которые цепляли потолок. На нем не было ничего, кроме обширных белых шаровар с широким золотым поясом. Массивная грудь поднялась и опала с несколькими вдохами, а затем он открыл три глаза — каждый горел, словно небольшая, но яркая звезда.

Даже в мире, оставленном после себя аль-Джахизом, не каждый день можно увидеть, как джинн-марид просто… появляется. Именно этого сценария Фатима отчаянно пыталась избежать, а теперь он разыгрывался прямо перед ней. Перед тем как снова броситься в бой, она позволила себе краткий приступ паники.

— Не двигайтесь. Говорить буду я…

— Нет! — выкрикнул Гамаль. — Он наш! Ты его не получишь!

— Он не принадлежит!..

Но парень уже размахивал перед джинном опустевшей бутылкой.

— Ты! Смотри на меня! Это я тебя освободил! — Молча обозревающий комнату марид повернул к нему своей пылающий взгляд. Любому другому этого было бы вполне достаточно, чтобы сжаться от страха. Но этот парень — довольно глупо — стоял на своем: — Так-то! Мы тебя освободили! Саид и я! Теперь ты нам должен! Три желания!

Марид уставился на парочку, затем проронил одно слово, которое загромыхало и отдалось эхом по ахве:

— Свободен. — Он снова сложил это слово между губами, обрамленными курчавой белой бородой. — Свободен. Свободен. Свободен. — Он расхохотался, смех был похож на гулкий рев, от которого у Фатимы заныли зубы. — Прошла целая вечность с тех пор, как мне приходилось говорить на этом языке смертных. Но я помню, что означает «свобода». Не быть связанным. Не быть скованным или заключенным. — Его лицо скривилось в нечто ужасное. — Но я не был связан, или скован, или заключен. Никто не лишал меня свободы. Я спал по собственному выбору. А ты меня разбудил, незваный, непрошеный,

нежеланный — чтобы я исполнил твои хотелки. Ну что ж. Я исполню лишь одно твое желание. Ты должен выбрать. Выбирай, как ты умрешь.

Этого хватило. Люди вскочили со стульев и из-за столов и устремились к выходу. Даже обслуживающий персонал присоединился к паническому бегству. Владелец ахвы исчез в подсобке, не забыв запереть за собой дверь. Заведение мгновенно опустело, остались лишь Фатима, Халид, двое юношей и один марид с тяжелым характером.

Гамаль выглядел потрясенным — а Саид готовым упасть в обморок. Фатима покачала головой. Вот почему нельзя шататься по округе и вскрывать загадочные бутылки. Почему людям так сложно это понять? Ну, пора отрабатывать зарплату.

— О Великий! — позвала она. — Услышь мою мольбу за этих двоих, что нанесли тебе обиду!

Марид повернул рогатую голову, огненный взгляд сосредоточился на следовательнице.

— Ты бывала в компании другого джинна. — Чуткий нос втянул воздух и сморщился в отвращении. — Помимо других существ. Ты смертная чародейка?

— Не чародейка. Просто по работе приходится сталкиваться с магией.

Похоже, марид принял ее ответ. Или ему было все равно.

— Ты хочешь говорить в защиту этих двух, — когтистая лапа махнула в сторону Гамаля и Саида, — дураков?

Фатима сдержала улыбку.

— Да, Древний. Этих двух *дураков*. — Она одарила Гамаля взглядом. — Наверняка такой могущественный и мудрый джинн, как вы, достаточно великодушен, чтобы не обращать внимания на грубость, которую проявили два *глупых* мальчишки.

Марид скрипнул острыми зубами.

— Лицемерная лесть смертных. Я помню ее. Знаешь ли ты, нечародейка, почему я погрузил себя в сон? Потому что я устал от твоего вида. Жадные. Корыстные. Постоянно в поисках, как бы утолить свои желания. Меня тошнило от вашего вида. От вашей вони. От ваших маленьких уродливых лиц. Я спал, чтобы от вас сбежать. В надежде, что, когда я проснусь в следующий раз, вы исчезнете. Что вас сразит благословенная болезнь. Или выкосит одна из ваших бесконечных войн. Тогда мне не придется слышать вашу мартышечью болтовню. Никогда снова не нужно будет говорить на вашем невразумительном

языке. Но вот он я. А вы все еще здесь.

От его тирады Фатима зажмурилась. Из всех джиннов, кого эта парочка могла пробудить, они выбрали расиста.

— Точно. Древний, вы можете возвращаться ко сну. Можете спать сколько захотите. Я даже удостоверюсь, чтобы ваш сосуд отослали подальше. Где вас не побеспокоят. — «Может быть, в сердце вулкана», — подумала она.

Марид смотрел на нее с лицом мясника, которому коза проблеяла просьбу убрать нож.

— И почему же, нечародейка, я должен снизойти до сделки с тобой? Когда я могу просто вырвать твою голову из шеи? Заляпать эти стены твоими кишками? Или наполнить твой живот изголодавшимися скорпионами?

Фатима не сомневалась в его угрозах. Из всех классов джиннов мариды были самыми могущественными и древними — они обладали сверхъестественной силой и устрашающей магией. Но если этот полупроснувшийся тиран думал, что она испугается его угроз, его ждал сюрприз. Она заломила котелок под поистине надменным углом и подошла к огромному мариду ближе, вытягивая шею, чтобы встретиться с его тремя горящими глазами.

— Вы по меньшей мере тысячу лет провели в добровольном изгнании в этой бутылке. Так что давайте я помогу наверстать. В мире больше болтливых смертных, чем вы можете предположить. Гораздо больше. И вашего вида тоже, они переселяются в наш мир. Теперь джинны живут среди нас. Работают с нами. Следуют нашим законам. Хотите размазать меня в фарш? — Она пожала плечами. — Вперед. Но вы за это поплатитесь. И люди, на которых я работаю, способны даже бесконечный сон в бутылке сделать крайне неприятным. Попробуйте расширить взгляд третьего глаза. Посмотрите, во что превратился мир, пока вы спали.

Марид отреагировал не сразу. Наконец он закрыл оба глаза и расширял третий, на лбу, пока тот не засиял. Когда он снова открыл остальные глаза, они выглядели ошеломленными.

— Ты говоришь правду. Твой вид действительно приумножился. Как саранча! И в этом мире так много джиннов. Работающих среди смертных. Живущих среди них. Сношающихся с…

— Да, они все это делают, — перебила Фатима.

— Омерзительно.

— Такова реальность. Что возвращает нас к нашим переговорам. Уверена, вы предпочтете

вернуться ко сну. Выждать и посмотреть, как все сложится. Мое предложение все еще в силе. Даю слово.

Марид фыркнул.

— Слово смертной? Пустое и быстротечное, как вода. Оно ничего не стоит. Дай мне что-нибудь, что может связать. Что-нибудь, что заставит тебя сдержать обещание.

— Моя честь, в таком случае.

— Что мне честь смертной? Ты испытываешь мое терпение, нечародейка. Сделай предложение достойным моего внимания или не предлагай ничего.

Фатима сжала зубы. Проклятые джинны и их любовь торговаться! Она могла отдать еще одну вещь. Хоть и ненавидела эту мысль. Но других вариантов не наблюдалось.

— Чтобы скрепить договор, — сказала она, — я предлагаю свое имя.

Это заставило марида поднять брови. Джинны дорожили именами. Они никогда не выдавали своих истинных имен, вместо этого брали названия географических объектов — городов, рек, горных хребтов. Либо принимали величественные титулы, вроде Королевы Магии или Владыки Четверга. Совершенно невыносимые существа.

Однако, судя по его выражению лица, даже в именах смертных была какая-то ценность.

— Твое *истинное* имя, — потребовал он.

Фатима вознегодовала, но кивнула в согласие.

— Предложение принято. Но остается еще вопрос с выполнением желаний этих дураков.

— Что вы имеете в виду? Мы только что с ним разобрались! — вскинулась Фатима.

Губы марида собрались в ухмылку.

— Наша договоренность, нечародейка, состоит в том, что я вернусь в свой сосуд, а ты обеспечишь мне спокойный сон. О том, чтобы я пощадил этих двоих, ничего не говорилось. Нас все еще связывает желание.

— Это подразумевалось! — Но даже когда она произносила эти слова, Фатима знала, что сама допустила ошибку. В обменах с джиннами следует соблюдать осторожность. Они интерпретировали каждое слово буквально. Вот почему в эту эпоху из многих джиннов получились хорошие юристы. Она выругалась и попыталась привести мысли в порядок.

— Значит, желание до сих пор действительно? — спросила она.

— Что было прошено, то будет дано.

— Но вы уже установили параметры.

Марид пожал плечами и бросил угрожающий взгляд на зримо вздрогнувших Гамаля и Саида.

— Вопрошателю стоило внимательнее отнестись к уточнению своих желаний.

— Значит, все, что они могут получить от желания, — это смерть?

— Под конец она приходит к каждому смертному.

Едва ли справедливо. Но справедливость обычно мало значила в сделках с бессмертными. Мозг Фатимы работал над решением. Этот марид прожил бесчисленное количество жизней и очень хорошо разбирался в контрактах. Но она агент министерства. А значит, должна защищать людей от мира сверхъестественного и магического — даже если они сами, по глупости, бросаются в него с головой.

— У меня есть предложение, — наконец сказала она, старательно подбирая слова. — В качестве их желания я прошу даровать двум дуракам смерть — от старости, в их кроватях, в конце естественно отведенного срока жизни.

То было прекрасное зрелище — видеть, как с лица марида испаряется высокомерие. Фатима ожидала, что он начнет протестовать, искать слабости в ее логике. Но вместо этого он всего

лишь кивнул — заново ее оценивая, — а затем улыбнулся ужасной улыбкой.

— Неплохо сыграно, нечародейка, — провозгласил он. — И по рукам.

* * *

Спустя полчаса Фатима стояла, протирая свой значок. Где-то в промежутке между переворачиванием стола и паническим бегством клиентов ахвы он оказался посреди комнаты. Халид обнаружил его в кучке рассыпанного пепла.

— Других агентов не было, так ведь? — спросил дородный мужчина, поднимая чашку чая. Он умудрился выманить владельца из подсобки и убедить заварить чай.

Фатима разминала слегка побаливающее плечо. Она его ранила в деле прошлым летом. И хотя плечо быстро зажило, временами его прихватывало.

— Хорошо, что они этого не знали.

Халид усмехнулся, поглядывая на Гамаля и Саида, сидевших с потерянными лицами, пока сотрудники министерства в черных формах их допрашивали.

— Здорово придумала, как их спасти. Я уж подумал, что марид тебя сделал.

— Где-то с минуту и я так думала.

Халид расплылся в улыбке, потом его лицо приняло серьезное выражение.

— Знаешь, что ты сделала? Знаешь, что ты им подарила?

Фатима знала с момента, когда произнесла эти слова. Гамаль и Саид практически гарантированно доживут до старости. Им никогда не придется переживать, что их собьет автомобиль. Или что они упадут с крыши здания. Даже пули им не страшны. Сила марида защитит их до конца их смертных жизней.

— Не думаю, что они уже поняли, — задумчиво произнес Халид. — Но со временем они сообразят. Думаю, что Саид воспользуется даром правильно. Мальчик хотел деньги, чтобы поступить в училище. Но Гамаль… этот тушь с ресницы украдет, и ему все равно будет мало.

— Хуже того, — сказала она. — Их желание дарует долгую жизнь. Но не уточняет, как они ее проведут. Их всю жизнь может мучить страшная болезнь, а умереть они не смогут. Или они попадут в катастрофу, после которой будут страдать невыносимыми болями. Их «дар» может легко превратиться в тюрьму.

Халид медленно опустил чашку и пробормотал

молитву. Многие люди этого не понимали. Магия не выносила дисбаланса. И всегда взимала плату.

— Значит, я за ними пригляжу, — мягко проговорил он, прежде чем добавить: — Спасибо, Джахиз.

Фатима кивнула знакомому каирскому сленгу — благодарность суданскому мистику произносили с похвалой, сарказмом или гневом. Именно аль-Джахиз около сорока лет назад пробурил дыру в Каф, измерение джиннов. Она была достаточно юной, чтобы родиться в мире, оставшемся после исчезновения этого ученого. Порой он все еще вызывал головокружение.

— Знаешь, парень был прав. — Фатима пристально на него посмотрела. — Ты не обязан был мне сообщать. Мог оставить бутылку себе. Попробовать загадать собственные желания.

— И рискнуть проклятием Мухаммеда Али? Помилуй Аллах.

Еще один пример каирского сленга. Мухаммед Али-паша[4], Мухаммед Великий, по слухам, закрепил свою силу с помощью джинна-советника — который его бросил во время величайшей нуж-

[4] Примечания: 4

В нашем мире известен как Мухаммед Али Египетский (1769–1849). Реформатор и военачальник, под конец жизни сошел с ума.

ды, отвечая на мольбы старого хедива[5] смехом, отдающимся у паши в голове. Когда стареющего правителя принудили отречься от престола, в слабости его ума многие винили проклятие джинна.

— В отличие от молодежи, — продолжил Халид, — я знаю разницу между тем, что я хочу, тем, что мне нужно, и тем, что попросту может меня убить. Кроме того, я думал, что все эти разговоры о джиннах в лампах — французская писанина. — Он перевел взгляд на сверхъестественных криминалистов, которые осторожно помещали сосуд марида в деревянный ящик для перевозки. Они снова как следует запечатают бутылку и найдут место для хранения — позволяя ее вспыльчивому владельцу дожидаться гибели человечества.

— С лампами перегнули, — сказала Фатима. — Бутылки, с другой стороны…

Не успела она договорить, как заметила идущего к ним мужчину. В красном кафтане, значит, не со сверхъестественными криминалистами. Со второго взгляда и вовсе не мужчину — авто-

---

[5] Примечания: 5

Вице-султан, титул, который турецкие султаны давали некоторым правителям Египта в период зависимости от Османской империи. Имел больший вес, чем титул наместника.

евнуха. Судя по грациозной фигуре и элегантной походке, одна из последних моделей курьеров.

— Доброго вечера и простите за вторжение. — Робот остановился и заговорил: — У меня сообщение для получательницы: агента Фатимы эль-Шаарави. Отправитель: Министерство алхимии, заклинаний и сверхъестественных сущностей.

— Это я, — сказала Фатима. Сообщение в такой-то час?

— Это конфиденциальное сообщение, — сказал механический человек. — Требуется идентификация.

Фатима подняла значок к сенсорам гладкой пластины лица автоевнуха.

— Идентификация подтверждена. — Механические пальцы извлекли тонкий цилиндр и вручили его Фатиме. Она открыла футляр, развернула записку и быстро ее просмотрела.

— Еще работа? — спросил Халид.

— Айва[6]. Похоже, придется съездить в Гизу.

— Гиза? Судя по всему, особо поспать не получится.

Фатима запихнула записку в карман.

---

[6] Примечания: 6
Да (*егип. диалект*).

— Сон для мертвых. А я планирую много жить.

Большой мужчина улыбнулся.

— Иди с миром, следователь, — крикнул он, когда она уходила.

— Храни тебя Аллах, Халид, — ответила она перед тем, как ступила из ахвы в ночь.

Глава третья

На автоматическом колесном экипаже до Гизы в это время ночи можно добраться где-то минут за сорок пять. Но Фатима не могла дождаться, когда дотянут ветку воздушных трамваев. Министерство транспорта утверждало, что поездка будет занимать четверть от этого времени.

По дороге она подводила итоги сегодняшним событиям. Ей понадобилось несколько дней, чтобы дожать наводку Халида. Идентифицировать бутылку. Условиться о встрече и создать фиктивную личность. Она даже приобрела новый костюм — идеальная маскировка под эксцентричную прожигательницу жизни. Все прошло не совсем по плану. Но опять же, а когда все шло по плану? Кто мог подумать, что у парнишки хватит духу вызвать джинна-марида, а потом еще желания потребовать?

— Сердце дурака всегда на кончике его языка, — пробормотала она. Одна из поговорок ее мамы, по любой причине или случаю. Конечно, это Египет. Подобные высказывания можно услышать повсюду, их произносили сотни губ, и часто их никто не просил. Только ее мама использовала

их после каждой второй фразы. Наверняка это какой-то рекорд. И не только в Египте. Неведомо, откуда она их брала. Папа часто шутил, что, должно быть, она начала с рождения, попрекала ими повитуху и продолжала до самого субу[7].

Мысли о матери, как всегда, напомнили ей о доме. Она не была там несколько месяцев. Даже на Ид[8]. «Слишком много работы», — говорила она семье. Не то чтобы она по ним не скучала. Но каждый раз, когда Фатима приезжала в деревню, все в ней казалось таким маленьким. Она еще помнила, когда Луксор казался самым большим городом в мире. Но по сравнению с Каиром он выглядел разросшимся поселком, полным старых руин.

Блики света заставили ее выпрямиться и выглянуть в окно, где она столкнулась с призраком своего отражения: темные овальные глаза, мясистый нос, полные, твердые губы. Она прибыла в Гизу. Город разрастался, наполняясь приезжими, которые сбежали из тесных кварталов Каира. На

---

[7] Примечания: 7

Семейное празднование рождения. Происходит на седьмой день после рождения.

[8] Примечания: 8

Ид-аль-Фитр — исламский праздник в честь окончания поста в Рамадан.

плато расстилались мощеные улицы и здания новой постройки — освещенные электрическими лампами в виде лотосовидных колонн[9] неофараонского стиля. Над крышами выдавались фермы недостроенной причальной мачты, где грузовые дирижабли вскоре будут становиться в док, превращая это место в торговый узел. Все же, чем бы там ни становилась Гиза, ее прошлое продолжало бросаться в глаза — пирамиды за городом нависали над ним, словно горы.

Имение Уортингтона состояло из квадратов и прямоугольников, будто несколько зданий произвольно выстроили друг за другом — так, чтобы они вытягивались в длину. Архитектура была в традиционном стиле, с башенками, минаретами и колоннадами бежевого камня, подчеркнутого темными деревянными балюстрадами и портиками. Имение располагалось в еще более крупном саду: оазис пальмовых деревьев и тенистых кустов, воплощающий образ парящего над океаном песка острова.

Экипаж остановился у входа в имение и выпустил Фатиму. У ворот было припарковано

---

[9] Примечания: 9

В архитектуре Древнего Египта колонна в виде пучка лотосов из шести-восьми стеблей, стянутых пятью кольцами, у верхней части почти нераспустившиеся бутоны.

несколько других повозок с синими и золотыми цветами каирской полиции. Поднявшись по лестнице, следователь постучала тростью в дверь. Ей открыл высокий старик в белой галабее.

— Доброй ночи, молодой мастер… — начал он на английском, затем остановился, на костлявом лице появилось любопытство. Снова он заговорил уже на арабском. — Доброго вечера, дочка. Я Хамза, ночной дворецкий в этом доме. Чем могу помочь?

Фатима спокойно восприняла и ошибку, и ее исправление. Костюм и мальчишечье лицо многих сбивали с толку при первом взгляде. При виде значка брови дворецкого поднялись еще выше. Но к этому она тоже привыкла. Широко распахнув дверь, Хамза слегка поклонился и проводил ее внутрь.

Они стояли в просторной, похоже, гостиной. Винтажные, инкрустированные серебром лампы свисали с высокого потолка темного дерева, их свет отражался от пола — пространство белых плит в форме звезд. Стены были украшены разнообразным антикварiатом: от полной жизни сефевидской[10] картины, изображающей игро-

[10] Примечания: 10
Шахская династия в Иране с 1501 по 1722 год.

ков в поло, до пары мечей в красно-коричневых кожаных ножнах. Их разбивали четыре лукообразных, равноудаленных арочных прохода, и ночной дворецкий провел Фатиму сквозь один из них вниз по не менее изобильному коридору. Яркие ковры свисали со стен, подобно гобеленам: красные цветы Тебриза[11], бордовые цвета Анатолии[12], зеленые, с желтыми принтами Бухары, и все это рядом с деликатной решеткой машрабии[13]. Пока агент их разглядывала, до ее ушей донесся слабый звук. Словно звон металла. Затем он исчез.

— Жаль вас принимать в нашем доме в подобное время, — сказал дворецкий. — Это пятнает красоту, заложенную в его создание.

— Сколько вы работаете в имении, дворецкий Хамза?

— С самого начала. Уже больше десяти лет. И видел, как дом лорда Уортингтона вырос до нынешнего великолепия!

---

[11] Примечания: 11

Город в Иране, бывшая столица Сефевидского государства, начиная с V века прославился своими коврами работы азербайджанских мастеров.

[12] Примечания: 12

Турецкий полуостров.

[13] Примечания: 13

Узорная деревянная решетка.

Фатима не была уверена, что назвала бы этот сказочный дворец великолепным. Но каждому свое.

— Вы были близки с лордом Уортингтоном?

— Хозяин должен держать дистанцию со слугой. Но лорд Уортингтон всегда обращался со мной с уважением. Такое нечасто встречается. — Они остановились у лестницы. — Остальные собрались наверху. — Он запнулся, лицо помрачнело. — Что бы вы там ни нашли, это лишь сосуд, а не человек. Все мы принадлежим Аллаху. И к Нему должны вернуться.

Он откланялся, оставляя Фатиму взбираться по лестнице, которая вполне могла оказаться самой длинной в мире. К тому моменту, как она добралась до вершины, она, может, и не запыхалась. Но была близка к этому. Откуда-то слева доносились голоса. Сморщив нос от ужасного запаха, она проследовала к их источнику.

В комнате, которую обнаружила Фатима, не было дверей. Одна висела на петле. Вторая лежала в щепках на полу. Проходя мимо них, следователь обратила внимание на расколотый деревянный засов, после чего стала осматривать остальное. Круглую комнату наполняли люди. Полицейские. Легко опознаваемые по пиджакам и штанам цве-

та хаки. Они суетились под необъятной медной люстрой, освещающей кровавую сцену.

Полученное Фатимой послание было коротким и по существу: поступил рапорт, что в имении Уортингтон погибли люди; проверить сверхъестественную активность. Сообщение едва ли передавало ужас произошедшего. Покрытые белыми простынями тела устилали мраморный пол. После быстрого подсчета у нее получилось двадцать человек. Остальные находились на столе в задней части зала. Ужасный запах теперь почти сбивал с ног. Пахло не просто горелым. Медным, почти железным. Как самый неаппетитный шашлык.

Она все еще осмысливала сцену, когда к ней подошел полицейский. Где-то ее возраста — двадцать четыре, может, двадцать пять лет. Но он сразу набросился на Фатиму, грудь колесом и с гримасой на лице, словно пытаясь вытащить младшую сестру из гашишного притона.

— Ты! Сюда нельзя! Это место преступления!

— Это объясняет мертвые тела.

Он глупо моргнул, и Фатима вздохнула. Обидно растрачивать хороший сарказм. Она достала значок, полицейский прищурился на него, потом на нее, потом снова на значок, а затем его глаза

округлились.

— Это ты!

Фатиме пришлось усвоить, что «это ты» может означать множество вещей. Это ты, темнокожая саиди из глухой деревни. Это ты, женщина, в их глазах практически девчонка, которую министерство назначило специальной следовательницей — более того, определило в Каир. Это ты, агент со странностями, которая носит западные костюмы. Несколько других имели тенденцию быть менее вежливыми. Египет гордился своей современностью. Женщины посещали школы и заполняли его растущие заводы. Они работали учительницами и адвокатами. Несколько месяцев назад женщинам даже предоставили избирательное право. Ходили разговоры о политическом посте. Но многих все еще нервировало присутствие женщин в публичной жизни. А кто-то вроде Фатимы доводил их до ступора.

— Констебль! Ты надоедаешь агенту?

Фатима подняла взгляд к знакомому лицу — мужчина среднего возраста в полицейском пиджаке подороже и с золотыми эполетами. Он был тесноват для его высокой и плотной фигуры, так что живот предшествовал своему владельцу. Юный полицейский подпрыгнул, повернулся и

столкнулся лицом к лицу с инспектором Асимом Шарифом.

Асим служил в каирской полиции и выступал посредником в совместных делах с министерством. Неплохой человек — немножко вульгарный, но достаточно дружелюбный, когда не бурчал о трудностях современного мира. Он даже приспособился с ней работать. Настолько, насколько она могла ожидать. Асим свирепо смотрел на юного полицейского поверх длинных густых усов с сединой. В вечно изменчивых модных тенденциях Каира большие и вычурные усы впали в немилость, хотя все еще пользовались популярностью дальше на юг, что могли засвидетельствовать ее дяди, — и среди пожилых, консервативных каирцев вроде Асима. «Горделивые символы ностальгии», — полагала она. Его усы всегда напоминали Фатиме какого-нибудь древнего янычара, и сейчас они подергивались в раздражении.

— Я задал вопрос! Ты надоедаешь агенту?

— Нет, инспектор. То есть я не знал, кто она, что она инспектор. То есть…

Он сглотнул, и Асим набычился еще сильнее.

— Почему бы тебе не принести пользу. Сбегай на кухню и принеси мне кофе.

— Кофе? — пролепетал юноша.

— Кофе, — повторил Асим. — Не знаешь, что это такое? Мне нужно тебе объяснить? Может, начать рассказывать его историю? Нет? Тогда почему ты до сих пор здесь? Ялла![14]

Слегка спотыкаясь, юный полицейский заторопился прочь.

— Ты слишком этим наслаждаешься, — обвинила Фатима.

Губы Асима сложились в ухмылку.

— Знаешь, что забавно? Я даже не люблю кофе. На вкус, как обмывки. Зато я очень люблю обламывать новых рекрутов. — Он повернулся к Фатиме. — Добрый вечер, агент. Выглядишь очень, — он обвел взглядом ее костюм, — по-английски.

— Это американский костюм. Из Нью-Йорка.

— Не верю, что это место существует.

Она скорчила рожицу.

— Ну и дело у тебя здесь.

Асим почесал выбритый подбородок.

— Ты еще худшего не видела. — Он поманил ее за собой. — Надеюсь, мы тебя не разбудили. Но я решил, что стоит позвонить в министерство.

---

[14] Примечания: 14
Давай, вперед (*араб.*).

— И, конечно, ты попросил лично меня?

— Конечно. Я знаю, как сильно ты любишь сложные случаи.

— Знаешь, у меня ведь есть личная жизнь.

— В это я тоже ни на мгновение не поверю, — покачал он головой.

— Ну хотя бы в курс меня введи.

— Нам позвонили где-то ближе к десяти, — начал Асим. — Ночной дворецкий имения.

— Хамза. Встречала.

— Мужик был в панике. Зашел в зал и обнаружил тела. Звонил в каждое отделение, какое нашел, и орал об убийствах. Большинство здесь из полиции Гизы. Но они обратились за помощью в Каир. Мы приехали и нашли все это.

Они остановились у ряда белых простыней, пахнущих гарью. Или то были полицейские, которые собрались вокруг и дымили сигаретами «Нефертари»? Увидев инспектора, они спешно попрятали коричневые палочки. Асим терпеть не мог, когда курили на его месте преступления.

— Двадцать четыре трупа, — проинформировал он, отводя злобный взгляд от сотрудников. — Все сожжены до смерти, — добавил инспектор. — Я надеялся, если их накрыть, запах ослабеет.

— Ты позвонил в министерство из-за огня? —

Но стоило словам покинуть губы Фатимы, как она заметила очевидное. Никаких подпалин. На самом деле нигде не было следов обгорания.

Асим протянул платок.

— Тебе пригодится. Под простынями воняет, как горелые волосы.

Фатима присела рядом с ним на одно колено, и он отбросил покрывало. Даже с прижатым к носу платком вонь была сильной. Обожженный труп выглядел как обугленное дерево, почерневшая голова с опустевшими глазницами, из которых поднимался дымок. Кем бы он ни был, он умер с криком — в распахнутом рту виднелись закопченные зубы и пятнышки золотых пломб. Однако, что привлекало внимание, это его наряд: длинная черная мантия поверх темно-серого костюма с белыми перчатками и черной феской, все еще на голове, — и все это неповрежденное.

— Сгорела только плоть, — пробормотала она.

— Очень необычно для огня, как думаешь? — спросил Асим.

Фатима слушала вполуха, ее мозг перебирал различные контролируемые возгорания магического и алхимического происхождения: огни, способные плавить сталь, приставать к поверхностям, подобно маслу, или даже принимать форму

зверей. Огни, поглощающие плоть, но оставляющие одежду нетронутой? Это что-то новенькое. Достав пару министерских спектральных очков, она надела покрытый медью прибор и всмотрелась в тело сквозь круглые зеленые линзы. Магия была повсюду. Не только на одежде. Она покрывала труп тусклым, люминесцентным осадком.

— Они все такие? — спросила Фатима, снимая очки.

— Все до последнего. Ну, кроме нашего друга здесь. — Асим указал на труп, лежащий в стороне от остальных. Когда с него стянули простыню, открывшееся тело оказалось в той же незапятнанной одежде. Но что-то с ним было не так. Понадобилось мгновение, чтобы понять.

— У него голова в обратную сторону, — заметила она, не сумев удержать оторопь в голосе.

— Не каждый день такое видишь, так ведь? Мы тоже удивились, пока его не перевернули.

Фатима наклонилась, чтобы рассмотреть странное тело.

— Его лицо. Он не кричал. Умер не от огня. Это случилось до возгорания.

— Ты представляешь, сколько нужно силы, чтобы *такое* сделать с человеческим телом?

— Не могу сказать, что много об этом думала.

Но могу предположить, что требуется *нечеловеческая* сила?

Асим вздохнул.

— Когда мой дедушка был полицейским, самое большее, о чем ему приходилось переживать — это карманники. Мошенники, которые пытались избить рыночного инспектора. В самые оживленные дни мог попасться фальшивомонетчик. А что у меня? Сожженные магией тела и нечеловеческие убийцы.

— Это больше не Каир твоего дедушки, — парировала Фатима.

— Спасибо, Джахиз, — пробурчал Асим.

Фатима встала, глядя мимо накрытых тел, чтобы осмотреть сам зал. Она впервые обратила внимание на потолок, с его вогнутой поверхностью, напоминающей медовые соты. Мукарны. Персидский стиль. Синие стены с повторяющимися золотыми и зелеными цветами тоже были персидскими — но с налетом Андалузии и с арабской каллиграфией. Выстроившиеся по бокам колонны были марокканскими и с аятами из Корана. Мешанина, как и весь остальной дом.

На стенах тоже размещались предметы под стеклянными ящиками. Она заметила книгу, детали одежды и не только. Позади висел белый

флаг. Две пирамиды на нем смыкались в шестиконечную звезду с окруженным семью малыми звездами всевидящим глазом в центре. В каждом углу гексаграммы помещался знак зодиака с солнечным диском слева и полной луной справа. Странный коллаж окружал огненный змей, пожирающий свой хвост. Ниже располагался золотой скимитар над перевернутым рогами вниз полумесяцем. Ее глаза вернулись к черной феске, которая оставалась на голове мертвеца со свернутой шеей, на ней были те же золотой меч и полумесяц.

— Что это за место? — спросила она. — Кто эти люди?

Асим пожал плечами.

— Может, какой-то культ? Знаешь, как окциденталисты[15] любили наряжаться и притворяться древними мистиками. Орден того… Братство сего… — Он проводил ее до стола в форме полумесяца в задней части комнаты, за которым находились остальные тела. Часть из них остались, где сидели. Другие лежали на полу. Асим остановился у центра стола, сдергивая покрыва-

[15] Примечания: 15

В «Ориентализме» Эдвард Саид называет окциденталистом единую концепцию Запада, формулируемую незападными народами. Но отрицает ее существование.

ло, под которым скрывалась сидящая фигура в пурпурной мантии.

— Одно мы знаем точно, — сказал он, — это лорд Алистер Уортингтон. — Он поднял руку мертвого мужчины. На почерневшем мизинце было надето серебряное кольцо с печаткой. На плоской передней части был выгравирован герб: вздыбившийся грифон, сверху голова рыцаря и рука в доспехах с мечом. Внизу единственная прописная «У».

— Это *тот самый* Алистер Уортингтон.

— Английский Паша собственной персоной, — ответил Асим.

Фатима слышала это прозвище, как и само имя Уортингтона. Англичанин, который помог договориться об англо-египетской конвенции и добился специальных прав для нового правительства Египта. Его деньги и влияние поддерживали мирную, защищенную торговлю и строили Гизу.

— Английский Паша обнаружен убитым, — исправила она.

— Я надеялся, ты скажешь, что у них просто заклинание пошло наперекосяк, — поморщился Асим.

Фатима покачала головой.

— Я видела двери. Кто-то сюда ворвался. — Она

изучила тела. — Люди пытались от них сбежать. Тот, со сломанной шеей, — наверное, решил проявить храбрость. Пытался сражаться. Остальных сожгли заживо.

Асим кивнул. Скорее всего, он пришел к тому же выводу, но надеялся легко отделаться.

— Убийство. Ты хоть представляешь, сколько будет бумажной работы?

— Враги у Английского Паши имелись? — спросила Фатима, игнорируя вопрос.

— Богатые люди всегда имеют врагов. Так они обычно и становятся богатыми.

— Разве он не должен был помогать на королевском мирном саммите?

— Ты имеешь в виду тот, где пытаются остановить европейцев запустить свежий крестовый поход друг против друга? Думаешь, это может быть как-то связано?

— Не знаю, — ответила она. Зачем устраивать резню такого масштаба, чтобы убить одного человека? Нет, кто бы это ни сделал, время и место выбрали намеренно. Эту сцену хотели показать — словно кровавую картину. Она оглянулась на флаг. В самом низу было вышито *Quærite veritatem.* «Ищите истину», если она правильно перевела с латыни.

— Еще один момент, — сказал Асим. Он наклонился, чтобы поднять простыню со съежившегося тела на полу. Обгоревшее, как и остальные, но кое-что отличалось — жертва носила обтягивающее белое платье до лодыжек. — Единственная женщина в комнате, — заметил инспектор.

Более того. Ее шею окружало широкое ожерелье пестрых камней, свисая до груди. Усех — украшение, вышедшее из моды около двух тысяч лет назад. Фатима опустилась на колени, чтобы рассмотреть золотые сережки, проглядывающие под париком из черных косичек: резное изображение женщины с распростертыми крыльями.

— Еще кто-нибудь наподобие? — спросила следователь. — То есть, в… костюме?

Асим снял покрывало с другого тела. Под ним лежал мужчина с пятнистой шкурой гепарда на плечах. А она-то думала, что больше эта ночь ее ничем не удивит.

— Должно быть, они вечеринку затеяли, — предположил Асим.

Очень странную. Ее взгляд перескочил к другому телу, где из-под белого покрывала торчала рука — будто пыталась дотянуться назад, до мира. Она присмотрелась внимательнее. Обугленные пальцы сжимали платок с лавандовой «Д» кур-

сивом.

— Думаешь, некроманты сработали? — осведомился Асим. Его усы нервно дернулись. — Может, неудачная попытка создать гулей? — Инспектор во всем винил некромантов. Его послушать, так хозяева немертвых скрывались за каждым преступлением. И он ненавидел гулей. Впрочем, а кто нет?

— Вряд ли, — ответила она. — Создание гулей не включает превращение трупов в горючий материал. — Сама мысль об огненных гулях вызвала судорогу у усов Асима. — Кроме того, я не видела никаких таквинов[16] через спектральные очки. — Для создания гулей некроманты используют алхимическую субстанцию. Колдовство, которое она видела, было чем-то иным. — Свидетели? Ночной дворецкий?

Асим покачал головой.

— Похоже, когда лорд Уортингтон устраивал эти собрания, он отпускал *человеческую* прислугу. Ночной дворецкий прибыл после гуляний. Остаются только они. — Он махнул на строй автоевнухов, стоявших неподвижно, пока вокруг

---

[16] Примечания: 16

Цель некоторых мусульманских алхимиков, среди которых особенно выделяется Джабир ибн Хайян. В алхимическом контексте таквин обозначает создание искусственной жизни, вплоть до человеческой.

работали полицейские. В докладах утверждалось, что некоторые механические люди обрели самосознание — феномен, сбивавший министерство с толку. Не похоже на подобный случай.

— Однако кое-кто есть, — продолжил Асим. — Дочь лорда Уортингтона.

Фатима резко обернулась.

— Дочь? Почему ты раньше ее не упомянул?

Инспектор поднял руки.

— Она приходила в себя. Я тебя проведу. — Они вышли из комнаты и принялись спускаться по слишком длинной лестнице.

— Абигейл Делено Уортингтон. Похоже, она вернулась домой после происшествия. Ночной дворецкий обнаружил девушку в гостиной без сознания. Говорит, столкнулась с таинственной фигурой. Может, выживший. А может, преступник. Но лучше, если она сама объяснит. Просто, что бы ни случилось, не позволяй ей говорить с тобой по-арабски.

— Она говорит на арабском? — спросила Фатима.

— Ни в коем случае. Только она об этом не знает. Нам переводил ночной дворецкий. Но у тебя может получиться лучше.

У подножия лестницы они повернули вниз по

коридору, в конце которого два полицейских охраняли двойную дверь. Увидев Асима, они распахнули створки, предоставляя проход. Комната была столкновением архитектуры, определявшим остальной дом. Но вместо дорогих ковров и мечей ее занимали книги. Бесконечные книги на деревянных полках. Библиотека. Книги разбавляли картины в ярком ориенталистском стиле, многие изображали рушащиеся здания с благородными феллахами[17] или султанами в аляповатых нарядах. На других разыгрывались сладострастные сценки, где едва одетые алебастровые женщины бездельничали в окружении темнокожих прислужников.

В библиотеке собралось пять человек — не считая автоевнуха с подносом хрустальных графинов. Четверо стояли вокруг модного, цвета мха турецкого дивана с длинными изгибающимися серебряными ножками. По виду, его создали, чтобы в нем удобно было развалиться, но сейчас на диване сидела женщина, опираясь на груду лазурных подушек с горчичными кистями. Она была в свободном кремовом платье, выглядела на 25–26 лет, стройная и с длинной шеей, тем-

[17] Примечания: 17
Крестьяне (*араб.*).

но-рыжими волосами, ниспадавшими на лямки и ленты на ее плечах. Черты ее загорелого лица были подчеркнуто английскими: короткий острый нос и лицо почти в форме сердечка. Абигейл Уортингтон, предположила Фатима. В настоящий момент тонкий и невысокий мужчина с темными волосами в формальном вечернем пиджаке и серых штанах в полоску склонился перед ней на коленях и перевязывал девушке руку.

— Наконец-то вернулись! — сказал кто-то со злостью.

Фатима перевела взгляд на другого мужчину, чьи широкие плечи выпирали из черного жилета поверх частично расстегнутой белой рубашки с ослабленным галстуком. Его голову венчал нимб золотых кудрей, которые формировали щедрые бакенбарды.

— Вы попросту оставили нас запертыми и под охраной ваших жандармов? — напирал он на прекрасном английском. Его размахивающие руки расплескивали вокруг содержимое бокала.

— Уймись, Виктор, — гнусаво произнес его товарищ. — И без того все на нервах. — Крупный мужчина собирался спорить, но тут заговорила Абигейл Уортингтон.

— Перси прав, — мелодичный голос звучал

хрипловато. — Ссоры с этими людьми нам ничем не помогут. Они не могут изменить то, что случилось. — Она подняла голову, устремляя на них подпухшие красные глаза, на ее лице промелькнуло замешательство, когда она увидела костюм Фатимы. Она держалась лучше, чем другие женщины. Две другие стояли вытаращившись и шептались, прикрываясь ладонью. Когда Абигейл заговорила снова, она говорила на арабском: — Простите. Бренди. Виктор. Он пить. Очень. Делать глупый.

Фатима поморщилась. Асим не преувеличивал. Ее арабский был прямой атакой на уши. Следователь решила спасти их всех и ответила на английском:

— Ничего, мисс Уортингтон. У вас выдалась тяжелая ночь. Позвольте выразить соболезнования.

Сине-зеленые глаза Абигейл снова расширились при взгляде на Фатиму. Как и глаза ее компаньонов. Шептуньи тут же затихли.

— Вы говорите на английском! И с таким чудесным акцентом! Хотя не могу его определить. Восхитительно! — Она утерла слезы с щеки. — Благодарю вас. И прошу, просто Абби.

— Значит, Абби. Я агент Фатима из египетского

Министерства алхимии, заклинаний и сверхъестественных сущностей.

— Агент, — восторженно произнесла Абигейл. — Сначала ваша страна позволяет женщинам голосовать, теперь я узнаю, что они позволяют вам служить в полиции!

— Министерство — это не полиция. Я работаю с инспектором Асимом над… необычными делами. Боюсь, смерть вашего отца попадает в эту категорию.

Лицо Абигейл помрачнело, и она плотно сжала губы.

— Они не пустили меня посмотреть… — Она сглотнула. — Как я понимаю, был огонь?

— Да, и более того. — Фатима деликатно объяснила состояние тел.

— Мой Бог! — воскликнул Виктор. Он опрокинул бокал бренди. — Убийство! Значит, колдовство?

— Что это еще может быть? — прошептала Абигейл. — Бедный папа. Надеюсь, он не мучился. — Кажется, она снова готова была расплакаться, но прижала руку к оранжевой ленте у талии и продолжила ровным голосом: — Чем я могу помочь, агент?

— Инспектор Асим сказал, что вы с кем-то

столкнулись?

Абигейл вздрогнула.

— Да. Я только добралась до дома. Когда зашла, было до странности тихо. Я еще не выбралась из гостиной, когда появился *он*. Мужчина в черной мантии.

Фатима занесла информацию в блокнот.

— Не из ваших слуг?

Абигейл покачала головой.

— Можете его описать?

Выражение лица девушки стало неловким.

— Не совсем. На нем была маска. — Она прикоснулась к лицу, будто представляя ее на себе. — Золотая. С символами. Помню, что он был высокий. Очень высокий! И его глаза. Я никогда не видела таких глубоких глаз.

— Это он сделал? — Фатима указала на перевязанную руку.

Абигейл покраснела.

— Нет. Я… ну, понимаете, я потеряла сознание. Как только увидела того ужасного мужчину. Глупая я гусыня, упала на свою же руку. Перси, умница, ее перевязал.

— Сделал что мог, — приподнялся худой юноша.

— Можете еще что-нибудь рассказать о том

мужчине в золотой маске? — надавила Фатима.

— Я была в обмороке, пока меня не нашел Хамза, — с сожалением покачала головой Абигейл.

— Хотел бы я там быть, — выкрикнул разгоряченный Виктор. — Я бы показал этому дьяволу парочку приемчиков! — Он опрокинул еще один бокал и повернулся к Фатиме. — Я хочу знать, что вы с вашим инспектором делаете, чтобы задержать этого преступника! Разве вы не должны его преследовать?

Фатима смерила его бесстрастным взглядом. Хотя бы один такой попадался на каждом происшествии.

— Я не услышу ваше полное имя?

Он выпятил квадратный подбородок:

— Виктор Фицрой.

Будто это что-то значило.

— Прошу прощения за мои манеры, — примирительно произнесла Абигейл. — Это мои друзья. Вспыльчивый блондин — это Виктор. Мой доктор понарошку — Персиваль Монтгомери. — Мужчина с темными волосами ухмыльнулся сквозь короткие, но пышные усы. — А это Бетани и Дарлин Эджингтон, мои былые подруги по проказам. — Женщины кивнули, хоть кичливость в их карих глазах сохранялась. Сестры. Теперь

Фатима заметила: одинаковые вздернутые носы, темно-русые волосы и худые, вытянутые лица.

— Мы все вернулись, когда Абби позвонила, — сказал Персиваль. — Бедный старик Уортингтон. Пусть его душа покоится с миром.

Абигейл всхлипнула и промокнула глаза.

— Всего несколько вопросов. У вашего отца были враги?

— Враги? Кто бы захотел навредить моему отцу?

— Может, кто-нибудь из его сотрудников? Деловой соперник?

— Полагаю, подобная жуткая вещь могла произойти. Но я мало знаю о делах моего папы. Для таких вещей голова приспособлена у Александра.

— Александр?

— Мой брат. Он управляет коммерческими делами семьи. Он за границей.

Фатима торопливо добавила запись.

— Последний вопрос. Вы что-нибудь знаете о том, чем ваш отец занимался этим вечером? Кто все эти люди?

— Тайное братство. Одна из папиных причуд. Меня не слишком-то посвящали.

— Есть какие-либо причины считать, что у

братства могли быть враги?

— Не могу представить. Консервативные старики в глупых шляпах собирались, чтобы выпить и выкурить сигару. Кто их воспримет настолько серьезно, чтобы убить?

Фатиме хотелось указать, что кто-то именно так и поступил. Но она закрыла блокнот.

— Благодарю. Пусть память об отце остается в вашей жизни.

— Пожалуйста, агент, сделайте все, что можно, чтобы отдать этого убийцу под суд, — сказала Абигейл, в ее мокрых глазах стояла мольба. — Мой папа заслуживал большего.

Фатима кивнула, и они с Асимом покинули комнату. За дверью он окинул ее почтительным взглядом.

— Твой английский не хуже твоего костюма. Я только половину уловил. Что-нибудь выяснила?

— Кроме мужчины в маске? Немногое.

— Ну, будем работать с тем, что имеем. Мы послали весточку этому Александру. Допустим, он прибудет через несколько дней. К тому времени это дело попадет во все газеты. — Он тряхнул головой. — Бумажная работа будет невыносимой.

Она резко остановилась, когда кто-то завернул за угол, почти в них врезавшись. Юный поли-

цейский. В руках он держал чашку, пытаясь не пролить ее содержимое и не справляясь с этим. При виде Фатимы на его лице появилось удивление, а затем облегчение, когда он заметил Асима.

— Инспектор! Ваш кофе! — Он протянул чашку, на вид полупустую. Асим принял ее с равнодушным лицом.

— Агент Фатима, — поприветствовал полицейский, уже вежливее, чем прежде. — Вас я тоже искал. Кое-кто хочет с вами встретиться. — Он повернулся. — Она прямо за мной шла. Надеюсь, я не… а, вот она!

Фатима увидела другую фигуру, несущуюся по коридору. Молодая женщина в черном плаще и длинной темной юбке, которая шуршала при каждом шаге. Когда она их заметила, ее лицо просияло под небесно-голубым хиджабом.

— Добрый вечер, — поздоровалась она, переводя дыхание. Она посмотрела на Асима, а потом повернулась к Фатиме. — Агент Фатима, я все-таки сумела вас поймать. Хвала Аллаху!

Фатима с сомнением ее разглядывала.

— Не уверена, что мы встречались…

— А! Где моя голова? — Женщина принялась рыться в коричневой кожаной сумке, переброшенной через плечо. После неловкой паузы

она добыла нечто довольно неожиданное. Серебряный значок с ее портретом и словами «Министерство алхимии, заклинаний и сверхъестественных сущностей».

— Я агент Хадия, — сказала она. — Ваша новая напарница.

Фатиме показалось, что она почти слышит, как дергаются усы Асима.

Глава четвертая

Автоевнух в абиссинском кафе поставил на стол две белые фарфоровые чашки и удалился в жужжании шестеренок. Фатима заказала крепкий цветочный бленд из Эфиопии, быстро вытесняющий привычные турецкие смеси. Она отхлебнула. То, что надо, — ложка кофе, ложка сахара, как раз пены. Заведение скорее напоминало кафе, чем традиционную ахву, с его современной отделкой и клиентурой. К тому же кафе оставалось открытым всю ночь, и она часто сюда приходила в конце смены, чтобы расслабиться.

По крайней мере, так протекало большинство ее визитов.

Фатима отставила чашку, чтобы пробежаться по бумагам в лежащей перед ней папке. Во время неловкого и молчаливого возвращения из Гизы она уже их просматривала — минимум три раза. Или так, или пришлось бы поддерживать разговор. Теперь она читала вслух:

— Хадия Абдель Хафиз. Двадцать четыре года. Родилась в семье среднего достатка в Александрии. Изучала сравнительную теологическую алхимию в местном университете. Лучшая в

своей группе. — Она сделала паузу, подняла глаза. — Два года преподавала в Египетском колледже для девушек в Америке?

Хадия, сжимавшая чашку с черным мятным чаем, оживилась, оправила свой китель, — похоже, она обрадовалась, что ей наконец позволили говорить. Фатима почти забыла, как выглядит министерская униформа для женщин, поскольку сама давно уже от нее отказалась. Помимо кителя на девушке был слишком уж выделяющийся небесно-синий головной платок. Приверженцы традиций и египтяне из глубинки все еще неодобрительно относились к цветастым или узорчатым хиджабам, даже в Каире. Очевидно, она хотела создать образ абсолютно современной женщины.

— Думала, мой диплом будет полезен в королевской миссии, — ответила Хадия.

— В Америке не слишком-то любят алхимию, — вскинула бровь Фатима.

— Миссия в Нью-Йорке, в Гарлеме. Еще работала с иммигрантами в Бруклине — цыганами, сицилийцами, евреями. Их всех подозревают в насаждении «чуждых традиций». — Крупный нос сморщился в отвращении.

Объяснений не требовалась. Американский

антимагический закон был широко известен.

— Вернулась в Египет, где была принята в Академию министерства с первой попытки. Выпустилась в 1912 году, распределили в александрийское бюро. Но теперь вы здесь. В Каире. В качестве моей… напарницы. — Фатима закрыла папку, толкнула ее через стол. — Не каждый день новая напарница появляется на месте преступления со своим резюме.

Смуглые щеки Хадии вспыхнули румянцем, пальцы нервно сжали столешницу.

— Директор Амир планировал, чтобы мы встретились завтра. Но я и без того задержалась в министерстве, когда услышала о деле. Так что я поймала такси и решила представиться. Теперь вот думаю, что, может, и не лучшая была идея…

Фатима подождала, пока она умолкнет. Министерство настаивало, чтобы агенты брали напарников. Пока ей удавалось выкручиваться. Все знали, что она работает в одиночку. Уж точно Амир. Скорее всего, он планировал огорошить ее завтра, когда назначение будет официальным.

— Агент Хадия. — Женщина вскинулась, ее темно-карие глаза сосредоточились на Фатиме. — Мне кажется, здесь какая-то ошибка. Я не запрашивала напарницу. Ничего личного, просто

я работаю одна. Уверена, они могут приписать вас к кому-нибудь другому. В александрийском бюро есть следовательница — агент Самия. Одна из лучших женщин в министерстве. Могу написать письмо, если хотите. — Вот. Даже сочувствие на лице получилось изобразить. В жестокости нет нужды.

Хадия замерла, что-то прикидывая, поставила чай на стол.

— Мне говорили, что вы поначалу можете не согласиться взять напарницу. Когда я выпустилась, меня распределили к агенту Самие. Я отказалась. Сказала ей, что хочу работать с вами.

Фатима остановилась посреди глотка.

— Вы отказались работать с агентом Самией? Прямо ей в лицо? — Агент Самия была одной из самых впечатляющих женщин, каких она когда-либо встречала. Ей просто невозможно было отказать.

— Она пожелала мне удачи. И вот я здесь.

— Но почему вы хотите работать со мной? У Самии гораздо больше опыта.

— Почему я хочу работать с самой юной следовательницей, которая выпустилась из академии в двадцать? — На лице Хадии проступило искреннее изумление. — Которую приписали к

каирскому бюро? Которая стала специальным следователем всего за два года? Чьи дела изучают в академии?

Фатима хмыкнула. Вот так слава и портит жизнь.

— Думаю, вам стоит знать, что я не зря сегодня съездила в поместье Уортингтонов. — Хадия достала еще одну папку, открыла ее и положила на стол. Глаза Фатимы округлились. Зарисовки места преступления!

— Как вы?..

— У меня кузина в полиции. — Хадия усмехнулась, демонстрируя слегка выдвинутую верхнюю челюсть.

Фатима склонилась над рисунками, перебирая листы. К завтрашнему дню Асим пришлет всю информацию. Но он всегда зажимал зарисовки.

— Никогда не видела подобных ожогов, — заметила Хадия. — Какой-то алхимический реагент?

— Огонь слишком хорошо контролировали, — пробормотала Фатима. — Кто-то работал с магией.

— Вот это мне показалось интересным. — Хадия вытащила один из рисунков. На нем изображалась женщина. Она провела пальцем по широкому воротнику и серьгам. — Идолопоклон-

ница, так ведь?

Фатима присмотрелась, ее глаза сузились. Удачное наблюдение. Появление джиннов и магия, затопившая мир, влияли на веру людей самым странным образом. Разумеется, некоторые из них обратились к древнейшим египетским религиям, память о которых въелась в самый ландшафт.

— Что вы о них знаете? — спросила Фатима.

— Больше полиции. Думаю, они пока не заметили.

Пока. Асим и его люди считали приверженцев старых религий маленькой группкой еретиков. Полиция не рассчитывала наткнуться на них в особняке британского лорда.

— Судя по флагу, — продолжила Хадия, — похоже, что лорд Уортингтон принадлежал к какому-то культу. Может, идолопоклонница была их жрицей. Там был мужчина со свернутой шеей. Жертвоприношение? Я слышала…

Фатима закрыла папку, прерывая ее монолог.

— Первое, чему вас должны были научить в академии, это не принимать уличные слухи за факты. Ни в одном из моих дел «идолопоклонники» не сворачивали людям шею. Так, может, нам стоит подождать, пока не найдем какие-нибудь улики, прежде чем рассуждать о человеческих

жертвоприношениях.

— Простите. Я просто думала вслух. — Лицо Хадии покраснело.

Фатима достала из пиджака карманные часы. Больше двух ночи. Она встала.

— Уже поздно, агент Хадия. Плохое время для ясных мыслей. Давайте выспимся и продолжим утром. — «И, надеюсь, добьемся твоего перераспределения».

— Конечно. — Она собрала вещи и тоже встала. — Работать с вами большая честь, агент Фатима. — И они разошлись.

* * *

Фатима могла поехать на такси. Но от кафе до дома было недалеко. Кроме того, ей хотелось проветрить голову. Она не могла понять, почему слова Хадии вызвали у нее такое раздражение. Ей тысячу раз доводилось слышать подобные вещи. Именно поэтому она не стала говорить об ожерелье Асиму. Может, Фатиму бесило, что ей без предупреждения прислали напарницу.

«А может, ты выплеснула свою усталость на ясноглазую новенькую. Забияка». Она почти слышала попреки матери: «Ты посмотри на эту крутую следачку. Голову от земли не поднима-

ет».

Фатима повернула за угол к своему дому: двенадцатиэтажной высотке из рыжего кирпича, с колоннами неофараонского стиля по бокам и скругленной башенкой фасада. У широких черных дверей с золочением стоял пожилой мужчина с поредевшими седыми волосами. Заметив его, следовательница скрыла раздражение на лице. У каждого дома в центре Каира был собственный баваб — швейцар, привратник и наблюдатель за всем на свете. Конкретно этот очень любил давать непрошеные советы и умел с необъяснимой точностью читать по лицам.

— Дядюшка Махмуд, — поздоровалась она, аккомпанируя своим шагам постукиванием трости.

Мужчина окинул ее взглядом, который мог бы принадлежать сфинксу. Казалось, его пронзительные глаза взвесили ее и осудили, прежде чем красно-коричневое лицо расплылось в улыбке.

— Капитан, — ответил он, используя прозвище, которое сам же и дал — из-за костюма. В его саадском акценте не было и намека на каирский выговор. В своей длинной галабее и сандалиях он будто прямиком из ее деревни вышел. — Валлахи, министерство тебя все дольше и дольше по

ночам работать заставляет.

— Такая работа, дядюшка.

Баваб покачал головой:

— И ты даже не приходишь домой, чтобы вздремнуть после обеда, как цивилизованные люди, все время в движении, словно один из этих трамваев.

Фатиме хотелось спросить, когда он сам спит — учитывая, что она постоянно на него натыкалась. Но это было бы грубо. Так что она стукнула себя по груди и поклонилась в благодарность:

— Спасибо за совет.

Это, похоже, удовлетворило Махмуда, и он открыл дверь.

— Видишь? Слушай стариков вроде меня. Некоторые приезжают и забывают обо всех приличиях, валлахи. Но ты хорошая саадка, с правильным воспитанием. Мы должны помнить в наших сердцах и головах, что мы саады. Проснись здоровой[18].

Она вернула пожелание, прошла в вестибюль, игнорируя свой почтовый ящик, и шагнула в лифт.

— Девятый этаж, — скомандовала Фатима ожи-

---

[18] Примечания: 18

Тесбах ала кейр. Егип. аналог «спокойной ночи».

дающему автоевнуху.

Прислонившись к стенке, пока они поднимались, она ощутила, как наваливается на плечи усталость от сегодняшнего дня. К тому времени, когда агент вышла, она с трудом переставляла ноги и с нежностью думала о кровати.

Открыв дверь, она окунулась в темноту квартиры. Следователь по памяти повесила котелок на крючок рядом с цветочным горшком. Фатима неуклюже нащупала рычаг газовой лампы. Домовладелец обещал перейти на алхимическое освещение или даже электричество. Но пока что она не видела, чтобы кто-нибудь начинал работы, несмотря на небольшое состояние, которое она платила за жилье. Она немного подкачала рычагом, и комнату залил тусклый свет лампы — достаточный, чтобы видеть.

— Рамзес? — Фатима воткнула трость в подставку. Куда подевался кот? Махмуд его кормил и сказал бы, если бы он потерялся. Она расстегнула пиджак. — Рамзес? Знаю, что поздно, но ты не злись.

— О? — промурлыкал голос. — И что получит Рамзес, когда ты его найдешь?

Фатима напряглась, развернулась на каблуках и инстинктивно потянулась к поясу за джанбией

— чтобы обнаружить, что кинжала там не было. Проклятье. Вторая рука схватилась за табельный револьвер, все еще лежавший в кобуре. Она вытащила оружие наполовину, прежде чем застыла, глядя на открывшуюся картину.

В марокканском кресле с высокой спинкой из темного дерева и кремовыми подушками — *ее* кресле — небрежно развалилась женщина в свободном черном платье. Она сидела, скрестив ноги. Темные проницательные глаза на почти идеально овальном лице, очень короткие волосы, помимо кудрявого хохолка впереди. Каждый палец ее затянутой в перчатку руки заканчивался изогнутым когтем острого серебра, которыми она рассеянно поглаживала кота на коленях.

Прежде чем Фатима успела заговорить, женщина осторожно переложила Рамзеса на подушку. Кот недовольно мяукнул, но только разок моргнул желтыми глазами, а затем свернулся в серебристый клубок. Женщина в черном поднялась и двинулась навстречу Фатиме — ее ноги беззвучно ступали по деревянному полу. Походка была расслабленной, почти намеренно ленивой. Тем не менее передвигалась она с удивительной скоростью, несколько быстрых шагов и она уже возвышалась над Фатимой. Ее взгляд опустился

на замерший в кобуре револьвер.

— Планируешь меня пристрелить, агент? — промурлыкала она. — А где же нож, который ты всегда с собой таскаешь?

Фатима разжала пальцы на рукоятке и выдохнула.

— Сегодня не брала с собой. Была под прикрытием. Он бы в глаза бросался.

Женщина гортанно засмеялась, провела серебряным когтем под подбородком Фатимы и вдоль ее галстука.

— Будто ты не бросаешься в глаза в этих своих костюмчиках. — Она схватилась за галстук и наматывала его на руку, пока они не прижались к друг другу. Фатима не могла разобрать, стук чьего сердца она чувствовала. — А я так люблю эти костюмчики.

Затем все так же стремительно она наклонилась и поцеловала Фатиму.

То был медленный, жадный поцелуй. Из тех, что говорили о нужде и желании, о том, от чего долго отказывались и о чем мечтали. Сначала Фатима сдерживалась, на мгновение ошеломленная, ее губы и язык двигались неловко и невпопад. Но голод жил и в ней. Он быстро пробудился, полный влечения, игриво подбирающий правильный

темп, пока она не нашла нужный ритм.

Когда их губы разомкнулись, у Фатимы закружилась голова. Воздух звенел электричеством, она прерывисто дышала, пытаясь наполнить легкие.

— Сити, — сказала она между тяжелыми вдохами. — Что ты здесь делаешь?

Губы нубийки приоткрылись в улыбке львицы, она взмахнула длинными ресницами, и Фатима почувствовала, как внутри что-то затрепетало.

— Мне кажется, это довольно очевидно. — Она распустила галстук Фатимы и каким-то образом умудрилась расстегнуть ее рубашку своими изогнутыми когтями.

— Махмуд не говорил, что у меня гости.

Темное лицо Сити скорчилось в гримасе, пока она освобождала Фатиму от пиджака.

— Этот баваб милый, но слишком любопытный. Ты ведь не хотела бы, чтобы он рассказал всем соседям о поздних визитах какой-то язычницы, так ведь?

— Но как тогда?.. — Фатима оборвала вопрос, чтобы сбросить пиджак, пока Сити сосредоточилась на жилете. Ее глаза остановились на хлопковых занавесках балкона, колыхающихся на ветру. — Ты вообще дверью пользуешься?

— Нет, если у меня есть выбор.

Игривый толчок прижал Фатиму к стене. Ее всегда поражало, насколько сильной была Сити. Не то чтобы она так уж сопротивлялась. Когти пробежались по ее шее, вызывая дрожь. Она позволила им подняться вверх, мягко перебирая черные кудри.

— Тебе нужно помыть голову.

— А тебе отрезать свою. Когда ты вернулась? Я тебя несколько месяцев не видела.

— Соскучилась? — надула губы Сити.

Фатима обняла ее за талию, наслаждаясь знакомым чувством — и притянула к себе.

Сити усмехнулась, блеснули темные глаза:

— Думаю, это значит «да»!

— Знаешь, я планировала вернуться домой и завалиться спать. Я очень устала.

— О? Все еще уставшая?

Фатима ответила поцелуем и решила, что не так уж она на самом деле и утомлена.

* * *

Спустя некоторое время Фатима сидела на кровати посреди красно-золотых подушек и дамасских простыней в цвет. В простой белой галабее, она прижималась спиной к Сити, пока

та расчесывала ее все еще влажные волосы.

— Не будешь смазывать скальп маслом, волосы пересохнут на этой жаре.

— У меня есть парикмахер, — огрызнулась Фатима.

Сити цыкнула, разливая масло по ее кудрявым волосам, а затем втерла его умелыми пальцами. Фатима счастливо вздохнула, чувствуя аромат легкой пряной сладости. Наверное, этого ей не хватало больше всего.

— Что за масло? — спросила она.

— Меня научили его делать мама и тетки. Помогает здоровью волос.

— Что в нем?

— Чуть того, чуть этого — старый нубийский секрет. Мы не раскрываем его чужакам.

Фатима вывернула голову к Сити, которая надела одну из своих галабей. Алая сорочка была ей так мала, что больше уже напоминала рубашку. Но Сити носила ее так, будто галабею сшили специально на нее.

— Мне кажется, я имею право знать. Папа говорит, что у нас в предках могла быть нубийка, прапрапрапрабабушка или вроде того.

Сити закатила глаза и повернула голову Фатимы назад.

— Ты всего лишь саадка с милыми губками. Возвращайся, когда будешь уверена. А-ай!

Фатима обернулась и обнаружила, что Рамзес запрыгнул на плечо Сити, вцепившись в нее когтями.

— Больно же! — Девушка шикнула на кота, и он спрыгнул на кровать. — Уверена, что он не джинн? Половина каирских котов, скорее всего, джинны, знаешь…

Фатима рассмеялась, проводя рукой по внутренней стороне подогнутой правой ноги Сити, разглядывая при этом левую. Они были длинными, как все ее конечности, — будто ее вытянули. И в тонусе, так что Фатима ощущала под кожей мускулы. Она считала себя в разумной степени спортивной. Но рядом с Сити ей казалось, что стоило бы проводить больше времени в гимнастическом зале.

— Рада тебя видеть, Сити. — Затем мягче: — Но что ты здесь делаешь?

— Хм-м? В Каире? Или в твоей кровати?

И то и другое, на самом деле. Фатима встретила ее прошлым летом, во время расследования. То, что началось несколькими ужинами, расцвело в… чем бы оно там ни было. Эти отношения были головокружительными, новыми и прекрасными.

Затем они закончились вместе с летом, а Сити отправилась, чтобы… чем бы она там ни занималась. Пришло несколько писем с почтовыми штемпелями Луксора, Кены, Ком-Омбо. Фатима вернулась к бурной жизни агента министерства, успокаивая себя тем, что это было лишь короткой интрижкой. Теперь Сити вернулась. А вместе с ней и головокружение.

Фатима выпрямилась, повернулась. Нужно спрашивать прямо.

— Догадываюсь, что это не визит вежливости. В ином случае ты бы надела что-нибудь попроще. — Она указала на черное платье, поверх которого лежали кучкой серебряные когти.

Сити бесстрастно вернула взгляд, глаза, как черные камни. Все-таки что-то поддалось, и она вздохнула:

— Я вернулась в Каир сегодня, на дирижабле. И да, меня прислали передать послание. Из храма.

Храм. Еще одна сторона Сити. Она была последовательницей старой религии. Связала себя с Хатор, богиней любви и красоты, которой поклонялись в давно исчезнувшем Египте. Неверная, безо всяких вопросов. В ее голову вползла «идолопоклонница» Хадии, но она прогнала эту мысль.

— Что за послание в таком случае? — спросила

следователь холоднее, чем намеревалась. Ведь не важно, что отчасти она пришла по делу — так ведь?

Сити нахмурилась от ее тона.

— Это насчет вчерашнего происшествия в Гизе.

Это было неожиданно.

— Откуда вы вообще об этом знаете? Всего несколько часов прошло. — Ее глаза сузились в понимании. — В полиции служит один из вашего… храма.

— С чего ты взяла, что только один? — спросила Сити. — Так или иначе, но две жертвы были последователями. Я их не слишком хорошо знала. Они из других храмов. Но мы слышали о том, как они умерли. У храма может быть информация. Решили, что лучше обратиться к тебе.

Естественно. Фатима была одной из немногих представителей власти, поддерживающих с ними контакт.

— Что за информация? Ты в этом замешана?

— Я? Нет! Я только прилетела. Почти ничего не знаю, кроме того, что Уортингтон — прозванный Английским Пашой — вел дела с храмами. Чтобы узнать больше, тебе придется расспросить Мериру. Она хочет встретиться завтра.

Мерира. Жрица местного храма Хатор, знающая самые странные вещи.

— Значит, мы встретимся завтра. Еще что-нибудь?

— Да.

Сити подалась вперед и поцеловала ее, нежно, но с теплотой, которой хватило, чтобы отогнать вихрящийся в мыслях Фатимы холод. Она согревала, даже когда Сити отстранилась.

— Я скучала по тебе все эти месяцы, — сказала она, видимо, угадывая, что скрывается за глазами Фатимы. — Я *правда* планировала к тебе прийти, с посланием или без. Это все, о чем я могла думать. Это все, о чем я могла думать все это время. — Она опустилась, положив голову на колени Фатимы и прижавшись. — Обещай, что остаток ночи мы не будем говорить об убийствах, расследованиях и что бы там еще ни происходило. Всего на одну ночь, давай забудем о мире. И просто будем здесь.

Фатима провела рукой по замше ее волос, поигрывая с хохолком на лбу. С этим она могла справиться. В конце концов, мир будет ждать.

Разбудил ее призыв муэдзина к фаджру[19].

---

[19] Примечания: 19
Утренняя молитва.

Фатима моргнула, привыкая к темной комнате. Часы показывали пять утра. Она перекатилась и нащупала пустое место. Фатима приподнялась в кровати и поискала глазами, но в комнате больше никого не было. Ее взгляд переместился к балкону, откуда веяло ветерком предрассветного утра.

Похоже, Сити воспользовалась своим обычным выходом.

Как в старые времена. Даже сложенная записка лежала на подушке. Фатима виновато — зная, что не поднимется к молитве вовремя — снова улеглась и закрыла глаза. В ее колени мурлыкал Рамзес, а она свернулась вокруг него, пытаясь игнорировать пустоту рядом.

Глава пятая

— Доброе утро, дядюшка.

— Утра из роз[20], капитан, — ответил Махмуд. — Это новый?

Она опустила взгляд на свой наряд: темно-зеленый костюм с тонкими пурпурными полосками и того же цвета жилет. Фатима дополнила его розовым галстуком с нотками пурпура и белой рубашкой.

— В шкафу прятался. Мне казалось, что он немного… вызывающий.

Баваб поднял кустистые брови, придерживая дверь:

— Сегодня утром ты выглядишь лучше, капитан. Хвала Аллаху, что послал тебе сладкие сны и ночной отдых.

— Можно и так сказать. — Выйдя за дверь, она коснулась поля котелка и попрощалась. По правде говоря, Фатима чувствовала себя замечательно отдохнувшей, хотя проспала всего лишь пару

---

[20] Примечания: 20

Сабах аль-вард — арабы желают друг другу «Утра или вечера добра», «Сабах (масса) аль-хейр», но если хотят сделать приветствие более эмоциональным, то добавляют названия цветов: розы, жасмин и т. д.

часов. Она себя так не чувствовала с прошлого лета, с тех пор, как проводила время с… Сити.

Ее губ коснулась улыбка, и когда агент остановилась, чтобы ей начистили туфли, юноша в белой галабее и тюрбане не мог отвести с нее любопытных глаз. Фатима спрятала залившееся краской лицо за газетой, ее рука потянулась к карману пиджака — похлопывая записку Сити с приглашением на завтрак.

Запрыгнув в уличный трамвай, Фатима обнаружила, что он забит пассажирами: заводчанками в характерных голубых платьях и хиджабах; бизнесменами в костюмах по турецкой моде и красных фесках; государственными клерками в кафтанах поверх безукоризненно белых галабей, застегнутых на все пуговицы и с воротниками в правительственном стиле. Козлоголовый джинн в твидовом пиджаке и брюках сидел и читал газету, длинная шерсть на его подбородке подрыгивала каждый раз, когда он рассеянно жевал губами. Заметив заголовок, Фатима тут же бросилась проверять собственную газету.

«Шокирующая смерть Английского Паши» была на передовице, с соболезнованиями от делового сообщества, заявлением от правительства, торжественно обещающего, что мирный саммит

пройдет, как планировалось, и последующим расследованием. Ничего об огне, который сжигал лишь плоть, трупе со свернутой шеей или таинственном человеке в золотой маске. Остальная часть первой страницы посвящалась спекуляциям о сближении между германским кайзером и османским султаном, обычным военным тревогам, а также отчету об еще одной дерзкой авантюре Сорока леопардиц. Может, Асиму все же удалось скрыть информацию от прессы.

Следователь спрятала газету и вышла из трамвая у перекрестка. Печально известный трафик Каира снова нанес удар: авария включала зализанный серебристый автомобиль и перевернутый фургончик с арбузами, запряженный осликом. Рядом стояли два водителя, они кричали друг на друга, тыкали пальцами и размахивали руками. Ослик игнорировал обоих, пытаясь подобрать арбуз зубами.

Фатима двинулась к главной улице, виляя по боковым аллейкам к своей цели. Для непосвященных «Мекка» была сонной нубийской столовой, но сумела привлечь завсегдатаев. Каждый столик был занят, а стулья едва оставляли место, чтобы протиснуться. Декор подражал традиционному нубийскому жилищу, с желтыми

оконными рамами на синих стенах и полом из зелено-коричневой плитки.

Едва она оказалась внутри, как ее громогласно поприветствовал седовласый мужчина. Дядя Тофик, сын владелицы. Он забросал Фатиму вопросами. Почему так давно не показывалась? Как семья? Разве она не хотела съездить к матери? Ее погнали на кухню — где в воздухе разносились запахи тмина и чеснока. Сестры Тофика были ничуть не менее темпераментными и любопытными. Она выдерживала бурю вопросов, пока не оказалась перед собственницей «Мекки», мадам Азизой — сестрой бабушки Сити. Величавая матрона восседала в кресле, словно мероитская[21] королева, обозревающая свои владения. Она вернула приветствие Фатиме и окинула ее внимательным взглядом из-под традиционного черного хиджаба.

— Милая трость, — проскрипела она, стукнув по полу деревянным посохом. — Но моя мне больше нравится. Пришла повидаться с племянницей?

— Сити — то есть Абла — попросила встретиться здесь. — Фатима настолько привыкла к прозвищу, что иногда забывала использовать

[21] Примечания: 21

Мероэ — столица царства Куш (IX–VII вв. до н. э.) на территории современного Судана (Нубии).

настоящее имя Сити.

— Абла. Не сидится девчонке на месте. Как ветер, что дует тут и там. Слишком много взяла от отца.

Фатима не ответила. Сити редко говорила о своем отце — которого она не знала. Насколько понимала Фатима, был какой-то скандал.

— В моей деревне рассказывали историю, — продолжила мадам Азиза, — о женщине, легкой как перышко. Она была подобна ветру — и ее муж не мог удержать женщину на месте. Так что он читал стихи, а она останавливалась, чтобы послушать. Ты умеешь читать стихи?

Фатима открыла рот, пытаясь придумать ответ — и была спасена Сити, спустившейся по ступеням. Она сменила костюм для ночных вылазок на наряд в своем обычном стиле: нубийское платье с золотыми и зелеными принтами, подвязанное у колен поверх обтягивающих белых бриджей, заправленных в высокие, коричневые ботинки. Сити запустила целый вихрь болтовни, пока надевала хиджаб, а затем схватила Фатиму за руку.

— Йа Алла! Если мы не сбежим сейчас, они заставят меня обслуживать столик все утро!

Фатима кое-как попрощалась, пока ее чуть не волоком вытаскивали из кухни.

— Твоя тетя, она знает… о нас?

— Тетя Азиза? Ей девяносто. Сомневаюсь, что у нее в голове все на месте.

Фатима оглянулась через плечо и наткнулась на внимательный взгляд. Они недооценивали старуху.

— Мне казалось, мы будем завтракать?

— Нет времени. Мерира хочет встретиться прямо сейчас, — покачала головой Сити.

Сейчас? Фатима надеялась сесть и поговорить. Попавшаяся на глаза миска с фулом[22] напомнила ей, что она голодна.

— Мне нужно поесть.

В ответ Сити взяла у дяди Тофика два пакета, один из которых отдала Фатиме. Свежеиспеченный кабед[23] с мишем[24]. Сити уже жадно вгрызалась в хлеб с сыром. Фатима слегка поворчала: она бы предпочла бобовое рагу. Они вышли на главную улицу, где еще разбирались с аварией, и Сити остановила экипаж. Фатима рухнула

---

[22] Примечания: 22

Фул медамес — национальное блюдо многих арабских стран. Сваренные на медленном огне бобы.

[23] Примечания: 23

Нубийский дрожжевой хлеб из кукурузной муки.

[24] Примечания: 24

Традиционный египетский сыр.

на мягкое сиденье, когда они рванули вперед.

— Я уже договорилась о смене во второй половине дня, — жаловалась Сити. Обычно в Каире она останавливалась в ресторане тетушки и работала официанткой. — Что, моя ленивая кузина думает, я и ее смену отработаю? — Она вздохнула, затем бросила виноватый взгляд. — Малеш[25], я даже доброго утра тебе не пожелала как следует. — Ее пальцы пробежались по галстуку Фатимы. — И не похвалила твой потрясающий костюм!

— Ничего, — ответила Фатима, заканчивая завтрак. — Каждый раз, как приезжаю домой, мои тетушки тут же запрягают меня в работу. В последний раз меня утащили на свадьбу кузена.

— Попробуй сходить на нубийскую свадьбу. Они могут тянуться около недели. И хна…

— Тут без особой разницы. У меня есть тетя, которая занимается всей этой хной. Но я была ее *помощницей*, сколько себя помню. Мне кажется, она всегда считала меня своей ученицей. В общем, мы полночи провели, раскрашивая невесту.

Сити вытерла пятно миша с губы Фатимы:

---

[25] Примечания: 25

Малеш (*араб.*) — ну да ладно, ничего, не важно. Часто используется как извинение.

— Тебе еще на мне предстоит попрактиковаться. — Она подмигнула и отвернулась, выглядывая из экипажа. — Этот город еще больше разросся, пока меня не было?

Фатима посмотрела вслед за ее взглядом туда, где утреннее солнце сияло над Каиром: мешанина высоких современных зданий и заводов. Новые постройки поднимались каждый день, стальные каркасы, словно кости, ожидающие кожу, среди улиц, забитых экипажами, трамваями и паровыми машинами. Небо тоже не пустовало, по нему носились скоростные трамваи, оставляя за собой потрескивающие электрические разряды. Еще выше нависал воздушным китом синий дирижабль — шесть пропеллеров толкали его к горизонту.

— Спасибо, Джахиз, — сказали они, как по сигналу. И от всего сердца.

Экипаж добрался до Старого Каира. Здесь дороги были узкими и вымощенными брусчаткой. По обеим сторонам высились масджиды, архитектура, охватывающая целые эпохи Каира — от Фатимидов до Османов.

Сити просигналила экипажу остановиться, настаивая, что заплатит сама. Они вышли на оживленный тротуар у площади аль-Хусейна

и влились в толпу, движущуюся к каменным воротам с антрвольтами[26], украшенными геометрическими узорами. На другой стороне располагался базар Хан-аль-Халили.

Сук[27] строился столетиями, хаотично и безо всякого планирования. Витрины магазинов с пестрыми дверями тянулись по узким улочкам, их превосходили количеством только лотки, которые втискивали в любой свободный угол: кофейни и ремонтные киоски, книжные магазинчики и торговцы алхимическими благовониями, бутики шелка и полки, уставленные механическими деталями. Разносились утренние крики продавцов, в то время как иные шепотом соблазняли прохожих обещаниями. В дополнение к перекрикиваниям, от сотни запахов — парфюмов, специй, брызжущего жиром мяса — голова шла кругом.

— А вот по этому я скучала, — сказала Сити, хозяйски прогуливаясь по суку. Она провела Фатиму вокруг гигантских цилиндров воздухоплавательных моторов и мимо юношей с

---

[26] Примечания: 26

Часть плоскости стены между дугой арки и расположенным над ней карнизом, либо пространство между дугами соседних арок в аркаде.

[27] Примечания: 27

Арабский синоним персидского «базара».

паровыми кубами под высоким давлением, из которых наливали чай в изящные фарфоровые чашки. — Здесь можно найти практически что угодно. А ты знала, что, по слухам, где-то на базаре живет ангел? Говорят, она творит чудеса.

Фатима пригнулась, проскальзывая под бронзовыми фонарями, после чего свернула в другую аллею. Ангел? В Хане? Ангелы появились через некоторое время после джиннов. Или, скорее, существа, именующие себя ангелами. Коптская церковь постановила, что они не могут быть ангелами, утверждая, что все небесные создания обитают в Раю с Богом. Улемы[28] тоже отреагировали скептически, настаивая, что у истинных ангелов нет свободной воли. В любом случае загадочные создания не стали проливать свет на свое происхождение. То, что один из них выбрал базар в качестве резиденции, было очень странным. Но, опять же, а что в них не было странным?

— Мне ангелов хватило, — ответила Фатима. Сити хмыкнула, соглашаясь. Они встретились, когда Фатима работала над делом, включавшим ангела по имени Творец, который очень-очень серьезно съехал с катушек. Они обе старались

[28] Примечания: 28

Знатоки богословия, историко-религиозного предания и этических норм ислама.

как можно меньше о нем говорить.

Сити остановилась у конца небольшого переулка напротив магазина с двумя дверями. Черный каллиграфический шрифт обозначал первую как аптеку, что подтверждали бушели сушеных листьев и редких трав, украшающих фасад. На истертом дереве второй двери небесно-голубой краской был нарисован большой глаз, окруженный золотыми звездами и красными свечами. Над рисунком разворачивалась вытравленная белым надпись: «Дом Владычицы звезд».

Когда они вошли в поблекшую синюю комнату, открывающаяся дверь задела колокольчики. За столом сидела старая женщина, передвигавшая фигурки по игровой доске, ее оппонентом выступал пустой стул напротив. Услышав, что они вошли, старуха подняла голову и беззвучно их поприветствовала — жестом показав, чтобы вели себя тихо.

Половину прямоугольной комнаты отделяла занавесь из красных и черных бусин, за ней, у стола, сидело три фигуры. Одной из них была Мерира, в черном себлехе со звездами и длинном хиджабе, увешанном монетками и красными помпонами. Женщины напротив носили зеленые платья, смесь парижского и каирского стиля —

очень распространенная мода в эти дни, их лица скрывали вуали. Представительницы высшего общества пришли с визитом к гадалке в переулках Хана. Все три говорили еле слышно: что-то о больном отце, магнате перевозок на дирижаблях и наследстве.

Видимо, предсказание Мериры оказалось не слишком удачным, и пара затеяла громкую перебранку. После нескольких бесплодных попыток вмешаться, Мерира рассерженно прикрикнула. От налетевшего порыва ветра застучали бусины занавеси, затрепетал огонь в позолоченных газовых лампах на цепях. Фатима прижала котелок, чтобы его не сорвало потоком воздуха. Сити зевнула, изучая ногти. Одежда старухи всколыхнулась, но она не отрывала взгляда от игорной доски.

Ветер утих, но предполагаемый эффект сохранился. Две богатые женщины остановили перебранку и не сводили глаз с Мериры, которая разрешила их протесты быстрым «Цыц!». Когда обе наконец ушли, то оставили непристойную сумму денег вместе со своей благодарностью.

Из-за занавески Мерира появилась, выглядя уставшей, но стоило ей увидеть Сити и Фатиму, как лицо гадалки расплылось в широкой улыбке,

и она приветственно их расцеловала. Жрица напускала на себя ауру матроны, усиливаемую возрастом, заботливыми глазами и пухлыми щеками. Но все это было лишь ролью, как и работа гадалкой. Фатиму не обманывала эта маска. За вечно улыбающимися губами таился изворотливый ум, знавший все, что происходило в городе, — как на свету, так и в тенях.

— Клиентура у вас улучшилась, — заметила Фатима.

Мерира закатила глаза:

— Даже богатые хотят знать свою судьбу. А счета нужно оплачивать. — Она положила щедрую пачку купюр на столик рядом со старухой. — И спасибо тебе, Миния, что вовремя остановила, когда я собиралась удавить эту парочку!

Воздух над пустым стулом пошел рябью, откуда появилась нечеловечески высокая женщина с мраморной аквамариновой кожей и яркими нефритовыми глазами. Ее эфемерное тело было таким же прозрачным, как ее легкое платье, развевающееся, словно на легком ветерке. Джанн. Одна из элементальных джинний. Это объясняло произошедшее. Джанн переставила фигуру на доске, что заставило старуху охнуть и прикусить свою руку.

— Ас-саляму алейкум, агент Фатима, — поздоровалась джанн гулким голосом. — Рада снова вас видеть несмотря на обстоятельства.

— Ва-алейкум ас-салям, Миния, — ответила Фатима. Джанн поклонялась Хатор. Джинны, в конце концов, могли принадлежать к любой религии или вообще быть неверующими. Она обернулась к Мерире, которая сняла хиджаб и теперь накладывала черную сурьму на медовую кожу под глазами. — Подозреваю, что «обстоятельства» как-то связаны с прошлой ночью? У вас есть информация?

— Не только у меня. Проходи. — Жрица провела их мимо другой занавески из бусин, на этот раз синих и золотых, по узкому коридору. Быстрый стук в определенном ритме — и дверь перед ними распахнулась. Они ступили в храм Хатор.

Освещенное яркими фонарями святилище было обставлено столами красного дерева и мягкими стульями. Красочные росписи на стенах изображали богов с головами животных или в сияющих коронах. В центре храма стояла черная гранитная статуя сидящей женщины, чью голову венчали изогнутые рога с диском между ними. Хатор. Владычица звезд. Величественная богиня Древнего Египта, низведенная до маленькой

группки почитателей в темных переулках Ханаль-Халили.

Те, кто решал поклоняться забытым богам, делали это втайне. Хоть министерство не было уверено насчет конкретных цифр, предполагалось, что их количество исчислялось в тысячах — и продолжало расти. Сегодня в храме была только одна посетительница: юная девушка в просвечивающей белой рясе. Она поклонилась Мерире, снявшей себлех, под которым скрывалось золотое плиссированное платье. Девушка забрала верхнее одеяние и помогла жрице надеть многоярусный парик. Сити отошла в сторону помолиться у второй гранитной статуи в виде женщины с львиной головой. Хатор, перекинувшаяся в Госпожу Мести и Владычицу Войны — богиню Сехмет.

Фатима наблюдала на расстоянии. Она терпимо относилась к другим религиям. Но верила в Аллаха и что Пророк его — да пребудет над Ним мир — был его Посланником. Даже после всего того, с чем она встречалась по работе, все это казалось странным. Когда Сити закончила молитву, она вернулась к ней, и Фатима переступила с ноги на ногу под ее понимающим взглядом. Они изо всех сил старались не говорить о вере.

— Мерира там, — все, что она сказала, направляя Фатиму в другую часть зала. Жрица Хатор уже сидела на широком багровом диване с ножками в виде звериных лап. Рядом с ней устроилась черная кошка с золотыми серьгами в носу и ушах и ошейнике из лазурита. С ней был еще один человек.

У длинного столика кофейного цвета, напротив Мериры, сидел мужчина. Фатима никогда раньше не видела мужчину в этом храме. Она считала, что все последователи Хатор — женщины. Но когда она увидела его лицо, то засомневалась, человек ли он. Кожа незнакомца была совершенно серой, со слабым оливковым оттенком, словно изначальный цвет выгорел на солнце. У него не было волос. Ни на круглом черепе, ни даже бровей. Несмотря на это, странная кожа не казалась гладкой. Наоборот, выглядела грубой, и Фатиме подумалось, что она будет шершавой на ощупь.

— Агент Фатима, — представила Мерира, — это…

— Можете называть меня лордом Собеком, — перебил мужчина. Его голос напоминал рычание. А его зубы! Он их затачивал? — Хозяин Вод, — продолжил он. — Гневный. Владыка Файюма. Защитник Государства. Генерал Королевской

армии.

Повисла тишина. Мерира удерживала невозмутимое лицо. Юная служительница отвела взгляд в сторону. Сити вздохнула, выдвинула стул и пригласила Фатиму сесть:

— Это, эм, Ахмад.

Мужчина поморщился, но резко кивнул.

— Ахмад — верховный жрец культа Собека, — пояснила Мерира.

Имя встало на свое место в голове Фатимы. Собек. Бог с головой крокодила из старого египетского пантеона. Она оглядела мужчину, одетого в темно-коричневую рясу с обтрепанными полами. Не сказать чтобы наряд подходил верховному жрецу, но *нечто* крокодилье в нем определенно было. Теперь, когда она присмотрелась внимательней, то заметила, что глаза, которые она ошибочно посчитала черными, на самом деле были глубокого, пронзительно зеленого цвета. Как у нильского крокодила.

— Двое наших погибли во вчерашней трагедии, — сказала Мерира.

— Мужчина и женщина. Вы их знали? — Фатима повернулась к ней.

Мерира кивнула, раскладывая колоду черных карт Таро на столе. Фатима не понимала, зачем

бы жрице Хатор понадобился подобный инструмент. Предсказания по картам Таро, скорее всего, придумали в Европе и не практиковали при фараонах. Но она сама носила английский костюм. Так что не ей критиковать.

— Мужчина был верховным жрецом культа Анубиса. — Мерира перевернула карту с черным шакалом, держащим косу жнеца. — Женщина была верховной жрицей Нефтиды. — Она перевернула другую карту — сидящая женщина с посохом.

Нефтида. Богиня похорон, насколько помнила Фатима.

— Нефтида, — сказал Ахмад, — была моей божественной супругой. Женой Собека.

Фатима поморщилась:

— Мне казалось, что Нефтида — сестра-жена Сета.

Сити слегка покачала головой. Слишком поздно. Широкие ноздри Ахмада раздулись, и он заскрежетал острыми зубами.

— Почему все раболепно следуют текстам тысячелетней давности? — вспыхнул он. — Боги могут меняться. Расходиться. Пробовать что-нибудь новое. Кроме того, Сет был мудаком. Не знал, как правильно себя с ней вести. Как преклоняться

перед ней.

Фатима была озадачена. Они о богах говорили или о людях?

Гнев покинул глаза Ахмада, и он достал из рясы фото женщины.

— Нефтида. Любовь моя. Моя богиня.

Женщина на фотографии была юной и довольно симпатичной — со счастливой улыбкой на лице. Большой контраст с обгоревшими останками, которые Фатима видела прошлой ночью.

— Пусть Аллах одарит вас терпением, — сказала она. — Могу я узнать ее человеческое имя?

— Эстер, — мягко ответил он, пряча фото. — Эстер Седарус.

Коптское имя. Христианка. Или была когда-то.

— Что она делала в имении Паши прошлой ночью? — спросила Фатима, обращаясь к Мерире. — Лорд Уортингтон вступил в один из ваших храмов?

— Совсем наоборот. — Мерира перевернула следующую карту. На ней изображался старый бородатый мужчина с зажженным фонарем и в пурпурной мантии. — Отшельник ищет истину. — Она перевернула еще одну, и брови Фатимы взмыли. На ней была копия флага из поместья лорда Уортингтона: две накладывающиеся пира-

миды, образующие гексаграмму, и пожирающий свой хвост огненный змей вокруг них, а сверху скимитар с полумесяцем рогами вниз.

Фатима понятия не имела, как жрица провернула свой фокус, и ее не особенно это волновало.

— Достаточно, Мерира. Я хочу знать все, что знаете вы. Хватит дешевых трюков. Просто рассказывайте.

Жрица разочарованно откинулась назад. Она любила драматические эффекты.

— Герметическое Братство аль-Джахиза. — Мерира постучала пальцем по карте с флагом. — Гексаграмма, алхимический символ, представляющий великие элементы. — Она коснулась четырех знаков зодиака и всевидящего ока, пока объясняла. — Воздух, огонь, земля, вода и дух. Солнце и луна для множества неизвестных миров. Внизу меч: честь, защищающая праведность, чистоту, баланс жизни и смерти. Под ним полумесяц — свет мудрости перед ликом тьмы. — Указательный палец обвел огненного змея. — Нескончаемый и вечный поиск. *Quærite veritatem.* Ищи Истину.

Фатима была озадачена. Со времен возвращения джиннов Египет запрудили эзотерики и спиритуалисты — полчища людей в странных

шляпах. Но поклонники аль-Джахиза?

— Никогда о таком не слышала.

— Я тоже, — ответила Мерира, — пока они не предложили присоединиться. Лорд Алистер Уортингтон основал Герметическое Братство аль-Джахиза где-то в конце восьмидесятых.

— Примерно через десять лет после разгрома британцев у Тель-эль-Кибира[29], — отметила Фатима. — Лорд Уортингтон сыграл важную роль в переговорах о мире и независимости.

— За что получил специальные привилегии, — продолжила Мерира, — стал так называемым Английским Пашой. Скорее всего, он ими воспользовался, когда основывал тайное братство. Они годами охотились за любыми следами аль-Джахиза. Говорят, у них есть хранилище реликвий.

Фатима вспомнила ритуальный зал в поместье — похоже, посвященный аль-Джахизу.

— Все это выглядит надуманным, так ведь? — спросила Мерира. — Я была уверена, что у них какой-то зловещий план, когда Уортингтон обратился к главам храмов. — Ее рука опустилась на карту Отшельника. — Но все, что я увидела, — это

---

[29] Примечания: 29

Битва у Тель-эль-Кебира состоялась в 1882 году. В нашем мире английские войска победили египетских повстанцев.

искренний человек в поисках высшего смысла. Он действительно верил, что находится в священном поиске. Что тайны аль-Джахиза принесут миру благополучие.

— Наш великий и благородный европейский спаситель, — сухо заметила Сити.

— Ну да. Это тоже.

— Я по-прежнему не понимаю, как вы в этом замешаны, — сказала Фатима. — Если бы я создала группу, посвященную аль-Джахизу, ваши люди вряд ли бы оказались в верхних строчках списка. Без обид.

— Мы и не были, — ответила Мерира. — Братство в основном состояло из англичан — из компании Уортингтона. Но он убедил себя, что ключом в обретении секретов аль-Джахиза были, как он выразился: «более чистокровные нильские аборигены в наших рядах, чей разум сможет работать подобно моему».

Фатима поморщилась. Мерира пожала плечами.

— Он пытался привлечь других египтян, состоятельных союзников. Но те немногие, с кем он поделился идеей — как копты, так и мусульмане, — его проигнорировали. Он даже к суданцам обращался.

Фатима попыталась представить, как лорд пытается завербовать кого-нибудь из Махдистской Революционной Народной Республики Судан в оккультное братство. Скорей всего, ему пришлось выдержать трехчасовый отказ, содержащий суфийское учение, а потом еще два часа марксистской риторики.

— Те, кто был близок к лорду Уортингтону, предупреждали, что если он будет продолжать в том же духе, то может стать парией, — сказала Мерира. — Мы, с другой стороны? Для нас это давно пройденный этап.

— Вы были единственными, кто мог принять его предложение.

— Даже богатые люди иногда садятся за стол с нищими, — заметил Ахмад.

Фраза звучала как одна из поговорок ее матери. Странный мужчина достал пачку «Нефертари», сунул сигарету в рот и собрался уже щелкнуть зажигалкой в виде серебряного скарабея, но тут Мерира громко прочистила горло. Он понял намек, вздохнул и спрятал сигарету. Верховная жрица Хатор прищурилась на Фатиму.

— Вижу выражение твоего лица, следователь. Ты думаешь, что нас использовали. Какой-то богатый англичанин появляется со своим вздорным

культом, насмехающимся над нашей культурой, а у нас даже не хватает достоинства сказать ему «нет» — будто старый проводник предлагает нести сумки за небольшой бакшиш.

— Не совсем так. Но вас использовали.

— Мы тоже его использовали, — парировала Мерира. — Мы запросили высокую цену за свое присутствие. Наши культы должны начать действовать по-другому. Перестать прятаться в задних комнатах. Встречаться втайне. Деньги Уортингтона помогли бы построить и открыть настоящий храм. Место, чтобы поклоняться в открытую, где нас не будут изводить и преследовать. Зачем, по-твоему, Сити была в разъездах?

Голова Фатимы повернулась к Сити, которая отвела глаза. Фатима вернула взгляд к Мерире:

— Я здесь не для того, чтобы учить, как управлять храмом. Но мы говорим об убийстве. Рано или поздно присутствие ваших людей обнаружится. И вы окажетесь на всеобщем обозрении — но не так, как вам хотелось бы. Не мне говорить, как быстро начнут указывать пальцем в вашу сторону.

Ахмад проворчал что-то о безмозглой нетерпимости, а лицо Мериры окаменело.

— Именно поэтому я рассказываю все, что могу.

Я окажу любую посильную помощь. Клянусь богиней.

— Хорошо, — сказала Фатима. — Тогда скажите, у братства были враги?

— Не знаю. Мы только недавно начали с ними работать.

— Что насчет других храмов? Я слышала, вы соперничаете.

— Соперничаем, да, но за прихожан, — округлила глаза Мерира. — Или по поводу теологических интерпретаций. Но убивать двух верующих? Верховные жрецы и жрицы каждый месяц встречаются за чашкой кофе. Мы проводим межхрамовые мероприятия. Что там далеко ходить, Собек и Сет живут в одной квартире.

Фатима посмотрела на Ахмада, на что тот пожал плечами:

— Так я встретился с Нефтидой. Кроме того, знаете, как тяжело найти недорогую квартиру в центре Каира? — Вообще-то, Фатима знала. Так что не стала продолжать.

— Мы слышали насчет тел, — сказала Мерира. — Странные ожоги. Миния? Что думаешь?

После упоминания имени джанн поднялся ветер, и она материализовалась.

Фатима вздрогнула. Джинния была здесь все

это время?

— Вы что-нибудь знаете об этих ожогах?

Лоб джанн нахмурился в задумчивости. Ее лицо было не совсем человеческим — и не только из-за почти прозрачной мраморной кожи. Ее глаза — такие же мраморные — казались слишком большими, рот слишком широким, а линия подбородка слишком четко очерченной. То было бессмертное лицо, несущее отпечаток вечности.

— Я не видела мертвых лично, — гулко ответила джанн. — Но слышала их описание: огонь, пожирающий плоть, но не касающийся всего остального. — Она пошла рябью, видимо, в растерянности. — Не могу сказать с уверенностью, но чувствую руку своих кузенов.

Джинния взмахнула длинными тонкими пальцами над столом. Одна из карт Таро медленно перевернулась, чтобы показать охваченный пламенем меч.

— Воплотившись, тела их состоят из бездымного огня, — нараспев произнесла Миния. — Ифриты.

У Фатимы перехватило дыхание. Ифриты! Представители элементалей. Создания огня. Эти джинны считались слишком взрывоопасными и держались в стороне от смертных или других

джиннов. На самом деле никто даже *не видел* ифритов за сорок лет, с тех пор как аль-Джахиз открыл Каф.

— Но зачем ифриту могло понадобиться убить лорда Уортингтона? — спросила она.

Джанн вздохнула, как ветер в ветвях деревьев.

— Возможно, эти смертные пытались заключить с ифритом договор. Подобные попытки редко заканчивались… без последствий.

— У кого бы хватило мозгов, чтобы предложить ифриту договор? — пробормотала Сити.

«Кто-то играет с силами, которые не понимает, — подумала Фатима. — Одна из величайших бед эпохи. И такие вещи редко заканчивались… без последствий».

— Еще вопрос. Вы что-нибудь знаете о человеке в маске и черной мантии?

— Каком еще человеке? — спросил Ахмад. В его горле заклокотало рычание.

— Дочь лорда Уортингтона прошлой ночью столкнулась с мужчиной, одетым в черное, — пояснила Фатима, которую он нервировал. — В золотой маске. — Зубы Ахмада сжались, но он промолчал. Фатима запомнила его реакцию на будущее.

— Прости, но больше ничем не могу помочь,

следователь, — покачала головой Мерира.

— Вы уже помогли. Сделаю все, что могу, чтобы вас в это не вмешивали.

— Сделай все, что можешь, чтобы узнать, кто стоит за этим зверством, — сказал Ахмад.

Фатима нахмурилась. Было это просьбой или требованием?

— Я всегда раскрываю свои дела.

Казалось, что пристальный взгляд темно-зеленых глаз мог распознавать правду.

— Нефтида не заслуживала такого конца, — сказал он надломленным голосом. — Убийца должен быть наказан. Человек или джинн, он должен предстать перед богами, чтобы его душу взвесили и осудили за это преступление!

* * *

Фатима вышла из Дома Владычицы звезд в подворотню Хан-аль-Халили. Сити появилась мгновением позже.

— Он серьезно?

— Кто? Ты про Ахмада? — нахмурилась Сити.

— Владыка Собек, — сухо ответила Фатима. — Он действительно думает, что он бог-крокодил?

— Ну, не *тот самый* Собек. Скорее, он считает себя избранным Собеком в мире смертных. Че-

ловеком с прямой связью с погребенным богом, часть которого теперь живет в нем.

Погребенные боги. Хотя бы это Фатима понимала о древних религиях. Они верили, что боги никогда на самом деле не уходили, но вместо этого покоились в глубинах египетской земли, захороненные, — не мертвые, но погребенные в колоссальных саркофагах, подобно фараонам. Приверженцы этой веры считали, что чем больше людей присоединится к поклонению, тем больше древних богов поднимется из бессмертной спячки, чтобы коснуться мира смертных — даруя верующим частицу своей силы. Наступит день, утверждали они, когда достаточно людей произнесут их имена и принесут жертвы в их священных храмах, и тогда боги пробудятся от вечного сна, чтобы занять свое законное место истинных владык этой земли. Мысль, признавалась себе Фатима, которая временами бросала ее в дрожь.

— Ты в порядке? — спросила Сити.

Фатима выбросила из головы картинки с заплесневелыми, иссохшими богами, затянутыми в рогожу и увенчанными сияющими коронами с головами животных, поднимающимися из глубин Египта — и ответила на вопрос:

— Ты ищешь место для этого вашего великого храма? Ты этим занималась все эти месяцы? И не сказала мне?

Сити прислонилась спиной к стене:

— Я говорила, что уезжаю по работе. Ты никогда не спрашивала о подробностях. И непохоже было, что тебе интересно. Мы не особенно разговариваем о таких вещах.

Тоже верно, признала Фатима. И все же.

— Эта попытка открыть публичный храм. Не слишком хорошая идея.

— Мне казалось, ты никого не хочешь учить.

— Я не учу. Просто честно высказываю свое мнение.

— И в чем тогда заключается твое «честное» непоучение? — Сити сложила руки на груди.

— Страна все еще привыкает к джиннам и магии. Теперь вы хотите им сказать, что под их ногами захоронены древние боги — и вы пытаетесь их пробудить? Люди не готовы.

— Сколько им понадобится, чтобы приготовиться? Год? Десять? — В голосе Сити появилось напряжение.

— Столько, сколько нужно. — Фатима слышала, как поднимается ее собственный голос. — Пока люди вас не примут.

— Как ты приняла меня? Тебе не кажется, что мы и так достаточно скрываем? — Сити склонила голову набок.

На секунду они затихли, вперившись друг в друга взглядами. Затем их лица медленно расслабились.

— Мы только что поссорились? — спросила Сити, на ее лице появлялась улыбка. — Мне кажется, мы только что поссорились!

— Мы ссорились, — согласилась Фатима. От этого понимания ее раздражение растаяло. Просто чудо, что это случилось впервые.

— Можешь извиниться передо мной сегодня вечером… — начала Сити.

– *Я* должна извиниться? — округлила глаза Фатима.

— Извиниться *передо мной*, пригласив в «Пятачок». Его не закрыли, так ведь?

— «Пятачок» всегда на месте.

— Значит, выходит, у нас свидание, следователь. Надень что-нибудь стильное.

Когда Сити направилась назад к Дому, Фатима фыркнула вслед. Она всегда одевалась стильно.

Глава шестая

Министерство алхимии, заклинаний и сверхъестественных сущностей находилось в центральной части Каира. Когда его основали в 1885 году, штаб перенесли в складские помещения в Булаке[30]. На нынешнее место он переехал в 1900-м — одна из новых построек архитекторов-джиннов.

Приближаясь к зданию, Фатима разглядывала его очертания: длинная прямоугольная структура, увенчанная стеклянным куполом. По фасаду на всех пяти этажах выстраивались ряды окон в форме колоколов, и каждое из них было оснащено механическим экраном из черных и золотых десятиконечных звезд и ромбов, которые постоянно сдвигались в разные геометрические узоры. Пройдя сквозь стеклянные двери, она поприветствовала охранника — юношу, чья униформа всегда висела мешком на его долговязой фигуре. Однажды она познакомит его с портным. Не сбавляя ходу, агент пересекла мраморный пол, — где эмблема министерства — средневековый символ

---

[30] Примечания: 30
Один из районов Каира.

алхимии на двенадцатиконечной звезде — была выложена мозаикой из красного, синего и золотого камня.

Она бросила быстрый взгляд наверх, где под стеклянным куполом вращались гигантские железные шестерни и сферы, словно модель Солнечной системы. На самом деле это был мозг здания: механический шедевр, созданный джинном. Копии поменьше позволяли трамваям на канатных дорогах передвигаться без водителя, на автопилоте. Этот автомат управлял всем министерством. Здание было живым. Фатима коснулась полы котелка в приветствии.

Ее трость остановила закрывающиеся двери переполненного лифта, позволяя следователю проскользнуть внутрь. Извинившись перед другими пассажирами, она назвала свой этаж и сверилась с карманными часами. Было все еще утро, но ненадолго. В ее голове тут же прозвучал мамин голос: «Время — золото». Лифт остановился на четвертом этаже, и она выбралась, проходя мимо агентов по пути к своему офису — людей в черном с красными фесками. Она поглубже натянула котелок, избегая их взглядов.

— Агент Фатима, — позвал ее кто-то.

Следователь сжала зубы. Как бы не так. По-

вернувшись, Фатима увидела высокого широкоплечего мужчину в наглаженной министерской униформе с сияющими серебряными пуговицами. Над квадратной челюстью просияла улыбка, и она немного расслабилась:

— Доброе утро, агент Хамед.

— Погоди, разве еще утро? — Мужчина бросил озадаченный взгляд на настенные часы.

— Что, ты теперь и шутить умеешь?

Он усмехнулся сквозь короткие темные усы и отхлебнул из чашки чая.

Они с Хамедом вместе выпустились из академии в 1908-м. Не то чтобы они тогда дружили. Он был старше, больше и постоянно хвастался тем, что вышел из семьи полицейских — она всегда избегала людей подобного типа. Но прошлым летом они случайно восстановили отношения. Оказалось, он не так уж и плох. Несколько консервативный и негибкий — как его накрахмаленная белая рубашка без воротника, — но неплохой, когда лучше его узнаешь.

— Работаешь допоздна, — заметил он. Затем добавил шепотом: — Слышал, ты была в Гизе, работаешь над делом Английского Паши. В бумагах пишут, там был пожар. Но если ты на деле?..

— Сам знаешь, Хамед, бумагам не стоит дове-

рять, — упрекнула Фатима.

Видя, что она больше ничего не скажет, Хамед выглядел разочарованным.

— Ладно. Но секреты в этом офисе хранятся просто отвратительно. Чем дольше будешь молчать, тем замысловатее будут слухи.

Фатима нахмурилась. Мужчины так любят сплетничать.

— Прошу, скажи, что вы не устроили ставки.

— О, ставки уже начались. Но не по поводу дела. Бьемся об заклад, сколько тебе понадобится времени, чтобы избавиться от новой напарницы.

Фатима со свистом набрала воздух. Хадия! Из-за возвращения Сити и утренней встречи она совершенно забыла! Ее глаза просканировали офис.

— Где она? Ей уже выделили стол?

Хамед прикусил губы, безуспешно пытаясь скрыть улыбку. Приподняв чашку, он указал на дверь ее кабинета.

— Там с ней Онси сейчас. Он вводит ее в…

Фатима развернулась на каблуках, больше его не слушая. Дверь в ее кабинет была широко распахнута, и она прошествовала внутрь. Ей выделили помещение, когда назначили специальным следователем. Кабинет был большим, с окнами, выходящими на Нил, здесь хватало ме-

ста для стола и другой мебели, включая гардероб — где она держала запасные костюмы. Никогда нельзя быть слишком осторожной. Теперь в кабинете стоял второй стол. За ним сидела Хадия. Увидев Фатиму, она тут же поднялась.

— Доброе утро, агент Фатима, — поздоровался мужской голос.

Фатима перевела взгляд на приземистого мужчину. Агент Онси. Напарник Хамеда. На его коричневом лице, как обычно, сияла улыбка.

— Я как раз говорил с агентом Хадией. А вы знали, что мы вместе учились в академии? Я даже… — Он остановился, щурясь сквозь очки в серебряной проволочной оправе. — Агент Фатима, у вас все в порядке?

— Когда я пришла, стол уже стоял, — выпалила Хадия.

Фатима развернулась и вышла, не сказав и слова. Она смутно ощущала взгляды людей, пока шагала к кабинету директора Амира. Агент постучала в его дверь и дождалась, пока ее пригласят.

На первый взгляд Амир совсем не походил на директора. Седеющие волосы, сонные глаза и осунувшееся лицо создавали впечатление перегруженного работой бюрократа. На нем была потертая, мятая униформа, а на покрытом

папками и документами столе царил хаос. Но он руководил крупнейшим отделением министерства свыше десяти лет. Большинство в его положении не продержались и половины этого срока. Сейчас он стоял, сосредоточившись на перелистывании большой книги, словно пытался что-то найти.

— Я подозревал, что мы увидимся, — сказал он. — Удивительно, что это заняло так много времени. Садись.

Фатима уселась на узкий, неудобный стул. Ее глаза наткнулись на фото юного Амира, стоящее на столе, на фотографии он был в устаревшей министерской форме и с улыбкой на лице. Трудно поверить, что когда-то он был молод — или улыбался.

— Предполагаю, ты повстречалась с агентом Хадией.

— Мы встретились ночью, — ответила Фатима.

— Она заявилась в поместье Уортингтона? Впечатляет.

Можно и так сказать.

— Не думаю, что мы сработаемся.

— О? — Амир рассеянно исследовал стеллаж. Он доставал книги с полок, открывал и тряс их. Фатима собралась с духом. Директор славился

умением сбивать людей с толку.

— Я прекрасно справлялась с работой специального следователя без напарницы. Мои результаты говорят сами за себя. Поэтому я не понимаю, зачем она нужна мне сейчас. Я знаю, что министерство поощряет агентов работать в паре. Некоторым людям это подходит, но не всем. Мне кажется, агент Хадия заслуживает достойного наставника, и я не уверена, что смогу выполнять эту роль. — Вот. Коротко и по существу.

Амир не стал отвечать сразу, вытряхивая последнюю книгу. С недовольным хмыканьем он вернулся к столу и устроился в потрепанном кресле. Он был долговязым мужчиной, и когда он устремил на нее свои полузакрытые глаза, ей показалась, что над ней навис гриф.

— Спроси, сколько людей, прямо здесь, в Каире, болеют от сахара в крови, — сказал он.

— Я не… — моргнула Фатима.

— Нет, давай. Спроси меня.

— Сколько людей в Каире болеют от сахара в крови?

— Йа Аллах! Понятия не имею! У меня ужасная память на цифры!

— Вы только что *приказали* вас спросить.

— А знаешь, кто хорошо ладит с цифрами? —

продолжал он. — Моя жена. Статистик в Министерстве здравоохранения. Составила отчет о болезни от сахара в крови и о том, что в Каире настоящая эпидемия. Согласно ее вероятностной модели я могу болеть от сахара в крови и даже не знать об этом.

Он подался вперед.

— Так вот, знаешь, что она сделала? Она выбросила все сладости в нашем доме. Дошло до того, что я начал прятать сладкое в тайниках. На последний мавлид[31] я купил несколько леденцовых лошадок и оставил их в кабинете. Я посчитал, что она будет следить за кунжутными конфетами или малбаном — не за детскими конфетками. Но выяснилось, что она отыскала даже их, так что теперь мне даже нечего погрызть.

Фатима уставилась на начальника. Он это сделал. Он совершенно сбил ее с толку.

— Раздражает? Конечно. Взрослый мужчина должен есть столько сладостей, сколько ему заблагорассудится! — Он вздохнул, и его лицо расслабилось. — Но моя жена делает это для моего же блага. Как я могу на нее сердиться? Ты понимаешь, о чем я говорю?

---

[31] Примечания: 31
Празднование дня рождения пророка Мухаммеда.

Фатима покачала головой. Кто бы его вообще понял?

— Тебе назначили напарницу ради твоего же блага, агент, — рявкнул Амир. — Независимо от того, считаешь ты, что она тебе нужна или нет. Ты достойно поработала. Но твои дела все опаснее. Гули. Джинны. То жуткое происшествие с ангелом. Для одинокого следователя это небезопасно. Министерство хочет, чтобы агенты работали в паре и прикрывали друг другу спину.

— Но, директор, — запротестовала Фатима, — я часто работаю с каирской полицией. Они…

— Этого недостаточно, — покачал головой Амир. — Ты же не все время с полицией работаешь. И они не министерство. Слушай, я редко на тебя давлю. — Он указал на ее костюм. — Я хоть слово сказал о вопиющем несоблюдении министерской формы?

— Как минимум раз в месяц!

— Правда? — нахмурился он. — Ну, непохоже, что ты обращаешь на меня внимание, но на этот раз тебе придется. Приказ пришел с самого верха. Комиссия министерства хочет видеть агента Хадию здесь, в Каире. И они хотят, чтобы она была с тобой.

Комиссия? Фатима была сбита с толку. Вмеша-

лись высшие чины?

— Почему? Что в этом такого важного?

Амир наклонился ниже.

— Сколько у нас женщин-агентов? Я могу пересчитать на пальцах одной руки. Агент Самия в Александрии. Агент Наваль в Луксоре. Потом ты. И ты куда моложе, чем они. Агент Хадия — первая женщина, которую мы завербовали после тебя. Несколько месяцев назад женщины получили право голоса. Возможно, мы скоро увидим женщин в парламенте. Ходят слухи о женщинах, вступающих в полицию. Министерству нельзя отставать! Во всяком случае, не с этим Египетским феминистским сестринством, которое за всеми следит, а потом пишет в газеты!

Так вот в чем дело. Фатима предлагала новые подходы набора женщин *годы* назад, и ее почти всегда игнорировали. Теперь министерство играло в догонялки. А она с Хадией превратились в своего рода пиар-кампанию.

— Честно говоря, я удивлен. Мне казалось, ты обрадуешься, если среди нас будет больше женщин. Ты знаешь, я всегда тебя поддерживал. Ты знаешь, что я подписался на La Modernite с самого его появления?

Фатима молча застонала. La Modernite был

египетским журналом, в котором появлялись знаменитые мыслители, среди них женщины, ставшие ранними феминистками. Амир любил напоминать ей о своем более либеральном прошлом — постоянно.

— Если министерство хочет нанять больше женщин, — сказала Фатима, — значит, оно должно работать над наймом большего количества женщин. Чем больше, тем лучше. Но это не означает, что я хочу напарницу.

Амир пожал плечами и откинулся на спинку кресла.

— А я что угодно готов сейчас отдать за конфету. Мы не всегда получаем, что хотим, так ведь?

К тому времени, когда Фатима вернулась в офис, Онси уже ушел. Хадия продолжала стоять, нервно дергая за темно-синий хиджаб, в ее глазах мерцала надежда. Фатима закрыла дверь, повесила котелок на настенный крючок и упала в кресло за своим столом.

— Можете сесть, агент Хадия.

— Это не я предложила поставить здесь стол, — сказала она, присаживаясь.

— Я знаю. Думаю, Амир пытался донести свое решение.

Вышвырнуть ее? Мужики и их сплетни! Они

на седьмом небе будут, если единственные две женщины в бюро устроят галдеж. Но, с другой стороны, Фатима пыталась добиться ее переназначения. Но это не то же самое. Так ведь? Она пристально посмотрела на Хадию, вспоминая собственное назначение в этот офис. Как бы она себя почувствовала, если бы ей отказала единственная женщина-агент? Ее лицо покраснело, и она снова услышала голос мамы, которая бранила смущенную девочку, упавшую лицом в землю.

Фатима откашлялась:

— Агент Хадия. Возможно, я неверно высказалась прошлой ночью. У меня никогда не было напарницы. — Слово прозвучало странно. — Так что это будет новым опытом для нас обеих. Но, думаю, мы сумеем разобраться.

— Спасибо! — ахнула Хадия. — То есть это чудесно! То есть я вне себя от радости…

Фатима подняла руку.

— Понадобится время. Так что давайте пока не будем торопиться, хорошо?

Хадия оборвала свои восклицания и серьезно кивнула.

— Не торопиться. Я могу не торопиться.

Ну, во всяком случае, это начало. Ее глаза опустились на стол Хадии, к печатной машинке

среди стопок папок. Проследив за взглядом, новоявленная напарница схватила документ и подошла к ней.

— Я начала печатать отчет по делу. Мне показалось, вы захотите немедленно им заняться. К тому же мне нравится работать с документацией. Надеюсь, я не превысила полномочия?

Фатима взяла лист бумаги. Она *любит* работать с документами? Это шутка? У всех свои хобби, наверное. Может, у этой истории с напарницей есть свои преимущества. Она вспомнила, как Асим посылал новичков за кофе. Нет, это будет слишком. Она пробежалась по документу.

— Совсем не превысили. Откуда вы все это взяли?

— Полиция. Три раза пришлось звонить, чтобы получить информацию с курьером-автоевнухом.

Фатима ухмыльнулась. Три раза? О, Асим будет в восторге.

— Я просмотрела их находки, — продолжала Хадия. — Полиция опознала большинство жертв из списка гостей, найденного у лорда Уортингтона. Во всяком случае, фамилии.

Фатима всмотрелась в список… Далтон, Темплтон, Портендорф, Бернли. Английские фамилии.

— Личности двух тел не установлены.

— Женщина и мужчина в шкуре, — предположила Фатима.

Хадия кивнула:

— Судя по их одежде, могу поспорить, что они не англичане.

— И выиграете. Придвиньте стул, агент Хадия. Я расскажу, почему задержалась утром.

Следующие двадцать минут Фатима рассказывала о том, что обнаружила: личности безымянных мужчины и женщины; Братство аль-Джахиза; и догадку джанн по поводу таинственного огня. Когда она закончила, Хадия охнула.

— Ифрит, — выдохнула она. — И Аллах создал джиннов из огня, свободного от дыма.

Фатима была знакома с аятом, одним из многих, где упоминались джинны.

— Вы все это за одно утро узнали? От информантов среди идоло… — Хадия замерла, ее щеки покраснели. — То есть приверженцев старой религии?

Фатима не называла имен. Мериру. Точно не Сити. Но она назвала источник.

— Я работала с ними раньше. Странный народ, но доверять им можно. Они точно не сжигают людей. — Хадия покраснела еще сильнее.

— Но ничто из этого не раскрывает дела, — продолжала Фатима. — Чего братство хотело от ифрита? Огонь не убил нашего приятеля с вывернутой головой, так кто, или что, это сделал? И еще остается человек в золотой маске.

Хадия записывала в блокнот.

— Такое ощущение, что у нас еще больше вопросов.

— Оно будет сохраняться до самого конца. Во всяком случае, у нас есть зацепки. — Глаза Фатимы вернулись к стопке папок. — Давайте посмотрим, что еще нам прислал Асим. — Хадия встала, поворачиваясь, чтобы передать документы. — И, агент, — окликнула Фатима, закатывая рукава, — добро пожаловать в министерство.

Хадия просияла.

Глава седьмая

Когда Фатима добралась до улицы Мухаммеда Али, было уже пол-одиннадцатого вечера. Один из самых живых районов Каира наполняли обрывки музыки, а клиенты ныряли в заведения с кричащими вывесками. Электрический уд[32] переливался зелеными алхимическими лампами, а над другим заведением сиял красный силуэт танцовщицы кабаре. Желанная передышка после сегодняшнего дня.

Им понадобились несколько часов, чтобы перебрать все документы на лорда Уортингтона: его бизнес, персонал, финансовые трансакции. Компания Уортингтона выросла из торговли и строительных контрактов — поскольку даже в мире магии и джиннов вам нужны обыденные вещи, вроде инвесторов и капитала. А когда убивают богатых людей, следователь практически неизбежно возвращается к их капиталу. Но они остались с пустыми руками. К вечеру Фатима решила закругляться и отправила Хадию домой. Оставалось только ждать, что люди Асима на-

---

[32] Примечания: 32
Арабская лютня.

роют к понедельнику. Все это подпортило ей настроение, и Фатима еще сильнее ждала ночи.

Она свернула с бульвара на одну из темных улочек. Здесь их было меньше, чем в Хане, но все-таки заблудиться несложно. Фатима прошла под аркой у плохо освещенного скверика и спустилась по ступенькам к почти невидимой двери. Затем постучала тростью в определенном порядке: три быстрых стука, два медленных, три быстрых. В верхней части двери открылось окошко, в нем показались глаза с изменчивыми пурпурными зрачками.

— Потерялась?

— Ищу жасминовый чай, — ответила она.

— Сколько сахара?

— Совсем чуть-чуть.

Окошко захлопнулось, и в двери появился здоровенный джинн в черном фраке. Он взмахнул рукой, блеснули пурпурные зрачки:

— Добро пожаловать в «Жасмин».

Фатима прошла внутрь, и ее захлестнуло маленьким штормом какофонии музыки и кутежа.

«Жасмин» не указывался ни в одном путеводителе. За его стенами никто даже этого названия не произносил. Все называли его «Пятачок».

Посетители общались или смеялись, пока ав-

тоевнухи в смокингах и красных фесках убирали со столов пустые бокалы. В «Пятачке» выпивка лилась рекой. В основном пиво, любимый египетский алкоголь. Но пили и вино, и новомодное шипучее шампанское с зачарованными эликсирами, которое, вполне буквально, поднимало тебя над землей.

Но никто не приходил сюда только за алкоголем. Его можно без труда добыть где угодно в Каире, даже иностранные марки. Уникальным «Жасмин» делала его клиентура. За одним столиком две женщины в парижских платьях курили тонкие сигареты в длинных черепаховых мундштуках — светские львицы решили спуститься на дно. Между ними сидел высокий молочно-белый джинн с неестественно красивым лицом, он затягивался кальяном и выдыхал вращающиеся серебряные кольца. На площадке с грацией танцоров кабаре кружились юноши с манерами уличных бандитов — в паре с аристократичного вида женщинами, которых они никогда бы не встретили в другом месте, ни днем ни ночью. Часть мужчин танцевали друг с другом. Все окружение двигалось под завораживающую музыку с приподнятой сцены.

Пробираясь сквозь толпу, Фатима профлани-

ровала до бара. Напитки разливал невысокий джинн-бармен с шестью руками. Она поймала стакан, проехавший по стойке, и подняла его, чтобы сделать небольшой глоток.

— У тебя такое лицо, будто что-то серьезное пьешь, — прокомментировал кто-то на английском, — хотя это всего лишь сарсапарель![33] — Она повернулась и увидела немолодого мужчину в коричневом костюме, который сидел через несколько стульев.

— Сарсапарель с мятой и чаем, — поправила она. — Попробуй как-нибудь.

Мужчина фыркнул:

— Я люблю, чтоб выпивка была *выпивкой*! — Его коричневое лицо расплылось в улыбке. — Как дела, Фатима?

— Нормально, Бенни. Давно не виделись, — улыбнулась она в ответ.

— А будто только что! — Он пересел ближе, положив рядом корнет.

Бенни был родом из Америки, как большинство музыкантов в «Жасмине», — из места под названием Новый Орлеан. Люди стекались в Каир отовсюду. Кто-то искал работу или хотел

---

[33] Примечания: 33
Корневое пиво на основе смилакса.

увидеть механические чудеса и джиннов. Бенни и другие люди сбежали от Джима Кроу[34]. Они привезли с собой надежды, мечты и фантастическую музыку.

— Ты сегодня играешь? — спросила Фатима.

— Каждую ночь.

Их внимание привлекла труба на сцене. Мужчина играл, откинувшись назад, движения его пальцев сливались в пятно, заставляя инструмент издавать пронзительные стоны и вскрики, словно любовники поздней ночью или ссора ранним утром. Позади него группа присоединилась к тираде в многообразной гармонии кларнетов и тромбонов.

У Бенни не было названия тому, что они делали. Он говорил, что это новоорлеанский звук. Но он утверждал, что однажды эта музыка станет самой крутой во всем мире. Фатима охотно верила. Когда она впервые услышала эту гипнотическую, прекрасную музыку, ее словно накрыло волной. Синкопированные ритмы и мелодии поднимались по спине, заставляли двигаться, жить, быть свободной.

— Банки умеет дудеть!

---

[34] Примечания: 34

Законы Джима Кроу — неофициальное название законов о расовой сегрегации в некоторых штатах США с 1890 по 1964 год.

Фатима повернулась и заметила, что вокруг нее расселись другие люди. Щекастого мужчину в голубом костюме звали Альфредом, по кличке Лягух — он играл на тромбоне. Коротышку с тонкими губами и в красной феске, сжимающего футляр с кларнетом, — Бигсом. Худой парень в золотом костюме и шляпе в цвет, который произнес последнюю фразу, играл на пианино. Она не была уверена насчет его настоящего имени, поскольку он отзывался только на Манса Муса[35].

— Да, есть такое, — кивнул Бенни. — Но слышал и лучше.

— И кого именно?! — вскричал Манса Муса.

— Я трех назвать могу. Но достаточно и одного.

— А ну давай.

— Бадди Болден[36].

Манса Муса застонал:

— Почему каждый раз, как мы говорим о музыке, ты вспоминаешь Бадди Болдена?

— Если бы ты хоть раз его услышал, — квакнул Альфред, — ты бы не спрашивал.

---

[35] Примечания: 35

Правитель средневекового государства Мали, в регионе Западного Судана.

[36] Примечания: 36

Легендарный новоорлеанский джазмен, один из основоположников джаза.

Все остальные закивали.

— Помню, видел раз, как играет Бадди, — продолжил Бенни. — Вот, что я тебе скажу, Фатима, — это было нечто. Он играл так громко, что его труба сдула весь первый ряд. Нет, говорю тебе, это правда! Люди кубарем катились! Одна женщина, она вообще прям из зала выкатилась! Продолжала катиться всю субботнюю ночь, и никто ее найти не мог, пока она не докатилась до церкви воскресным утром!

Манса Муса вскинул руки, и группа взорвалась смехом. Фатима улыбнулась.

— Ну, Бадди больше нет, — вставил Альфред. — Оставили его, Джима Кроу и старый Новый Орлеан позади. — Он поднял стакан. — За Короля Болдена. Им не отнять твою магию.

Остальные подняли стаканы, поддерживая тост. Когда аль-Джахиз вернул в мир волшебство, это произошло не только в Египте. Оно появилось повсюду. Во всем мире. В Америке возвращение магии встретили гонениями. Бенни и остальные до сих пор шептались с широко распахнутыми

глазами о чародее по имени Роберт Чарльз[37], который чуть не поставил Новый Орлеан на колени. Они утверждали, что Бадди Болден своей музыкой творил волшебство иного рода, и дорого заплатил за этот дар.

— Иногда я скучаю по дому, — вздохнул Альфред. — Но точно не по Джиму Кроу.

— Аминь! — добавил Бенни. — В Каире нет Джима Кроу!

Хор «Да, это точно!» поддержал его со всех сторон.

— Не знаю как-чего, — вмешался Манса Муса, взбалтывая содержимое стакана. — Ко мне ничего относятся, потому как я не отсюда. А вот другим ребятам, черным, как мы, повезло меньше. Видал, как их выставляли из разных мест, и не раз. Даже плевали на них. Пощечины давали на улицах. И кто живет в трущобах? Бу-ку[38] лица, как у нас. Все, как дома.

Фатима не могла отрицать его слов. У Егип-

---

[37] Примечания: 37

В нашем мире прославился тем, что при попытке незаконного задержания застрелил насмерть четырех полицейских, двух гражданских и ранил еще двадцать человек. Из-за него в Новом Орлеане были массовые расовые волнения, инициированные группой белых линчевателей.

[38] Примечания: 38

Boo-coo — сленг, от *франц.* beacoup: много, большое количество.

та хватало своих проблем. То, что аль-Джахиз был суданцем, немного улучшило ситуацию. Предпринимались даже попытки принять закон против дискриминации. Но укоренившиеся предрассудки трудно побороть.

— Фигня, — проворчал Бенни. — Дома Фатима бы катала с Джимом Кроу. Половина здесь не пройдет тест с бумажным пакетом.

— Многие даже за окторона[39] не сойдут, — сказал Альфред. — Черт, даже за кватерона.

— Но они этого не знают, — хмыкнул Манса Муса.

— Некоторые октороны и кватероны тоже не знают, — съязвил Бенни.

Снова раздался смех, а Фатима зачарованно слушала их разговор. Она многое от них почерпнула для своего английского. Даже выучила ритм их речи и словоизменения. Но просторечия от нее иногда ускользали. Что за штука такая — окторон?

— Вот почему я наряжаюсь, куда бы ни шел, — поделился Манса Муса. — Люди к тебе относятся как надо, если ты в костюмчике. Как оно, Фат? Четкий прикид сегодня!

---

[39] Примечания: 39
Одна восьмая негритянской крови.

Фатима, как обычно, щелкнула по котелку. Она выбрала яркий винный цвет с парчовой жилеткой. Темно-оливковый галстук держал на месте зажим с серебряным шариком поверх полосатой рубашки с воротником-стойкой. Он был прав. Люди действительно относятся к тебе иначе, когда ты в костюме.

— Все в курсе, что это я научил Фатиму одеваться? — спросил Манса Муса.

— Но у тебя все костюмы золотые. — Фатима смотрела на него без выражения.

Бенни залился лающим смехом, вслед за ним затряс щеками Альфред, хлопая по стойке.

— Вам, ребят, — оскорбился Манса Муса, — надо следить, как вы говорите с королем! — Он взял псевдоним после того, как услышал о малийском императоре, который ехал на хадж через Египет, рассыпая вокруг столько золота, что хватило бы обрушить местные рынки — во всяком случае, так утверждали истории. Свои номера Манса заканчивал душем фальшивых золотых монет, которые люди разбирали как сокровище.

— Ого! — воскликнул Бенни, глядя в зал. — А вот и беда нагрянула!

Фатима проследила его взгляд до высокой фигуры у входа. Сити. И Бенни был прав. Она вы-

глядела настоящей бедой — в длинном красном вечернем платье с кружевами и шифоном, ниспадавшим до ног. Под газовым верхом был лиф с сеткой бисера, поблескивающей в приглушенном свете, талию охватывал такой же бисерный пояс.

Взгляд нубийки наткнулся на Фатиму, и она отправилась в медленное дефиле, сопровождаемая восхищенными взглядами. Ее встретил хор приветствий. Бенни с друзьями относился к Фатиме как к своей, но Сити совсем другое дело — женщина, которую следует осыпать комплиментами и обмениваться колкостями. Когда утих шум, она скользнула на стул перед Фатимой и протянула руку, чтобы подергать ее за галстук.

— Забавно тебя здесь встретить.

Фатима бросила взгляд на золотую диадему, угнездившуюся в коротком парике, который сегодня надела Сити, — на ней была выгравирована львица.

— Выглядишь…

— Как пламенный гнев богини, воплотившийся на Земле?

— Я собиралась сказать «прекрасно».

— Сойдет и так. — Она поймала напиток, запущенный барменом, и опустошила стакан одним глотком. Перевела взгляд на стакан Фатимы. —

Сарсапарель? С мятой?

— И чаем.

— Мы здесь, чтобы отрываться, — цыкнула Сити. — Нарушать правила.

— Я уже практически преступница.

— Не пойми неправильно, но эти твои ясные карие глазоньки выглядят усталыми. Длинный день в службе «Охотников за жутью»?

«Охотников за жутью?»

— Знаешь, как скучно изучать финансовые отчеты транснационального бизнеса с десятками дочерних компаний?

— Нет. И не хочу знать. Никогда.

— Даже вместе с Хадией это заняло несколько часов.

— Хадией?

— Моя новая… напарница. — Слово по-прежнему звучало странно.

— Напарница? — Глаза Сити вспыхнули. — Новая леди в команде «Охотников за жутью»? Симпатичная, как ты? С фетишем на костюмы и язычников? Чего ж ты ее не привела?

Фатима попыталась представить Хадию в «Пятачке» и не преуспела.

— Мне кажется, она нарушает даже меньше правил, чем я. Вся такая светлая и энергичная.

Мне пришлось силком ее из офиса выставлять. Зато любит печатать отчеты.

— Агент Фатима и энергичная леди-напарница. Дождаться не могу нашей встречи.

Фатима замерла посреди глотка. Встречи? Сити рассмеялась, прикрывая рот.

— Расслабься. Но тебе придется сообразить, как ей объяснить, что она постоянно натыкается на меня в твоей компании. Я довольно запоминающаяся девушка.

— Значит, ты собираешься еще долго здесь оставаться?

Сити ответила, прикончив еще один стакан, что ответом вовсе не являлось.

Воздух обожгло внезапным грохотом барабанов, к которым присоединились удары ладоней по дарбукам[40]. Для того чтобы новоорлеанская музыка смешалась с местной, много времени не понадобилось, — словно родня воссоединилась. Получился яркий стиль, бьющийся вместе с сердцем Каира, выплескивающийся из подпольных притонов на улицы города. Звуки взбудоражили ринувшуюся на танцплощадку толпу.

К девушкам придвинулся Манса Муса, предла-

---

[40] Примечания: 40
Дарбука — арабский барабан.

гая нубийке руку:

— Король проводит тебя стильно.

— Боюсь, этот танец зарезервирован. Йа Алла! — ответил она, обнимая Фатиму.

Фатима поднялась, беспомощно пожала плечами и щелкнула по котелку в качестве извинения Мусе. Он рассмеялся и щелкнул по золотой шляпе в ответ. Подруги ступили на площадку как раз, когда зазвучала труба. Сити повернулась, а Фатима сделала шаг вперед, ловя ее за талию, притягивая к себе и отыскивая общий ритм. Пара обменялась понимающими улыбками, позволяя движениям говорить за себя. Фатима считала, что если это не магия, то магии и вовсе не существует.

* * *

Несколькими часами позже они брели по переулкам рядом с улицей Мухаммеда Али. Фатима постукивала на каждом шагу тростью, под руку с приплясывающей Сити, словно в голове у той продолжали играть трубы и барабаны. Они или алкоголь.

— Куда теперь? — невнятно спросила она.

— Я думаю, — посмотрела на нее Фатима, — что для твоей семьи ты сейчас будешь немного слишком.

— Я сплю в комнате тетушки Азизы. Она мало что замечает.

— Я в этом не уверена. Давай лучше ко мне.

— Будто я собиралась куда-то еще, — подмигнула Сити.

— Но тебе придется воспользоваться парадной дверью. Не люблю забираться в окна.

— Собираешься познакомить меня с тем пронырливым бавабом? Он *всегда* у дверей.

Махмуд *всегда* оказывался у дверей.

— Пусть думает, что хочет. Я плачу за аренду.

— Нам не обязательно прям сейчас идти, — хихикнула Сити. — Я все еще в платье под этой штукой. — Она указала на свой темный кафтан.

Фатима с сомнением прищурилась. Она и раньше с трудом переживала ночные гулянки с Сити.

— Как насчет пойти домой? Я заварю чаю, мы поболтаем. Сегодня пятница. Можешь остаться ночевать.

— Да ты романтик. — Сити поцеловала ее в ухо. — Может, еще стихами меня соблазнить собираешься?

— Ты любишь стихи? — подняла бровь Фатима.

— Только старенькие. Могу наизусть прочитать

Маджнуна[41].

— Впечатляет. Любишь персидские истории о любви?

— Нет ничего круче трагической и неразделенной любви. Еще немного из Антара[42] помню.

— Это объясняет слова твоей тети. Она полагает, что я должна читать тебе стихи.

— Тебе это тетушка Азиза сказала?

— Айва. Сказала, я так могу завоевать твое сердце.

— Коварная старушка, — пробормотала Сити.

— Она говорит, что ты слишком похожа на отца. И что поэтому ты так любишь бродяжничать. — От наступившей тишины Фатиме немедленно захотелось забрать свои слова назад.

— Ну, — сказала Сити после долгой паузы, расслабляя руки. — Тетушка любит поговорить.

— Извини. — Про себя Фатима проклинала свой болтливый рот. — Мне не стоило…

Сити махнула рукой, будто отметая извинения — или отсутствующего отца.

---

[41] Примечания: 41

«Лейли и Маджнун» — трагическая история любви, очень популярная на Востоке. Стихи по ее мотивам писали многие поэты, но самые знаменитые создал Низами Генджеви в XII веке.

[42] Примечания: 42

Антара ибн Шаддад — доисламский воин и поэт.

— Думаю, немного чая и сплетен вполне сгодятся. — Она постучала пальцем под глазом. — Но он тоже с нами идет?

— Что?

Фатима повернулась было назад, но Сити прищелкнула языком:

— Ну не так же явно!

Она ограничилась тем, что скосила глаза, поймав темную фигуру боковым зрением. За ними следили.

— Сколько он за нами идет? — прошипела Фатима.

— Не уверена. Скорее всего, от самого «Пятачка».

Фатима обвела улицу взглядом. В этих переулках таилось много теней.

— Мы ведь тоже так встретились.

— Ты меня обокрала, чтобы привлечь внимание. Потому что ты со странностями. Он, скорее всего, вор.

— Или маньяк-убийца. Который охотится на девушек в ночном городе!

— Не повезло ему.

— Не повезло, — почти прорычала Сити.

Парочка завернула за угол, проходя мимо заостренной арки и вниз по ступеням, ведущим в

тени. Затем они разошлись, занимая позиции по разным сторонам. Фатима зажала набалдашник трости, обнажая меч на несколько дюймов. Люди всегда предпочитали болезненный путь, чтобы выяснить, что трость у нее не только для украшения. Сити стояла, подавшись вперед, оскалив зубы и в полной готовности наброситься.

В тишине раздались шаги их преследователя. Он заколебался, прежде чем спуститься по лестнице и войти в тени. Фигура в темном плаще и капюшоне проплывала прямо между ними.

«Дилетант», — подумала Фатима. Она выждала, пока он пройдет чуть дальше, затем вытащила меч, позволяя звуку обнажаемой стали разнестись по переулку. Он развернулся как раз вовремя, чтобы плоскость клинка опустилась на его колени. Раздался вой боли, и ноги преследователя подогнулись. Голос оборвался, когда Сити бросилась на неизвестного, отбрасывая его назад со звучным ударом. Она прижимала его грудь коленом, пока он пытался вдохнуть.

— Не тех женщин выбрал для охоты? Ты маньяк или кто ты такой? Говори!

Мужчина извивался, бился в своем плаще и булькал.

— Не думаю, что он сможет заговорить, если ты

будешь так его зажимать, — заметила Фатима.

— Его проблема. Не моя. — Она сильнее нажала коленом, и мужчина вскрикнул.

Фатима нагнулась, отбрасывая капюшон.

— Слушай, друг, ты бы лучше… — Она остановилась, увидев его лицо. Лысый, кожа бледно-серого цвета. И без бровей.

— Ахмад? — спросила Сити, поднимая колено.

Он охнул, а затем слабо пролепетал:

— Можете меня называть лордом Собеком. Гневным. Защ…

— Ахмад!

— Да? — Он вздрогнул, облизывая розовым языком слишком острые зубы.

— Что ты здесь делаешь, Ахмад? — Сити спрыгнула и недоуменно пожала плечами.

Странный мужчина поднялся на ноги. Его темно-зеленые глаза уставились на Фатиму.

— Я искал вас. Видел, как вы зашли в то место. Потом Сити. Подумал, когда-нибудь вы да выйдете.

— Вы за мной следили? Давно? — нахмурилась Фатима.

— От вашей квартиры. — Он отступил, когда она сделала шаг вперед. — У меня была хорошая причина!

— Чтобы меня преследовать?

— Я хотел видеть, как вы расследуете дело! — Фатима сделала паузу, которой он воспользовался, чтобы продолжать говорить. — Я думал, что министерство будет работать днем и ночью, чтобы поймать убийцу Эстер. Вместо этого вы развлекаетесь, будто ее смерть ничего не значит!

— Не нужно мне говорить, как выполнять свою работу. — Фатима была захвачена врасплох. — У меня тоже есть своя жизнь.

— Есть жизнь? — На месте, где должны были находиться брови, поднялась кожа. — Сегодня я ходил в полицию, чтобы опознать Эстер. Чтобы ее семья могла узнать. — Его лицо исказилось. — Тело настолько обгорело, я даже лица ее не смог увидеть. Я не смог…

Гнев Фатимы ослабел. У него не было права за ней следить. Но она понимала горе.

— Ахмад, — мягко сказала Сити. — Мне жаль, что тебе приходится через это проходить. Но то, что ты крадешься за нами во тьме, тебе ничем не поможет. Почему ты просто не пришел к Фатиме и не поговорил?

— Ждал подходящего случая. — Он пожал плечами. — Не хотелось выглядеть… жутким.

— Этот корабль уже ушел, Ахмад! — вздохнула

Сити.

— Министерство делает все, что в его силах, — сказала ему Фатима. — Мы расследуем каждую зацепку.

— Мне кажется, одну я вам нашел. Зацепку. — Темные глаза Ахмада вспыхнули. Он встретил их озадаченные взгляды. — Я проведу. Вам стоит самим увидеть.

* * *

Фатима украдкой бросала взгляды на сидящего напротив в автоматической карете Ахмада. Мужчина достал серебряную зажигалку-скарабея, чтобы закурить третью сигарету «Нефертари», пуская дым в окно. Он еще больше походил на крокодила: словно его лицо удлинилось.

— Разве его нос утром не был короче? — прошептала она.

Расположившаяся рядом Сити присмотрелась. Ее голос стал четче, и она казалась трезвей и более собранной.

— Он давно уже такой. Что бы ни происходило, похоже, процесс ускорился.

— Что это за магия? — спросила Фатима.

— Понятия не имею. Не мой храм.

— Похоже на какую-то метаморфозу. Ты, наде-

юсь, ничем таким не увлекаешься?

— Не переживай. Хатор не превратит меня в золотую корову, если ты об этом.

— А Сехмет?

— Не могу же я раскрыть все свои секреты, — сверкнула львиной улыбкой Сити. — Но Леди всегда рядом.

Фатима попыталась представить свирепую богиню внутри женщины, выглядывающую сквозь ее глаза. Однако, немного поразмыслив, она решила, что это не тот образ, который ей хотелось бы вызывать в воображении. Вместо этого она вернулась к попыткам вычислить их местоположение. Где-то за пределами города. Они ехали почти полчаса, и проводник так и не поделился, куда они направляются.

— Ты правда думаешь, что это хорошая идея?

— Я думаю, что стоит хотя бы глянуть, — ответила Сити.

— Что, если ты была права поначалу? Что, если он маньяк-убийца? Он себя богом-крокодилом считает.

— Думаешь, он везет нас скормить своим крокодильим миньонам? — притворилась серьезной Сити.

— Надеюсь, ты и дальше сможешь шутить,

когда нас съедят заживо.

— Собек не любит смертную плоть, — вмешался Ахмад. — Но у него прекрасный слух.

Сити расхохоталась, а слегка смущенная Фатима вернулась к окну. Карета свернула с главной дороги к старым заводским районам, где поднимались обшарпанные здания.

— Здесь выходим, — сказал Ахмад, отбрасывая сигаретный бычок.

Фатима поморщилась, когда они ступили на грязную дорогу и ее коньячные туфли присыпало пылью. Они приехали в старый заводской район Каира, построенный после появления джиннов. Люди хлынули из деревень в надежде на хороший заработок в большом городе. Со временем заводы закрылись — переехали в новые производственные узлы, вроде Хелуана или Гелиополиса. Но многие люди остались, заполонив трущобы вокруг гниющих останков индустрии.

— Сюда. — Ахмад шел впереди. Они последовали за ним, спотыкаясь на покрытой рытвинами земле. То, что здесь считалось домами, едва можно было посчитать лачугами: халабуды из кирпича, известняка, даже глины. В некоторых из них горел слабый огонь, а временами лампы люминесцентного алхимического газа.

— Легко забыть, что такие места существуют, — пробормотала Сити, рассматривая старуху с ведрами.

— У прогресса свои недостатки, — добавила Фатима, когда мимо пробежало несколько взбудораженных юнцов.

— Что все эти люди делают в такое-то время?

Фатима думала о том же. В подобных местах активность не прекращалась никогда, у них были даже собственные поздние развлечения. Но эти люди слонялись вокруг, как посреди дня. Она присмотрелась внимательнее. Не слонялись. Большинство двигалось в том же направлении, куда шли они, к огромному старому заводу, построенному в центре трущоб.

Фатима догнала Ахмада:

— Куда вы нас ведете?

В ответ он остановил прохожего: мальчика не больше двенадцати лет в галабее не по размеру. Тот сморщил курносый нос и открыл было рот, чтобы запротестовать, но замер, когда увидел лицо Ахмада.

— Немного твоего времени, — прохрипел мужчина. — И кое-что за беспокойство.

Глаза мальчишки расширились, а пальцы быстро выхватили монету из ладони Ахмада.

— Храни вас Аллах, паша. То есть джинн.

Фатима ухмыльнулась. Понятная ошибка.

— Расскажи леди, куда идешь, — сказал Ахмад.

— Чтобы увидеть человека в черном! — выпалил мальчик. — Человека в золотой маске!

Фатима уставилась на Ахмада, потом на мальчика.

— Что за человек в золотой маске?

— Говорят, называть его имя к беде! — отпрянул пацан. — Но он творит чудеса! Валлахи, я их своими глазами видел!

Фатима хотела еще надавить, но Ахмад отпустил парня, который тут же сбежал.

— Что происходит? — потребовала ответа она.

— Когда вы рассказали о загадочном мужчине в поместье Уортингтона, я вспомнил о слухах. О разговорах о человеке в черном, который посещает подобные места.

— И вам не пришло в голову поделиться?

— Я хотел удостовериться. Я до сегодняшнего дня считал это уличной байкой.

— Ничего такого не слышала, — с сомнением протянула Сити.

— Ты была в разъездах. И храм Хатор посещают состоятельные прихожане, в то время как верующие Собека живут среди тех, кому повезло

меньше.

— У нас вовсе не состоятельные… — начала спорить Сити, но Фатима ее оборвала. Неподходящее время. Кроме того, они добрались до старого завода. От здания мало что осталось, кроме разваливающегося остова, у него не хватало крыши и двух стен. В открывшемся пространстве десятки людей собирались в толпу. Фатима проводила их восторженные взгляды до верхней части стены, откуда вещала фигура.

Фатима была ошеломлена.

Он оказался именно таким, как описывала Абигейл Уортингтон — высоким и закутанным в черную мантию. Он был не один. Справа стоял мужчина в черной рубахе и бриджах. Он оставался неподвижным, а слова высокого человека отдавались эхом в ночи.

— …Я узнал, что мои люди потеряны, — громыхал он. — Каир превратился в центр упадка, где копят богатства, в то время как многие брошены в нужде. Где богатей, что подает милостыню? Где врач, что лечит? Где надежда, обещанная прогрессом?

Из толпы раздались крики одобрения и просьбы продолжать. Фатима протолкалась мимо Ахмада, желая получить лучший обзор.

— Когда я пришел впервые, я жил среди таких, как вы, — продолжал мужчина. — Тех, кого отвергло общество. Теперь я вернулся, не к могущественным, но к слабым. Чтобы заполнить уши, готовые слушать! Чтобы научить тех, кто хочет учиться! Чтобы выправить то, что выросло кривым!

Еще крики одобрения. Фатима добралась до передней части толпы, вытягивая шею, чтобы лучше рассмотреть оратора. Она склонилась к пожилому мужчине сбоку от нее.

— Дядя, кто это?

— Это он! — ответил старик, не сводя глаз с высокого мужчины. — Тот, кто вернулся!

— Кто? — потребовала она. — Кто вернулся?

На этот раз старик на нее посмотрел, на бородатом лице застыло удивление от ее невежества.

— Говорят, мы не должны произносить его имени, но он Великий Учитель, Изобретатель, Хозяин Джиннов. — Он прошептал в благоговении: — Аль-Джахиз!

Фатима потрясенно уставилась на собеседника. Перевела взгляд на Сити, которая тоже выглядела оторопелой.

— На улицах Каира, — хмуро кивнул Ахмад, — в позабытых нами местах люди говорят, что

аль-Джахиз вернулся. Таинственный человек в золотой маске. Точно, как тот, что сбежал с места, где убили братство аль-Джахиза. Как думаете, каковы шансы?

Вместо ответа Фатима снова уставилась на мужчину на стене. Тот стоял, заложив руки за спину, упиваясь восторгом толпы. Он обозревал людей, а затем посмотрел прямо туда, где была Фатима. На мгновение их взгляды встретились, и ее бросило в дрожь. Лицо мужчины скрывала золотая маска. Однако даже на таком расстоянии она видела его глаза — силу, скрытую в них. Какую-то секунду они друг друга рассматривали. Затем он поднял руку и указал вниз. Неподвижная фигура рядом с ним вскинула голову, словно ожила, — чтобы броситься со стены на землю.

Фатима ахнула. Он мог погибнуть, упав с такой высоты, — по меньшей мере четыре этажа. Или сломать половину костей в теле. Но они приземлились на полуприсед, ботинки подняли облака пыли.

Фатима моргнула. «Погоди, *они?*» Со стены спрыгнул один мужчина. Она была уверена. Но теперь их стало двое! Одинаковых! В тех же масках: черных и в виде человеческих лиц. Они переглянулись и бросились вперед, стройные

тела двигались подобно шакалам.

— Фатима!

Предупреждение Сити достигло ее ушей, когда одна из фигур приблизилась вплотную. Фатиме едва хватило времени, чтобы поднять трость, блокируя кулак, и отскочить назад, когда тот напал снова. Раздался рык, и мимо нее пронеслась Сити, целя в атакующего. Но к драке присоединился его товарищ, отвешивая пинки, которые ей пришлось отбивать.

Фатима споткнулась, когда толпа отступила от сражающихся. Мужчина двигался быстро — невероятно быстро. Не было никакой возможности извлечь меч, он не давал ей шанса. Фатиме пришлось использовать трость, чтобы парировать его атаки. Нужно быстрее что-нибудь придумать, иначе…

Размытым пятном он преодолел ее защиту, и в бок Фатимы врезался кулак. Обжигающее копье боли чуть не заставило ее сложиться вдвое. Но даже на это не хватило времени, поскольку ладонь нападающего ударила агента в грудь. Казалось, ее огрели камнем. Ноги следователя оторвались от земли, и она тяжело рухнула на спину. Аллах! Больно! Везде! Оглушенная, она посмотрела вверх, чтобы увидеть, как он приближается с

изяществом кота, преследующего мышь. Фатима панически пыталась выхватить клинок, высвободив его как раз в тот момент, когда противник опустился с заведенным кулаком.

— Назад! Или…

Прежде чем она успела закончить, он бросился на меч. Лезвие скользнуло сквозь рубашку и кожу, погружаясь в его грудь. Он остановился, изучая оружие, которое, скорее всего, пробило легкое. Скоро он будет сплевывать кровь в свою маску. Проклятье! Она этого не хотела! Мужчина поднял взгляд и уставился на нее немигающими глазами — черное на черном, без намека на белок. Затем он двинулся вперед, пропуская меч сквозь себя. Глаза Фатимы расширились в неверии. На серебристом лезвии не было крови. Вместо этого ей показалось, что она увидела едва заметный черный туман, словно песчинки. Он толкнул себя ближе, пока их лица едва не касались — и не сводил взгляда нечеловеческих глаз.

Прозвучал резкий голос, и ее противник отпрянул. На месте, где должна была появиться рана, формировался черный туман. Фатима смотрела, как он бежит к своему близнецу, с которым сражалась Сити. Атакующие соприкоснулись — и в мгновение стали одним. В невероятном

прыжке он взмыл в воздух, приземлившись на стену рядом с человеком в золотой маске. Фатима поднялась на ноги, игнорируя колющую боль в груди, прижала ладонью бок и устремила взор на оратора. Что здесь вообще происходит?

Сити, однако, размышлениям предаваться не стала.

С ревом львицы она сдернула свой парик и запустила его в стоящих наверху. Затем она сама прыгнула на стену — зацепившись чем-то острым и металлическим. Фатима узнала перчатки с серебряными когтями. Она их повсюду с собой таскает? Взрыкивая, Сити принялась взбираться, все еще в платье, но уже босиком. Не только Ахмада одарили странным волшебством. У Сити были собственные чары: магия, делающая ее быстрее, сильнее. Она в секунды преодолела треть стены, влекомая гневом и чистым упрямством. Глядя на ее подъем, Фатима снова задумалась о богине, живущей в ее подруге. Затем стена взорвалась огнем.

Когда красное, как кровь, пламя осветило ночь, Фатима отскочила назад, чувствуя жар на своей коже. Сити спрыгнула. Она должна была упасть переломанной грудой костей, но как-то умудрилась приземлиться на четвереньки — грациозной

кошкой. Прежде чем кто-либо из них успел вымолвить слово, огонь потух. Обе фигуры на стене исчезли вместе с ним.

— Трусы! — прокричала Сити. — Я почти его достала!

— Ты в порядке? — Фатима заковыляла к подруге.

— Меня даже не задело. — Сити согнула пальцы с дымящимися когтями. Затем ее сердитые глаза округлились в тревоге. — Ты ранена!

Фатима крякнула от боли, когда Сити взяла ее под руку, чтобы поддержать.

— Пропустила удар в бок. Думаю, он мог, — она выдохнула, говорить было больно, — сломать ребро.

— Они сильнее, чем выглядели. — Сити обняла ее за талию, позволяя опереться.

Фатима кивнула. Она вспомнила труп со свернутой шеей. *Нечеловеческая* сила.

— Не думаю, что они собирались вас ранить, — сказал Ахмад. Во время боя он отступил вместе с толпой и теперь вернулся. Жрец посмотрел на Фатиму и исправился. — Во всяком случае, не смертельно.

— А ты вообще был бесполезен! — вызверилась Сити. — Было бы очень мило хоть как-то помочь!

— Мне показалось, вы справляетесь, — совершенно по-крокодильи поморщился он. — Кроме того, я думаю, они хотели оставить послание, не более того.

— И что же это за послание? — пробрюзжала Сити.

Ахмад указал на стену. Кирпичи были обожжены, но в некоторых местах камень остался нетронутым, складываясь в текст, написанный сверху вниз.

— Ладно, — признала Сити. — Это послание.

Когда Фатима прочитала слова, она почувствовала, как сжимаются ее зубы вместе с желудком:

УЗРИТЕ ЖЕ, Я АЛЬ-ДЖАХИЗ.
И Я ВЕРНУЛСЯ.

Глава восьмая

В отличие от большинства государственных учреждений министерство не закрывалось по пятницам. В нем оставались дежурная бригада и штатный состав автоевнухов, управляемых разумным зданием. Когда Фатима вошла в офис вместе с Хадией, она практически не обратила внимание на пустоту или странную тишину. В своей голове она все еще переваривала прошлую ночь.

— Обычно я провожу пятницу с кузинами, — поделилась Хадия. — Но я рада, что вы позвонили.

Фатима осознала, что она не просила Хадию приходить — скорее потребовала. Это было грубо. Но это говорило о том, насколько она взвинчена. Этим утром она твердо решила отправиться на работу. Даже выбрала консервативный костюм — синий с темно-бордовым галстуком и крепкими коричневыми туфлями. Игры в денди могут подождать. Ну, помимо золотой заколки для галстука и запонок из того же набора. Не говоря о котелке и трости. Может фиолетовая рубашка в полоску считаться за дендизм?

Как бы там ни было, она собиралась подойти

к делу со всей серьезностью. Трудно признать, но Ахмад оказался прав. Ей стоило отработать подозреваемого в маске. Вместо этого она отодвинула расследование на задний план, дожидаясь результатов Асима. Отчасти причиной тому была Сити — чье возвращение повлияло на нее больше, чем ей хотелось признать. Но город не стоит на месте только потому, что она решила взять выходной.

— Будьте начеку, — сказала Фатима, когда они подошли к лифту. — Лучший совет, который я могу дать агенту. — Хадия была в министерском кителе, длинных темных юбках и с сумкой, переброшенной через плечо. Хиджаб, однако, был темно-зеленого цвета. Она что, пыталась подобрать одежду в тон прошлого костюма Фатимы? — Но спасибо, что пришли. В деле появились новые зацепки.

— Само собой. Хотя мне интересно узнать, что за новые зацепки появились между вчерашним вечером и сегодняшним утром? — Двери лифта разъехались, и они вошли внутрь.

— Больше, чем вы можете предположить, — ответила Фатима. — Подвал.

Лифт начал спускаться, и она обернулась, тут же наткнувшись на полный предвкушения

взгляд Хадии. Аккуратно выбирая слова, она рассказала о произошедшем ночью — разумеется, исключая Сити и называя Ахмада «информатором». Пока Фатима говорила, она позволила руке прижаться к ребрам. Сити дотащила ее домой, перевязала рану, а затем свернулась вокруг нее на кровати, напевая песню, погрузившую ее в глубокий сон. Когда она проснулась, нубийка, разумеется, уже исчезла. Как и боль. Осталось только слабое жжение. Странно. Может, она зря переживала и ребро не треснуло, а удар прошел вскользь. Когда она закончила, Хадия шумно выдохнула, словно это она вела рассказ.

— Ваша ночь определенно была более волнующей, чем моя. Аль-Джахиз! Вернулся!

— Останови лифт, — скомандовала Фатима, и кабина, покачиваясь, зависла. Она уперлась взглядом в Хадию и строго произнесла: — Этот человек в черном. Кем бы он ни был, он может оказаться замешан в массовом убийстве. Он может оказаться преступником. Но он *не* аль-Джахиз. Значительная часть нашей работы заключается в отшелушивании иллюзий. Не попадитесь в одну из них.

— Вы правы, — дергано кивнула Хадия. — Конечно.

Фатима приказала лифту продолжить движение.

— Но вы думаете, что здесь есть связь, — предположила Хадия. — В городе появился человек, который утверждает, что он аль-Джахиз, и оставляет огненные визитки. Члены посвященного ему братства найдены сожженными заживо.

— И некто, подходящий под описание, был замечен на месте преступления, — добавила Фатима.

— Но почему этот… самозванец… на вас напал?

Фатима над этим размышляла, но до сих пор не нашла хорошего ответа.

— Может, я выделялась.

— Что насчет ифрита? Вы его видели?

— Не совсем. Видела странно движущийся огонь, но и все.

— Зачем тогда мы едем в подвал? — Хадия выглядела сконфуженной.

— Потому что там находится библиотека.

— Точно. И мы направляемся в библиотеку, потому что?..

— Потому что там все книги. — Фатима уставилась на нее своим самым невыразительным взглядом. Двери лифта разъехались, и она вышла, оставляя Хадию с озадаченным выражением

на лице, которое вскоре сменилось священным трепетом.

В министерстве размещалась одна из крупнейших библиотек города. Она занимала почти всю нижнюю часть здания — целых два этажа книг и манускриптов, охватывающих столетия, из всех частей мира. Насколько она понимала, некоторые даже не из этого мира. Они стояли на настенных полках, почти дотягивающихся до высокого потолка — до верхних полок можно было добраться с помощью лестницы, скользящей по рельсам. Другие полки аккуратно тянулись по обеим сторонам зала. На втором уровне в центре хранились более редкие работы. В задней части помещения раскачивался туда-сюда колоссальный маятник, сделанный из железного троса с огромным золотым диском в виде солнца, покрытым геометрическими узорами. На вершине древних часов был циферблат-полумесяц со знаками зодиака вместо цифр.

— Ух ты! — разинула рот Хадия.

— Вы еще хранилище не видели, — ухмыльнулась Фатима, продолжая идти.

— Погодите? — Хадия бросилась вдогонку. — У нас есть хранилище? Что там хранится?

Фатима не ответила. Некоторые вещи ново-

бранцам лучше узнавать самостоятельно. Она вывела их в пространство в центре этажа, где были расставлены длинные столы для чтения с подносчиками книг. Перед одним из них стоял единственный обитатель библиотеки.

Загрос служил в министерстве библиотекарем: марид размером с носорога, если бы тот стоял на задних лапах, одетый в вышитую лилиями мантию цвета индиго с длинными рукавами — Фатима полагала, что это халат. В отличие от носорога, кожа джинна была цвета лаванды, а четыре золотых завитых рога покрывали аметистовые полоски. Но его характер мало отличался от носорогов. Загрос фанатично оберегал библиотеку и был печально знаменит тем, что запрещал агентам доступ за малейший проступок. Большинство жаловались, что он придирчивый, неприятный и легко выходит из себя. Фатима считала иначе. На самом деле джинн попросту был невероятным снобом.

В подтверждение ее мнения им понадобилось трижды позвать библиотекаря, прежде чем он соизволил опустить на посетительниц взгляд. В сонных глазах за серебряными очками застыла смесь скуки и недовольства.

— Библиотека закрыта, — лениво крикнул

он. — Возвращайтесь в рабочие часы. — Загрос поднял украшенную кольцами руку с наманикюренными когтями, отмахиваясь от них, как от детей.

— Библиотека открыта по пятницам, — напомнила Фатима.

Заостренные уши джинна дернулись, и он что-то пробурчал на фарси, прежде чем вернуться к арабскому:

— Ну, похоже, ты в чем-то да разбираешься. Рад за тебя! Но я занят, так что без разницы. — Он указал на стол, где под листами спектрального стекла лежали обрывки пожелтевшего папируса. В пергаменте оставались прорехи, а еще несколько фрагментов лежали в маленьком ящике.

— Это мероитский? — спросила она, разглядывая свиток. — Второе столетие?

Загрос обернулся и поджал фиолетовые губы, прежде чем медленно протянуть:

— Третье. Но мероитский, да.

Фатима наклонилась вперед, делая вид, что заинтересовалась. Когда джинн был в плохом настроении, апелляция к его врожденной библиофилии могла помочь. Особым штрихом стало перепутанное столетие. Поскольку исправлять других являлось смыслом жизни подобных ти-

пов.

— Я думала, что мероитский не поддается расшифровке. Потерянный нубийский язык.

— Он продолжает оставаться непостижимым, — признал Загрос. Он указал на обрывки пергамента между закрепленными стеклами, светящимися нефритовым светом. Там, где касались его когти, символы менялись и превращались в арабские. — Мы знаем, что это означает «дверь». Это — «птица». Но что получается, если их соединить вместе?

Фатима чуть не предложила «дверь-птицу», но библиотекарь не был известен своим чувством юмора.

— Расшифровка слов не помогла нам понять *язык*, — сетовал он. — Две разные задачи, понимаешь. Я работаю над теорией, что синтаксис может блокироваться магией, специально затрудняя понимание. Весьма хитроумно.

Фатима бросила взгляд на Хадию, подталкивая ее в сторону джинна. Напарница быстро поняла, что от нее требуется:

— Где эта книга… нашлась? — спросила она.

— В гробнице Аманишакете![43] — ответил

---

[43] Примечания: 43
Царица Куша в конце I века до н. э.

Загрос с пылающими от возбуждения золотыми глазами. — Одна из знаменитых Кандакия![44] Возможно, это поминальная песня: плач к богам или философия загробной жизни. Мы ее одолжили у Судана. Она все это время пылилась в их коллекции, пока суфии занимались всякой радикальной нумерологией в священной геометрии. Некоторым только дай почитать Маркса… — Он осекся и посмотрел на них так, словно заново увидел… — Приятно слышать, что кто-то еще интересуется алфавитно-слоговым письмом. Чем я могу сегодня помочь, агенты?

— Мы ищем работы об аль-Джахизе, — сказала Фатима.

— Их не так уж мало, — поднял бровь джинн.

— Лучшие биографии и свидетельства очевидцев.

Загрос задумчиво постучал пальцем по бивням, изгибающимся вверх изо рта. Их острия были покрыты серебром, и с них свисали крошечные колокольчики, позвякивающие от его прикосновений.

— Самые популярные исторические биографии написал Гитани. Еще есть литературные работы

---

[44] Примечания: 44
Титул правящих цариц Куша.

Махфуза и Хуссейна. Религиозные интерпретации суданских факиров… — Он повернулся, бормоча на ходу, и скрылся в глубине библиотеки.

Фатима и Хадия следовали за ним. Джинн двигался быстрее, чем можно было подумать, глядя на его габариты, и они успевали ориентироваться только по развевающейся мантии, скрывающейся за углами, и звону колокольчиков.

— Быстро он пластинку сменил, — прошептала Хадия. Она вскрикнула, с трудом поймав брошенный Загросом толстый том.

— Джинны во многом похожи на нас, — сказала Фатима и перехватила летящую в нее книгу, не сбавляя шага. — Им просто приятно знать, что их увлечения интересуют кого-то еще.

— Как моя кузина, которая коллекционирует механических птиц, — заметила Хадия. — Но зачем мы это делаем? — Она поймала вторую книгу поверх первой и удовлетворенно улыбнулась.

— Как вы сказали раньше, — ответила Фатима, между делом поймав еще два тома, — в городе появился человек, утверждающий, что он аль-Джахиз. Человек, присутствовавший на месте убийства Братства, посвященного его памяти. Аль-Джахиз — та самая ниточка, что связывает

эти события.

— Вы считаете, что кто бы ни притворялся аль-Джахизом, его личность, скорее всего, основывается на книгах вроде этих. Братство лорда Уортингтона занималось тем же. Мы не создаем профиль аль-Джахиза, мы создаем образ того, каким его запомнили люди.

Фатима должна была признать, что новенькая хороша. Раздался еще один вскрик, когда к ним полетел новый толстый том, заставив Хадию уронить свою стопку. Но в ловле книг ей еще надо потренироваться.

Несколько часов спустя они сидели среди стопок книг, разложенных по всему столу, — единственным звуком был постоянный свист рассекаемого воздуха от маятника. Библиотекарь предоставил им больше материала, чем они могли обработать. Напарницы начали с популярных вещей, чтобы затем перейти к менее известным. Хадия не сумела уговорить Загроса, чтобы он разрешил принести печатную машинку — которую он называл раздражающим и какофоническим приспособлением — а потому делала записи ручкой. Все же у нее получилось написать несколько страниц. Добравшись до конца, Хадия остановилась, чтобы дать отдохнуть руке.

— Мне кажется, у меня свело запястье, — поморщилась она.

— Прочитайте, что мы нашли. — Фатима закрыла книгу и свои уставшие глаза.

Хадия перебирала листы, пока не отыскала начало записей.

— Аль-Джахиз. Ну, для начала, никто на самом деле не знает его имени.

На этом сходились все книги и свидетельства. Аль-Джахиз не являлось настоящим именем, скорее псевдонимом. О самом знаменитом человеке в современной истории не знали даже такой простой вещи, как его имя.

— Неизвестно, взял он его сам или ему присвоили это прозвище, — продолжала Хадия. — В любом случае большинство писателей соглашаются, что именно это является источником споров по поводу его происхождения и школ мысли, которые появились после его исчезновения. Школа темпоралистов утверждает, что он путешественник во времени и является тем же человеком, что аль-Джахиз из Басры девятого столетия.

— Абу Усман Амр ибн Бахр аль-Кинани аль-Басри, — продекламировала Фатима.

— По прозвищу аль-Джахиз, — кивнула Ха-

дия. — Пучеглазый. Не слишком лестно. Сегодня большинство думают, что у него был дефект роговицы. О его ранней жизни известно мало, но ему приписывают авторство двух сотен книг — если верить историям — обо всем, от зоологии до философии. Темпоралисты утверждают, что два аль-Джахиза на самом деле один человек. Однако ничто в информации о средневековом аль-Джахизе не указывает на то, что он был изобретателем. Наверное, они спутали его с аль-Джазари[45] из тринадцатого века. На эту ошибку указывали, но темпоралисты довольно упрямые, некоторые даже говорили, что сначала аль-Джахиз вернулся под именем аль-Джазари. Они даже его биографию толком не знают! Первый аль-Джахиз, скорее всего, был абиссинцем. Все соглашаются, что современный аль-Джахиз из Судана. И никто не упоминает, что он был пучеглазым. Так что причина этого прозвища остается загадкой.

— Люди умеют подбирать факты, которые подходят к их теориям, — ответила Фатима. Темпорализм пользовался популярностью среди

[45] Примечания: 45

Абу аль-Из ибн Исмаил ибн аль-Раззаз аль-Джазари — механик-изобретатель, математик и астроном, которого называют да Винчи исламского мира.

механиков и людей, склонных к науке. Каждые несколько месяцев министерство расследовало дело, где один из них пытался построить машину времени, используя нелицензированную магию и нестабильную алхимию. Последний такой изобретатель попробовал ее собрать в жилом доме. Во времени он не попутешествовал, зато сумел переместить половину своего этажа на десять кварталов — прямо на дневной трафик.

— Потом еще есть трансмиграционисты, — читала Хадия. — Школа возникла вокруг тех суфиев, которые использовали концепцию танасух[46] в спорах о метемпсихозе. Они утверждают, что современный аль-Джахиз — реинкарнация первого. Но эта теория считается еретической, ее осудили улемы и даже большинство суфиев. Основная часть ее последователей сегодня — буддисты и индуисты. В Бенгалии даже фестиваль проводится.

Еретические или нет, идеи о перерождении аль-Джахиза распространились широко, и не только среди неортодоксальных суфиев. Несмотря на то что над теорией насмехались, называя ее деревенскими предрассудками, можно без труда

---

[46] Примечания: 46
Учение о переселении духа в некоторых исламских течениях.

найти каирцев, которые с ней соглашались.

— Существует еще около десятка теорий его происхождения. — Хадия подняла несколько листов. — Суданские суфии считают, что он глашатай Махди. Часть коптов называют его предвестником Армагеддона. Ни у кого из них нет оснований для этих утверждений.

— Им и не нужно. Загадочность аль-Джахиза открывает простор для интерпретаций.

— Люди определяют его так, как им хочется, — подхватила Хадия. — Так что самозванцу…

— …не обязательно выбирать конкретный образ, — закончила Фатима. Толпа прошлой ночью. В том человеке в золотой маске они видели аль-Джахиза. Даже если у каждого из них было о нем свое представление, это не играло никакой роли. Аль-Джахиз настолько окутан мифами и сплетнями, что он может оказаться каким угодно.

— Это опасно.

— Потому министерство серьезно относится к людям, называющими себя аль-Джахизами. Он не первый. Но от них всегда проблемы из-за того, что они разжигают в толпе. Люди хотят и готовы верить. Даже когда самозванцы полубезумны.

— А этот как? Полубезумен?

Вспоминая его глаза, Фатима покачала головой.

Сила — да. Но в них не было ничего безумного.

— Итак, мы знаем, чего мы не знаем об аль-Джахизе. Как насчет того, что мы знаем?

Хадия снова перелистала свои записи, вынимая следующую страницу.

— Считается, что впервые аль-Джахиз упоминается аль-Хаджем Омаром Талом, завоевателем и основателем Тукулерской империи. В 1832 году он был бродячим мистиком. На обратном пути из хаджа он встретил Ибрагим-пашу[47], тогда главнокомандующего в сирийской кампании. Омар Тал исцелил от недуга сына будущего паши, после чего совершил знаменитое пророчество о появлении человека, который потрясет мир. Он называл его Хозяином Джиннов.

Фатима вспомнила, что говорил старик из толпы. Хозяин Джиннов — один из знаменитых титулов аль-Джахиза.

— Предполагается, что где-то в это время человек, которому предстояло стать аль-Джахизом, служил в суданском полку, сформированном из солдат-рабов. Некоторые даже утверждают, что его отправили с батальоном в Мексику, чтобы подавить восстание против Наполеона III в 1860-х.

---

[47] Примечания: 47

Губернатор Каира, правитель Египта. Приемный сын, соправитель и приемник Мухаммеда Али.

Но это похоже на очередные слухи. Поскольку к тому моменту он уже не был в египетской армии. Впервые он появляется с титулом «аль-Джахиз» в 1837-м, в Судане, выступая против рабства в компании загадочного высокого человека — которого сейчас большинство людей считают джинном.

— Тысяча восемьсот тридцать седьмой, — отозвалась эхом Фатима. Она подняла книгу, перелистывая к отрывку, который хотела перечитать. — В том же году произошла стычка на египетско-абиссинской границе, после того, как сборщики налогов похитили эфиопского коптского священника из Судана. Абиссинцы с легкостью победили местный египетский гарнизон и освободили священника. Выжившие утверждали, чтобы абиссинцы использовали «колдовское оружие».

— Аль-Джахиз исчезает из всех записей на тридцать два года, — продолжила Хадия. — Затем, в 1869-м, неожиданно прибывает в Каир. Начинает учить алхимии и тому, что называет «потерянным искусством», осуществляя первые «великие чудеса». У его тайных уличных школ начинают появляться последователи.

— Затем, в 1872-м, Исмаил-паша[48] аннексирует абиссинскую территорию, начиная войну, — прочитала Фатима.

— Которую мы снова проиграли, — добавила Хадия. — Всего за два дня! На этот раз люди обратили внимание на солдатские рассказы о магии. В то время аль-Джахиз исчез, сейчас считается, что он был в Абиссинии, следуя по стопам Пророка — да пребудет над Ним мир. Скорее всего, он и был источником их оружия.

— Что абиссинцы ни в коем случае не признают, — проворчала Фатима. Она не могла понять, почему монархия оставалась такой скрытной. Они подписали мирный договор, и уже несколько десятилетий между странами не было никаких боевых действий. Но опять же, абиссинские правители позволяли живым львам разгуливать по своим дворцам — и, по имеющимся сведениям, эти львы умели разговаривать. Так что, может, это и не самый странный аспект монархии.

Хадия листала свои записи, пока не нашла нужное место.

— После войны в 1872 году Исмаил-паша узнал об аль-Джахизе и арестовал его за предательство.

---

[48] Примечания: 48
Сын Ибрагим-паши, правитель Египта.

Однако аль-Джахиз заинтересовал его своими учениями. Хедив помещает его во дворец Абдин, чтобы он мог проводить эксперименты. Именно там аль-Джахиз создает бóльшую часть своих машин и пишет множество книг. Там происходит «это».

Книга Фатиме не понадобилась. Каждый первогодка в министерстве знал эту историю. Как аль-Джахиз построил великую машину из алхимии и магии. Как весь дворец был охвачен светом, из-за которого камни деформировались и переливались. В то время люди называли это работой суданского чародея хедива. Сегодня это событие вспоминают, как создание канала в Каф, ослабление барьеров между множеством реальностей, навсегда изменившее мир.

— Никто не знает, зачем он это сделал, — читала Хадия. — Любопытство, озорство, злой умысел. Но это открытие так и не сумели воссоздать.

Фатима придержала язык, ее глаза устремились к хранилищу за раскачивающимся маятником. Это было не совсем правдой. Великая формула аль-Джахиза — Теория пересекающихся сфер — однажды была воссоздана с помощью машины, построенной ангелом Творцом. Он называл ее Часами Миров. Творец желал использовать свое

изобретение, чтобы уничтожить этот мир, но вместо этого они с Сити уничтожили машину. Отчеты по делу для большинства оставались засекреченными. А то, что осталось от часов, теперь находилось всего в нескольких футах от них, в хранилище, где министерство скрывало самые ценные секреты.

— В течение следующих нескольких месяцев, — продолжила Хадия, — по всему Каиру начинают появляться небольшие группы джиннов. Как и в других местах. В основном они скрываются, но хедив чует, что происходит нечто грандиозное, и начинает движение к большей независимости от Османской Порты. Просит аль-Джахиза изготовить для него магическое оружие. Но тот не соглашается. Разгневанный отказом, Исмаил-паша посылает солдат конфисковать его изобретения. Когда они прибывают, аль-Джахиз уже исчез. — Она подняла насмешливый взгляд. — Всего лишь с дюжину версий того, как это произошло.

Это было преуменьшением. Аль-Джахиз ослепил солдат хедива, после чего прошел сквозь их ряды, пока они вслепую размахивали руками. Он превратил их в клубы дыма. Нет, он превратил их в крылатых баранов, что унесли суданца прочь.

А может, он улетел на спине джинна? Нет, то был механический джинн. Колесница, запряженная джиннами. Или златокрылая птица-рух.

И так далее.

Единственное, что было известно наверняка, — в 1873 году аль-Джахиз исчез, захватив бóльшую часть своих машин и трудов.

— У меня есть кузен, считающий себя авгуром, — поделилась Хадия. — Он клянется, что аль-Джахиз сбежал с помощью огромного устройства, состоявшего из бесконечного множества вращающихся колес. И что даже сейчас он путешествует между мирами, сопровождаемый магией. Но, думается мне, все это не важно. Ведь то, что затрагивает нас сегодня, в основном произошло после его побега.

— Айва, — согласилась Фатима. В течение десяти лет после исчезновения аль-Джахиза начался рост национально-освободительного движения, поскольку Исмаил-паша погряз в долгах и все больше отдавал контроль европейским государствам. Джинны преимущественно скрывались за кулисами, но тоже участвовали в тех событиях. Однако лишь в 82-м в Тель-эль-Кебире они смогли заявить о себе в открытую — когда магия джиннов объединилась с освободительным пылом,

чтобы изгнать британцев из Египта и сбросить их в море. Теперь эта дата отмечается как Явление. Что бы ни произошло с аль-Джахизом, именно они создали этот новый мир.

— Я просто подсчитала, — поморщилась Хадия. — В 1830-х аль-Джахизу было около двадцати. Значит, к тому времени, как он исчез, ему было за шестьдесят. Тому, кто претендует на его имя, должно быть сколько — сотня лет?

— Человек, которого я вчера видела, точно на сотню не выглядел, — поддержала Фатима.

— Хотелось бы, чтобы люди обратили на это внимание. Было бы здорово, если бы нашлись его ранние последователи, которые могут выступить против самозванца.

— Без шансов, — покачала головой Фатима. Последователи аль-Джахиза исчезли вскоре после него, предположительно, чтобы спрятать наиболее секретные труды мистика. Самым молодым из них, если они еще живы, сейчас около семидесяти лет. Министерство искало их десятилетиями, но так никого и не обнаружило.

— Что насчет его спутника? — спросила Хадия. — Который раздваивался? Эта часть истории мне непонятна.

— Сама еще не разобралась, — ответила Фати-

ма. Она снова потерла свои ребра. — Не знаю, чем был тот человек. Или как он сделал то, что сделал. Там действовали какие-то чары.

— Так в чем связь с лордом Уортингтоном? — задумчиво кивнула Хадия.

Фатима постучала пальцами по обложке книги. Она обдумывала этот вопрос, пока они составляли профиль.

— Лорд Уортингтон был настолько одержим аль-Джахизом, что даже создал посвященное ему братство. Насколько я понимаю, они охотились за каждым клочком его одежды, личными вещами — чем угодно. Как за святыми реликвиями. Он был одержим аль-Джахизом до такой степени, что хотел им владеть, быть его частью, а может, и стать им.

— Думаете, самозванец был членом братства Уортингтона? — округлила глаза Хадия.

— Ничего лучше я не придумала. Кто-то вжился в роль аль-Джахиза. Кто-то, знавший о братстве лорда Уортингтона. Даже о том, когда братство собиралось вместе. И где. Кто-то, кто мог проникнуть в поместье невидимым и незамеченным. Слишком много частей мозаики совпадает.

— Но почему?

— Может, недовольный сотрудник. — Фатима

захлопнула книгу. — Кто-то, желавший убрать Английского Пашу со своей дороги. Или член братства, который слишком далеко зашел в своей игре в аль-Джахиза.

— Звучит правдоподобно. Но не объясняет предположительного ифрита.

— Нет, — признала Фатима, вспоминая странный огонь. — Но будем решать по одной загадке за раз.

Их разговор прервал Загрос, вышедший из башни над ними.

— Вы обе должны понимать, — протянул он, — что вежливые люди соблюдают тишину ради других посетителей.

Фатима обвела взглядом пустой читальный зал.

— Мы единственные посетители.

— Значит, вам стоит утихнуть ради собственного блага.

Напарницы обменялись взглядами. Похоже, срок заработанной симпатии истек.

— Складывается, однако, впечатление, что сегодня я не только библиотекарь, но и посыльный. — Джинн протянул маленькую запечатанную трубку, брезгливо удерживая ее между когтистыми большим и указательным паль-

цами. — Это доставил автокурьер. Он не сумел пробраться дальше приемной, так что я был вынужден подниматься целый лестничный пролет — поскольку эти лифты не способны вынести вес моего цветущего тела — и затем еще спускаться назад. Только чтобы выяснить, что послание даже не для меня. Разве не замечательная история?

Фатима приняла письмо с благодарностями, хотя библиотекарь уже удалился.

— Он всегда такой? — Хадия продолжала смотреть вслед Загросу.

— Нет. Иногда у него по-настоящему плохое настроение. — Она прочитала записку. — Похоже, у нас появилась причина выйти сегодня в поле. Были когда-нибудь в Сите́-Жарден?[49]

— Ни у кого из моих знакомых нет таких денег, — покачала головой Хадия.

— Значит, считайте это возможностью совершить визит. Мы только что получили наводку. Кто-то в этом районе обладает информацией о Братстве аль-Джахиза и может ею с нами поделиться. Давайте сначала пообедаем. Проголодались?

— Умираю от голода! — Хадия почти застона-

---

[49] Примечания: 49
Город-сад (*франц.*).

ла. — Но, эм-м. — Она указала на циферблат со знаками зодиака. — Думаете, нам хватит времени для ас-салята?[50] Сегодня пятница. Есть масджиды, открытые для женщин. Это по дороге, мне кажется. И проповедь не длинная.

Фатима посмотрела на часы, чувствуя себя немного виноватой за нетерпеливость.

— Или мы можем просто помолиться здесь, — предложила Хадия. — Главное, сохранять дин[51].

— Нет, — сказала Фатима. Новая напарница, новые уступки. — Ничего страшного. Я не против. — Как раз и голову можно прочистить. — Только у меня нет хиджаба. Одни котелки.

Хадия порылась в сумке и достала синий головной платок.

— Будьте начеку!

---

[50] Примечания: 50

То же, что намаз. Обязательные молитвы.

[51] Примечания: 51

Многозначный исламский термин, чаще всего переводится как «вера» или «религия».

Глава девятая

Сите́-Жарден всегда вызывал диссонанс. В одно мгновение ты посреди суеты центра Каира — с его магазинами и ресторанами, все еще открытыми для местных по пятницам, и трамваями, переполненными туристами. Но стоит пересечь пару улиц — и оказываешься в месте, где не гудят клаксоны автомобилей, не трещат электролинии воздушных трамваев, не слышно криков уличных торговцев и споров о политике. Только щебетание птиц и шорох ветвей деревьев с густыми кронами.

Сите́-Жарден построил джинн-архитектор. Он жил в этом мире еще до появления аль-Джахиза и однажды уплыл с армией Наполеона, чтобы увидеть Париж. После Явления джинн вернулся в Египет и уговорил новое правительство поручить ему проектирование квартала, который, по его утверждению, мог показать, что Каир — интернациональный город. В результате получился район, чью современность подчеркивало вдохновение, почерпнутое из мира природы. Здания — в основном посольства — украшали орнаменты из листьев или переплетающихся лоз. Каждый

из домов был особняком: многоэтажные виллы с арками и колоннами в виде связок камыша, окруженные лесом деревьев и кустов. Фонари с электрическими лампами накаливания выстраивались вдоль дорог, подобно саженцам, увенчанным сферами цветного стекла.

Фатима любовалась экологической роскошью и покоем. Молитва оказалась хорошей идеей. Она вспомнила, как девочкой оставалась по пятницам дома, пока отец и родственники-мужчины уходили в масджид. Сегодняшняя возможность разделить такой поход с другой женщиной… бодрила. И молитва всегда прочищала ей голову: «Может, тебе стоит завести привычку делать это почаще». Она заглушила наставления матери, прислушавшись вместо этого к Хадие.

— …так я ему сказала, что, даже если пятничные молитвы для женщин не обязательны, это не значит, что я не могу их посещать. За детьми я не присматриваю. — Она делилась мыслями о женщинах и вере с тех пор, как они вышли из масджида, почти не умолкая, даже когда они обедали на ходу — говяжьи тефтели-кюфта на палочке и лепешки балади. — Я слышала, что в Китае есть масджиды только для женщин. Представляете? Может, нам тоже стоит попробовать?

Как думаете, поднять этот вопрос на встрече ЕФС?

— Вы участница Египетского феминистского сестринства? — спросила Фатима. Они проводили глазами прокатившийся мимо автомобиль: роскошная черная машина с шестью колесами и подножками цвета слоновой кости.

— Провела лето в Александрии на митинге в поддержку права женщин на голосование. — Она сложила пальцы в знак победы суфражистского движения. — У меня кузина в каирском отделении. Собираемся встречаться на следующей неделе.

— У вас много кузин. — Фатима уже счет потеряла.

— У нас очень большая семья. Хотите сходить? На встречу ЕФС? Мы всегда стараемся привлечь женщин из разных профессий, чтобы показать — мы не только на заводах работаем. — Затем она поспешно добавила: — Я не к тому, что работать на заводе плохо.

По поводу работы на заводе Фатима могла перечислить много плохого: низкая оплата, небезопасные станки, домогающиеся мужчины-начальники, часто ведущие себя как тюремщики. Но она понимала, о чем говорит Хадия.

— Я подумаю, — уклончиво ответила она. Фатима жертвовала деньги ЕФС и в целом поддерживала их движение. Но у кого есть время на политику? Хадия собиралась продолжить — должно быть, заготовила вербовочную речь, — когда к ним присоединилась еще одна женщина.

— Приятный денек для прогулки, — сказала Сити в качестве приветствия.

Фатима вздрогнула от внезапного появления подруги. Сегодня Сити облачилась в укороченный солнечно-желтый кафтан, изумительно сочитавшийся с ее кожей, синие бриджи и высокие кожаные ботинки на шнуровке.

— Три раза звонила тебе на работу, пока не отправила посыльного евнуха, — продолжала Сити светским тоном, шагая бок о бок с агентами.

— Была далеко от телефона, — ответила Фатима. — Не ожидала, что у тебя так быстро что-нибудь появится. И не думала, что на тебя натолкнусь. — Она надеялась, что выражение ее лица в полной мере передает послание «какого черта ты творишь?»

Прошлым вечером по дороге домой они спланировали приблизительный курс действий. Происходящее, похоже, концентрировалось вокруг загадочного тайного общества лорда Уор-

тингтона. Фатиме предстояло отправиться в офис и освежить знания об аль-Джахизе. Однако эта встреча в план не входила.

— Никогда меня не недооценивай, — подмигнула Сити. Она повернулась к Хадие. — Ты, наверное, ее напарница. Новая леди из Охотников за жутью! У министерства будет шикарная статья от ЕФС.

Наблюдающая за беседой Хадия по вполне понятным причинам выглядела сбитой с толку.

— Это Сити, — сказала Фатима. — Она… — По неизвестным причинам слова связали язык в узел.

— Одна из информаторов агента Фатимы, — без запинки подхватила Сити.

— О! Да, разумеется. Я агент Хадия.

— Рада познакомиться, агент Хадия, — отозвалась Сити, пожимая протянутую руку.

— Как вы встретились с агентом Фатимой?

— Мы тесно сотрудничали, — лукаво улыбнулась Сити. Она подалась вперед и прошептала: — Знаешь, я ведь идолопоклонница.

Глаза Хадии расширились, напоминая темные сливы, и она застыла, все еще удерживая руку Сити. Фатиме хотелось надвинуть котелок на лицо. Почему у этой женщины такой характер?

Когда к Хадие вернулся голос, она сумела только выдавить: — Я думала, что «идолопоклонница» — оскорбительное слово.

— Только когда *ты* его используешь. — Сити отпустила руку. — Но мы постоянно друг друга так называем. — Заметив растерянность Хадии, она пожала плечами. — Это между идолопоклонниками. Ты не поймешь.

— Чего мы не понимаем, — вмешалась Фатима, — это почему ты здесь. Мы не об этом договаривались.

— Мы ни о чем не договаривались, — невозмутимо отмахнулась Сити. — Я говорила, что свяжусь со своими людьми и найду тебе имя — что я и сделала. Мы не обсуждали, где я должна или не должна появляться. Мне кажется, у меня есть право здесь находиться. Двое из убитых были из моей общины. Мы следим за своими.

Фатима знала, что протестовать бесполезно. Стоило Сити что-нибудь решить — и переубедить ее было невозможно. Фатима могла объявить это расследование министерским делом и приказать ей уйти. Но эта женщина плохо реагировала на приказы властей.

Установилась неловкая тишина. Хадия, шагавшая между ними, бросала взгляды в обе стороны,

пока не набралась храбрости для продолжения разговора:

— Можно спросить, из какого вы, эм, *храма*?

— Хатор, — ответила Сити. — Но я скорее склоняюсь к Сехмет.

— Сехмет. Мы изучали Древний и Эллинский Египет на теологической алхимии. Если я правильно помню, она была богиней битвы?

— Глаз Ра. Когда человечество собралось восстать против Ра, его дочь Хатор не слишком обрадовалась. В своем гневе она преобразилась в Сехмет — яростную львицу. Потом начала все ломать.

— Разве она чуть было не разнесла мир? — поморщилась Хадия.

— Богиня *по-настоящему* уходит с головой в работу. К счастью для человечества, Тот одурачил ее пивом, которое она посчитала кровью. Уложил ее спать. Проснулась она в настроении получше.

Фатима почти слышала аят, который Хадия, скорее всего, декламировала про себя. К ее чести, новенькая сохранила самообладание.

— Так чем вы занимаетесь в храме?

— Слежу за всякими штуками. Чиню всякие штуки. Собираю всякие штуки. — Сити сверкнула хищной улыбкой. — Иногда, если повезет, ломаю

всякие штуки.

— Мы пришли, — сказала Фатима, страстно желая завершить этот разговор. Они стояли перед белым трехэтажным домом. Красная треугольная крыша в западном стиле, но с каменным фасадом в стиле машрабии. Если судить по окнам, в доме была по меньшей мере дюжина комнат — или больше.

— Крутой домик, — заметила Сити.

— Как ты нашла эту, — Фатима сверилась с адресом в записке, еще раз посмотрела на имя, — Набилю эль-Мансур? Погоди, она имеет отношение к Мансурам — владельцам сталелитейных заводов?

— Родственница, — подтвердила Сити. — Хотя они сейчас везде руки запустили. Мерира разослала информацию по храмам. Моя верховная жрица, — объяснила она Хадие. — В любом случае пришла любопытная наводка. От знакомой, которая работает в «Аль-Масри».

— Газете? — спросила Хадия. — Журналистка?

— Лучше. Секретарша. Редактора. Из культа Исиды. Заносчивые ребята, но мы неплохо уживаемся. В любом случае вы заметили, как скупо пишут о смерти лорда Уортингтона?

— У них это выглядит так, будто пожар был

всего лишь несчастным случаем. — Фатима уже проверила сегодня газету. — Ничего о тайном братстве. Странно.

— Намеренно, — ответила Сити. — Секретарша говорит, что утром после смерти Уортингтона, когда она пришла на работу, печатники были в бешенстве. Им пришлось выбросить весь тираж утреннего материала и перепечатать заголовки — по приказу, который пришел в четыре утра. В тот день она приняла звонок для редактора. Она периодически подслушивает, чтобы храмы оставались в курсе событий. Звонившая поблагодарила редактора за то, что он придержал статью, которая могла подорвать репутацию Английского Паши. Сильно надавила, чтобы тот продолжал в том же духе.

Фатима думала, что это работа Асима. Но все оказалось куда интереснее.

— Дай угадаю. Звонила Набиля эль-Мансур.

— Ты начинаешь понимать, — подмигнула Сити. — Еще секретарша передала, что семья эль-Мансур — крупный финансовый спонсор городских газет. Могу поспорить, что она не только туда звонила.

— Вот тебе и свободная пресса, — пробурчала Хадия.

— Статья, которая могла подорвать репутацию Английского Паши, — повторила Фатима. — Например, о смерти на собрании собственного оккультного общества.

— Я поместила эту причину в верхние строчки списка, — согласилась Сити. — Мерира сказала, что до того, как он обратился к храмам для своего маленького клуба, он пытался заинтересовать людей из класса повыше. Мансуры подходят.

Фатиме тоже так казалось. Они прошли по усаженной деревьями дорожке к парадной двери — на ее черной поверхности были вырезаны сомкнутые друг с другом звезды. Чтобы им открыли, понадобилось дважды постучать бронзовым молотком. Служанка, молодая девушка в белом, смотрела на троицу пустыми глазами, пока Фатима не показала значок, после чего та ринулась за хозяйкой.

Когда Набиля эль-Мансур подошла к двери, она оказалась совсем не похожа на сложившийся в голове Фатимы образ. Она была невысокой, но на удивление плотной — не полной, но крепкой, в современной шелковой галабее с золотой каймой, контрастом которой служил торопливо повязанный черный традиционный хиджаб. Пусть она была немолода и на лице хватало

морщин, глаза сохраняли жесткость. Наморщив ястребиный нос, она окинула их оценивающим взглядом, на какой способны только патриции.

— Ну? — спросила она, нетерпеливо цокнув языком.

— Ас-саляму алейкум, мадам Набиля. Я агент Фатима, а это агент Хадия. Мы из Министерства алхимии, заклинаний и сверхъестественных сущностей.

Мадам Набиля внимательно рассмотрела их значки, затем уставилась на агентов ореховыми глазами, похожими на совиные.

— Что министерству от меня нужно?

— Мы хотели задать несколько вопросов о лорде Уортингтоне.

— Он мертв. Это изменилось?

Значит, по-простому она не хочет.

— Он умер в компании определенного братства, о котором, мы полагаем, вам известно.

Это привлекло ее внимание. Губы Набили сжались, а блеск в глазах стал острее. Через мгновение ее лицо расслабилось, и она поправила хиджаб.

— Очень хорошо, заходите. — Ее взгляд пере-

метнулся на Сити. — Но вашей абде[52] придется подождать снаружи.

Фатима застыла, а за ее спиной Хадия сделала шумный вдох. Это обращение было достаточно распространенным — унижение нубийцев и любых других людей с черной кожей. Не слишком деликатное напоминание о недавнем прошлом. Но Каир гордился тем, что идет в ногу со временем. И к тем, кто использовал подобные слова, относились неодобрительно. Во всяком случае, на людях.

— Она не моя… служанка, — сказала Фатима, не в силах толком объяснить присутствие нубийки.

— Кем бы она ни была, пусть ждет здесь. Абидам в моем доме не место.

Фатима открыла уже рот в приступе гнева, но ее перебила Сити.

— Я не против, — небрежно сказала она. — В любом случае не думаю, что я туда хочу. — Она задумалась. — Знаете, что забавно? Моя семья живет у Нила тысячи лет. Точно дольше, чем потомки каких-то там мамлюков — таких зазнавшихся и чванливых, что забыли, что появились здесь только недавно. В качестве *рабов*. — Она

---

[52] Примечания: 52

Абид, абда — раб, рабыня, на Среднем Востоке и в Северной Африке широко употреблялось арабами по отношению к черным.

сделала ударение на последнем слове, после чего беззаботно зашагала прочь.

— Как грубо, — поморщилась ей вслед мадам Набиля. — Абид. Аллах не одарил их кожу светом. — Качая головой, она повела их внутрь.

Фатима бросила взгляд на Сити и последовала за хозяйкой, позволив служанке закрыть за ними дверь.

— Раньше у меня были абиды, — продолжала мадам Набиля. — Ужасные ворюги. Валлахи, по утрам приходилось следить за женщинами, когда они пекли хлеб, иначе они могли стащить пакеты муки. Когда я их поймала, сразу выгнала и больше никогда не возьму.

Фатима изучала дом: стены с золочеными цветочными орнаментами, мраморные полы, покрытые роскошными коврами, огромная бронзовая люстра с сотнями сияющих сфер алхимического газа и богато украшенная мебель с бархатными подушками. И эта отвратительно богатая женщина жаловалась на кражу муки?

— Мы здесь не ради ваших политических взглядов, — оборвала ее разглагольствования Фатима.

— Ты не одобряешь мои слова. Неудивительно. Твои нос и губы напоминают абидов. И кожа. Я-то думала, что эль-Шаарави — состоятельная и

уважаемая семья на юге.

— Не те Шаарави, — ответила Фатима. — Вы ошиблись.

— Ну хотя бы ты похожа на чистокровку. — Оценивающий взгляд женщины переместился на Хадию.

— Среди Его знамений — Сотворение небес и земли и различие ваших языков и цветов. Воистину в этом — знамения для обладающих знанием[53], — холодно ответила та. Закончив аят, она улыбнулась: — Перед лицом Аллаха наша *кровь* ничто. Добродетель в поступках, не в цвете кожи.

Лицо мадам Набили вытянулось, она явно не привыкла получать отповеди, особенно от людей вдвое ее моложе. Их провели через комнату с панорамными картинами, включая изображение парящего над крепостью Саладина дирижабля.

— Вы помешали моей гидротерапии, — пробурчала мадам Набиля. Она приподняла полу галабеи, чтобы подняться по винтовой лестнице с перилами в виде лозы. — Так что вам придется говорить, пока я буду париться.

Наверху она повела их в большую ванную ком-

---

[53] Примечания: 53
Коран 30:22.

нату, где полы и стены были выложены зеленой плиткой, перемежающейся желтыми восьмиконечными звездами. У большого серебряного ящика стояло несколько служанок — снова женщины в белом.

Пока Фатима и Хадия устраивались на скамейке, две служанки помогли хозяйке разоблачиться. Еще две крутили ручку серебряного ящика, который разошелся по стыку, проходящему посередине. Внутри оказался небольшой стульчик, куда опустилась мадам Набиля. Ящик снова сомкнулся, оставив снаружи только ее голову, торчавшую из дырки наверху. Коробка принялась гудеть и шипеть, а вокруг головы мадам Набили начал подниматься пар со сладким травяным ароматом. Фатима принюхалась. Кардамон? Она заварку туда добавила?

— Богатые люди странные, — прошептала Хадия.

Это было правдой во все времена.

— Так, — сказала мадам Набиля. — Чего вы хотите?

— Информацию о лорде Уортингтоне, — ответила Фатима. — Вы были знакомы?

— С Алистером? — Она нахмурилась. — Да, были. Ничего предосудительного. Он дружил с моим

мужем, почившим много лет назад. По большей части у нас были деловые отношения. Хотя он почему-то думал, что может доверять мне так же, как моему мужу. Окциденталистам, по моему опыту, всегда нужен кто-нибудь, кому они могут довериться.

— Он рассказывал вам о Братстве аль-Джахиза?

— Великий проект Алистера. — Она скорчила гримасу. — Он все уши мужу прожужжал по поводу аль-Джахиза. Надоедал и забрасывал вопросами, будто мы что-то знаем об этом безумце. После кончины мужа он пытался меня завербовать. Я отказалась, конечно! Предупредила, что он превратится в парию, если все это всплывет. Но он был упрямым.

— Что вы знаете о братстве? — спросила Фатима.

— Немного. — Мадам Набиля прикрыла глаза, пока служанка утирала пот с ее лба. — Они охотились за секретами аль-Джахиза и проводили странные ритуалы. Алистер считал, что эти секреты могут привести к новой эре — будто у нас мало забот.

– *Quærite veritatem*, — процитировала Фатима.

— Ты видела тот безобразный герб? — фыркну-

ла мадам Набиля. — Мне кажется, он и правда во все это верил. Сомневаюсь, что это можно сказать о половине его братства.

— Если они не разделяли его идей, то зачем вступили?

— Положение и рост. Для амбициозных людей братство стало возможностью сблизиться с Алистером. Единственной возможностью после того, как он уехал из Британии и осел в Гизе. Они могли даже выпросить средства на свои проекты. Для многих это оказалось удачной ставкой. Хотя большинство попусту потратило время.

— Почему?

— Алистер практически перестал заниматься компанией. Он слишком сконцентрировался на Братстве.

— Кто в таком случае ею управляет? — спросила Хадия.

— Думаю, его сын, Александр.

— Почему вы связались с газетами по поводу статей о лорде Уортингтоне?

— Откуда вы?.. — Глаза мадам Набили расширились. Она вздохнула. — Ну, у меня тот же ответ. Александр Уортингтон.

— Вы говорите, что сын лорда Уортингтона попросил вас скрыть детали смерти отца?

— Он запаниковал, — щелкнула языком мадам Набиля. — Умолял с ними договориться.

— И вы оказали ему услугу?

— Я не рассчитываю, что вы поймете бремя социального положения. Лорд Уортингтон был уважаемым членом египетского общества. Английским Пашой. Будучи наследником состояния Уортингтона, Александр знал, смерть отца в подобной… компрометирующей ситуации может поставить в неловкое положение не только его семью. Его гибель может повредить акциям и коммерческой деятельности Уортингтонов. Не говоря уж о том, что имя Уортингтона жизненно важно для мирного саммита. В интересах каждого было замять это дело.

— Вы не можете его вечно замалчивать, — вмешалась Хадия.

— Девочка, — усмехнулась мадам Набиля, — замалчивать вечно и не нужно. Достаточно выдавать информацию по капле, чтобы у всех была возможность к ней приготовиться. Затем, когда всплывет большая история, ее влияние будет ослаблено, и вскоре о ней забудут.

Фатима понимала логику подобного подхода. В Каире каждый день что-нибудь случалось, и даже такую историю можно похоронить, если пройдет

достаточно времени.

— Это правда? — спросила мадам Набиля. — О том, как умер Алистер?

— Мы не считаем, что это несчастный случай. — Фатима ограничилась короткой фразой.

Женщина прошептала молитву.

— Я предупреждала его о тех, с кем он сближался. В конце концов, он связался со всякой рванью. Не только простолюдинами, но даже идолопоклонниками! Можете представить? Если за всем этим скрывается рука шакала, ищите среди них. Можете не сомневаться!

— У него были враги?

— Деловые конкуренты. Никто из них не способен на подобную низость.

— Что насчет членов его Братства?

— Вряд ли. Их число никогда не превышало двадцати. И все они погибли вместе с ним.

«Все они, — подумала Фатима. — О ее теории можно забыть».

— Ужасное дело, — сетовала мадам Набиля. — Неудивительно, что Александр выглядел таким расстроенным. Я уже думала, что он на колени встанет, когда просил моей помощи. Как недостойно.

– *Выглядел* расстроенным? — Фатима нахмури-

лась. — Александр Уортингтон лично вас просил? В утро гибели его отца? Он в Каире?

— Да, — удивленно моргнула мадам Набиля. — Он только вернулся в страну, а здесь такие ужасные новости.

Фатима обменялась взглядами с Хадией. Это были новые сведения.

— Последний вопрос. Александр был частью Братства?

— Аллах его знает, — пожала плечами женщина. — Но, учитывая убеждения его отца, мне трудно представить, что были другие варианты.

Фатима задумалась. Вполне возможно, что один член Братства аль-Джахиза все-таки выжил.

Мадам Набиля не посчитала нужным прервать свою гидротерапию, чтобы их проводить.

— Неприятная женщина, — проворчала Хадия.

— Как говорила моя мама, большие деньги всегда оказываются в руках плохих людей. Хорошая работа. С аятом. Думаю, после этого она стала сговорчивее.

— Я об этом даже не думала, — пробормотала Хадия. — Просто не удержалась из-за ее расизма.

— Таких много, — заверила Фатима.

— Когда я жила в Америке, там все вертелось вокруг цвета. Где можно есть. Где можно ездить.

Где жить или спать. Когда я вернулась в Египет, то поверить не могла, что раньше этого не замечала. С моими друзьями, моей семьей. В александрийском ЕФС нет сотрудниц темнее меня. На наших протестах нубийские и суданские женщины маршировали в задних рядах. Цитаты из Писания помогают в подобных спорах. — Она вздохнула. — Может, мы не так уж отличаемся от Америки.

Фатиме не нужно было путешествовать, чтобы это понимать. Ей тоже довелось пережить немало оскорблений. Куда меньше, чем Сити, но ей хватало. Магия и джинны далеко не все изменили.

Служанка распахнула перед ними входную дверь, выпуская агентов наружу. На улице их поджидала Сити. Она подозрительно принюхалась:

— Почему вы пахнете чаем?

— Давайте поймаем экипаж, — сказала Фатима. — Я расскажу по дороге.

Чтобы найти экипаж, им пришлось выбраться из Сите́-Жарден — так что Фатима все рассказала на ходу. К моменту, когда они поймали такси, девушки уже обменивались идеями.

— Александр Уортингтон в Каире, — пробормотала Сити. — А его сестра утверждала обратное?

— Сказала, что он за границей.

— Зачем ей было врать? — спросила Хадия.

— Самой хотелось бы знать, — проворчала Фатима.

— Думаешь, он как-то со всем этим связан? — поинтересовалась Сити. — Может, нанял Золотую Маску, чтобы тот прикончил отца? Вероломно. Даже для англичанина.

— А может, он просто самозванец, — ответила Фатима.

— Какая… сложная интрига! — шумно вздохнула Хадия.

— Наш друг прошлой ночью слишком хорошо говорил. У англичан обычно ужасный арабский. Наследник Уортингтона, который притворяется аль-Джахизом в Каире, — это *слишком* сложная интрига.

Фатима тоже так думала. К тому же это не объясняло возможное присутствие ифрита. Или человека, с которым они сражались прошлой ночью, — если он был человеком. Ей нужны зацепки.

— Ты права, — признала она. Лучше не заниматься пустыми домыслами.

Вскоре они подъехали к министерству. Когда они выбрались из экипажа, Фатима отвела Сити в сторонку:

— Насчет того, что случилось раньше… с мадам Набилей.

— Думаешь, меня первый раз называют абдой? — Сити отмахнулась, будто отгоняя невоспитанных детей. — Оскорбляют мою семью, называя нас «стадом вонючих абид»? Или комментируют мой цвет кожи? Губы и нос? Мужчины, которые предлагают мне стать их маленькой гарией?[54] Поверь, это не редкость.

— Это не значит, что она была права.

— Защитница моей чести. — Сити улыбнулась. — Я сейчас сомлею. — Она перевела взгляд за плечо Фатимы. — Хотя нам придется подождать.

Фатима обернулась и увидела, как из министерства выходит знакомая фигура в униформе цвета хаки.

— Инспектор, — поприветствовала она. — Еще один неожиданный визит.

— Агент, — ответил Асим. Затем повернулся к Хадие: — То есть агенты. — Он посмотрел на Сити, но та отвернулась. — Звонил в твой офис. Тебя не было, так что решил заскочить. Тебя видел только джинн в библиотеке. Он меня, по-моему, пять раз

---

[54] Примечания: 54
Черная рабыня, наложница.

оскорбил, только чтобы сказать, что ты уехала.

— Прости, что тебе пришлось это пережить, — насмешливо ответила Фатима.

И Асим хмыкнул, разгладил усы.

— Вы обе знаете, что пахнете чаем? Как бы там ни было, я тебя искал, чтобы узнать насчет прошлой ночи. О встрече с аль-Джахизом. — Он произнес имя с сарказмом. Утром Фатима первым делом позвонила инспектору. У полиции больше людей для прочесывания улиц, чем у министерства.

— И?

— Мы его нашли! Во всяком случае, информацию о нем. Похоже, ты была права. Он как минимум неделю слоняется по Каиру. Может, дольше. Не знаю, как мы его пропустили. Но стоило навострить уши, как мы услышали сплетни на улице.

— Что-нибудь о его личности?

— Нет, — покачал головой Асим. — Но мы выяснили, где он появится в следующий раз. В воскресенье вечером. Думаю сходить с парочкой друзей. — Его усы дернулись. — Хочешь с нами?

Глава десятая

Следующие два дня они посвятили планированию.

Асим получил ордер на арест, перечислив каждое обвинение и уголовную статью, которые могли сойти ему с рук — и еще несколько, которые, скорее всего, не могли. Фатима согласовывала действия в предстоящей операции. У полиции были люди. Но если уж министерство тоже участвовало, ей нужно было кое-что сделать.

А именно: удерживать людей Асима под контролем. У каирской полиции сложилась репутация. Фатима хотела схватить самозванца, а не устраивать бунт. Так что никакого огнестрельного оружия. На этом собрании, скорее всего, будет много бедных людей, стариков, даже детей. Последнее, что им нужно, — это пули. Амир позволил ей собрать специальный отряд агентов. Хамид был первым, кого она выбрала. Он помог найти еще четырех — людей, умевших сохранять хладнокровие, и чьи размеры заставляли других подумать дважды, прежде чем нападать.

Сложнее всего оказалось уговорить Хадию

остаться в офисе. Новичку не место в подобной операции. Если все пойдет наперекосяк, никто не мог гарантировать безопасность. Напарница ничего не хотела слышать. Фатиме пришлось зачитать министерский устав и объяснить, что она больше поможет, если займется логистикой в полицейском участке. Онси тоже будет с ней. Каждый должен заниматься тем, что у него лучше всего получается.

Единственной загвоздкой стала возможность встречи с Александром Уортингтоном. К досаде Фатимы, у нее не было оснований для ордера. Несмотря на утверждение мадам Набили, что он находился в городе в ночь убийства отца, судя по документам, англичанин прибыл на дирижабле днем позже. В то время как предполагаемого аль-Джахиза видели по меньшей мере неделей ранее. Разумеется, документы можно подделать. Он мог даже кого-то нанять, чтобы сыграть роль самозванца. Фатима предложила вызвать его для допроса, чтобы прояснить ситуацию. Но Асима уже успело предупредить начальство — получившее нагоняй от политиков и бизнесменов. Наследник Уортингтона оплакивал смерть отца, утверждали они, и готовился к его похоронам по каким-то английским традициям. Он не подозре-

ваемый. И задать вопросы ему можно позже.

— Если громко стучать в ворота таких людей, они спускают своих псов, — сказал инспектор. — Давай поймаем самозванца. Если в деле замешан Уортингтон, человек, притворяющийся аль-Джахизом, скорее всего, окажется мелким мошенником. Или хуже того — театральным актером. Я умею раскалывать и тех и других. Они сдадут своего нанимателя.

Фатима посчитала, что это разумно. К воскресной ночи она была на взводе.

Следователь сидела в полицейском фургоне из кортежа громыхавших по улицам Каира машин. Хамид устроился прямо напротив в наглаженной министерской униформе — серебряные пуговицы сияли, а на штанах идеальные стрелки. Он выглядел иллюстрацией из учебного руководства — вплоть до красной фески. Единственной выбивавшейся деталью были его ботинки: черная армейская модель с толстой подошвой. Остальные трое мужчин в фургоне — все с широкими плечами и толстыми шеями — носили такие же.

Фатима подумывала надеть униформу. Около десяти секунд. Костюмы гораздо удобнее. Сегодня она выбрала угольно-серый: строгий, без обычного ее щегольства. Ну, помимо костяных пуговиц

на пиджаке и жилете. И, возможно, кобальтовый галстук с мандариновыми полосками был слишком эффектным. Зато туфли обычного черного цвета, пусть и лаковые. Они предназначались для бега и прыжков. Она подготовилась. Просто со стилем.

— Большая толпа будет? — спросил Хамид. Его руки небрежно обхватили дубинку, лежащую на коленях.

— Если судить по тому, что я видела в пятницу.

— Они правда думают, что это он? — спросил другой агент. — Аль-Джахиз?

— Некоторые. Другим, думаю, просто интересно. — По городу не расклеивали постеров с рекламой сегодняшнего собрания. Ни слова в газетах. Но узнать о нем можно было где угодно — из надписей на стенах глухих переулков или перешептываний в нелегальных притонах. Временами Каир казался монетой с двумя разными аверсами.

— Я слышал, — вступил в разговор третий агент, — что он творит чудеса. — Судя по выражению лица, он ожидал, что она подтвердит или опровергнет эти слухи.

— Я никаких чудес не видела.

— Но ведь был ифрит? — вмешался четвертый. В его голосе слышалась надежда, что пуга́ло. Никто не должен *надеяться* на встречу с ифритом.

— Я видела только трюки с огнем, — отрезала Фатима.

Повисла неловкая тишина, затем в разговор снова вступил Хамид:

— Не важно, кем он себя называет или какие магические фокусы исполняет. Мы агенты министерства. Ничего, с чем мы не можем справиться.

— Что насчет второго? — снова спросил скептик. — Который, по вашим словам, может раздваиваться?

— Будем надеяться, что вы сможете с ним справиться вчетвером. — Фатима поморщилась, вспомнив их встречу. — Или с ними.

— Вот для чего нам эти штуки. — Хамид поднял дубинку — длиной почти с его руку, с выпуклым навершием. Он нажал на рычажок у основания, и навершие покрылось синими потрескивающими молниями. Остальные разразились криками, вздымая собственные дубинки. Один даже начал стучать себя в грудь кулаком. «Мужчины, — решила Фатима, наверное, в сотый раз, — такие странные существа».

Когда полицейский фургон остановился, Фа-

тима выпрыгнула первой, приземлившись на неровную землю в облаке пыли. Она поправила котелок тростью и оглянулась. Под светом полной луны, висящей на черном холсте неба, вокруг расстилался Город Мертвых.

Эль-Карафа, Кладбище, как большинство назвали старый некрополь, прильнуло к подножию холмов. Когда-то здесь добывали известняк, и вершины холмов до сих пор выглядели изломанными и изрытыми. Кладбище расположилось в долине между ними: плотная сеть гробниц и мавзолеев, построенных за последние 1200 лет. Здесь хоронили семьи египетских правителей — военных командиров, султанов-мамлюков, были даже османские паши. Их гробницы выглядели как дворцы в миниатюре и превратились в достопримечательность, в некоторых даже открыли суфийские школы. В эль-Карафе собирались ищущие мудрость и те, кто следил за его сохранностью.

Но это было давным-давно.

В последние годы османского правления зажиточные обитатели кладбища перебрались в более привлекательные районы Каира. Быстрая урбанизация, последовавшая за появлением джиннов, только ускорила процесс, в ходе кото-

рого каирский средний класс переезжал в новые постройки с современными удобствами. Приток в город фермеров, крестьян и иммигрантов означал появление новых жителей некрополя — в основном нищих. Мавзолеи пришли в упадок, многие обрушились — от некоторых остались только обломки. Здесь не было водопровода, газа, паровых машин или даже дорог. Тем не менее люди приспособились, обустроили скромные жилища, некоторые даже поселились в гробницах. Казалось, место, созданное для мертвых, помимо воли притягивало к себе живых.

— Что может быть лучше поездки в трущобы? — пробормотал кто-то позади. Фатима обернулась и увидела рядом с собой Асима. Никто не превращал вылазки в Город Мертвых в привычку. Разве что пилигримы в поисках благословения у суфийских мистиков, что жили в монастырях, хотя их школы давно закрылись. В некоторых хорошо сохранившихся мавзолеях проводились фестивали. Но большинство каирцев держались в стороне.

— Считайте, что выпала возможность подышать воздухом. — Фатима перевела взгляд на здание неподалеку. Из-за занавески на втором этаже за полицейским караваном, собравшимся

у ее дома, наблюдала женщина. Рядом с ней у окна толкались два мальчика.

— Посмотрим, что вы скажете, когда одна из этих мелких трущобных крыс свистнет блестящие карманные часики, которые ты так любишь, — проворчал Асим. — Сама знаешь, как говорят — если что-то пропало, всплывет, скорее всего, в эль-Карафе.

Преувеличение. Многие здесь работали в Большом Каире. Или были вовлечены в неформальную экономику, поддерживающую этот город в городе. Большинство жителей эль-Карафы не занимались воровством и преступлениями. Просто были бедными.

— Мы здесь не за мелкими скупщиками краденого, — ответила Фатима.

— Мелкими? Говорят, здесь находится штаб Сорока леопардиц. Эти дамы не мелочь воруют. Сама помнишь, когда мы выбирались сюда последний раз, у меня было оружие посерьезнее. — Рука в белой перчатке коснулась рукояти деревянной дубинки, висящей на боку.

— Никакого огнестрела, — повторила Фатима. — Мы имеем дело с людьми. А не с легионом плотоядных гулей. — Агент подавила дрожь, пробравшую ее от воспоминания предыдущего

визита на Кладбище, когда она расследовала махинации безумного ангела.

Асим снова хмыкнул, его пышные усы нервно дернулись — у него, без сомнения, тоже остались яркие впечатления от того дела.

— Надеюсь, ты права. — Он указал подбородком в сторону. — Потому что это не наполняет меня уверенностью.

Следователь перевела взгляд вслед за его жестом к скоплению самодельных хижин посреди могильных камней и мавзолеев. Где-то неподалеку в небо уходил яркий свет, озаряя крыши. Фатиме это напомнило уличный ночной рынок. Вот только в Городе Мертвых не было ночных рынков. А экзальтированное скандирование и то и дело прорывающиеся выкрики не походили на перебранку между покупателями и продавцами.

— Все на месте?

Асим оглянулся, проверяя своих людей. Полицейские выгрузились из фургонов и выстроились в два ряда плечом к плечу. Он нахмурился:

— Мне кажется, у вас появилась компания.

Фатима обернулась, не понимая, — и увидела, что кто-то торопливо шагает сквозь строй полицейских. Хадия? Новенькая подошла к ним, несмотря на быстрый шаг, ее дыхание оставалось

ровным.

— Что вы здесь делаете? — спросила Фатима. — Что-то случилось?

— Ничего не случилось, — покачала головой Хадия. — Просто я ваша напарница. — Она улыбнулась, но в ее словах сквозило напряжение.

— Я напрямую запретила вам здесь появляться!

— Я знаю. — Хадия перестала улыбаться. — Только не могу подчиниться. То положение, которое вы зачитали, где говорилось о приказе рекруту оставаться на месте. Его не существует. Вы его придумали.

Фатима почувствовала, как ее лицо наливается жаром. За ее спиной остальные агенты министерства прятали улыбки.

— Ты придумала положение? — усмехнулся Хамид. — И оставила ее с Онси?

— Он знает министерский устав наизусть, — подтвердила Хадия. — Я мельком упомянула ваше *положение*, и он немедленно меня уведомил, что ничего подобного не существует. Так что я запрыгнула в полицейский фургон и отправилась на место. Где я должна находиться.

— Я это сделала ради вашего же блага, — проворчала Фатима. — Здесь может быть опасно.

— Я понимала, что могу заниматься опасными вещами, когда поступала в академию, — резко возразила Хадия.

— Вам обоим нужна минутка на обсуждение? — откашлялся Асим.

— Нет. — У них не было времени. — Хадия, вы со мной. Если дело обернется плохо, отступайте за полицейскую линию.

— Я могу за себя постоять…

— Как? Голыми руками? — Фатима повернулась к Асиму, стараясь не давать волю вскипающему раздражению. — Мы готовы? — Инспектор посмотрел на них, затем кивнул. — Тогда хорошо. — Она расправила плечи, натянула котелок и взмахнула тростью. — Пошли.

По узким улочкам Кладбища маршировала небольшая армия. Фатима шагала во главе вместе с Асимом — а теперь и Хадией, — Хамидом и другими агентами по бокам. За ними следовали полицейские. По меньшей мере сорок человек. Асим хотел больше, весь личный состав, чтобы оцепить собрание. Но Фатима не согласилась. Они и без того атаковали людей посреди ночи. Не стоило усугублять ситуацию больше чем нужно.

Не все жители эль-Карафы собрались на митинг. Они сидели у окон и на ступенях, наблюдая,

как процессия извивается между каменными гробницами и могильными камнями, иногда пригибаясь под бельевыми веревками и обходя кирпичные печи. Большинство смотрело на них без выражения. Некоторые волновались. Одна женщина в панике начала выкрикивать «йа лахи!»[55], когда они проходили мимо. Остальные, однако, провожали их тяжелыми взглядами. Несколько раз доносились проклятия.

— Я упоминал, что в этих трущобах не слишком-то любят полицию? — осведомился Асим.

Фатима в этом не сомневалась. Судя по отчетам, которые она видела, у них были на то причины. Марш продолжался в относительной тишине, только звуки впереди становились все громче по мере того, как они приближались. Раздавались одобрительные выкрики. И кто-то выступал с речью. Она сумела разобрать несколько слов, эхом разнесшихся по узким проходам некрополя. Но лишь когда они выбрались из леса зданий, Фатима вполне сумела оценить происходящее.

Пустырь заполняла толпа. Еще больше людей стояли или сидели на зданиях, поднимавшихся с другой стороны. Фатима ожидала большого скоп-

---

[55] Примечания: 55
Восклицание, обычно выражает страх. Ближайший аналог: «О боже!»

ления. Но здесь собралось несколько сотен. Куда больше, чем на предыдущем митинге. Повсюду были развешаны газовые лампы, и их сияние разливалось по всему пустырю, который напоминал амфитеатр под открытым небом или оперу. Сценой служил огромный мавзолей. Его зубчатые стены когда-то, вероятно, были гладкими, однако теперь глинобитные кирпичи покрывали многочисленные трещины. По бокам возвышались деревянные леса, кто-то ремонтировал постройку. Сооружение венчал грандиозный грушевидный купол, всю поверхность которого декорировали высеченные узоры, а верхушку венчал полумесяц. Прямо у купола, на открытом пространстве, где мерлоны в виде сот рассыпались, стоял оратор.

Фатима нахмурилась. Это был не мужчина в золотой маске. Кто-то другой — в синей галабее и белом тюрбане. Он воздел руки в воздух, выкрикивая в ночь: «…и я видел своими глазами, как совершались чудеса! Он призвал созданий из бездымного огня и уничтожил чужаков! Когда-то я помогал им в воровстве и осквернении! Но он направил меня на истинный путь! Он вернулся, чтобы мы узрели и познали истину! Он вернулся, чтобы учить нас, как делал прежде!»

Новые крики слились в оглушающий рев.

— Это кто? — спросила она, склонившись к Асиму.

— По нашим сведениям, перед каждым появлением самозванца выступают подобные люди. Они рассказывают о том, что, по их утверждениям, совершил аль-Джахиз.

— Свидетели, — добавила Хадия.

Фатима была знакома с этим титулом. Говорили, что когда настоящий аль-Джахиз ходил по улицам Каира, ему часто предшествовали мужчины и женщины — свидетели его учения и чудес. Самозванец *по-настоящему* серьезно изучил вопрос.

Рев толпы усилился. На крышах люди стояли в ожидании. Мужчина на мавзолее уже кричал, хотя только обрывки его речи пробивались сквозь гул толпы: «…Путешественник между Мирами! Отец Загадок! Познавший Потаенное!..»

Асим произнес что-то, что невозможно было разобрать. Но внимание Фатимы было приковано к вершине мавзолея. Оратор закончил и отступил в сторону. Она почувствовала, как напряглись мышцы ее тела, когда на сцене появился человек в золотой маске.

Он выглядел так же — высокий, закутанный

в развевающуюся черную мантию. Даже отсюда она видела гравировки на маске, которые двигались, будто живые. Справа от него была еще одна знакомая фигура, грациозный мужчина в черных шароварах и рубахе из плотной ткани. Самозванец занял место оратора и толпа скандировала: «Аль-Джахиз! Аль-Джахиз! Аль-Джахиз!» Он стоял, сцепив руки за спиной, а его компаньон застыл позади неподвижной статуей. Крики затихли, только когда самозванец поднял руки — которые, только теперь заметила Фатима, покрывали темные кольчужные перчатки. В опустившейся тишине он заговорил:

— Этой ночью вы пришли в поисках чудес.

Раздались ахи, и Фатима понимала почему. В отличие от последнего выступавшего, самозванцу не пришлось кричать. Его слова доносились с идеальной ясностью, словно он стоял рядом с ней. В прошлый раз он этим трюком не пользовался.

— Сегодня вы пришли за великой мудростью. Чтобы я рассказал, что видел, когда странствовал между мирами. Вы пришли, потому что ваши глаза и головы ломит от голода, как ваши животы и животы ваших детей. Вы пришли, потому что в ваших душах живет жажда, они иссохли, как песок под вашими ногами. Вы пришли, потому

что в этот век, где так много чудес, — он взмахнул рукой в сторону Каира, — остается пустота, дыра, в которой находитесь вы. Новый мир вас подвел. Они прославляют «современность», но оставляют вас за бортом — словно людей, брошенных в океане без капли питьевой воды.

Он сделал глубокий вдох, будто втягивая в себя жизнь — и его голос взорвался.

— Я вернулся к вам, мои потерянные люди! — прогремел он. — Я вернулся к вам, мои брошенные люди! Я вернулся к вам! Не к могущественным и богатым, не к тем, кто злоупотреблял моим учением, чтобы жить в упадничестве! Которые подняли этот город так высоко, в то время как столько жизней остается на дне! Которые смеют провозглашать век чудес, возведенный на спинах тех, кто строит и работает на их заводах! Которые пожирают выпеченный вами хлеб, пот и труд ваших рук! Пока вы вынуждены жить в нищете и строить, строить и строить, словно желая услышать небеса! Маср[56] сбился с пути, что я проложил! Мы должны выправить его вместе! Даже если это означает сжечь все, что они построили, чтобы мы могли начать заново!

---

[56] Примечания: 56
Маср — Египет.

Ответные вопли почти оглушали. Фатима обменялась взглядами с Асимом. Пора. То, что она собиралась сделать, было либо гениальной, либо худшей идеей в истории худших идей. Агент быстро прошептала басмалу[57]. Затем, прежде чем самозванец успел продолжить, она выкрикнула:

— Разве аль-Джахиз убийца?

У Фатимы не было передатчиков речи, вроде тех, которыми пользуются певцы. Не было и красивых трюков, чтобы слова раздавались прямо в ушах. Но у нее был ясный, без дрожи голос. И почти незаметные паузы, от которых ее слова разносились эхом. В сторону Фатимы повернулась каждая голова, а за ними последовал шум голосов. На этот раз она сомневалась, что дело в костюме. Скорее всего, реакция была связана с армией полицейских за ее спиной. Следователь взяла себя в руки и заговорила вновь, продвигаясь вперед — ее эскорт следовал вслед за ней.

— Я спросила, разве аль-Джахиз убийца?

Толпа расступалась перед ней. Люди с детьми начали покидать собрание, скорее всего, опасаясь грядущего конфликта. Но столкновения

[57] Примечания: 57

Фраза, с которой начинается каждая сура Корана, помимо девятой: «во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного».

не произойдет, поскольку Фатима собиралась покончить с самозванцем здесь и сейчас. Ее глаза никогда не покидали фигуру в маске надолго, он отвечал свирепым взглядом с крыши мавзолея.

Они добрались до передних рядов митинга. Собравшихся здесь, в основном юношей с пылкими взглядами, пришлось расталкивать, чтобы пройти. Один из них — с жидкой бороденкой — с вызовом выставил ногу. Фатима пригнулась и небрежно врезалась ему в грудь плечом, заставив юношу попятиться. Восстановив равновесие, он бросился вперед, но наткнулся на Асима, который ответил ему взглядом и дернул усами: «Попробуй». Фатима проигнорировала обмен, сосредоточившись на фигуре вверху.

— Ты не ответил на мой вопрос, — снова выкрикнула она. — Разве аль-Джахиз убийца?

Самозванец сохранял тишину, и она решила, что ей придется снова повторить. Но затем раздался его голос:

— Ты говоришь загадками. Говори прямо, чтобы все могли понять. — Толпа ответила гулом согласия.

— Аль-Джахиз, о котором я читала, был учителем, — отозвалась Фатима. — Мыслителем. Изобретателем. Человеком, выступавшим за сво-

боду. Аллах мне свидетель, я не видела ни одной книги, где его называли убийцей.

— Почему же ты называешь убийцей меня? — спросил самозванец.

«Вот оно, — подумала Фатима. — Он попался».

— На прошлой неделе погибло двадцать человек, их убили, — прокричала она. — Сожгли заживо. Их тела обратились в пепел. Люди видели, как с места преступления сбежал один человек, подобно жалкому вору, трус, пытающийся скрыть свои деяния. Человек в золотой маске.

Поднялись гневные крики. Глаза Фатимы метнулись к полицейским, чьи руки нависли над дубинками. Она бросила выразительный взгляд на Асима, тот повернулся и что-то прошипел своим подчиненным. Его слова передали по строю, и руки расслабились. На вершине мавзолея мужчина поднял закованную в кольчугу ладонь, и толпа затихла. Фатима не позволила паузе пропасть даром.

— Я не зову великого аль-Джахиза убийцей, — сказала она, обращаясь к толпе. — Убийцей я называю этого *шарлатана*, что решил осуществить этот обман, эту ложь. Человеку, убившему столь многих, нельзя верить. Подобный человек не заслуживает ваших похвал. — Несколько

лиц выглядело смущенными. Хорошо. Она резко повернула голову назад к самозванцу. — Я спрашиваю опять — разве аль-Джахиз убийца?

Последовала долгая тишина. Казалось, каждый на пустыре ждал ответа, глаза были устремлены к фигуре наверху. Наконец он ответил:

— У меня много имен для многих людей. Учитель. Мыслитель. Изобретатель. Меня называли и по-другому. Святым. Безумцем. — Он сделал паузу. — А для тех, о ком ты говоришь, кто сгорел в огне, я был возмездием.

Фатима выдохнула. Получилось. Рядом с ней Асим откашлялся и выкрикнул:

— По мне, так похоже на признание.

— Я признаю лишь одно — я сделал то, что нужно было сделать, — ответил мужчина. Он обратил пылающий взор на толпу, ответившую неуверенными взглядами. — Они не говорят вам, кто умер той ночью. Прямо здесь, на той самой земле, по которой я однажды ходил, чужие люди создали насмешку над моим именем. Они не говорят вам, что один из этих людей, прозванный Английским Пашой, созвал вероломную клику других англичан, отравивших мое учение. Они не говорят вам, что эти люди практиковали нечестивое искусство, — они даже осмелились назвать

себя Братством аль-Джахиза. Они якшались с идолопоклонниками! Поклонялись ложным богам! — Новые шепотки, Фатима оглянулась и заметила несколько шокированных лиц. Но все же этого было недостаточно. Сомнение все еще наполняло воздух.

— Это не повод для убийства! — выкрикнули из толпы.

Фатима повернулась, пытаясь найти источник голоса. Заговорил еще один человек:

— Мы страна законов!

— Для убийства идолопоклонников нет причин! — раздался третий выкрик.

— Или иностранцев! — сказал другой. — Мы не убиваем тех, кто не идет на нас войной!

Больше голосов. Даже споров. Они разгорались в толпе тут и там. Один старик цитировал хадис ненасилия группке юношей, которые, хоть не соглашались, слушали с уважением. Другие, похоже, собирались уйти, возвращаясь домой. Фатима подняла голову к самозванцу с триумфом в глазах. Если он считал, что сможет укрыть свои преступления покровом праведности, он жестоко ошибался. «Твой ход», — подумала она.

— Против вас уже ведут войну, — прогремел самозванец, перекрывая гомон. Он подождал, пока

снова установится тишина и взгляды вернутся к нему. — Они не сказали вам, что эти чужаки совершили кражу. Воровали у нашей земли все, что могли. Они хотели отнять то, что ваше по праву, сделать себя новой силой. Они хотели разложить нашу страну, развратить ваших детей, унизить наше общество — используя мое имя и извращая мое учение ради своей алчности! Их целью было ослабить Египет, снова сделать его вассалом западных сил! Отдать нас во власть тех самых тиранов, от которых мы сбежали!

Новые ахи. И искренние взгляды тревоги. Фатима нахмурилась. К чему он ведет?

— Скажи нам! — прокричал кто-то. — Кто мог это сделать?

— Те самые люди, что отправили вас в трущобы, — ответил самозванец. — Те, кто называет себя вашими лидерами. Кто сидит в правительстве. — Его рука взмыла, указывая на Фатиму и ее эскорт. — И они знали! Эти власти, что должны вас оберегать, они позволили свершиться этому надругательству! Почему? Потому что Английский Паша был с богатыми, с могущественными, с теми, кто использовал свое влияние, чтобы купить молчание ваших политиков, даже заставить молчать ваши газеты, оставляя вас в темноте!

Он утих, позволяя словам уложиться в головах. И, к огорчению Фатимы, было видно, что многие прислушались. Он убедил не всех, но они готовы были продолжать слушать.

— Предатели! — Ей показалось, что это один из юношей. Крик быстро подхватили, толпа загудела, как осиный рой.

— Предатели! — воскликнул самозванец в унисон. — Предатели в союзе с идолопоклонниками и англичанами, сговорившиеся позволить чужакам пустить корни на нашей земле! Чтобы погубить мой труд по освобождению Египта! Так что да, я сжег их! Я позволил огню их поглотить! Чтобы положить конец их замыслу захватить нашу землю и заковать нас в цепи!

В ночи разнесся хор одобрения.

— А вот это и правда неплохо, — признал Асим. — Надеюсь, у тебя готов ответ?

— Конечно, он у нее готов, — сказала Хадия. Ее глаза нервно забегали. — Он же готов, так ведь?

Фатима сжала челюсти. Все пошло не так, как она планировала. Она получила признание, но самозванец превратил его в медаль почета. И приплел совершенно смехотворный заговор. Египетское правительство — часть плана по превращению страны в колонию Британии?

Абсурд! Однако она видела, что это задело за живое людей, у которых было мало оснований доверять властям. Некоторые в толпе выглядели по-настоящему шокированными, даже встревоженными. Он играл в опасную игру, *очень* опасную. К счастью, не всех увлекла его речь. На многих лицах отражался открытый скептицизм. Некоторые даже бросали взгляды в ее сторону, ожидая, словно подталкивая ее дать достойный ответ. Ну, пришла пора для настоящего шоу.

— Сними маску! — закричала она. Голос прорвался сквозь экзальтацию, которая медленно угасла. — Аль-Джахиз никогда не носил маску. Он никогда не скрывал свое лицо от последователей, будто преступник или грабитель. Так почему бы ему носить маску теперь? Люди, что прячутся под масками, делают это, чтобы скрывать свою ложь. Если ты великий аль-Джахиз, сотвори это чудо. Сними маску. Покажи, кто скрывается под ней.

В толпе воцарилась потрясенная тишина, а затем послышался голос: «Да, сними маску!» За ним последовал другой: «Покажи лицо! Сними маску!» Фатима позволила себе почти незаметную улыбку, когда зазвучали требования. В этом были все каирцы. Они тебя слушали. Но если ты хочешь, чтобы за тобой следовали, если хочешь

их доверия, они должны чувствовать, что тебя знают. Им нужно заглянуть в твои глаза и понять твое сердце. Маска была хорошим приемом. Но многие люди пришли на митинг скорее из любопытства. Она ухватила это любопытство и хорошенько его встряхнула.

— Что же так долго? — насмешливо спросила следователь. — Или этот подвиг аль-Джахизу не по силам? Или у тебя лучше получается толкать речи? Моя мама всегда говорила, что под приятной и скромной внешностью часто скрывается катастрофа. Может, ты прячешь катастрофу под этой маской? Может, твои глаза выпучены, как подразумевает твое имя? — Взрыв смеха. Еще одна черта каирцев: только дай им причину — и ты можешь стать посмешищем, предметом колкостей, которыми обмениваются на улицах и в кофейнях.

— Давай же, великий шейх, — добавила Фатима для верности. — Сними свою маску!

Самозванец выставил руку, снова призывая к тишине:

— Я никогда не называл себя шейхом, — ответил он своим мягким голосом. — Этот титул ты мне приписала. Я лишь обнажаю истину. Я говорю об этих истинах тем, кому нужно их услы-

шать — мусульманам ли, коптам или неверным. Когда я впервые пришел на улицы Каира, я был лишь учителем и никем более. Тем, чье лицо могло затеряться среди других. Я не желал, чтобы мое лицо восстановили, не хотел стать идолом для поклонения для запутавшихся людей. Я не желал, чтобы меня использовали вероломные, дабы сбивать с пути.

Фатима радостно готовила новые издевки. У него не выйдет отговориться.

— Но я понимаю, иногда, чтобы укрепить истину, глаза должны узреть.

Слова на языке Фатимы испарились, когда мужчина совершил немыслимое — поместил пальцы с обеих сторон золотой маски и поднял ее. Охи вокруг ножом рассекли тишину.

Лицо под маской ошеломляло, и ей пришлось совершить усилие, чтобы не отступить. То было угловатое лицо, с острыми выступающими скулами и вытянутое к подбородку. Кожа, что его покрывала, была темной, как у любого суданца, и контрастировала со спутанными кудрявыми волосами с проседью, спадавшими на лоб. А глаза! Это казалось невозможным, но они сияли еще ярче — будто снятая маска обнажила их суровый блеск. Он не мог быть настоящим аль-Джахизом,

ее разум попросту не принимал эту вероятность. Но если она когда-либо представляла, как может выглядеть человек из историй и легенд, вернувшийся в их мир, то это было лицо, открывшееся перед ней.

Благоговение, охватившее толпу, было осязаемым, люди разразились восклицаниями: «Это он! Он вернулся! Аль-Джахиз!» Имя подхватили новые голоса, слившиеся в единый хор: «Аль-Джахиз! Аль-Джахиз! Аль-Джахиз!» Если и были еще сомневающиеся, их голоса утонули в самозабвенных криках.

— Это нехорошо, — сказала Хадия.

Фатима оглянулась. Она надеялась сорвать маску с самозванца, доказать, что он жулик. Вместо этого подарила ему признание. У следователя возникло гнетущее чувство, что все это было ловушкой. И она сама в нее запрыгнула.

— Что теперь? — спросил Асим.

Фатима отбросила ужас и сомнения в себе.

— Я припоминаю, что он признался в убийстве. Возьмем его, пока он еще больше людей не накрутил.

— Похоже, они уже порядком накручены, — указала Хадия.

Не только они, заметила Фатима. Хамид и

другие агенты сжимали свои черные дубинки. Полицейские опустили руки на жезлы, их плечи напряглись, как у людей, готовых броситься в бой. Может случиться взрыв.

— Асим! Или мы его арестуем сейчас, или отступаем!

Усы инспектора застыли.

— Каирская полиция не отступает, — резко ответил он. Асим достал свисток и дважды в него дунул. Полицейские выхватили дубинки и выстроились в шеренгу. — Я уполномочен поместить тебя под арест! — прокричал инспектор самозванцу. — За убийство лорда Алистера Уортингтона и его партнеров! Каждый, кто воспрепятствует, будет арестован за вмешательство в исполнение воли государства!

Ответом ему послужил взрыв гневных криков, улюлюканья и скандирования.

— Воля государства. — С крыши донесся насмешливый голос самозванца. — Теперь вы видите, о чем я говорю? Где были власти Каира, когда вы болели? Или нуждались в чистой воде? Или когда дорожала еда? Их это не волновало. Но теперь, чтобы защитить коварных чужаков, они прислали целую полицейскую армию. И против кого? Бедных и растоптанных. Вторгаясь в ваши

дома и жилища. Все это, чтобы схватить одного человека? Если мои люди пожелают, я пойду с ними добровольно. Лишь бы это позорное предательство прекратилось.

Возгласы неповиновения поднялись вместе со сжатыми кулаками. Фатима видела, как группа из тридцати человек отделилась от толпы. Она узнала их лидера: юноша, которого она оттолкнула раньше. Он вел группу навстречу полиции, подбадривая их криками и неприличными жестами. Агент бросила взгляд на свой отряд. На лицах проявился гнев, но и страх тоже, они понимали, что оказались в ужасающем меньшинстве. Ситуация обострилась и теперь балансировала на лезвии ножа. Малейший толчок отправит их кувырком. Нет, этого *не могло* произойти. Она взглянула на самозванца, чье невероятно древнее лицо теперь выглядело довольным. Она *не позволит* этому произойти! Фатима позвала Асима, собираясь приказать ему отступить, — и тут последовал судьбоносный толчок, принявший форму обуви.

Глава одиннадцатая

Фатима наблюдала за полетом национальной обуви — сандалии, запущенной невидимой рукой. Она падала по дуге и не могла причинить серьезного вреда. Но полицейский, которому она врезалась в лицо, взревел, — скорее от обиды, чем от боли, — и бросился вперед, и запустил цепную реакцию. Первые ряды полицейских начали атаку, подталкиваемые теми, кто был позади. Когда они столкнулись с толпой, все взорвалось.

Дубинки опускались на спины, руки и ноги. Люди падали, крича под ударами. Некоторые давали отпор. Другие бежали, а полицейские гнали их дальше в толпу. Драка расширилась, когда в бой вступили новые бойцы. Битва началась в мгновение ока.

Фатима увернулась от удара. Ткнула набалдашником в ответ, заставляя противника отступить. Тут же появился другой, более подвижный. Агент едва избежала кулака, просвистевшего у самого носа. Затем фигура крутнулась и прыгнула, чтобы отвесить Асиму хлесткую пощечину. Он вскрикнул, хватаясь за щеку, свободная рука тщетно тянулась к атакующей, которая уже унес-

лась прочь.

— Меня, что, девчонка огрела? — недоверчиво спросил он.

Фатима проводила глазами мелкую фигуру, исчезающую в толпе. Действительно, девочка. Чуть старше подростка, высокая, с темной кожей. Но особенно выделялась ее одежда — ярко-красный кафтан и голубые турецкие шаровары.

— Сорок леопардиц! — выкрикнула она предупреждение. — В толпе Сорок леопардиц!

Теперь, когда она их уже заметила, следователь видела, что воровки рассредоточились по всему полю боя — выхватывая у полицейских дубинки или сбивая их с ног. Другие пользовались пращами, запуская камни, отправлявшие противников в нокаут. Еще несколько строили разобщенных людей, чтобы проводить быстрые стратегические атаки на ряды людей Асима.

— Сорок леопардиц! — сплюнул он, играя желваками. — Они-то здесь что забыли?

Фатима понятия не имела. Но ситуация от их присутствия значительно ухудшилась. В бой бросилось еще несколько нападающих, отсекая ее от Асима. Она осталась с Хамидом и одним из агентов, которые работали изо всех сил, чтобы не подпускать разгоряченную толпу. Внезапно в

ее голове прозвучал сигнал тревоги. Где Хадия? Она развернулась, обнаружив новенькую справа от себя.

— Уходите! Отступайте к задним рядам, и пусть они вас выведут!

— Нет никаких задних рядов! — возразила Хадия.

Слова Фатимы оборвались, когда кто-то ее толкнул. Следователь упала и, подняв глаза, увидела, что над ней нависает огромный мужчина с палкой. Он замахнулся, но тут в его ребра врезался кулак. Крепыш взвизгнул, уронил палку и повернулся к атакующей. Хадия. На мгновение на лице протестующего отразился шок, затем он бросился. Фатима смотрела с открытым ртом, как ее напарница хладнокровно уклонилась от хватки здоровяка. Схватив его за руку, новенькая использовала инерцию, чтобы отправить того в полет, который закончился, когда он врезался в своих товарищей. Мужчина восстановил равновесие и снова кинулся на Хадию. На этот раз она ударила ногой, ее ботинок с силой врезался в подбородок. Мясистую голову отбросило назад, и здоровяк вырубился. Его друзья посмотрели на тело в отключке и сбежали в поисках цели попроще.

— Я говорила. Я могу за себя постоять. — Хадия протянула ей руку.

Фатима поднялась. Она начинала всерьез сомневаться в своем умении оценивать людей. На крыше мавзолея самозванец бесстрастно наблюдал за хаосом. Его взгляд задержался на Фатиме. Он снова надел маску, но агент могла представить кривую ухмылку, которую она скрывала. Эта мысль снова затопила ее гневом. Следователь вскинула в его сторону трость и закричала: «Я иду за тобой!» Он ответил ленивым взмахом руки — и фигура справа от самозванца ожила, спрыгивая вниз.

Фатима отпрянула. Проклятье! О нем-то она забыла. Как и раньше, стройный мужчина приземлился с грацией, словно и не прыгал с высоты нескольких этажей. Не успела она моргнуть, как он уже раздвоился. Хадия ахнула. Но Фатима уже видела этот трюк и приготовилась к нему.

— Хамид!

Он подбежал вместе с остальными агентами.

— Выглядит не так уж и страшно.

— Внешность может обманывать, — предупредила Фатима.

Хамид приказал своим людям построиться полукругом.

— Все равно нас четверо. А их только… — Он умолк. Один из агентов выругался. Две фигуры в черном превратились в четыре.

— Так что ты говорил? — спросила Фатима.

Коллега ответил серией быстрых команд. Агенты щелкнули рычажками дубинок. Раздалось гудение, и навершия затрещали электричеством. Это было министерское оружие — с аккумулятором, производившим мощный разряд. Когда твоя работа заключается в том, чтобы противостоять сверхъестественным существам, которые частенько гораздо сильнее людей, тебе нужно преимущество.

Четыре фигуры напали на Хамида и его людей в считаные секунды. Широкие шаровары развевались, когда они били кулаками и ногами. Фатима прищурилась. Кажется, они медленнее, чем той ночью. Не слишком, но достаточно, чтобы агенты держались. Хамид атаковал, получив скользящий удар по плечу, в обмен на тычок дубинкой в руку. Разряд должен был вырубить дубликата. Вместо этого он пронзительно закричал — и его правая рука отвалилась. Фатима моргнула. Нет. *Все* правые руки отвалились после такого же крика. Прямо на ее глазах каждая конечность превратилась в черный пепел.

Когда четыре раненые фигуры отпрыгнули назад, Хамид ухмыльнулся:

— Мы нашли слабое место. Может, это будет не так уж и сложно!

Гуль! Фатима вспомнила черный дым из раны, которую она нанесла. Какой-то вид гулей. Когда отрезаешь часть тела нежити, она превращается в пепел — как сейчас. Но разве гули бывают такими подвижными? Или умеют себя копировать? Прежде чем она успела закончить мысль, пепел на земле вскипел. Он взлетел вверх, соединяясь с плечами каждой фигуры и формируя новую руку — вплоть до черной рубахи. Один из людей Хамида принялся бормотать молитву.

— Не давайте им расслабиться! — сказала Фатима. — Я атакую их хозяина!

— Я с тобой! — вцепилась в ее руку Хадия.

Это было в большей степени утверждением, чем вопросом. Женщина даже полицейскую дубинку где-то раздобыла.

Напарницы начали пробиваться сквозь массы. Большинство людей были слишком заняты, чтобы им мешать. Нескольких, которые попытались, они отпихнули в сторону, направляясь к мавзолею. Подняться вверх можно было только по лесам у строения. Пока они взбирались, Фатима

заметила тень, которая двигалась вверх по лесам напротив. Достигнув вершины, напарницы оказались на узкой дорожке квадратного основания мавзолея. Они бросились в бег, повернули за угол и…

Самозванец стоял, заложив руки за спину, и задумчиво глядел вниз.

— Хвала Аллаху, — нараспев произнес он. — Удивительно, что слова могут так сильно влиять на людей.

Фатима резко остановилась и придержала Хадию.

— Шарлатаны умеют забраться людям в мозги, — ответила она.

Самозванец поднял голову, золотая маска с изменчивыми узорами казалась живой. И эти глаза!

— По-прежнему не веришь. Даже после того, что видела.

— Когда поработаешь в моей сфере деятельности, все эти обманки уже не так впечатляют.

— Вот кто я? Обман? Зрения? Или чувств?

— Не знаю, и меня не волнует. Я здесь, чтобы тебя арестовать. С остальным пусть суд разбирается.

— Где меня, без сомнения, ожидает справед-

ливое разбирательство, — насмешливо сказал он. — В этих людских судах.

— Ты убил больше двадцати человек. Сжег их заживо. Парада ожидаешь?

— Они могут мне устроить. — Он указал вниз. — Эти люди меня так строго не судят. Они поняли, почему я совершил этот поступок. Чтобы спасти эту землю от предателей и…

— Точно, — оборвала его Фатима. — Хороший заговор состряпал. Ты все равно убийца!

— К рассвету я буду героем! Мое имя на тысячах языках. Разве ты не слышишь?

— Твое имя будут вспоминать как человека, сеявшего раздор и смуту.

— Ты думаешь, я создал эту распрю? — Он склонил голову набок. — Посмотри, как эти люди живут, в грязи и запустении. Мир стремительно несется в хваленую современность, забывая о тех, кого оставляет позади, или перемалывает под колесами прогресса. Это больше чем только я. Грядущая фитна[58] назревала давно.

— Фитна? — озадаченно переспросила Хадия. — Фитна — это просто слово. Ощущение беспорядка или волнения, столкновение с трудностями, раз-

---

[58] Примечания: 58

Арабское слово, означающее смуту. В изначальном значении относилось к переработке металла для удаления шлака.

ногласия, обнаружение чего-то, что ставит под угрозу твое мышление. Какое это имеет отношение к тому, что ты здесь устроил?

— А. — Самозванец поднял палец. — Великий философ Ибн Араби так же описывал фитну, как проверку, испытание огнем. Мне это напоминает алхимию. Расплавить, чтобы разделить элементы, совсем как разделение угнетателей и угнетаемых. Вот, что я принес этому городу, правду об уродстве, скрывающемся под покровом этого века чудес. Так, чтобы увидели все, у кого есть глаза и сердце. И когда примеси будут отброшены, останется лишь чистое и беспримесное.

— Ты играешь словами! — попыталась возразить Хадия.

— А может, я лишь наделяю их значением.

— А говорил, что не шейх, — выплюнула Фатима.

— Я открываю правду на любом языке, какой понадобится.

— Ну, сохрани свои лекции для суда. Там можешь играть в ученого философа или революционера сколько душа пожелает. — Она подняла трость и выхватила меч.

— С чем я столкнулся? Женщина с мечом и еще одна с полицейской палкой?

— Ты забываешь о третьей. — Фатима наслаждалась замешательством в его глазах. Пока они говорили, из теней напротив появилась фигура, привлекая его внимание, — женщина в черном.

— Привет, дядя, — поздоровалась Сити, махая рукой в серебряных когтистых перчатках. Ее глаза — единственное, что было видно на закутанном лице — сузились. — Хорошо выглядишь для… скольких лет? Ста? Много занимаешься спортом? Пьешь воду?

— Идолопоклонница с прошлой ночи, — окинул ее взглядом самозванец.

— Нам пора перестать так встречаться. Сехмет передает привет.

Судя по аху за ее спиной, Хадия только сейчас сообразила, кто это. Фатима договорилась с Сити, чтобы она вмешалась, только если план пойдет наперекосяк. Он пошел наперекосяк.

— Так ты пойдешь с нами? — спросила Сити, вытягивая пальцы с когтями и небрежно их рассматривая. — Или планируешь сделать это интересным?

Самозванец посмотрел на трех женщин и протянул правую руку в воздух — где внезапно материализовался меч. Он был длинным, со слегка изогнутым лезвием из черного металла, что

делало его почти невидимым в ночи. От клинка исходило тихое гудение, словно он напевал.

— Я так понимаю, что это «нет», — прорычала нубийка и бросилась вперед.

Аль-Джахиз поднял меч, встречая ее атаку, прозвучал звон металла. Каждый раз, когда самозванец взмахивал рукой, клинок издавал странное гудение. Там, где меч встречался с когтями, искры разлетались, словно светлячки. Сити ударила по широкой дуге, ухмыляясь в едва сдерживаемом восторге. Фатима восприняла это как сигнал и напала с другой стороны, надеясь зайти с незащищенного фланга. Ее клинок делался под заказ, и рукоять в виде львиной головы была сбалансирована под ее вес. Лезвие было острым с одной стороны, чтобы наносить порезы, которые если и не окажутся смертельными, во всяком случае, заставят оппонента сдаться — или истечь кровью. Она согнула колени, готовясь к рубящему удару.

Но мужчина орудовал мечом с невероятной скоростью, движения его запястья были почти неуловимы. Он с легкостью отбил ее тонкий клинок и перетек назад, готовясь к их атакам. Подруги остановились, оценивая противника. Сити присела, балансируя на носках, словно кошка, ее

темные глаза поблескивали.

— Этот меч, — сказал самозванец, почти касаясь маски гудящим лезвием. — Его выковал джинн. Говорят, когда он отнимает жизнь, последнее, что слышит умирающий, — его песню.

— Ты всегда такой говорливый? — осведомилась Сити. — Или это мои духи?

— Просто хотел, чтобы ты знала. Так что, когда в твоих ушах зазвенит песня, ты поймешь почему.

Сити сузила глаза и прыгнула на него, вытянув когти. Фатима бросилась на помощь. Но сражаться в узком проходе было тяжело. При каждой попытке удара ее встречало парирование, после чего он возвращался к бою с Сити.

Как бы ей ни хотелось этого признавать, он был хорош. Очень хорош. Он действовал клинком, словно продолжением руки. Она ему не ровня, и он это знал. Его главным противником оставалась Сити, не прекращавшая атак. Фатиме пришлось отступить, когда они переместились в ее сторону, огибая угол. Хадия держалась на расстоянии, но следовала за ними с дубинкой наготове.

Фатима оставалась на границе сражения, ожидая возможности. Он не мог продолжать в том же духе. Должно быть, самозванец и сам это понимал, поскольку, когда они оказались в задней

части мавзолея, он неожиданно заскочил на мерлоны-соты — и спрыгнул со здания. Она подбежала к краю и увидела, как тот приземлился на крышу постройки ниже. Он стоял с воздетым мечом и ждал.

Сити издала боевой клич, а затем, прежде, чем кто-нибудь успел ее остановить, прыгнула с мавзолея, приземлившись с перекатом и тут же вскочив на ноги. Фатима собралась было последовать за ней, но Хадия схватила ее за руку и покачала головой: «Это невозможно!» Она была права. Без колдовства самозванца и магии, окружавшей Сити, она могла сломать ноги — или хуже того.

Им пришлось карабкаться вниз по стене мавзолея, чтобы потом соскочить на леса. Фатима бросилась в бег с Хадией по пятам, затем перепрыгнула через широкий проем на другие леса, которые так зашатало, что следователь испугалась, что они могут обрушиться. Но конструкция удержалась. Еще один спуск — и она увидела здание, откуда звучал лязг металла. Еще прыжок, и она на месте. Фатима запыхалась от бега, но тут же бросилась в бой, занимая место рядом с Сити.

— Рада, что ты наконец добралась, — пропыхтела та.

Фатима не стала тратить дыхание на перепалку. Они напали на мужчину вместе. Его меч по-прежнему встречал каждую их атаку, но самозванец отступал. Лучше того, из-под маски пробивалось тяжелое дыхание. Вскоре он сделает ошибку. С уставшими бойцами это часто случалось. Ей показалось, что именно это и происходит: ноги аль-Джахиза почти заплелись, подогнулись. Сити тоже заметила и нырнула под его меч. Но внезапно движения их противника снова стали уверенными, он пригнулся, и его меч необъяснимым образом исчез. Финт! Прежде чем Фатима успела предупредить, меч появился в другой руке самозванца, прямо у открытого бока Сити. Он сделал укол, лезвие скользнуло в ее ребра, после чего тот провернул и выдернул клинок. Сити охнула, хлынула кровь, и она обмякла.

Фатима бросилась к подруге, а мужчина отступил, наблюдая с расстояния. Дыхание Сити было тяжелым, она зажала рану, растерянно рассматривая багрянец, запятнавший ее когти.

— Для тебя бой окончен! — сказала ей Фатима.

Протест женщины вырвался со стоном.

Хадия подбежала и упала на колени, чтобы осмотреть Сити.

— Хвала Аллаху! Если кровь не идет ртом,

легкие, скорей всего, не задеты! Но рану нужно зашить!

— Займитесь, — ответила Фатима, не сводя глаз с самозванца, который стоял, обозревая — ожидая.

— Собираетесь сражаться с ним одна? — спросила Хадия, отрывая ткань от рубашки Сити.

— Что-то вроде того, — ответила она. Тело агента ныло после всех этих прыжков и сражений. Но разгорающийся позади ее глаз жар делал боль отдаленной. Поднявшись, она сбросила пиджак. Фатима не взяла с собой револьвер, но у нее оставался кинжал-джамбия — подарок от иностранного посла в ее первые месяцы в министерстве. Она вытащила широкий обоюдоострый клинок из расшитых серебром ножен на широком кожаном ремне. Держа в одной руке кинжал, а в другой — меч, следователь сделала шаг вперед.

— Только ты? — спросил самозванец. Он стряхнул капли крови с меча.

— Только я.

Они застыли, долгое мгновение рассматривая друг друга. На золотой маске не было выгравировано никакого выражения — только изображение мужчины с опущенными вниз уголками губ.

Трудно было сказать, о чем думал самозванец, разглядывая ее, пока он не заговорил:

— Эта идолопоклонница. Она что-то для тебя значит. Интересно.

Фатима почувствовала, как вспыхивает гнев. Она собиралась сразиться с этим человеком. Не убивать. Но покалечить, сделать ему очень больно. Ее мстительные мысли прервал вой сирены. Агент обернулась, вглядываясь вдаль, где мигалки извещали о приближающихся полицейских фургонах. Асим связался с участком. Вызвал весь состав.

— Похоже, нам придется отложить бой на следующий раз, — сказал самозванец. Он что-то выкрикнул на незнакомом ей языке. Какой-то джиннский диалект.

Четыре фигуры торопливо вскарабкались на крышу. Мужчины в черных масках. Они проигнорировали Фатиму и пошли друг другу навстречу, кажется, она моргнула перед тем, как они слились воедино. Мужчина стоял перед самозванцем, глядя сквозь нее, а затем неожиданно взорвался клубящимся черным пеплом, кожей, плотью и одеждой — превратившись в частицы, закружившиеся роем. Самозванец широко расставил пальцы, и облако втянулось в открытую ладонь,

пока не исчезло. Он опустил руку и поднял на Фатиму глаза, вновь воспылавшие огнем.

— Могучее и славное министерство. Вы верите в свое величие. Со всеми вашими тайнами и жалкой магией. Ты хоть понимаешь, с чем имеешь дело?

Налетел порыв ветра — горячего и зловонного, с обжигающим запахом. Он ударил в Фатиму с такой силой, что она чуть не задохнулась и прикрыла рот, закашлявшись.

— Я вас научу, — сказал самозванец. — Вы узнаете, что такое боль. Я заставлю вас понять. И вытащу все ваши секреты на свет.

Без всякого предупреждения мир вокруг него взорвался огнем.

Поначалу Фатиме показалось, что она смотрит на стену кроваво-красного пламени. Но то, что она спутала со стеной, вскоре перетекло в другое форму: из инферно сформировалось похожее на человеческое тело, с головой, увенчанной загибающимися рогами и пылающими, лавовыми глазами. Существо стояло за спиной самозванца, гигант, втрое его больше, горящий в ночи маяком. Ей даже не пришлось смотреть вниз, Фатима знала, что бой на пустыре остановился, и каждый взгляд устремился к этому волшебному

и чудовищному зрелищу.

Ифрит.

Джинн взревел, даже воздух пошел рябью от жара. Он склонился, открывая перевязь на спине — отчего-то не горевшую кожаную сбрую с длинными опоясывающими ремнями. Самозванец взобрался на ифрита и уселся в седло, языки пламени его не касались. Он натянул поводья, привязанные к рогам джинна, и бросил взгляд на Фатиму.

— Весь Каир будет говорить о том, что они видели этой ночью. Весь Каир будет знать, что я аль-Джахиз. И я вернулся.

Он произнес еще одну команду на странном языке, и на спине ифрита распустились огромные огненные крылья. Джинн поднялся в воздух, горячий ветер от ударов крыльев пригнул Фатиму к земле, она упала на колени. Сидя на крыше, агент подняла голову, прикрывая глаза ладонью, и смотрела, как огненный джинн взмывает в небо, уносясь прочь пылающей звездой вместе со своим наездником.

Глава двенадцатая

Фатиме хотелось кого-нибудь ударить. Сказать, что последние два дня были ужасными, было бы несправедливо по отношению к слову «ужасный». Последствия воскресной ночи — «последствия» были еще одним приуменьшением — продолжали появляться день за днем.

Утро понедельника она провела на совещании с Амиром, министерским начальством и представителями администрации множества каирских округов — все они требовали отчетов о том, что газеты уже называли Битвой у эль-Карафы. Десятки арестованных и раненых. Правозащитники, обвиняющие полицию в жестокости. Полицейский профсоюз, обвиняющий министерство в плохой подготовке к операции. Угрозы исков и ответных исков. Фатиме учинили допрос на несколько часов, а потом заставили провести еще больше времени, заполняя бумаги. В трех экземплярах.

Вечер понедельника был еще хуже. Газеты официально покончили с эмбарго на историю о лорде Уортингтоне, раскрывая все, что знали о его смерти и Братстве аль-Джахиза. Знание их

оказалось смесью фактов и полуправды. Желтые газеты с любовью к сенсациям распространяли сладострастные заметки о непристойностях, преступных политиках и даже обвиняли египетскую монархию в сговоре с конспираторами. Газеты раздобыли список гостей той ночи и опубликовали каждое имя — включая двух египтян, которые оказались идолопоклонниками.

Все это меркло по сравнению со слухами об аль-Джахизе, которые зародились в эль-Карафе, расползлись по каждой улице, и к утру о нем говорил весь город. Баваб все уши Фатиме прожужжал. Аль-Джахиз вернулся! Она слышала новости? Она была на Кладбище? Аль-Джахиз и правда призвал на полицию молнию? Он правда устроил дуэль с предводительницей Сорока леопардиц на крыше мавзолея? И все это повторилось по дороге на работу. От чистильщика обуви до болтовни в трамвае. Аль-Джахиз — самозванец — был у всех на языках.

Затем дело дошло до очевидцев. Десятки свидетелей видели, как мужчина улетает на спине ифрита. Фатима сама до сих пор пыталась осмыслить этот факт. Еще больше людей за пределами Кладбища видели *нечто* огненное, пролетающее по каирскому небосклону. Теперь свежие

донесения о предположительных наблюдениях затопляли министерство и полицию. Аль-Джахиз пролетал над Булаком в колеснице, запряженной джинном. Нет, его видели над Старым Каиром на птице рух. Другие утверждали, что он прогуливался по темным переулкам Хана. А еще он снова открыл тайные школы, творя чудеса. Слова «Аль-Джахиз Вернулся» покрывали целые стены — вместе с обвинениями, что правительство и монархия сговорились с некой зарубежной кликой превратить страну в колонию. Каждый раз, когда дворники оттирали надписи, они вновь появлялись в другом месте. Фатима сомневалась, что большинство верило в эти надуманные истории. Но люди все равно сплетничали о странных происшествиях. Многие боялись, что все это предвещает какую-то великую беду или катастрофу, и были серьезные опасения, что город охватит истерия.

«Ты хоть понимаешь, с чем имеешь дело?»

Чем ближе Фатима подходила к министерству, тем больше портилось ее настроение. Помимо фантомных явлений аль-Джахиза, других зацепок у нее не было. Теперь они знали, кто убил лорда Уортингтона. И больше почти ничего. Был ли самозванец фанатиком? Или все это уловка,

чтобы скрыть нечто большее? И какая магия дала ему власть над ифритом — командовать одним из самых могущественных и опасных джиннов, словно дрессированным псом! «Вы узнаете, что такое боль. Я заставлю вас понять. И вытащу все ваши секреты на свет».

Единственная удача, несмотря ни на что, — ее не отстранили от дела. Амир убедил начальство и городскую администрацию, что Фатима их единственная надежда. Они согласились. Но какой, по правде говоря, у них был выбор? На следующей неделе в королевском дворце будет проводиться мирный саммит. В город приедут иностранные правители, первые лица и послы. Правительству хотелось показать, что современный Каир может стать посредником в международных отношениях — а не городом, охваченным истерией и страхом. Они хотели, чтобы эта история как можно быстрее исчезла из газет.

— Уделите минутку, агент.

Фатима остановилась и обернулась к фигуре в темно-коричневой рясе с обтрепанными полами. Лицо было спрятано под капюшоном. Говоривший стоял под навесом граммофонного магазина, сливаясь с тенями. Сначала следователь приняла его за нищего и потянулась за мелочью — пока

тот не поднял голову. Агент подошла, схватила его за руку и потащила в ближайший переулок.

— Ахмад! Что вы здесь делаете?

Мужчина вырвался из ее хватки и выпустил струю сигаретного дыма. Когда его лицо показалось из-под капюшона, следователь чуть не отпрянула. С последнего раза, когда она его видела, лицо Ахмада изменилось еще больше. Серая кожа выглядела грубее, с темными разводами — хотя передняя часть шеи была бледной и гладкой, напоминая резину. Нос окончательно исчез, его заменили ноздревые отверстия на выступе, который напоминал морду. Глаза оставались зелеными, но со зрачками произошло что-то странное — словно они удлинялись.

— Я узнать, — прохрипел он, — как продвигается дело.

А кто нет? Фатиме хотелось сказать жрецу, чтобы тот взял номерок и становился в очередь. Но в глубине нечеловеческих глаз таилась печаль. Она помнила, что им двигала любовь. Как можно грубить?

— У нас есть подозреваемый. Тот самый, на которого вы навели.

— Фальшивый аль-Джахиз. — Он сжал сигарету в зубах. — Я видел… какие проблемы у вас воз-

никли после нашей встречи.

Можно и так сформулировать.

— Мы делаем все, что можем, но все еще не нашли мотив.

— Это имеет значение? — Ахмад пожал плечами, щелкнул зажигалкой-скарабеем и затянулся второй «Нефертари».

— Айва. Когда двадцать четыре человека сжигают заживо, это имеет значение.

— То, что в газетах пишут о Нефтиде. Как они ее изображают. — Голос язычника дрожал от гнева.

Фатима его понимала. Бульварная пресса перешла всякие границы, сочиняя обширные статьи об Эстер Седарус. Они преследовали ее семью, называли ее ведьмой, некоторые даже намекали, что она как-то связана с убийцами. Один таблоид назвал ее Госпожа Смерть.

— Родители похоронили ее вчера, — продолжал Ахмад. — Мне сказали не приходить.

— Мне жаль. Как ваши люди? Я знаю, положение у вас… плохое.

Раскрытие информации о храмах привело к новым жертвам. Те, кто втайне молился старым богам, теперь обнаружили свои имена на первых полосах ежедневных газет. В заведения и места встреч, которые подозревали в помощи язычни-

кам, начали приходить угрозы. В одном случае разъяренные соседи выгнали предполагаемого «идолопоклонника» из его же дома. «Глядя на чужие проблемы, свои кажутся меньше», — зазвучал в голове голос матери.

— Дом Собека силен, — провозгласил Ахмад. Затем, осторожнее, добавил: — Как Сити?

— Она в порядке. — Фатима удивлялась, даже когда произносила эти слова. Сити отказалась отправляться в больницу — настаивая, что она полагается только на благословения погребенной богини. Богиня или другая магия, но днем позже на месте раны остался только шрам. Сейчас она была у Мериры, присматривая за лавкой гадательницы.

— Я могу помочь, — затягиваясь, сказал Ахмад. — Я не Сити, но у меня есть связи.

— Этот человек, — покачала головой Фатима, — кем бы он ни был, он опасен. Он способен на вещи, которые я не могу объяснить. Если вы или ваши люди попадетесь ему на пути, самозванец может вас убить. Нам уже хватает смертей. Позвольте этим заняться министерству и полиции.

— Полиция, похоже, сейчас занята, — скептически заметил Ахмад.

Он говорил о протестах. Большинство схва-

ченных в эль-Карафе были просто местными жителями, которые слишком увлеклись. Людям не нравилось, когда полиция вламывалась в их дома. Но с одним из арестованных им повезло. Так называемый свидетель, представивший самозванца. Его звали Мустафа. Как ни странно, раньше он работал на одного из членов братства лорда Уортингтона — Уэсли Далтона, который оказался не кем иным, как трупом со свернутой шеей. Мустафа выполнял для Далтона самые разные поручения — отчасти слуга, отчасти телохранитель и проводник. К тому же он стал свидетелем убийств. Он этого даже не скрывал, рассказывал, как аль-Джахиз появился и перебил англичан. Поступок самозванца так его впечатлил, что он стал его приверженцем. Самопровозглашенный аль-Джахиз приказал ему идти в народ и рассказывать о том, что он видел. Толпа с понедельника собиралась перед участком каждое утро, требуя его освобождения. Фатима покачала головой. Что за кавардак!

— Нам хватает людей. Не вмешивайтесь, Ахмад, я серьезно. И прекратите прятать лицо!

— Оно жуткое? — спросил Ахмад, пережевывая сигарету.

— Ага. Немного. Жутковато. — Она снова всмот-

релась в странное лицо жреца. — С вами все хорошо?

— Никогда не чувствовал себя лучше. Ас-саляму алейкум, агент Фатима.

— Ва-алейкум ас-салям, Ахмад, — ответила следователь, глядя, как он исчезает в переулке, оставляя за собой облако дыма. То, что он, скорее всего, был наименее странным существом, с которым ей предстояло столкнуться в этот день, многое говорило о ее жизни.

Фатима ускорила шаг, приближаясь к министерству. Она по привычке бросила взгляд на вращающиеся механические шестеренки «мозга» здания и коснулась котелка в молчаливом приветствии. Поздоровалась с дежурным охранником в слишком большой форме. Ему *действительно* не помешает портной. Агента уже ожидал пустой лифт, и она забралась внутрь, собираясь подняться на четвертый этаж — но заколебалась. Ей все еще хотелось кого-нибудь ударить. Чтобы прочистить голову. Следователь знала подходящее средство.

— На верхний этаж. — Лифт закрылся и вздрогнул перед подъемом.

Фатима начала расстегивать пуговицы пиджака. К тому моменту, как остановился лифт, она

осталась в черном шелковом жилете, вышитом персидским орнаментом бута. Выбравшись, она ослабила галстук, подойдя к двойным дверям.

У министерства был собственный гимнастический зал. Но он предназначался для мужчин. Когда Фатима начала работать, то подала петицию, чтобы ей открыли доступ. Однако, хоть начальству и хотелось хвастать первой женщиной-агентом в каирском офисе, они не желали скандала. Так что построили совершенно отдельный гимнастический зал для женщин. Он был меньше и хуже экипирован. Но здесь имелись все базовые снаряды и удобства, включая душ. Что особенно радовало, зал принадлежал только ей.

Во всяком случае, обычно.

Фатима удивилась, обнаружив за открытой дверью Хадию. Новенькая была в белой рубашке и объемистых, свободных тренировочных штанах. Затянутая в перчатку рука замахивалась деревянным учебным мечом на гимнастического автоевнуха. Механический человек состоял лишь из торса на шесте. Однако он изгибался в разные стороны, отбиваясь собственным деревянным мечом.

Увидев Фатиму, Хадия выпрямилась и скомандовала автоевнуху остановиться. Она заправила

выбившийся черный локон назад в хиджаб:

— Доброе утро, агент Фатима.

— Агент Хадия, — ответила она, заходя в зал. С воскресной ночи напарницы общались подчеркнуто формально. Кажется, новенькая обижалась. — Не знала, что вы здесь.

— Просто зашла попрактиковаться. Приму душ и освобожу вам место.

— Вам не обязательно уходить. Здесь хватит места нам обеим.

— Да, ну, это вы так считаете. Но я не хочу вам мешать.

О да, определенно обижается.

— Думаю, вам стоит остаться. Мне бы пригодился спарринг-партнер. Разве что вы предпочитаете автоевнуха.

Последняя часть прозвучала несколько насмешливо, и глаза Хадии сузились, перед тем как она согласилась.

Фатима мигом переоделась в тренировочный костюм. Слишком уж она желала поединка. Схватив учебный меч, следователь вышла в центр зала.

— Как будем вести счет? — спросила Хадия. Она перетекла в стойку, выставив вперед меч и расставив ноги.

Фатима последовала ее примеру.

— Закончим, когда надоест друг друга бить.

Хадия ответила быстрой серией атак, бросив свое невысокое тело вперед. Меч Фатимы взметнулся вверх, и удары пришлись на середину клинка, легкие, словно противница ее тестировала. Хадия сменила угол, на этот раз целя вниз. Фатима вновь встретила нападение, отступив в сторону и отбивая меч, не позволяя себе открыться. Они приостановили атаки, продолжая кружить.

— Где вы научились драться? Еще одна кузина?

— На самом деле, отец, — ответила Хадия, выводя мечом ленивые восьмерки. — Его в детстве много били. Записался в солдаты, научился драться и вернулся, чтобы проучить обидчиков. Он настаивал на том, что его пятерых дочерей никто не будет запугивать. Вы?

— Мой отец — часовщик. Но, когда я была маленькой, он меня брал на тахтибские[59] матчи. Однако в те времена никто не хотел учить девочку драться на дубинках. Пришлось учиться самой.

---

[59] Примечания: 59

Тахтиб — традиционное египетское боевое искусство на дубинках.

— Хм-м. Пожалуй, это объясняет, почему вы любите оставаться в одиночестве.

Фатима нахмурилась. Теперь ей еще психоанализ проводят? На этот раз атаку инициировала она, широкие взмахи меча с силой били по клинку противницы. Хадия отступила, но быстро оправилась, блокируя нападение Фатимы острыми выпадами. Схватка продолжалась некоторое время, а затем они снова вышли из боя, чтобы отдышаться.

— Вы слишком легко сдаете финты, — пропыхтела Хадия.

— Что?

— Ваши финты. Вы щуритесь. — Она сымитировала действие. — Легко сказать, когда вы не собираетесь продолжать атаку. Плохая привычка. Я раньше прикусывала губу. Пришлось с этим бороться. Но это тяжело, когда ты упряма.

Фатима выдвинула челюсть.

— Вы хотите что-то сказать, агент?

— Разрешите говорить откровенно? — Лицо Хадии изменилось в ответ.

— Вы думаете, вы в армии? Говорите, что хотели сказать.

Слова хлынули потоком:

— Вы знаете, как стыдно было узнать, что вы

придумали положение, чтобы оставить меня в участке в воскресенье? Что мне пришлось спорить с вами перед другими агентами?

В этом все дело?

— Я уже говорила, я пыталась вас защитить.

— Мне не нужна защита! — выкрикнула Хадия в ответ. — Я могу…

— …за себя постоять, — закончила Фатима. — Я видела. Откуда я могла знать, что вы деретесь, как… ниндзя?

— Вы могли спросить! Вы могли позволить мне быть вашей напарницей, вместо того чтобы заменять меня первым попавшимся амбалом, которого нашли. — Она разочарованно фыркнула, и ее рука с мечом обвисла. — Я была единственной женщиной в академии. Уж вы-то должны знать, каково это. Кроме Онси, остальная часть моей группы почти со мной не разговаривала — будто вежливость каким-то образом превратилась в эиб[60] или, хуже того, в харам. Непрошеные лекции от мужчин-преподавателей об опасности женщины на рабочем месте мне особенно нравились — будто их бабушки не торговали на базарах или не помогали в поле. Я ожидала, что

[60] Примечания: 60

Порок, слабость, недостаток (*араб.*).

после назначения мне придется столкнуться с людьми, которые будут считать, что я не соответствую требованиям. Которые подумают, что я не на своем месте. Которые увидят во мне *девчонку* и усадят меня за стол. Но, валлахи, я подумать не могла, что вы будете одной из них!

Фатима вздрогнула. Это ее задело. Она опустила меч.

— Я не привыкла работать с другими.

— С той высокой нубийкой с когтями вы работали прекрасно, — заметила Хадия.

— Это совсем другое. Сити… это просто другое.

— Не какая-нибудь там разнеженная хиджаби[61], имеете в виду? Которая беспокоится об этикете и приличиях? Переживает о пропущенном саляте? Которую вы считаете слишком деликатной, чтобы допускать к опасной работе? Так что, вы просто засунете меня на полку?

Фатима почувствовала, как к щекам приливает кровь.

Хадия скорчила гримасу, как человек, знавший ответ на свой вопрос — но надеявшийся на другой исход.

— Я так и думала. — Она внезапно выпрямилась

---

[61] Примечания: 61
Женщина, которая носит хиджаб.

и расправила плечи. — Но вам не повезло. Я тренировалась, чтобы стать агентом в министерстве, зная обо всех опасностях, которые могут меня поджидать, я пережила академию и выпустилась лучшей в своей группе, потому что я *невероятная*, потому что я заслужила право здесь работать, потому баракаху[62], которым меня одарил Аллах, нет конца. Так что вам придется смириться с тем фактом, что я ваша напарница. С тем, что больше вы одна работать не будете. Я буду прикрывать вашу спину. Когда вы стерпитесь с этой мыслью, дайте мне знать!

Встретив взгляд темно-карих глаз Хадии, Фатима продолжала молчать. Новенькую почти трясло, ее смуглые щеки залились краской.

— Это было круто. Вы практиковались?

— Может быть. Пару раз. У зеркала. — Сглотнула Хадия.

Фатима фыркнула, не в силах удержаться от смеха. Маска Хадии треснула, и она тоже рассмеялась.

— Вы правы, — признала Фатима. — Прошу прощения. Когда я только начинала, меня бесило, если агенты со мной так поступали. Поэтому я из

---

[62] Примечания: 62
Благословение в исламе.

кожи вон лезла и рисковала, где только могла, чтобы доказать их неправоту.

— Я слышала о ваших расследованиях, — сказала Хадия. — Очень храбро.

— Нет, часто мои поступки были глупыми. Чуть себя не убила. Ничего из этого не понадобилось бы, если бы люди обращались со мной как с равной. Вам не стоит повторять мои ошибки. — Ее голос стал серьезным. — Но мне нужно, чтобы вы мне доверяли. Я занимаюсь этой работой дольше вас. Иногда я могу приказать вам идти домой. Даже если вам кажется, что это неправильно. Если у вас проблемы с моими решениями, обсудите это со мной позже. Не действуйте за моей спиной только из-за того, что считаете себя правой.

На этот раз вздрогнула Хадия. Она кивнула и подняла клинок.

— Хотите еще бить друг друга?

— Нет, пока не справлюсь с привычкой щуриться. Никогда не думали о том, чтобы носить с собой меч? Может, трость?

— Это больше… в вашем стиле. Сочетается с костюмами.

— Знаете, вы никогда меня об этом не спрашивали. О моих костюмах.

— А должна? Вы никогда не спрашивали о моих

потрясающе современных хиджабах.

Фатима ухмыльнулась, наслаждаясь короткой передышкой.

— Нам лучше вернуться к работе. Нам уже, скорее всего, целую гору бумаги навалили.

— Еще один день охоты за появлениями аль-Джахиза, — вздохнула Хадия. — Я начинаю подозревать, что начальство и городская администрация просто не хотят поднимать шумиху перед королевским мирным саммитом. Они думают, что если мы не разворошим осиное гнездо, то, может, все пройдет спокойно.

— Вы не так уж и не правы.

— Но я бы не отказалась от раунда с этим пепельным гулем.

— Пепельным гулем? — подняла бровь Фатима.

— Я его так называю. Мы не можем еще раз поговорить с Мустафой?

— Чтобы он в десятый раз рассказал о чудесах аль-Джахиза? Не думаю, что он по-настоящему связан с самозванцем. Его просто использовали.

— Этот самозванец, — сказала Хадия. — Он в этом хорош. В использовании людей. То, что он говорил воскресной ночью насчет общества. Он не врал. Он просто искажал, бил по нашим слабо-

стям. Знал, как настроить толпу против нас и как мы отреагируем.

Фатима разделяла ее тревогу. Кем бы самозванец ни был, он изучил город. Так же хорошо, как изучил аль-Джахиза. Он не собирался исчезать, как надеялись начальство и городская администрация. У него был план. И они должны его разгадать.

В дверь постучали. Фатима подошла, чтобы ее открыть, и обнаружила курьера-автоевнуха. Тот произнес стандартное приветствие, провел верификацию и вручил послание, после чего сбежал. Что, теперь уже никто не пользуется телефоном? Она открыла записку, которая, на удивление, была на английском.

— Приглашение, — прочитала она. — От Александра Уортингтона. Он согласился на интервью. Думаю, у нас только что появился шанс отыскать настоящие зацепки.

Глава тринадцатая

До имения Уортингтона они добрались ко второй половине утра. При свете дня обширный особняк поражал еще больше. Автоматическая повозка подкатилась по дорожке к дому, где уже припарковалось несколько машин с хорошо одетыми водителями, лениво облокотившимися на свои экипажи — они привыкли к долгому ожиданию между поездками.

— Нам с ним неделю назад нужно было поговорить, — проворчала Хадия, выбираясь из повозки вслед за Фатимой.

— У фамилии Уортингтон есть свои преимущества.

— Интересно, почему он решил с нами встретиться?

— Трудно сказать. Но приглашение только для нас — без полиции. Разговор с Асимом будет выглядеть будто он замешан в каком-то преступлении. Разговор с нами…

— …выглядит просто жутенько, — закончила Хадия.

Фатима искоса на нее посмотрела. Сити очень плохо влияла на людей.

Когда они постучали в дверь, их приветствовал мужчина, по манерам которого сразу было видно человека, работающего на богатых людей. Дневной дворецкий, как выяснилось. Их повели через огромную гостиную, сквозь остроконечную арку-луковицу.

— Этот дом напоминает сказки, которые я читала в детстве, — прошептала Хадия, рассматривая узорчатые ковры и машрабийские решетки. — С капризными принцами и волшебными аистами.

— Одного из них можем и встретить.

Дневной дворецкий остановился у двери библиотеки, приглашая их войти. В комнате не было окон, и помещение освещала свисающая с потолка газовая лампа. Но что заставило Фатиму задуматься, так это люди.

Коренастого мужчину с золотыми волосами, насколько она помнила, звали Виктор, а темноволосого — Персиваль. Они были в черных кафтанах во весь рост и красных фесках. На модном диване цвета мха расположились три женщины, каждая в черном себлехе и в мелая леф[63]. Их лица скрывали одинаковые вуали-бур'а, хотя головы отчего-то оставались непокрытыми.

---

[63] Примечания: 63

Большой хлопчатый платок (больше 3 метров), который наматывается поверх одежды.

— Агент Фатима, — окликнула одна из женщин знакомым голосом. Абигейл Уортингтон. Ее выдавали рыжие волосы и все еще перевязанная левая рука. В правой она держала книгу, на обложке которой на английском языке было написано: «Таинственные истории джиннов и Востока». На странице виднелась скудно одетая женщина в вуали, с заломленными в отчаянии руками, над которой угрожающе нависал джинн с полыхающим огнем ртом.

— Аасс-а-ламоо а-лейк-ум! — поздоровалась она.

Фатима поморщилась. Как можно настолько плохого говорить на арабском?

— И вам мир, — поздоровалась она на английском. — Абигейл, это агент Хадия. Моя напарница.

— Напарница? — Сине-зеленые глаза Абигейл расширились над ее бур'а. — Как восхитительно! Доброго утра вам, агент Хадия. Как я уже говорила агенту Фатиме, меня можно называть просто Абби.

— Доброе утро, Абби, — ответила Хадия.

— О! У вас такой же прекрасный английский, как у агента Фатимы! Этот акцент… американский?

— Я провела там некоторое время.

— Еще одна женщина в вашем министерстве! — восторженно ахнула Абигейл. — И поездившая по миру! Я только что обсуждала с Бетани и Дарлин, насколько продвинутой ваша страна стала для женщин — вы практически оставили Британию позади! Знаете, мы все *féministes.* Конечно, не уровня Панкхерст[64]. Но все мы родственные души в нашем союзе сестер.

Бетани и Дарлин, припомнила Фатима, подставляя имена к шатенкам, стоявшим по бокам от Абигейл. Сестры Эджингтон. Их ореховые глаза сохраняли все то же оценивающее выражение, словно кошки присматривались к конкурентке.

Виктор загоготал. Он снова пил, отхлебывая из хрустального бокала.

— Дай женщинам в Британии право голоса — и скоро они напялят на нас платья, а сами будут носить костюмы. — Он указал мясистой рукой на свою галабею, а затем на наряд Фатимы, после чего расплылся в зубастой улыбке. — Без обид. Немножко английского юмора.

— Так себе юмор, — пробормотал Персиваль, погружая усы в свой напиток.

---

[64] Примечания: 64
Эммелин Панкхерст — лидер британского движения суфражисток.

Абигейл бросила острый взгляд на Виктора. Мужчина побагровел, быстро опрокинул бокал и закашлялся.

— Простите, — извинилась Абигейл. — Виктор унаследовал знаменитый язык Фицроев. Все их семейство постоянно спотыкается о собственные слова. Возможно, вы помните более утонченного Персиваля Монтгомери. Персиваль, будь умничкой и помоги бедному Виктору. Он так может задохнуться. — Темноволосый мужчина вздохнул и принялся с силой хлопать товарища по спине. — Виктор дуется, потому что не привык к этой одежде.

— Скажите, а в чем причина вашей… одежды? — не сумела удержаться от вопроса Фатима.

— Мне казалось, это очевидно, — удивилась Абигейл. — У нас траур. Вчера были похороны моего отца. Он так любил вашу страну, мы хотели его почтить, надев туземные наряды. Мы даже позаимствовали траурные вуали.

— Траурные вуали? — переспросила Хадия.

— Разве они не для этого? — Абигейл растерянно приспустила бур'а.

— Хотите сказать, нам не нужно их носить? — спросила Дарлин Эджингтон, срывая вуаль.

— Спасибо Господу! — За ней последовала ее

сестра. — Как вы в них дышите?

Хадия уставилась на них с распахнутым ртом. Фатима решила повернуть разговор в нужную колею:

— Мы здесь по приглашению вашего брата?

Их вывели из библиотеки и повели по коридору. Пока они шли, до Фатимы донесся слабый звон, похожий на удары молота по металлу. Она вспомнила, что слышала его и в первый визит. Тогда она решила, что ей почудилось, но сейчас звук был отчетливее. Затем он исчез. Может, в поместье были рабочие?

— Вы читали эту книгу, агент Хадия? — спросила Абигейл. Она показала том, который несла с собой. — Ее написал один из лучших английских ориенталистов. Истории о джиннах, магии и всяком таком. Очень познавательно!

Фатима глянула на книгу, вспоминая ее сенсационное содержание. Это была полнейшая чепуха. Большинство «ориенталистов» считали, что их плохие переводы и ошибочные мнения помогут им лучше понять охватившие мир перемены. Складывалось впечатление, что читать *подлинных* восточных ученых они считали ниже своего достоинства.

— Из того, что я слышала, — помрачнев, про-

должила Абигейл, — этот ужасный мужчина в золотой маске, которого я встретила, устроил хаос по всему Каиру. Был какой-то бунт? И он называет себя в честь того суданца.

— Аль-Джахиз, — подтвердила Фатима, пока они взбирались по абсурдно длинной лестнице. — Ваша рука заживает?

При упоминании забинтованной конечности Абигейл вздрогнула.

— Доктора говорят, что я ее потянула из-за своей неуклюжести. Может понадобиться несколько недель, чтобы она пришла в норму. — Ее тон изменился. — Газеты утверждают, что этот человек убил моего отца. И всех остальных несчастных.

— Он в этом признался, — подтвердила Фатима.

Абигейл остановилась, прислонившись к перилам, и покачнулась, словно могла упасть. Она спохватилась и покачала головой, чтобы спутники не беспокоились. Когда девушка заговорила, в ее голосе слышалась боль:

— Почему он так поступил? Что ему сделал мой отец?

— Мы не знаем, — честно ответила Фатима. — Мы надеемся, что ваш брат сможет помочь. — Она сделала паузу, готовя следующие слова: — Вы

говорили, что в ночь убийства отца ваш брат был за границей. Но он был здесь, в Каире.

— Александр приехал на *следующий* день. — Сине-зеленые глаза Абигейл подернулись пеленой замешательства. — Он действительно уже летел в Каир, о чем я не знала. Но той ночью его здесь не было. Боюсь, вы ошибаетесь.

— Возможно, мы действительно ошибаемся. — Фатима изучала ее лицо. — Спасибо. — Они продолжили движение, и Хадия обменялась с ней задумчивым взглядом. Спровоцировать англичанку на другую историю не удалось.

— Этот мужчина в золотой маске, — дрожащим голосом спросила Абигейл. — Как думаете, он может сюда вернуться? За мной и моим братом?

— Это возможно, — признала Фатима. — Мы не знаем его мотива. Если пожелаете, мы можем запросить у полиции Гизы охрану вашего имения.

— Да. Это прекрасная идея. Я спрошу у Александра.

Она пустилась в светскую беседу, указывая на украшения дома. Выяснилось, что поместье служило охотничьим домиком старого паши, проданным Алистеру Уортингтону в 1889 году.

— Приблизительно в то же время было основано Братство аль-Джахиза, — заметила Хадия.

— Через четыре года после смерти моей матери, — потупилась Абигейл. — Мне было семь, когда она умерла. Александру было десять, и он помнит ее лучше, чем я. Он говорит, что именно после ее смерти отец заинтересовался аль-Джахизом. Отец считал, что если бы Англия более серьезно отнеслась к мистическому искусству, маму могли бы спасти от чахотки, которая ее унесла. Он купил это поместье и перестроил в своих целях. Ему нравился вид. — Она указала книгой на окно, где маячила пирамида.

— Он здесь придумал рисунок для герба своего Братства? — спросила Фатима. Шестиконечную звезду. Две пересекающиеся пирамиды. — Она очертила рисунок в воздухе.

— Это вы здорово заметили. Он утверждал, что рисунок явился ему в видении. Что в нем хранилось великое значение, которое от него ускользало. Мы разглядывали его вместе, надеясь разгадать это значение.

— Но вы не были членом Братства.

— Боже, нет, — улыбнулась Абигейл. — Мой отец относился к термину «братство» всерьез. Он мог обсуждать с дочерью свои исследования, пока перелистывал старые книги. Но Братство было для мужчин. Хотя под конец, как понимаю,

он позволил вступить туземной женщине. Мой брат опасается, что отец начал терять разум.

— Однако ваш брат был членом братства, — сказала Хадия.

— По настоянию отца. — Неловкая пауза. — Александр с отцом расходились во взглядах на подобные вещи. Выкупив поместье, отец часто бывал здесь, в Египте, — иногда по полгода. Александр учился в школе-пансионе при военной академии. Меня оставили с нянюшками и учителями в Англии. Но отец начал за мной присылать, чтобы я проводила с ним время, пока он собирает братство и охотится за реликвиями. Когда он переехал сюда насовсем, я год или два бывала здесь наездами. Он рассказывал о своих поисках, будто я была матерью. Я даже помогала переводить его странные книги и манускрипты. Вот почему я так хорошо знакома с туземной культурой.

«Недостаточно хорошо знакома», — подумала Фатима. Она придержала язык, хоть не была уверена, сколько еще она сможет выдерживать слово «туземный». Они добрались до вершины лестницы и повернули налево.

— Боюсь, для бедного Александра жизнь сложилась иначе, — продолжила Абигейл. — Он редко приезжал. Египет для него по-прежнему

чужая страна. И он так и не влился в отцовское общество. Уверена, он присоединился только из-за наследства. Но посмотрите, как я болтаю и болтаю о делах брата. Уверена, он сам может о себе рассказать.

Она привела их к месту, которое Фатима посещала раньше — ритуальному залу Братства аль-Джахиза. Деревянные двери, висевшие на петлях, сняли, оставив лишь открытую каменную арку. Запах горелой плоти вывели, его сменили пары дезинфицирующего средства. Стены цвета морской волны с золотыми цветочными орнаментами и зелеными узорами, ряды изгибающихся арок и сотовые своды мукарнов словно излучали покой — вопреки ужасам той ночи. Возможно единственным, что о ней напоминало, был белый флаг на задней стене: звезда, месяц и пернатый змей. Под ним, за черным столом-полумесяцем, на кресле с высокой спинкой, напоминавшем трон, сидела одинокая фигура. В отличие от мужчин на первом этаже, он был одет в черный костюм с белым накрахмаленным воротничком. Склонив голову, мужчина что-то писал и поднял глаза, только когда они подошли вплотную.

Александр Уортингтон оказался не совсем

таким, как его представляла Фатима. Она предполагала встретить стандартного эдвардианца: с навощенными усами и аккуратной внешностью. У Уортингтона были длинные бледно-золотые волосы, ниспадавшие на плечи. И борода — еще немного и ее можно назвать буйной. Фатиме казалось, что с его заостренным носом и угловатыми чертами лица наследник напоминает молодого лорда Уортингтона. Когда его сестра встала у Александра за спиной, сходство было неоспоримым.

— Александр, это агенты из министерства, с которыми ты хотел поговорить, — с улыбкой представила их Абигейл. — Агент Фатима и агент Хадия.

Александр медленно перевел взгляд голубых глаз на сестру. Он вынул из губ коричневую сигару, отложив ее в пепельницу в виде человечка с тюрбаном, держащего блюдо.

— С которыми *ты* хотела, чтобы я поговорил, — заметил он на безукоризненном английском.

— И ты согласился, что это хорошая идея, — покраснела Абигейл. — Прошу, Александр, не будь грубым.

Ее брат вздохнул и повернулся к большой книге в кожаном коричневом переплете и желтыми

пергаментными страницами, лежащей на столе. Он заложил страницу ручкой, закрыл книгу и наконец поднял взгляд к агентам. Брови наследника поднялись, будто он только сейчас заметил двух женщин. Он не стал подниматься, но Фатиме показалось, что младший Уортингтон должен быть довольно высоким. Следователь отмахнулась от этого наблюдения.

— Вы из какого именно министерства?

— Алхимии, заклинаний и сверхъестественных сущностей. — Фатима показала значок.

— Неудивительно, что в этой стране существует подобное учреждение. — Его губы растянулись в ухмылку. — К тому же управляемое женщинами. Чем я могу вам помочь?

— Мы бы хотели поговорить о смерти вашего отца.

— Пришли сообщить, что поймали убийцу? — Взгляд голубых глаз похолодел.

— Пока нет.

— В таком случае я не уверен, что понимаю, о чем нам разговаривать. Судя по вашим газетам, он беспечно резвится в вашем городе. Какой-то магометанский фанатик, поражающий толпу трюками? Мне кажется, вам лучше заняться его поисками, а не тратить мое время.

Фатима сжала губы. Как выяснилось, Александр Уортингтон оказался именно тем, что она ожидала, несмотря на свою внешность. В бой вступила Хадия.

— Мы знаем, что вы только что похоронили отца и все еще в трауре. Мы не хотим отнимать ваше время. Но любая информация, которой вы можете поделиться, будет полезной.

— Ваш английский. — Александр взвесил ее оценивающим взглядом. — Почти американский.

— Агент Хадия некоторое время жила в Штатах, — вмешалась Абигейл. Она стояла позади стола, прижав книгу к груди.

— Я бывал в Штатах, — сказал Александр. — Страна все еще нуждается в усмирении, особенно на западе, где туземные племена снова доставляют проблемы. Но, полагаю, у американцев верное представление о том, как преуспеть в эту эпоху, со всеми ее неудачными происшествиями, которые привели к стольким восстаниям. Англии следовало бы последовать по их стопам, если наша страна хочет вернуть свои позиции. Погоня за примитивизмом ни к чему хорошему не приведет.

— Александр служил в колониальной армии

в Восточной Индии, — вставила Абигейл. — Командовал целым полком! Его даже произвели в офицеры! Можете поверить? Он сражался с мечом и винтовкой! — С самоуничижительным смехом она добавила: — Я и сама немного фехтую.

– *Капитан*. — Ее брат самодовольно сложил руки на груди. — Я бы не стал сравнивать деликатное фехтование женщин с нашей работой в Индии — мы пытались помочь Британии сохранить то, что осталось от раджа[65].

А осталось немногое, насколько помнила Фатима. В Индии были свои джинны и даже более древняя магия, по слухам, проистекавшая из самого Ганга. Открытое восстание низвело британское присутствие до нескольких городов с гарнизонами — все, что осталось от некогда жемчужины империи. Очко в пользу «примитивизма».

— Александр совершил немало отважных подвигов, — восхищалась Абигейл. — И вернулся к нам подобно набобу со своими длинными волосами и бородой!

Ее брат поморщился, но выпятил грудь, поглаживая бледно-золотые волосы на подбородке.

---

[65] Примечания: 65
Британское колониальное владение.

— Я изучал индийский туземцев. Вместе с ними охотился на тигров. У них безусловно отсталые традиции, но в длинных волосах есть некое дикое благородство, каковое, мне представляется, было присуще моим английским предкам. Поэтому, мне кажется, ты ошибаешься, сестра. Я скорее саксонец, чем набоб. — Он повернулся, чтобы обратиться к Фатиме. — Так что вы обе хотите узнать?

— Человек в золотой маске, — ответила она. — Он признался в убийстве вашего отца. Кроме того, он притворяется аль-Джахизом. Мы считаем, здесь есть связь.

— По причине… специфических привычек моего отца.

— Вы можете что-нибудь рассказать о Братстве аль-Джахиза.

— Моя сестра, скорее всего, рассказала об одержимости отца этим суданским фокусником. — Александр потер виски. — Смерть нашей матери свела его с ума. На этот его маленький орден уходили огромные суммы денег, время и силы — все в поисках «мудрости древних». — Последние слова прозвучали саркастически.

— Непохоже, чтобы вы верили в миссию вашего отца.

— Я не суеверный человек. Поэтому понимаю, что колдовство и связи с неестественными существами присущи ориентальным культурам. Но лишь рациональность ведет к прогрессу. Мой отец, с другой стороны, соблазнился этими отсталыми идеями Востока. — Он умиротворяюще выставил ладонь. — Не в обиду будет сказано, разумеется.

— Разумеется, — ответила Фатима ровным голосом. — Но вы участник этого «маленького ордена».

Лицо Александра застыло, он принялся поигрывать серебряным кольцом на мизинце. Фатима сразу же его узнала — печатка Уортингтонов с гербом семьи, которую раньше носил его отец.

— Когда моя мать умерла, я был десятилетним мальчишкой. И видел, как мой отец медленно сползает в безумие. Все это время я играл роль послушного сына. Отправился в школу. Служил короне и стране, научился, как вести дела и всему остальному, чтобы получить контроль над именем Уортингтонов. Но моему отцу этого было недостаточно. Он настаивал, чтобы я присоединился к его заблуждениям, заставил пообещать, что я посвящу свою жизнь поискам небесных тайн и тому подобному.

Он сделал глубокий вдох, словно пытаясь унять гнев.

— И я покорился его требованиям. Затем я уехал от него и его безумия как можно дальше. Я оказался в Индии, поскольку в Британии устал от слухов о сумасшедшем Алистере Уортингтоне. Люди, которых он держал при себе, называли его «старцем». Мой отец находил это очаровательным, мне же кажется, они считали его маразматиком. Теперь я вернулся, чтобы обнаружить, что его убили. Я похоронил его вчера и даже на лицо не мог посмотреть, потому что не осталось ничего, кроме обугленных останков. Так что, да, я был членом его братства. Но лишь номинально. Поскольку знал, что однажды оно станет его концом.

За его спиной беззвучно плакала Абигейл Уортингтон, сжимая книгу и утирая слезы бура́. Александр оглянулся, его голос был негромким, но холодным:

— Теперь ты плачешь. Где были твои слезы, когда он выставил наше имя на посмешище? Или тратил деньги на бессмысленные авантюры и строил это смехотворное место, — он обвел рукой зал, — которое только послужит ему гробницей? — Абигейл расплакалась еще сильнее, но

он только тяжело вздохнул.

— Моя сестра легко дает волю слезам, но я не могу их проливать. Видите это? — Уортингтон положил руку на книгу, лежащую на столе. — Записи деловых предприятий моего отца за последние шестнадцать месяцев. Я пытаюсь разобраться в этих диких трансакциях, которые он и его прихлебатели проводили через компанию — продавали производства, без оглядки вкладывались в другие, огромные суммы денег попросту исчезли. Целая партия груза уортингтоновской стали — хватило бы построить здание — пропала! Я приехал сюда, надеясь найти просветление в этом драгоценном убежище. Понимаете, я здесь сижу, чтобы привести семейные дела в порядок, — пока моя сестра проводит время, играя в переодевалки с кучкой лизоблюдов внизу.

— Они мои друзья. — Абигейл постаралась говорить твердо, но получился лишь жалобный всхлип.

— Они твои друзья, пока ты привозишь их в Египет и селишь в роскошных виллах. — Он покачал головой. — Фицрои, Монтгомери, Эджингтоны. Все они — *новые* деньги. Они присосались к моей сестре и имени Уортингтонов. Очередные прихлебатели у кормушки. Клянусь, ты точно

как отец.

Фатима откашлялась. Она пришла не для семейных скандалов.

— Вы можете что-нибудь еще рассказать о братстве вашего отца?

— Они все мертвы, — безучастно ответил Александр.

— Что насчет врагов? Людей, которые хотели причинить вред?

— Магометанин, который слишком серьезно воспринял отца, полагаю. Мы закончили?

— Почти. — Фатима встретила его раздраженный взгляд. — Мы пытаемся разрешить несоответствие с вашим прибытием в Каир. Вы сказали, что прилетели на следующий день после смерти отца.

— Кажется очевидным.

— Мы слышали утверждения, что вы были в городе той ночью.

— Кто бы вам это ни сказал, он, очевидным образом, ошибается.

— Значит, вы говорите, что той ночью вас здесь не было? Это не вы попросили газеты умолчать о подробностях смерти вашего отца?

— Что? — Ее вопрос заставил Александра нахмуриться. — Где вы это услышали?

— Простите, — сказала ему Фатима. — Я не могу обсуждать текущее дело.

На секунду они уставились друг на друга, а затем он вскинул руки в воздух.

— Могу уверить, что прибыл в город именно в указанное мной время. Проверьте документы, если желаете.

— А почему вы вернулись? — нажала Фатима. — Прямо сейчас? Из самой Индии?

— Если вам так уж необходимо совать нос в мои личные дела, — поморщился Александр, — я получил письмо от отца, где он требовал моего присутствия. Он редко писал. Так что я подчинился его приказу.

— Послушный сын. Вы стали новым лордом Уортингтоном?

— Мой отец был третьим сыном герцога, а следовательно, лордом, — язвительно хмыкнул он. — Свой титул он унес в могилу. Мне осталась только фамилия Уортингтон, которую нужно восстановить.

— Вы могли бы стать Английским Беем — сыном Паши, — съехидничала Хадия.

— Думаю, мне хватило ориентального декадентства, — сухо ответил он.

Фатима думала, что ей хватило его.

— Вы будете в Каире?

— Пока не приведу дела отца в порядок и не продам это чудовищное поместье. Он настолько любил эту страну, что настаивал, чтобы его здесь похоронили — как древнего завоевателя Александра, по его словам. Ну не *этого* Александра. Я планирую вернуться в Англию. Моя сестра отправится со мной. Там она найдет лучшее применение своему времени, чем фривольности с так называемыми друзьями. — Абигейл выглядела будто хотела возразить, но проглотила свои слова.

— А коллекция реликвий вашего отца?

— Бесполезный хлам, — кисло ответил он. — Перед тем как я продам имение, собираюсь разрушить этот зал. Им придется смириться. Когда я вернусь в Англию, мне понадобятся все деньги, которые это братство из нас высосало. Еще что-нибудь, агент? Возможно, вы найдете время, чтобы выяснить, кто из местных украл целую партию стали? Может быть, эти ваши хулиганки Сорок леопардиц. Я слышал, они сошлись с сумасшедшим магометанином.

— Я передам это полиции, — ответила Фатима. Она коснулась поля котелка. — Спасибо за вашу помощь. Мы обратимся, если у нас появятся но-

вые вопросы.

Он устало махнул рукой, склоняя голову и вновь открывая книгу — даже не провожая их взглядом. Абигейл вывела напарниц из зала и молча спустилась по ступеням в гостиную. Когда они добрались, девушка обратилась к ним с извинениями.

— Я знаю, что мой брат, наверное, не очень помог. Но я так хотела помочь вам найти убийцу отца. — Она открыла книгу и, к их изумлению, достала из нее другую книгу. Тонкая и переплетенная в черную кожу, она была достаточно маленькой, чтобы уместиться на ладони. Фатима взяла ее в руки и открыла на первой странице, где обнаружила рукописное заглавие на английском: «Учетная книга визиря».

— Это записная книжка, — объяснила Абигейл. — Нашла ее в доме. Она принадлежала человеку, который близко работал с моим отцом — Арчибальду Портендорфу. Если хотите больше узнать о Братстве аль-Джахиза, может, она будет полезной?

* * *

— 14 апреля 1904 года. Купил для С. лоскут туники, утверждают, что принадлежала аль-Джахизу,

2900 фунтов, — читала вслух Хадия, пока они ехали на автоматической повозке в Каир. Ее пальцы перевернули следующую страницу журнала. — Декабрь 1906 года. Купил для С. страницы из Корана, которого, по слухам, касался аль-Джахиз, 5600 фунтов. — Она развернула книгу, показывая ее содержание. — Не думаю, что Александр Уортингтон преувеличивал траты отца. В этом блокноте годы информации.

Сидящая напротив Фатима быстро просмотрела страницу. Она плохо разбирала рукописный английский шрифт. Кое-что могла понять, но то был неторопливый процесс. К счастью, Хадие это, похоже, давалось без труда. Она помнила имя Арчибальда Портендорфа среди других убитых членов Братства аль-Джахиза. Он был одним из тех, кто сидел за столом с Уортингтоном. Фатима отчетливо помнила его обугленную руку, сжимающую платок с вышитой буквой «Д». Как выяснилось, его жену звали Джорджиана. Следователю стало любопытно, думал ли о ней Арчибальд, когда умирал.

— Это не просто учетная книга, — сказала Хадия, перелистывая блокнот. — Вместе с тратами он делал беглые заметки. Вот одна: «13 сентября 1911 года. Телеграфировал юному идиоту УД

200 фунтов чрезвычайных средств на последнюю авантюру. Утверждает, что наткнулся на песочную ловушку. Жаль, она его не засосала». Восклицательный знак, восклицательный знак, восклицательный знак.

Фатима просмотрела небольшой список участников братства. Они использовали его, чтобы расшифровывать журнальные сокращения. «С» их поначалу поставила в тупик, но потом они вспомнили прозвище лорда Уортингтона и решили, что это английское «старец».

— Уэсли Далтон, — сказала Фатима. — Он единственный УД.

— Почти каждая запись о нем сопровождается резким комментарием, — заметила Хадия. — Похоже, Арчибальд его не слишком любил.

— Уэсли Далтон был трупом, чью голову… вывернули.

— Похоже, он умел обращаться с людьми. Смотрите. — Она указала на журнал. — Рядом со многими из этих записей слово «архивариус», сопровождаемое «Сива» в скобках. Может, он туда ездил? С архивариусом?

Сива было названием города-оазиса на дальнем западе Египта. Довольно отдаленное место — около девяти часов полета на самом быстром

дирижабле, и то если не останавливаться на дозаправку.

— Далековато от Каира. Сколько раз он его упоминает?

— Часто. Особенно, когда речь о дорогих покупках. Но зачем обращаться к архивариусу в Сиве, чтобы купить, — Хадия остановилась заглянуть в блокнот, — четки-субха, которыми аль-Джахиз, по слухам, пользовался во время зикра. Что-то не припомню, чтобы аль-Джахиз посещал Сиву.

Как и Фатима. В этом не было смысла.

— У вас это выражение лица, — сказала Хадия. — Расстроенное.

— Я надеялась, что мы найдем новые зацепки. Вместо этого мы получили загадки. Не говоря уж о том, что мы все еще не можем подтвердить базовые факты — к примеру, когда именно Александр Уортингтон прибыл в Каир.

Противоречие между его словами и показаниями мадам Набили заняло бóльшую часть разговора после того, как они покинули имение. Кто-то из них явно ошибался или лгал. Документы были в пользу Александра. Но со стороны мадам Набили это казалось странной ошибкой. Да и зачем ей врать?

— Это любопытно, — пробормотала Хадия. —

Последняя запись. Датируется шестым ноября.

— День убийства. Что там написано?

— «6 ноября 1912 года. После двух недель торговли купил для С. из списка предполагаемый меч аль-Джахиза за оговоренную сумму в 50 000 фунтов. Архивариус (Сива)». — Хадия ахнула. — Это целая куча денег! Как думаете, у самозванца был этот же меч?

Фатиму передернуло, когда она вновь представила, как поющий меч пронзил Сити.

— Что еще?

— Здесь много записей: «Возникли трудности с получением предмета на Красной Улице. Узнал о втором переводе архивариусу (Сива) в 50 000 фунтов от АУ». — Хадия недоуменно подняла голову. — Алистер Уортингтон?

— Нет. Он «С». А. У. кто-то другой.

— Вы же не думаете?..

— Александр Уортингтон! Продолжайте читать!

— Уведомил Сива, что только я уполномочен говорить от лица С. Он вспылил и повел себя крайне странно. Я был потрясен. Предложу С. больше не отправлять переводы для архивариуса (Сива), пока проблема не будет улажена. Нельзя поддерживать его привычку, даже если у него

список. Восклицательный знак. — Хадия остановилась.

— Похоже, архивариусу из Сивы пришло два перевода по 50 000 фунтов. Один был в ночь смерти Алистера Уортингтона — за меч. Другой состоялся двумя неделями ранее, от АУ. Возможно, Александра. Но за что? И что это за список и Красная Улица? Я думала, деньги отправили в Сиву?

Фатима медленно покачала головой, когда к ней пришло понимание.

— Красная Улица. Он имеет в виду Красный Путь. Мастеровой район. Сива — это не название. Это имя архивариуса. Джинна. — Не теряя ни секунды, она выдала новые команды экипажу, удерживаясь за поручни, когда тот резко повернул налево и покатил в аль-Дар-аль-Ахмар.

Глава четырнадцатая

Красный Путь усеивали дома, статуи и масджиды периода Фатимидов и османского правления в более недавних случаях. Знаменитый мастеровой район был лабиринтом извилистых улочек с бесконечными магазинами, где ремесленники сохраняли техники, передаваемые сквозь века.

Напарницы пронеслись мимо красильных мастерских, где женщины сгрудились над большими каменными чанами, вытаскивая вязки хлопка из черных чернил. Поодаль подмастерья тщательно сшивали тафсир[66] под внимательным присмотром мастера-переплетчика. Аль-Дарб-аль-Ахмар оставался одним из немногих мест в современном Каире, где паровые или газовые машины почти не встречались, механизированному производству мастера предпочитали традиции. Процесс в результате был медленнее, но находились люди, которые щедро платили за ручную работу.

Они повернули на улицу Шатерщиков, напро-

---

[66] Примечания: 66
Сочинения, связанные с толкованием Корана.

тив старых Баб Зувейлы[67] с их впечатляющими двойными минаретами. Агенты выгрузились из экипажа у недавно открытого университета аль-Джахиза, где спросили дорогу у двух пивших кофе студенток. Девушки не слышали о джинне по имени Сива, но посоветовали ковровщика, который, по их словам, знал каждый уголок этого района. Как выяснилось, он действительно оказался именно тем человеком, которому стоило задавать вопросы. Пока он со старшей дочерью сидел за старомодным вертикальным ткацким станком, сплетая молельные коврики, ковровщик подробно объяснил, где можно найти Сиву — вплоть до фасада здания.

— Нам повезло, что он единственный джинн-архивариус по имени Сива в аль-Дарбе, — сказала Фатима, рассматривая рисунки на шатрах. Улица Шатерщиков недаром носила свое название. Здесь ремесленники вышивали вручную красочные геометрические узоры из местной архитектуры на обширных тканевых полотнах. Каждая лавка принадлежала шатерщику, и они вывешивали плакаты, сулившие еще более восхитительное искусство внутри магазинов.

---

[67] Примечания: 67

Одни из трех врат, сохранившихся в стенах Старого Каира, последние южные врата, оставшиеся от стен Фатимидского Каира в XI–XII веках.

— Никогда к этому не привыкну, — сказала Хадия, уворачиваясь от продавца лепешек, крутившего педали трехколесного велосипеда с корзиной аиш балади на голове. — Как джинны вообще друг друга отличают?

Фатима покачала головой. Учитывая, что джинны в основном, называли себя в честь географических объектов, было неизбежным, что многие разделяли имена. Она встречала с дюжину Кен и десятки Хелуанов. Как они могли различать друг друга по имени, оставалось загадкой. Они просто… могли.

— Это здесь. — Она указала на вывеску с названием «Братья Гамали» над изображением трех шьющих мужчин. Четырехэтажное здание из коричневого камня с красными прожилками и окнами с зелеными рамами. Как и в большей части квартала, над улицей от крыши к крыше растянулся тент — коричневое полотно с темно-красными полосами — закрывая от солнца мостовую внизу.

В магазине они нашли Гамаля — мужчину с завивающимися седыми усами — и его таких же седых братьев. Все трое работали над величественным шатром с красными, синими и желтыми узорами и зеленой каллиграфией. Из

граммофона доносилась музыка — на удивление, одна из песен, популярных в «Жасмине». Не прекращая работать иглами, троица направила агентов вверх по лестнице, когда те спросили о Сиве. Проход был настолько узким, что Фатима задумалась, как джинну удавалось в него протиснуться.

— Со всеми деньгами, которые этот Сива получил, — рассуждала Хадия, — он мог бы себе позволить жилище побольше.

— Может, он экономный.

Они остановились перед дверью на третий этаж, которую недавно покрасили в ярко-желтый цвет. Прежде чем напарницы успели постучать, она открылось. Имелась у джиннов такая привычка.

— Ахлан ва-Сахлан![68] — поприветствовал владелец квартиры.

— Ахлан бик, — ответила Фатима.

Ее удивил теплый прием, да и сам джинн. Все-таки он не был маленьким — чуть меньше Загроса, — но его голос звучал выше, чем можно было предположить по размеру. Под черным бархатным кафтаном, расшитым золотом, кожа его

---

[68] Примечания: 68
Добро пожаловать, приветствую (*араб.*).

была темно-красной с тонкими извилистыми линиями цвета слоновой кости. Они образовывали непрерывно движущиеся узоры. Эффект получался гипнотическим, и следователю пришлось отвести взгляд — при этом его желто-зеленые глаза повторяли движение узоров.

— Я агент Фатима, а это агент Хадия из Министерства алхимии, заклинаний и сверхъестественных сущностей. Вы Сива?

Джинн внимательно осмотрел их значки, затем коснулся кончиков своих закручивающихся рогов движением, значения которого она не понимала.

— Я Сива. — Он улыбнулся. — Поскольку я уже пригласил вас в свой дом, прошу, заходите.

Он провел их внутрь, и Фатима замерла. Позади нее ошеломленно вздохнула Хадия. Как большинство жилищ джиннов, которые она посещала, это подражало музею: со старинной мебелью, статуями, картинами, изображающими другое время, — и книгами. Бесконечными книгами. Повсюду. На полках. Стопками на столах. Гигантскими грудами, словно упорядоченные курганы искусства. Но больше всего поражал размер комнаты. Она была необъятной, с арками и колоннами, и обширным каменным полом. Фа-

тима посмотрела назад сквозь все еще открытую дверь, где виднелись узенькие ступеньки, затем снова перевела взгляд на сцену перед собой.

— Она больше внутри, чем снаружи? — недоверчиво прошептала Хадия.

Очевидно, что так. Магия джиннов иногда сбивала с толку.

— Прошу прощения за грандиозный бардак, — сказал Сива.

— Вы определенно любите читать, — заметила Хадия.

— Я что-то вроде архивариуса. Собираю редкие тексты — как древние, так и средневековые, по исчислению смертных. Большинство этих работ — литературные произведения из моей личной коллекции.

— Вы все это прочитали? — Хадия рассматривала тонкий томик на греческом.

— Несколько раз! — расплылся джинн в улыбке. — Не желаете выпить со мной чаю в комнате отдыха?

Они последовали за ним через квартиру — и Фатима изо всех сил старалась не разинуть рот, когда они вошли в другую комнату, где возвышался фонтан с белыми мраморными верблюдами, удерживающими чашу на своих горбах. На сте-

нах были развешаны картины в золоченых рамах — в основном изображающие галопирующих по просторам пустыни верблюдов.

Когда они пришли в комнату отдыха, джинн предложил присаживаться на пурпурный плюшевый диван, а сам устроился в широком кресле, размера которого хватало для его фигуры. По бокам от него висели высокие золотые барельефы верблюдов. Детали барельефов были превосходными, вплоть до шерсти на вздувшихся мышцах, имитирующих движение, и ярко-красных рубинов вместо глаз.

— Экономностью он точно не отличается, — прошептала Хадия.

На низком деревянном столике между ними стоял позолоченный бронзовый кувшин, украшенный персидским орнаментом и носиком в виде верблюжьей морды. Рядом с ним были три чашки чая со свежими листьями мяты. Хозяин предложил выпить, и Фатима взяла чашку. Вполне возможно, что лучше мятного чая ей пить не доводилось.

— Так чем я могу помочь министерству? — спросил Сива с приятной улыбкой на широком лице.

— Мы расследуем смерть лорда Алистера Уор-

тингтона, — сказала Фатима. — Вы его знали, насколько нам известно?

Когда Фатима собиралась поставить чашку, джинн моргнул. Следователь чуть не пронесла ее мимо стола, почти промахнувшись мимо края. Он что, уменьшился?

— В газетах пишут, что это была ужасная трагедия, — ответил он. — Но я незнаком с Английским Пашой, во всяком случае, не лично.

— Вы вели с ним дела. Через посредника — Archibalda Портендорфа?

— Да. Мы с Визирем заключали сделки.

Фатима напомнила себе, что нужно лучше формулировать свои слова. Джинны по природе своей не были склонны вводить в заблуждение. Но временами они бывали прямолинейны, отвечая строго на заданный вопрос.

— Эти сделки. Они заключались для Герметического братства аль-Джахиза?

Сива снова моргнул. Его улыбка поблекла, губы дрогнули, затем снова застыли. Фатима отметила его реакцию и отвлеклась на стены из темного дерева. Она уже заметила фреску с еще одними верблюдами на золотом фоне, висевшую за спиной джинна. Похоже, сквозная тема. Только теперь верблюды, которые раньше бежали

направо, начали двигаться налево. Ее глаза перебежали на чашку. Что в этом чае?

— Да, — наконец ответил Сива. — Я заключал сделки с организацией, основанной лордом Алистером Уортингтоном.

— Вы помогали ему доставать предметы.

— Таковым было мое поручение, данное Визирем. У нас были хорошие деловые отношения.

— Почему вы его так называете? — спросила Хадия. — Визирем?

— Члены Братства аль-Джахиза часто носили титулы. Лорд Алистер Уортингтон был известен как Великий Магистр. Арчибальд, Визирь, был его заместителем.

Это объясняло записи в журнале.

— Вы были членом братства? — спросила Фатима.

— Ни один джинн не вступил в братство лорда Алистера. — Улыбка Сивы расширилась, и он фыркнул. — Хоть он и пытался меня привлечь.

— Он звал вас в братство?

Губы Сивы дрогнули. Фатима бросила взгляд на Хадию, чтобы убедиться, что та все записывает, но обнаружила, что новенькая созерцает кувшин — который странным образом превратился в медный вместо бронзового.

— Он сделал попытку, — сказал джинн. — Но я отказался. Подобная близость к делам смертных может привести к… проблемам. — Его улыбка впервые исчезла полностью, а глаза словно обратились внутрь, прежде чем вернулись приятные манеры.

— Откуда, в таком случае, вы так много знаете о братстве?

— Визирь нервничал рядом с джиннами, — пожал плечами Сива. — Я пытался успокоить его чаем, и он начинал болтать — мне кажется, чтобы скрыть свое беспокойство.

— Вещи, которые вы добыли для братства, — спросила Хадия. — У вас был список? Они были подлинными? Вы за них много денег получили.

— Я продаю только подлинные вещи. — Улыбка не исчезала с лица джинна, но его ответ был холодным. — У меня надежный список. От моего слова зависит моя репутация.

— Разумеется, — включилась в разговор Фатима. Джинны чувствительно относились к обвинениям во лжи — даже если они лгали. — В таком случае вам должно быть известно, что Арчибальд умер вместе с Алистером Уортингтоном.

— Повторюсь, ужасная трагедия. Да смилуется над ними Аллах.

— Возможно, вы последний, кто его видел, помимо братства. Он приходил, чтобы забрать у вас меч за 50 000 фунтов. Что это был за меч?

— Клинок, когда-то принадлежавший человеку, которого вы называете аль-Джахизом, — ответил Сива. — Его выковал джинн. Черный клинок, который поет.

Это объясняло, как самозванец его получил.

— Откуда вы его взяли?

— Простите меня, — с сожалением вздохнул Сива. — Но я не могу разглашать секреты своего дела.

Это она ожидала.

— Последний вопрос. Арчибальд утверждал, что вечером, когда он пришел за мечом, у вас был спор по поводу денег. — Губы джинна снова задрожали, и он быстро заморгал. — Похоже, кто-то еще перевел вам 50 000 фунтов со счета Уортингтона двумя неделями раньше за неизвестные услуги. Кто-то с инициалами А. У.

Сива придушенно застонал. Его губы плотно сжались, словно он что-то удерживал внутри, а затем он проревел:

— «Проклятой Эфиопией владеет! Ведет он племя черное в сражень! Широконосых, большеухих

негров! Их будет там полсотни тысяч целых»![69] — Джинн зажал рот когтистой рукой и затряс головой.

Оцепеневшая Фатима переводила взгляд с Хадии на джинна.

— С вами все в порядке? — Когда он не ответил, она попробовал еще раз: — Я только хотела узнать о втором переводе денег. За что вам заплатили? И кто его сделал? Инициалы АУ — это Александр Уортингтон?

Едва она успела договорить, как Сива издал вой. Нет, не вой, а бесконечный поток слов:

— «О чем нам писать, если мир многократно воспет? Ты дом этот видел во сне — узнаешь или нет?»[70]; «У того человека, которому боги ниспосылают поражение, они сначала отнимают разум, и он поэтому видит все в извращенном виде!»[71]; «Невозвратно то слово, вовек непреложно, и не свершиться не может, когда я главой

---

[69] Примечания: 69

Песнь о Роланде (*пер. Ю.Б. Корнеева*).

[70] Примечания: 70

Антара. «О чем нам писать, если мир многократно воспет?..», (*пер. А. Ревича*).

[71] Примечания: 71

Махабхарата, Сабхапарва, или Книга о собрании (*пер. В.И. Кальянова*).

помаваю!»[72] — Затем, без предупреждения, мир колыхнулся.

Фатима вскочила на ноги.

— Что только что случилось? — Хадия поднялась вслед за ней.

Прежде чем она ответила, мир колыхнулся вновь. Не Хадия, не она сама. Но джинн и вся комната сдвинулись, колыхаясь, как узор-водоворот на коже их собеседника. Фатима уже догадывалась, что, скорей всего, происходит, когда Сива издал булькающий крик. Его рот широко открылся, челюсти раздвинулись, пока не вывалился темно-синий язык — такой длинный, что дотянулся до середины груди. Он что-то достал из кафтана: длинный кинжал с зазубренным лезвием. Фатима потянулась за револьвером. Но джинн приставил клинок к своему языку. С лихорадочным блеском в глазах он начал резать.

Когда хлынула кровь, Фатима услышала, как давится рвотой Хадия. Без лишних слов напарницы быстро отступили из комнаты, наблюдая за спорадическими конвульсиями квартиры, в то время как крики джинна наполняли их уши. Они не останавились, пока не пробежали в переднюю

---

[72] Примечания: 72
Гомер. Илиада (*пер. Н.И. Гнедича*).

дверь, вниз по ступеням и мимо трех шатерщиков — которые продолжали прилежно работать над своим шитьем. Агенты заговорили, только когда добрались до тротуара.

— Йа саттар йа рабб![73] — задыхалась Хадия. — Что это было?

Фатима не ответила. Она впервые встретила джинна, который отрезал себе язык.

— Разве в журнале не говорилось что-то о крайне странном поведении, когда Арчибальд спросил о деньгах. Я бы сказала, это было странно.

— Что он кричал? Звучало как литература или…

— …поэзия, — закончила Фатима. — Не знаю, что он цитировал сначала. Но следующая строфа была из поэмы Антары.

— Средневековый поэт? Я сошла с ума? Или та квартира… прыгала?

— Вы не сошли с ума, — ответила Фатима. — Он иллюзорный джинн.

Хадия моргнула, затем расширила глаза в понимании. Фатима должна была сразу заметить: слишком большие пространства внутри комна-

---

[73] Примечания: 73
Аналогично «Господи, ты Боже мой!».

ты, изменяющиеся время от времени предметы. У всех джиннов был дар иллюзии. Судя по историям, сильнейшие из них могли заставить появиться в пустыне целый город и обмануть все чувства.

— Но я *ощущала*, как прошла всю дорогу до той комнаты отдыха, — настаивала Хадия.

— Поэтому иллюзорные джинны так хороши в своем деле.

— Но мы вообще видели настоящего Сиву? Я хоть мятный чай пила?

— Я сомневаюсь, что его квартира так роскошна, как выглядит. Могу предположить, куда уходят его деньги. Вы заметили всех этих верблюдов? Почти всегда бегущих?

Хадия непонимающе нахмурилась, но Фатима позволила ей догадаться самой.

— На поддержание его привычек! — поняла она. — Из журнала. Он игрок! Верблюжьи бега!

Фатима кивнула. Верблюжьи бега пользовались большой популярностью в восточной пустыне или у нее дома, рядом с Луксором. По крайней мере, пока джинны не создали механических паровых верблюдов, развивавших головокружительную скорость. Трассу проложили за городом, и высокие ставки на автоверблюдов и

их всадников пользовались печальной известностью. Ничто не опустошало карманы с той же стремительностью.

— Это объясняет, зачем ему столько денег, — заключила Хадия. — Но зачем он вырвал себе язык? Разве что это тоже было иллюзией.

— Выглядело *слишком* реальным, — сказала Фатима. — Он казался по-настоящему не в себе. Каждый раз, когда мы задавали вопрос, касающийся братства, его иллюзия сбоила. Когда мы спросили о той ночи с Арчибальдом и споре о деньгах, она начала разваливаться на части.

— Не только о деньгах, — отметила Хадия, нахмурившись. — Все начало разваливаться, когда вы упомянули Александра. Он правда не хотел об этом говорить.

Или не мог. Фатима оглянулась на лавку шатерщиков. Она слышала о заклинаниях, которые не позволяли раскрывать секреты, под их влиянием люди не могли формировать слова, заклятия запечатывали их губы. Заклинание, после которого джинн — да еще марид — принялся выплевывать случайные строки из книг, которое заставило его отрезать себе язык, — было сильной магией.

— Еще один вопрос, — сказала Хадия. — Мне кажется, или сейчас темнее, чем обычно?

Фатима отвлеклась от своих размышлений и проследила за взглядом Хадии. Небо *действительно* темнело, синеву перекрывала растущая желтоватая дымка. Поднялся теплый сильный ветер, раздувая на них одежду и раскачивая навес наверху. По всей улице развевались полотна в усиливающемся потоке — некоторые сорвались с веревок и хлопали в воздухе. Мимо промчался продавец лепешек, с которым они столкнулись раньше, все еще удерживая корзину на голове. На ходу он кричал: «Песчаная буря! Песчаная буря!»

Песчаная буря? В это время года? Но прямо на глазах Фатимы признаки надвигающейся бури усиливались по мере того, как тускнел солнечный свет и нарастал ветер. Люди торопились запереться в домах, закрывали магазины и строили баррикады. Агент уже чувствовала, как проникает в нос песок, затрудняя дыхание.

— Нам нужно возвращаться! — сказала она Хадие. Придерживая котелок и подставляя ветру плечо, Фатима отправилась в путь, надеясь опередить бурю.

Глава пятнадцатая

Сидя в автоповозке, Фатима собирала кусочки мозаики в голове. Сначала Алистера Уортингтона и его братство убил человек, называющий себя аль-Джахизом. Той же ночью его сын, по-видимому, перевел деньги джинну за его спиной. Сегодня некая магия помешала джинну раскрыть информацию. Отношения Александра с отцом были в лучшем случае проблемными, и он не питал любви к Братству. Когда они исчезли, больше ничто не мешало ему унаследовать фамилию Уортингтона и очистить ее от влияния отца. Люди убивали и за меньшее.

Но все же ничто из этого не объясняло магию самозванца. Определенно не объясняло ифрита. Может, Александр нанял фальшивого аль-Джахиза? Однако младший Уортингтон, кажется, презирал все, связанное с чародейством. И все-таки он переводил большие суммы денег джинну со склонностью к азартным играм. Фатима собиралась покопаться в контрзаклинаниях, посмотреть, может, получится разговорить Сиву. Интуиция подсказывала, что у него есть ответы. «Скрытая часть всегда больше», — часто говори-

ла мама.

— Странно.

Фатима подняла голову, обнаружив, что Хадия уставилась в окно. Похоже, она не смотрела на что-то определенное. Вместо этого новенькая склонила голову набок — скорее прислушиваясь. Буря набирала силу, видимость становилась все хуже. Ветер выл над городом, как сердитое дитя.

— Что странно?

— Я не могу понять, откуда движется буря. У нас в Александрии бывали песчаные бури. Они дуют в одном направлении. На глаз не определишь, но по ветру почувствовать можно. Но эта буря звучит так, словно она, ну, задувает со всех сторон.

— Это *и правда* странное время года для песчаной бури. — Фатима нахмурилась. — И обычных знаков не было. К тому же для песчаной бури было недостаточно жарко.

— Я вижу кое-что еще страннее, — сглотнула Хадия. — Это министерство?

Фатима прищурилась, глядя в сторону, куда указала напарница — темное пятно вдали. Нет, это не может быть министерство. Она прищурилась сильнее, всматриваясь в прямоугольные очертания. Нет, это министерство! Вот только его покрывала густая желтая дымка, клубившаяся

вокруг здания.

— Неудивительно, что мы не смогли распознать направление бури, — сказала Хадия. — Она собралась вокруг министерства!

Глядя в небо, Фатима отследила вены бурлящего песка, каждая из которых тянулась к зданию министерства. Словно стремясь присоединиться к танцу, они сливались в вихрящемся облаке, которое росло с каждой секундой. События развивались не лучшим образом.

— У вас есть личное оружие? — спросила она.

В темно-карих глазах Хадии вспыхнула тревога, но она кивнула и сунула руку под китель.

— Думаете, совсем кисло?

Фатима проверила свое оружие. Служебный револьвер стандартной для министерства модели, ничего особенного: серебряное покрытие, длинный тонкий ствол и шестизарядный барабан.

— Когда вокруг места, предназначенного для расследований странного и загадочного, происходит нечто странное и загадочное, — да, мне так кажется, что дела плохи. Умеете пользоваться? — Она указала подбородком на револьвер Хадии.

— Более-менее. Но я не люблю огнестрельное оружие.

Фатима ее понимала. Эта штука всегда ей каза-

лась грузом на шее.

— Считайте его страховкой. Использовать будем только при крайней необходимости. Вы готовы?

Хадия кивнула.

— Подождите! — Она достала из сумочки хиджаб. Отдав его Фатиме, новенькая распустила собственный головной платок, чтобы обмотать его вокруг носа и рта.

Они остановили повозку неподалеку от министерства, когда экипаж уже чуть не переворачивался на усиливающемся ветру. Стоило агентам выбраться на улицу, как тот же ветер набросился на них. Фатима ссутулила плечи, одной рукой придерживая котелок, а второй вцепившись в пиджак. Ей пришлось идти под углом, поскольку потоки воздуха, как и подозревала Хадия, странным образом били со всех сторон одновременно. На каждом участке открытой кожи собирались мелкие песчинки. Обычно это могло вызывать разве что мелкое неудобство — но по какой-то причине песок обжигал!

У Хадии дела обстояли не лучше — длинные юбки дико развевались на ветру. Напарницы продвигались вперед, полагаясь скорее на инстинкт, чем на зрение, им приходилось двигаться

очень осторожно, чтобы не потерять друг друга во мгле. Когда они добрались до министерства, казалось, что агенты преодолели целую милю, а не единственный квартал. Стеклянные двери не стали перед ними открываться, и женщинам пришлось их раздвигать, чтобы протиснуться внутрь по одной.

Кряхтя от напряжения, Фатима снова задвинула двери вместе с Хадией, оставляя бурю снаружи. Она встряхнулась, сдергивая с лица хиджаб и позволяя песку просыпаться на пол. Рядом с ней раздавалось шумное дыхание Хадии, которая разматывала нос и рот. В обычно хорошо освещенном фойе царил мрак. Отчасти это было связано с песчаной бурей. Но еще в холле не горело ни одной лампы.

— Электричество вырубилось, — заметила Хадия.

Фатима всмотрелась во тьму. Где дежурный охранник?

— У здания есть аварийные источники питания. Мозг должен был отправить на починку автоевнухов-ремонтников.

В ответ на ее слова раздался громкий грохот, словно металл заскрежетал и принялся перемалывать сам себя. В нем слышалось нечто почти

траурное, и здание содрогнулось от этого звука.

– *Это* еще что было? — спросила Хадия.

— Мозг здания. — Фатима вытянула шею, пытаясь рассмотреть железные шестерни и сферы под стеклянным куполом. — Что-то не так. Прислушайтесь. Не похоже, чтобы шестеренки вращались.

— Может, песок попал?

— Может. Не могу рассмотреть. Хотела бы я сейчас пару спектральных очков.

— У меня с собой, — ответила Хадия, роясь в карманах. — Я знаю, что большинство агентов берут их только на места преступления, но в руководстве написано, что очки нужно всегда держать при себе, так что я… держу.

«Хвала Аллаху за рвение новичков», — подумала Фатима.

— Я их надела, — сказала Хадия. — И я смотрю вверх… но…

— Что?

— Не знаю, что я вижу. Там какое-то движение, но выглядит это неправильно.

— Давайте я попробую. — Фатима взяла очки и натянула на голову. Тьма превратилась в люминесцентный нефрит — в фойе стало светло как днем, но зрение фильтровалось через спек-

тральный мир. Все расцвело красками. Даже буря на улице окрасилась замысловатыми узорами, которые распадались и снова собирались воедино. Глядя на купол, Фатима настроила круглые зеленые линзы и сфокусировалась.

Обычно от вида механического мозга через спектральные очки захватывало дух — каскад света, от которого сверкали каждая балка и вал, а множество сфер переливались сиянием. Но не сейчас. Вместо этого мозг скрывал сгусток тьмы. Фатима снова отрегулировала линзы. Теперь она видела частички света, но они были погребены под скоплениями теней. Тени двигались и извивались. Что, ради тысячи миров, произошло? Одна из теней поднялась, словно растягиваясь, а затем рухнула назад в большую массу. В этот короткий миг Фатима рассмотрела ее форму — человекоподобная, с длинными конечностями и вытянутым туловищем. Внутренности агента превратились в лед. Она схватила руку Хадии и дернула их к стене, затем яростно прошептала единственное слово:

— Гули!

— Гули? Вы уверены? — На лице Хадии появились шок и отвращение.

Фатима мрачно кивнула. Она где угодно могла

бы узнать эти скорченные тела и конечности.

Хадия подняла взгляд и сжалась — словно ожидая, что существа в любую секунду начнут падать вниз.

— Нет Бога, кроме Аллаха, — прошептала она. — Что гули делают в министерстве?

— Хватит задавать вопросы, на которые я не могу ответить! — сорвалась Фатима. — Но они расползлись по всему механизму. Неудивительно, что в здании нет электричества. — Раздался еще один скрежещущий грохот, скорее всего, шестерни пытались продолжить движение под массой нежити. Они проникли в механический мозг, подобно болезни, заражая его, вытягивая магию.

— Сначала буря, — сказала Хадия. — Теперь гули. Странное совпадение, не думаете? Все это кажется спланированным…

— …нападением, — закончила Фатима.

— Но кто? Вы же не думаете, что это… он?

В голове Фатимы зазвучали слова самозванца: «Ты узнаешь, что такое боль».

— Нам нужно проверить здание. Могут быть раненые.

— Или хуже, — сглотнула Хадия.

Фатиме не хотелось об этом думать. Гули были

ненасытными существами и могли сожрать что угодно. Ей довелось наблюдать, как один из них преследовал бабочку почти милю. Заключенные в здании люди долго не протянут.

— Вы помните тренировки против гулей?

— Вроде как?

— Что значит «вроде как»? — нахмурилась Фатима. — Вас тренировали в Поселении?

Поселение было частью правительственного проекта по созданию городов в удаленных местах, где джинны сооружали систему орошения с помощью своей машинерии. Конкретно этот построили в восточной пустыне, к западу от оазиса Дахла. Никто не знал наверняка, что именно произошло, но через несколько месяцев все поселенцы исчезли, а город заполонили гули. Министерство его очистило, объявив городок свободным от нечисти. Однако всего через год он снова был битком набит гулями. Последующие попытки приводили к тем же результатам. Аномалия.

— Ни одного курсанта не отправляли на картошку в поселение вот уже два года, — сообщила Хадия. «На картошку» служило эвфемизмом для ежегодной зачистки гулей, которую проводили инструкторы и студенты. Вроде как полевые

работы. Но с оружием, острыми предметами и легионами нежити. — С тех пор как одну группу чуть не перебили и не съели. Вы не читали в рассылке для выпускников?

Фатима пожала плечами. Кто читает эти рассылки?

— Так как же вы «вроде как» тренировались сражаться с гулями?

— Симуляции. Одна группа кадетов притворялась гулями и гонялась за остальными…

Фатима выставила ладонь, не желая ничего больше слышать. Даже в темноте беспокойство Хадии было очевидным. По вполне понятным причинам. С гулями шутки плохи.

— Вам не обязательно идти со мной. Если мы в эпицентре бури, значит, в других частях города должно быть спокойнее. Может, вам стоит найти телефон, вызвать помощь…

— Я иду с вами, — оборвала Хадия. — Я агент министерства. Это моя работа.

Решимость в ее голосе, даже несмотря на страх, закрыла вопрос. Фатима достала из ножен на поясе свою джанбию:

— Раз уж вы не любите огнестрельное оружие.

— Откуда у вас джанбия? — Хадия приняла кинжал с озадаченным видом.

— Презент от йеменского посла. Министерство оказало услугу его клану. Он посчитал, что это подходящий подарок для храброго и «красивого юноши». Я не стала его исправлять. И оставила себе кинжал.

Хадия крутнула клинок, чтобы приноровиться к его весу.

— Она мне нравится!

— Я ожидаю, что вы ее вернете. — Фатима посмотрела на нежить в куполе. — Лифт не работает. Нам придется подниматься по лестнице. За мной.

Фатима поднималась первой, с револьвером на изготовку. Сверху продолжал доноситься скрежет инфицированного мозга здания — но гули, хвала Аллаху, не появлялись. Следователь чувствовала вину, что они не останавливались на других этажах. Однако люди, которых Фатима знала и с которыми работала, были на четвертом этаже. Она отправится к ним первым делом. Как только агенты подошли к двери, с другой стороны раздались громкие удары.

— Когда зайдем, не высовывайтесь, — прошептала она. — Помните, что гули сильнее нас. И быстрее, но не слишком сообразительны. Цельтесь в голову. Понятно? — Хадия твердо кивнула

— одна рука на револьвере, во второй джанбия. Они вместе открыли дверь и шагнули внутрь.

В офисе было темно — лишь из окон, где бурлила песчаная буря, сочился тусклый свет. Но к этому времени глаза Фатимы приспособились. Здесь произошла схватка. По полу были рассыпаны бумаги вместе с перевернутыми стульями. Но людей не было. Хадия похлопала ее по плечу, указывая на следы пуль на стене. Следы боя.

Пригнувшись, Фатима повела их к боковому проходу в сторону звуков ударов. Разлитый кофе и надкушенные хлебные палочки босомат указывали, что агентов застали врасплох. Но куда они делись? Удары. Ответ ждал ее там. Когда они подошли ближе, в нос ударил запах сгнившей плоти и раскисшей земли. Характерная вонь нежити. Звуки рычания и щелканья зубов подтвердили ее догадку. Она собиралась повернуться и предупредить Хадию, но тут из-за стола высунулась рука — с револьвером. Фатима вскинула свое оружие в ответ, ее сердце колотилось. Но подождите, гули не пользуются оружием. Она разглядела лицо.

— Хамид?

Мужчина облегченно выдохнул. Он тоже пригибался, что для его крупной фигуры выглядело неловко. Хамид махнул рукой, указывая следо-

вать за ним. Он провел их к длинному столу, перевернутому набок. Там на корточках сидел еще один агент. Онси. Когда он увидел Фатиму и Хадию, на его круглом лице вспыхнула улыбка. Но она исчезла после еще одного удара. Агенты собрались вместе, спинами к столу.

— Та еще погодка, — хмыкнул Хамид. Позади удары и рычание усиливались. Фатиме нужно было увидеть. Она подняла голову над краем стола и выглянула.

Гули. В тусклом свете можно было рассмотреть их голые бледно-серые тела с удлиненными конечностями — уродливая насмешка над людьми. Она быстро подсчитала. Двенадцать. Нет, еще один прижался к потолку. Получается, целая стая. Они собрались у кабинета директора Амира — часть на двух ногах, другие на четвереньках. Один из гулей размахивал спинкой сломанного стула, пытаясь выбить дверь. Каждый удар сопровождался сдавленными криками с другой стороны. Человеческими криками.

— Что произошло? — Фатима снова спряталась за столом.

— Наш друг с воскресной ночи. — Лицо Хамида потемнело. — В золотой маске.

Рука Фатимы сжалась на рукояти пистолета,

она услышала подтверждение своих догадок.

— Когда налетела буря, сначала отключилось электричество, — рассказывал он. — Затем появились гули… прямо среди нас. Началось безумие. — Фатима впервые заметила, что обычно безукоризненная форма Хамида была растрепана, и он потерял феску. — Мы сошлись в рукопашную. Амир собрал всех, кого мог, в своем кабинете, сейчас они там отсиживаются. Мы с Онси пытаемся найти способ прорваться. Теперь, когда ты здесь…

— Где он? — Фатима скорее шипела, чем говорила. — Самозванец?

— Он ушел. С несколькими гулями и тем мужиком, который может… размножаться.

— Пепельный гуль, — встряла Хадия.

— Ну, если ты так хочешь его называть… — с сомнением протянул Хамид.

— Куда они отправились? — надавила Фатима.

— Не знаю. Он говорил что-то о том, как вытащит наши секреты на свет.

«Вы узнаете, что такое боль. Я заставлю вас понять. И вытащу все ваши секреты на свет».

Фатима проиграла его слова в голове. Их секреты. Где министерство хранило свои секреты?

— Хранилище! — выдохнула она. — Он отпра-

вился в хранилище!

— Хранилище? — переспросил Онси. — Что ему там может понадобиться?

— Не важно, мы не должны ему позволить это забрать! — ответила Фатима.

Раздалась еще одна серия ударов вместе с недовольным рычанием.

— Он не сможет открыть хранилище, — заверил Хамид. — Оно заблокировано. Система здания…

— …взломана, — закончила Фатима. Она рассказала о текущей ситуации.

— Весь механический мозг? — недоверчиво прошептал Онси. — Покрыт гулями?

— Придется действовать самим, — решила следователь. — Мы должны защитить хранилище!

— Дверь в кабинет Амира долго не продержится, — предупредил Хамид. — Многие люди в нем — всего лишь секретари и клерки. Они не вооружены. Если гули сумеют прорваться, они не смогут сопротивляться. Когда нас было двое, шансы выглядели не особо. Вчетвером может получиться.

Фатима тоскливо посмотрела на лестницу. Каждая потерянная минута помогала самозванцу. Но раздались новые удары, за которыми последовали крики из кабинета Амира. На мгновение

она была готова оставить кричащих на произвол судьбы. Она себя возненавидит, но таков долг. На ее плечо опустилась рука, и Фатима подняла голову, сталкиваясь со взглядом темных глаз напарницы, в которых читалось понимание ее противоречивых чувств.

— Я думаю, мы справимся с обеими задачами, — сказала новенькая. Она перевела взгляд на потолок, и все подняли глаза вслед за ней — на тонкие трубы.

— Противопожарная система? — спросил Хамид. — Разговоры о том, что гули не могут пересечь воду, — это миф.

— Но они ее ненавидят, — парировала Хадия. — Если ее запустим и воды хватит, чтобы их отвлечь, сможем быстро с ними справиться, вывести людей и успеть в хранилище.

Фатима встретила ожидающий взгляд напарницы, затем медленно кивнула, одобряя идею. Она видела гулей в воде. У них начинались судороги. Это могло сработать. Потом в хранилище.

— Разбрызгивателями управляет здание, но рядом с дверью есть рычаг. Кому-то придется до него добраться, и тихо. Когда система включится, мы атакуем.

— Я запущу разбрызгиватели! — вызвался Он-

си. — Я умею быть очень незаметным.

Фатима скептически на него посмотрела, но Хамид согласился:

— Он и правда неестественно в этом хорош. — Мужчина сделал паузу с помрачневшим лицом. — Еще один момент. Человек в золотой маске. Перед тем как уйти, он сказал, что в здании бомба. Но мы не знаем где.

Фатима проглотила и эту новость. Бомба. Почему нет? Разве могут дела пойти еще хуже?

— Значит, надо поторопиться. Онси, вперед! — Он не нашел ничего лучшего, как отдать честь, затем выскользнул из-за стола. Снова раздались удары. — Вы двое готовы? — Хамид и Хадия твердо кивнули и, к счастью, не стали салютовать. — Тогда я пошла. Стреляйте по возможности! — Фатима сделала глубокий вдох, схватилась за край стола и перебросила свое тело. Она приземлилась с уже поднятым револьвером и пронзительно свистнула.

Незрячие лица гулей повернулись как одно. Дюжина ртов оскалились, обнажая черные десны и щелкающие зубы, серая кожа на месте глаз пошла складками. Стоявший в центре гуль, который пытался выбить дверь, вытянул длинную шею, распахнул челюсть и издал истошный вопль.

Звук резко оборвался, когда ему в лоб угодила пуля. Из его горла вырвался хрип, после чего он повалился на землю и затих.

И теперь осталось одиннадцать.

Фатима перевела дымящийся ствол револьвера на следующую цель. Первое правило боя со стаей гулей. Выявить и уничтожить вожака. Это обычно приводило в ярость остальных. Как и ожидалось, сейчас они наливались бешенством — рыча и клацая зубами, чтобы взорваться поистине смертоносной силой. Но ярость лучше, чем координированные действия. И все же, когда они бросились на нее, Фатима не могла не задаться вопросом: какого черта Онси так тянет?!

Ответом послужили с шипением ожившие разбрызгиватели, из которых потоком хлынула вода. Атака гулей оборвалась: кто-то споткнулся и заскользил по мокрому полу, другие били себя по голове, пытаясь избавиться от капель, и панически визжали. Один лишь скулил и бегал кругами. Гули и правда ненавидели воду!

Фатима прицелились и принялась стрелять в обезумевших гулей, считая на ходу. Осталось десять. Девять. За ее спиной раздались выстрелы. Хамид. Восемь. Семь. Шесть. Осталась половина. Но несколько существ собрались с остатками

разума, оторвались от своих товарищей и с невероятной скоростью понеслись на нее. Они бросались из стороны в сторону, и Фатима проклинала всё на свете, когда ее пули проходили вскользь или мимо. Иблис, что за шустрые твари!

Через несколько секунд один из гулей оказался перед ней, лязгая челюстью. Фатиме не хватало времени на выстрел, а потому она пнула его в грудь. Нормального человека этот удар повалил бы на землю. Но гули были сильнее двух человек. Он лишь споткнулся, вытянул руку, поднося удлиненные пальцы к ее лицу, — и тут внезапно сверкнул кинжал, отсекая конечность у локтя. Рука полетела вниз, шлепнувшись на мокрый пол, и превратилась в прах. Гуль повернул голову к новой угрозе, за что был награжден джанбией — джанбией Фатимы, — которая вонзилась прямо в то место, где должен бы находиться левый глаз. Его тело обмякло, как автомат, который отключили. Хадия вытащила кинжал и тем же движением отрубила ногу другого гуля, пуская его кувырком. Новенькая не дала ему подняться, по рукоять вогнав джанбию в основание черепа.

Фатима наблюдала с почтением. Огнестрельное оружие для этой женщины было бы тратой таланта. Все гули были повержены. Остались

только неподвижные трупы на полу. По так и не понятым причинам отделенные от тела конечности всегда превращались в прах — но не сами тела. Они всегда оставались для уборки.

— Похоже, мы всех зачистили, — отдуваясь, сказал Хамид. — Я насчитал двенадцать.

— Хорошая работа. — Фатима спрятала пистолет в кобуру. — Теперь давайте…

Прежде чем она успела договорить, послышалось рычание, и следователь подняла голову, чтобы увидеть гуля на потолке — о котором они совершенно забыли. Он приземлился перед Хамидом. Тот поднял револьвер, но тварь отбила оружие, а затем отбросила и самого агента. Гуль развернулся к Фатиме и в мгновение добрался до нее прыжком. Она нажала на крючок револьвера — и обнаружила, что барабан пуст. Нехорошо.

Фатима подняла руки как раз, когда на нее обрушился гуль, и они покатились кубарем. Когда она ударилась спиной об пол, понадобились все силы, чтобы удерживать ладони на шее гуля, не позволяя щелкающим зубам дотянуться до нее. От вони его дыхания — гниение и смерть — она едва не задохнулась, но продолжала бороться. Боковым зрением Фатима увидела, как к голове твари несется ее джанбия. К сожалению, гуль

тоже ее заметил. Хадия! В последнее мгновение чудовище успело увернуться, и кинжал пролетел мимо его виска, вместо этого пронзая челюсть.

Гуль завизжал, спрыгивая с Фатимы и хватаясь за кинжал, застрявший в его пасти. В бок нежити ударили пули. Онси. Коротышка выпускал пулю за пулей. Но стрелком он был ужасным и попадал в основном в тело. Барабан его револьвера опустел в мгновение и без особой пользы. Фатима вскочила на ноги, пытаясь зарядить револьвер дрожащими пальцами.

Но Хадия уже нападала. Если бы следователь не видела собственными глазами, она бы не поверила: новенькая запрыгнула на спину гулю, обхватила шею и взяла ее в захват. Выхватив кинжал из пасти твари, она крутнула его в руке и загнала клинок под подбородок. Этого не хватило, чтобы убить, но джанбия заблокировала челюсти, и теперь нежить иступлено когтила собственную пасть. Соскочив со спины, Хадия обошла вокруг, а затем быстро ударила ногой в эфес — отправляя кинжал в мозг. Тело гуля застыло, а затем упало лицом вниз.

В воцарившейся тишине агенты обозревали побоище. Через несколько секунд дверь в кабинет Амира приоткрылась. Директор выглянул

наружу, затем распахнул ее полностью. В руках он сжимал револьвер, а за его спиной стояли перепуганные мужчины и женщины, в основном офисные клерки.

— Всех убрали? — сухо спросил он.

Фатима кивнула, помогая подняться на ноги Хамиду. От удара гуля он чуть не потерял сознание и еще приходил в себя. Она передала коллегу одному из клерков, уже готовая к следующим действиям.

— Человек в золотой маске. Он двигается к хранилищу. Мне нужно вниз.

— Хорошо. Возьми с собой пару людей. Остальных нам нужно вывести. Может, ты слышала, в здании бомба.

— Если не возражаете, директор, агента Хадии будет вполне достаточно. — Она посмотрела на напарницу, которая переворачивала гуля, чтобы достать джанбию, теперь покрытую черной кровью.

— Нет, все в порядке, — отозвалась Хадия. Она с усилием выдернула кинжал. — Я помогу очистить здание. Разобраться с этими тварями. Вы… — Она указала окровавленным клинком на двух агентов с черными дубинками. — Помогите. И прикройте ей спину!

Оба мужчины смотрели на нее недоуменно, но — возможно, из-за окровавленного кинжала — спорить не стали. Фатима поблагодарила ее взглядом и поспешила к лестнице, не ожидая мужчин. Что, если она уже опоздала? Что, если самозванец пробрался в хранилище и забрал то, за чем пришел? «Вы узнаете, что такое боль. Я заставлю вас понять. И вытащу все ваши секреты на свет». Она ускорила шаг.

Когда Фатима добежала до библиотеки, ей хватило присутствия духа, чтобы остановиться у входа. Вскоре появились и два агента, с черными дубинками наготове, и она жестами приказала им не шуметь. Из того, как они пыхтели, можно было подумать, что это они только что сражались со стаей гулей. Она вытащила револьвер и повела их внутрь.

В библиотеке было темно, даже сильнее, чем в остальных частях здания. От тишины, повисшей в этой пустоте, следователь стало не по себе. Здесь никогда не было шумно. Загрос об этом позаботился. Однако сейчас не раздавалось ни кашля, ни звука переворачиваемых страниц или стука книг, когда их кладут на стол — без всего этого библиотека казалась почти безжизненной. А ей на сегодня хватило смертей.

Через каждые несколько шагов Фатима останавливалась у края стеллажей, готовясь встретить атаку. Вдалеке раздавалось знакомое равномерное тиканье, сопровождаемое вращением шестеренок и низким, монотонным свистом раскачивающегося троса. Огромные часы были подарком библиотеке и работали отдельно от здания. Отключение электричества не повлияло на маятник, и он продолжал ритмичное движение. Позади него находилось министерское хранилище — в котором содержались предметы безмерной важности. Ей ли не знать? Некоторые из них она сама помогла туда поместить.

Глаза Фатимы приспособились к темноте, и она уже различала маятник — гигантскую гирю в форме золотого солнечного диска, испещренного геометрическими узорами. Агент прищурилась, пытаясь разглядеть дверь в хранилище между взмахами троса. Но ее заблокировала тень. Кто-то большой, в длинной пурпурной мантии из бархата с белой вышивкой, выделялся даже во мраке. Тень повернулась, и Фатима выдохнула, опуская револьвер.

Загрос.

Величественную осанку джинна-библиотекаря ни с кем нельзя было спутать, его полуприкрытые

глаза устремили на нее взгляд из-под серебряных очков. Загрос держал в руках самую большую книгу, что она когда-либо видела, толстенную и с обложкой, на вид сделанной из золота. Он все еще стоял на страже хранилища, а значит, они успели. Возможно, самозванец попытался и на горьком опыте узнал, что с многовековым маридом лучше не связываться.

— Загрос! — позвала она тихим голосом. — Ты не представляешь, как я рада…

Ее слова оборвались, когда из-за спины джинна появился мужчина. Человек в золотой маске! У Фатимы перехватило дыхание. Он уставился на нее своими пылающими глазами, затем запрокинул голову и что-то зашептал в ухо Загросу. Библиотекарь молча слушал.

Фатима пыталась осмыслить происходящее. Теперь, когда джинн отошел в сторону, она видела открытую дверь хранилища. Позади самозванца стоял мужчина в черном, держа в руках свернутые бумаги. Пепельный гуль. К нему приближалось несколько дубликатов, которые несли какие-то металлические предметы. Они совершили налет на хранилище. Забрали все, что хотели. А Загрос им позволил!

— Что вы делаете? — в ужасе воскликнула она.

Обычно сдержанный библиотекарь выпрямился, из его мощного горла вырывался низкий рокот, перешедший в рык. Челюсти Загроса вдруг широко распахнулись — обнажая бивни длиной с ее предплечье, — и он взревел! Звук потряс пустую библиотеку. Единственное, что могло с ним сравниться, это топот его ног, когда он ринулся на Фатиму и агентов.

Фатиме доводилось наблюдать несколько скверных потасовок с маридами. То были битвы гигантов. Она часто сравнивала Загроса с носорогом. Но когда джинн направил свои золотые рога на нее, следователь поняла, что ни один носорог не выглядел так устрашающе.

Она вовремя оправилась от начального шока и бросилась в сторону. Сопровождающим ее агентам повезло меньше, и они приняли на себя основной удар атаки джинна. Библиотекарь взмахнул увесистым фолиантом, как стенобитным тараном, снося обоих мужчин со своего пути прежде, чем те успели пустить в ход дубинки. Фатима не стала задерживаться, чтобы проверить, как они приземлились. Она бежала, свернув в проход в поисках убежища между стеллажами. Обезумевший джинн пустился в погоню, втискивая свою тушу в проход, протянул когти к

Фатиме, кроша на своем пути деревянные полки и отправляя книги в полет. Ей удалось вырваться, но Загрос продолжал следовать по пятам — сопровождаемый дождем из щепы.

Фатима прыгнула, проскользив по столу, как раз когда джинн опустил тяжелую книгу. Раздался треск, стол прогнулся, одна из ножек хрустнула, и он опрокинулся. Фатима едва успела заскочить в другой проход, свернула за угол и пригнулась, чтобы спрятаться. Ее сердце колотилось, все мысли направлены на выживание. У агента не было времени задаваться вопросом, почему чопорный библиотекарь-марид так очевидно пытался ее убить. Ей просто нужно было выбраться отсюда живой!

Из своего укрытия она увидела самозванца. Тот уходил, неспешным прогулочным шагом покидая библиотеку, за ним следовали нагруженные пепельный гуль и его дубликаты. Он заметил прячущуюся Фатиму и приложил закованный в кольчугу палец к губам. Этот жест заставил ее взорваться гневом, и на мгновение инстинкт самосохранения отступил. Пока над ней не нависла тень. Она подняла голову и увидела перекошенное бездумной яростью лавандовое лицо джинна — от его рева зазвенели колокольчики

на бивнях.

Фатима перекатилась, едва увернувшись от удара, от которого пол брызнул каменными осколками. Вскочив на ноги, агент метнулась назад, туда, откуда пришла, в сторону хранилища. По пути следователь переворачивала стулья, полки — все, что могло замедлить взбесившегося джинна. В случае чего она могла запереться в хранилище изнутри. Но быстро приближающийся рев подсказывал, что не успеет.

Она чуть было не пробежала мимо предмета на полу — длинного и черного. Дубинка! Фатима подхватила оружие на ходу. Новый план! Она ринулась к перевернутым столам. Укрывшись за ними и прижимаясь спиной к деревянной столешнице, Фатима щелкнула переключатель на максимальный разряд и услышала низкое гудение. Над ней две огромные руки ухватились за край стола, а вслед за ними показалась рогатая голова джинна, золотые глаза остановились на следователе. Несмотря на их сияние, глаза казались мертвыми. Загрос открыл рот, чтобы снова взреветь, но Фатима не дала ему шанса — она ткнула его в шею навершием дубинки.

Тьму вспороли синие молнии. Библиотекарь завыл. Дубинки были разработаны именно для

существ, подобных джиннам. На максимальном разряде они могли убить человека. И по меньшей мере вывести из строя марида. Но он держался, впиваясь когтями в стол и надвигаясь на нее, слюна из распахнутого рта брызгала на ее руки. Фатима не остановилась, даже когда ее привалило весом джинна. Если так будет продолжаться, он может попросту ее раздавить. К счастью, Загрос наконец обмяк. Движения стали вялыми, а затем его глаза закатились. Он поднялся на ноги, мгновение стоял, а потом с чудовищным грохотом рухнул.

Фатима приподнялась, осторожно выглядывая через край стола. Загрос лежал на спине, его грудь вздымалась. Живой, но без сознания. Она, пошатываясь, встала, заставляя свой разум сосредоточиться на прежней цели.

Человек в золотой маске.

Следователь ускорилась. Или попыталась. Где-то в процессе побега от джинна Фатима повредила ногу. И теперь ей удавалась только хромающая рысца. Она заметила двух агентов, которые неуверенно поднимались на ноги, и позвала их за собой. Добравшись до ступеней, Фатима успела сделать несколько шагов — а затем здание сотряс оглушительный взрыв. Она

схватилась за перила, крепко за них цепляясь, пока вокруг раскачивалось здание. Вокруг нее поднималась густая пыль. Фатима задыхалась и осознала, что не слышит своего кашля из-за звона в ушах.

Бомба.

Рядом с ней появились две фигуры. Агенты. Они вместе поднялись по лестнице. Когда они достигли верха, дверь уже была открыта — сорвана с петель.

Фойе министерства было не узнать. Пол под клубами пыли завалило обломками кирпичей и осколками, хрустевшими под ногами. Повсюду лежали бледно-серые тела, обугленные и разорванные на куски. Теперь Фатима поняла. Взрывчатка находилась внутри гулей. Тех, что собрались под куполом. Она подошла к огромным искореженным шестерням и помятым сферам, и ей понадобилось мгновение, чтобы понять, что это такое. Взгляд Фатимы устремился вверх. Буря прошла, оставив за собой чистое голубое небо. Она ясно его видела — поскольку обломки механизма, усеивающие пол, были мозгом здания. Все, что осталось, — зияющая дыра.

К тому времени, как Фатима выбралась на улицу, она не могла идти прямо, тело скрючилось,

пытаясь избавиться от пыли и дыма в легких. Кто-то взял ее за руку, отводя прочь. Хадия. Ее подхватили под вторую руку. Хамид. Следователь спотыкалась между двумя агентами, думая, что, должно быть, она действительно в жалком состоянии, раз он решил ее поддержать. Обычно Хамид очень серьезно относился к приличиям.

Они отвели ее на безопасное расстояние. Здесь собрались люди с потрясенными лицами. Некоторые прижимали руки ко рту. Другие откровенно плакали. Она обернулась к тому, на что они смотрели. Министерство все еще стояло, но ему нанесли страшный урон. Стеклянный купол исчез — его снесло начисто, — а из дыры на его месте поднимался черный дым.

«Вы узнаете, что такое боль. Я заставлю вас понять. И вытащу все ваши секреты на свет».

Слова самозванца отдавались в ее голове эхом вместе со звоном в ушах, приобретая новое, ужасное значение. Она повернулась к Хадие и Хамиду, пытаясь заставить заработать свой рот. Они пытались ее успокоить. Хадия говорила, что у нее шок. Где-то вдали раздался вой сирен. Нет! Они должны ее услышать. Она видела, что самозванец забрал из хранилища. Она узнала.

— Чертежи и детали, — запинаясь произнесла

следователь. — Он взял чертежи и детали.

Оба коллеги смотрели на нее в недоумении. Фатима сжала зубы, отодвигая звон в ушах и весь остальной мир, выдавливая из себя слова:

— Слушайте! Я видела, что он взял! Чертежи и детали! Часы Миров! Он взял чертежи и детали Часов!

Хадия все еще выглядела сбитой с толку. Но видя, как кровь отливает от лица Хамида, Фатима поняла, что сумела донести сообщение. Закрыв глаза, она разрешила звону и миру вернуться, пытаясь не позволять ужасу, который она чувствовала, ее поглотить.

Глава шестнадцатая

Холодное дуновение ночного воздуха коснулось кожи Фатимы, пробуждая от беспокойных грез.

Ей снились сны. О человеке в золотой маске. Гулях и ревущем джинне. Ифрите с огненными крыльями. Она выбралась из объятий Сити и встала с кровати. Нырнув в галабею, отправилась к своему марокканскому креслу, где лежал Рамзес — комок серебряного пуха на кремовых подушках. Она хотела было присесть, но вспомнила мамино утверждение, что Пророк — да пребудет над Ним мир — однажды обрезал свой плащ, лишь бы не тревожить спящего кота. Вместо этого она шагнула сквозь развевающиеся занавески на балкон, чтобы любоваться городом внизу.

Когда она была девочкой, семья проводила летние ночи на крыше дома, чтобы сбежать от жары. Они делились кофе и новостями за день. Фатиме хорошо спалось на той крыше, она предпочитала простор открытого неба стенам. Часть ее играла с мыслью отправиться на крышу нынешнего дома. Но это будет не то же самое. Кроме того, теряться в воспоминаниях о доме было ее обычным способом сбежать от настоящего. Слишком многое

стояло на кону, чтобы она могла себе позволить подобные грезы. С момента атаки на министерство прошло три ночи и два дня.

И Каиром правил хаос.

Городская администрация и руководство министерства прибыли на следующий день, чтобы оценить ущерб и продемонстрировать общественности сплоченность. Но люди уже видели руины. Фотографии здания министерства, затянутого черным дымом, разлетелись по всем газетам. И все знали, кто несет ответственность. Если раньше улицы гудели по поводу аль-Джахиза, то теперь они просто полыхали.

Спросите рядового обывателя, чем занимается министерство, и получите десятки разных ответов — в большинстве не имеющих ничего общего с реальностью. Но люди понимали, за что министерство выступает: навести хоть какой-то порядок в этом новом мире; помочь создать баланс между мистическим и мирским; позволить им продолжать жить своими жизнями, зная, что кто-то присмотрит за силами, которые они едва понимали. Увидеть, что это учреждение пало, было равносильно удару молотом по коллективному сознанию города.

Той же ночью вспыхнули бунты и продолжи-

лись во вторую. Причиной части беспорядков стали сторонники Мустафы, воспринявшие атаку как сигнал, чтобы требовать освобождения так называемого Свидетеля. Итог был ужасен. Почти повторение битвы у эль-Карафы. Десятки арестованных. Раненые полицейские.

И это было только началом.

Протестующие, которые называли себя Правоверными аль-Джахиза, проводили демонстрации у государственных учреждений — даже появились перед разбомбленным министерством. Они призывали правительство перестать скрывать правду, обвиняли власти в нелепом заговоре с целью лишения Египта независимости и требовали признать возвращение аль-Джахиза. Более агрессивные активисты нападали на каждого, кто отрицал их утверждения. Произошло множество избиений, и один магазин эфирных приборов забросали зажигательными бомбами. Действовали не какие-нибудь там экстремистские секты. В число последователей аль-Джахиза входили сунниты и шииты, суфии и копты, пламенные националисты, даже анархические атеисты и нигилисты — все объединились в самоотверженной преданности. Самозванцу.

«Вы узнаете, что такое боль. Я заставлю вас

понять. И вытащу все ваши секреты на свет».

Фатима осознала, что ее ладони сжались в кулаки. Взгляд метнулся к кровати, и напряжение немного ослабло. Даже спящая, Сити ее успокаивала. Трудно было поверить, что эту женщину тяжело ранили всего несколько дней назад. Даже шрам исчез. Какой бы магией она и храм Хатор ни занимались, эффект впечатлял. Ее взгляд покинул кровать и упал на лежавший на столике кусочек золота. Ее карманные часы.

Следователь взяла хронометр и перевернула его. Задняя крышка была выполнена в виде тимпана из старого астурлаба — с координатами небесной сферы, которые выгравировали в стереографической проекции, с фигурной решеткой-рете поверх. Нажав на защелку, она открыла часы, обнажая стекло, прикрывающее бронзовые колесики, шестеренки, пластинки, валики и пружинки. По внутреннему кругу, отсчитывая секунды, двигался серебристый полумесяц, а солнце и звезда отмеряли часы и минуты.

Ее отец делал часы — умение, которое пока оставалось полезным в этом веке. В индустриальном мире всем требовались часы, хотя бы для того, чтобы следить за расписанием дирижаблей и поездов. Отец создавал прекрасные хронометры, ни

разу не повторяясь. Его творения заказывали как в близлежащем Луксоре, так и в далеком Южном Асуане. Эти он сделал для дочери. Фатима все еще помнила слова отца, когда он их дарил.

«Древние путешественники и моряки пользовались астурлабом, чтобы найти свое место в мире. Так что не важно, куда они отправлялись, они всегда могли отыскать киблу[74] для молитвы или узнать время рассвета. Я сделал эти часы для тебя, свет моих очей, чтобы ты всегда знала, где ты. Каир — большой город. Настолько большой, что можешь в нем потеряться, если не будешь осторожна. Если однажды жизнь станет слишком быстрой и тебе покажется, что ты не знаешь, куда идешь, вспомни об этом подарке. Он всегда приведет тебя туда, где ты должна быть».

— Считаешь часы? — промурлыкал над ее ухом голос.

Фатима слегка подпрыгнула, когда рука Сити обвилась вокруг ее талии. Она даже не слышала, как подруга поднялась, не говоря уж о том, как та пересекла комнату.

— Все не спится?

— Не могу избавиться от мыслей. — Фатима

---

[74] Примечания: 74
Направление, куда должен быть обращен молящийся мусульманин.

захлопнула часы.

— Суетливая выдалась неделька. Тебе повезло, что выжила.

Это было правдой. Хвала Аллаху, никто не погиб в той атаке. Похоже, гули только отвлекали людей. Даже исчезнувший охранник появился. В своей непомерно большой форме. Но не обошлось и без потерь. Мозг здания был уничтожен. По сути дела, самозванец его убил.

Еще одной проблемой был Загрос.

То, что самозванец склонил к предательству одного из своих, подорвало мораль сильнее, чем любая бомба. Джинн-библиотекарь не сопротивлялся аресту. Он точно был предателем. Но удивительно тихим. Он проводил дни в камере, отказываясь с кем-либо говорить. Фатима все еще видела его золотые глаза, когда марид пытался ее убить. Пустые. Мертвые.

— Пошли в кровать, — позвала нубийка, утыкаясь носом в ее шею. — О завтрашнем дне лучше переживать завтра.

Фатима облокотилась на перила балкона. Ей бы и самой хотелось заснуть. Но разум продолжал работать как часы. После атаки им с Хадией не удалось значительно продвинуться в деле. С поисками ловушек, остатков гулей и ремонтом

в здании не получится работать еще несколько дней. Напарницы устроились во временном офисе, но теперь расследование зависело не только от них.

В дело вмешалось начальство, привлекая агентов даже из Александрии. Теперь это переросло в облаву. Выяснить, где самозванец нанесет новый удар. Проверить каждое свидетельство. Задержать любого причастного. Зацепки, которые они с Хадией накопали, расследование вокруг смерти лорда Уортингтона — почти все это было заброшено.

— Будто их даже не заботит расследование дела, — проворчала она.

— Самозванец признался в преступлении, — сказала Сити. — Добавил к списку подрыв.

— Но ведь мотива нет!

— Мне казалось, мы просто остановимся на «душевнобольном преступнике»?

— Мы были так близко. — Фатима выругалась про себя. — Я чувствую. Александр Уортингтон. Он как-то причастен!

— Никто тебе не даст тронуть Александра Уортингтона, — покачала головой Сити. — Во всяком случае, не накануне королевского мирного саммита. Который устроил его отец. Будет скандал.

И без обид, но не то чтобы у тебя было много доказательств.

Фатима вздохнула в изнеможении. Не от недостатка сна, но от досады. Сити была права. Начальство приказало держаться подальше от Уортингтонов. Не задавать вопросов их окружению, не предпринимать действий, которые могут доставить им неудобство. Они не могли даже затребовать деловую документацию. Асим получил похожие приказы. Найти самозванца и убедиться, чтобы королевский саммит прошел как по маслу, было высшим приоритетом. Даже ее с Хадией назначили в охрану на ночь приема в попытке сделать дворец неприступной крепостью.

— Я говорила, что он взял из хранилища, — прошептала Фатима. — Ты лучше других знаешь, что это может означать.

Только они вдвоем видели запуск Часов. Механизм построил падший ангел по имени Творец — основываясь на Теории пересекающихся сфер, той самой, которую аль-Джахиз использовал, чтобы открыть портал в Каф сорок лет назад. С помощью кровавой магии ангел отворил дверь в некое адское измерение — часть безумного плана по чистке человечества и нового начала. Им с Си-

ти чудом удалось его остановить, закрыть портал и запечатать кошмарное приспособление.

Она все это объяснила вышестоящим в министерстве, умоляла серьезно отнестись к угрозе Часов в руках самозванца. Амир ее поддержал. Но от их опасений отмахнулись. Они считали, что ни один безумец и самозванец не сумеет восстановить работу ангела. Фатима не сомневалась, что многие не верили в ее свидетельство о том, на что способен механизм. Все это сводило ее с ума.

— Надвигается тьма.

Сити посмотрела на город, понимая, что она говорит не о ночи.

— Все храмы тревожатся насчет этих джахизитов.

Услышав термин, придуманный газетами для последователей самозванца, Фатима закатила глаза. Вряд ли их было много. Большинство каирцев для этого слишком здраво мыслили. Скорее всего, меньше тысячи. Но чтобы сеять хаос, громкое и целеустремленное меньшинство — это все, что нужно.

— Те зажигательные бомбы прошлой ночью в магазине эфирных приборов, — продолжила Сити. — Он принадлежал Храму Осириса. Верховный жрец спасся только благодаря тому, что

вмешалась одна из Сорока леопардиц — прогнала джахизитов.

Фатима удивилась ее словам, учитывая их стычку с Сорока леопардицами в эль-Карафе.

— Выходит, теперь леди-разбойницы на нашей стороне?

— Радуйся, что хоть кто-то, — игриво заметила Сити. Ее голос стал серьезнее. — Прошлой ночью разбили окно в лавке Мериры. Но мне кажется, это был случайный вандализм, а не нападение на Хатор. Нам нужно соблюдать осторожность.

Фатима вспомнила их спор о том, стоит ли храмам выходить на публику. Она решила промолчать.

— Знаешь, все это может развалиться. Весь город. Разлезться, как дешевый костюм.

Сити хрипло рассмеялась.

— Будто ты что-то знаешь о дешевых костюмах. — Она крепко обняла Фатиму. — Что бы ни случилось, мы справимся. У нас уже получалось. Теперь пойдем спать. Отказ в качестве ответа не принимается.

На этот раз Фатима позволила отвести себя в кровать. Свернувшись рядом с Сити, она сделал глубокий вдох, впитывая запах любовницы, и наконец погрузилась в сон. Теперь ее сны были

приятными, даже умиротворяющими. Она пыталась за них держаться как можно дольше.

Саммит состоялся на следующей неделе.

В среду.

Глава семнадцатая

Королевский дворец был настоящим чудом своего времени: синтез персидского, андалузского, османского и неофараонского стилей. Его построили для нынешнего монарха — тот взошел на трон во время национальных потрясений после исчезновения аль-Джахиза. Его предшественника, того самого Хедива, что пытался арестовать суданского мистика, сместили по требованию британцев. Они приказали новому королю осудить национальное движение и все «суеверные» рассказы о джиннах на улицах Каира.

К чести его, юный правитель осуществлял эти директивы спустя рукава, подписав тем временем договор с джиннами: позволяющий им жить не скрываясь и получить египетское гражданство. После того как британцев изгнали, новая республика сохранила монархию, но бóльшая часть власти принадлежала избираемому парламенту. За его роль в так называемой Революции Стабильности джинны построили королю величественную резиденцию — призванную продемонстрировать мастерство и упрочить их место в новом египетском обществе. Дворец

они называли аль-Хадийя — дар.

Фатима шла по дворцовому парку, не обращая внимания на окружающие чудеса — ни на мраморные купола, сияющие в ночи посеребренными облаками, ни на кусты-топиары, постриженные в виде фантастических животных. Ее сюда направили не для того, чтобы глазеть. Фатима была частью безмолвной армии стражей, солдат, полицейских и агентов, которым поручили удостовериться, что самозванец, называющий себя аль-Джахизом, не омрачит королевский саммит.

Она остановилась, пропуская слуг в королевских ливреях, каждого из которых на тонких поводках из переливающегося жемчуга сопровождали механические страусы красных и золотых расцветок. Заводные механизмы автоптиц ритмично тикали, а в янтарных глазах просматривались шестеренки.

На завтрашнем саммите лидеры и дипломаты попытаются предотвратить растущую угрозу конфликта в Европе. Египет сейчас был одной из великих держав, и существовала серьезная вероятность, что его могут втянуть в столкновение.

Но Фатимы это не касалось. В ее обязанности входили сегодняшние торжества — которые

проводились в обширных дворцовых садах для чествования иностранных высокопоставленных лиц, как человеческих, так и не очень. Они прибывали по часам из своих покоев во дворце Абдин на автомобилях с шоферами и позолоченных паровых каретах.

Мужчины были в западных костюмах и парадной военной форме, наряду с кафтанами и модными турецкими пиджаками с золотыми эполетами. У женщин преобладала парижская мода с каирским колоритом: цветочными хиджабами и сложной вышивкой.

Некоторые предпочитали более традиционные наряды. Выделялись суданские факиры в зеленых галабеях и шарфах с триколором Революционной Республики. Представительница одного из освобожденных штатов Индии задрапировалась в ослепительное лазурное сари с золотой отделкой. Она разговаривала с подростком, одетым в белую рубаху поверх свободных брюк и полосатый платок. Вероятно, абиссинский наследный принц — прибывший вместо больного императора. И еще были джинны, чьи причудливые одеяния поражали воображение. Один марид завораживал постоянно меняющей цвета мантией, в то время как водная джанн облачилась в платье из

прозрачного тумана.

Для сегодняшнего вечера Фатима выбрала темный костюм. В нем гармонично сочетались жилет в черную полоску, белая рубашка и серебряный галстук с синей заколкой-камушком, которые подходили сине-серебряным запонкам. Она купила новый котелок, чья бархатная поверхность привлекла уже не один взгляд. Особенно он заинтересовал англичан с их унылыми эдвардианскими нарядами. Завидуют, без сомнений. Когда она проходила мимо них, то добавила походке вальяжности, притворяясь, что любуется разноцветными газовыми фонариками, парящими над собранием, словно медузы. Сигнал Хамиду. Он стоял на другой стороне дворика, сменив министерскую форму на стильный кафтан с оторочкой по рукавам и воротнику. Рядом с ним была Хадия в украшенном бисерной вышивкой бордовом платье, которое дополнял хиджаб. Вместе они выглядели состоятельной и современной каирской парой, как и задумывалось. Король не желал, чтобы казалось, будто его дворец в осаде. Агенты и полиция вели себя как можно незаметнее. Хамид слегка кивнул. В ответ она щелкнула по полю котелка. Еще один обход сада завершен, и ничего необычного.

Фатиме бы расслабиться. Самозванца никто не видел со дня нападения, к большому облегчению городской администрации. Но агент не забывала, что так же он себя вел перед тем, как обрушил песчаную бурю и гулей на министерство. Часть ее зудела от желания вновь с ним встретиться. На этот раз они будут готовы. «Съешь врага на обед, чтобы он не съел тебя на ужин», — призывал голос матери.

До ее ушей донесся шум, и она схватилась за трость. Но то были всего лишь аплодисменты. Их причину было нетрудно понять. Король и королева шествовали через толпу, окруженные водоворотом слуг, королевской стражи и клерков. Король был немолодым мужчиной, в волосах под красной феской больше седины, чем черного цвета, как и в средних размеров усах на стареющем лице. Он нарядился в типичные для современных монархов регалии: военный костюм, увешанный аляповатыми золотыми звездами, и вышитая перевязь через плечо.

Королева рядом с ним облачилась в красное платье, каскадом струившееся за ней. Она была моложе, ее пухлое лицо выглядело куда младше. Она была его второй женой и родилась в незнатной семье, за что народ полюбил ее, а значит, и

монархию. Рядом с ними шел мужчина с проницательными глазами. Премьер-министр. Вся структура власти, на которой держался современный Египет, собралась в одном месте.

Чуть позади свиты держался долговязый и смутно знакомый джинн. Его темный костюм подчеркивал молочно-белую кожу и рога цвета полуночной синевы. Фатиме понадобилось несколько секунд, чтобы его вспомнить. Из «Жасмина». Может, один из советников короля? Еще одно условие в соглашении с джиннами. Ей стало любопытно, знают ли при дворе о его ночных похождениях?

— Агент Фатима?

Фатима обернулась и увидела, что к ней направляется высокая женщина. К счастью, сегодня Абигейл Уортингтон решила не издеваться над местными обычаями. Она была в воздушном вечернем платье алого цвета из шифона и сатина. Талию стягивал черный шелковый пояс, отделанный серебром и жемчугом, а на плечах вышита сирень. Наряд настолько бросался в глаза, что повязку на правой руке можно было и не заметить. Ее сопровождал привычный эскорт — Дарлин и Бетани, в одинаковых винных платьях, со все тем же оценивающим взглядом. Шествие замыкали

широкогрудый Виктор и вечно ухмыляющийся Персиваль в черных смокингах.

— Добрый вечер, Абигейл, — поздоровалась Фатима. Затем исправилась: — То есть Абби.

— Не ожидала вас здесь встретить! — Она поправила здоровой рукой выбившийся из причудливого помпадура локон, а затем придвинулась ближе и прошептала: — Я слышала об атаке на министерство! Кошмар! Думаете, этот… безумец… здесь появится? — Ее голос окрашивал страх.

— Мы здесь, чтобы этого не произошло, — уверила Фатима. Она посмотрела на небольшую группу. — Где ваш брат?

— Александр будет позже. — Абигейл вздохнула и скорчила гримаску. — Опять на весь день закопался в учетных книгах. Уверена, вскоре он появится.

— Мне казалось, ему захочется сюда прийти, — нахмурилась Фатима. — Этот саммит — дело рук вашего отца.

Абигейл обвела собрание взглядом с затаенной печалью в сине-зеленых глазах.

— Папа бы так гордился. Ему очень хотелось, чтобы в нашем мире было меньше насилия.

— Как и всем нам, — ответила Фатима.

Виктор откашлялся — он не сводил взгляда с

подноса с напитками в руках автоевнуха.

— Полагаю, это намек, — сказала Абигейл. — Виктор боялся, что все мероприятие пройдет на сухую. Или, хуже того, только с вином. Думаю, он рад видеть, что для нас, окциденталистов, приготовили напитки покрепче. Прошу меня простить, агент. — Она развернулась, уводя свой отряд на поиски вероятных проказ. Фатима покачала головой. Каково это — ни за что не нести ответственности, помимо собственных прихотей. И, раз уж речь зашла об этом, ей пора продолжать обход.

Фатима двинулась по маршруту, внимательно осматривая окружение. Она не прошла и четверти пути, когда ее похлопали по плечу.

— Прошу прощения, зэр.

К Фатиме обратилась высокая женщина в белом газовом платье. Ее лицо скрывало облачко вуали с жемчугом, а на голове была широкая белая шляпа. Она говорила на английском, но с сильным французским акцентом.

— Я хотель спгосить, где можьно припудгить носик?

— Освежиться можно там. — Фатима указала на дворец.

— А! Манифик! И еще скажи, как бы мне залезть

в эти твои офигенные штанишки?

Фатима вздрогнула — а затем заметила серебряную брошь на правой стороне платья. Рычащая львица. В ответ на агента уставились темные дымчатые глаза. Знакомые глаза. Один подмигивал.

— Сити? — вырвалось у нее.

— Попалась? — Из-под вуали раздалось хихиканье.

— Что ты здесь делаешь? Как ты вообще сюда пробралась?

— Мерира знает… людей. — Сити постучала по львиной броши. — Получила приглашение. — Она показала небольшую открытку с французским именем, адресованную женщине, о которой Фатима никогда не слышала.

— Сити, нельзя просто вломиться на королевский прием!

— А я не вломилась. Меня пригласили. — Она помахала приглашением.

— Это не ты?

— Нон? Кто ище ето можеть бить? — спросила Сити, возвращая свой глупый французский акцент.

— Вообще-то, я работаю, — тяжело вздохнула Фатима, стараясь сохранять спокойствие.

— И я работаю, — ответила Сити, опять переходя на арабский. — Мерира хочет, чтобы я была здесь. На случай, если наш *друг* появится. Он решил захватить храмы. Послал за нами людей. Ну, мы не будем сидеть сложа руки.

— Если тебя найдут…

— Найдут? — Сити презрительно усмехнулась. — Будто этих людей так сложно одурачить. Посмотри на них. Они только притворством и занимаются. Ни одного настоящего лица. — Она гортанно рассмеялась. — В такую компанию я вольюсь без проблем.

Как бы в подтверждение своих слов она повернулась к проходящему мужчине и что-то протараторила на своем английском с акцентом. Поначалу тот шарахнулся в сторону, но затем, заикаясь, ответил на, как показалось следователю, немецком. Через мгновение мужчина уже вел ее к автоевнуху с напитками. Сити звонко рассмеялась вместе с ним и обернулась к Фатиме, чтобы подмигнуть.

«Она неисправима, — подумала Фатима. — И чудесно выглядит в этом платье».

— Думаю, немец предложит ей руку и сердце еще до конца вечера. — Рядом со следователем остановилась женщина, с улыбкой наблюдаю-

щая за выходками Сити. На вид ей было около тридцати, с полнотой, что распространялась и на круглые щеки. В ее английском слышалось влияние западных регионов континента. То же касалась и яркого, сине-зеленого платья. Но особенно незнакомку выделяла ее спутница.

Рядом с женщиной стояла джиннния. Высокая и эффектная, темно-синее тело облачено в мантию, настолько же золотую, как ее завивающиеся рога, хотя лицо было белым как мел, — так что казалось, что она носит маску. Джиннию окружали головокружительные ароматы: ладан и орехи ши, душистый перец и благоуханный кокос. Она смотрела на следователя надменными серебряными глазами, и Фатима занервничала и отвела взгляд.

Женщина, похоже, не заметив этого обмена, продолжала наблюдать за Сити, склонив набок голову в солнечно-желтом хиджабе, больше похожем на вычурную корону.

— Могу поспорить, рядом с ней не бывает скучно. Я видела, как вы разговаривали. Вы ее подруга? Но простите мои манеры. Меня зовут Амина.

— Фатима. Рада нашему знакомству.

— Я рада еще больше, — улыбнулась женщина.

Она указала на джиннию. — Это Дженн.

Фатима повернула голову назад, чтобы поздороваться с джиннией, зажмурилась и снова открыла глаза. Дженн теперь была мужчиной — таким же надменным и эффектным и с теми же опьяняющими ароматами. Серебряные глаза ненадолго остановились на Фатиме, а затем он вернулся к тщательному исследованию наманикюренных когтей.

— Я должна снова извиниться, — смущенно сказала Амина. — Дженн не хотела показаться грубой. Но вы знаете, каковы кариины. Она живет с моей семьей уже несколько поколений.

Кариин. Это все объясняло. Ну, в некоторой степени. Говорят, истинный кариин — это личный джинн, связанный с определенными людьми: что-то вроде пожизненного компаньона или тени, возможно, даже духовный двойник. Однако конкретно этот вид джиннов зашел еще дальше — они связывали себя с целым родом, превращаясь в живое наследие, которое передавали в семье. Хотя в народе их называли кариинами, министерство внесло их в список не поддающихся классификации джиннов. Они могли быть непредсказуемыми, ветреными или яростными защитниками тех, с кем себя связали, — предска-

зать невозможно.

— Меня заинтересовал тот мужчина в шелковом халате, — сказала Амина. Ее подбородок указал на одного из гостей. — Советник и консорт покойной вдовствующей императрицы Китая. По слухам, в его венах течет драконья кровь и ему больше ста лет.

— Двухсот, — исправила Фатима.

Глаза женщины расширились.

— В нашей стране тоже есть драконы. Темпераментные создания, дай им шанс — и они выпьют наши реки. Китайские драконы ведут себя иначе?

— На самом деле никто не видел китайского дракона, — ответила Фатима. — Людей с их кровью, да. Но истинные драконы по-прежнему неуловимы.

— Ну, — пробормотала женщина, с интересом рассматривая советника. — Было бы интересно узнать, каков мужчина с драконьей кровью. Вы одна из послов?

— Я представляю египетское правительство.

— Местная. Глядя на ваш костюм, я думала, вы англичанка. Многих здесь знаете?

— У меня не слишком высокая должность. Просто агент в определенной организации.

— Агент Фатима, значит. Поскольку нас изолировали во дворце Абдин, у меня мало знакомых египтян. Странно, что нас поселили в том самом месте, где аль-Джахиз пробил канал в Каф — словно, чтобы мы понимали место Египта в этом мире.

Фатима даже не сомневалась в замыслах правительства. Говорят, что во дворце Абдин все еще витали остатки могущественной магии, которую сотворил аль-Джахиз, — и эти остатки можно почувствовать, словно дрожь в душе.

— Вы не похожи на бюрократку. — Женщина окинула ее оценивающим взглядом, задумчиво поджимая полные губы. — Они так хорошо не одеваются. — Она сняла бокал с подноса проходящего мимо автоевнуха и предложила второй Фатиме — от чего следователь отказалась. Кариин взял два и каждый осушил в один глоток. — Я часто думаю, почему вы, в вашем современном городе, просто не поставите во главе этих механических людей? Я бы что угодно отдала за них, вместо мужчин, которые управляют нами.

— Автоевнухи в основном плохо умеют мыслить, — объяснила Фатима.

— И чем это отличается от мужчин? — усмехнулась Амина.

Шутка заставила Фатиму улыбнуться. Но она была здесь не ради общения. Агент собиралась уже извиниться, когда к ним присоединились несколько новых людей.

Один из них был пожилым мужчиной с белыми усами на румяном лице, одетым в двубортный костюм, казавшийся натянутым до предела. Второй был невысокого роста, среднего возраста, в простом черном костюме. Его лицо носило безмятежное выражение, а борода с проседью полностью скрывала рот. Третий был выше, в синей имперской форме с золотом по воротнику и на широких манжетах кителя. Верхнюю губу покрывали подстриженные усы, и на окружение он смотрел глазами человека, привыкшего отдавать команды.

— Дайте людям заменить нас роботами, — фыркнул румяный мужчина, говоривший на английском, — и в тот же год эти подлецы будут призывать к их свержению!

— Думаете, у них еще хуже получится? — Амина повернулась к новому собеседнику, поднимая бровь.

— Мы, во всяком случае, разделяем с простолюдинами мышцы, кости, сердце, кровь и страсть. Не то что холодная бесчувственная воля машин.

— И все же вот они мы, — задумчиво произнесла Амина. — Решаем, будем ли мы отправлять этих людей на войну — терять их мышцы, кости, сердце и кровь. Возможно, нам бы нужно поменьше страсти и побольше холодной и бесчувственной воли.

— Разве я не говорил, что прекрасный пол скоро опередит нас в политике и философии? — обратился мужчина к своим спутникам, поднимая кустистую бровь. — Попомните мои слова, наши дни сочтены! — Он повернулся назад и добродушно продолжил: — Мои извинения, леди, мы подслушали ваш комментарий и решили обсудить этот вопрос. — Он с неловкостью посмотрел на кариина, затем снова вернулся к Амине. — Позвольте спросить, вы случайно не принцесса Тукулера?

— Тукулера больше не существует, — ответила Амина. — Но я внучка империи.

Глаза Фатимы расширились. Принцесса Тукулера! Перед ней стояла внучка аль-Хаджа Омара Тала, странствующего западноафриканского мистика, который предсказал второе пришествие аль-Джахиза! Он вернулся, чтобы завоевать свою родину в самопровозглашенном джихаде, пока соседние государства не объединились, что-

бы его остановить. Тукулер не пережил своего основателя. Остатки империи объединились в конфедерацию халифатов, которые, вместе с Сокото[75] и с помощью джиннов, отбросили европейские армии. Омар Тал оставил сложное наследие, мягко говоря. Однако его потомков чуть не боготворили.

— Позвольте представиться, — сказал англичанин. — Я лорд Аттенборо, представитель Его Величества. Это — президент Франции Пуанкаре. — Он указал на невысокого мужчину в черном костюме. — А этот большой хмурый тип — генерал Жилинский, представитель Его Превосходительства из России.

— Разрешите осведомиться, мадам, — сердечно спросил Пуанкаре, — о цели вашего присутствия? Западные суданские халифаты вряд ли пожелают вмешиваться в любой конфликт, разворачивающийся в далекой Европе.

— У конфликтов есть привычка распространяться — как огонь в лесу. — Амина вернула дипломатичную улыбку. — Халифатам бы не хотелось, чтобы какие-то… шальные угли попали к нам.

---

[75] Примечания: 75
Штат в Нигерии.

Фатима проанализировала ее слова. Как Англия, так и Франция потерпели поражение в своих попытках захватить ее родину. Теперь французы пытались подавить восстания на алжирских территориях, и ни для кого не было секретом, что халифаты открыто поддерживали движение за независимость. Если начнется война, она охватит и колонии. Воистину шальные угли.

— Значит, давайте надеяться, — сказал Жилинский, — что мы найдем способ разрешить наши разногласия, не выходя на поле боя. Мне не доставляет никакого удовольствия посылать кавалерию на помощь нашим французским друзьям в их борьбе с колдовством халифата.

— Что такое? — вмешался голос. — Яков, ты опять о своей кавалерии?

В несколько широких шагов к ним присоединился мужчина в увешанном медалями белом военном костюме с белыми же эполетами. Если бы сегодня провели соревнование на количество наград, он бы с легкостью победил. Он был ниже остальных мужчин. Но его напористость с лихвой компенсировала рост.

Но ничто из этого Фатиму не заинтересовало. Ни каштановые усы мужчины, закрученные

на концах, как у ее дядюшек. Ни стайка людей, следовавших за ним по пятам, как верные прислужники. Что ее поразило, так это существо, сидящее у него на плече: низкорослое и коренастое, с темно-зеленой кожей, носом-карандашом и длинными заостренными ушами. Одетое в подражание мужчине — вплоть до медалей, — оно походило на уродливую куклу. В этот момент название существа пришло в голову само собой. Гоблин. Кариин рядом с ними издал низкое шипение.

Голубые глаза мужчины охватили их всех одним взглядом, а затем он повернулся к Амине:

— Эти мужчины наскучивают вам разговорами, фрау? Они так и дальше могут продолжать. — В его английском слышался германский акцент, что неудивительно, учитывая гоблина. Сейчас глаза на маленьком морщинистом лице существа были закрыты. Насколько помнила Фатима, они спали большую часть времени, когда находились в этом мире.

Лицо французского президента напряглось от этой колкости, а у русского генерала и вовсе окаменело. Только Аттенборо оставался невозмутимым. Он поклонился германцу.

— Мадам Амина, позвольте представить Его

Превосходительство Вильгельма II, кайзера Германской империи и Пруссии.

Теперь присутствие гоблина обрело смысл. Именно Германия созвала конференцию европейских наций в 1884 году — два года спустя после разгрома британцев у Тель-эль-Кебир. Встреча проводилась в Берлине, и на конференции решили, что колонизация — единственный способ противостоять «магической угрозе», дабы не появился второй Египет. Эта миссия оказалась сложнее, чем ожидалось. Немецко-итальянские войска, отправленные на захват Эфиопии, были разбиты наголову в битве при Адуа[76] в 1896 году. В 1898-м британцы потерпели еще одно впечатляющее поражение у Омдурмане[77]. Оказалось, пулеметы «максим» не шли ни в какое сравнение с тем, что аль-Джахиз выпустил в мир.

Германия извлекла уроки из этих унижений. Пока другие европейские страны отвергали магию, новый кайзер принял ее с распростертыми объятиями. Немецкие народные сказки были

---

[76] Примечания: 76

Сражение у Адуа в нашем мире произошло в том же году и с теми же результатами, но без немецкого контингента.

[77] Примечания: 77

В нашем мире британцы одержали победу при Омдурмане, а Уинстон Черчилль, командовавший в этой битве эскадроном, написал о ней мемуары.

собраны и проанализированы на предмет практического применения. Джиннов в Германии не водилось, зато нашлись другие создания — главными из которых оказались гоблины. В отличие от предшественника Вильгельм II начал открыто заигрывать и слать предложения Гоблинскому двору, что позволило Германии быстро вырасти в магических и промышленных компетенциях — она стала, возможно, единственным соперником Египта в этом отношении. Договор обязал германского лидера держать при себе гоблинского советника. Хоть Фатима и не подозревала, что это соглашение требовало столь буквального толкования.

— Когда я заметил вашу компанию, — сказал Вильгельм, — сразу понял, что она будет самой интересной в этом месте. Яков! Вижу, Николай прислал тебя вместо того, чтобы приехать самому. — Он склонился к Амине и добавил притворным шепотом: — Я слышал, что царь едва может покинуть страну, со всеми этими восстаниями и чернью на улицах. — С жизнерадостной улыбкой он повернулся к Пуанкаре: — Всегда приятно тебя видеть, Пуанкаре. Как дела с колониями? — Он снова склонился и добавил: — Еще одно побоище, вроде того, что вы устроили в

последний раз, и я не уверен, что от их империи что-нибудь останется.

Амина лишь отпила из бокала, поддерживая зрительный контакт с Фатимой. Ей не требовалось говорить, чтобы следователь поняла: мужчины. Они бывают такими детьми.

— Почему все выглядят словно кто-то умер? — требовательно спросил Вильгельм.

Внезапно поднялись возгласы — за которыми последовал крик. Каждая голова повернулась в сторону шума.

— Может, кто-то *действительно* умер, — заключил он.

Фатима перешла в боевую готовность, сканируя толпу, чтобы понять, что произошло. Люди пятились назад с ошеломленными лицами. Она напряженно всматривалась, готовясь к тому, что может случиться. Несколько послов, спотыкаясь, отбежали в сторону, наконец освобождая путь. Ее сердце замерло. Там, в темной мантии, стояла фигура в золотой маске.

Самозванец был здесь.

Глава восемнадцатая

Фатима наблюдала, как человек в золотой маске непринужденно шагает по дворцовому саду, заложив руки за спину. За ним следовала тишина. Он остановился всего раз, обернувшись, чтобы на кого-то посмотреть. Абигейл Уортингтон. Она стояла как вкопанная, с округлившимися глазами. Когда их взгляды встретились, ее тело обмякло — и юную англичанку едва успел поймать абиссинский наследник. Потеряла сознание. По крайней мере, на этот раз она не приземлилась на руку.

Фатима понятия не имела, как самозванец сумел обмануть охрану, но он совершил ошибку. В саду хватало агентов и полиции для его ареста. На этот раз его не спасут никакие волнения. Она уже выхватила револьвер, приготовившись удерживать противника, пока не подоспеет подмога, когда поднялась новая суматоха. Кто-то еще проталкивался сквозь толпу, расступающуюся во второй раз. К самозванцу двигался король в сопровождении охраны — королева и премьер-министр догоняли позади.

— Этот человек — террорист и убийца! — вы-

крикнул он. — Арестуйте его!

Даже когда его окружила стража с поднятыми винтовками, самозванец не сдвинулся с места. Он лишь устремил взгляд поверх их голов и обратился к собравшимся:

— Сегодня я пришел без оружия в руках. Все, что у меня есть, — это слова. Неужели король Египта боится человека и его слов?

Вопрос был вызовом. И Фатима видела, как взгляды перемещаются на короля. Прежде чем он успел ответить, заговорил кто-то другой.

— Я не боюсь слов, — пожал плечами Вильгельм, умудрившись не сбросить спящего гоблина. — Ваше Превосходительство, вы пригласили нас в свою страну и держали нас в изоляции в ваших дворцах и садах. Однако все мы знаем, что происходит на улицах вашего города. Новости на каждом языке, даже если остальные слишком вежливы, чтобы их упоминать. Теперь перед нами появился их виновник. Мне бы хотелось знать почему.

— Чтобы принести правду, которую другие от вас скрывают. — Самозванец повернулся к кайзеру.

В толпе поднялось шушуканье, разнесшееся по саду низким гулом.

— И что за правду может открыть человек, который прячется за маской? — насмешливо осведомилась Амина.

— Он аферист. — Король воспользовался моментом, чтобы восстановить свой авторитет. — Шарлатан. Называет себя тем, кем быть не может. Его словам нельзя верить.

— Прошу прощения, Ваше Превосходительство. Но, возможно, нам самим стоит об этом судить. — На этот раз заговорил французский президент. Он поклонился, но не сводил глаз с самозванца.

— Уверяю вас, — нахмурился король, — что бы этот шарлатан ни утверждал, он лжет.

— И кем же ты себя называешь? — спросил Вильгельм.

Самозванец выпрямился, его глаза запылали.

— Я аль-Джахиз. Я вернулся.

Отовсюду раздались ахи. Слухи — это одно. И совсем другое — услышать своими ушами. Одни раскрыли рот от изумления. Другие не знали, что думать. Над толпой поднялся голос.

— Ты не аль-Джахиз. — Это был неестественно красивый джинн, советник короля. Он пробился сквозь толпу, выше людей вокруг себя, его черные глаза сияли на фоне молочно-белой кожи. — Ты тени его не стоишь. Обманщик, посмевший при-

своить титул…

— Молчать, — скомандовал самозванец, взмахнув рукой.

К ужасу Фатимы голова джинна дернулась назад, словно от удара. Рот захлопнулся так, что звук сомкнувшихся зубов отозвался треском. Он стоял в замешательстве, схватившись за подбородок и с силой за него дергая. Но челюсть не разжималась, будто ее заварили и скрепили печатью. В темных глазах появилась неуверенность, и советник сделал шаг назад с выражением ужаса на идеальном лице.

Собрание затихло при виде испуганного джинна. Рядом с собой Фатима слышала, как Амина шепчет молитву, а кариин выступил перед ней, защищая принцессу. Даже король замолчал, глядя на происходящее, словно не верил глазам. Его охрана оставалась на своей позиции. Но на лицах проступило сомнение. Самозванец не обращал на них никакого внимания, устремив взгляд на Фатиму. Нет. Не на нее. На лидеров и послов рядом с ней.

— Слухи не преувеличивали, — раздался голос Вильгельма в тишине. Он одновременно казался впечатленным и осторожным. На мгновение его внимание переключилось на Амину. — Что ска-

жете, фрау? Ваш дед предсказывал возвращение суданского мистика. Он действительно вернулся во плоти?

Из-за спины Дженн все еще потрясенная Амина впилась взглядом в самозванца. Однако она взяла себя в руки и обратилась к германскому кайзеру:

— Мне часто приходится напоминать людям, что я — не мой дедушка. Вам придется составить собственное суждение.

— Полагаю, сила не передается через кровь. — Вильгельм хохотнул и провел пальцем по закрученным усам. Затем вновь повернулся к самозванцу. — Итак, что же ты хотел нам сказать?

— Должен спросить о том же, — добавил французский президент. — Что может быть настолько важным, что вы явились без приглашения на этот прием, где вас неизбежно арестуют?

— Зачем вы здесь собрались? Зачем королю Египта понадобился этот прием? — Самозванец распростер длинные руки, его взгляд блуждал по людям в толпе.

— Чтобы достичь долгосрочного мира, — лаконично ответил лорд Аттенборо.

— Мир. — Самозванец повторил слово, словно оно было любопытным фруктом, который он сорвал. — Вы думаете, что Египет способен при-

нести вам мир, когда он не может добиться мира для самого себя. Когда его народ вопиет о несправедливости. Когда коррупция и упадничество пожирают его изнутри.

— Пусть каждый народ сам разбирается со своими проблемами, — парировал Вильгельм. — Я здесь не для того, чтобы судить, как суверен правит своими людьми. Если ты пришел, чтобы переубедить меня по этому поводу, то зря тратишь свое время. — Он любезно кивнул королю, который ответил тем же.

— Но Египет заботят не только его внутренние проблемы, — возразил самозванец. — Египет вмешивается во все ваши дела. Теперь он считает себя сверхдержавой, которая действует далеко за пределами своих границ. Султан определенно может это подтвердить.

Головы повернулись к мужчине, стоявшему среди антуража кайзера. Он был одет в турецкий костюм и красную феску, на его лице застыло меланхоличное выражение. Османский султан. Учитывая, что он вел себя скорее как часть свиты германского императора, а не равный ему правитель, Фатима его не сразу узнала.

— Некогда величественная Османская империя, — сказал самозванец. — Ныне ее раздирают

восстания. Неспособная вернуть потерянные территории и каждый день теряющая новые. Ослабевшая и смиренная, она лишь ждет, когда ее растерзают враги. — Самозванец указал на лорда Аттенборо, французского президента и русского генерала Жилинского. — Разве Египет приходит на помощь? Разве Египет залечивает ее раны? Нет, он лишь глубже вонзает кинжал.

— Это возмутительно! — воскликнул король. — Египет всегда пытался сохранять целостность Османской империи. Мы искали приемлемые для всех сторон решения.

Пусть это было правдой, Османская империя оказалась в жалком положении. Возвращение джиннов не оделило их теми же дарами, что Египет. Они слишком широко раскинулись по нескольким континентам, с подданными, что не хранили верность султану. Националисты устраивали бунты в каждом ее уголке, претендуя на суверенитет, опираясь на собственные магические традиции. Тем временем Британия и Франция отказывались возвращать территории, насильно уступленные почти столетие назад. Русские, не скрываясь, поощряли движения за независимость на Востоке. Сохранение империи было невозможным, но никто не хотел видеть

окончательного ее краха. Египет старался избежать полного хаоса.

— То, как они заставили вас признать независимость армян, было одним из таких приемлемых решений? — спросил самозванец султана. — Что в результате? Другие части империи, поверившие, что у них тоже получится? Верящие, что если будут сражаться, Египет появится и предоставит… приемлемое решение?

Лицо султана потемнело, и он повернулся к королю:

— Вы обещали, что признание независимости смягчит недовольство. Покажет, что с империей можно договориться. Теперь каждый националист недоволен государством, а народ перешептывается о моей слабости. — Смелое признание — хотя все здесь и без того об этом знали. Интриги и заговоры против султана ни для кого не были тайной. — Но когда мы зовем вас помочь на Балканах, вы говорите, что не можете прийти. Вы говорите, что этот конфликт вне сферы влияния Египта.

— Вот теперь разговор стал интересным! — хлопнул в ладоши кайзер.

Фатима почувствовала руку Амины на своем плече, принцесса придвинулась ближе и про-

шептала:

— Он настроит их друг против друга! Как змея, запущенная в дом! Остановите его!

Она не понимала, насколько это будет трудно устроить. Как многие здесь только искали причину, чтобы вцепиться друг другу в горло.

Прежде чем король успел возразить, в разговор вступил французский президент:

— Признаю, созыв этого мирного саммита и нам показался странным, учитывая, что Египет поддерживает беспорядки в Константине и Алжире. Может, вы и не посылали войска или оружие, но ваши джинны там. Они оказывают поддержку повстанцам вместе с местными джиннами, а Египет не предпринимает ничего, чтобы их остановить.

Король, похоже, был уже готов вскипеть от этой череды претензий, так что вместо него ответила королева:

— Президент Пуанкаре, — сказала она с величавым изяществом, которое противоречило ее происхождению, — неужели вы считаете, что мы отвечаем за каждого джинна в Египте? Многие из них не признают границ на человеческих картах, поскольку ходят по этой земле многие столетия.

— Ваше Высочество знает о джиннах боль-

ше, чем я, — низко поклонился Пуанкаре. — И все же, как Египет может претендовать на место посредника в мирных переговорах между государствами, если ваша страна не способна контролировать собственных граждан?

Самозванец наблюдал молча — словно ассасин, что уже вонзил кинжал и теперь ждал, когда хлынет кровь. Фатима ни на секунду не сводила с него глаз.

— Мне, к примеру, — размышлял Вильгельм, — кажется любопытным, что Египет так великодушен в попытках установить мир, но так скуп на свои чудеса. — Иностранные послы вновь загудели. — Германии пришлось прокладывать собственный путь. Ведь Египет отказался делиться своими секретами. Ладно, это не совсем правда, так ведь? Похоже, некоторые нации достойнее других. Яков! Как там новые газопроводы? И я слышал, скоро у вас будет новая верфь для дирижаблей?

— Не ваше дело, что мы делаем и с кем. — Жилинский ответил твердым взглядом.

— Это программы развития, — объяснил египетский премьер-министр, достаточно громко, чтобы его услышали все. — Они не включают технику, которая может предоставить одной стране

преимущество над другими. Египет придерживается нейтралитета.

— Что, в таком случае, насчет ваших действий в Армении? — надавил султан.

— То же самое, Ваше Императорское Величество, — ответил премьер-министр. — Уверяю вас.

— Уверения, — повторил Вильгельм, приглаживая усы. — Мне бы не хотелось в один прекрасный день поднять голову и обнаружить над Балканами флот боевых дирижаблей, украшенных прекрасными русскими гербами, который прилетел помочь своим славянским кузенам. — Его тон стал острым, как клинок, чуть выдвинутый из ножен. — Было бы печально, если бы Германии пришлось помочь нашему другу султану и расстрелять этот флот. Даже такой прекрасный.

— Только если хотите увидеть миллион русских солдат, марширующих на Берлин, чтобы отомстить за родину! — оскалился Жилинский.

Взгляд Фатимы привлекло внезапное движение. Гоблин на плече кайзера зашевелился и проснулся. Он открыл тусклые желтые глаза и широко зевнул, обнажая острые клыки. Устроившись поудобнее, он повернулся к русскому генералу и скрипучим голосом заговорил:

— Гоблинский Двор не останется в стороне, мы

не допустим подобного вторжения. В котором, без сомнения, будут участвовать грязные русалки и багинники наряду с жалкой деревенской магией. Ваши действия мы будем рассматривать как акт агрессии. — Он перевел злобный взгляд на французского президента. — Не думайте, что мы не знаем о ваших переговорах с этими отвратительными феями. В случае любого провокационного союза с этими вероломными существами наш Двор будет вынужден действовать.

— Ты смеешь нам угрожать? Гнусная тварь! — Лицо Пуанкаре побагровело.

После этих слов собрание взорвалось.

Оскалы превратились в крики. Стоявший неподалеку французский дипломат толкнул германского коллегу, и завязалась драка. Охранники короля оттащили его назад, пока он призывал послов к порядку. Вильгельм и Пуанкаре обменивались оскорблениями, стоя лицом к лицу, а Жилинский выглядел готовым броситься в бой.

Посреди всего этого хаоса Фатима изо всех сил старалась уследить за самозванцем. Она не сводила с него взгляда, несмотря на все усиливающийся накал дискуссий. Но теперь люди перемешались. Кто-то вцепился в одежду соседа. Другие пытались их разнять. Амина громко призывала

успокоиться, в то время как Дженн выглядел готовым унести ее отсюда в любую секунду. Фатима растолкала людей, которые загораживали обзор, чтобы обнаружить, что самозванец исчез.

Она выругалась и закружила на месте, пытаясь его найти. Он не мог просто испариться. Он должен быть здесь! Ее отчаявшиеся глаза натолкнулись на самозванца, и она замерла в замешательстве. Человек в золотой маске стоял на другом конце сада, наблюдая за происходящим, словно сторонний зритель. Как он так быстро туда добрался? Это невозможно! Их взгляды встретились, затем он повернулся и двинулся прочь.

Фатима бросилась вслед, протискиваясь сквозь толпу, отпихивая послов. Когда она наконец вырвалась из столпотворения, то перешла на бег. Сады вокруг дворца были огромными. Ночные празднества проходили только в одном их секторе, и она видела, что он направился в неосвещенную часть — где пальмы и топиары сливались в густой лес. Фатима была уже на полпути, когда рядом с ней появился еще один человек.

— Я так думаю, куда бы ты ни торопилась, — сказала Сити, — мне туда тоже надо!

Фатима окинула подругу взглядом — та бежала, придерживая подол белого платья. Она надеялась на Хамида, Хадию или других агентов. Но на Сити всегда можно было положиться в бою.

— Он пошел в ту сторону! — пропыхтела следователь, указывая тростью.

Они добежали до деревьев, окунаясь в их тень, и принялись оглядываться. Сити втянула воздух, будто принюхиваясь. Затем указала подбородком: «Туда». Фатима не стала спорить, уже зная, что ее странностям можно доверять. Они перешли в бег, минуя топиары животных, образующих лабиринт, поворачивая в разные стороны, пока наконец не увидели своего врага.

— Стой! — выкрикнула Фатима.

Самозванец, не сбавляя шага, торопился под защиту деревьев. Направив револьвер в воздух, она нажала на спусковой крючок. Скоро на выстрел сбегутся охрана и солдаты. Хорошо. Кроме того, выстрел произвел желаемый эффект, заставив самозванца обернуться. Он уставился на них из-за своей золотой маски, а затем поднял руку, бросая в темноту нечто, похожее на песок. Нет, не песок. Пепел. В воздухе закружились хлопья, быстро собираясь в одинокую фигуру в маске и черной одежде. Пепельный гуль. Через мгновение их

стало двое. Они зашагали вперед, пока хозяин остался в стороне, наблюдая.

Фатима не собиралась подпускать их ближе. Она прицелилась. Рядом с ней Сити с силой рванула подол — отрывая его напрочь. Под платьем открылись белые бриджи, заправленные в сапоги. К ее ногам были пристегнуты металлические детали, которые она сняла и начала собирать вместе. Фатима выждала, пока два пепельных гуля не подошли достаточно близко для выстрела в темноте — и нажала на курок.

В ту ночь на Кладбище она выяснила две вещи. Чем больше существо разделяется, тем слабее дубликаты. Кроме того, ранения одного из них влияли и на остальных. Пуля ударила в гуля слева, и он вскрикнул, истекая черным пеплом. Его доппельгангер дернулся, рассыпая пепел из идентичной раны. Она выстрелила вновь в того же гуля. Каждая пуля попадала в цель, замедляя их приближение.

— Готово! — Нубийка сделала шаг вперед. — Дай-ка мне попробовать.

Фатима повернула голову и обнаружила, что ее подруга держала в руках бландербасс с дулом-раструбом. Она все это время носила его разобранным под платьем? Оружие выстрелило

с ужасающим грохотом, разрывая пепельного гуля на части, так что его конечности разлетелись в стороны. Сити шла вперед, перезаряжая и стреляя на ходу. После четырех выстрелов от гуля осталось только подергивающееся тело с двумя раздробленными ногами. Она взмахнула мушкетоном, как дубиной, сокрушая врага в пепел.

— Впечатляет, — сказал самозванец. — Но у нас незавершенное дело. — Он протянул правую руку и вытащил из пустоты гудящий клинок, направляя его на Сити. — Помнится, я всадил этот клинок тебе под ребро. И все же ты здесь. Как так получилось?

— У меня еще много сюрпризов. — Сити растянула губы в оскале.

— Мы знаем, что ты взял в хранилище. — Фатима тоже обнажила свой клинок.

— От меня ничто не укроется. — Самозванец издевательски взмахнул оружием.

— Зачем они тебе? Что ты задумал?

Он прижал палец к губам золотой маски, как бы призывая к тишине.

— Девять Владык спят, — прошептал он.

Фатима нахмурилась. Девять Владык? О чем он?

— Девять Владык спят, — нараспев продолжал

самозванец. — Разве мы хотим их разбудить? Загляни им в глаза — и они выжгут твою душу!

Фатима стиснула зубы. Ну хоть раз могут злодеи не говорить загадками?

— Мы и дальше будем болтать или делом займемся? — прорычала Сити. Она надела свои когти и теперь чуть не пританцовывала в нетерпении.

— Давай! — выкрикнула Фатима и бросилась вперед.

Они встретили самозванца в рывке. Фатима атаковала, парируя поющий меч, затем нанесла собственный удар. Сити полоснула когтями, которые, разбрасывая искры, встретил клинок противника. Теперь ими двигало нечто иное, чем той ночью на Кладбище. Сити видела, как чернят и нападают на ее друзей. Фатима видела, как горит министерство. Память питала их решимостью. Сегодня это должно закончиться!

Сити кинулась на самозванца внезапным броском. Когти прошли сквозь защиту, распарывая его мантию. Он попятился, только чтобы получить пинок в грудь, отправивший мужчину на землю. Ударившись оземь, он явственно застонал, и черный меч растворился в тумане. Сити победно вскричала, подогнула колени, готовясь к прыжку, но аль-Джахиз вдруг поднял затянутую

в кольчугу ладонь:

— Нет! — Слово прозвучало резко, будто приказ.

И Сити совершенно неожиданно замерла.

— Ну конечно! — удивленно выдохнул самозванец. — Мне еще тогда показалось, что я это почувствовал. Но я не был уверен. Как еще ты могла пережить мой клинок?

Фатима непонимающе уставилась на Сити. Что происходит? Женщина просто остановилась на месте с напряженными перед атакой мышцами. Однако казалось, что она не может пошевельнуться, словно окаменев на месте статуей. Какое-то новое колдовство? Агент подняла меч и направила его вниз, на самозванца:

— Отмени то, что сделал! — потребовала она.

Он расхохотался. Фатима впервые услышала его смех. И его глаза засияли еще ярче. Опасно. Самозванец произнес слово. Что-то на языке джиннов. Ей показалось, что оно может означать «откройся» или «превратись». Глаза Сити обратились к Фатиме, в них плескалось чувство, которое раньше она в своей любовнице не видела, — страх. Затем она изменилась.

Фатиме показалось, что Сити попросту исчезла. На ее месте появилась женщина, чье лицо немно-

го напоминало ее подругу. Но она была выше, неестественно выше, с чернильно-черной кожей. Над головой изгибалось два багровых бараньих рога, а глаза напоминали кошку — вертикальные, кроваво-красные зрачки на переливчатом золоте. Фатиме понадобилось мгновение, чтобы понять, что она видела. Сити не превратилась в другую женщину. Сити стала джиннией.

— Ты не знала. — В голосе самозванца звучало веселье. — Так даже слаще. — Он повернулся к Сити. На этот раз он говорил на арабском: — Убей.

Фатима оказалась на земле, не успев и глазом моргнуть. Воздух с силой вырвался из ее груди, когда на нее навалилась тяжесть. Кто-то сидел сверху, придавив ее коленом, удерживая ее. Она пыталась дышать. Но кто-то схватил ее за шею и начал душить. Не кто-то. Сити. Ее душила Сити.

Фатима судорожно била ногами, пытаясь сбежать из этого кошмара. Но Сити и раньше была сильнее, а теперь она перестала быть человеком. Между вспышками боли Фатима пыталась сосредоточиться, всматриваясь в странное, но знакомое лицо — наполненное яростью, оскаленное, с острыми длинными клыками. Ее взгляд метнулся вверх и нашел глаза Сити. Глаза джиннии. Приоткрыв губы, она попыталась вдохнуть,

чтобы произнести имя:

— Сити.

Звук получился настолько слабым, что Фатима с трудом узнала свой голос. Она надеялась, что ее имя сможет разрушить убийственный транс, в который погрузилась подруга. Прорваться сквозь ту силу, что ею овладела. Но все оставалось по-прежнему. Она сумела сделать еще один вдох и попыталась снова:

— Абла.

Опять ничего. Даже ни малейшего намека на узнавание. Словно она ее даже не услышала. И Фатима вспомнила, где уже видела такие глаза. Загрос. Именно так выглядел джинн-библиотекарь, когда пытался ее убить. Лицо, как застывшая маска ярости, и мертвые глаза. Безжизненные глаза. Будто за ними никого не было.

Фатима задыхалась, из нее выжимали воздух. Но даже пока она боролась с Сити, ей приходилось подавлять желание просто сдаться. Больше не сражаться. Позволить себе погрузиться в спокойный сон. Лишь на мгновение. Ее веки так отяжелели. Мир отдалился, и даже боль притупилась до тупой немоты, казавшейся чужой заботой.

«Нет!» — Какая-то упрямая часть ее души не

сдалась, возвращая ее в сознание. Мир снова обрушился на Фатиму волной чувств. Вес Сити на ее груди. Боль. Невозможность дышать. В ее голове упрямый голос не останавливался, призывая ее продолжать. — «Сражайся, — настаивал он. — Ты здесь не умрешь! Давай! Борись за свою проклятую жизнь!»

Фатима заставила себя распахнуть глаза — и обнаружила, что видит не безжизненный взгляд Сити, но изображение рычащей львицы, свисающее с обрывков платья. Протянув руку, она схватилась за серебряную брошь. Ее отчаяние достигло пика, раз она рассчитывала, что это сработает. Пальцы обхватили украшение, следователь из последних сил сорвала брошь и поднесла ее к глазам джиннии.

— Сехмет.

Когда она произнесла имя погребенной богини, ее голос был еще слабее, чем прежде, почти неслышимый хрип. Но ответ, которого она так ждала, последовал незамедлительно. Глаза Сити наполнились чьим-то взглядом. Не мертвым, но за гранью жизни. Не древним, но вечным — словно его обладательница видела, как рождаются и сгорают звезды. Глаза смотрели вниз с любопытством львицы, рассматривающей мышь

или бескрайнюю жаркую пустыню, размышляя о существовании капли дождя. Под этим взглядом Фатима чувствовала себя песчинкой, пылинкой, попавшей в бурю, — и ей казалось, что она может усохнуть под силой этого взора, бившего с мощью сотен солнц. Затем ужасающие глаза исчезли так же быстро, как появились, оставив на своем месте глаза джиннии. Больше не безжизненные. Больше не пустые. Они наполнились безграничным ужасом.

Сити — или джинния, в которую она превратилась, — отдернула руки с шеи Фатимы. Она вскочила на ноги в одно движение, попятилась прочь, дрожа всем телом. Нубийка дико затрясла головой, словно пытаясь что-то вытряхнуть, затем из ее горла вырвался мучительный крик. Из-за спины вдруг развернулись широкие, пернатые крылья. Они лихорадочно забились, поднимая ее в воздух. Через мгновение Сити была высоко в небе, уносясь в ночь.

Фатима наблюдала за происходящим и пыталась отдышаться. Сколько это продолжалось? Минуты? Секунды? В ее глазах плавали пятна света. Ей снова пришлось заставить себя не терять сознания. В случившемся она разберется позже. Позже у нее будет время, чтобы подумать о Сити.

Позже у нее будет время, чтобы собрать осколки своей жизни.

Вместо этого глаза Фатимы вглядывались во тьму. Она нашла самозванца, который смотрел в небо, вслед Сити, а потом развернулся, чтобы уйти. Что-то внутри Фатимы зарычало зверем. Она поднялась на дрожащие ноги и, спотыкаясь, зашаркала вперед, схватив первое, что сумела найти. Брошенный бландербасс. Без картечи. Но все еще полезный. Задыхаясь от спотыкающегося бега, она приблизилась к самозванцу насколько смогла и пронзительно засвистела. Он удивленно обернулся, и агент взмахнула ружьем.

Этого самозванец не ожидал. Скорее всего, думал, что она мертва. Или недееспособна. Его ошибка. Когда дуло мушкетона врезалось в голову, Фатима услышала приятный хруст. Золотая маска треснула и отлетела в сторону. Он попятился, черные кудри выбились из-под капюшона, а затем его лицо *пошло рябью*.

Глаза Фатимы округлились, когда она увидела, что темная кожа мужчины пошла волнами, словно вода. Он схватился за то место, куда пришелся удар, либо от боли, либо чтобы разгладить искаженную щеку. Слишком поздно! Отбросив бландербасс, следователь схватила его за

волосы, в другой руке сжимая джанбию. Ей удалось ухватить только прядь, когда он отпрянул назад, кинжал просвистел мимо тела, отсекая лишь волосы. Она почувствовала сильный удар и отлетела, кувыркаясь, а следом за этим ночь взорвалась огнем.

Ифрит.

Казалось, он материализовался из тьмы, живое кроваво-красное инферно в форме гиганта с пылающими рогами и лавовыми глазами. Свирепый ветер ударил по деревьям и топиарам — превращая их в костры. Все еще держась за лицо, самозванец вскарабкался на спину джинна. Его скакун расправил огненные крылья и одним прыжком взмыл в небеса, унося своего хозяина.

Фатима смотрела, как они исчезают, а затем, прихрамывая, подошла к тому месту, где лежала золотая маска. Подняв ее, она обнаружила темный локон волос, который сумела отрезать. Ее руки сжали маску и волосы, и лишь одна мысль билась в голове агента: «Рябь на его лице!»

Глава девятнадцатая

На сцене «Жасмина» одинокий тромбонист исполнял соло. Лягух, известный так же, как Альфред, получил свое прозвище не за маленький рост. Или сиплый голос. Но за звуки, которые извлекал из тромбона, — нечто среднее между кваканьем и трубным гудком — на которые, по его утверждению, он вдохновился ночной заводью в родном Новом Орлеане. Раздувая щеки, он играл сегодня печальную мелодию с длинными, тягучими нотами.

В заведении было меньше людей, чем обычно, — побочный эффект неспокойной обстановки в городе. Владелец-джинн уныло мялся среди своих официантов и не сводил глаз с двери, надеясь на новых клиентов.

«Что ж, — мрачно подумала Фатима, — у них есть я».

Она не помнила, как решила сюда прийти. После того как полиция и дворцовая стража нашли ее среди горящих топиаров, события сливались в размытое пятно. Она помнила, как отдала треснувшую золотую маску Хадие. Потом она убрела прочь, с единственной мыслью в голове:

превращение Сити в джиннию. Нет, была еще одна. Сити, пытающаяся ее убить. Когда Фатима закрывала глаза, она снова видела этот нечеловеческий взгляд — остававшийся безжизненным, пока Сити ее душила. Она должна бы чувствовать слабость. Злость. Боль. Но Фатима чувствовала онемение. И в этом оцепеневшем состоянии она оказалась здесь.

— Тебе бы лучше притормозить.

Фатима повернулась на голос. Через стул от нее сидел Бенни, его серебряный корнет молчаливо лежал между ними. Он хмуро посмотрел на ее стакан.

— Тебе бы чего серьезного выпить, чтоб утопить тоску. Сарсапарель ни черта не помогает!

— С листьями мяты и чаем, — пробормотала она.

— Должно быть, тот еще вечерок. — Окинув ее взглядом, он покачал головой.

Фатима опустила взгляд на свой костюм с пропалинами и прорехой на плече. Котелок она тоже потеряла, и ее короткие черные кудри обвисли засаленными прядями.

— Те еще две недели, Бенни.

— Работа или личная жизнь? — Он опрокинул стакан.

— То и другое. — Фатима прикончила свой коктейль и махнула бармену принести еще.

— Это хуже всего. Как-то с мисс Бедой связано? Вы поссорились?

Фатима чуть не рассмеялась, ее глаза метнулись к двери. Какая-то ее часть хотела, чтобы в нее вошла Сити в обычном своем возмутительном платье. Будто это заставит произошедшее сегодня испариться.

— Каждый раз, когда я и моя леди ругаемся, — поделился Бенни, — кажется, что весь мир в огне. Никто и ничто не может причинить нам боль так, как мы друг другу.

Фатима сдержала желание спросить, превращалась ли его леди в семифутовую джиннию и пробовала ли сломать ему шею.

— И тогда я пытаюсь вспоминать хорошие времена, — сказал он. — Чтобы эта драка нас не сломала. И, конечно, мы снова сходимся, как дождь с землей.

— У твоей леди есть от тебя секреты, Бенни? О себе?

Он приложил палец к кончику носа. Фатиме понадобилось мгновение, чтобы уловить его мысль, затем она потерла собственный нос и на пальцах появилась сажа.

— Обычно секреты, которые мы храним в самой глубине сердца, не для того, чтобы делать другим людям больно, — сказал он. — Я не говорю, что не делаем, но не специально. Эти глубокие секреты, мы их прячем, потому что боимся, что подумают другие люди. Как они могут нас осудить, если узнают. И больше всего мы боимся осуждения тех, кому отдали свое сердце. Опять же, у всех есть секреты. Могу поспорить, даже у тебя.

После этих слов он уткнулся в свой стакан. Бенни хватало вежливости, чтобы оставить ее наедине с мыслями, пока тромбон продолжал стенать.

Из «Жасмин» агент вышла где-то через час. Существует предел, после которого тело уже не принимает сарсапарель. Застегнув то, что осталось от пиджака, она направилась домой через задворки рядом с улицей Мухаммеда Али. Опустив голову, Фатима засунула трость под мышку и ссутулилась, надеясь своим видом показать, что не расположена к общению. Она особенно надеялась, что тот, кто следовал за ней — тяжелые шаги далеко разносились в тишине, — поймет намек. Фатима вздохнула, остановилась под аркой возле короткой лестницы и заговорила строгим голосом:

— Слушай, мне сейчас плохо. За последнюю неделю я сражалась с гулями, колдуном, обезумевшим маридом и даже ифрита сумела смутить. Если думаешь, что справишься, давай попробуй. Просто хотела дать знать, во что ввязываешься.

Из тишины раздалось знакомое гортанное ворчание:

— Насыщенные у вас дни, агент.

— Добрый вечер, Ахмад. — Плечи Фатимы опустились, и она повернулась на голос.

Самопровозглашенный бог культа Собека прятался в тенях. Похоже, он претерпел еще бóльшие изменения. Стал массивнее и двигался странной походкой. Под коричневой рясой она заметила бледно-серую кожу и выступ на лице, похожий на морду. Его пронзительные темно-зеленые глаза как никогда напоминали крокодильи. Что он с собой делал?

— Добрый вечер, агент Фатима, — ответил он хриплым шипением.

— Мы ведь уже говорили о том, чтобы вы не ходили за мной? Мне казалось, мы согласились, что это жутковато?

Он виновато развел руками — они были с перепонками и черными когтями.

— Малеш[78]. Просто хочу поговорить.

Фатима уселась на ступени спиной к арке. Ей все равно пока не хотелось идти домой.

— Говорите тогда.

Ахмад сел на корточки напротив, хотя казалось, что дается ему это нелегко. Он достал «Нефертари». На нечеловеческом лице был написан вопрос: «Не возражаете?» Она махнула рукой. Жрец ловко прикурил от зажигалки-скарабея, затянулся и склонил голову набок:

— Вы в порядке, агент?

— Так плохо выгляжу?

— Да. — Его зеленые глаза внимательно ее изучали.

— Спасибо.

— Я хотел сказать, вы не похожи на себя. Я вижу не только плоть и кости, но и дух. Ваш выглядит… раненным. Если вам нужно плечо, я здесь. Чтобы выслушать, имею в виду.

Фатима уставилась на язычника. Он хочет, чтобы она облегчила душу? Ему? Человеку, который считает, что он древний бог, а теперь уродует себя? Откуда такая наглость?

— Хотите знать, что ранит мой дух? — горячо

---

[78] Примечания: 78
Извините (*араб.*).

спросила она. — Ладно! Я буду рассказывать, пока не захлебнетесь! — Именно так она и поступила. Она рассказала о бесплодных поисках по делу. О нападении на министерство. О том, что случилось сегодня ночью. И о Сити. О безжизненных глазах, что искали ее смерти. Когда она закончила, то почувствовала себя выжатой. Во всяком случае, оцепенение прошло.

— Это… — начал Ахмад. Откашлялся. — Я думал, вы собираетесь рассказать о сомнениях в себе или, может, о межличностных конфликтах с коллегами. Такого я не ожидал. У вас и правда проблемы!

— Вы очень меня утешили, — сухо ответила она.

— Мне жаль, что все это с вами произошло, агент. — Он предложил ей сигарету.

Фатима засомневалась, затем взяла и сделала длинную затяжку. Табачный дым заклубился в ее ноздрях, добрался до языка — и она заперхала. Она могла сосчитать количество выкуренных за жизнь сигарет на пальцах одной руки. Но эта была самой худшей.

— Это ужасно. На вкус как…

— Немытые ноги? — предложил он.

— Зачем вы их курите, если они такие про-

тивные?

— Курение не зря называют привычкой.

— Вы знали? О Сити? — Она протянула «Нефертари» назад.

— Хоть я и не чужд… трансформациям, — покачал головой он. — Я надеюсь, вы вдвоем сумеете разобраться. Мне самому знакомы любовь и потеря.

Слова Ахмада, как всегда, ее поразили. Фатима постаралась подняться над собственными проблемами и горем, представляя боль, которую он нес в себе.

— Я не бросила это дело, Ахмад. Я собираюсь найти самозванца. Я собираюсь его схватить. Ваша… Нефтида получит правосудие.

Ее внимательно изучали глаза рептилии. Что бы он ни увидел, это его удовлетворило.

— Правосудие всегда настигает зло. Того требуют весы Тота. — Он поднялся на ноги, бросил сигаретный бычок и раздавил его. — Спасибо, агент.

— За что?

— За то, что пытаетесь. И верите, что Нефтида имела значение.

Он повернулся, чтобы уйти.

— Подождите, — окликнула Фатима. Ахмад

повернул голову, уставившись на нее зловещими зелеными глазами. Следователь всматривалась, пытаясь увидеть, не смотрит ли из них кто-нибудь еще — что-нибудь еще. — Вы правда верите, что в вас живет, — она запнулась на слове, — бог?

— Частица бога. Капля в океане. — Он с любопытством прищурился. — И что же вы, агент, видели этой ночью?

Фатима вздрогнула от вопроса, встревоженная его странной проницательностью. Она не ответила, вместо этого сама продолжая расспрашивать жреца:

— То, что с вами происходит, — это ваш выбор? Или вы меняетесь по воле вашего, — она снова запнулась, — бога?

Ахмад тщательно обдумал вопрос, а затем пожал плечами:

— Если вы верите, это не важно. — С этими последними словами он ее оставил, странная походка уносила жреца в тени, словно бога, возвращающегося в свое царство.

Когда она добралась до дома, было уже за полночь. «Рано или поздно все равно придется вернуться домой», — часто говорила ее мать. Фатима увидела, что у двери стоят две фигуры в

синих галабеях и о чем-то горячо спорят. Одним из них был баваб Махмуд. А вторым… Фатима нахмурилась. Второй мужчина тоже удивительно походил на Махмуда. Такое же грузное телосложение. Те же редеющие седые волосы. Когда следователь подошла ближе, оба повернулись к ней с удивлением на лицах, и она замерла на месте. Перед ней стояло два Махмуда. Одинаковые красно-коричневые лица, кустистые брови — даже этот взгляд, который мгновенно взвешивал и осуждал. Она зажмурилась и задумалась — может, этот вечер все-таки ее доконал?

— Доброй ночи, капитан, — поздоровался один из Махмудов.

— Мы знаем, как это может выглядеть, — сказал другой.

— Но мы можем объяснить, — закончил первый, выставив ладони.

— Вас двое? — Фатима переводила взгляд между Махмудами. Ей нужно было удостовериться.

— Да, — ответили оба.

Какое облегчение.

— Кто из вас Махмуд?

— Я Махмуд.

— И я тоже Махмуд.

Серьезно?

— Кто же из вас мой швейцар?

— Мы оба. — Они неловко посмотрели друг на друга.

— Вы хотели объяснить?.. — Фатима кивнула, хотя ничего не понимала.

— Мы с братом оба работаем бавабами в этом здании, — сказал один из Махмудов.

Близнецы. Об этом она и сама догадалась.

— Все это время вас было двое?

— Когда мы приехали в Каир, работу было найти нелегко, — заговорил один. — Всем нужны механики на заводы, или они ожидают, что у тебя есть навыки работы с машинами. Откуда старикам вроде нас знать о таких вещах? Лучше работы мы найти не смогли.

Фатима слушала его рассказ, и все становилось на свои места — как Махмуд всегда был на дежурстве и, похоже, не спал, или как он знал обо всем, что здесь происходило.

— А владелец в курсе?

— Нет, — покачал головой Махмуд. — И нам бы хотелось, чтобы так и оставалось. Мы потихоньку принимаем смены, не попадаясь другим на глаза. — Они застенчиво переглянулись. — Сегодня мы были неосторожны. Братья всегда спорят.

— Владелец платит только одному? Зачем

делать двойную работу, если вы не получаете двойную оплату?

— Все немного сложнее, — ответил один из них. — Нам выделили место для ночлега и проживания, пока мы следим за зданием.

— И мы хорошо за ним следим, — подхватил второй. — Нам платят больше, чем большинству бавабов в похожих местах, валлахи.

— Больше чем вдвое, валлахи! — воскликнул второй. — Владелец повысил зарплату, потому что думает, будто один человек выполняет такую огромную работу. Ему приятно считать, что он щедро ее вознаграждает. Если он узнает, что нас двое…

Фатима их поняла. Идеальное мошенничество. Вроде как. Может быть? Ее слегка беспокоило, что им так долго удавалось ее дурачить. Что она за следователь, если не видит того, что происходит прямо перед глазами? В голове Фатимы пронеслись мысли о Сити, и ее желудок сжался.

— Я не выдам ваш секрет, — сказала она.

— Храни тебя Аллах, капитан, — с благодарностью ответил Махмуд. — Мы, саади, всегда можем рассчитывать на соплеменников.

— Министерство тебя еще сильнее загрузило! — Он смотрел на ее растерзанную одежду.

Затем понизил тон, словно выдавал какую-то секретную информацию. — Мы слышали, что на дворец напали!

Конечно, они слышали. Фатима лишь кивнула, не желая вдаваться в подробности.

— Поймай этого щукина сына, который все это устроил! — воскликнул второй Махмуд, провожая ее внутрь. — Мы не верим его лжи! Мне плевать, будь он хоть дважды вернувшийся аль-Джахиз, валлахи!

— Валлахи, ему место в тюрьме! — закончил его брат.

Она прошла в открытую дверь, остановилась и оглянулась на швейцаров:

— Как вам это удается? Притворяться одним человеком? Зная, что вам нужно скрывать, кто вы такие?

Оба мужчины пожали плечами.

— Мы уже знаем, кто мы такие, — ответил один из них.

— Мы делаем, что должно, — сказал другой. — Первый урок, который получили в Каире.

Что ж, она не могла их винить. Каждый устраивался в этом городе в меру своих сил.

Фатима поднялась на лифте. Когда она добралась до своей двери, то долго искала ключ, прежде

чем войти внутрь. В квартире было темно. Точно, как она ее оставила. Но не пусто.

Сити сидела в кресле у балкона, положив голову на руки, и с Рамзесом на коленях. При виде открывшейся двери она сбросила кота и встала навстречу. Фатима отступила, скорее инстинктивно, и Сити замерла, сжав руки в кулаки. Они молчали, пока Фатима не закрыла дверь. Сити сделала несколько неуверенных шагов. В ее темных глазах плескалось беспокойство, а на лице остались следы от слез.

— Ты… — начала она дрожащим голосом. Она протянула руку, и Фатима попыталась не отстраниться. Сити одернула пальцы и попробовала снова, прикасаясь к ткани на шее Фатимы. Хадия отдала свой хиджаб, когда увидела синяки. Пока она разворачивала ткань, руки Сити дрожали. Когда нубийка увидела глубокие кровоподтеки, казалось, ее лицо пошло трещинами. — Прости, — прошептала она.

Что-то в ее словах вызвало у Фатимы укол гнева, и ей пришлось приложить усилие, чтобы сдержать эмоции. Сделав шаг назад, она снова обернула хиджаб вокруг шеи и тяжело опустилась на край кровати.

— Ты джинния, — сказала она. Скорее утвер-

ждение, чем вопрос.

— Да, — тихо ответила Сити. Даже после того, как она видела это своими глазами, признание ошеломило Фатиму, и она сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться.

— И нет, — продолжила Сити. — То есть я полуджинн. Или как там это работает.

Фатима резко вскинула голову. Под «полуджиннами» люди часто подразумевали наснасов: неприятных существ, которые буквально соответствовали своему названию — с половиной головы, половиной тела и даже одной рукой и ногой. Ей подарили джанбию за изгнание особо скверных наснасов, беспокоивших клан одного из дипломатов Азда. Но Сити имела в виду другое. Она говорила о еще более фантастическом существе, о котором даже в министерстве мало что знали.

— Один из твоих родителей был джинном, — рассудила Фатима. Единственное предположение, в котором имелся смысл. Если во всем этом вообще был смысл. — Твой отец.

Лицо Сити окаменело. Она вернулась в кресло, устроившись рядом с Рамзесом, и обхватила себя руками.

— Я почти ничего о нем не знаю. Мама расска-

зывает, что впервые он перед ней появился в виде смеющегося ветерка, когда она пасла коз. Во второй раз он явился дождем монет с чистого неба. В третий был мужчиной — высоким и прекрасным, с золотыми рогами, кожей, сияющей как отполированное эбеновое дерево, и глазами, мерцающими звездным светом. — Она усмехнулась. — Или, во всяком случае, моя мама так это запомнила. Она была совсем девчонкой. Даже пятнадцати не исполнилось. Он, скорее всего, прожил сотни жизней. Их встречи были короткими, они продолжались, пока хватало его внимания, а затем он уносился к чему-то новому, что привлекало его внимание. Их хватило, чтобы оставить меня в ее животе.

Фатима внимательно слушала. Министерство рассматривало подобную вероятность. Джинны не просто вернулись в мир, они стали его частью — они работали, жили и взаимодействовали с людьми. Секс был неизбежным итогом. Слухи о плотской ненасытности джиннов стали предметом непристойных шуток и песен. Но встречались и отношения иногда серьезные. Деторождение джиннов, во всяком случае с другими джиннами, оставалось тайной. Никто не видел младенца или ребенка джинна. Од-

нако полуджинны часто появлялись в старых историях и фольклоре. Говорили, что Билкис, царица Савская, была полуджинном, помимо прочих известных личностей — и все они предположительно обладали сверхъестественными способностями. Министерство прогнозировало, что после возвращения джиннов человечество снова вступит в эпоху, когда появятся люди, которых нельзя будет просто называть людьми — с магической родословной и непредсказуемыми, неизвестными способностями.

— Кто из них ты? — спросила Фатима. — Та, что сидит здесь, или… — Перед ее глазами мелькнул образ нечеловеческого существа: изогнутые бараньи рога, острые зубы и кошачьи глаза.

— И та и другая. Я та, кого ты видишь перед собой. Какой я вижу себя бóльшую часть времени. А иногда… я та, кого ты видела раньше. Я знаю, это трудно понять.

Приуменьшение. Фатиме проще было понять двух Махмудов. Она вспомнила тетю Сити, мадам Азизу. Что ей сказала старая женщина? Что Сити подобна ветру. «Слишком много взяла от отца». Эти слова обрели новое значение. Как и многое другое. Способности Сити: магия, дарующая ей скорость, позволяющая преодолевать стены и

прыгать на невозможные для человека расстояния. Эта магия всегда смущала Фатиму. Но она никогда не спрашивала. «Может, ты и не хотела знать. Может, ты знала, что ответ приведет к чему-то подобному». В голову закралась еще одна мысль. Головокружительное блаженство, которое она ощущала рядом с Сити. Ее почти электрические прикосновения. Нет, эта мысль была с ней всю ночь. Просто сейчас она наконец позволила себе на ней остановиться.

— Ты когда-нибудь… — Ей пришлось сглотнуть, чтобы продолжить. — Ты использовала на мне магию джиннов? Мы из-за нее сошлись?

Сити выглядела так, словно получила пощечину. Шок сменился болью, а затем в ее глазах вспыхнул гнев.

— Я бы никогда так не поступила. Я не мой отец. Не думала, что ты будешь об этом спрашивать. — Голос Сити снова задрожал, и на этот раз ее лицо не скрывало чувств.

— Разве? — взвилась Фатима, охваченная собственными эмоциями. — Ты мне лгала. Какой реакции ты ожидала?

— Я не лгала. Женщина, которая смеется с тобой, танцует с тобой, делит с тобой постель, моет твои волосы. Все это я!

— Но та, другая женщина, это тоже ты. Ты сама сказала. Они обе — ты.

Сити не спорила и ненадолго затихла.

— Я хотела тебе сказать, — наконец ответила она. — Я столько раз пыталась. Но как я могу рассказать о себе агенту Фатиме из Министерства алхимии, заклинаний и сверхъестественных сущностей? Вот она я, последние слова из этого проклятого названия. Я представляла, как ты смотришь на меня, будто я какая-то диковинка. Образец для изучения. Предмет исследования. Еще одна *сущность*, за которой нужно присматривать.

Рамзес мяукнул, сигнализируя, что они слишком повысили голоса, и Фатима ощутила, как лицо наливается жаром. Как бы она восприняла признание Сити? Может, отчасти это и было ее реакцией? Ей вспомнились слова Бенни: «Обычно секреты, которые мы храним в самой глубине сердца… мы их прячем потому, что боимся, что подумают другие люди. Как они могут нас осудить, если узнают». Возможно, эти слова стоило обдумать. Но на кону стояло нечто большее.

— Вчера вечером другая ты пыталась меня убить. — Ее рука инстинктивно поднялась к шее. — Ты не можешь себя контролировать?

Когда ты… джинния. — Это слово все еще трудно было произнести.

— Когда я джинния, я чувствую себя… свободной. — Сити закрыла глаза, словно воспоминания были слишком сильными. — Всего просто больше. Каждое чувство. Каждое ощущение. И мне это нравится. — Она снова открыла глаза, глядя на Фатиму. — Знаешь, куда я хожу по ночам? Когда покидаю твою кровать перед рассветом? Летать. Парить над городом. Если бы ты могла его видеть, как вижу я — сияющей драгоценностью, что просится в руки! — Она протянула руку, воспроизводя движение, лицо озарило мгновение радости. — У меня нет для тебя печальных историй. Я не трагический персонаж, затерявшийся меж двух миров. Я наслаждаюсь тем, кто я есть. Что я есть. — Ее голос ожесточился. — То чудовище, он отнял ее. Отнял мою свободу. — Сити постучала пальцем по виску, лицо исказилось, пока она искала слова для объяснения. — Я слышала его голос. В своей голове. Будто он оказался внутри меня и кричал, так что я больше ничего не слышала. Та часть меня, что была мной, потеряла голос. Я пыталась бороться, но он просто отодвинул меня в сторону. Я была там, но словно и нет — глубоко похороненная, утонувшая, пока

мое тело исполняло все, чего он хотел. Чего он требовал. Ты понимаешь?

Фатима всмотрелась в лицо Сити, и то, что она в нем увидела, ее потрясло. Самая дерзкая и безрассудная женщина, какую она знала, была в ужасе. Агент вспомнила, как смотрела в безжизненные глаза полуджинна. У Загроса был тот же пустой взгляд, когда он пытался ее убить. Она вспомнила королевского джинна-советника, которого вынудили замолчать. А еще ифрита, превращенного в верного пса.

— Самозванец… он может контролировать джиннов, — медленно проговорила Фатима. От этого откровения она похолодела.

— Он опаснее, чем мы думали. Гораздо опаснее, — мрачно кивнула Сити.

Это было мягко сказано. Он не просто опасен, это настоящая катастрофа! Хуже, у самозванца был план. Он действовал методично, целенаправленно. А теперь еще украл материалы для воссоздания Часов. Все это плохо пахло. Воняло, на самом деле. Они безмерно недооценили то, с чем столкнулись.

Фатима посмотрела на лицо Сити, представляя, как проводит пальцами по ее щеке.

— Что же тебя остановило? Почему ты меня

не убила?

Сити серьезно посмотрела в ответ, затем неожиданно рассмеялась, утирая слезу.

— Ты меня остановила. Твой прекрасный голос, звавший меня по имени. Будто веревку сбросили в темную дыру. Я схватилась за нее и карабкалась наверх, пока не выбралась.

Фатима молчала. Может, Сити и слышала голос, но транс разрушило не ее имя.

— Ты не ответила на свое имя, — сказала она наконец. — Ты отреагировала только на это. — Следовательница достала из пиджака брошь в виде рычащей львицы. Она не стала ее выбрасывать после того, как сорвала с платья. Сити с недоумевающим лицом взяла серебряное украшение. Похоже, она понятия не имела. Не помнила, что произошло на самом деле.

Поначалу Фатима не хотела ничего рассказывать. Но между ними и без того хватало тайн. Она украдкой вздохнула и начала объяснять — насколько была способна, — что она вызвала и что увидела в глазах Сити.

Когда агент закончила, Сити прошептала незнакомую молитву:

— Благословенная Госпожа Пламени, Дочь Кровопролития. Для нее отворяются два неба, когда

является она во славе своей! — Ее широко распахнутые глаза были устремлены на Фатиму. — Тебя благословили взглядом Ока Ра.

— Я тебе говорю, что видела… нечто… таящееся в тебе, и это твоя единственная реакция?

— Я дитя богини, — слегка пожала плечами Сити. — Она поступает со мной как пожелает.

Фатима не знала почему, но по какой-то причине этот ответ ее задел.

— Кроме того, — продолжила Сити. — Она пришла к тебе.

— Это еще что значит?

— Я молилась Благословенной Госпоже. Приносила жертвы. Восхваляла сотни ее имен. Но она ни разу мне не показалась. Ты назвала ее имя — и она пришла. — Сити задумчиво притихла. — Возможно, у тебя с богиней особая связь. О которой ты до сих пор не знала.

«Это, — решила Фатима, — совершенно ужасающая мысль». Она прошептала собственную молитву и сменила тему.

— Ты сбежала, — обвинила она. — Когда пришла в себя. Ты просто… оставила меня там.

— Мне пришлось. — Сити опустила глаза. — Когда я увидела, что натворила. Я знала, что меня могут использовать как *вещь*. Я себе не доверяла.

Мне нужно было сбежать от него как можно дальше.

Фатима запустила руки в волосы.

— Я не виню тебя за то, что случилось этим вечером, — сказала она наконец, удивляясь, что верит своим словам. — Тебя использовали, и я знаю, что намеренно ты бы так со мной не поступила. — Проступившее на лице Сити облегчение делало следующие слова особенно трудными. Она все равно продолжила: — Но я не могу вернуться к тому, что было. Ты скрывала часть себя. Даже если у тебя была веская причина. — Фатиме всегда казалось, что она видит только частички своей подруги, только то, чем та сама хочет поделиться. Теперь она знала, что не ошибалась. И это причиняло боль. Больше чем хотелось признать. — Мне нужно время, чтобы во всем этом разобраться. — Ее рука коснулась шарфа на шее. Некоторые раны заживают медленнее других.

— Время — это как раз то, чего у меня много, — торжественно заявила нубийка.

— Хочешь сказать, что ты бессмертна? — вздрогнула Фатима.

— Что? Боги, нет! Я метафорически.

— Это утешает. Не думаю, что вообще смогла бы тебя выносить, если бы знала, что ты будешь

жить вечно. — Строго говоря, джинны вечно не жили. Тем не менее сотню лет они воспринимали как люди десяток.

— Ну, целую тысячу лет я вряд ли проживу. Может, сотню? Или две? В точности никто не знает.

Фатима разинула рот. Но внезапно вспомнила еще одну странность этого вечера.

— Когда я спросила самозванца о Часах Миров, он ответил песней. Что-то насчет Девяти Владык.

— Девять Владык, что спят, — припомнила Сити. — Которые выжгут твою душу.

— Знаешь, о чем это?

— Похоже на какую-то джиннскую сказку. — Сити на мгновение задумалась. — Их много. Всегда об ужасных джиннах, и что мы должны радоваться, что они не пришли к нам из Кафа. Но о Девяти Владыках я ничего не помню. Может, еще одна легенда о правителях джиннов?

Разумеется, таких историй хватало. В основном сказки или искаженные версии правды. Народный фольклор, к примеру, рассказывал о легендарном короле джиннов, правящем на горе Каф в стране невероятных чудес на краю мира. Аль-Джахиз показал, что на самом деле Каф — это другое измерение — или измерения, — а не какая-то скрытая гора.

— Я хочу тебя увидеть, — сказала Фатима. — Другую тебя.

— Ты уверена насчет этого? — подняла брови Сити.

«Не очень», — подумала Фатима. Ей пришло это в голову всего несколько мгновений назад. Но казалось, что это нужно сделать.

Увидев ее решимость, Сити встала и подошла ближе, протягивая руку:

— Я буду превращаться медленно.

Фатима взяла ее за пальцы и почувствовала легкое покалывание. Затем, прямо на глазах, Сити преобразилась. Темная кожа почернела до блеска. Из головы вырвались рога насыщенного красного цвета, изгибаясь вверх, пока тело становилось выше. Медленно или нет, все закончилось в несколько ударов сердца. В кресле замурлыкал Рамзес. Он спрыгнул на пол и теперь терся о ноги Сити.

Фатима провела пальцами по новым ладоням Сити — с настоящими когтями, — старательно пытаясь не вспоминать, что они делали вечером. Агент перешла к предплечьям, чувствуя упругие мышцы под черными, гладкими чешуйками — такими миниатюрными, что нельзя было разглядеть, где они смыкаются. Ей пришлось встать

на цыпочки, чтобы коснуться рогов, скользя кончиками пальцев по их неровностям.

Сити тихо застонала, слегка запрокинув голову и глядя на нее переливающимися золотом кошачьими глазами.

— Тебе больно? — одернула руку Фатима.

— Дело не в этом. — Ее голос почти не изменился, только стал глубже. — В рогах есть определенные… точки удовольствия.

Точки удовольствия? Это что-то новенькое.

— У тебя же и крылья есть? — Фатима чуть не отпрыгнула, когда в ответ на спине Сити, задевая потолок, развернулись два огромных черно-красных крыла. Она впервые заметила, что их цвет совпадает с хохолком кудрявых волос между рогов на ее бритой голове. Рамзес встал на задние лапы и попытался схватить перья из крыла, но они были вне его досягаемости. Кот прыгнул на кровать, надеясь добраться до них из более выгодного положения.

Фатима тихо хихикнула.

— Что смешного? — нахмурилась Сити.

— Ты. Ты чертовски красива. Даже будучи полуджинном, ты, как всегда, прекрасна.

Сити улыбнулась. Слегка коснувшись подбородка Фатимы, она наклонилась, и их губы

встретились. «Определенно электрическое», — подумала Фатима, погружаясь в поцелуй. Она заставила себя отстраниться и сделала шаг назад, чуть не споткнувшись.

— Прости, — поморщилась Сити. — Я сказала, что дам тебе время. Просто… ты дотронулась до рога и…

Фатима перевела дыхание, избавляясь от нахлынувших чувств.

— Я знаю, ты сказала, что не наводила чары. Но ты не первая женщина, которую я целовала. И ни от одной из них у меня не кружилась голова.

— Я родилась от магии, частично, — ответила Сити.

— В смысле? Твои способности из-за этого появились?

— Магия делает меня сильнее. Быстрее, проворнее. И когда мне кто-то по-настоящему дорог, магия действует и на них. Твои раны могут быстрей заживать. Или ты высыпаешься, будто провела в кровати десять часов, хотя на самом деле — только два. — Повисла неловкая пауза. — Возможно, я могу чувствовать или знать, где ты находишься в любое время. — От этих слов глаза Фатимы расширились, и Сити поспешно добавила: — Все это не для того, чтобы тебя обманывать.

Твое поведение никак не изменится от моей магии. Я ничего с этим не могу поделать, как ничего не могу поделать со своими чувствами к тебе.

Ей многое предстояло переосмыслить в отношении последних месяцев, вздохнула Фатима. Еще одна мысль.

— Почему твоя одежда остается целой? — Она указала на черный наряд Сити — который та обычно надевала для своих ночных похождений. — В этой форме ты куда крупнее. Не говоря уж о крыльях.

— Полуджинны не умеют пользоваться сложной магией. Не так, как чистокровные джинны. Но манипулировать одеждой, чтобы она не порвалась, а я не осталась полуголой — это довольно стандартное заклинание. Мне, конечно, понадобилось порядком времени, чтобы довести его до ума. Я перебрала столько одежды, когда была моложе, что моя мама… ай!

Рамзес взмыл с кровати и теперь висел на нижней части крыла нубийки. Сити снова превратилась в человека, и он упал на пол пушистым серебряным шаром. Подхватив его на руки, она погрозила коту пальцем, на который тот игриво напал.

— Ты уверена, что он не джинн? — спросила

Сити.

Фатима снова уселась на кровать, наблюдая за ними.

— Мы должны его остановить. Самозванца.

— Мы остановим. — Сити села рядом, положив Рамзеса на колени.

Они сидели втроем — агент министерства, полуджинн и кот (скорее всего), глядя с балкона на спящий город, который каким-то образом нужно спасти.

Глава двадцатая

Для утра четверга людей в абиссинской кофейне было маловато. Но это не слишком удивляло. Как только стало известно о произошедшем на мирном саммите, город охватили новые страхи. Каирские сплетники работали сверхурочно: аль-Джахиз спустился в шаре огня, сражая всех своим мечом; нет, он воспарил на спине ифрита и обрушил огненный дождь; король сбежал из страны и вернется с английской армией; нет, это король сразил аль-Джахиза своим мечом, и теперь джахизиты жаждут мести.

Фатима читала утреннюю газету, когда автоевнух подал кофе в белой фарфоровой чашке, возвещая механическим голосом: «Буна тету». Амхарская фраза, буквально означающая «Пейте кофе», вошла в лингва франка Каира вместе с популярностью эфиопского кофе. Теперь эти слова считались вежливым высказыванием и даже приветствием среди модников, часто посещающих кофейни. Несколько таких завсегдатаев сидели здесь и сейчас, в характерных черных плащах и черных фесках — а женщины в стильных черных платьях и белых хиджабах. Они пере-

брасывались словами вроде «неофараонский» и «эпистемология алхимического модерна», глаза скрывались за темными очками, а губы лениво затягивались тонкими сигаретами — возможно, так богема демонстрировала свое пренебрежение паникой, охватившей город.

Или они просто чудики. Молодцы в любом случае, решила Фатима.

Она вернулась к газетам. Саммит продолжался. Несмотря на вчерашнее фиаско, никто из делегатов и лидеров не стал уезжать — каждый бравировал и пытался переиграть остальных. Королю будет чем заняться. Ну, его проблемы. Ей хватало своих.

Дверь открылась, и в кофейню вошла Хадия, усаживаясь напротив нее. Они пожелали друг другу доброго утра и позвали автоевнуха, чтобы сделать еще один заказ. Когда механический человек ушел, Хадия окинула Фатиму внимательным взглядом.

— Вы собираетесь рассказать, что случилось с вашей шеей?

— Нет, — буркнула Фатима, отхлебывая кофе. Она не озаботилась надевать шарф, предпочтя голубую полосатую рубашку с высоким воротником. Но он не мог полностью скрыть синяки.

— Выглядите отдохнувшей. — Хадия нахмурилась, как осуждающая старушка. — Уже неплохо. — Она прищурилась. — Даже ваша шея выглядит лучше. Я почти не вижу синяков. Как это возможно?

Фатима пожала плечами, потирая кровоподтеки, которые почти уже не болели. Трудно объяснить наличие любовницы-полуджинна. Она спала без задних ног, а проснувшись, обнаружила, что усталость исчезла, а голова прояснилась. На этот раз Сити осталась рядом, дремала, свернувшись калачиком в кресле. Сейчас им неловко было делить постель. Но обе не хотели проводить ночь в одиночестве.

— После того как вы ушли, — продолжала Хадия. «Это порицание в ее голосе?» — Я не ожидала вас увидеть сегодня утром. Почему вы решили встретиться здесь, а не в офисе? — Она подняла чашку, принесенную автоевнухом, попробовала и, поморщившись, добавила сахар.

— Нам все еще надо раскрыть дело, — напомнила Фатима. — После вчерашнего вечера начальство бросило все силы на поимку самозванца.

— Я так и поняла. По всему офису новые агенты. Просят наши отчеты — ну, на самом деле требуют.

Последние два часа я провела, рассказывая обо всем, что мы обнаружили. Хотя мне показалось, что они предпочли бы поговорить с вами.

— Еще бы, — проворчала Фатима. Скорее всего, эти агенты прилетели из Александрии, чтобы вышибить ее из собственного расследования. — Вот почему мы не в офисе. У меня появилась информация, которой я пока не готова делиться. — Она наклонилась к столу и приглушенным голосом пересказала все, о чем узнала. С каждым откровением брови Хадии поднимались все выше и выше.

— Он способен *контролировать* джиннов? Как это вообще возможно?

— Не знаю, — призналась Фатима.

— После вашего рассказа о Часах Миров я думала, что хуже уже не будет. Значит, у нас есть ифрит под седлом, как лошадь. Загрос, который пытался вас убить. Королевский советник, которому заткнули рот. И все это объясняется тем, что самозванец умеет контролировать джиннов. Как вы вообще это вычислили?

— Не могу сказать. — Она, разумеется, опустила упоминания о Сити. — Это… сложно.

Хадия снова окинула ее взглядом, проницательные карие глаза остановились на шее и

сузились.

— Проехали, — сказала Фатима. — Нам нужно сосредоточиться. И мы по большому счету сами по себе.

— Вы думаете, что если министерство об этом прослышит, информация может вызывать панику?

— Я *уверена*, что так и будет. Как только на улицах появятся слухи, что самозванец может управлять джиннами, — город взорвется. Еще я знаю, как работает наша верхушка. Они и без того напуганы, и им стыдно за вчерашний вечер. Начальство устроит облаву на джиннов — утверждая, что это для общественной безопасности.

— Кошмарная идея! В городе живут тысячи джиннов. И каждый день еще десятки проездом. Не говоря уж о том, что большинство граждане Египта. У них есть права. Они не позволят себя так просто арестовать.

— Однажды мы задерживали джанн — земного элементаля. Ради безопасности пришлось эвакуировать целый квартал. Наняли в помощь двух маридов. Под конец мы его взяли. Но половина квартала превратилась в руины. Если правительство попытается устроить облаву на несколько тысяч джиннов, нам больше не придется беспо-

коиться, что самозванец разрушит Каир. Мы все сделаем за него. — Следователь поставила чашку на стол. — Еще один момент…

— Девять Владык? — скептически переспросила Хадия, когда Фатима закончила. — Которые выжигают души? — Она похлопала себя по щекам, качая головой. — А хорошие новости у вас бывают?

Вообще-то, да.

— Прошлым вечером, когда я разбила маску самозванца, то увидела его лицо.

— И почему это хорошая новость? Мы уже видели его лицо. Суданское. Слегка фанатичное.

— Да, но на этот раз оно пошло рябью.

Хадия нахмурилась, а затем ее лицо просияло пониманием:

— Иллюзия!

Фатима торжествующе улыбнулась. В то мгновение, когда она увидела рябь, она знала. Среди всех злосчастий того вечера это было единственным проблеском надежды, который ее поддерживал.

— Он мошенник! Прячется за иллюзией! — Она придвинулась ближе. — Вы заметили? Александра Уортингтона не было на саммите!

— Вы правда думаете, что он самозванец?

— На нем замыкается наше расследование.

— Но зачем срывать мирный саммит, который помогал планировать его отец?

Фатима и сама не находила ответа. Зачем вообще срывать саммит? Одно дело сеять хаос в Каире, но международная встреча лидеров и послов? Тут ставки значительно повышались. А еще были Часы Миров. Агента по-прежнему беспокоило, что единственное, чего они не понимали в действиях самозванца, кем бы он ни был, это его мотива — или конечной цели. И все же…

— Отсутствие Александра Уортингтона во время появления аль-Джахиза по меньшей мере подозрительно, — заметила она.

— Я проверяла, — пожевала губу Хадия. — Вы об этом упоминали прежде, чем исчезнуть вчера вечером. Оказалось, что Александр пытался приехать, но у него возникли проблемы с машиной. Водитель подтвердил.

— Удобно, — хмыкнула Фатима.

— Это еще не все. — Хадия достала из сумки папку и положила ее на стол. — Я немного исследовала, чем Александр занимался на прошлой неделе. Результаты пришли сегодня утром.

— То есть сделали именно то, что нам категорически запретили? — подняла бровь Фатима.

— У меня кузина работает в Иммиграционной и таможенной полиции. Я только намекнула, что было бы здорово прозондировать иностранного гражданина Александра Уортингтона. Стандартная проверка биографических данных.

— Нравятся мне ваши кузины. — Фатима открыла папку. — На что смотреть?

— Записи военного училища. Выяснилось, что Александр не совсем тот, кем кажется, — но не в том смысле, что вы думаете. Видите его диплом?

Фатима просмотрела на страницу. Александр действительно посещал военное училище, как и утверждал. Вот только его оценки были далеки от выдающихся. Они удручали на самом деле.

— Минимальный балл, — прочитала она. — Он едва сдал экзамен.

— Помните, как он разглагольствовал о службе в Индии? — Хадия подала следующий лист. — Бóльшую часть службы он провел, охотясь на священного Макара[79]. Единственное сражение, где он командовал, обернулось катастрофой. Александра и его людей пришлось спасать. Моя кузина утверждает, что его командир остановиться не мог, когда рассказывал, насколько

[79] Примечания: 79

Мифическое морское животное в индуизме. Гибрид дельфина, акулы и крокодила.

бесполезным он был капитаном. Он чуть не плакал от счастья, когда Уортингтон уехал в Египет. — Она покачала головой. — Александр не производит впечатления великого заговорщика. Скорее посредственного англичанина.

Фатима просмотрела досье. Похоже, что звание офицера ему обеспечила фамилия, а не заслуги. Она закрыла папку, не зная, что и думать. Александр по-прежнему оставался лучшей их зацепкой. Он был замешан в этом деле. Каким-то образом.

— Я тоже кое-что накопала. Связалась со знакомым букмекером по поводу нашего иллюзорного джинна Сивы. — Халид подтвердил, что джинна хорошо знали в определенных кругах — он делал внушительные ставки, получал фантастические выигрыши, а потом так же быстро их терял. — Сива в долгах, как мы и подозревали. Деньги, которые ему перевели, пошли на погашение части из них — и новые ставки. Но это еще ничего не доказывает.

— Как же нам получить доказательство? — спросила Хадия.

— Мы начнем с того, что у нас есть, и будем работать дальше. Вы получили предметы, которые я вчера передала криминалистам?

— Отдала их перед тем, как отправилась домой. Сказала дежурному клерку, что анализ нужно провести быстро.

— Хорошо. Посмотрим, что они нашли. — Фатима встала и натянула котелок. — А потом нужно поговорить с нашим библиотекарем.

* * *

Министерство после атаки выглядело сюрреалистично, словно наткнулся на пациента во время операции. Завалы уже расчистили, и каменщики восстанавливали эмблему — укладывая новый синий кварц на место расколотых камней. Высоко на строительных лесах голубокожий джинн с черными завивающимися рогами выкрикивал команды бригаде рабочих, висевших на веревках. Они подгоняли шестеренки под лихорадочные указания джинна, разносились возгласы: «Да, бэшмохэндес[80], сейчас же!» Она слышала, что джинн-архитектор рыдал, когда увидел уничтоженный механический разум. Старое здание погибло, но он сконструировал

[80] Примечания: 80

Бэшмохэндес (*османт. турец.* и *араб.*: баша — от *турец.* лидер, глава; мохэндес — от *араб.* «хэндес» — техник) — в Египте так называют любых высококвалифицированных рабочих, но в данном случае подразумевается «механик».

новый мозг, чтобы его возродить.

По крайней мере лифты уже работали, хотя ими пока управляли автоевнухи. Фатима приказала механическому человеку подняться на третий этаж, и двери закрылись, заглушая какофонию стройки.

— Надеюсь, доктор Хода что-нибудь нашла.

— Доктор Хода? Криминальной экспертизой заведует женщина?

— Вы не знали? Она работает в министерстве с самого начала. Но это не афишировали, чтобы не вызывать скандала. Ее было проще скрывать, когда штаб-квартира находилась в Булаке. Министерство пыталось ее там оставить, переехав в 1900 году в новое здание и наняв криминального паранормалиста в качестве публичного лица. Вот только он был не слишком хорош. Агенты его избегали, отправляя улики доктору Ходе. Я слышала, он взбесился и поставил ультиматум, что либо она уйдет, либо он уволится.

— Могу догадаться, чем это закончилось, — сделала вывод Хадия, когда двери разошлись.

Отдел сверхъестественной криминалистики занимал весь третий этаж — лабиринт столов, заваленных лабораторным оборудованием и приборами. Вокруг суетились мужчины в белых

халатах, исследуя образцы сквозь спектральные очки или проводя замеры кронциркулями. Лаборатория тоже пострадала во время нападения — бушующие гули разбили инструменты и перевернули столы. Атаку отбила доктор Хода, на скорую руку смешав алхимическое зелье, которое растопило нежить в вязкие лужицы. Не стоило трогать ее лабораторию.

Заведующую они обнаружили в комнате с затененными окнами, у большой стеклянной сферы, наполненной прозрачной жидкостью, которую подогревала горелка. Доктор Хода следила за ней сквозь странное приспособление, закрывающее половину ее лица, — около восьми линз разных размеров, они выдвигались и втягивались по нажатию ее пальца. Седые вьющиеся волосы доктора собирались нимбом вокруг головы, и лишь несколько прядей выбивались из спутанной массы, беззаботно болтаясь рядом с открытым огнем. Не обращая на них внимания, Хода аккуратно поднесла пипетку к горлышку на верхней части сферы.

— Осторожно, глаза, — бросила она, не оглядываясь на агентов, и выдавила из пипетки крошечную каплю. Реагент упал в прозрачную жидкость, которая закружилась в ярком лю-

минесцентно-белом водовороте, чтобы затем разрядиться резкой вспышкой света.

Фатима пыталась проморгаться, отгоняя танцующие в глазах пятна. Когда к ней вернулось зрение, воздух вокруг них изменился, омытый переливающимися волнами, которые вибрировали и гудели. Хадия рядом с ней превратилась в силуэт из меняющихся цветов в форме женщины. Внезапно все вернулось в норму.

Доктор Хода постучала ручкой по подбородку, потом что-то записала в блокнот. Когда она закончила, то сняла с головы приспособление, заменив его обычными очками. Криминалистка обратила взгляд к напарницам, ее глаза сощурились, коричневая кожа на выдающихся скулах собралась в морщины.

— Агент Фатима. Давно тебя не видела в своей лаборатории.

— Доброе утро, доктор Хода. Решила нанести личный визит. Это агент Хадия.

— Новая женщина-агент? — Черные глаза доктора сверкнули. — Я даже не слышала. Полагаю, мне надо чаще выбираться в люди. — Она с энтузиазмом пожала руку Хадие. — Когда же для меня найдут женщину? Верхушка продолжает слать мужиков. Красота, конечно, радует глаз, но мне

осталось всего лет пять до отставки, и хотелось бы оставить лабораторию в надежных руках!

Фатима подозревала, что доктор задержится на куда больший срок, чем пять лет. Скорее всего, ее вывезут из лаборатории прямо на похороны.

— Вам стоит это обсудить с директором Амиром. Кажется, он заинтересован в том, чтобы привлечь в каирскую штаб-квартиру как можно больше женщин.

— Значит, поговорю с этим юношей, — кивнула Хода.

О, Амир будет в восторге.

— Агент Хадия принесла вчера несколько улик. Надеюсь, у вас была возможность на них взглянуть?

— Да! Да! — Глаза доктора расширились, и она спрыгнула со стула. — Интересный ты мне проект оставила. Пойдем. — Она вывела их в другую комнату. Внутри стоял стол, на котором лежали два знакомых предмета. Одним из них была золотая маска. Там, где ударила Фатима, тянулась зазубренная трещина, однако гравировки по-прежнему извивались на ее поверхности. Другим был завязанный узлом локон жестких черных волос, который она отсекла.

— Что ты видишь? — спросила доктор Хода.

— Маску? — честно ответила Фатима.

— Мне нужно, чтобы ты была чуть наблюдательнее. — Доктор вернула ей испытующий взгляд.

— Золотая маска. С двигающимися гравировками. Какая-то магия.

— Лучше. Золотая маска с магическими гравировками. Возьми ее в руки. Что чувствуешь?

Фатима украдкой вздохнула и подняла маску. Неужели так трудно просто ответить?

— Немного тяжелая. Гладкая. Кроме трещины… — Она, нахмурившись, остановилась, когда пальцы коснулись трещины.

— Проблема, агент?

— Я ударила по маске ружьем, и она треснула. Золото так легко не ломается.

— Очень хорошо, — похвалила Хода. — Присмотрись к маске еще.

Фатима последовала указанию и чуть ее не выронила. Трещина исчезла. Поверхность маски была чиста — помимо небольшой вмятины на месте трещины.

— Что происходит? — спросила не менее ошеломленная Хадия.

— Вмятина на золотой маске выглядит логичнее, так ведь? — усмехнулась доктор Хода. — По-

ложи ее на стол. Хорошо. Я не думаю, что это золото. И докажу это. Сейчас вы тоже в этом убедитесь. — Она взяла из набора инструментов небольшой молоток и с маху опустила его на край маски. От нее откололся кусок, и Хода тут же размолотила его в золотую пыль.

— Это невозможно, — выдохнула Хадия.

— Это иллюзия, — поняла Фатима.

— Иллюзия, — согласилась Хода. — Магия маски заставляет человека самого себя обманывать. Когда ты впервые ударила по ней, у тебя, скорее всего, не было сознательных мыслей о том, что она сделана из золота и какие свойства должны быть у этого металла. Поэтому она треснула. Однако я попросила ее идентифицировать как золотую. После этого она даже стала тяжелее, подобно золоту. Когда ты поняла, что вряд ли могла расколоть золотую маску, иллюзия перестроила трещину во вмятину, чтобы избавить тебя от сомнений. Теперь я добавила новые, когда отколола часть якобы золотой маски и расколотила ее в пыль. — Она подалась вперед, постукивая пальцем под глазом. — Все еще веришь, что перед тобой золото?

— Очень странно, — покачала головой Фатима. — Почему я до сих пор вижу золото?

— Потому что упрямая, — отрезала доктор Хода. — Продолжишь подсказывать маске, как она должна выглядеть, и она будет следовать твоим ожиданиям. Перестань ожидать. Позволь ей стать такой, какая она на самом деле.

Фатима посмотрела на маску. Позволь ей стать такой, какая она на самом деле. Как именно это сделать? Некоторое время она пристально всматривалась в маску. Ничего. Она пронзала ее тяжелым взглядом. По-прежнему ничего. Фатима взяла маску в руки. Все еще тяжелая. Нет, это золото тяжелое. Только она не золотая. Просто маска. Это все, что она о ней знала. Может быть, сделана из чего угодно. *Просто маска.*

Перемена произошла почти мгновенно.

В одну секунду она держала сломанную золотую маску. В следующую — нечто иное — тусклое и серое, с вновь появившейся трещиной, проходящей по всей длине. Вскрик Хадии подсказал, что она тоже увидела.

Доктор Хода разразилась торжествующим хохотом. Она забрала у Фатимы маску и перевернула ее, осторожно проведя пальцем по внутренней стороне.

— Глина. — Криминалистка указала на стол, где золотая пыль превратилась в пыль земную. —

Обычная глина.

— Вы знали с самого начала? — Фатима уставилась на нее в полной растерянности.

— Не совсем. Когда я увидела трещину, то поняла, что это не золото. Но маска для меня не изменялась. Похоже, что эта иллюзия настроена на тебя — выбрала твое восприятие фокусной точкой. Возможно, потому, что ты была последней, кто видел ее на человеке, которого она должна скрывать.

— Но нам маска тоже показалась золотой, — вмешалась Хадия. — Вы говорите, это из-за того, что Фатима ее таковой считала?

— Магия иллюзий часто создает массовый обман, — объяснила доктор. — Какие-то люди в толпе видят мужчину в золотой маске. Затем, подобно инфекции, они разносят заблуждение среди других. Вскоре уже все видят золотую маску.

— Кто может создать иллюзию такого типа? — спросила Хадия.

— Только джинн. Я слышала, у самозванца есть союзники среди джиннов.

«Скорее рабы», — поправила Фатима про себя.

— Иллюзорный джинн может создать подобное заклинание?

Доктор задумалась над вопросом.

— Вряд ли, — заключила она. — Иллюзорные джинны способны менять внешность или место, где обитают, — где они сильнее всего. Скорее всего, именно они скрываются за историями о томимых жаждой людях, увидевших воду в пустыне, хотя ее там и нет. Или о человеке, обретшем богатство, чтобы позже обнаружить, что сверкающие драгоценности — всего лишь камни. Печально известные трикстеры. Их иллюзии исчезают, как только они удаляются. — Она указала на глиняную маску. — Эта иллюзия слишком долго держится вдали от своего создателя. Мощная магия — за пределами возможностей иллюзорных джиннов.

Фатима разочарованно переглянулась с Хадией. Выходит, не Сива.

— Как насчет ифрита?

— О да! — Глаза доктора Хода расширились. — Огненная магия! Очень мощная!

«Разумно, — подумалось Фатиме. — Если уж ты способен контролировать джинна, бери самого сильного». Она повернулась к локону волос.

— Что насчет этого? Мне сосредоточиться, как с маской? Может, здесь тоже иллюзия.

— Определенно иллюзия, — подтвердила док-

тор. — Я подвергла его спектральному анализу. Локон пропитан магией джиннов. Но одно дело маска — искусственный объект. И совсем другое — волосы. Они принадлежат самозванцу, это его часть. Вокруг него иллюзия сплетена крепче всего. Чтобы ее развеять, придется сильно постараться.

Она постаралась. Несколько раз. Но волосы оставались в том же виде.

— Не вини себя, — успокоила Хода. — Мы имеем дело с очень сильной магией иллюзии. Твой разум понятия не имеет, как смотреть сквозь нее. Чтобы облегчить процесс, я могу использовать алхимический препарат.

— Сколько это займет? — спросила Фатима.

— Дни. Недели. — Доктор Хода склонилась, пристально рассматривая клок волос.

— У нас нет столько времени. Результат нужен немедленно.

— Ветра часто дуют навстречу кораблям! — отрубила доктор, чей голос сейчас до жути напоминал мать Фатимы. — Раствор для ослабления магических связей может также растворить сами волосы. Если поторопиться, можно остаться ни с чем. — Видя настойчивый взгляд Фатимы, она закатила глаза. — Мне кажется, я могу ускорить

магический распад, не вызывая физической эрозии. Но это все равно займет много, много часов.

— Сколько именно?

— «Много» означает «много», — брюзгливо ответила Хода. — Это твоя иллюзия. Если хочешь быстрее ее раскрыть, найди для своего разума способ увидеть сквозь нее. Сходи улики поищи или еще чем-нибудь полезным займись. Разве не это твоя работа?

— Спасибо, доктор, — поблагодарила Фатима, зная, когда не стоит давить.

Они покинули лабораторию, предоставив доктору заниматься своей работой. Зайдя в лифт, Фатима отдала автоевнуху команду, которую не произносила очень давно:

— Нулевой этаж.

Двери вновь отворились, и напарницы оказались в коридоре с множеством арочных деревянных дверей, исписанных красными каллиграфическими буквами. В министерстве Нулевым этажом официально обозначались камеры заключения, построенные с помощью джиннов. Здесь не было охраны: каллиграфические надписи защищали даже от самой могущественной магии. Сегодня тут находился только один обитатель. Фатима остановилась у двери, выудила

золотой ключ и вставила его в замок.

— Вы уверены насчет этого? — забеспокоилась Хадия. — Что, если он все еще… такой же?

— Не думаю, что это так работает. Когда самозванца нет поблизости, контроль ослабевает.

— Лучше подстраховаться. — Хадия сняла со стены черную дубинку, переводя рычажок, пока выпуклое навершие не затрещало электричеством. Фатима не стала спорить. Она повернула ключ и толкнула дверь.

Загрос сидел к ним спиной на койке, казавшейся слишком маленькой для его туши. Джинн-библиотекарь был в своем обычном халате с длинными рукавами. Он продолжал смотреть в стену, не потрудившись повернуться к открывшейся двери. В углу стояли миска с нетронутым завтраком и кувшин с водой.

— Доброе утро, Загрос.

Услышав голос Фатимы, джинн вздрогнул. Его рогатая голова медленно повернулась, в агента вперились золотые глаза за серебряными очками. В этом взгляде больше не было ничего мертвого. Только обреченность. Со дня атаки они друг с другом не виделись. Первая встреча получилось ожидаемо неловкой. Взгляд джинна на короткое время задержался на следователе, а затем вер-

нулся к стене.

— Сожалею о случившемся, — прогромыхал он, побрякивая колокольчиками на бивнях.

По крайней мере, он готов говорить.

— Почему бы нам это не обсудить? — Фатима подтянула табурет и села. Хадия держалась у нее за спиной с настороженными глазами и дубинкой наготове. — Вам предъявили серьезные обвинения. Помимо попытки моего убийства, министерство считает, что вы помогли проникнуть в хранилище. Что вы в сговоре с самозванцем.

Загрос не ответил. Он снова застыл камнем в форме джинна.

— Но мы знаем, что это неправда, так ведь? — осведомилась Фатима. — Так почему вы позволили в это поверить? Почему не защищаетесь?

Снова молчание.

— Министерство может долгое время вас здесь удерживать. И вашим единственным занятием будет пялиться в стену. Скорее всего, в библиотеку наймут кого-то другого. Разрешат расположить по-новому все ваши книги. Может, даже создать совершенно иную систему заказов.

Ее слова вызвали мельчайшую дрожь, но джинн вернулся к своей стоической позе.

Фатима нахмурилась. Должно быть, совсем

отчаялся, раз сумел отмахнуться от подобных угроз. В таком случае придется выложить все карты на стол:

— Я знаю о голосе. В вашей голове. Который заставил вас желать моей смерти. Я знаю, что вы слышали его не только в ушах, но повсюду. — Это определенно привлекло его внимание. Джинн обернулся с округлившимися глазами. Она продолжила, вспоминая описание Сити. — Я знаю, когда вы пытались меня убить, на самом деле это были не вы. Ваша настоящая личность была похоронена глубоко внутри. Вам пришлось смотреть, как вы совершаете эти поступки, и вы ничего не могли поделать.

Загрос приоткрыл рот. Казалось, на языке библиотекаря вертелись тысяча вопросов, пока взгляд шарил по ее лицу в поисках ответов. Но что-то в нем будто захлопнулось. Свет в глазах вернулся к тоскливой обреченности. Он медленно повернулся к стене, возобновив молчаливое созерцание.

— Это смехотворно! — взорвалась Фатима, теряя терпение. — Я знаю, что вы не хотели меня убивать. Я знаю, что самозванец каким-то образом контролирует джиннов. Почему вам так хочется, чтобы все считали вас предателем? По-

чему не реабилитироваться?

После долгой тишины джинн ответил рокочущим шепотом:

— Я не могу.

— Что значит, вы не можете? Вы кого-то защищаете?

— Я не могу. — Джинн шептал, но настойчиво.

— Или вам стыдно признать случившееся с вами?

— Я не могу! — Голос был сдавленным.

— Так не пойдет!

Загрос повернулся, и когда она увидела его лицо, то невольно ахнула. Оно побледнело до светло-лавандового цвета, исказилось от боли и по нему стекал пот. Губы Загроса шевельнулись, пытаясь выдавить хоть какой-то звук.

— Он не может вам ответить! — вмешалась Хадия. — Разве не видите? Он задыхается! Дайте понять, что ему не обязательно отвечать!

Она была права! Мышцы на шее библиотекаря вздулись, а золотые глаза закатились, изо рта тянулась нитка слюны. Фатима вскочила на ноги:

— Я больше не буду задавать вопросы! Стоп!

Загрос протяжно захрипел, схватившись за горло. Он сделал несколько глубоких болезненных вдохов, прежде чем его плечи опали, а дыхание

вернулось к норме. Фатима потрясенно посмотрела на Хадию, которая в ответ только мотнула головой. Ради всех миров, что это было?

— Ты так тяжело работаешь, — прозвучал тихий голос Загроса, — чтобы совершенствовать себя. Чтобы культивировать безупречную манеру держаться. И под конец все это у тебя отнимают. В одно мгновение. — Он поднял на них свои золотые глаза. — Вы знаете, что на самом деле я только наполовину джинн?

Брови Фатимы взмыли вверх. Еще один полуджинн? Агент окинула взглядом его массивное тело.

— Половину чего? — вырвалось у нее прежде, чем следователь успела себя остановить.

— Моя мать была дэвом.

А. Это она могла понять. Дэвы считались дальними родственниками джиннов из Персии и соседних регионов — хотя некоторые джинны отвергали их родство. Дэвы жили затворниками, так что те немногие сведения, что имелись у министерства, были почерпнуты из зороастрийских текстов и устного фольклора. Все источники сходились в одном — это существа с крайне тяжелым характером. Мягко говоря.

— Я рос в окружении стереотипов о полудэве, —

продолжил Загрос. — Что кровь дэвов делает нас вспыльчивыми. Что мы дикие, неуправляемые, склонные к насилию и разрушению. Семья моего отца предупреждала, что мать может разорвать его на кусочки в брачную ночь. На самом же деле она всего раз пыталась это провернуть. Может, два.

«Точно, — подумала Фатима. — Определенно тяжелый характер».

— Я много работал, чтобы побороть эти предубеждения. Я превратился в благороднейшего из джиннов. Вел себя с изяществом. Чтобы никто не усомнился в моем происхождении. Теперь все это у меня отняли — низвели до полуцивилизованного дэва, склонного к кровожадной ярости. — Он устало вздохнул. — Ужасная вещь — пытаться выглядеть респектабельно. Принуждать себя смотреть на свои недостатки глазами других. Ужасная вещь.

Фатима призадумалась. Она не спрашивала Сити о том, как джинны относятся к полукровкам. Но, судя по тому, что агент знала о бессмертных, в этих вопросах они были не умнее людей.

— Так позвольте вам помочь. Давайте очистим ваше имя!

Загрос открыл было рот, но тут же его захлоп-

нул, кажется, против воли. Он повесил рогатую голову и безнадежно ею покачал. Фатима поняла, что спрашивать снова бесполезно. Дело не в упрямстве. Здесь действовала магия. Ему не давали говорить.

— Прямо как Сива, — прошептала Хадия, разделявшая ее невысказанные мысли.

Фатима с досадой сжала зубы. Кто-то чинил им препоны, стоило только приблизиться к разгадке. Такими темпами они никогда не раскроют дело. Она махнула Хадие, собираясь уходить. Здесь они ответов не найдут. Напарницы уже добрались до дверей, когда их окликнул Загрос.

— Вы когда-нибудь читали «Тысячу и одну ночь»?

Агенты обернулись к библиотекарю.

— Очень влиятельный сборник сказок, — продолжил он, не отрывая взгляда от стены. — В министерской библиотеке хранятся несколько переплетенных версий. Но не утруждайтесь ими. Есть книготорговец. Рами. В Сур-аль-Азбекии[81]. Покупать нужно у него. — Загрос сделал паузу, будто старательно подбирал слова. — Попросите

[81] Примечания: 81

Сур-аль-Азбекия — рынок подержанных книг в центральном районе Каира, аль-Азбекия. Находится рядом с Азбекийским театром. Название буквально означает «Забор Азбекии».

его показать то, что не можете видеть.

Фатима обменялась любопытным взглядом с Хадией.

— Спасибо, — неуверенно сказала она. Пусть его совет и смутил следователя, она решила попробовать задать еще один вопрос. — Вы что-нибудь знаете о Девяти Владыках?

— Где вы о них слышали? — Загрос снова к ней повернулся. Фатиме показалось, что в его глазах появилось удивление.

— Самозванец. Он пел песню. «Девять Владык спят. Разве мы хотим их разбудить? Загляни им в глаза — и они выжгут твою душу».

Библиотекарь посмотрел на нее с недоумением, а затем ответил:

— Старая колыбельная джиннов. Мне пел ее отец. Это о девяти древних ифритах. Есть более полная версия: «Девять Владык спят. В своих залах огня. Разве мы хотим их разбудить? Нет, мы не смеем их будить! Загляни им в глаза — и они выжгут твою душу! Спи, мое дитя, или они выжгут твою душу!»

— У самозванца есть ифрит. Может, он один из Девяти Владык?

— Девять Владык — великие джинны, — покачал головой Загрос. — Из первых, что были

сотворены из бездымного огня[82]. Некоторые кощунственно и дерзко утверждают, что они сами себя создали, извлекли свои огненные тела из пустоты. Любой ифрит, с которым вы могли столкнуться, для них был подобен ребенку. Девять Владык однажды правили джиннами.

— Как в историях о правителях джиннов и их королевствах? — спросила Хадия.

— Они были нашими поработителями, — прорычал Загрос. — Джинны были в плену их власти. Нас заставили провозгласить их Великими Владыками. Сражаться в их нескончаемых войнах. Воздвигать памятники в их честь. Надрываться на строительстве их дворцов, где стояли их троны.

Фатима слышала в его голосе гнев. Похоже, джинны не слишком любили своих древних королей.

— Что с ними произошло?

— Это всего лишь сказки, — хмыкнул Загрос. — Но говорят, что джинны восстали и сражались за свободу, погрузив Девять Владык в бесконечный сон и захоронив их в глубинах Кафа. Они существуют только в колыбельных, предосте-

---

[82] Примечания: 82

Коран, Сура 55:14 «Он создал человека из сухой глины, подобной гончарной, и создал джиннов из чистого пламени».

режением для непослушных детей джиннов. Будь хорошим ребенком, слушайся старших, а иначе Девять Владык пробудятся — и придут за тобой! — Он пожал мощными плечами. — И снова, это всего лишь сказки.

— Вы знаете, что украл самозванец? — сказала Фатима. — Секреты Часов Миров. Может, он пытается разбудить Девять Владык?

Загрос поднял кустистую бровь:

— Как можно разбудить сказку?

С этими последними словами он затих и больше не говорил.

Глава двадцать первая

Сур-аль-Азбекия находился в самом центре Каира. Здесь продавались книги — грудами на столах, стопками в киосках, иногда прямо на улице. Но лучшим местом для поиска книг были испещрявшие здания магазины — некоторые настолько маленькие, что только их владельцы могли протиснуться внутрь, чтобы достать желаемое. Более предприимчивые торговцы могли занимать несколько этажей и промышляли всем подряд: от средневековых манускриптов до алхимической математики или руководств по барометрической паровой механике — не говоря уж о новой моде на дрянные западные романчики.

Магазин «Книги Рами и прочие эфемеры» оказался предприятием среднего размера. Крупнее мелких магазинчиков, он занимал лишь второй этаж здания — вывеску можно было увидеть с улицы внизу. Фатима и Хадия направились к нему, проталкиваясь сквозь крикливых торговцев, пытающихся привлечь покупателей. Поскольку клиентов было немного, действовали они особенно настойчиво — подсовывая книги

прямо под нос и суля хорошие скидки. Фатима чуть не огрела одного мужчину тростью, чтобы заставить его отойти. В данный момент ее интересовали только одна книга и один продавец.

Напарницы остановились перекусить, чтобы обсудить загадочные слова Загроса за тарелкой кюфты с ароматной руколой. Ни одна из них не имела ни малейшего представления, с чего начинать поиски Девяти Владык. Но обе читали «Тысячу и одну ночь».

Эти сказки веками пользовались популярностью в Египте. С возвращением джиннов они превратились в предмет изучения для академиков, которые пытались отделить зерна правды от фантазий. Однако трудно было представить, какое отношение эти сказки имеют к их расследованию. Но агенты не могли отвернуться от возможных зацепок. Добравшись до здания, они поднялись по лестнице к магазину Рами.

Соответствуя названию, магазин заполняли книги. В основном старые, переплетенные в затертую кожу, их запах витал в воздухе. Помещение освещали позолоченные латунные лампы, которые свисали с потолка, и сальные свечи в бронзовых шандалах на столах. Стены украшало удивительное количество старинных часов, по-

казывавших одно и то же время. В целом здесь царила атмосфера древности, обособленная от современного Каира.

Фатима обвела магазин взглядом и заметила невысокого мужчину на стремянке, который ставил книги на верхнюю полку. Увидев посетителей, он спустился и подошел к агентам, шурша мешковатыми штанами.

— Добро пожаловать в «Книги Рами и прочие эфемеры», — тепло поприветствовал он, белые вьющиеся волосы двигались в такт с его речью. — Чем я могу вам помочь?

— «Тысяча и одна ночь», — ответила Фатима, ее глаза блуждали. В магазине был еще один человек — пожилая женщина, абиссинка, судя по внешности, не говоря уж о белом тканом платье и цветастом поясе на талии. Она склонилась над большим томом, осторожно перелистывая страницы и рассматривая их с увеличительным стеклом.

— У меня их много! — просиял улыбкой торговец. — Большинство на арабском и включают более тысячи сказок. Есть и другие, на оригинальном персидском или санскрите, хотя сказок в них меньше.

— Что насчет экземпляров, которые могли

заинтересовать персидского джинна по имени Загрос? — Фатима показала значок министерства. За ней последовала Хадия.

Улыбка торговца исчезла, его стареющее лицо прорезали морщины. Он быстро облизал губы, потянулся рукой, чтобы почесать затылок, и тут же ее одернул, вспомнив, что на голове феска.

— Вас прислал Загрос?

— Большой джинн. Лавандовая кожа. Слоновые бивни. Слегка сноб.

— Определенно, Загрос, — хмыкнул коротышка. — Есть какая-то особая причина, почему он сказал прийти ко мне? Найти определенную книгу?

— Он сказал, что вы можете показать то, чего мы не видим, — ответила Хадия.

Книготорговец выпрямился, на лице появился интерес — будто он ждал этого момента.

— Что ж, хорошо. Нам лучше поговорить. — Он повернулся и окликнул абиссинку. — Тсега! Завари чай, пока я закрою магазин. У нас гости!

Через некоторое время напарницы сидели за маленьким столиком. Из висевшей над ним лампы изливался свет, отблескивая от золотой Звезды Давида на прикрепленном к стене плакате. Пожилая женщина расставляла перед ними

чашечки с чаем, пока книготорговец проверял корешок переплетенного тома. Это не мешало им говорить.

— После смерти моей первой жены, Магды, я остался один в магазине, — делился Рами. Его короткие пальцы пробежали по обложке книги, словно пытались понять ее содержимое. — Потом, где-то десять лет назад, ко мне заглянула Тсега и тут же завязала спор о том, как я организовал сасанидские тексты. Я сразу понял, что просто обязан на ней жениться.

Тсега фыркнула, откидывая назад заплетенные в косу волосы:

— Я работала в королевской библиотеке Аддис-Абебы, — гордо сообщила она, уселась за стол и подняла свою чашку с чаем. — Ерунда у него была, а не организация текстов. Мне куча времени понадобилось, чтобы привести их в порядок. Единственная причина, почему я осталась и согласилась выйти за него замуж.

— Как видите, я крайне удачливый человек. — Книготорговец лукаво подмигнул. — Практику-

ющий египетский караим[83] женится на хайманотке[84] из Абиссинии. И оба неисправимые книголюбы. Где, кроме Каира, могла укорениться и расцвести такая любовь?

— Откуда вы знаете Загроса? — улыбаясь, спросила Хадия, похоже, она уже симпатизировала паре.

— Я всегда мог достать для него старые манускрипты, когда никому другому не удавалось, — ответил Рами. — Загрос, может, и груб, но в его сердце живет нежность к книгам. — Он забеспокоился. — С ним все в порядке? Я знаю, что на министерство напали. Не могу представить, чтобы он кого-то ко мне прислал, если с ним все хорошо.

— И почему бы он прислал нас к вам? — спросила Фатима. Она не хотела грубить, но ей нужно было торопиться. Кроме того, публике не обязательно знать о Загросе. Похоже, книготорговец почувствовал ее настроение.

---

[83] Примечания: 83

Караимы — возникшее в VIII веке в Багдаде еврейское религиозное течение, доктрина которого основывается на изучении Танаха (Ветхого Завета). Караимы не признают Талмуд и Устный Закон, и считают его искажением библейского иудаизма.

[84] Примечания: 84

Хайманот (*амхарское*: религия, вера) — направление иудаизма, практикуемое эфиопскими евреями (фалаша).

— Ладно, тогда. Давайте приступим. — Он отложил книгу. — «Тысяча и одна ночь». Достаточно известный сборник. Его создавало множество авторов на протяжении столетий. Первые сказки появились в Индии и Персии и не переводились на арабский до восьмого столетия. Несколько позже, вероятно в Багдаде, к ним добавились новые сказки вместе с более древним фольклором.

В его глазах засиял огонек рассказчика, и Фатима вздохнула. Это затянется надолго.

— Только к тринадцатому столетию истории из Сирии и Египта раздули количество сказок до тысячи, — продолжал он. — Часть из них добавили только недавно — вроде «Али-Бабы и сорока разбойников». Скорее всего, выдумка французского фантазера. Хотя Сорок леопардиц, о которых я читал в газетах, похоже, вдохновлялись этой сказкой, которая, в свою очередь, вдохновлялась более древними историями. С тех пор как появились джинны, на улицах и в кофейнях начали рассказывать новые сказки. Некоторые из них прямо здесь, в Азбекии. Полагаю, когда речь заходит о «Тысяче и одной ночи», мы продолжаем наполнять ее страницы.

Тсега нетерпеливо щелкнула языком, и Рами очнулся от своих раздумий.

— В любом случае вы, скорее всего, знакомы с более традиционными сказками. Наверняка у вас даже есть любимые.

«Конечно», — подумала Фатима. Она знала эти истории с детства. «Сказка о купце и духе», «Сказка о рыбаке», «Рассказ о коне из черного дерева». Когда она немного подросла, то приступила к тем, что пострашнее — вроде «Рассказа об Аджибе и Гарибе», кишащего свирепыми гулями, — или откровенно неприличным, как «Али с большим удом»[85]. Там были истории о домах на луне и русалах или говорящих деревьях, одна фантастичнее другой.

— Мне всегда нравился «Рассказ о трех яблоках», — сообщила Хадия. — И еще «История убитой девушки»[86]. И тому подобные вещи. О загадках, которые нужно раскрыть.

— Вроде того, — кивнул Рами. Он склонил голову набок. — Что насчет «Повести о Медном городе»? Вы ее помните?

— О царе Сулеймане, да? — спросила Хадия. — О

---

[85] Примечания: 85

«Али с большим удом» — сказка, насмехающаяся над одержимостью большим размером члена, входит только в манускрипт Эварда Уортли-Монтегю (1713–1776).

[86] Примечания: 86

«История убитой девушки» — это другое название «Рассказа о трех яблоках».

каком-то путешествии?

— Они искали затерянный город, — добавила Фатима. В детстве она любила эту историю. — Там были медные лошади и люди и мумифицированная царица…

— О! Мумифицированную царицу я помню! — с энтузиазмом поддержала Хадия.

— А вы помните, зачем они искали этот город? — спросил Рами.

Хадия открыла было рот и нахмурилась. Фатима отреагировала так же.

Она прокрутила историю в голове — такую яркую, с марионетками и человекоподобными машинами, которых многие современные ученые считали ранними предшественниками автоевнухов. Но цель путешествия она вспомнить не смогла. И это было странно — ведь в ней заключался весь смысл истории.

— Я не помню, — признала агент.

— Возможно, это поможет. — Рами открыл книгу на нужной странице и постучал по ней пальцем. — Давайте. Читайте. О цели говорится прямо здесь.

Глаза Фатимы пробежали по тексту. Он читался довольно легко, написанный в старом стиле и ритме, характерных для подобных историй.

Сказка начиналась с короля и беседы о пророке Сулеймане. Моряк высадился в странном королевстве с чернокожими людьми с обнаженными телами, подобными зверям и не разумевшими речи. Фатима скривилась. Эта часть всегда была такой неуютно расистской? Там было что-то о джинне, чего она не могла уловить. Ее разум словно скользил мимо слов. Выбросив это из головы, она продолжила поиск. Путешествие началось с персонажа по имени Талиб. Только она не могла понять почему. Фатима попробовала снова, читая медленнее и пропуская части, где слова, казалось, просто уплывали из-под ее глаз. Помотав головой, она толкнула книгу к Хадие, которая тянула шею, чтобы тоже заглянуть в текст.

— Я ничего не нашла, — сказала следователь. — Что я должна там увидеть?

Книготорговец улыбнулся и обменялся с женой понимающим взглядом.

— Перестань с ними играть, Рами, просто объясни, — упрекнула она его. Затем обратилась к Фатиме: — С его любовью к драматизму иногда мне кажется, что ему стоило пойти в театр. У меня на родине из него мог получиться хороший

Сулейман в постановке «Кебры Негаст»[87]. Или один из коптских ортодоксальных отцов, которые спорят в увертюре.

Рами фыркнул, услышав это замечание, но ответил:

— Вы не можете увидеть, где упоминается цель путешествия. Странники пытались найти кувшины, когда-то принадлежавшие царю Сулейману. Там говорится, что он заключил в них джиннов, используя свою печать, а затем выбросил их в море. — Он снова постучал по книге. — Теперь видите?

Фатима взглянула еще раз — и сразу увидела, о чем он говорил. Слова появились прямо перед ней. Талиб узнал о медных кувшинах, в которых были заключены джинны, запертые там царем Сулейманом с помощью перстня с печатью. Он отправился в странствие, чтобы их найти. Рядом с текстом даже нарисовали символ — гексаграмма из двух наложенных пирамид, вписанных в круг. Где она раньше видела этот рисунок? Под символом тянулась надпись на джиннском.

— Печать Сулеймана, — перевела Хадия, не

[87] Примечания: 87

«Кебра Негаст» (*гээз*: Слава Царей) — книга XIV века с легендами о происхождении эфиопских правителей от царя Соломона и царицы Савской, а также с предсказаниями грядущей славы Эфиопии.

сводя глаз с гексаграммы. Она нахмурилась и перевела взгляд на книготорговца. — Что это? И почему секунду назад мы этого не видели?

Рами поднял палец вверх и многозначительно им покачал.

— Два вопроса с одним ответом. Как две стороны монеты. Печать Сулеймана многое в себя включает. Иногда это шестиконечная звезда, или пятиконечная, или восьми-, даже двенадцатиконечная. А иногда это символ на странице, часто заключенный в круг. Этот образ стал популярен в Европе времен Ренессанса, а также среди последующих приверженцев оккультизма, которые, вероятнее всего, переняли его из куда более ранних эзотерических традиций иудаизма, ислама и Византии. — При этих словах Фатима вспомнила, где видела этот символ — на флаге Братства аль-Джахиза! Только кругом там служил огненный змей, пожирающий свой хвост.

— Никто точно не знает, как выглядела печать, — продолжал Рами. — Но в «Медном городе» есть очень интересный отрывок о джиннах, заключенных Сулейманом. Там говорится о перстне. Одни говорят, что печать на кольце создана самим Аллахом. Другие, что кольцо и есть печать. Но все они сходятся на том, что

именно кольцо даровало Сулейману власть над джиннами!

Фатима воззрилась на книготорговца. Кольцо, способное контролировать джиннов! Кольцо, которое могло сделать человека Хозяином Джиннов.

— Почему мы раньше об этом не слышали? — спросила Хадия. Фатиме тоже хотелось это знать. Казалось невозможным, что министерство могло упустить нечто настолько важное.

— Другая сторона монеты, — провозгласил Рами. Он пристально посмотрел на Хадию. — У вас прекрасный хиджаб. Очень современный. Простите старика за бесцеремонность, но он очень подходит к вашим глазам. — Затем он обратился к Фатиме. — То же могу сказать о вашем галстуке. Это красный цвет?

— Пурпурный, — ответила Фатима, придя в замешательство вслед за напарницей. К чему это он?

— О чем мы только что говорили? — подался вперед книготорговец.

Фатима собралась ответить. Но остановилась. Ее сознание необъяснимым образом опустело. Она быстро восстановила в памяти последние несколько минут. Они сели, чтобы поговорить о

«Тысяче и одной ночи», он упомянул «Повесть о медном городе», попросил прочитать страницу и… и… Она повернулась к Хадие за помощью, но та тоже была в смятении. Взгляд Фатимы опустился к книге, просматривая страницу. Обычная сказка. А слова, что проплывали мимо ее глаз, она игнорировала.

— Мы говорили о Печати Сулеймана, — доброжелательно подсказал Рами. — Талисман, обладающий силой контролировать джиннов.

Воспоминания мгновенно хлынули назад в голову. Фатима видела, как слова на странице вновь обретали форму. И появился символ. Она едва не вскочила со стула.

— Что произошло? — прошептала Хадия, выглядевшая словно тоже готова вскочить на ноги.

— Пейте чай, — сказала им Тсега, ободряюще взмахнув рукой. — Листы, из которых он заварен, успокаивают. Вам это понадобится для того, что последует дальше.

Фатима пила маленькими глотками, поскольку чай оказался довольно горьким — с пряным вкусом. Но теперь она обнаружила, что практически вливает напиток в горло. Закончив чашку, она пристально посмотрела на книготорговца:

— Объясните.

Коротышка откинулся на спинку стула, тщательно подбирая слова, прежде чем заговорить.

— Знаете, аль-Джахиза называют Хозяином Джиннов. Но это неправильный титул. Он его никогда не использовал. Его наделили этим прозванием после того, как аль-Джахиз исчез — часть мифов и легенд, которые крутятся вокруг него. — Он помахал рукой, словно отгоняя эти истории. — На самом деле аль-Джахиз известен своей ненавистью к рабству. Он и сам когда-то был рабом и проповедовал против этой практики на каждом углу. Так что я не верю, что у него было кольцо, которое лишало джиннов свободной воли. По сути, это превращало бы их в рабов.

— Но вы сказали, что кольцо Сулейману передал сам Аллах, — возразила Хадия.

— Так говорят сказки, — выставил перед собой ладони Рами. — Иногда кольцо даруют за его мудрость. В других вариантах, чтобы сковать и наказать непокорных джиннов. Но позже перстень превратился в талисман, управляющий всеми джиннами. Не слишком-то это честно или справедливо. Уверен, джинны могут рассказать собственную версию событий. Кто знает, был ли Сулейман его первым владельцем. Или это гораздо более древний предмет, возможно, даже не из

этого мира. Какой бы ни была правда, на месте современных вернувшихся джиннов захотел бы я, чтобы кто-либо знал о кольце, которое может дать надо мной власть? Которое снова превратит меня в раба?

— Вы хотите сказать, что кто-то создал магию, заклинание, которое всех заставляет забыть о Печати Сулеймана? — недоверчиво уставилась на него Фатима.

— Не просто забыть, — поправила Тсега. — Скрыть содержимое книг от наших глаз. Вычеркнуть из наших историй. — Она постучала себя по виску. — Заставить знание ускользнуть от наших разумов.

— Все наши книги, — добавил ее муж. — Все наши сочинения. Везде, где упоминается Печать Сулеймана, становится трудно читать. Остаются пробелы, о которых мы даже не подозреваем. Вы понимаете, о чем я говорю? Эта магия не просто скрывает правду, она заставляет нас принять ее отсутствие! Тишину! Она принуждает наши разумы работать над тем, чтобы эти пробелы обрели смысл.

Фатима посмотрела на Хадию, которая выглядела такой же ошарашенной. Чтобы добиться подобного результата, необходима умопомра-

чительная магия. Она противоречила самой концепции волшебства, как они его понимали. Из-за нее министерство и все его исследования выглядели детским баловством перед лицом сил, не подвластных разумению.

— Но как вы об этом узнали? — спросила она книготорговца. — Как вы это увидели?

— Я очень любопытный человек. — Он самодовольно улыбнулся. — Из-за этого я не раз попадал в неприятности. Но есть и свои плюсы. Когда я столкнулся с этими пробелами, они меня раздражали. Словно тишина, которую они пытались создать, была слишком громкой.

— Он просто упрямец, — ворчливо возразила Тсега. — Каменная башка.

Рами проигнорировал жену и продолжил:

— Я возвращался к чтению страницы опять и опять, ощущая, что я что-то упустил. И в один прекрасный день я кое-что заметил. Оказалось, что у магии есть собственные пробелы — области, которые не могут учесть каждый мозг. Стоило мне один раз пробиться сквозь заклинание, это было лишь делом времени, пока я не смог прочитать текст полностью.

— Почему вы не сообщили в министерство? — возмутилась Хадия. — Мы должны знать такие

вещи!

— Рассказать министерству о чародействе, достаточно могущественном, чтобы одурачить весь мир? — Рами поднял брови. — И что произойдет, когда сотворившее эту всемогущую магию существо обо мне узнает? Я сказал, что я любопытный, а не самоубийца!

— Но вы все-таки рассказали кое-кому из министерства, — сказала Фатима. — Загросу.

— Моему другу, — подтвердил Рами. — И собрату-книголюбу. Разумеется, если кто и мог знать об этом заклинании, я был уверен, что это он. — Он нахмурился. — Но когда я спросил, Загрос повел себя… странно. Словно дело было не в том, что он не хотел мне сказать, но…

— …не мог, — закончила Фатима. Вот почему Загрос послал их сюда. Книготорговец был единственным, кто мог им об этом рассказать.

— Думаю, на джиннов магия действует иначе, — задумался Рами. — Они вроде как знают, но рассказать не могут. Их языки скованы.

— Стоило нам перестать говорить о печати, как мы о ней забыли. Это случится снова?

— Это сильная магия, — кивнул он. — Но я выработал методы, чтобы воспользоваться ее изъянами. — Он указал на ходики, где стрелка

приближалась к часу. — Подождите минутку.

Они подождали, пока стрелка отсчитала секунды и пробило нужное время. Каждые часы в комнате зазвучали ударами и звоном, даже свистками — наряду с автоматами, которые били в барабаны, танцевали или пели. Посреди этого шума книготорговец и его жена достали сложенные листки и начали читать. Один из них Рами выдал Фатиме. На нем была единственная надпись: «Помни Печать Сулеймана и кольцо для контроля джиннов».

Когда часы остановились, он сунул листок обратно в жилет, похлопав по карману.

— Я воспринимаю это как своего рода лекарство. Принимать каждый час или по необходимости. Таким образом память не исчезает.

Фатима поблагодарила караима, складывая свою записку.

— Вы когда-нибудь слышали или читали о Девяти Владыках-ифритах? Колыбельная джиннов? Может, Загрос ее упоминал?

— Загрос никогда не говорил о колыбельных для джиннов, — покачал головой Рами.

Ну, попытаться стоило.

— Вы можете сообщить названия книг с любыми упоминаниями Печати Сулеймана или

магического кольца, способного контролировать джиннов?

— Это я могу! — охотно закивал книготорговец. — Я составил список! — Он встал, бормоча под нос, и начал рыться в своих бумагах. Фатима хотела последовать за ним, но ее остановила рука на плече. Тсега попросила их с Хадией ненадолго задержаться, голос ее был тихим:

— Рами вам об этом не скажет. Он не раз исчезал из магазина. Иногда на целый день. Он не помнит, как уходил или куда. Но когда он возвращается, ему будто приходится заново учить все, что он знал о печати.

— Вы считаете, что кто-то его похищает? — Фатима увидела в глазах абиссинки неприкрытую тревогу. — Заставляет забыть?

— Я боюсь, что это может повлиять на его разум, — мрачно кивнула Тсега.

— Вы знаете, кто это делает? — спросила Хадия.

— Не могу сказать с уверенностью. — Женщина сжала губы. — Но однажды я спряталась и следила за ним, чтобы посмотреть, когда его снова заберут. Я так и не увидела похитителя. Но я его слышала! — Последние слова перешли в шипение. — То был звук крыльев! Механических

крыльев!

Фатима с шумом вдохнула.

— Ангел, — прошептала она.

Ради всех миров, они-то какое отношение ко всему этому имели?

Глава двадцать вторая

Чтобы договориться о встрече с ангелами, понадобился еще день.

Фатима удивилась, что они вообще согласились встретиться. Ангелы редко снисходили до ответа на просьбы смертных — даже государственных служащих. Обычно министерству приходилось отправлять множество официальных писем, чтобы в лучшем случае получить краткий и небрежный ответ.

Можно представить ее шок, когда следователь не только получила аудиенцию, но еще и с Советом ангелов. Да, письмо скорее напоминало повестку: «Вам необходимо явиться перед Великим Советом высших ангелов…» и так далее. Но когда в последний раз агент встречался с их правящим органом? Фатима полагала, что слова «Печать Сулеймана» сыграли свою роль.

— Думаете, они нас ждали? — допытывалась Хадия. Она все поправляла на ходу хиджаб — белый шелк с узором из золотых листьев.

— С ними, кто знает, — ответила Фатима. — Давайте еще разок.

Они остановились в тени здания, и Фатима

достала из кармана своего светло-серого пиджака листик бумаги — тот самый, который им дал Рами. Она прочитала содержимое и передала его Хадие. Со вчерашнего дня напарницы старались регулярно проверять записку, чтобы свести действие заклинания на нет.

На полдороги от книготорговца агенты совершенно забыли, чем занимались и зачем. Прошел час, прежде чем Фатима случайно достала записку из кармана и с любопытством ее прочла — после чего воспоминания хлынули обратно. Теперь они придерживались расписания. Напарницы даже сделали копии, спрятав их в карманы и в места, куда часто заглядывали. Утомительный процесс, но они больше не могли позволить себе терять время.

Хоть самозванца не видели с королевского саммита, его влияние все еще чувствовалось. Пятница — нерабочий день, но улицы были пустыннее обычного. Даже джахизиты затаились. Многие опасались, что это затишье перед бурей. Ходили слухи, что аль-Джахиз готовился к нападению на город, погоняя армию гулей перед собой. Городская администрация призывала к спокойствию, чтобы массовая паника не спровоцировала эвакуацию. Фатима даже не хотела

представлять, какой кошмар будет твориться на дорогах.

— Интересно, чего они хотят? — томилась Хадия, продолжая теребить хиджаб. — Ангелы.

— Когда-нибудь их встречали? — поинтересовалась Фатима, пока они поднимались по длинной лестнице.

— Видела одного мельком в Александрии, он парил высоко в небе.

— Вблизи ощущения совсем другие. Когда мы с ними встретимся, постарайтесь не смотреть им в глаза. Это помогает.

— Я буду в норме. В конце концов, они ненастоящие ангелы. Настоящие ангелы с Аллахом, у них нет свободы воли. Эти существа — нечто совсем иное.

Фатима знала эту фразу. Но слова новенькой прозвучали будто она их репетировала. И она все еще теребила платок.

— Я уже имела с ними дело, так что лучше говорить буду я. Держите записку наготове. Если я начну сбиваться или покажусь растерянной, заставьте ее прочитать.

— Это я могу, — заверила Хадия. — Надеюсь, у них есть способ избавиться от этой штуки. — Она обвела рукой вокруг головы, указывая на невиди-

мое заклинание. Фатима тоже на это надеялась. В таком состоянии невозможно вести расследование. Добравшись до вершины лестницы, они остановились, чтобы полюбоваться на возвышающееся перед ними здание.

Цитадель Саладина. Ее построили в двенадцатом столетии и с тех пор постоянно достраивали, в последний раз при Мухаммеде Али-паше Великом. Одно из старейших средневековых зданий в Каире, вместе с несколькими примыкающими масджидами — включая названную в часть паши. Этим она и была знаменита, пока не прибыли ангелы. Они немедленно разместили свое руководство здесь, во дворце аль-Гоухара. Никто не возражал. Когда дело касалось ангелов, возражения возникали редко. С момента своего появления вскоре после джиннов они захватили множество исторических зданий, часто выплачивая правительству большие суммы за их аренду.

Мухаммед Али построил аль-Гоухару в том же месте, куда пригласил несколько сотен Мамлюков на пир — чтобы потом всех их вырезать. Многие считали, что решающую роль в укреплении силы паши сыграл тайный советник-джинн, превратив оружие мамлюков в песок прямо у них в руках. Странный выбор прибежища для

предполагаемых ангелов, но кто знает, чем они руководствовались. Дворец снова перестроили для них, переделав этажи так, что теперь здание поднималось почти так же высоко, как масджид Мухаммеда Али, и добавили несколько куполов, занимавших бóльшую часть южной стороны комплекса.

Вход охраняли два крупных мужчины в белых халатах и тюрбанах. Оба держали в руках длинные копья, которые оканчивались золотым полумесяцем, Звездой Давида и заостренным крестом. Ангелы не любили ничего упускать. Мужчины уставились на Фатиму и Хадию с одурелым выражением на широких лицах.

Фатима передала одному из них приглашение. Охранник взял его и ахнул от удивления, глядя на огненные буквы священного языка, которые извивались и двигались на листе. Вернув его, он отступил в сторону и открыл дверь, пропуская агентов внутрь.

Помещение бывшего дворца превратили в обитель ангелов. Парочка совсем маленьких — не больше ребенка — порхали на механических крыльях под аккомпанемент музыки: грегорианские хоралы, энергичные нашиды и гимны кружащих дервишей. Внизу занимались своими

делами по уходу за домом люди и джинны-работники в белых одеждах. Все они разделяли одурелое выражение лица, как у охранников.

Фатима посмотрела на Хадию, которая не отходила далеко. Она уставилась на идущего по вестибюлю ангела. Тот был больше похож на тех, к которым привыкла Фатима, — механический гигант, напоминающий человека, с четырьмя длинными руками и огромными крыльями из нефрита и кобальта. Его истинное эфирное тело скрывалось в недрах машины и сияло, как обретший плоть свет.

— Хадия, вы справитесь? Хадия!

Новенькая резко обернулась на свое имя.

— Вы помните, зачем мы сюда пришли? — спросила Фатима. Теперь лицо Хадии приобрело растерянное выражение, которое не исчезло, пока она не увидела записку.

— Простите, — пробубнила Хадия, ее щеки покраснели. — Я просто не знала, что они такие… то есть они ненастоящие ангелы, но… — Она обвела помещение взглядом. — Аеех! Это место. Оно немного подавляет. Такое огромное. Больше внутри. Еще одна иллюзия? Как в квартире Сивы?

Фатима покачала головой, рассматривая гигантские колонны и высокие сводчатые по-

толки.

— Ангелы не занимаются иллюзиями. Их магия очень высокого уровня. Министерство считает, что внутренняя часть здания функционирует как экстрамерное экспоненциальное пространство. Строго говоря, возможно, мы сейчас даже не в Каире.

— Строго говоря, агент, вы действительно не в Каире, — подтвердил чей-то голос.

Напарницы обернулись и увидели джиннию с охровыми рогами, которая направлялась к ним широкими шагами. Она была в тонком белом платье и с приятной серебряной улыбкой на черном лице.

— Доброе утро, агенты Фатима и Хадия. Я Азмур, ваша сопровождающая в Совет.

Они поздоровались в ответ.

— Не знала, что нам нужна сопровождающая, — сказала Фатима.

— Мы обнаружили, что это пространство сбивает смертных с толку, — пояснила Азмур. — У нас были, эм, инциденты, когда гости терялись на несколько дней. Иногда недель. Повестка при вас?

Фатима протянула приглашение. Значит, она была права.

— Отлично. Уделите, пожалуйста, минутку, вам нужно заполнить необходимые формы. — Она подозвала слугу, которого до этого агенты даже не заметили — маленького мужчину со все тем же одуревшим лицом. В одной руке он держал стопку бумаг, а в другой набор ручек. Фатима скорчила гримасу.

Ангелы были печально известны своей бюрократией. Они требовали, чтобы каждая мелочь записывалась, подписывалась, заверялась печатью и утверждалась — часто в трех экземплярах. Каирцы шутили, что, должно быть, именно ангелы изобрели делопроизводство. Фатима взяла ручку, просмотрела первый бланк, от юридической зауми которого у нее чуть не закружилась голова, и поставила свою подпись в пяти местах. Последовало еще восемь форм. К тому времени, как они закончили, ее руку свело судорогой.

— Надеюсь, я не отписала свою свободную волю и лучшие воспоминания, — пробормотала Хадия.

— О нет, — ответила Азмур. — Такие формы куда длиннее. — Хадия остановила процесс подписывания на полуслове, но заметила ухмылку на губах джиннии. Шутка. По крайней мере Фатима на это надеялась. Когда они закончили, Азмур

отпустила слугу и повернулась к ним.

— Теперь, когда формы заполнены, я отведу вас в Совет. Следуйте за мной, пожалуйста.

Агенты отправились в путь вслед за джиннией, которая повела их сквозь громадный зал и по одному из множества коридоров. Пока они шли, Фатима заметила большие открытые комнаты — где люди занимались странным трудом. В одной были только женщины в вуалях, они сидели за расставленными ровными рядами столами и выводили кистью на пергаменте какие-то символы священного языка. Когда они проходили мимо, одна из женщин начала безудержно смеяться и упала со стула. Женщину подняли и увели, а на ее место села другая, продолжив работу. Во второй комнате были кружащие дервиши в цветастых одеяниях, все они декламировали зикры и вращались дольше, чем казалось возможным. В третьей находилась огромная машина с вращающимися шестеренками, вокруг которой суетливо сновали мужчины и женщины. Фатима остановилась посмотреть, в ее голове всплыли неуютные воспоминания о Часах Миров.

— Для чего эта машина?

— Хм-м? — Азмур рассеянно взглянула на механизм. — О, чтобы мир продолжал вращать-

ся. — Увидев их ошеломленные лица, джинния улыбнулась. — Шутка, агенты. Прошу, идемте.

— А такая машина и правда есть? — полюбопытствовала Хадия, догоняя провожатую. — Чтобы мир вращался?

Фатиме стало тревожно, когда джинния ограничилась очередной серебряной улыбкой.

Они прошли еще несколько коридоров, пока наконец не остановились у высоких золотых дверей с охраной. На этот раз стражами были джинны чешуйчатые и с острым оружием.

— Мы прибыли, агенты, — сказала Азмур. — Я буду ждать, чтобы проводить вас обратно.

Она заговорила с джиннами-охранниками на другом языке и те отворили двери, открывая доступ и то, что находилось внутри.

За широким круглым столом, в креслах, созданных для гигантов, сидели четыре ангела.

Их механические тела были скорее произведениями искусства, чем машинерией: шестеренки кликали, как сердца, а стальные волокна имитировали мышцы. Они одновременно повернулись, уставившись на агентов четырьмя сияющими взглядами. Фатима подавила всхлип и вместо этого шагнула вперед, достала значок и представилась. Она ждала, что Хадия сделает то же, но

новенькая лишь стояла в оцепенении, глядя в эти сияющие глаза. Фатима совершенно точно говорила, что этого *не* стоит делать. Она с силой ткнула Хадию локтем, отчего та принялась судорожно рыться в карманах, пока наконец не вынула значок. Но единственным, что она сумела выдавить из себя в качестве приветствия, было слабое «урк».

— Мы знаем, кто вы, агенты, — заговорил один из ангелов. Его голос прозвучал мелодичным грохотом: прекрасная песня, смешанная с громом. Как и все ангелы, он носил маску с овальными прорезями для глаз. Ее отлили из золота, которое сверкало, словно его окунули в звездный свет. Она сочеталась с его телом, выкованным из черного железа, за исключением кончиков крыльев, которые тоже мерцали золотом. — Здесь меня называют Лидером.

Конечно, называют. Ангелы, как и джинны, скрывали свои истинные имена. Вместо этого они принимали титулы, связанные с их предназначением. Фатима последовала жесту одной из четырех рук Лидера и подошла к двум стульям, достаточно маленьким, чтобы на них могли устроиться люди. Она опустилась на один и усадила оторопелую Хадию на второй.

— Мы все еще ожидаем одного из наших участников, — сказал Лидер. Две его руки были сложены на столе рядом с папкой, которая выглядела слишком маленькой, чтобы он смог ее открыть. Фатима только заметила, что здесь стояло пятое кресло, сейчас пустовавшее. В словах ангела прозвучало раздражение, что подходило его маске — с ее бесстрастным выражением и поджатыми губами. — Пока мы ждем, вам, возможно, лучше познакомиться с остальными.

— Я Гармония, — тепло поприветствовал их другой ангел. У него был женский голос и маска с приятной улыбкой. Полное округлое тело постоянно переливалось всеми цветами радуги, ни на секунду не задерживаясь на одном.

— Я Диссонанс, — отрывисто представился третий. Каждый член его тела состоял из острых углов, казалось, от одного прикосновения можно порезаться. Он был цвета кости, до самых кончиков крыльев, без малейшего намека на цвет. Диссонанс смотрел на мир из-за насупленной черной маски.

— Я Защитник, — прогрохотал четвертый. Ему подходило это имя — с его массивным механическим телом и шестью мощными руками — на две больше, чем она видела у большинства ангелов.

Он был окрашен серебряным и малиновым, а его маску могли бы вырезать для статуи героя.

Не успел он закончить, как золотые двери распахнулись и появился еще один ангел. Как и остальные, не менее двенадцати футов ростом. Четыре механические руки крепились к бронзовым плечам, а за широкой спиной виднелись блестящие платиновые крылья с малиновыми и золотыми прожилками.

При виде новоприбывшего Фатима почувствовала, как сводит ее тело. Непроизвольная реакция, которую она могла контролировать не более чем чихание или зуд. Она мгновенно вскочила на ноги и выхватила револьвер. Сердце колотилось так, что вскоре его стук заполнил уши.

— Творец! — прорычала следователь. Это должно быть невозможным. Она видела, как умирал этот ангел — погружая кинжалы в свое тело, когда приносил жертву. Однако он стоял перед ней, живой! Ей никогда не забыть полупрозрачную алебастровую маску с неизменной слабой ухмылкой. Она преследовала ее в кошмарах. Фатима не знала, сможет ли пуля повредить одному из этих существ. Но она была готова выяснить.

Ангел остановился и, склонив голову, уставил-

ся на револьвер — скорее с любопытством, чем со страхом.

— Ты опоздала, — сделал замечание Лидер.

— Мои извинения, — ответил Творец на удивление мелодичным женским голосом. — Мне кажется, эта смертная желает причинить мне вред. Очаровательно!

Лидер повернулся к Фатиме, только сейчас заметив, что она стоит с револьвером. Хадия так и не вырвалась из оков священного трепета.

— Прошу, остановите ее, — простонала Гармония. — Стрельба приводит к огорчительным итогам.

— Нет, — возразил Диссонанс. — Я хочу посмотреть, что произойдет.

Защитник только громыхнул механическим горлом.

— Я просил прийти вовремя, потому что хотел все объяснить, — проворчал Лидер. — Она считает, что ты другой Творец, с которым у нее был… неприятный… опыт.

— Разве она не видит, что я не он? — спросила Творец.

— Как я неоднократно тебе говорил, восприятие смертных ограниченно, — ответил Лидер.

Фатима слушала их разговор, и частицы инфор-

мации заставили ее заново проанализировать ситуацию. Творец говорил женским голосом. И более юным. И вел себя так, словно они никогда не встречались. Она медленно опустила револьвер.

— Еще один Творец? — спросила она. — Зачем?

— Чтобы заменить прошлого Творца, — ответил Лидер. Будто это все объясняло.

Фатима почувствовала, как ее сердце медленно приходит в норму, принимая, что все-таки это не безумный ангел. Она снова уселась, пряча оружие, но слишком потрясенная, чтобы устыдиться своей вспышки. Ее глаза оставались на Творце, следя за каждым его движением.

— Теперь, когда мы все собрались, — заговорил Лидер, — перейдем к делу. — Он обратился к Фатиме: — Мы знаем, зачем вы пришли.

Фатима направила на ангела непонимающий взгляд.

— Печать Сулеймана, — услужливо подсказала Гармония.

К агенту вернулись воспоминания, и она смутилась. Слишком отвлеклась.

— Вы знаете о кольце, — продолжал Лидер. — Либо вы сами о нем догадались, либо посетили книготорговца. Мы подозревали, что в свое время

вы до него доберетесь.

— Я же говорила! — добавила Творец. Личина ангела оставалась бесстрастной, но в словах звучал восторг. — Когда я узнала, как вы разобрались с моим предшественником, то была уверена, что вы и заклинание найдете! Вы незаурядная смертная! — Она повернулась к оцепеневшей Хадие. — О, уверена, вы тоже незаурядная.

— Похоже, нам предназначено судьбой пересекать пути с агентом Фатимой, — задумчиво сказала Гармония.

— Или она упрямо идет по дорогам, куда ей ступать не следовало, — язвительно заметил Диссонанс.

Защитник снова громыхнул.

— Это были вы, — Фатима уперлась взглядом в Лидера. — Вы стерли все следы Печати Сулеймана.

— Стерли из человеческого восприятия, да, — подтвердил ангел. — И памяти. Настоящий подвиг, филигранная магия, но мы стараемся тщательно выполнять свою работу.

— Что дает вам право играть с нашими разумами? — От небрежности его тона Фатима вспыхнула гневом. — Кто позволил вам судить, что мы можем или не можем знать?

Ангелы молча смотрели на нее в недоумении.

— Она считает, что мы действовали по собственному желанию, — прокомментировала Творец. — Очаровательно!

— Что это значит? — поморщилась Фатима.

Лидер выставил две из четырех ладоней в успокаивающем жесте:

— Удаление ваших знаний о Печати Сулеймана не было нашей инициативой. Мы сделали это по требованию джиннов.

От этих слов Фатима потеряла дар речи.

— Джинны, — пробормотала Хадия, как только что проснувшийся человек. — Книготорговец тоже так сказал. Они не хотели, чтобы мы знали о кольце.

— Они считают, что подобное знание в ваших руках опасно, — подтвердил Диссонанс. — Все же ваш вид так замечательно непредсказуем.

— Они решили, что единственный способ обезопаситься — это избавить вас от искушения, — продолжил Лидер. — С этой целью они поручили нам сотворить великую магию. Заклинание, которое удалит то, что вы знали, и скроет мудрость от ваших глаз в будущем.

— А кроме того, она не позволяет говорить о Печати самим джиннам, — добавила Фатима.

— Магия не терпит дисбаланса, — вмешалась Гармония. — Джинны не могли получить желаемое и не заплатить за него. Ценой равновесия стало их собственное молчание.

— Как я уже сказал, — с гордостью заметил Лидер, — мы стараемся тщательно выполнять работу.

«Значит, этот эффект был неумышленным», — подумала Фатима. Министерство регулярно распространяло уведомления, предостерегающие людей от заключения неразумных контрактов с джиннами. Возможно, им следовало предостерегать подобным образом и джиннов от заключения договоров с ангелами.

— У вашей великой магии есть изъяны, — сказала Фатима. — Некоторые люди могут преодолевать заклинание — как книготорговец. Вы его похищали, пытаясь стереть память. Но он продолжает ее возвращать. Он продолжает находить способы справляться с магией.

Крылья ангелов неловко зашевелились. Защитник как обычно громыхнул. Вчера Фатима нашла еще один изъян. Она рассказала о кольце Сити. Та никогда о нем не слышала, похоже, магия действовала на ее человеческую сторону. Но после единственного объяснения Фатимы она

больше не нуждалась в напоминаниях. В облике джиннии она тоже могла говорить о Печати безо всяких затруднений.

— Это так, — согласилась Творец. Она повернулась, чтобы обратиться к Фатиме напрямую. — Я увидела структурную опасность, как только прибыла в это измерение. Магия похожа на ткань ваших дирижаблей. Попытайся ее обернуть вокруг слишком большого каркаса — и она будет чересчур туго натянута. Появятся слабые места, и вскоре возникнет опасность разрыва! Я предупреждала, но разве они слушают ту, чья суть заключается в конструировании…

— Хватит, — твердо приказал Лидер, устремив сияющие глаза на Творца. — Мы еще побеседуем о твоей склонности говорить больше чем следует, в неподходящее время в неподходящей компании. — Младший ангел сжалась, ее крылья обвисли. Лидер вернулся к Фатиме. — Важно то, что кто-то, помимо докучливого книготорговца, обладает достаточно сильной волей, чтобы обойти наши чары. К тому же теперь он владеет кольцом.

— Самозванец, выдающий себя за аль-Джахиза, — сказала Хадия, похоже, придя в себя.

— Негодяй! — прошипел Диссонанс. — Украв-

ший у нас кольцо!

— Печать Сулеймана была у вас? — в изумлении разинула рот Фатима. — Все это время?

— Частью соглашения было обеспечение сохранности кольца, — объяснил Лидер. — Каждый день, когда оно у самозванца, мы нарушаем контракт.

— Зачем вы вообще его хранили? — поразилась Фатима. — Почему не уничтожили?

По комнате прокатились ахи. Даже громыхание Защитника звучало оскорбленным.

— Уничтожение священной реликвии было бы святотатством! — мелодично провозгласила Гармония.

— Как кто-то сумел его у вас украсть? — спросила Хадия. — У кого хватило смелости?

— У тех, кто искал предметы, связанные с аль-Джахизом, — ответил Лидер.

— Братство лорда Уортингтона, — заключила Фатима.

— Покойный лорд Уортингтон и его эксцентричная одержимость, — подтвердил Лидер.

— Печать, — сказала Фатима, — это часть герба братства.

— Еще одно неудачное уклонение от нашей магии, — вздохнула Гармония. — Пусть и частич-

ное. Лорд Уортингтон сумел воссоздать подобие Печати, но так и не смог понять ее значение. Мы давно решили, что этот герб безвреден.

— Куда досаднее были его сделки, — продолжал Лидер. — Братство наняло некоего джинна, когда-то работавшего у нас архивариусом, пока его не уволили за неэтичные поступки.

— Это был иллюзорный джинн по имени Сива. — Фатима собрала фрагменты воедино.

— Прежде чем уйти, он присвоил список фондов наших хранилищ, — подхватил Диссонанс. — Он нанимал воров высокого мастерства, чтобы они пробирались внутрь и забирали то, что им прикажут. Затем эти предметы доставлялись лорду Уортингтону за определенную цену.

— Журнал Портендорфа! Там упоминался список! — воскликнула Хадия.

— В списке был меч аль-Джахиза?

— Клинок, — склонил голову Лидер. — Его украли в тот же день, что и Печать.

— Почему вы попросту не покончили с лордом Уортингтоном и его братством? — осведомилась Хадия. — Думаю, это в ваших силах. Зачем эти игры?

Прежде чем ответить, собравшиеся ангелы переглянулись.

— Поднимать шум не входило в наши намерения, — деликатно ответила Гармония.

— Вы не хотели привлекать внимание, — догадалась Фатима. — Если бы стало известно, что лорд Уортингтон забрался в ваши хранилища, вскоре каждый каирский вор попытался бы сделать то же самое — просто чтобы посмотреть, получится ли.

— Значит, вы понимаете наше затруднение, — сказал Лидер. — Когда кольцо исчезло, мы подозревали лорда Уортингтона, считая, что, возможно, он наконец разгадал значение печати на своем гербе. Затем он и его братство встретили безвременную кончину. Мы были в недоумении. Так что мы начали расследование. — Он опустил большой палец на папку, лежащую на столе, — подталкивая ее к агентам. Фатима пролистала содержимое. Финансовые отчеты, судя по всему. Она передала несколько документов Хадие.

— Активы компании лорда Уортингтона, — проинформировал Лидер. — За последний год было сделано несколько любопытных инвестиций и приобретений.

— Оружейные акции и заводы, — зачитала Хадия. — Дирижабли-бомбардировщики. Производители пулеметов «максим» и газовых

снарядов.

— Странные активы для человека, ратующего за мир, — съязвил Диссонанс.

«Здесь крылось нечто большее, — рассудила Фатима, перелистывая страницы. — Доли и суммы были астрономическими. Словно Алистер Уортингтон пытался переделать всю свою компанию для заработка от войны. Нет, не он», — поняла она.

— Вы же не думаете, что эти решения принимал Алистер Уортингтон? — спросила следователь.

— Надоедливый, конечно, смертный, — посетовал Лидер. — Но на него не похоже. Кто-то еще в доме лорда Уортингтона устроил эти перемены.

— Кто-то, кто явно презирал и лорда, и его Братство, — дополнил Диссонанс.

— Кто-то, имевший доступ к Сиве и списку, — присоединилась Гармония.

Фатима внимательно их слушала.

— И о ком же вы говорите?

Ангелы обменялись еще одним из своих раздражающих взглядов, после чего Лидер помотал головой в маске:

— Мы не следователи. На этот вопрос придется отвечать вам. Кем бы самозванец ни был, в его руках Печать Сулеймана — инструмент неверо-

ятной силы.

— Неизмеримой силы! — запричитала Гармония. — Слишком большой, чтобы смертный так своевольно ею распоряжался. Так часто. Даже Сулейман себе этого не позволял. Он заплатит за это — душой и телом!

— Вот почему мы позволили вас сюда привести, — сказал Диссонанс. — Почему поделились тем, во что вы не должны быть посвящены.

— Вы должны вернуть кольцо, агент. — В голосе Лидера звучала настойчивость. — Вы должны отнять его у самозванца до того, как будет нанесен еще больший ущерб, и вернуть его нам. Чтобы мы могли выполнить свой контракт.

Фатима не ответила сразу. Ангелы не знали, кто самозванец. Но у них явно имелись подозрения. Кто-то из семьи Уортингтонов. Все это время они с Хадией двигались по верному пути. Теперь они хотя бы получили подтверждение.

— Мы найдем кольцо, — наконец ответила она. — Но только при условии, что вы ответите еще на два вопроса и выполните два требования.

Лидеру не слишком понравилась эта сделка, но он опустил голову в знак согласия.

— Говорите. Мы ответим или исполним, в пределах разумного.

— Зачем самозванцу Часы Миров? — осторожно спросила Фатима.

Еще одно неловкое движение крыльев.

— Эту машину должны были уничтожить, — с досадой бросил Лидер.

Фатима говорила министерству то же самое, но безрезультатно.

— Да, но я спрашивала не об этом.

— Никто не знает, — вмешалась Творец. — У моего предшественника были нечестивые замыслы. Боюсь, самозванец недалеко от него ушел. Лидер прав, эту машину нужно было… демонтировать. — Последнее слово в ее устах прозвучало почти чужеродно.

— Второй вопрос, — начала Фатима. — Что вы знаете о Девяти Владыках?

— Суеверия джиннов, — отмахнулся Лидер. — Их вид склонен к подобным заблуждениям.

— Но самозванец смог бы ими управлять с помощью кольца?

— Это третий вопрос, — ответил Лидер. — Наша сделка предусматривала два.

Фатима перешла к требованиям:

— Во-первых, перестаньте похищать книготорговца. Либо усовершенствуйте магию, либо отмените ее совсем. Вы не так хорошо разбирае-

тесь в людях, как вам кажется. У вас не получится утаить знание. Мы как-нибудь, но до него доберемся. Такие уж мы есть. Оставьте книготорговца в покое.

Повисла тишина, которую нарушил громыхающий голос: «По рукам».

Фатима удивленно посмотрела на Защитника. Остальные, казалось, признали его слово окончательным и выразили свое согласие.

— Во-вторых, освободите меня и Хадию от вашего заклинания. Мы будем работать быстрее без него на шее.

— О, этого мы сделать не можем, — ответил Лидер, качая головой.

— Почему нет? — спросила Хадия. — Это же ваша работа.

— Не только наша, — объяснила Творец. Она бросила взгляд на Лидера, который жестом разрешил продолжать. — В создании чар сокрытия Печати Сулеймана участвовали представители ангелов и *других* сил, за пределами этой реальности, в качестве молчаливых партнеров. Самовольно освободить вас от заклинания, значит — нарушить договор с ними. — Ее голос понизился до шепота. — Нельзя нарушать обязательства перед ними. Никогда.

Фатима понятия не имела, кем были эти «другие». Но тревожная непреклонность в голосе ангелов заставила ее сомневаться, что их удастся переубедить.

— Есть способ избежать дисбаланса, — предложила Гармония. — Спящий джинн.

— Спящий джинн, — задумчиво повторил Лидер. — Это не противоречит контракту.

— Но может нарушить дух соглашения, — предупредил Диссонанс.

— Наши партнеры не настолько придирчивы, чтобы начать кровавую вражду между мирами из-за формулировки, — возразила Гармония. — Во всяком случае, я на это надеюсь. — Она повернулась к Фатиме. — Наш контракт заключен с каждым представителем джиннов, само их существование договор воспринимал как согласие с его условиями. Единственное исключение — это любой джинн, на тот момент неспособный дать согласие по причине своего бестелесного инертного состояния. Поскольку они существовали вне контракта на момент его заключения, они не связаны его условиями, а значит, могут при желании пересмотреть, как и к кому применяется договор — если мы дадим согласие.

— Значит… — начала Хадия, медленно прокру-

чивая слова Гармонии в голове. Ангелы могут утомлять своими юридическими клаузами. — Нас могут освободить от заклинания, не вызывая никаких… межпространственных конфликтов. Но кто этот спящий джинн?

При этом вопросе все ангелы повернулись к Фатиме. Она вздохнула, уже зная ответ.

— Очень неприятный марид. И я пообещала, что не буду его беспокоить.

Ангелы. Однажды они станут причиной ее смерти.

Глава двадцать третья

Фатима шагала мимо тюремных камер министерства во второй раз за последние два дня. Загрос все еще сидел здесь, но она пришла не к нему. Задача следователя была куда опаснее, чем допрос библиотекаря, — даже если он пытался ее убить. Теперь она понимала, что полудэв находился под контролем самозванца. Сегодня ей предстояло встретиться со значительно менее предсказуемым джинном.

— Вы притихли, — заметила она, глядя на идущую рядом Хадию.

— Визит к этим… предполагаемым ангелам. Заставил меня задуматься.

— Это сильное потрясение — даже зная, что они ненастоящие ангелы.

— Дело не в этом, — тряхнула головой Хадия. Она остановилась и посмотрела на Фатиму. — Ну не только в этом. Они изменили наше сознание. Залезли нам в головы. И мы понятия не имели. Что еще они могли изменить или спрятать? Наши тексты? Наши истории? Наши священные книги? Чего еще мы больше не знаем? Как мы можем быть хоть в чем-то уверены? — Ее глаза

закрылись, и она глубоко вдохнула, прежде чем открыть их вновь. — Как вы справляетесь с этим сокрушительным грузом? Зная, что мы всего лишь люди, а в мире существуют силы, дергающие за ниточки, о которых мы можем даже не подозревать? Я должна помочь кузине спланировать свадьбу в следующем месяце. Но мои планы кажутся бессмысленными перед лицом всего этого. — Она нахмурилась. — Интересно, когда аль-Джахиз открыл Каф, люди чувствовали себя так же? Каково это — внезапно узнать, что мир, каким ты его знал, не так уж и реален? Я понимаю, что выбрала странное время для философствований. Может, у меня нервный срыв…

— Нет, это не нервный срыв, — медленно покачала головой Фатима. — С каждым агентом это случалось. И не раз. Такая уж работа. Мы лучше обычных людей понимаем, насколько странным местом стал этот мир. Мы сами на это подписались. И эта работа не для всех. Но да, иногда я сажусь и серьезно обо всем этом задумываюсь — а потом иду и покупаю новый костюм. Потому что именно такие мелочи, вроде планирования свадьбы кузины, помогают нам сохранять рассудок. — Она подмигнула. — Как насчет расширения вашей коллекции хиджабов?

Хадия слабо засмеялась и продолжила путь.

— Напомните, что сказал тот марид? — спросила она.

Новенькая задавала этот вопрос уже в пятый раз, но Фатима все равно ответила:

— Что он спал в надежде пережить человечество. Кроме того, последнему человеку, который его разбудил, он предоставил возможность выбрать свою смерть.

— И вы дали ему свое имя и слово?

— И то, и другое. — Она чувствовала, как договор впечатался в ее кожу.

— Разве это не делает контракт нерушимым?

— Нарушить можно что угодно. Просто за это придется заплатить.

Хадия быстро прочитала ду'а для защиты, на ее лице явственно проступило беспокойство. Взгляд напарницы переместился на предмет в руке Фатимы — позеленевшую бронзовую бутылку грушевидной формы, инкрустированную золотым орнаментом.

— Как вам разрешили вынести эту штуку из хранилища министерства?

— Я ее туда сдавала. Сказала, что мне нужно внести исправления в отчет. У них не было причин думать, что я совершу какую-нибудь абсолютную

глупость — например, открою бутылку.

— Конечно, нет, — пробормотала Хадия. — Разве что вы хотите умереть.

Они остановились у самой дальней по коридору камеры.

— Вам не обязательно входить. Если что-нибудь пойдет не так, защитная магия должна его удержать.

Хадия встала на цыпочки и сняла со стены две черные дубинки, по одной в каждую руку. Вполне исчерпывающий ответ.

Фатима открыла дверь в камеру, и они вошли внутрь, захлопнув ее за собой. Пройдя в центр комнаты, агент опустилась на колени и поставила бутылку на пол.

— Мы правда собираемся это сделать? — спросила Хадия.

— Мы должны.

— Почему? — Хадия выглядела озадаченной.

Фатима протянула копию записки книготорговца, и женщина поморщилась, когда к ней вернулась память.

— Именно поэтому нам нужно освободиться от этой магии. Мы не можем вечно полагаться на трюки. — Она достала джанбию. — Готовы?

Хадия крепко сжала черные дубинки и кивну-

ла. Фатима прижала нож к печати с драконом, задержала дыхание — и провела лезвием по восковой поверхности, разрушая восстановленное заклинание.

Она едва успела отпрыгнуть, когда ярко-зеленый дым вырвался из бутылки, подобно гейзеру. Клубящийся газ быстро обрел форму, сгущаясь в широкую фигуру, напоминающую человека, — только гораздо больше. Облако уплотнялось, становилось вещественнее, пока не превратилось в плоть. Через несколько мгновений перед ними возвышался джинн.

Марид был так же ужасен, как тем вечером, — покрытый изумрудной чешуей гигант с вздымающейся грудью и гладкими костяными рогами, задевающими потолок. На мгновение он молча замер, отходя ото сна. Когда открылись три его глаза — пирамида горящих звезд, они окинули камеру одним властным взглядом, а затем сузились, остановившись на Фатиме.

— Чародейка. — Слово сотрясло тесное пространство комнаты.

Фатима заставила себя встретить его испепеляющий взгляд.

— О Великий, я уже говорила раньше — я не чародейка.

— Но дважды меня призвали в твоем присутствии. — Зеленые губы джинна скривились. — Кто, кроме чародейки, осмелится на такое? Хоть значения это и не имеет. Ты нарушила слово. Скрепленное твоим именем. Ты уже мертва.

Последнюю фразу он произнес так, будто обсуждал погоду. Фатима подобралась:

— О Великий, я бы не стала вас пробуждать без серьезных на то причин.

— У вас, смертных, всегда находятся причины, чтобы нарушить клятву. — Марид широко зевнул. — Оправдания для ваших гнусных деяний. Для самого вашего существования. От одного звука вашей бессмысленной болтовни у меня болят уши. — Он поднял когтистую лапу, которая была вдвое больше ее головы, раскрыл ладонь и раздвинул пальцы. — Как бы тебя убить: удалить кости, чтобы твое хрупкое тело обратилось в мякоть? Может, заменить твою кровь на обжигающий песок? Или заставить тебя вырезать собственные кишки и удавиться на них?

— Я вижу, вы много об этом думали, — сказала Фатима. Ее голос звучал твердо, но внутри все сжималось.

— Когда я сплю, мне только и снится, как я уничтожаю смертных, — криво усмехнулся

джинн. — Я мог бы перебить вас всех до единого, как большое стадо овец.

— Довольно! — вспылила Хадия. Она активировала обе дубинки, так что они затрещали синими разрядами. — Сегодня никто никого не будет уничтожать. Просто послушайте…

Марид небрежно махнул в ее сторону. Из стены позади Хадии внезапно вырвались каменные руки, каждая с семью пальцами. Они схватили новенькую, втягивая ее в стену. Вскрик ужаса оборвался, и ее тело окаменело — она превратилась в статую, наполовину заключенную в стене. Черные дубинки, которые она выронила, не успели удариться об пол, когда все было кончено. Фатима замерла, сжимая джанбию. Она набросилась на джинна:

— Отпусти ее! Это только между мной и тобой!

— Это между мной и кем я пожелаю, — фыркнул марид. — Пусть страдают и ученица, и учительница.

— Она просто хотела, чтобы ты нас выслушал! Чтобы я могла сказать…

Фатима запнулась. Что она хотела ему сказать? То, что казалось таким важным, теперь исчезло. Она подняла голову и увидала марида со все еще вытянутой рукой. Его глаза пылали белым огнем.

Из ладони исходило нефритовое сияние. Неожиданно раздался звон. Джинн поморщился, глядя на ее пиджак. Звон повторился.

— Ты собираешься что-нибудь с этим сделать? — спросил он. — Это раздражает.

Фатима достала карманные часы. Когда она завела будильник? Отщелкнув крышку, агент обнаружила клочок бумаги и развернула его. Стоило ей прочитать записку, как она выпалила:

— Печать Сулеймана!

Марид склонил рогатую голову набок. Его огненные глаза потускнели, а рука медленно опустилась.

— Что, — холодно спросил он, — ты о ней знаешь?

— Я знаю, что это кольцо, созданное для контроля джиннов, — выдохнула Фатима. — Которое лишает вас свободы воли. Сейчас оно у смертного. Он связал ифрита. Он не задумываясь вытащит тебя из бутылки и сделает своим рабом. Просто подумала, что ты захочешь знать.

Какое-то время джинн молчал, только поглаживая вьющуюся белую бороду. Наконец он щелкнул пальцами — и Хадия вывалилась из стены, ее тело вновь превратилось в плоть. Прерванный крик окончился стоном, когда она упала

на руки и колени. Фатима наклонилась, чтобы помочь ей встать.

— Мерзость, — рассеяно пробормотала марид. — Мы были глупцами, когда посчитали, что выковать ее будет мудрым поступком. — Брови Фатимы поднялись. Он обернулся к следователю, игнорируя Хадию, которая с трудом держалась на ногах. — Чего ты от меня хочешь, нечародейка?

— Вокруг этого кольца сплетена магия. Она заставляет нас забывать. Нам нужно от нее избавиться. Ангелы сказали, что ты можешь это сделать.

— Ангелы, — хмыкнул джинн. — Теперь эти существа так себя называют? — Шмыгнув острым носом, он скорчил гримасу отвращения. — Ты вся ими провоняла.

Фатиме по-настоящему хотелось, чтобы он перестал ее обнюхивать.

— Ну, ангелы — или кто они там — сказали, что ты можешь снять заклинание. Когда ты это сделаешь, мы сумем найти смертного, который украл кольцо, и вернуть его на хранение.

Джинн снова хмыкнул, на этот раз громче.

— Что? — взвилась она.

— Смертный, — насмешливо протянул марид. — Украл Великую Печать. У одного из них?

Такую историю тебе рассказали?

— О чем ты? — нахмурилась Фатима.

Джинн закатил все три своих глаза, словно столкнулся с несмышленым ребенком — или собакой.

— Ты действительно веришь, что существа, способные пересекать плоскости бытия, творящие магию, которая обладает достаточным могуществом, чтобы окутать весь мир, умеющие изменять пространство и реальность по своей воле, были обмануты — смертным вором?

— Они сказали, что кольцо украли из хранилища… — сумела выдавить Фатима.

— Неужели, — вздохнул джинн, — этот жалкий орган, который ты называешь мозгом, ни разу не задумался о том, что исходящая от этих существ сила может позволить им заставить тебя верить, во что они пожелают? Или во что ты сама хочешь верить?

Голова Фатимы поплыла. Она припомнила их встречу с ангелами. Благоговение, которое те вызывали. Мысль о том, что в одно из их хранилищ сумели проникнуть воры, казалась абсурдной. Однако они дали ответ, в который ей хотелось верить. Поэтому она приняла его без раздумий. Но джинн вновь разбудил потаенные сомнения.

Это могло означать только одно.

— Они позволили забрать кольцо! — воскликнула Хадия. Похоже, шок от осознания вернул ей способность мыслить, хотя голос новенькой все еще дрожал. — Они *хотели*, чтобы его забрали!

— Зачем? — Тяжесть произошедшего подкосила Фатиму.

— Чтобы его силой воспользовались, надо полагать, — сухо ответил джинн.

— Почему бы им в таком случае самим не воспользоваться кольцом? — спросила Хадия.

— Джинны или любые другие осененные магией существа не могут использовать Печать. Она предназначена для рук смертных, если, разумеется, посчитает их достойными.

— Посчитает их достойными?

— Ты вообще ничего не знаешь о свойствах и законах, которые управляют почти разумными магическими предметами? — Казалось, марид сейчас всплеснет руками.

— Сделай вид, что мы не знаем, — огрызнулась Фатима. — В конце концов, мы всего лишь слабоумные смертные.

На это он ответил одобрительным фырканьем. Сукин сын!

— Печать обладает разумом, — пояснил он. —

Только смертного с исключительно сильной волей можно назвать ее хозяином. Она не позволит себе открыться кому-либо иному. Хотя, похоже, бóльшая часть ее силы еще скрыта. То, что вы считаете, будто *кольцо* — истинная форма Печати, само по себе достаточное доказательство.

— Что ты имеешь в виду? — спросила Фатима, не скрывая раздражения.

— Истинная форма Печати не является кольцом в той же степени, как ты — существом, даже близко приближающимся хотя бы к среднему уровню интеллекта. Величайшая ее сила и настоящая форма открываются только для тех, чьи желания чисты — качество, которого, похоже, нынешнему владельцу недостает. Как и большинству смертных.

— Книготорговец говорил, что никто толком не знает, как выглядит Печать, — пробормотала Хадия.

Фатима тоже об этом вспомнила, но вряд ли это имело значение. Кроме того, ее ум занимали попытки расплести нити, которые джинн разложил перед ними.

— Все было подстроено. — Ее мысли и слова возникли одновременно. Она встретила взгляд

Хадии. — Список, попавший к Сиве. Воры братства. Кража печати. Каждая деталь тщательно подобрана, чтобы кольцо оказалась в руках человека, который сможет его использовать. — Она снова повернулась к джинну. — Но зачем они хотят, чтобы кольцом завладел смертный?

Марид пожал могучими плечами, давая понять, что либо не знает, либо ему все равно.

— Какой бы ни была причина, — размышляла Хадия. — Они не ожидали амбициозности самозванца. Им невозможно управлять. Теперь ангелы хотят, чтобы мы за ними прибрали.

— Никогда не следует недооценивать жадность смертных, — поделился марид.

Ангелы. Фатима тряхнула головой. Какие бы козни они ни строили, это не меняло того, что отнять кольцо у самозванца необходимо.

— Они сказали, что ты можешь снять заклинание. Что, если пересмотреть контракт, то…

— Я разбираюсь, как работают магические договорные связи, смертная, — отмахнулся марид. — Прошу, не оскорбляй меня своими косноязычными попытками их объяснить.

— Ты это сделаешь?

— Что я получу взамен?

У Фатимы отвисла челюсть. Он что-то хотел

взамен? После того, как засунул Хадию в стену?

— Как насчет того, чтобы самозванец не превратил тебя в личную марионетку? Устроит?

— У магии есть цена, — настаивал марид. — Что ты готова отдать?

Она сжала кулаки. Джинны упрямы по отношению к контрактам. С этим ничего не поделаешь. Или, внезапно осенило ее, решение все-таки есть?

— Девять Владык-ифритов для тебя что-нибудь значат?

На его древнем лице появилась тревога. Это одновременно радовало и пугало.

— Значит, они действительно существуют, — надавила она. — Самозванец планирует их пробудить. Вызвать в мир. С Печатью Сулеймана он получит контроль над самыми могущественными джиннами. Ты хочешь что-то взамен? Мы не дадим им проснуться.

— Ты не меньше моего хочешь держать их подальше от этого мира, — оскалился марид.

— Считай это взаимовыгодным обменом, — ответила Фатима. — Мы договорились или нет?

Три глаза марида гневно сверкнули, ему не нравились условия сделки. Но Девять Владык ему, похоже, нравились еще меньше.

— Мы договорились, — согласился он. — Но знай, нечародейка. Если ты еще когда-нибудь меня пробудишь, сделок больше не будет. Мне все равно, пусть хоть небеса обрушатся.

— Как скажешь, — буркнула Фатима в ответ. — Теперь выполняй свою часть сделки и снимай заклинание.

Джинн протянул руку, и Фатима вдруг почувствовала, что горит, словно ее бросили в огонь. Боль была настолько невыносимой, что она не могла даже кричать. Когда ее зрение прояснилось, агент обнаружила, что растянулась на полу, корчась от боли, пока агония не перешла в тупое жжение. Она видела рядом с собой Хадию, которая тоже не сумела удержаться на ногах. Физически обе были в норме. Но, Аллах милосердный, какая боль! Пока она лежала на спине, над ней нависла рогатая голова марида.

— Заклинание снято, — прогрохотал он. — Я мог бы сделать это безболезненно. — Его рот расплылся в широкой зубастой ухмылке. — Но ты не уточнила свою просьбу.

Фатима подняла дрожащую руку, чтобы сложить пальцы в неприличный жест. Она от всей души ненавидела этого джинна.

* * *

Следователь все еще ворчала по поводу надменных джиннов и коварных ангелов, пока автокарета мчалась сквозь Каир к следующему пункту назначения. Хотя бы магия забытья была снята. Они проверили эффект, даже открывали книги — и теперь абзацы текста читались без проблем. Марид сдержал слово. Фатима отнесла его бутылку обратно в хранилище и подала срочный запрос, чтобы для нее нашли безопасное место — желательно в утяжеленном сундуке в самой глубокой части моря.

— Вы уверены, что в порядке? — спросила она Хадию.

Ее напарница сидела напротив, деловито просматривая журнал Портендорфа. Она отмечала слово «список», подтверждая то, что они узнали. Сива сполна воспользовался украденным журналом. Он искал клиентов и нашел покупателя, готового заплатить самую высокую цену, — им оказался Алистер Уортингтон. Вероятно, ангелы предполагали, что у кого-нибудь из высокомерного круга англичан будет достаточно сильная воля, чтобы наткнуться на упоминание кольца. Услышав вопрос, Хадия подняла голову.

— Меня засунул в стену джинн. Думаю, на какое-то время я сама *превратилась* в стену. Затем он попытался оплавить мою кожу. Так что нет. Я не в порядке. Но, Иншааллах, я справлюсь.

Фатима решила не настаивать.

— Мы не задали один вопрос, — сменила тему Хадия. — Почему ангелы — или кто они — собирают и хранят вещи, связанные с аль-Джахизом?

Фатима покачала головой. Если они чему-то сегодня и научились, так это тому, что, когда дело касалось ангелов, никто не понимал их мотивов. Карета затряслась, когда улица сменилась бугристой дорогой, и она откинула занавеску, чтобы выглянуть наружу.

— Мы на месте.

— Снова, — добавила Хадия.

При свете дня Кладбище выглядело так же, как и ночью. Разве что ночью темнота скрывала часть запустения: раскрошенные кирпичи на земле, самодельные лачуги, которые держались на честном слове. Не во всей эль-Карафе царила разруха. За некоторыми мавзолеями ухаживали их жители, и многие могилы недавно убирали и красили. В других местах шли стройки, а торговцы продавали гипсовые вазы — будто и не пятница. Дети играли у каменных надгробий,

среди веревок с одеждой, которую оставили сушиться под полуденным солнцем.

— Как думаете, нас кто-нибудь узнает? — тревожилась Хадия, когда они выбрались из кареты. Она решила не надевать министерский китель, учитывая недавние события.

Фатима заметила, что за ними наблюдает женщина из своей кухни, где она готовила на каменной печи рядом с искусно отделанной гробницей.

— Возможно. Мы здесь чужие и сильно выделяемся. — Не говоря уж о ее светло-сером костюме, жилете того же цвета и рубашке в красно-белую полоску. Не слишком неприметный наряд.

— Нам туда. — Она кивнула на высокий мавзолей.

Он выглядел почти как тот, на котором они сражались с самозванцем. У входа ошивались четыре молодые женщины. Нет, девушки. В ярко-красных кафтанах до колен поверх мешковатых шальвар. Темно-синие турецкие шаровары были заправлены в высокие черные ботинки со шнуровкой. Девушки прислонились у входа в мавзолей и праздно болтали. Одна тренировалась крутить кинжал на тыльной стороне руки, в то время как другие оставили оружие в ножнах

у бедра. При виде Фатимы и Хадии они перестали разговаривать, встречая новоприбывших недобрыми взглядами.

Фатима поздоровалась, а затем сказала:

— Мы здесь, чтобы встретится с Леопардицей.

Высокая девушка с суданскими чертами лица оглядела ее с ног до головы:

— Вернулись за добавкой? Где тот жирный полицейский? Я бы с удовольствием зарядила ему по морде еще разок, валлахи!

Остальные девушки разразились хохотом. Значит, это была та самая девчушка, что отпустила Асиму полновесную пощечину. И, насколько помнила Фатима, замахивалась на нее тоже. Пожалуй, лучше не напоминать.

— Она знает о нашем визите. Так что просто отведите нас к ней.

Другая девушка сказала что-то грубое, вызвав у своих подруг новый приступ смеха. Но первая бросила взгляд, от которого те притихли. Она снова зыркнула на Фатиму, а потом повернулась и показала им следовать за собой. Агентов повели в мавзолей, где они увидели еще больше людей. Только женщины, все одеты в одинаковые красные кафтаны и турецкие шаровары. Те, что постарше, носили хиджаб. Возможно, это обозна-

чало ранг. Неподалеку раздавался неожиданный детский смех.

Девушка остановилась, чтобы поговорить с одной из женщин, которая внимательно оглядела Фатиму и Хадию. Когда они закончили, девушка ушла, вероятно, возвращаясь на свой пост. Из скопления людей появилась фигура — женщина в белом платье и черном хиджабе, на шее которой, как ни удивительно, было бриллиантовое ожерелье с сапфирами и рубинами. Ее смуглая кожа пошла морщинами, под глазами виднелись небольшие мешки, а тело приобрело старческую полноту. Однако выражение глаз было обескураживающим, почти хищным. Вполне в порядке вещей для предводительницы Сорока леопардиц.

Стоило ангелам сказать, что Сива нанял воров, достаточно дерзких, чтобы вломиться в их хранилище, как Фатима знала, что это могут быть только они. Кому еще хватит наглости? Леди-воровки начинали с мелких краж в магазинах, часто надевая полные бур'а, себлехи и мелая леф, чтобы скрывать незаконно добытые товары. Позже они принялись грабить богатые дома, выдавая себя за служанок и горничных, затем перешли к аферам с драгоценностями, предме-

тами искусства, а однажды совершили налет на бронированную повозку с бочонками золотых монет. До сих пор оставалось неизвестным, что с ней случилось. Бандитки то и дело попадали в тюрьму, обычно за мелкие преступления. Но никто из них не проронил и слова, отбывая срок в молчании. Их предводительница оставалась нетронутой и непреданной. Молва твердила, что поймать ее так же трудно, как кошку, чье название носила банда.

— Ас-саляму алейкум, Леопардица. Я агент Фатима, это агент Хадия. Спасибо, что согласились встретиться.

— Ва-алейкум ас-салям, агенты, — ответила глава Сорока леопардиц. — Уста предупредил о вашем приходе.

Она говорила о Халиде. Букмекер был лучшей связью Фатимы с преступным миром Каира. Она позвонила ему сразу после встречи с проклятущим маридом. К ее удивлению, он сообщил, что лидер банды готова с ними встретиться — сегодня.

— Скажите, агенты, — продолжала она, — почему бы мне не приказать моим дочерям прямо сейчас связать вас двоих и запереть в одном из мавзолеев — где даже хваленое министерство не

услышит ваших криков?

Фатима напряглась. Леопардица задала вопрос вскользь, словно спрашивала, сколько меда положить в чай. Но в этих словах таилось обещание обнаженного клинка. Хадия за ее спиной замерла, сканируя комнату взглядом. Здесь не было девушек, как снаружи, только взрослые и мускулистые женщины — настоящие леопардицы. Такой, значит, будет эта встреча.

— Мы пришли не для того, чтобы вам угрожать, — сказала Фатима. — Или чтобы угрожали нам.

— Последний раз, когда агенты появились в эль-Карафе, вы устроили погром. — Голос Леопардицы похолодел.

Фатима ощутила, как в ней поднимается негодование.

— Это ваши люди раззадорили толпу. Вы были на стороне человека в золотой маске.

— Мы всегда на стороне эль-Карафы. — Глаза предводительницы сузились до щелей, голос стал резче. — Не смейте говорить, что мы в союзе с этим нечестивцем. Вы пришли на нашу землю, как армия, к нашим людям, которых мы защищаем, а они защищают нас в ответ. Мы будем сражаться с вами до конца.

«Вот и чудно, — подумала Фатима. — Один ответ она получила — пусть и не так, как планировала. Пора разрядить обстановку».

— Та ночь, — сказала она с сожалением, — была ошибкой.

Леопардица, казалось, оценивала ее искренность. Наконец, она приняла извинение едва заметным кивком.

— Люди эль-Карафы и без того в плохом положении, а вы делаете еще хуже. Кажется, что полицию мы видим, только когда преступления происходят в более респектабельных районах Каира. Люди здесь не доверяют властям, и у них есть веские причины. Та ночь ничем не помогла.

— Не думаю, что человек в маске чем-то помог, — вмешалась Хадия. — Проблема в нем.

Предводительница Сорока леопардиц посмотрела на Хадию — и та отступила на шаг под ее взглядом. Но старшая женщина одобрительно кивнула.

— Проблема в нем, — согласилась она. — Живущие здесь не отличаются доверчивостью или глупостью. Они просто устали от эксплуатации. Устали, что их игнорируют. Отчаявшиеся уши выслушают любого, кто расскажет, кого винить. Чего вы от меня хотите?

— Халид сказал, что вы готовы рассказать об одном из ваших контактов, — приступила к делу Фатима. — О джинне по имени Сива.

Пожилая женщина пристально на них уставилась. Последовавшую напряженную тишину нарушил азан[88].

— Время молитвы, — заметила она. — Вы присоединитесь ко мне. И можете называть меня Лейлой.

Это была не просьба. Так что после омовения все приступили к молитве.

Когда они закончили, Леопардица — Лейла — повела Фатиму и Хадию через мавзолей к заднему входу, ее свита следовала за предводительницей как телохранители. Снаружи их ждало удивительное зрелище. Позади мавзолея были расставлены синие тенты. Под ними рядами за множеством столов сидели дети — скорее всего, именно их они слышали раньше.

— Я здесь выросла, — сказала Лейла. Она взяла у кого-то белый передник, расшитый яркими цветами, и повязала его поверх платья. — Когда-то здесь жила женщина, которая ухаживала за одной из гробниц. Там была похоронена не ее

---

[88] Примечания: 88

Азан (*араб.* «объявление») — призыв мусульман к молитве.

семья, а семья тех, на кого работали ее родные. Я считала ее дурой. Ухаживать за мертвецами тех, кто, скорее всего, поколениями относился к ее семье как к прислуге? Но каждый день после пятничной молитвы она приходила сюда и раздавала детям хлеб и сыр. Позже я выяснила, что она брала деньги, которые ей выделяли владельцы гробницы, и тратила их на нас. То был урок — не судить поспешно. Ее больше нет, но я продолжаю традицию.

Фатима промолчала. Если женщина хотела показать, что ее банда воровок на самом деле филантропы, которые воровали у богатых, чтобы накормить бедных, она не станет спорить. Но следователь сомневалась, что кто-нибудь еще в этих трущобах мог себе позволить такие нарядные фартуки. А красный рубин на ожерелье Леопардицы — размером с куриное яйцо — мог бы год кормить всех этих детей.

— Вам тоже понадобятся фартуки, — сказала Лейла. — И половники.

Кто-то шагнул вперед, протягивая и то и другое.

— Мне кажется, вы не понимаете, зачем мы пришли, — начала Фатима. — У нас нет времени…

— У вас было время, чтобы прийти и испортить жизнь этим детям, — отрубила Лейла. — У некоторых родители до сих пор в тюрьме. Другие видели, как их братьев или родственников избивала полиция. Мне кажется, у вас есть время, агенты. Разве что ваши извинения были всего лишь словами.

Фатима посмотрела на детей. Никто не обращал внимания на их разговор. Но она все равно почувствовала себя виноватой и без дальнейших протестов набросила на себя фартук. Хадия присоединилась к ней. Вскоре они уже раздавали лепешки балади и миски супа молохия с курицей — наполнявшего воздух ароматами обжаренного чеснока и кориандра. Где-то посреди процесса Лейла заговорила:

— Меня временами нанимает джинн по имени Сива.

Ну вот и подтверждение.

— Чтобы проникнуть в хранилище ангелов, — сказала Фатима.

— Туда он нас посылает. — Лейла сделала паузу, чтобы отругать двух детей, устроивших драку за хлеб. — Хорошо платит. Хоть это не так захватывающе, как надеялись мои девочки.

— О? Что так? — Фатима обменялась взглядами

с напарницей.

— Мы ожидали, что проникновение в хранилище ангелов будет опаснее, — пожала плечами Лейла. — Или сложнее. Не сказать, чтоб это было просто. Но…

— Проникновение кажется достаточно опасным, чтобы ваши девушки смогли справиться, — предположила Фатима. — Достаточно сложным, чтобы они сумели преодолеть трудности. И обстоятельства складываются в их пользу. Постоянно.

Предводительница притихла, уткнувшись в агентов подозрительным взглядом.

— Странно это, как думаете? — Она вернулась к работе. — Когда Халид Уста сказал, что ты хочешь задать вопросы о моей договоренности с Сивой, я согласилась. Потому что уже несколько недель меня кое-что тревожит. Когда он нанял нас в последний раз, мы должны были украсть два предмета. Он сказал, что очень важно, чтобы я пошла за ними сама. Я пошла. — Увидев их удивленные взгляды, она нахмурилась. — Не дайте этим старым костям вас обмануть. Я довольно ловкая. Я забрала предметы с помощью информации, которую он дал, — он точно знал, где их найти в ангельском хранилище. Но странная штука. Я помню, как крала меч — клинок,

что поет, темный, как полночь. Но второй предмет… — Она нахмурилась еще сильнее. — Когда я пытаюсь вспомнить, что еще я украла…

— …вы не можете, — закончила Фатима.

— Я ничего не могу вспомнить о той ночи, кроме того, как забирала меч. — В ее острых глазах застыла растерянность. — В моей памяти будто дыра. Я не знаю, с чем еще я вышла из того хранилища. Но потом на улицах Каира появляется этот человек в золотой маске. С тем самым черным клинком. И он называет себя аль-Джахизом. И ездит на спине ифрита! — Она замотала головой от нелепости происходящего. — Нам хорошо заплатили. Но я не могу отделаться от чувства, что причастна к бедствию, охватившему город. И каждую ночь с тех пор, как вернулась из хранилища, мне снятся дурные предзнаменования. Что-то страшное грядет. — Она примолкла. — Я это рассказываю, поскольку верю, что вы пытаетесь это остановить.

— Так и есть. Вы нам очень помогли. Теперь нам нужно посетить…

— Все это чудесно, — оборвала Лейла. — Но только когда вы закончите здесь. — Она демонстративно указала на пустую миску. Рядом сидела девочка с грязным носом и ожидающим взгля-

дом. — А теперь продолжайте накладывать еду. Дети голодны.

Глава двадцать четвертая

Сразу после полудня напарницы прибыли на улицу Шатерщиков, прямиком направившись к магазину братьев Гамаль. Поскольку торговля была вялой, три владельца пили чай. Двое играли в настольную игру, а третий наблюдал, пока в граммофоне крутилась поцарапанная пластинка с рожками и барабанами-дарбуками. Агенты показали значки, и мужчины рассеяно указали на узкие ступени. Добравшись до верха, они постучали в дверь. Сива открыл с теплой улыбкой — которая испарилась, стоило их увидеть. Иллюзорный джинн попытался захлопнуть дверь, но Фатима успела вставить трость.

— Мы знаем, что вы связаны с самозванцем. Так что можете начинать говорить. Или министерство может нагнать сюда для вашего ареста каждого агента, какого я сумею найти. Как поступим?

Джинн злобно сверкнул своими вихрящимися желто-зелеными глазами, напустив на себя вид грозного марида. Затем, когда он осознал, что Фатима не отступит, борьба в нем угасла. Сива ссутулился и впустил их внутрь.

— Можете не утруждаться иллюзиями, — указала на роскошную квартиру Фатима.

Джинн скорчил физиономию и взмахнул рукой, словно разгоняя воздух. Иллюзия мгновенно исчезла. Они стояли в маленькой комнатушке с выцветшими стенами, вдоль которых тянулись обветшалые и щербатые полки, беспорядочно заваленные книгами. Однажды аккуратные стопки книг превратились в расползающиеся кучи. Фрески верблюдов сохранились — более дешевые картины, где изображались скачки и наездники. По полу были разбросаны сотни букмекерских купонов.

Не менее разительной стала перемена в рослом джинне — теперь приземистом и в потрепанном кафтане. Все еще крупнее человека, но далекого от размеров марида. Его слишком большая голова с рыжими полосами напоминала кошачью, а опущенные уголки рта придавали вздорный вид. С недостойным джинна пыхтением он, переваливаясь, прошествовал к шаткому деревянному стулу, тут же на него завалился и принялся хныкать, опустив подбородок на руки.

Фатима переглянулась с Хадией, и они двинулись к нему, пытаясь не споткнуться о раскиданный мусор.

— Сива, — позвала Фатима. — Мы просто хотим поговорить.

Джинн захныкал громче, спрятав лицо в руки и тряся головой. Рядом с ним стучала плетеная корзина — словно внутри было что-то живое. Агенты отступили назад, не будучи уверены, что хотят выяснить, что именно там скрывается.

— Мы знаем о Печати Сулеймана, — сказала Фатима. — Мы знаем, что она делает. — Эти слова лишь заставили Сиву испустить жуткий протяжный стон. — Еще мы знаем, что ее украли Сорок леопардиц.

Хныканье Сивы оборвалось, и он поднял взгляд, больше не гипнотический, но наполненный страхом.

— Слаще жизни не вели мы, когда гуляли мы и пили! — выпалил он. — Ведь мы, ребята, чего-то стоим, на суше мы или на море!

Фатима вздохнула. Опять началось.

— Мы уже спрашивали о деньгах, которые вам перевел этот АУ из учетной книги Портендорфа. Кольцо у него, так ведь? У самозванца, который называет себя аль-Джахизом.

Сива еще сильнее затряс головой, захлебываясь словами:

— Он был весь черный, я вам говорю! Башка! И

тело! Руки полностью черны! Лишь только зубы исключенье! Доспех и щит носил он, как у мавра! И черный весь, как ворон![89]

— Кто такой АУ? — наседала Фатима, все больше раздражаясь. — Кто попросил вас украсть кольцо? Александр Уортингтон?

Сива издал придушенный вопль, вытаскивая нож из своего помятого кафтана. Прежде чем Фатима успела его остановить, он высунул длинный темно-синий язык и одним быстрым движением его отрубил. Судя по звуку, Хадия рядом с ней с трудом сдерживала тошноту.

Джинн тяжело опустился на стул, кровь с его изуродованного языка пачкала одежду. Затем, прямо на их глазах, кровотечение остановилось. Рана удивительным образом затянулась, и язык начал отрастать. Понадобилось около минуты, но под конец он вернулся к первоначальному виду. Джинн продолжал держать в руке отрезанный орган, который подергивался — все еще живой. Он подвинулся к плетеной корзине и поднял крышку. Внутри извивалась масса синих отростков, подпрыгивающих, будто рыбины. Вот только

---

[89] Примечания: 89

«Мориен» — романс из артурианского цикла XIII века, написанный на средненидерландском языке. Описывает зачатие, рождение и жизнь чернокожего рыцаря Мориена, сына рыцаря Камелота Агловаля.

Фатима знала, чем они были. Куча отрезанных языков.

— Йа рабб! — слабо прохрипела Хадия. — Теперь меня точно стошнит.

Джинн закрыл корзину и посмотрел на них с печальной обреченностью. Фатима встретила его взгляд. Магия, которая не позволяла джинну говорить о Печати Сулеймана — это одно. Но он снова отрезал свой язык при упоминании Александра Уортингтона, а не кольца. Ангельская магия была требовательной, но это заклинание иного рода — жестокое и садистское.

— Это другое заклятие, — поняла она. — Поверх того, что уже заставляет вас молчать о Печати. Любое упоминание… — Ее слова оборвались, когда Сива вздрогнул, сжимая нож с умоляющими глазами. — Любое упоминание самозванца, — поправилась она, — или разговор о краже заставляют вас нести тарабарщину.

— Не тарабарщину, — исправила Хадия, не сводя взгляда с корзины. — Раньше вы уже говорили, что это из литературы, из его книг. Я узнала первый отрывок. Он из макам[90].

— Разве это не сборники рассказов девятого

[90] Примечания: 90

Макама (*араб.* «собрание») — жанр арабской литературы, чередующий ритмичную прозу со стихами.

или десятого века? — Фатима не слышала этого названия со времен университета.

— Верно. Нам пришлось их читать, чтобы уловить ритм прозы, которой также пользуются в некоторых бесрийских заклинаниях. «Слаще жизни не вели мы, когда гуляли мы и пили… Ведь мы, ребята, чего-то стоим, на суше мы или на море». Это похвальба одного из вожаков воровской группы. Мне кажется, Сива говорил о Сорока леопардицах. Он пытается нам отвечать.

Мысль о том, что джинн мог с ними коммуницировать, даже не приходила Фатиме в голову.

— «Он был весь черный», — процитировала она, вспоминая его исступленные слова. — «Доспех и щит носил он, как у мавра… черный весь, как ворон». Не знаю, откуда это. Но, должно быть, он говорит об аль-Джахизе. Или об иллюзии самозванца.

Сива разжал пальцы на ноже и протяжно выдохнул. Он снова потянулся к кафтану, но на этот раз доставал сложенные бумаги, которые протянул дрожащей рукой. Фатима взяла листы, разглаживая измятую поверхность. Первый был исписан почти неразборчивыми каракулями. Джиннское письмо. Всего два слова.

— Я говорил, — перевела Фатима. Остальное

сливалось в беспорядочные закорюки посреди красных разводов.

— Мне кажется, это кровь, — скорчила гримасу Хадия.

Фатима перешла к следующей странице. «Печать». После этого слова нечитаемо.

Она пролистала остальное, пока Хадия читала: «Сказал о… Отдал… Неправильно… Обманули… Посланники… Рабство… Проклятый. Проклятый. Проклятый». Единственное слово на последних страницах становилось все более неразличимым под брызгами крови.

— Попытка признания, — сообразила Фатима. Она посмотрела на Сиву, который прикрыл глаза рукой, потом на корзину с трепещущими языками. — Вы пытались написать о том, что сделали. Но даже за такую малость были наказаны. Это самозванец заставил вас отрезать язык. — Ее охватила жалость. Сколько раз он так мучительно себя калечил? Схватив ближайший табурет, сделанный для джинна — а значит, размером со скамейку, — она подтащила его поближе и села. К ней присоединилась Хадия. Может, получится найти другой способ.

— Вам нравятся скачки, — сказала Фатима, указывая на фреску.

Сива опустил руку и посмотрел на картину.

— Они прекрасны, когда бегут, — ответил он. Значит, джинн способен нормально разговаривать. Если речь не идет о самозванце.

— У меня есть кузина, которая делает ставки на верблюжьих бегах, — посочувствовала Хадия. — Слишком много. Как вы. Это болезнь.

— Я просто должен был оставаться архивариусом. — Лицо Сивы сморщилось. — Это была моя страсть. До скачек. Они стали моей страстью. Из-за них я потерял работу и был готов на все, чтобы раздобыть деньги — чтобы продолжать ходить на скачки. — Он указал на букмекерские купоны на полу. — Я не знаю, как остановиться!

Фатима могла только представить. Джинны чем-то походили на людей, перенимая пороки и привычки. Но в их случае все было хуже. Их страсти поистине становились ненасытными и неутолимыми. Почти так же плохо, как у големов.

— Вы взяли список у ангелов, чтобы обеспечивать свои ставки. Должно быть, братство Алистера Уортингтона показалось вам золотой жилой.

— Я думал, что продам всего несколько предметов, — тоскливо отозвался Сива. — Но дело все

разрасталось.

— Когда вы поняли, что ангелы вас используют? — спросила следователь. — В вашем признании вы написали слова «Обманули» и «Посланники». Это они позволили вам взять список. Должно быть, вы об этом догадались. Зная, что воровать у них нелегко. Но вы продолжали. Ради денег. — Если бы оранжевое лицо джинна могло покраснеть, оно бы уже налилось багрянцем. Он повесил голову. — Мы здесь не для того, чтобы судить. Но нам нужно узнать об одной вещи, которую вы украли не для Алистера Уортингтона. Вы украли ее для кого-то другого.

Лицо Сивы мгновенно задергалось — магия начала действовать.

— Мы не будем называть имен напрямую, — поспешно добавила Фатима. — Может, у нас получится поговорить, не заставляя вас причинять себе вред.

Джинн вгляделся в ее лицо и уступил:

— Я попробую. Чтобы помочь исправить то, чему я помог свершиться. — Похоже, Сива, как и предводительница Сорока леопардиц, нуждался в искуплении грехов.

— Вы можете кивать или качать головой на вопросы?

— Нет, если они будут касаться… — Его губы сжались, не в силах закончить фразу.

Конечно, это будет непросто. С магией никогда не бывает просто.

— Самозванец просил вас украсть Печать Сулеймана, — начала она.

Сива заметно напрягся, прежде чем заговорить:

— Каждый говорит: «Моя вера истинна, а те, кто верит в других богов, верят в ложь и враги Господа. Как моя вера кажется мне истинной, так другие считают истинной свою веру; но истина одна!»[91]

— Мне кажется, это такой длинный способ сказать «да», — рассудила Хадия.

«Один есть», — подумала Фатима.

— Вы рассказали самозванцу о кольце?

— «Разговоры об этом, чтение книг и упражнения не помогают. Такое знание душа получает от души», — отрывисто ответил джинн. — «Дожидайся просветляющей раскрытости, как если бы

---

[91] Примечания: 91

Эммануэль Чуквуди Эз. *On Reason: Rationality in a World of Cultural Conflict and Racism.*

твоя грудь наполнялась светом!»[92]

— Думаю, он говорит, что самозванец сам о нем узнал, — перевела Хадия. — Ангелы тоже сказали, что некоторые люди обладают достаточной волей, чтобы видеть сквозь их магию. И тот марид, он говорил, что кольцо обладает разумом. Что оно раскрывается только перед теми, кто, по его мнению, может им пользоваться.

— Айва, — похвалила Фатима. Новенькая была хороша в этом. — Самозванец увидел кольцо в вашем списке и попросил его достать. Скорее всего, сначала вы отказались. Но вы нуждались в деньгах.

Джинн скорчился в порыве самобичевания, уголки рта опустились еще ниже:

— «Ученый человек, которого ты обвиняешь в неповиновении Божественному закону, знает, что он не повинуется, как ты знаешь, когда пьешь вино или требуешь лишек или позволяешь себе злословить, лгать и клеветать. Ты знаешь свой грех и поддаешься ему, не по неведению, но пото-

---

[92] Примечания: 92

Джалаладдин Руми. «Корзина свежего хлеба» из сборника «Сокровища воспоминания» (*перев. Л. Тираспольского*).

му что тобой овладело плотоугодие»[93].

Хадия сосредоточено нахмурилась, расшифровывая:

— Он признаёт свою слабость.

— Последний вопрос, — сказала Фатима. — Деньги, пересланные за кольцо. Они пришли от самозванца?

Когда он попытался заговорить, лицо Сивы исказилось от вины.

— У вас болезнь, — утешила Хадия. — Человек, который об этом знал, воспользовался вашей слабостью. Те… ангелы… знали об этом и тоже воспользовались. Это настоящее злодеяние. — Она посмотрела на Фатиму. — Думаю, для подтверждения этого достаточно.

Фатима согласилась. Нет смысла еще больше будоражить джинна.

— Теперь мы знаем наверняка. Самозванец — тот же человек, что и А.У. из учетной книги Портендорфа. Мы знаем, кто это. Он украл кольцо. И воспользовался им, чтобы стать Хозяином Джиннов. Все, что он делал, его таинственные силы, — проистекает из этого кольца, заставляя джиннов использовать магию на его благо.

---

[93] Примечания: 93

Абу Хамид аль-Газали. «Реальность вдохновения: его важность для человеческой расы» из автобиографии «Избавление от ошибки».

— Спаси Аллах, — прошептала Хадия, прижав руку к сердцу. — Как нам остановить такое зло?

— Мы вернем кольцо. Даже если для этого придется отнять ему руку.

Она встала, уже в мыслях о том, что делать дальше, как вдруг Сива схватил ее за предплечье. Лицо джинна застыло маской тревоги.

— «Соратников ты не желаешь пышногрудых?» — взревел он. — «Как нравится тебе подвергнуться лесного льва суду?»[94]

Фатима перевела взгляд на Хадию, но на этот раз напарница была так же ошарашена, как и она.

— Я не понимаю, — сказала следовательница джинну.

— «Как нравится тебе подвергнуться лесного льва суду?!» — снова продекламировал он. Сива повторил это еще несколько раз, все больше отчаиваясь. Когда он начал доставать нож, Фатима протянула руку, чтобы его остановить.

— Может, вы мне покажете? — предложила она.

Большие глаза Сивы расширились. Он вскочил, чуть не сбив агента с ног, чтобы добраться до

---

[94] Примечания: 94

«Жизнеописание Зат аль-Химмы», в русском переводе «Жизнеописание доблестной Фатимы и повествование о подвигах ее славных предков».

своих книг. Джинн исступленно принялся в них рыться, в ходе поиска отбрасывая тома. Фатима снова переглянулась с Хадией, которая покачала головой. Раздался победный крик, и джинн подбежал к ним с переплетенным в кожу фолиантом. Перевернув первую страницу, он показал название: «Сират аль-амира Зат аль-Химма». Он сунул книгу Фатиме.

— Я прочту, — заверила она, приняв том. На его лице появилось облегчение, и он вновь обмяк на стуле.

— «Жизнеописание Зат аль-Химмы», — прочитала название Хадия. — Знаете эту книгу?

— Уверена, в министерстве кто-нибудь знает. Пока что мы возвращаемся. Пора навестить доктора Ходу. Думаю, я готова к новой попытке прорваться сквозь иллюзию.

* * *

— Ты концентрируешься? Не думай о том, какой ты хочешь видеть иллюзию. Позволь ей раскрыться. Помни, опустоши свой разум. Очисти свое…

— Я поняла, — прервала Фатима доктора Ходу. Ей и так нелегко приходилось без постоянного присутствия за плечом и инструкций. Глава

криминальной экспертизы пожала плечами, поправила очки и сложила руки. Но едва сдвинулась, чтобы освободить пространство. Фатима снова сосредоточилась на пряди волос, лежащей в большой чашке Петри и пропитанной жидкостью. Доктор Хода утверждала, что алхимический раствор сделал свое дело, разрушив магические связи. За Фатимой было остальное. Только вот это оказалось нелегко. Она пялилась на прядь волос уже почти полчаса. Ничего не менялось. Ни один волосок.

— Может, нужно больше раствора, — предположила Фатима.

— Если добавим, они могут совсем раствориться, — покачала кудрявой головой Хода.

— Отлично, — проворчала Фатима. Со всем, что они нарыли, она могла отправиться к Амиру прямо сейчас. Но загадочные слова ангелов, глава печально известной шайки воровок и иллюзорный джинн с пристрастием к бегам — не самые убедительные источники. Чтобы собрать всё воедино, им нужна была еще одна последняя деталь — которую Амир и начальство не смогут проигнорировать.

— Просто покажись, — пробормотала она локону.

— Вы сможете, — уверенно сказала Хадия. — Подумайте обо всем, что мы узнали за последние два дня. Верьте в это. Так далеко продвинуться нам помогла вера.

«Все, что они узнали», — задумалась Фатима. Детали мозаики складывались в единую картину. Кольцо, которое могло контролировать джиннов. Хранившееся у ангелов и украденное у них. Все вело к Братству аль-Джахиза. Все подсказки были здесь. Ей только нужно их сложить воедино. Сфокусировавшись, она позволила разуму очиститься от всего остального и позволила себе отрешиться от всего, что знала. Получившуюся картину было несложно увидеть. Разгадка всегда была здесь, прямо перед ней.

Изменение происходило не так быстро, как с маской — словно магия с ней боролась. Но когда оно началось, то уже не останавливалось. Темные спутанные волосы расплелись, стали мягче и прямее. На ее глазах некогда черная прядь обрела знакомый бледно-золотой цвет. Доктор Хода захлопала в ладоши, а Хадия восхищенно следила за переменами.

Фатима вынула бледно-золотой локон из чашки и торжествующе его подняла.

— Попался!

Глава двадцать пятая

К вечеру документы на арест Александра Уортингтона были уже отправлены.

Фатима читала лист обвинений: терроризм, подстрекание к гражданским беспорядкам, использование незаконной магии, нарушение королевского порядка. Новости о кольце — которые им пришлось повторять снова и снова — встревожили начальство в достаточной мере, чтобы оно выписало ордер. Оказалось, что наследник Уортингтона все же не был превыше закона, во всяком случае, когда дело дошло до угрозы подобного уровня.

Они установили мотив: честолюбивый сын, осуждавший эксцентричность отца; он считал, что должен побыстрее стать наследником. Маскировка под аль-Джахиза могла быть насмешкой над всем, что дорого патриарху семейства Уортингтон. Внезапные инвестиции в оружейных подрядчиков, вмешательство в мирный саммит: все это попытки разрушить наследие отца. Они даже разрешили несоответствия с его прибытием в город. Человек, способный управлять джиннами, легко может подделать документы. Все

сходилось.

Так почему ей казалась, что она что-то упускает?

— Вы готовы?

Фатима подняла глаза, услышав вопрос Хадии. Они стояли у здания министерства, где собрался караван полицейских фургонов. Планировался совместный арест. Их с Хадией поддерживали еще десять агентов и где-то вчетверо больше полицейских. Они собирались схватить Александра и снять кольцо до того, как он сумеет вызвать помощь. Если дело дойдет до боя, им дали право открывать огонь на поражение. Мертвецы не могут использовать магические кольца.

— Готова.

— Похоже, вас что-то беспокоит. — Хадия изучала ее лицо.

— Все еще пытаюсь разобраться в кое-каких неувязках.

— Вы проделали впечатляющую работу. Признаю, я была не слишком уверена, что это Александр. Но волосы… — Она указала на бледно-золотой локон в руке Фатимы. — Вы были правы!

— Остается еще похищение Часов. На этот вопрос мы не нашли хорошего ответа.

— Ну, надеюсь, мы его получим, когда срежем кольцо с пальца. — В их разговор вмешался знакомый голос.

К напарницам присоединился Асим, в своей обычной форме цвета хаки и с янычарскими усами.

— Не понимаю, — тряхнула головой Фатима, — как из всех людей на тебя магия ангелов действует слабее всего. — Она всего раз сказала полицейскому о Печати Сулеймана, и он все еще не забыл. Прошло два часа. Может, он не человек?

— Стальная воля. Не стоит завидовать. — Асим самодовольно постучал толстым пальцем по виску.

Фатима закатила глаза. Не стоило об этом упоминать.

— Почему вы ни разу не встречали ее в книгах? — спросила Хадия.

— Я мало читаю. И не стыжусь этого.

— Вот в это я охотно верю, — съязвила Фатима.

— Не желайте того, посредством чего Аллах дал одним из вас преимущество перед другими[95], — бросил на нее назидательный взгляд инспектор,

---

[95] Примечания: 95
Коран, 4:32.

цитируя знакомый аят. И помахал ладонью, словно отгоняя ее зависть.

— Ты его привел? — спросила следователь, меняя тему.

— Там. — Асим кивнул на фургон. — Если ты закончила предаваться размышлениям, я готов отправиться за англичанином. Будет мило, если мы справимся до заката.

Пока все загружались в машины, ее глаза рыскали по сторонам — и остановились, когда она поняла, что ищет Сити. Фатима уже привыкла, что ее подруга внезапно появлялась в такие моменты. Сегодня ее не было. Хорошо. Если дело дойдет до боя, то, кем она была — чем она была — может стать помехой. Но все же следователь ощутила укол разочарования, не видя уверенной улыбки и неподражаемой самоуверенной походки, с которой она бы прокладывала путь сквозь собравшихся агентов и полицейских. Выбросив эту идею из головы, Фатима собиралась забраться в фургон, когда ее позвали по имени. Обернувшись, она увидела, что к ней бежит агент Онси. Настигнув ее, он достал платок, вытер лицо и радостно улыбнулся. Он когда-нибудь прекращал улыбаться?

— Агент Фатима! — пропыхтел он.

— Агент Онси. Вы в другом фургоне, с агентом Хамидом.

— Да! И еще раз спасибо за то, что включили меня в эту миссию. Надеюсь…

— Не нужно меня благодарить, Онси. — Признаться, он не был первым человеком, приходившим ей на ум, когда дело касалось работы в поле. Но он оказался полезен во время атаки гулей. — Что-нибудь еще?

— Хотел вам кое-что сказать, — энергично кивнул Онси. — Я прочитал книгу, которую вы мне дали!

— Вы прочитали «Жизнеописание Зат аль-Химмы» за несколько часов? — В нормальной ситуации она бы ее отнесла Загросу. Но джинна еще не выпустили, даже после того, что она рассказала Амиру. Он останется в камере, пока они не найдут кольцо. Онси был следующим закономерным выбором. Но это какой-то рекорд.

— Я освоил скорочтение в университете, — сказал он. — Оно не дает детального понимания, но я обнаружил, что выходит неплохой обзор. К примеру, я однажды закончил весь том эзотерической философии Тимбукту тринадцатого века за…

— Онси, — Фатима указала на фургон, — у нас

операция?

— А! Книга! Потрясающее чтение. Я с ней не сталкивался, хотя слышал, что она популярна в королевствах Западной Сахары. Она рассказывает о леди Фатиме Зат аль-Химма.

— Стало быть, у нас общее имя. Об этом мне хотел рассказать Сива?

— Едва ли это самое примечательное. Главная героиня книги — принцесса, ставшая королевой-воительницей. С ее мужем происходят неприятные события, и она рожает сына с черной кожей. Это настораживает отца, тот отказывается признавать ребенка, — хотя врачи подтверждают, что это его сын. Тот еще скандал.

— Не сомневаюсь, — нетерпеливо ответила Фатима. — Еще что-нибудь?

— О да! — Он поправил очки. — Леди Зат аль-Химма вынуждена стать матерью-одиночкой. Она берет ребенка под свое крыло и обучает рыцарскому мастерству. Чтобы испытать сына, она переодевается мужчиной и нападает на него. Он вырастает отличным воином, но при этом высокомерным. В одной из историй, когда мать предостерегает его от боя с византийцами, он ее отчитывает — говорит, чтобы возвращалась прясть к женщинам, а сражения оставила ему.

— Неблагодарный сынок, — заметила Фатима.

— Согласен. Леди Зат аль-Химма отомстила, переодевшись византийским рыцарем и победив сына на глазах у всей армии, а потом сняла маску, чтобы показать, кто она — женщина и его мать.

— Похоже на то, что могла сделать моя мама. В чем суть?

— В том, что леди Зат аль-Химма говорит сыну после того, как снимает маску: «Соратников ты не желаешь пышногрудых? Как нравится тебе подвергнуться лесного льва суду?» Те же слова произнес иллюзорный джинн. Может, вы сумеете найти в них смысл?

Фатима долго не сводила с него взгляда. Наконец она произнесла:

— Ты сокровище, Онси.

Круглое лицо агента засияло, будто она приколола ему на грудь медаль.

* * *

К тому времени, как караван загрохотал по дороге к имению Уортингтонов, солнце уже клонилось к горизонту. Небо выцвело из голубого в дымчатые тона желтого, и Фатима могла разглядеть пирамиды, стоящие на неусыпной страже. К ним присоединилась полиция Гизы, и

группа разрослась почти до размеров компании, вошедшей на Кладбище. Она надеялась, что это не станет повтором той катастрофы.

Хадия сидела рядом, вынужденная терпеть бесконечные истории Асима о его выдающейся силе воли — унаследованной, как он считал, от дедушки. Он сидел по соседству с двумя другими мужчинами в полицейской форме. Фатима время от времени посматривала на того, что был в середине. Он отвечал ей взглядом черных глаз, таких же непроницаемых, как его неподвижное лицо.

На самом деле агент не обращала на него особого внимания. Как и на хвастовство Асима. Ее не покидали прощальные слова Сивы, и она повторяла их, как мантру: «Как нравится тебе подвергнуться лесного льва суду?» Следователь крутила бледно-золотой локон между пальцами, прощупывая его со сноровкой гадалки.

Звук ее имени оторвал Фатиму от размышлений. Хадия указала на дверь фургона — Асим со своими людьми уже выходили. Она даже не заметила, что они остановились.

— Вы в порядке? — На лице Хадии показалось беспокойство. — Вы всю дорогу молчали.

— Асим говорил за всех. Он уже сравнивал вас со своей дочерью?

— Инспектор Усы? Раза три. — Она понизила голос. — Но правда, что происходит? Я думала, вы будете в экстазе. Скоро мы арестуем самозванца.

— Просто кое-что на уме. — Фатима опустила взгляд на локон волос, затем достала карманные часы, показывая их напарнице. — Их подарил мне отец, когда я переехала в Каир. Сделал их в виде старого астурлаба. Сказал смотреть на них, когда я чувствую себя потерянной, чтобы я могла найти путь.

— Сейчас вы чувствуете себя потерянной?

— Вы мне верите? — Фатима встретилась взглядом с Хадией.

— Да. — Новенькая, похоже, удивилась, но кивнула с уверенностью.

— Когда мы войдем, следуйте моим указаниям. — Фатима спрятала часы в пиджак. — Я не могу объяснить. Все еще обдумываю кое-какие детали. Просто поддержите меня. Как бы безумно это ни выглядело.

— Безумие в эту работу включено.

Они вышли из фургона, присоединяясь к Асиму. Тот стоял у дверей имения Уортингтона, отдавая приказы:

— Бóльшую часть людей я размещу вокруг имения. На случай если англичанин решит найти

другой выход. — Он коснулся свистка на шее. — Один свист — и они заполонят дом. Если появится тот ифрит…

— Давай не будем до этого доводить, — сказала Фатима. — Но не надевай наручники, пока я не дам зеленый свет.

— Ладно, — озадаченно посмотрел на нее Асим. — Если только он не разразится одной из этих злодейских тирад — они любят слушать свой голос.

В итоге в дверь поместья постучал инспектор, Фатима, Хадия и четыре полицейских. Хамид взял на себя командование остальными агентами, каждый из которых вооружился специализированным оружием для борьбы со сверхъестественными существами. Хотя ни одно из них не испытывалось на ифритах. В открывшейся двери появился ночной дворецкий. Его глаза чуть не вывалились из орбит, когда он увидел полицейские фургоны.

— Ас-саляму алейкум… дворецкий Хамза, правильно? — поприветствовала Фатима.

— Ва-алейкум ас-салям, дочка, — неуверенно ответил старик. — Чем могу помочь?

— Александр Уортингтон в резиденции? — спросил Асим.

Хамза обвел взглядом униформу инспектора.

— Хозяин и хозяйка в комнатах наверху.

Асим махнул рукой своим людям, и те протиснулись мимо дворецкого. Они заняли позиции в гостиной, пока остальные зашли в дом.

— Не могли бы вы привести Александра Уортингтона?

Скорее требование, чем вопрос. Ночной дворецкий слегка поклонился:

— Разумеется, инспектор. — Он развернулся, чтобы отправиться за хозяином, но Фатима его остановила.

— Приведите обоих, — сказала она. Затем добавила мягче: — Дядюшка, еще кто-нибудь в доме есть?

— Я, повар, несколько человек из ночной прислуги.

— Когда приведете хозяев, собирайте их и уходите. Как можно дальше отсюда.

К чести старика, он не стал спрашивать или смотреть на Асима для подтверждения ее слов. Когда он исчез в коридоре, агент обвела взглядом широкую прямоугольную гостиную со старинными лампами мамлюков, сефевидскими фресками и звездчатой плиткой. Подойдя к стене, она остановилась рядом с парой мечей, которые заметила

в первый день. Их скругленные набалдашники щеголяли черными кистями, свисавшими с рукояти, украшенной серебряной отделкой над железной гардой. Она наполовину вытащила один из кожаных ножен. Прямой обоюдоострый клинок. Наточенный, судя по виду. На его поверхности агент могла разобрать выгравированную цитату из Корана. Хадия с любопытством за ней наблюдала. Прежде чем они успели заговорить, появились владельцы дома.

Александр Уортингтон вышел из остроконечной арки-луковицы. На нем были серые штаны и жилет под темным вечерним пиджаком. Фатима обратила внимание на синий шелковый платок на его шее, с орнаментом из перьев, который украшал белую рубашку с высоким воротником. Галстук-шарф. Она часто задумывалась, как бы выглядела в одном из таких.

Рядом с ним семенила Абигейл Уортингтон, столь же элегантно одетая. На ней было одно из самых модных парижско-каирских платьев: черный и золотой шелк, бисер и кружево, образующие искусные цветочные узоры, имитирующие хну на коже. Ожерелье из черных сапфиров и рубинов обрамляло квадратный вырез, сережки в ушах и браслеты из того же набора — она наде-

ла украшение даже на перевязанную руку. С ее темно-рыжими кудрями, уложенными в замысловатую прическу, англичанка казалась одного роста с братом.

— Что все это значит? — потребовал ответа Александр, не утруждаясь приветствием. Его обрамленное светло-золотыми волосами лицо выглядело таким же недовольным, как при их первой встрече. — Хамза сказал, что вокруг имения полицейские фургоны?

— Александр Уортингтон, — выступил вперед Асим, держа в руках предписание. — Я, инспектор Асим Шариф из каирской полиции, здесь, чтобы вручить ордер для твоя арест. — В лучшем случае английский Асима можно было назвать плохим. Но фраза получилась достаточно понятной, поскольку Александр выглядел так, будто ему отвесили пощечину. Он бессловесно открыл рот, а его глаза блуждали по лицам собравшихся, пока не остановились на Фатиме.

— Ордер выдан за убийство вашего отца, — сказала она, отвечая на его вопросительный взгляд. — И еще двадцати трех человек, включая членов Братства аль-Джахиза и двух египетских граждан.

Раздался громкий всхлип, Абигейл прижала

руку к груди, хватая воздух ртом. Складывалось впечатление, что она готова упасть в обморок.

— Это шутка? — вскинулся Александр, не веря своим ушам. — Неудачный розыгрыш? Где вы врываетесь в мой дом и обвиняете меня в убийстве *моего отца*?

— Да, — нервно рассмеялась Абигейл. — Какой-то туземный юмор. Они решили над тобой подшутить, Александр.

— Едва ли, — продолжила Фатима. — Подстрекательство к мятежу, совершение террористической атаки на египетское государственное учреждение, угроза жизни короля. Все здесь. — Она указала на предписание. — Один экземпляр на английском, если пожелаете взглянуть. — Асим протянул бумагу, и Александр выхватил ее из рук, яростно вчитываясь в содержимое. Фатима наблюдала за ним, пока ее глаза не встретились со взглядом Абигейл, которая все еще выглядела потрясенной.

— Что за чушь! — прогремел Александр. — Обвинять нужно не меня, а того негодяя, который разгуливает по вашему городу, называя себя суданским мистиком! Того самого, с которым столкнулась моя сестра и который, как я понимаю, признался в убийстве моего отца!

— Который также ты, — добавил Асим на корявом английском.

— Я? — Александр чуть слюной не брызгал. — Вы считаете, что этот безумец — я? Я похож на какого-то чернокожего магометанина в тюрбане? Вы там ослепли?

— Самозванец использует маскировку, — сказала Фатима. — Иллюзорное заклинание незаконной и украденной магии. — Ее рука нырнула в карман, доставая локон бледно-золотых волос. — Я отсекла их в вечер королевского саммита. Этот цвет не слишком часто встречается среди «чернокожих магометян в тюрбанах».

Александр уставился на локон, и его рука непроизвольно поднялась, чтобы коснуться волос. Осознав, что делает, он опустил ее и разгневанно тряхнул предписанием.

— В вашей стране суеверий и шарлатанства это сходит за правосудие? Моего отца убили, а меня обвинили в преступлении? Что дальше? Грандиозное вымогательство денег, полагаю? — Его голос становился громче, Уортингтона трясло. — Вы ошибаетесь, если думаете, что я дам взятку! Мои адвокаты немедленно позвонят в английское посольство! Вам не сойдет с рук… это… бесчинство! Я вас всех в тюрьму засажу еще

до конца этой ночи!

Абигейл умоляюще протянула руки — одну к ним и одну к брату, чье лицо постепенно наливалось ярким пурпуром.

— Должно быть, это какая-то ошибка. Уверена, Александр может объяснить… это. — Она указала на локон волос. — Ты можешь, так ведь? — Ее сине-зеленые глаза взирали на него с неуверенностью.

— Почему ты на меня так смотришь? — потребовал он. — Ты им веришь?

— Конечно, нет! Уверена, у тебя есть достойный ответ. — Она приложила руку к виску. — Все это так неожиданно. Не знаю, что и думать.

— Видите, что вы наделали? Заморочили головку моей впечатлительной сестры. Это покушение на мой авторитет в ее глазах!

— Абби, вы в порядке? — Фатима обвела девушку взглядом.

— Только голова немного кружится. Все это так неожиданно.

— Вы двое куда-то собирались?

— Нас пригласили на ужин, — моргнула Абигейл и опустила взгляд на свое платье.

— Вероятно, влиятельные друзья вашей семьи. — Фатима снова повернулась к Алексан-

дру. — Среди них есть свидетельница, которая может подтвердить, что вы были в Египте в ночь убийства отца.

— У меня есть документы, которые доказывают время моего прибытия!

— Для того, кто использует иллюзии, их нетрудно подделать, — вставила Хадия.

Александр всплеснул руками и начал смеяться, качая головой.

— Вы все сошли с ума. Вся страна обезумела. Она отняла моего отца, а теперь хочет забрать меня. — Его голос перешел в шипение. — Но вам не удастся! Меня вы не заберете, как забрали его! Я не позволю!

Фатима искала в его жестких голубых глазах признаки того огня, что видела в самозванце. В них определенно было высокомерие — самодовольство человека, имевшего о себе слишком высокое мнение. Но ни грамма той силы. Она посмотрела на его пальцы. Пустые, кроме одного, с серебряной печаткой отца.

— Это похоже на безумие, так ведь? — спросила она. — Когда первые улики указали на вас, я тоже подумала, что схожу с ума. Но все начало обретать некий смысл. Ваша ложь о том, когда вы прибыли в страну. Ваше нежелание с нами говорить. У

вас даже есть мотив, чтобы убрать отца со своего пути. И вы определенно невысокого мнения о братстве. К тому же вы неприятный человек. — На последней фразе его губы сжались. — Но этого было недостаточно, — продолжила следователь. — Мы вышли на вас после недавних событий. Сначала вы не приехали на саммит, который помог организовать ваш отец, а вот самозванец появился. Затем мы узнали о переводе денег джинну Сиве с вашими инициалами — А.У. К тому времени, как мы нанесли визит ангелам по поводу кольца, все складывалось в единую картину — изображавшую вас.

— О чем вы говорите? — Александр был вне себя от возмущения. Он посмотрел на Асима, потом на Хадию. — О чем она говорит? Кто этот джинн и что за деньги я ему переводил? Ангелы? Зачем бы мне иметь что-либо общее с этими… существами?

— Расследования часто живут своей жизнью. — Фатима отошла к стене с мечами. — Если ты ведешь следствие и хочешь верить в определенный исход, улики приведут тебя прямо к желаемому. Они выстроятся именно так, как тебе хотелось. Нарисуют удобную картину. — Она вытащила меч, чувствуя текстуру рукояти ладо-

нью. — Ваш отец отстроил это имение в честь аль-Джахиза и так называемой ориентальности. Это суданский меч? — Она повернулась к Хадие, протягивая клинок.

Напарница приняла оружие, не задавая вопросов, и осмотрела меч со всех сторон.

— Это каскара. Суданский или, возможно, багирмский.

— Агент Хадия хорошо владеет мечом, — пояснила Фатима. Она вытащила второй клинок, затем посмотрела на Александра. — Могу поспорить, вы тоже хорошо фехтуете. Должны, раз вы капитан. — Она встретила вопросительный взгляд Асима и, жестом призвав его к терпению, бросила меч Александру.

С удивлением на лице он поймал оружие. Но неловко. Ему удалось схватиться за кисть, а уж потом за рукоять. Александр бросил на следователя злобный взгляд.

— Что, по-вашему?..

— Сразитесь с ним! — выпалила она.

Не задумываясь ни на секунду, Хадия приняла боевую стойку и бросилась на британца. Александр вскрикнул и поднял меч, блокируя удар. Движение было неуклюжим, и он почти уронил оружие, когда их клинки встретились. Агент

быстро обратила его в отступление, он пытался защищаться, но Хадия постоянно пробивала его защиту плоской частью меча — нанеся удары в руку, бедро и ногу.

— Достаточно, — отозвала ее Фатима. Напарница вышла из стойки и отступила.

— Какого дьявола вы устроили? — прорычал Александр, выглядя так, будто у него сейчас случится удар.

— Мои извинения, — сказала Фатима. — Вы не слишком хороши с мечом.

— В армии Его Величества не пользуются ориентальными клинками! — Александр покраснел еще сильнее.

— Разумеется, — ответила Фатима. Хадия вернулась к ней, возвращая каскару. — Дело в том, что самозванец очень хороший фехтовальщик. К тому же он правша. Вы сражались левой рукой. Это странно. — Она вскинула меч и швырнула его рукоятью вперед.

Абигейл не ожидала, что оружие полетит в ее сторону, но с легкостью его поймала — выхватила из воздуха одной рукой.

Фатима напала в тот же миг. Выхватив меч из трости, она кинулась к девушке — которая удивительно быстро перетекла в защитную стой-

ку, поднимая клинок, чтобы встретить выпад. Фатима атаковала быстрыми, точными ударами. Каждый встретило мастерски исполненное парирование. Она остановилась, кивнув. Абигейл замерла, тело под вечерним платьем в равновесии и сбалансировано, в сине-зеленых глазах слишком знакомый огонь.

— О Божечки! — воскликнула она, и напряжение улетучилось. Англичанка передала меч назад, нервно хихикая. — Полагаю, уроки фехтования принесли плоды.

— Одними уроками ваше мастерство не объяснить, — заметила Фатима, возвращая клинок на стену. Она посмотрела на Хадию, чей знающий взгляд говорил о том, что та все поняла. — Вы хороши. И правша. Но это не всё, в чем вы хороши, так ведь, Абби?

— Не думаю, что понимаю, о чем вы? — Абигейл выглядела озадаченной.

— Вы были первой, кто рассказал нам о самозванце — мужчине в золотой маске. Казалось, все мотивы для убийства отца — у вашего брата. Но что насчет вас? Дочь, которую он привез в Египет, проводившая здесь месяцы, годы. Которой он исповедовался о своей одержимости, которая помогала ему разбирать книги и манускрипты

— пока ваш брат играл в солдатики.

— Послушайте! — начал Александр. Фатима подняла руку, призывая к тишине.

— С чем еще вы помогали отцу? Может, тайно приумножали состояние Уортингтонов, пока он гонялся за эзотерическими древностями? Но под конец вы ничего не получили. Отец не позволил вам вступить в братство, хотя пригласил какую-то «туземную» женщину. Ваш брат при этом мог вступить, когда ему заблагорассудится. Мало того, он наследник. Вы были рядом, когда отец нуждался в плече, но остались лишь праздной дочерью. Если у кого-то и был мотив для убийства Алистера Уортингтона, так это у вас, так ведь, Абби?

— Абсурд! — выпалил Александр. — Сначала вы обвиняете меня в том, что я суданский сумасшедший. Теперь вы вообразили, что это моя сестра? Кто следующий? Слуги? — Он посмотрел на Асима. — Инспектор! Как долго вы будете позволять этому фарсу продолжаться? — На этот раз руку поднял Асим, призывая к тишине.

— Так где вы наткнулись на упоминание кольца? — продолжала Фатима. — Не в одной из тех глупых книг, которые читали при нас. В манускрипте вашего отца? Вы увидели его, так ведь?

Человек с сильной волей. Возможно, даже движимый гневом. Вы все знали о сделках братства с Сивой. И отправились к джинну, чтобы задать вопрос. Он не мог вам ответить, но вы видели кольцо в списке, возможно, когда ни ваш отец, ни кто-либо другой не могли видеть. И вы так хотели его получить. С этим кольцом вы могли обрести силу, чтобы отомстить отцу и его братству. Силу, чтобы делать, что захотите.

Она снова подняла прядь бледно-золотых волос:

— Магия ифритов, вот как вы создали свою иллюзию. Как вы превратились в аль-Джахиза. Мне сказали, что это особый вид обмана. Иллюзия заставляет нас видеть то, что мы хотим. Мне казалось, я ее разгадала. Но я просто сменила одну иллюзию на другую — словно думаешь, что пробудилась ото сна, но все еще спишь. Инициалы А.У. никогда не означали Александра Уортингтона. Это Абигейл Уортингтон. Вот почему я знаю, что волосы в моей руке на самом деле не золотого цвета.

Фатима посмотрела на локон и наконец очистила свои мысли — освободила от желаний и ожиданий, позволив им просто быть. Золотой цвет пряди исчез, оставив после себя знакомый

темно-рыжий. В комнате воцарилась абсолютная тишина.

— Вы все, должно быть, сошли с ума, — нарушил молчание Александр. Он искренне рассмеялся. — Моя сестра? Колдунья прямо под моим носом? Мастер-фехтовальщик? Посмотрите на нее! Она льет слезы, стоит вам слишком резко заговорить, или падает в обморок от вида крови. Я представить не могу, чтобы несчастное создание сумело даже помыслить о таких причудливых замыслах и планах!

Фатима снова подняла руку, чтобы утихомирить мужчину. Но ее опередили.

— Да заткнись уже, Александр, — сказала Абигейл. Она повернула изящную шею, чтобы смерить брата взглядом, который мог прожечь стену — и тот проглотил смех. Ее глаза обратились к Фатиме. — Полагаю, на этом всё, — продолжила она на чистом арабском. Ее брат вытаращил глаза, будто получил пощечину второй раз, что совпадало с выражением лица Асима. Даже Хадия, которая к этому моменту уже предвидела, к чему все идет, шумно выдохнула.

— Больше не будете играть роль ясноглазой англичанки? — осведомилась Фатима.

Абигейл хихикнула. Ее озадаченное выраже-

ние лица испарилось, словно она сорвала маску.

— Играйте роль, которую от вас ожидают, и люди поверят каждый раз. — Она перешла на английский, указывая на брата. — Он верил. Не всякая иллюзия требует магии.

— Но магия помогает, — вмешалась Хадия. — Это вы пришли к мадам Набили в ночь убийства отца, закутавшись в иллюзию вашего брата. Вы умоляли ее не упоминать смерть отца в газетах.

— Удивительно, как вовремя вставленное тут и там слово может посеять сумятицу, — ответила Абигейл. — Фокус в том, чтобы понять, что люди хотят услышать. Может, обращение к их страхам, их предрассудкам, голоду, естественному недоверию между империями. Или это может быть чем-то совсем простым, вроде надменной египтянки, которая наслаждается зрелищем молодого англичанина у ее ног.

— Или обмануть двух агентов, направив их в погоню за своим братом, — дополнила Фатима. — Сбить нас со следа, чтобы спокойно продолжать заниматься своими делами. Ты отправила письмо, которым заманила его в Каир. Затем подбросила улики — даже отдала журнал Портендорфа. Заклинание на иллюзорном джинне. Которое заставляет его отрезать язык

при малейшем упоминании имени брата. Крайне подозрительно.

— Изящный был штрих. — Абигейл сделала легкий реверанс. — Взяла из ваших книг. Он по-прежнему держит языки в корзине? Совершенно отвратительно! — Она сузила глаза. — Но как ты догадалась?

— «Как нравится тебе подвергнуться лесного льва суду?» — процитировала Фатима. — Читала когда-нибудь «Сират аль-амира Зат аль-Химма»? О королеве, которая идет в бой, переодевшись мужчиной, — скрывается, как лев в лесу. Это цитата — ее насмешливая похвальба, где она восхищается своей смекалкой и умением вводить в заблуждение.

— О, она мне нравится! — одобрительно кивнула Абигейл.

— Я не разгадала один трюк, — сказала Фатима. — Полагаю, это ты стояла за неприятностями с машиной брата, чтобы не пускать его на саммит. Чтобы он выглядел виновным в наших глазах. Но я видела, как ты потеряла сознание, когда появился аль-Джахиз. Как?

— Аль-Джахиз, — расплылась Абигейл в волчьей ухмылке. — Пророк. Спаситель. Безумец. Так много имен, так много людей. Кем бы он ни

был на самом деле, все, что у нас осталось, это… иллюзия. — Она взмахнула перевязанной рукой — и самозванец явился: в черных одеяниях и с темнокожим лицом аль-Джахиза. По комнате прокатились ахи. Один из полицейских, удовлетворенно отметила Фатима, ахнул громче всех.

— Аль-Джахиз не один человек, — сказала Абигейл, окутанная иллюзией. — Он здесь.

— И здесь, — послышался голос, и еще один аль-Джахиз вышел из коридора.

— И здесь, — вторил ему близнец, появляясь из другого прохода.

— Он повсюду, — заговорил следующий аль-Джахиз.

Рядом с Абигейл стояло четыре копии аль-Джахиза. Она взмахнула рукой — и иллюзии исчезли. Один аль-Джахиз стал Виктором Фицроем с усмешкой на квадратном лице. Сестры Эджингтон, Бетани и Дарлин, появились вместо следующих двух. Вечно ухмыляющийся Персиваль Монтгомери был четвертым.

— Так кто из вас произнес ту речь на саммите?

Персиваль отвесил Фатиме поклон, на что Абигейл восхищенно захлопала.

— Абигейл, — прохрипел Александр. — Ты хочешь сказать, что действительно совершила все

эти ужасные поступки? Что убила нашего отца?

На мгновение маска, которую носила женщина, соскользнула. Но так же быстро появилась вновь.

— Отцу пора было отойти в сторону, — спокойно ответила она. — Ты видел, что он делает с именем нашей семьи, с нашим состоянием. Как думаешь, кто управлял делами, пока ты слонялся по Индии бедным солдатом? Слабоумные старики, которыми он себя окружил? Я единственная, кто позаботился, чтобы имя Уортингтонов сохраняло репутацию еще одно поколение.

— Все те сделки, которые вы не могли понять, — сказала Фатима Александру. — Оружейные подрядчики и заводы по производству боеприпасов. Это была ваша сестра. Вот почему она пыталась сорвать мирный саммит. Она хочет войны. Всё для наживы.

Александр в ужасе уставился на сестру.

— Наживы? — презрительно усмехнулась Абигейл. — Ты думаешь, дело в деньгах? Или чтобы отомстить отцу за то, что он не пригласил меня в свой маленький клуб? Возмездие брату за наследство? — Она бросила на Фатиму разочарованный взгляд. — Если бы я была мужчиной. Если бы это был мой брат, как ты подозревала. Каким бы,

по-твоему, был мой мотив?

— Чую, начинается злодейский монолог. — Асим придвинулся ближе к Фатиме.

— Власть, — ответила Хадия. — Обычно мужчины хотят власти.

— Что же еще? У Египта она сейчас есть. Спасибо аль-Джахизу. Вы уже держали скипетр тысячи лет назад. Теперь вы стали новой силой. Пока вы строите фантастические чудеса механики и магии, старые силы отступают или грызутся между собой. Англию едва можно назвать империей. Юнион Джек повержен индусами-мистиками в Пенджабе и ашантийскими королевами с говорящими барабанами на Золотом Берегу. — Она хмыкнула. — Мой отец был прав в одном — неспособность принять новую эпоху привела к тому, что Британия пошатнулась, в то время как темнокожие расы возвысились. Но зачем создавать, когда можно просто отнять? Сердце египетской силы — это джинны. И я отниму их у вас.

Абигейл подняла перевязанную руку, и бинты исчезли — еще одна иллюзия. Без заклинания кожа на ее руке была бледной и ссохшейся почти до кости. На безымянном пальце поблескивало простое золотое кольцо, украшенное огненным шрифтом. Фатима узнала его с первого взгляда

— Печать Сулеймана.

— Я добьюсь, чтобы Британия правила вновь, — провозгласила Абигейл. — Египет падет первым, с джиннами под моим контролем. Затем я верну все, что мы потеряли, я собираюсь возродить империю. Восстановить наше былое величие. Возможно, меня даже будут чествовать, как лорда Нельсона. Может, даже сделают королевой. — Она остановилась, чтобы полюбоваться кольцом. — Или я сама сделаю себя королевой!

Фатима смотрела на изуродованную руку девушки и экстаз на ее лице, вспоминая предупреждение ангелов о подобном могуществе: «Инструмент слишком большой силы, чтобы смертный так своевольно ею распоряжался. Так часто». Она повернулась к Асиму:

— Все зафиксировал? — Инспектор кивнул. Ее взгляд переместился на одного из полицейских. — А ты достаточно услышал?

Полицейский тоже кивнул, его лицо выражало смесь шока и отвращения.

— Фальшивка! — выкрикнул он. Абигейл уставилась на него в явном недоумении — пока не пришло понимание.

— Мустафа. Мой свидетель.

— Больше нет! — закричал мужчина в от-

вет. — Ты фальшивка! Я буду тебя обличать до последнего вздоха!

Фатима решила привести его с собой, переодев в одного из полицейских Асима. Если свидетель аль-Джахиза увидит разоблачение самозванца, это может значительно ослабить напряжение на улицах Каира.

— Новости быстро расходятся в этом городе, — усмехнулась она. — Вскоре все узнают, что ты не аль-Джахиз. Имение окружили полицейские, готовые ворваться по первому слову. Даже если у тебя получится нас остановить, мы вернемся, и нас будет больше. Ты не сможешь победить. Все кончено.

На лице Абигейл промелькнула странная улыбка. Ее друзья прыснули. Фатима надеялась на другую реакцию.

— Кончено? — переспросила Абигейл. — Все еще даже не начиналось. Кстати, агент Фатима, ты ведь не спросила, что я планирую сделать с этими фантастическими Часами. Я собираюсь взять их с собой туда, где все начиналось. По расписанию это должно было произойти через пару дней. Но придется начать сейчас. — Она произнесла нараспев: — Девять Владык идут.

Фатима насторожилась, когда на кольце Аби-

гейл засияли огненные буквы. Она уже собиралась сказать Асиму, чтобы дул в свой свисток и производил арест, когда до ее слуха донесся знакомый металлический лязг. Она помнила его по предыдущим визитам в имение Уортингтонов. Тогда он был слабым, настолько смутным, что она сомневалась, не почудилось ли ей. Теперь он звучал отчетливее. Отдаленный звон, словно молоты били по стали. Она оглянулась на Хадию.

— Я тоже слышу!

У Фатимы свело живот. Звон. Она не учитывала звон.

— Абигейл! — попыталась следователь. — Тебя используют! Ангелы, они хотели, чтобы ты…

— Тот джинн Сива тоже об этом лопотал. Будто они подстроили, чтобы кольцо попало ко мне. — Она пожала голыми плечами. — Скажу тебе то, что сказала ему, — мне все равно. Теперь кольцо мое. Оно выбрало меня. И я не марионетка.

Звон стал громче.

— Откуда он идет? — выкрикнула Хадия. То был не единственный лязг, но множество ударов, выбивающих неровный ритм. Фатима опустила взгляд к своим карамельным туфлям. Это пол дрожит? Стены вокруг них вибрировали, а серебряные лампы мамлюков раскачивались на цепях

под потолком.

— Мы ее берем? — спросил Асим со свистком у рта.

Фатима заметила ухмылку, расплывающуюся на лице Абигейл, и мотнула головой:

— Бежим! Уходим, сейчас же!

Они кинулись к дверям. Фатима схватила Александра, глаза которого метались по сторонам. Агент бросила последний взгляд на Абигейл и ее друзей, беззаботно стоявших посреди трясущейся комнаты. Фатима рванула сквозь дверь и вниз по лестнице, но оглушительный звон преследовал их и снаружи. Она заметила Хамида, бегущего к ним с несколькими агентами и полицейскими.

А потом дом рухнул.

Следователь почувствовала, как земля уходит из-под ног, и чуть не упала. Асим кричал полицейским отступать. Те, кто еще оставался в фургонах, выпрыгнули и побежали, когда имение Уортингтонов обрушилось. Башни, минареты и колоннады разлетались на части, обваливая целые здания. За ними последовала земля, разверзаясь и поглощая целые участки имения. Хватило мгновения, чтобы остались только руины, окутанные клубящимся облаком удушливой пыли. Фатима закашлялась, попыталась отойти

дальше и услышала новый звук — похожий на скрежет. Обернувшись, она увидела, что обломки разрушенного дома сдвигаются, поднимаются вверх.

Не успела следователь толком разобраться, что происходит, как обломки разлетелись в стороны, заставляя искать укрытие. Нечто поднималось из дома. Нечто, как она теперь понимала, скрывавшееся под ним все это время. Сначала показалась пылающая рогатая голова из металла, за ней плечи, затем массивное тело в форме человека. Нет, не человека. Джинна! Огромного механического джинна из железа, латуни и стали. Его каркас облепили ифриты — огненные кроваво-красные существа, ярко горящие в сумерках. Они стучали молотами, сваривали и лязгали в яростной какофонии.

Фатима думала, что у самозванца только один ифрит. Но их были дюжины! Они еще не закончили работу, так что во многих местах конструкции не хватало металлических листов. Грудная клетка оставалась открытой, и агент видела, как вращаются шестеренки механического сердца. Там, на платформе, стояло пять фигур — Абигейл Уортингтон и ее друзья. Прямо за ними находился диковинный механизм из смыкающихся

шестерней, среди которых трудились несколько ифритов. Ее охватил всепоглощающий ужас. Часы Миров!

Огромный механический джинн вырвался из уничтоженного имения Уортингтонов, словно зверь, сбросивший шкуру. Его рогатая голова в джиннском огне повернулась на север, и он отправился в путь гигантскими шагами. Для своих размеров механизм передвигался быстро и вскоре уже был далеко.

Фатима спотыкалась, подталкивая ошеломленного Александра. Хадию и Асима она нашла в окружении таких же потрясенных полицейских агентов, покрытых толстым слоем пыли.

— Не думаю, что мы привели достаточно людей! — прокомментировал Асим, вычищая усы.

— Мне кажется, мы теперь знаем, что случилось с пропавшей сталью Уортингтонов, — добавила Хадия, глядя вслед железному гиганту. — Куда эта штука направляется?

— Абигейл сказала, что они вернутся туда, где все это начиналось, — ответила Фатима.

— Дело? — нахмурился Асим. — Оно начиналось здесь.

Фатима смотрела на удаляющегося механического джинна. Он шел не на север, а на

северо-восток.

— Каир. Там все началось. Часы Миров построили, чтобы воссоздать великие формулы аль-Джахиза. Чтобы открыть двери в другие миры. Она ведет его туда, где аль-Джахиз впервые пробил проход в Каф.

— Дворец Абдин! — со свистом вдохнула Хадия.

— Послы для королевского саммита до сих пор там! — сказал Асим.

Сердце Фатимы упало.

— Мы должны вернуться!

— Это будет непросто. — Асим указал на погрузившееся в землю имение Уортингтонов. Несколько еще видимых полицейских фургонов были погребены под обломками. — Лучшее, на что мы можем надеяться, что Гиза передаст предупреждение, когда увидит эту штуку — может, кому-то хватит ума прислать машину, чтобы проверить, как мы.

«Этого недостаточно, — переживала Фатима. — Никто, кроме них, не знал, с чем они имеют дело. Она огляделась вокруг. Должен же быть какой-то выход!»

Не успела ей прийти эта мысль, как она заметила одинокую повозку, мчащуюся к ним по дороге.

Нет, не повозку. Что-то вроде моторизованного велоципеда[96]. Но массивного по центру, а поверхность покрыта бронзой и серебром. У двух колес — одно впереди и одно сзади — были более толстые шины, чем у велоципеда, а сиденье располагалось слишком низко. Также он издавал сильный шум, двигатель рычал так, словно его сняли с дирижабля.

Водитель сидел, наклонившись к передней части необычного транспорта, схватившись руками за бронзовые ручки, где в сгущающихся сумерках светилась единственная лампа. Лицо скрывали защитные очки и круглый коричневый шлем. Водитель остановил странный велоципед прямо перед ними и отщелкнул подножку ботинком в цвет шлема. Подняв очки, он расстегнул ремешки на шлеме, снял его и обозрел разрушенное имение.

Фатима вытаращилась.

Водитель улыбнулась.

— Похоже, та еще была вечеринка, — сказала Сити.

---

[96] Примечания: 96

Велоципед (от *франц.* velocipede) — ранняя форма велосипеда, приводимая в движение педалями на переднем колесе.

Глава двадцать шестая

— Знаешь, по дороге сюда видела очень странную штуку? — Одетая в обтягивающие кожаные бриджи и короткий красный кафтан Сити небрежно облокотилась на странный велосипед, поправляя знакомую длинную винтовку на спине. — Гигантский механический джинн. С ифритами по всему телу. Кто-нибудь еще его видел или я слишком много пью?

— Откуда ты знала?..

— …где ты? Помнишь, что я говорила о *вещах*, которые умею делать?

Разумеется. Ее способности полуджинна. Все еще неуютно. Но она готова была ее расцеловать!

— Нам нужно в Каир!

— Я так догадываюсь, это как-то связано с гигантским механическим джинном? Такие штуковины обычно ни к чему хорошему не приводят.

— Самозванец — это Абигейл Уортингтон, — торопливо объяснила Фатима. — Она с друзьями везет Часы Миров во дворец Абдин. Собирается использовать Печать Сулеймана и джиннов,

чтобы захватить Египет. Потом они могут попробовать завоевать мир.

Сити присвистнула.

— Звучит определенно нехорошо. — Ее глаза переметнулись на группу полицейских и министерских агентов. — Но здесь куча народу. А у меня только он. — Она указала на свой транспорт.

— Что это за штука? — спросила Фатима.

— Мопед! Они сейчас популярны в Луксоре. И я себе заказала.

Фатима покачала головой. Эта женщина и ее гаджеты. Этот хотя бы не летал.

— Еще одна женщина-агент из министерства? — спросил Асим. Он подошел к ним и не мог определиться, на что таращиться — на мопед или Сити.

— Скорее, независимая наемница, — подмигнула нубийка.

— Нам нужно ваше транспортное средство. — Асим не поддержал легкомысленный тон. — Полицейская операция.

— Простите, инспектор. — Она подалась вперед с озорной улыбкой. — Только мне можно расставлять перед ним ноги. — Асим подкрутил усы, тяжело сглотнул и вернулся к своим людям,

бросая взгляды через плечо.

— Абла? — К удивлению Фатимы, это был Хамид. Его форма превратилась в лохмотья. Но он не обращал внимания на ее состояние, вместо этого уставившись на Сити. Подожди-ка. Он ее по имени только что позвал?

— Агент Хамид, — приветливо поздоровалась Сити.

— Откуда ты знаешь Аблу? — недоуменно улыбнулся он в ответ.

— Откуда *ты* знаешь Аблу? — подняла бровь Фатима.

Прежде чем следователь получила ответ, к ним подбежал радушно улыбающийся Онси — будто на него и не обрушивался целый дом — и поприветствовал Сити. Фатима застыла в недоумении.

— Прошлым летом Абла помогла нам с одним делом, — объяснил Хамид.

— Она помогла вам с делом? — переспросила Фатима.

— Просто дала совет, — пожала плечами Сити. — Какая-то проблема с… что там было? Автобус? Троллейбус?

— Трамвай, — одновременно выпалили Фатима, Хамид и Онси.

— Да, точно.

— Так толком тебя и не поблагодарил, — сказал Хамид. — Когда я вернулся в «Мекку», тебя уже не было. Что ты здесь делаешь?

Похоже, Сити собиралась схохмить, но Фатиме уже было достаточно.

— Не хочу мешать воссоединению, но… — Она указала в сторону, куда ушел гигантский железный джинн. — Нам все еще нужно попасть в Каир.

— Может, получится спасти один из полицейских фургонов, — серьезно кивнул Хамид. Он посмотрел на Онси. — Ты чисто случайно не знаешь, как ремонтировать двигатели автомобилей?

— Вообще-то, — возбужденно закивал коротышка, — я иногда с удовольствием изучаю схемы паровых двигателей и даже использовал одну, чтобы разобрать…

— Кто бы сомневался, — вклинился Хамид. — Значит, пошли. — Они спешно попрощались и отправились осматривать то, что осталось от полицейских машин.

Сити взяла второй шлем, висевший на заднем сиденье, и вручила его Фатиме.

— Тебя я могу отвезти назад. Скорость велоца не уступает большинству машин. Точно быстрее

полицейских фургонов. Мы, скорее всего, сможем догнать эту штуковину, если я поднажму.

Фатима посмотрела на стоявшую рядом Хадию, осознав, что им придется расстаться.

— Езжайте! Скажите, чтобы прислали помощь. Встретимся уже там. — Она повернулась на каблуках и обратилась к Сити, подойдя вплотную, ее голос приобрел остроту ножа: — Присмотрите за ней. И держите руки при себе. Если я увижу хоть одну рану, будете иметь дело со мной, это понятно?

Фатима остановилась, ошеломленная, со шлемом над головой. Сити выглядела такой же удивленной, но быстро пришла в себя, ее глаза сузились:

— Не думаю, что ты знаешь, о чем говоришь. Но ты мне нравишься. И ты просто защищаешь напарницу. Так что я сделаю вид, что ты мне не угрожала. — Она перевела дыхание, ее голос стал ниже. — Но ответа ты все же заслуживаешь. — Ее глаза вспыхнули, превращаясь в кошачьи зрачки на переливчатом золоте. — Я полуджинн.

— Как наснас? — Хадия отпрянула в изумлении, ее лицо сморщилось.

— По-твоему, похоже, что у меня полтела? — огрызнулась Сити. — Во мне кровь джинна!

— О. — Глаза Хадии округлились, когда она поняла. — О!

— То, что случилось тем вечером, произошло из-за кольца. Я себя не контролировала.

Хадия выслушала молча, но полностью убежденной не выглядела.

— Меня застали врасплох, — процедила Сити. В ее голосе появилась уверенность. — Я никому не позволю снова заставить меня причинить ей боль.

— Уж постарайтесь, — ответила Хадия. — Вы мне тоже нравитесь. Но я не шутила.

— Если вы закончили играть в моих нянек, — вмешалась Фатима, — нам тут нужно остановить вероятный конец света. — Она забралась на заднее сиденье мопеда, вложив трость в чехол пристегнутой к спине Сити винтовки. — Можете за ним присмотреть? — Следователь указала на Александра Уортингтона, который таращился на развалины дома с отвисшей челюстью. — Мне кажется, он впал в ступор.

— Ладно, — ответила Хадия. — Да пребудет с вами Аллах! — Она повернулась к Александру, взяла его под руку и повела прочь. — Знаю, для вас это сложное время. Ваша сестра — злобная маньячка, жаждущая завоевания мира. Она уби-

ла вашего отца, и это просто жуть. К тому же я так думаю, что у этого дома теперь не слишком большая перепродажная ценность. Но всегда может быть хуже! Вот у меня есть кузина…

Фатима не слышала продолжения, поскольку они с Сити умчались в сгущающуюся тьму.

* * *

Мопед оказался достоин похвальбы Сити. Он был быстрым. Определенно предпочтительнее планера — на котором они летели, когда спасали мир в прошлый раз. Но двигаться на такой скорости, когда в ушах свистит ветер, было страшновато. Не помогало и то, что Сити практически не сбавляла ход на поворотах. Бóльшую часть поездки Фатима провела, крепко зажмурив глаза и вцепившись в талию подруги.

Они сделали лишь короткую остановку в Гизе, передать сообщение, чтобы отправили помощь в имение Уортингтонов, и позвонить в министерство для эвакуации дворца Абдин. Все же, как ни быстро они ехали, механический джинн оставался далеко впереди. Женщины снова его увидели, только когда достигли окраин Каира. Гигант стоял на фоне ночного неба, освещенный усеивающими его тело огнями ифритов. Затем

он снова исчез, продвигаясь в город еще быстрее. Уже после того, как они заметили чудовищный механизм, мопедистки услышали голос. Женский голос — гремевший и отдающийся эхом.

— Абигейл! — узнала Фатима. Вот только она не разбирала слов. То был не английский и не арабский, но какой-то грохочущий джиннский язык. Тело Сити в ее руках застыло. Она замедлилась и затем остановилась совсем.

— Что не так? — забеспокоилась Фатима.

— Я ее слышу, — выдавила Сити. — В голове.

— Как… раньше?

— Нет. Голос приглушен, будто сквозь воду пропустили. Меня все еще к нему влечет, но, думаю, пока остаюсь в человеческой форме, я могу сопротивляться. Что бы ты ни сделала, когда призвала богиню, его влияние ослабло.

— Ты понимаешь, что она говорит? — Фатима не хотела вспоминать тот вечер.

— Она призывает джиннов, — кивнула Сити. — Требует, чтобы они собирались вокруг нее. Что пришло время склониться перед Хозяйкой Джиннов. Еще есть видения. Вспышки. Дворец Абдин. И… — Она сбилась, притихла, а потом выругалась под нос. Мопед рванулся и снова набрал скорость.

— Что такое? — перекрикивая ветер, спросила Фатима.

— Все плохо! Девять Владык! Она собирается их освободить! С помощью Часов!

— Но зачем?

— Чтобы их использовать! Кольца недостаточно! Оно не может одновременно управлять таким количеством джиннов! Или, во всяком случае, Абигейл не может. Ей нужны лидеры, которые будут их направлять! Она создает армию — армию джиннов! Девять Владык-ифритов станут ее генералами!

Звучало нехорошо. Очень нехорошо.

— Быстрее!

Сити низко пригнулась, и двигатель мопеда взревел, отправляя их в стремительный полет по улицам Каира. Определить, где прошел гигант, оказалось несложно. Как и в Гизе, он оставлял за собой следы разрушения. Оборванные трамвайные кабели и вагоны лежали на улицах, а на нескольких зданиях остались следы повреждений. От наспех сооруженной баррикады сохранился только ряд искореженных полицейских фургонов. Мопед вилял между машинами и обломками, а Фатиме оставалось только молиться, чтобы этой ночью не случилось ничего хуже.

Они приближались к масджид ас-Сайеда Зейнаб, когда земля начала трястись. Сити затормозила и остановилась. Грохот вокруг них нарастал с каждой секундой, словно отдаленный гром. По небу пронеслась череда фигур, достаточно низко, чтобы подруги ощутили ветер от полета и сумели их рассмотреть. Джинны. Крылатые джинны. Часть с пернатыми крыльями, другие — с кожистыми, как у летучих мышей. Большинство некрупные, но рядом с ними мчался огромный марид. Фатима и Сити инстинктивно пригнулись, когда титан пролетел мимо них, взмахнув длинным змеиным хвостом.

— Что происходит?.. — Фатима прервалась, когда из-за угла выплеснулось темное море. Сначала ей показалось, что это действительно вода. Что улицы каким-то образом затопило. Но вскоре она поняла, что волна состоит из отдельных существ, собравшихся вместе. Еще джинны. Только земнородные, и куда большим числом как по количеству, так и по типам. Джинны с головами газелей или птиц. Маленькие, как дети, джинны, и джинны больше десяти футов. Синие джинны, красные, черные или с мраморной кожей. Полупрозрачные элементали льда, а джанны из облачных клубов. Джинны с кожей, подобной

траве или камню. С зубами и клыками, некоторые с двумя головами и шестью руками. И все они бежали, как один загнанный зверь, накатываясь на них волной.

У женщин не оставалось времени бежать. Некуда бежать. Они застыли на месте, сидя на велоце, когда волна обрушилась — и разбилась. Джинны проносились вокруг них, но ни один не обращал на женщин внимания. Все они двигались в одном направлении — ко дворцу Абдин.

Как только джинны пробежали мимо, Сити снова пустилась в путь. Обе молчали, погруженные в мрачные мысли. Джинны попали в рабство Печати Сулеймана. Абигейл получит свою армию. Теперь им нужно убедиться, что она не получит генералов, которые будут ею управлять. Однако когда они наконец добрались до дворца, шансы выглядели сомнительными.

Мухаммед Али-паша начал строить дворец Абдин в 1863 году — предполагалось, что он будет служить королевской резиденцией. Но окончание строительства в 1872 году совпало со временем, когда в городе появился аль-Джахиз. Вместо того чтобы сделать дворец центральным узлом своего правительства, паша поселил в нем суданского мистика, рассчитывая извлечь

пользу из его мудрости. Именно здесь аль-Джахиз работал над самыми чудесными творениями. Здесь же он пробил портал в Каф, навсегда изменив мир. Джинны-архитекторы дополнили оригинальное здание сочетанием европейского, турецкого и египетского стилей — включая серию роскошных внутренних двориков с миниатюрными механическими конструкциями и памятниками. Сегодня они вернулись, причем в таком количестве, от которого даже аль-Джахизу стало бы не по себе.

Фатима обозрела море джиннов. Они столпились на улицах, окружающих прямоугольный дворец, почти плечом к плечу, неустанно двигаясь вперед. Некоторые карабкались по внешнему фасаду, хватаясь за окна, балконы и любые выступающие камни. Один обвился змеевидным телом вокруг колонны, что выстраивались у парадного входа, и поднимался по ней ползком. Все для того, чтобы присоединиться к джиннам, которые уже собрались на крыше, устремив взгляды на огромное железное чудовище.

Гигантский джинн-автомат стоял посреди внутренних стен дворца. Колоссальная рогатая голова возвышалась над постройками, горящие внутри огни придавали незаконченному

лицу нечестивую злобу. Грудь механического джинна была на одном уровне с крышей. Внутри открытой полости, на широкой платформе, расположенной под вращающимся механическим сердцем, стояла самопровозглашенная Хозяйка Джиннов, инспектируя собирающееся войско.

Абигейл Уортингтон была как на ладони — темно-рыжие волосы, черно-золотое платье, подсвеченное огненными ифритами, неустанно работающими над скоплением шестеренок за ее спиной. Часы Миров. Она больше не утруждалась иллюзией аль-Джахиза. А может, ей не хватало магии. Ее рука была высоко поднята, призывая каирских джиннов, на пальце поблескивало золотое кольцо.

— Что-то не вижу твоих людей, — заметила Сити. — Ни агентов, ни полиции. Даже дворцовой охраны нет.

— Скорее всего, перебили. Надеюсь, хоть послов успели вывести.

— Выходит, только мы остались, — хмыкнула Сити.

— Придется справляться самим. Нам нужно подняться.

— Нет, если пробираться сквозь это. — Сити указала на скопище джиннов. Их было слишком

много, чтобы протиснуться, и с каждой минутой становилось больше. Фатима обвела взглядом дворец в поисках двери или открытого окна. Но увидела только джиннов.

— Есть еще один путь наверх, — предложила Сити. Она выглядела задумчивой. — Мы можем подлететь.

Поначалу Фатима решила, что подруга имеет в виду свой новомодный планер. Но потом она разглядела ее глаза за очками, и пришло понимание.

— Ты сможешь?

— Ты не очень тяжелая, — пожала плечами Сити. — А я сильнее в форме джиннии.

— Я о том, сможешь ты это сделать и не закончить как они.

— Я знаю, о чем ты, — ответила Сити серьезнее. — Она сейчас много сил тратит, чтобы собрать здесь всех этих джиннов. Не знаю, сможет ли она сосредоточиться конкретно на мне.

Фатиме не нравилась эта идея. И не только потому, что она опасалась за свою безопасность. Ей не хотелось, чтобы Сити становилась такой же, как остальные, без контроля над собой, вынужденная отвечать на призыв госпожи. От этой мысли сводило живот. Но она знала, что у нее

нет выбора.

— Давай.

Они бросили велоц, и Фатима сменила шлем на котелок — слегка помятый, но еще пригодный для ношения. Сити тоже избавилась от головного убора и с любопытством за ней наблюдала.

— Ты знаешь, что мы одеты так же, как в прошлый раз? — спросила она. — Когда отправились сражаться с безумным ангелом? У тебя был костюм того же цвета. Я была в тех же шмотках.

Фатима посмотрела вниз на свой костюм: светло-серый, с жилетом в цвет, фисташковый галстук и рубашка в красно-белую полоску. Теперь она вспомнила. Сити в тех же коричневых ботинках, кожаных бриджах и кафтане. Странное совпадение.

— Это как-то связано с магией джиннов?

— Меня не спрашивай, — подмигнула Сити. — Я полукровка. — Затем она перекинулась.

Несмотря на то что Фатима этого ожидала, трансформация поражала. На месте Сити… Нет, поправила она себя. Это тоже Сити. Высокая джинния с черной блестящей кожей и темно-красными изгибающимися рогами. Она смотрела вниз кроваво-золотыми кошачьими глазами.

— Как ты себя чувствуешь? — нерешительно

спросила Фатима.

Челюсть Сити сжалась, и ее голова качнулась из стороны в сторону.

— Хочу, чтобы она заглохла, — прорычала нубийка. — Но я в порядке, хвала богине. — На ее спине развернулись черно-красные крылья. — Полетели, заткнем ей рот. — Фатима не сумела сдержать легкий вскрик, когда ее обхватили сильные руки и она поднялась в воздух.

От внезапного ощущения у нее свело живот, а мир перевернулся набок — так что она не могла понять, где находится верх. Когда агент снова пришла в себя, то увидела, что они воспарили над толпой джиннов, поднимаясь вверх. Взмахи крыльев Сити отдавались шумом ветра в ее ушах. Они подлетели к крыше и приземлились среди все увеличивающихся рядов джиннов.

Сити отпустила Фатиму, которая, запнувшись, встала на ноги. Полеты никогда не были ее сильной стороной. Никто из джиннов не удостоил их даже взглядом. Они стояли на месте, раскачиваясь, их лица были лишены эмоций, а глаза пугающе пусты. Фатима и Сити повернулись к механическому джинну. Платформу, на которой стояла Абигейл, построили в виде помоста со ступеньками, ведущими вниз, на крышу. Ее

сообщники выстроились рядом с ней: Виктор, Бетани, Дарлин и Перси. Они стояли спиной к подругам, наблюдая, как ифриты старательно соединяют пластины на Часах Миров.

— Почти готово, — отметила Фатима. — Погоди, ты куда? — Она протянула руку, чтобы схватить Сити, которая шагнула вперед. Та повернулась, пригвоздив ее взглядом потускневших джиннских глаз. — Сити, слушай меня, не ее! Превратись обратно! Сити! — В глазах появилось узнавание, и через мгновение она вернулась в человеческую форму.

— Малеш, — смущенно пробормотала Сити извинение. Она посмотрела на сцену перед ними. — Ты права, Часы почти закончены. Когда они заработают, сквозь них пройдут Девять Владык. И все эти джинны превратятся в послушных солдат. Ее солдат.

— Можем штурмовать ступени. Взять ее напрямую.

Сити посмотрела на Абигейл, чью искалеченную белую руку было хорошо видно — вместе с кольцом.

— У меня идея получше. — Она сняла винтовку с плеча.

От понимания, что предлагает ее подруга, Фа-

тима застыла на месте.

— Насколько я знаю, — сказала Сити, прочитав чувства на ее лице, — министерство выдает оружие.

— Для самообороны, — парировала Фатима. — Не для хладнокровного убийства.

— Это по-прежнему самооборона. Просто посредством хладнокровного убийства. — Фатима открыла рот, чтобы возразить, но Сити настойчиво продолжала: — У нас нет времени на споры об этике. Я только знаю, что всего лишь одна пуля сделает это кольцо бесполезным, освободит всех джиннов и остановит Часы. Как по мне, это и есть высшее благо.

Фатиме это не нравилось. Совсем. Но слишком многое поставлено на карту. И Сити была права в одном — у них нет времени на споры.

— Сделай все чисто, — наконец сказала она.

Сити кивнула и опустилась на колено, прижав приклад винтовки к плечу и вглядываясь в прицел.

— Может, ты и на высоте, — пробормотала она, — но у меня есть богиня. — Ее палец завис над спусковым крючком.

— Не попади в джинна! — прошептала Фатима.

— Не переживай. Надежный выстрел. Но результат может получиться неаккуратным.

Фатима собралась с духом. Она надеялась, что справится с «неаккуратным».

Сити начала шептать, и понадобилось мгновение, чтобы понять, что она молилась.

— Хвала тебе, Хозяйка всех сил, Око Ра, Свет, что отгоняет тьму. Я открываю тебе свое сердце. Свои руки. Свои глаза. Сердце мое безупречно. Сделай мой прицел верным, чтобы поразила я врагов Отца нашего.

Ночь разорвал треск винтовки. Слова Абигейл резко оборвались, и перед ней, словно завеса, расплылось черное облако. Пуля столкнулась с ним и разлетелась вдребезги. Виктор закричал, сжимая окровавленное плечо, куда попал осколок, и упал на пол платформы. В следующую секунду черное облако превратилось в знакомую фигуру. Пепельный гуль.

— Я была уверена, что прикончила эту тварь! — выругалась Сити.

Она приготовилась снова выстрелить. Слишком поздно. Абигейл смотрела на крышу. Она легко заметила их среди массы бессмертных и что-то крикнула во всю силу легких. Фатима почувствовала, как холодеет кровь, когда все

окружающие джинны направили на них взгляды — пустые и мертвые.

Глава двадцать седьмая

Фатима увернулась от мясистой ладони округлого четырехрукого джинна. Не просто округлого, почти идеально круглого — чешуйчатая сфера с большим, чем нужно, количеством конечностей и широким ртом. Она ударила джинна тростью прямо между глаз, и тот отшатнулся. Возле нее Сити отбросила джинна с единственным желтым рогом так, что тот врезался в нескольких других, используя их вес против них самих.

— Это начинает раздражать, — прорычала она, подпрыгивая, чтобы пнуть джинна в лицо.

— Лучше, чем… — Фатима задохнулась в обжигающем холоде, пройдя прямо сквозь вихрящуюся джанн ветра. — Поднажмем! — застучала она зубами.

Сити была права. Абигейл слишком распылялась. Сначала они боялись, что джинны их одолеют. На удивление, они оказались не слишком опасными. О, они оставались массивными и чудовищными. Но сражались они вяло. И неуклюже. Некоторые нападали только раз, после чего возвращались в ступор. Тем не менее бои их задерживали и давали время на завершение

Часов. Их лучшим шансом было пробиваться вперед и добраться до платформы.

— Мы вырвались! — крикнула Сити.

Их все еще окружали джинны. Но они, похоже, не получили команду Абигейл. Их глаза были прикованы к хозяйке, которая больше не выкрикивала приказания, но стояла неподвижно с вытянутой рукой. От концентрации ее лицо покрывал пот, а прекрасно уложенные волосы почти распустились.

— Выглядит уязвимой. Нападем сейчас!

— Не получится, пока он стоит на пути. — Сити указала на пепельного гуля, который безучастно за ними наблюдал.

— Нам как-то нужно его отвлечь.

— Принято, — сказала Сити. Она подняла винтовку, прицелилась и выстрелила. Абигейл вздрогнула от предназначавшегося ей выстрела, хотя гуль в мгновение ока переместился, чтобы отразить пулю. Англичанка бросила вниз злобный взгляд и выкроила секунду, чтобы отдать команду. Клубящееся черное облако, которое было пепельным гулем, развернулось и устремилось к ним.

— Сработало, — сообщила Сити. Мгновение — и она джинния. Когда пепельный гуль сгустился и

упал перед ней, Сити нанесла удар — настолько сильный, что существо рассыпалось в черную пыль, разлетевшуюся по крыше. — Иди, позаботься об Абби. Я задержу тварь.

— Ты справишься? — Фатима с беспокойством посмотрела на Сити. — В этой форме?

— Она слишком занята, — ухмыльнулась Сити, хотя улыбка выглядела натянутой. — К тому же со мной богиня! Иди! Подожди! — Фатима с удивлением обнаружила, что вовлечена в глубокий поцелуй. Ее тело напряглось, когда по нему пронесся электрический поток — словно кто-то неведомым способом сумел перелить половину Нила в бутылку. Их губы разомкнулись, и у нее перехватило дыхание.

— Что это было? — пролепетала следователь, когда ее ноги снова коснулись земли.

— Подарок, — подмигнула Сити. — Считай, что я подзарядила твою батарею. — Ее лицо исказилось в рычании, когда вновь сформировавшийся гуль поднялся, создавая свой дубликат. — Теперь иди!

Фатима пошла. Ее тело покалывало, и казалось, что она переполнена новой энергией. Проскользнув между последними джиннами, она добралась до лестницы к платформе и помчалась вверх,

перескакивая через ступеньки. Кто-то спрыгнул вниз, чтобы ее остановить. Персиваль Монтгомери. Она легко его обошла и нанесла сильный удар в челюсть, от которого голова англичанина откинулась назад. Он повалился на платформу, и агент улыбнулась. Как же хорошо! Ей было хорошо!

Сестры Эджингтон выкрикнули предупреждение, и Абигейл обернулась, как раз когда Фатима выхватила меч и атаковала. Женщине удалось избежать удара, но он прошел достаточно близко, чтобы ее лицо побледнело.

— Похоже, ты твердо решила встать у меня на пути, — прошипела она. — Ты как дитя, просто не можешь, когда тебя не слушают. — Она протянула руку в воздух, и в ней появился черный гудящий клинок.

Фатима улыбнулась шире. И напала.

Абигейл была искусной фехтовальщицей. Но у Фатимы имелось два преимущества. Абигейл устала, она использовала слишком много силы кольца. Следователь, с другой стороны, получила энергию от магии джиннов. Ее ноги пританцовывали, когда она воспользовалась своим превосходством, заставляя противницу блокировать и поспешно отступать. Агент поражалась

легкости, с которой угадывала намеченные маневры, и без труда их парировала. Она видела явное изнеможение на лице Абигейл, ее затрудненное дыхание.

Намереваясь покончить с этим, Фатима притворилась, что запнулась. Абигейл ухватилась за победу, вытягиваясь в колющем движении. Выйдя из финта, Фатима опустилась, острие клинка прорезало платье и задело бедро. Англичанка с криком отпрянула, держась за раненную ногу.

— Это за Сити.

Лицо Абигейл потемнело.

— У меня нет на это времени! — Уортингтон взмахнула рукой с кольцом, и оно ярко засветилось. — Ко мне!

Масса джиннов ринулись с крыши наверх. Фатима подняла меч, ожидая, что они нападут. Вместо этого джинны собрались в защитный щит вокруг своей хозяйки.

— Хочешь с кем-нибудь сразиться? — ухмыльнулась Абигейл из-за заслона тел. — Вот тебе. Протестируй навыки! — Она снова взмахнула рукой, и один из ифритов, работавших над Часами Миров, оторвался от металлического гиганта и упал вниз, тяжело приземлившись на ступени перед Фатимой.

Существо было добрых девять футов в высоту — не говоря уж о том, что его тело состояло из огня. Ифрит выхватил из небытия пылающий красный клинок и взмахнул. Фатима сумела вовремя поднять свой меч. Сила удара бросила ее на колено, а из оружия ифрита вырвались огненные брызги. И он продолжал давить. Ее взгляд встретился с глазами противника — пустыми омутами расплавленной лавы — и она знала, что рано или поздно раскаленное лезвие до нее доберется.

Внезапно раздался подобный львиному рев. Ифрит закричал, когда когти вонзились сначала в его руку, потом в грудь, расплескивая кровь. Он повернулся навстречу шквалу когтей и бьющихся крыльев. Сити! Нубийка оскалила зубы, и джинн ответил яростным воплем, занося пылающий меч над головой. В руке Сити появилось оружие — клинок сияющего серебра. Столкновение двух мечей было ослепительным.

Абигейл следила за схваткой, все еще сжимая раненную ногу. Она снова закричала, и второй, а за ним и третий ифрит спикировали вниз. Фатима в панике наблюдала, как три огненных создания обрушиваются на ее подругу. Сити ощерилась, кроваво-золотые глаза сузились в злом прищуре, крылья распахнулись, а серебряный

меч указывал в небо. Фатима никогда не видела ничего столь же прекрасного!

Сити держалась. Но все же она была полуджинном, сражающимся с тремя ифритами, которые осыпали ее ударами раскаленных клинков. Она быстро перешла к отчаянной защите. Взмахи меча слабели, женщина с трудом блокировала колющие атаки и крутилась на месте, чтобы уследить за всеми тремя. Ифриты кружили вокруг нее, словно гиены, изматывающие свою добычу.

Фатима подняла меч, намереваясь ринуться в бой — даже если долго она не продержится. Она и шагу не успела сделать, как один из ифритов сделал выпад и его меч нашел брешь в ослабшей защите нубийки. Обжигающий клинок глубоко вонзился в плечо. Крик, который издала ее подруга, разбил сердце Фатимы. Она смотрела, как Сити упала на колени — сияющий меч исчез из ее рук.

Второй ифрит бросился вперед, поднимая клинок для смертельного удара. Фатима понеслась вниз по ступеням, готовая броситься на существо. Но джинн вдруг остановился. Абигейл приказала ему возвращаться к работе. Она отозвала их всех. Фатима добежала до Сити, когда три ифрита отступили по приказу хозяйки.

— Жжет! — Лицо Сити исказилось от боли. —

Жжет повсюду!

Фатима посмотрела на рану. Ее должно было прижечь пламенем клинка. Однако она одновременно выглядела обожженной и кровоточила. Агент хотела остановить кровь, но лишь одернула ошпаренные пальцы. Кровь оказалась горячей на ощупь — кипящей, отравленная оружием ифрита.

— Почему ты не исцеляешься?

В ответ Сити снова закричала, когда над ее телом начали подниматься струйки дыма.

Мысли Фатимы неслись вскачь. Ликование все еще разливалось по ее венам, она чувствовала его на кончиках пальцев — на которых быстро заживали только что полученные ожоги. В ней осталась часть магии Сити. Возможно, достаточно, чтобы не давать ей исцелиться. Если бы она могла ее вернуть…

Фатима наклонилась к Сити, их губы слились. Бурный поток, наполнявший ее тело до краев, иссяк — возвращая половину Нила. Когда она оторвалась, то с трудом удержалась на ногах. Агент чувствовала себя так, будто пробежала несколько миль! Она осторожно провела пальцами по ране Сити. До конца не зажила. Но кожа затянулась и больше не обжигала.

— Что ты сделала? — скривилась Сити, садясь.

— Вернула заряд батареи, — выдавила улыбку Фатима. Краткая эйфория испарилась, стоило ей поднять голову на три фигуры, стоявшие над ними подобно стражам. Пепельный гуль.

— Он всегда возвращается, — проворчала Сити.

Фатима сжала меч. Она вымоталась и, учитывая дрожащие ноги, скорее всего, зароется носом, если встанет. Но раз уж тварь хотела драки, она готова выложиться по полной.

Внезапный скрип вернул ее внимание к платформе. Он исходил от механического джинна. Нет, не от самого автомата, но от машины из шестеренок, заключенной в его открытой груди. Они поворачивались, зубья колес сцеплялись друг с другом. Сначала они двигались медленно, но быстро ускорились: отлаженные и подогнанные, чтобы работать в идеальной гармонии.

От этого зрелища у следователя похолодела кровь. Часы Миров были восстановлены. И работали.

— Она это сделала! — прошептала Сити. Ее кровавые глаза застыли. Не на вращающихся шестеренках. Не на Абигейл, издающей победные крики. Но на дыре тьмы высоко над головой

механического джинна — словно кто-то прорезал ткань реальности.

Когда они в последний раз видели машину исправной, она открыла похожую дверь в темное, полное воды место — откуда появился ужас из конечностей и щупальцев. Эта дыра тоже была темной настолько, что выделялась даже на фоне ночного неба. Но на воду она не походила. Напротив, она напоминала Фатиме жаркое марево — и на другой стороне ей виделся мир опаляющего и безжалостного огня. В воздухе разлилась тишина. Даже Абигейл притихла — увидев, что явилось из тьмы в их мир.

— Милостивый Аллах, — простонала Фатима.

Они были ифритами. Совершенно очевидно. Только ничего подобного она раньше не видела.

Ифриты скорей напоминали живые инферно, чем существ из плоти. Но эти еще дальше выходили за грань. Их тела состояли из жидкого, бурлящего пламени — кроваво-оранжевого, как извергающиеся трещины вулкана. От их жара дрожал воздух, Фатима даже отсюда чувствовала, как он обжигает. И они были намного больше любого джинна, что она когда-либо видела. Из-за своих огромных размеров они не могли даже стоять на крыше дворца. Вместо этого ифриты

парили над ней — если о горах бурлящего, расплавленного камня можно сказать «парили». Их было девять.

— Кто призвал нас в это место? — загремел один. — Кто пробудил нас от великого сна?

Говорил самый крупный из них — с изогнутыми рогами, сияющими белизной раскаленного железа. Голову окольцовывал золотой венец, полыхающая диадема, подобная маленькой звезде. Фатима решила, что если они Владыки ифритов, то он должен быть их королем. Он выдыхал пламя, и в воздухе перед ним плясали огни. Агент прекрасно понимала его слова — будто король говорил на всех языках одновременно.

Не устрашившись, Абигейл ответила, голос ее усиливался магией:

— Владыки ифритов! Я та, кто вас призвал! — Она подняла руку, демонстрируя кольцо. — Можете называть меня Хозяйкой Джиннов! Можете называть меня своей госпожой! Преклоните передо мной колени!

Король ифритов посмотрел вниз, и Фатима увидела неверие, проступившее на бессмертном лице. Он выхватил огромную булаву из железа и огня и опустился прямо над крышей — отчего джинны внизу бросились врассыпную. Абигейл

спустилась с платформы, одарив Фатиму и Сити злорадной усмешкой. Люди с манией величия всегда нуждаются в аудитории. Англичанка остановилась перед парящим ифритом и вновь подняла руку.

— На колени! — потребовала она.

— Нас призвала смертная! — прорычал король ифритов. — Смертная желает нами повелевать?

— У меня есть над вами власть! — Она стиснула кулак, и кольцо вспыхнуло. — Я командую вами, а вы будете командовать моими армиями. Вы снова станете властителями! А я буду вашей госпожой! Теперь — на колени!

Фатима затаила дыхание, уверенная, что ужасное создание повергнет женщину в огненное небытие. Возможно, испепелит их всех в припадке гнева. Вместо этого голова джинна начала опускаться. Ярость на его лице сменилась шоком. Казалось, его тело притягивают против его воли, скованное невидимыми цепями.

— На колени! — кричала Абигейл. — На колени передо мной!

Рев короля ифритов сотряс ночь, он яростно забился. Абигейл споткнулась, связь на мгновение оборвалась. Ее лицо напряглось в решимости, и Фатима видела, как пот стекает по вискам,

пока она сражается, опасаясь потерять самообладание.

— Боги, — сказала Сити. — Мы все из-за нее погибнем!

И тут в руке Абигейл что-то натянулось.

— На колени! — завизжала она с красным от злости лицом. К их потрясению, король ифритов так и сделал — встал на колени в воздухе и склонил рогатую голову.

— Слушаю и повинуюсь, — прозвучал его древний голос, а затем добавил с презрением, настолько едким, что оно могло расплавить даже воздух: — Хозяйка Джиннов.

— Нет, — выдохнула Сити.

Последовало долгое молчание, нарушенное только медленным смехом Абигейл. Он становился все громче, пока она наслаждалась триумфом. Уортингтон подняла руку, выставляя кольцо всем на обозрение.

— Возможно, аль-Джахиз изменил мир! Но я его переделаю! Под себя! Скажи мое имя! Скажи его!

— Хозяйка Джиннов, — провозгласил склонившийся король ифритов. Остальные Владыки ифритов опустились на колени рядом с ним, повторяя титул. Джинны на крыше и улицах внизу повторяли те же слова «Хозяйка Джиннов»,

пока все остальные звуки не затерялись в скандировании.

Фатима опустилась на землю. Они провалились. Все джинны вокруг них начали падать на колени, чтобы вскоре стать великой армией. Нет, не все.

Один все еще стоял. Странным образом он продолжал приближаться к Абигейл. На фоне происходящего раньше его легко было не заметить. Но теперь он оставался единственным, кто вел себя иначе, неуклонно продвигаясь среди джиннов, окружающих свою хозяйку. Еще заметнее была его коричневая ряса с капюшоном на голове.

Фатиму что-то кольнуло. Чувство узнавания. Даже то, как он шел, казалось знакомым — странная походка. Только оказавшись рядом с Абигейл, он откинул капюшон, и Фатима остолбенела.

С последней встречи жрец изменился еще сильнее. Хоть язычник стоял на двух ногах, сейчас он напоминал крокодила больше, чем кого-либо еще. Его бледно-серая кожа была такой же шершавой и грубой, как у обитающей в воде рептилии, такая же длинная крокодилья морда — с зубами, видневшимися даже с закрытым ртом. Но по-настоящему его узнать помогли перепол-

ненные местью темно-зеленые глаза. То был не джинн. То был…

— Ахмад? — растерялась Сити.

Чтобы поверить в то, что случилось потом, это надо было видеть.

Глава двадцать восьмая

В одно мгновение Ахмад, верховный жрец культа Собека, самопровозглашенное живое воплощение древнего нильского божества на Земле, стоял, прожигая злобным взглядом Хозяйку Джиннов. В другое он уже взмыл в воздух, крокодилья пасть широко распахнута, сверкая белыми, острыми зубами.

И даже Фатима услышала, как он прошипел два слова: «За Нефтиду!»

Абигейл так увлеклась ликованием, что, похоже, его не услышала. Так что, когда челюсти сомкнулись на ее вытянутой руке с Печатью Сулеймана, для нее это стало полнейшей неожиданностью.

Фатима ошеломленно наблюдала, как Ахмад дернул своей длинной крокодильей головой. Раздался жуткий хруст, и он отступил с рукой Абигейл в зубах.

Все закончилось так быстро, что англичанка не успела понять, что произошло. Она попятилась, глядя на место, где раньше была ее рука — теперь окровавленный обрубок. Ее лицо сморщилось в замешательстве. Оно медленно утратило цвет.

Когда рот Абигейл открылся, она втянула большой глоток воздуха — а затем издала леденящий кровь крик.

Разразился пандемониум.

Джинны на крыше вышли из транса, прекращая скандирование, их пустые глаза снова наполнились жизнью. Многие недоуменно оглядывались, но их голоса перекрывались нескончаемыми криками Абигейл. Ифриты на железном джинне освободились от уз и разрывали на части металлический каркас, возвращая свою свободу — во все стороны летели стальные осколки. Возвышающееся над дворцом чудовище опасно раскачивалось, когда удерживающая его магия исчезла, а пламя на рогатой голове погасло. Когда она отделилась от шеи, раздался оглушительный скрежет. Голова отскочила от плеча и полетела вниз. За ней последовало тело машины, на глазах распадаясь на части.

Четыре человека, все еще стоявших на платформе, обратились в бегство. Первыми спрыгнули сестры Эджингтон, неловко приземлившись на крышу переплетенным клубком конечностей. За ними последовал Персиваль, бросая Виктора на произвол судьбы. Держась за раненное плечо, тот прыгнул как раз когда платформа, Часы Миров

и то, что осталось от механического гиганта, с грохотом рухнули на дворцовый двор.

Фатима посмотрела на все еще стоявшего над ними пепельного гуля. Три дубликата подняли левые руки — у каждого не хватало кисти — пока их тела медленно таяли. Ноги, туловища, даже одежда рассыпались черным пеплом тоньше песка, который уносил ночной ветер, не оставляя даже намека на кончину гуля. Они с Сити переглянулись и помогли друг другу подняться на ноги, чтобы, прихрамывая, начать проталкиваться сквозь толпу джиннов. Подруги остановились рядом с упавшей на колени Абигейл, которая продолжала кричать, зажимая обрубок руки.

— Я так думаю, это было больно, — сказала Сити.

Фатима не смотрела на женщину — та больше не представляла угрозы, — вместо этого агент искала Ахмада. Превращение, которому он подвергся в последние недели, позволило ему легко слиться с джиннами — не будучи под влиянием силы кольца. «Как долго он здесь пробыл? — спрашивала она себя. — Ожидая своего часа, выбирая время для мести». Разумеется, у них были дела и поважнее, чем Абигейл или Ахмад. Ее глаза поднялись туда, где над крышей все еще нависали

Девять Владык-ифритов, больше не стоявших на коленях, с оценивающими взглядами.

— Почему они все еще здесь? — Она указала на портал. — И почему он все еще открыт? — Когда они разрушили Часы Миров в прошлый раз, отворенный ими портал схлопнулся сам собой. Однако этот не исчезал — зияющая рана в ночи.

— У меня такое чувство, что это еще не конец, — пробормотала Сити.

«Вылезешь из ямы — упадешь с откоса», — услышала Фатима наставление матери.

Она достала значок, подняла его и, прочистив горло, закричала:

— Великие Владыки! Я агент Фатима из египетского Министерства алхимии, заклинаний и сверхъестественных сущностей! — Джинны на крыше притихли и повернулись, вперяя в нее взгляды. Ифриты наверху тоже обратили на нее внимание. — Позвольте принести глубочайшие извинения за то, что вас призвали вопреки вашей воле и суверенности! Это действие не было санкционировано или одобрено моим правительством и является прямым нарушением наших положений, законов и криминальных кодексов об этичном использовании магии! Поскольку теперь ситуация находится под нашим контро-

лем, а виновница схвачена, мы предлагаем вам вернуться в ваш мир с искренними извинениями за причиненные неудобства!

Вот. Все по правилам. Даже вежливо.

Король ифритов смотрел на нее опаляющими глазами, и она постаралась не дрогнуть под их жаром.

— Какая болтливая смертная, — громыхнул он, затем отвернулся, словно ее и вовсе не существовало.

— Джинны этого измерения! — проревел он. — Тысячелетиями мы были погружены в сон. Глубоко в мирах внутри миров Кафа. Теперь мы пробудились. И нашли себя… недовольными. — Толпа вздрогнула в едином порыве, как дети, которых ругали. — Как случилось, что джинны живут в мире, где правят смертные? Как смертная получила власть над нашим родом? Власть, которой достаточно, чтобы связать даже нас — Владык джиннов? Где дети нашего огня и крови, чтобы дать ответ?

Словно по призыву, несколько пылающих фигур приземлились перед королем ифритов. Сити оттянула Фатиму, когда одна из них ударила в землю с силой, которой хватило, чтобы сотрясти дворец. С этим ифритом они сталкивались два-

жды, но он уже избавился от седла и поводьев. Он был намного крупнее своих товарищей, но все же на фоне Владык казался карликом — всего лишь костер по сравнению с инферно.

— О Великие Владыки, — прогрохотал он, сложив огненные крылья в знак покорности. — Я готов дать ответ.

— Говори, — позволил король ифритов. Его лицо исказилось раздражением. — Но пусть умолкнет этот надоедливый шум!

Он имел в виду Абигейл, которая не прекращала кричать. Большой ифрит повернулся к хозяйке, однажды поставившей его под седло, и протянул руку, чтобы коснуться ее культи. Крики перешли в визг, когда джинн прижег окровавленный обрубок, распространяя вокруг тошнотворную вонь горелой плоти. Глаза Абигейл закатились, она пошатнулась и незамедлительно рухнула лицом вниз. Обморок. Похоже, в этот раз по-настоящему.

Большой ифрит вернулся к королю.

— Я поселился в пустыне этого мира, вдали от джиннов, что ныне живут среди смертных. Там я и оставался, пока меня не призвала эта женщина. — Он зыркнул на обмякшее тело Абигейл. — Она подчинила меня своей воле,

оседлала, как зверя! Она обратила моих братьев и сестер в рабство! Заставила рассказать о вас, принудила пробудить вас ото сна!

Лицо короля ифритов побагровело — само солнце гневалось. Позади него остальные восемь Владык недовольно зароптали.

— Вы ифриты! Созданные первыми из чистого огня! Вы предназначены править джиннами! Но вы скрываетесь. Вы позволяете смертной подчинить вас. — Он с отвращением покачал головой. — Это неприемлемо.

— Не нравится мне, как это звучит, — пробурчала Сити. Фатима была с ней согласна.

— Может, нас и призвала смертная, — поднялся король ифритов, — но даже из такого извращения можно извлечь пользу. Девять Владык вернулись, чтобы снова править джиннами. Мы заявляем право на этот мир, и мы поведем вас в грядущей войне, чтобы сделать его нашим. Вы снова познаете славу и вернете честь вашей крови!

Он сделал великодушную паузу, будто ожидая одобрительных возгласов. Но ему ответила лишь напряженная тишина. Не заговорил ни один джинн, многие обменивались тревожными взглядами.

— Я на это не куплюсь! — выкрикнули с крыши.

Фатима вздрогнула, осознав, что это Сити. Нубийка выступила вперед, высокая в форме джиннии, но меньше большинства собравшихся. Король ифритов прищурился.

— Ты… не… купишься?

— Что вы снова поведете джиннов к славе или другой чуши, — ответила Сити. — Из того, что я слышала, вы просто поработили джиннов. Заставили сражаться в бесконечных войнах.

— Чтобы доказать, кто достойнее, — громыхнул другой Владыка. — Мы превосходим…

Сити разразилась смехом, прерывая гигантского ифрита.

— Смертные уже играют в эту игру. Как одни люди превосходят других и предназначены ими править. Она в это верит. — Сити указала на Абигейл, которая все еще оставалась без сознания. — Чем вы отличаетесь?

Глаза короля ифритов сузились до щелок.

— Ты сравниваешь нас со смертными? — Он заново ее оглядел. — Полукровка. Твой отец был джинном.

— Предпочитаю считать, что у меня двойная кровь. И джинн, который был моим отцом, вряд ли меня в чем-то превосходил.

— Все же ты связана с джиннами. Пусть ты

низшее существо, я позволю тебе разделить нашу славу.

— Как щедро. Но можешь оставить свою славу себе.

— Дерзость, — покачал головой король ифритов. — Когда мы еще правили, подобное неповиновение возвращалось тысячекратной болью. — Он посмотрел на других джиннов. — Мы больше не потерпим дерзости! Мы — владыки джиннов! Первые среди нашего рода! И вы склонитесь! — Округлое навершие его булавы взорвалось огнем, словно он сорвал с небес звезду. Множество джиннов съежились от страха. Один за другим они начали склоняться в поклоне.

Фатима с ужасом наблюдала за происходящим. На крыше и на улицах внизу джинны всех видов и сословий склонялись перед Девятью Владыками — движимые первобытным страхом.

Почти все.

Ее взгляд упал на фигуру у задней части крыши. Джинн с красно-коричневой головой онагра и прямыми завивающимися рогами газели. Король ифритов тоже обратил на него внимание и угрожающе занес булаву:

— Склонись.

— Я решила, что, пожалуй, не буду. — Джинн с

головой онагра говорил голосом пожилой женщины. — Слишком я старая, чтобы кланяться. Кости болят. Даже если б могла, тебе я кланяться не буду.

— И снова дерзость. — На бровях короля ифритов заплясал огонь.

— Называй как хочешь, — пожала плечами джинния с головой онагра. — Но мне не нравилось, когда меня поработила она. — Джинния указала кривой клюкой на Абигейл. — И я не хочу, чтобы меня поработил ты. Мне нравится свобода. Зачем менять одни цепи на другие?

— Мы поведем тебя к славе! Ты будешь выше смертных!

— Слава? — усмехнулась пожилая джинния. — Ее мне не хватает? — Она фыркнула, скривив седую морду. — Я живу среди смертных. Они бывают надоедливыми, да. Но и замечательными. Они навещают меня на Ид-аль-Фитр. А я готовлю их детям ид кахк[97]. О! Дети! Самые восхитительные из смертных!

— Слава… — начал король ифритов.

— Я слышала тебя первые несколько раз, — пе-

---

[97] Примечания: 97

Ид кахк, или Ка'ак аль-Ид — печенье, которое в арабском мире готовят на праздники Ид-аль-Фитр (Ураза-байрам) и Ид-аль-Адуху (Курбан-байрам).

ребила старая джинния, отмахиваясь клюкой. — Мне не нужна слава. Я просто хочу домой. Мир, который вы хотите создать, состоит из войны и огня. Как по мне, это не похоже на славу. Это похоже на ад.

Лицо короля ифритов застыло. Он посмотрел на большого ифрита:

— Положи конец этой дерзости! Яви им наказание за неповиновение владыкам!

Ифрит на крыше повернулся к непокорной джиннии. Фатима почувствовала, как напряглась Сити, готовясь к бою. Она схватилась за собственный меч — хоть мало что могла сделать против создания из огня в пять раз ее крупнее. Какое-то мгновение джинн смотрел на старушку с головой онагра, а затем его широкие плечи поникли.

— Я не могу, — сказал он. Затем торопливо добавил: — О Великие Владыки.

— Опять дерзость? Даже от тебя? — Глаза короля ифритов расширились.

— О Великий Владыка, — мотнул головой большой ифрит, — вы должны понять, я искал покоя не без причины. Все ифриты, придя в этот мир, искали место, где могли остаться одни. Когда мы вместе, нас охватывает кровавый огонь, побуждая пылать и поджигать все вокруг. Но

поодиночке мы можем жить с нашими мыслями. Размышлять о цели своего существования. — Он поднял голову, осмелившись встретиться со свирепым взглядом парящего гиганта. — Это называется философия.

— Фи-ло-со-фия? — поморщился король ифритов.

— Да, — энергично закивал большой ифрит. — Это способ исследовать природу существования и нашего места в нем. Чем больше я думал, тем больше я начинал себя понимать. Осознавать, что создан для большего, чем топить врагов в огне. Я начал читать великие произведения смертных и других джиннов. Именно так я выяснил, что пацифист.

Фатима моргнула. Девять Владык тоже выглядели озадаченными. Они начали переговариваться между собой, пока один не спросил:

— Что это такое? Па-ци-фист?

— Тот, кто не совершает насилия над другими, — объяснил большой ифрит.

— Он поклялся не совершать насилия, — добавил ифрит поменьше женским голосом. — Вот почему то, что сделала с ним смертная, так ужасно.

Большой ифрит опустил голову, и Фатима впер-

вые увидела в его глазах ранее не замеченное чувство — боль. Возможно, даже вину.

— Ты тоже последовательница этой самой фило-со-фии? — с отвращением спросил король.

— О нет, — ответила ифритка. — Я скульптор.

— Она очень хороша! — вставил большой ифрит. — У нее получаются прекрасные пейзажи из песка и камня! — Другие ифриты поменьше согласились, чем заставили свою спутницу смущенно потупиться. — Мы ей говорили, что она должна выставлять свое искусство. Но она интроверт, и мы хотим уважать ее чувства.

Король ифритов выглядел таким же ошарашенным, как Фатима. Понимало ли министерство этих существ на самом деле?

— Я тоже не буду кланяться, — послышался другой голос. Он принадлежал кобальтово-синему мариду, стоящему на крыше. Тот поднялся с колен. — Не мы вас вызывали. Мы не просили вашего возвращения. Я преклоняюсь только перед Создателем!

К нему присоединился еще один джинн, водный джанн. «Мы не будем рабами!» Поднялись еще несколько, и все они выкрикивали те же слова протеста. Казалось, прорвало плотину. «Мы не будем рабами! Мы не будем рабами!» Лозунг

подхватили на улицах, собрание превратилось в массовый протест с криками и воздетыми кулаками. Девять Лордов уставились на толпу в неверии. Фатима не думала, что они привыкли к слову «нет».

Наконец король ифритов поднял булаву и проревел:

— Молчать!

Воцарилась тишина, но ни один джинн не вернулся на колени. Их кулаки оставались сжатыми, а взгляды стальными. Фатима чувствовала, как воздух наполняют магия и напряжение, густые потоки, щекотавшие волоски на ее коже. То была прелюдия к битве между джиннами и владыками, что некогда ими правили. Она не хотела даже представлять, к каким разрушениям может привести эта схватка.

— О Великие Владыки! — воззвала агент, снова выступая вперед. — Джинны этого мира сделали свой выбор! Вы утверждаете, что хотите привести их к лучшей жизни. Неужели теперь вы пойдете на них войной? Прольете их кровь? Ради чего?

Взгляд короля ифритов вернулся к ней, из глубины горла раздался грохот. И только когда на его огненном лице расплылась ухмылка, следователь поняла, что он смеется.

— Ради чего, смертная? — Его голос возвысился до раскатов грома. — Услышьте меня, жалкие джинны! Предатели своей крови! Вы выступаете против своих владык? Тех, кто поведет вас к величию? Если вы не склонитесь добровольно, вас заставят — или сломают!

Поднялись гневные крики и рычание. Фатима снова попыталась перекричать шум. Но это было бесполезно. Те же джинны, что несколько минут назад дрожали от страха, теперь решили не отступать ни на шаг. Как, похоже, и Девять Владык.

— Дерзкие дети! — взорвался король ифритов, его корона вспыхнула. Он поднял колоссальную булаву к небесам, и она выросла еще больше, так что теперь он мог удерживать ее двумя руками. — Если вы ищете битвы за власть над этим измерением, вы ее получите. Да придет война!

С огромным замахом он опустил булаву вниз, нанося страшный удар в стену дворца Абдин. Здание содрогнулось, сила этой атаки сшибла Фатиму с ног. Крыша накренилась, Фатима покатилась по земле. Здание охнуло, словно закричало от боли. Агент попыталась встать, надеясь сбежать — но земля неожиданно ушла из-под ног. Затем все исчезло, она падала среди огня и крошащегося камня, погружаясь во тьму.

Глава двадцать девятая

Фатима падала. Среди камня и огня.

Нет.

Не падала. Упала. Пала.

А теперь…

Она судорожно замолотила руками — тело вспоминало падение. Хваталась за воздух. С ужасом обнаруживая только пустоту. Или, во всяком случае, пыталась. Что-то крепко удерживало ее руки. Шершавое и тяжелое. И ноги тоже. Она едва могла шевельнуться. И как же было больно! Она заставила себя открыть глаза, чтобы увидеть темноту и жгучие каменные пылинки. В ее голове тасовались беспорядочные воспоминания, пока она собрала их в единое целое.

Король ифритов. Дворец Абдин. Разрушение. Падение.

Она выжила. Синяки, которые она ощущала, достаточное тому доказательство. Шершавая поверхность, которая ее удерживала, — это камни. Обломки уничтоженного дворца. Она выжила, но была погребена.

Спокойные умозаключения сменились паникой. Она погребена! Насколько глубоко? Она

представила холм из обломков, под которым никто ее не найдет. Она снова попыталась пошевелиться, но безрезультатно.

В голове раздался голос матери, не поучающий, но успокаивающий, пробивающийся сквозь панику. «У каждой проблемы есть решение, — уверяла мама. — Ты найдешь выход из этой ситуации». Она прислушалась к совету, заставила себя успокоиться. Насколько можно быть спокойной, когда ты захоронена под обрушенным зданием. Глаза медленно приспосабливались, и она снова оглянулась. Битый камень. Пыль. Ее щеки коснулось что-то мягкое. Ткань? Волосы? Нет. Мягче волос. Перья!

Теперь она ощущала не только камень. Тепло — отдаваемое телом. Очень большим телом.

Сити! Ее мозг затопило новыми воспоминаниями. Дворец рушится. Кто-то ее ловит. Хлопанье крыльев в попытке спастись от обвала. Но слишком быстро и…

Сити ее спасла. Закрыла телом. Она чувствовала дыхание подруги, как поднимается и опускается ее грудь. Но слабо. Пугающе слабо.

— Сити. — Когда она позвала в первый раз, голос было едва слышно. Она смочила язык слюной и попыталась снова. — Сити. — На этот раз хрип.

Еще два хрипа, затем ответ.

— Кто здесь? Здесь кто-нибудь есть?

Фатима узнала этот голос. Определенно не Сити. Она скрипнула зубами и произнесла имя:

— Абигейл.

— Да! Это я! Кто?..

— Агент Фатима.

Тишина.

— Как ты пережила падение?

— Твой полуджинн. — Абигейл потребовалось несколько секунд, чтобы ответить.

Значит, Сити спасла и англичанку. Это удивляло. Откуда-то сверху раздались раскаты грома, отчего обломки вокруг них задрожали. Абигейл взвизгнула.

— Что это было?

— Не знаю, — раздраженно ответила Фатима. — Я здесь, с тобой.

— Я уже дважды слышала этот звук! Снаружи… Мне кажется, там сражаются.

Фатима посмотрела вверх, словно ожидая пронзить камень взглядом. Еще один раскатистый грохот. Обломки сдвинулись и заскрежетали, рассыпая пыль. Рядом с ней дыхание Сити перешло в хрипение.

— Абигейл! Ты можешь что-нибудь разглядеть?

Видишь, что там снаружи?

Тишина.

— Абигейл!

— Я не знаю. Там просто… подожди.

— Чего подождать?

Опять тишина.

— Абигейл! — Агент собиралась придушить женщину, если та не начнет отвечать быстрее.

— Я что-то вижу. Но не рядом со мной. Мне кажется, около тебя.

— Что? — Фатима откинула голову назад, пытаясь посмотреть вверх. Есть! Дыра! Она даже чувствовала дуновение воздуха на виске. Шанс. Еще раз смочив язык слюной, она крикнула:

— Помогите! Там есть кто-нибудь? Помогите!

Ничего. После трех попыток у нее пересохло в горле. «Может, наверху никого нет», — мрачно подумала она. До нее донесся пронзительный крик и громкий звук рассекаемого воздуха, Фатима изо всех сил прислушалась, надеясь хоть что-нибудь разобрать из своей узкой гробницы.

— Ну вот и все, — вздохнула Абигейл. — Если я здесь умру, хочу, чтобы ты знала — я тебя прощаю.

Фатима чуть не вскинулась. Но, учитывая, где она находилась, ограничилась лишь придушен-

ным:

— Что?

— Говорю, что прощаю тебя. Мне кажется, под конец такие вещи важно говорить.

— Ты прощаешь меня? *Ты* прощаешь *меня*?

— Не нужно повышать голос. Нам остаются последние минуты.

— Оставь свои минуты себе! — выплюнула Фатима.

— Вы, туземцы, — щелкнула языком Абигейл, — бываете такими вспыльчивыми. Это из-за жары?

Когда Фатима не ответила, англичанка продолжила.

— Мне казалось, ты будешь более понимающей. В конце концов, это я лишилась руки. Я была так близка! А ты все испортила. Полагаю, после того, как я потеряла сознание, все пошло наперекосяк? Если бы ты просто оставила мне кольцо, ничего этого не случилось бы. В каком-то смысле это твоя вина.

— Ты безумна.

— Почему люди любят использовать это слово — «безумная»? — обиженно фыркнула Абигейл. — Или «психованная»? Или «не в своем уме»? Потому что я принадлежу к прекрасному полу? Если бы я была мужчиной, ты бы сомнева-

лась в моем здравомыслии?

Фатима незаметно вздохнула, не желая признавать вслух, что женщина права. У нее самой была тетя, страдавшая психическим заболеванием. Ничего даже отдаленно опасного. И Фатима ненавидела, когда ее называли «психованной» или «безумной».

— Ты права, — сказала она. — Беру свои слова назад. Ты точно знала, что делала. Что причинишь боль многим людям. Но все равно это сделала. По своей воле. С твоей головой все в порядке. Ты просто чудовище.

— О, спасибо, агент, — сладким голосом ответила Абигейл. — Это действительно много для меня значит. Знаешь, думаю, если бы не все эти недоразумения между нами, мы могли бы стать подругами.

Вот это действительно заставило Фатиму рассмеяться.

— Нет, правда. Я на самом деле так думаю. Мы в чем-то похожи.

— Я не такая, как ты.

— О, я не согласна. Ты знаешь, как восхитительно было с тобой состязаться? Я могла убить тебя столько раз — пронзить клинком, испепелить ифритом, натравить стаю гулей, чтобы разорва-

ли тебя на части. Но я сохранила тебе жизнь, и знаешь почему? Потому что вижу в тебе кое-что от себя. Женщину, вынужденную жить в мире, которым управляют некомпетентные мужчины. В тебе столько энергии и решимости. В каком-то смысле между нами существует связь. Моя смуглая ориентальная сестра.

— Теперь ты можешь помолчать, — предложила Фатима.

— Разумеется, некоторые узы теснее остальных. Как твои с полуджинном.

Фатима застыла. Она внимательно прислушивалась к дыханию Сити. Сильнее оно не становилось.

— Не говори о ней.

— Той ночью, — продолжала Абигейл, — когда я взяла ее под контроль, то уловила несколько ее секретов. Вы двое. Очень-очень близкий контакт. Каково же это было, когда она сжимала руки вокруг твоей шеи? Понимала ли ты в тот момент, кем она являлась? Что она носила в себе зверя? Вот в чем заключается сущность джиннов. Звери. Опасные, как любые псы, если не приучить их к намордник. Но стоит их обучить, и сколько же от них пользы!

Фатима подавила гнев, отказываясь вступать

в разговор. Абигейл хихикнула в тишине и, похоже, собиралась начать пытку заново, когда раздался новый звук.

— Тише! — сказала Фатима, прислушиваясь. Голоса? Она глубоко вздохнула и снова закричала. Может, ей показалось? На втором крике она чуть не сорвала горло. Голоса вернулись. Они приближались! Она даже могла их различить.

— Ты слышал, Яков… оттуда, мне кажется…

Фатима закричала еще раз, даже не пытаясь формировать слова — слишком трудно. К ней присоединилась Абигейл, и они кричали вдвоем, насколько хватало сил — пока к ним не обратился благословенный голос:

— Мы вас слышим! Сколько вас?

— Трое, — прохрипела Фатима. Хвала Аллаху!

— Один момент, фрау! — Голоса отдалились. Она различала только один. Мужчина. Он в основном говорил на английском, с сильным акцентом. — Ахтунг! Смотри за какой камень хватаешься! Найн! Не этот! Лучше! Давай поднимай! Напрягись, Яков! Ты русский медведь или тявкающая собачонка? Вот так!

Послышался скрежет, и обломки вокруг Фатимы сдвинулись. Сверху посыпались осколки камня, и к ее лицу хлынул восхитительно хо-

лодный воздух. Она моргнула, осознавая, что смотрит вверх, на ночное небо, сквозь дымку пыли. Агент увидела дворец, половина которого еще стояла посреди руин. Ее подняли, чтобы затем снова опустить на землю. Она свободна! Глаза Фатимы пытались разглядеть спасителей, и она обнаружила, что перед ней неожиданно знакомое лицо — мужчина с крупным носом и густыми, вздернутыми усами.

— Хе! Фрау! — усмехнулся германский кайзер Вильгельм II. — Яков, посмотри, кто это. С той ночи!

Фатима переключилась на второго мужчину — русского генерала. Он упирался руками в колени, тяжело дыша. Оба выглядели растрепанными, в одних лишь выбившихся рубашках и брюках с опущенными подтяжками.

— Оставайтесь на месте! — сказал Вильгельм. — Мы позаботимся о вашей подруге. Яков!

Фатима хотела сказать, что, во-первых, она не в силах куда-либо идти. А, во-вторых, завалённая женщина определенно ей не подруга. Если подумать, может, им стоило оставить ее там. Но она не успела произнести ни слова, поскольку погрузилась в темноту. Ей аккомпанировали свист ветра и оглушительный вопль.

Потребовалась секунда, чтобы сообразить, что темнота была тенью чего-то, летящего высоко в небе. Небольшой дирижабль? Но у объекта были крылья абсурдных размеров. Не дирижабль. Рух!

Огромная птица пронеслась мимо шквалом синих перьев. За ней последовала еще и еще одна. Вжух! Вжух! Вжух! Всего их было четыре. С достаточно большими когтями, чтобы поднять автомобиль, и крючковатыми золотыми клювами, способными растерзать слона. Поднятый ими ветер налетел на Фатиму, отгоняя часть пыли. Она, запрокинув голову, наблюдала, как они собираются в построение. Агент пыталась различить фигуры, сидящие на их спинах. Джинны! Верхом на птицах рух! С трудом усевшись, следователь проследила за ними взглядом — и ахнула.

По улицам Каира шли Девять Владык.

Они спустились с небес — гиганты, затмевающие даже здания. Вокруг роились фигуры помельче. Еще джинны. Они сражались.

Фатима смотрела, как рух пикируют в схватку. Мариды на их спинах метали копья или трезубцы молний, сверкающие в черном небе. Один из Владык-ифритов взмахнул в их сторону раздвоенным сияющим мечом, рассеяв построение птиц. Второй хлестнул кнутом жидкого пламени

— он щелкнул в воздухе, сшибая клекочущую рух, которая торопливо умчала прочь, оставляя дымный след.

— Великолепно, — пробормотали рядом. Абигейл. Они ее вытащили. Англичанка была в ужасном состоянии, некогда уложенные волосы висели лохмами — не говоря уж об отсутствии руки. Ее взгляд восторженно следил за битвой.

— Знаешь, чего я могла достичь с этими прекрасными животными?

Фатима уже собиралась повторить, чтобы та умолкла, когда увидела, что мужчины несут неподвижное тело. Они уложили Сити на землю, кряхтя от усилия. То, что нубийка прикрыла их от обрушения здания, повлекло за собой тяжелые последствия. Ее кожу испещряли багровые порезы, а одно из крыльев согнулось под неестественным углом. Фатима поднялась и взяла голову Сити в руки.

— Ну же, Яков, хватит глазеть! — укоряюще сказал Вильгельм. — Давай найдем лекаря!

Фатима едва их замечала, все свое внимание обратив на Сити, на короткое мгновение она позабыла о творившемся вокруг хаосе. Все, чего она сейчас хотела, — чтобы ее подруга очнулась. Открыла глаза и выдала очередную шутку. Или

откровенную пошлость. Ее губы шептали молитву, более походившую на мольбу:

— Аллах Милостивый, Милосердный. Только не она. Только не она.

— «Чаще вспоминайте разрушительницу наслаждений — смерть»[98], — прозвучал женский голос. — Но для нее этот день еще не настал.

Фатима подняла голову и увидела, что послы вернулись с женщиной, стоявшей между ними. Агенту понадобилось несколько секунд, чтобы узнать ее в простой черной галабее и белом хиджабе.

— Амина, — удивилась она.

— Агент Фатима, — поздоровалась внучка аль-Хаджи Омара Тала. — Рада видеть, что вы живы.

— Почему вы здесь? Разве дворец не эвакуировали?

— Йа, — кивнул Вильгельм. — Затолкали нас в кареты. Но мы недалеко уехали, когда обрушилась волна обезумевших джиннов.

— Большинство выбралось и ушло, — сказала Амина, прощупывая пальцами Сити. — Мы трое укрылись неподалеку. Когда дворец обрушился, я убедила их вернуться — поискать выживших.

---

[98] Примечания: 98

Хадис Абу Хурайры — предание о словах и действиях пророка Мухаммеда.

— Как я мог отказать леди? — спросил кайзер. — Я совсем как Зигфрид.

Теперь Фатима заметила гоблина, по-прежнему, сидевшего на его плече. Он не спал, вместо этого внимательно наблюдая за битвой вдалеке. Взгляд Фатимы вернулся к Амине.

— Вы целительница?

— М-м-м, — сосредоточено ответила женщина. — Талант моего деда перешел ко мне.

— Значит, она выживет?

— Иншааллах. Но мне нужно кое-что еще. Дженн! — По ее зову появилась высокая тень, распространяющая опьяняющие ароматы. Нет, не тень. Фигура с белым, как мел, лицом, чьи серебряные глаза безучастно обозревали сцену. Амина что-то сказала, и ее кариин высунул черный язык — из кончика которого произрастал гладкий мраморный камушек. Амина отщипнула от языка камень, будто фрукт, затем открыла рот Сити и положила его туда.

— Гри-гри[99], — объяснила она, массируя горло Сити. — Что-то вроде безоара. Если его проглотить, исцеление будет быстрым.

---

[99] Примечания: 99

Гри-гри — талисман вуду или амулет, происходящий из Африки, для защиты владельца от зла и несчастья. В некоторых африканских странах используется как средство контрацепции.

Не успела она договорить, как глаза Сити распахнулись. Она вмиг вернулась в человеческую форму — задыхаясь и кашляя. Нубийка обвела окружение затуманенным взглядом, а затем потянулась в рот, чтобы вытащить камень.

— Кто засунул мне в горло камень? — просипела она.

Фатима с облегчением выдохнула и крепко сжала руку Сити.

Амина забрала камень, возвращая его кариину — который тут же его проглотил.

— Гри-гри нужен, чтобы вернуть вас в человеческую форму. Ваша джиннья сторона нуждается в исцелении.

— Нет. — Сити попыталась встать. — Я должна быть в состоянии сражаться…

— В моей стране полуджинны достаточно часто встречаются. — Амина положила ей на плечо руку и подтолкнула назад на землю. — Старый великий король Сумангуру[100], по слухам, был полубессмертным и якобы мог превращаться в вихрь и призывать армию муравьев.

— Хотите сказать, что прихватили с собой армию муравьев? — легкомысленно спросила

---

[100] Примечания: 100

Сумангуру Кваннте — правил государством Соссо в Западной Африке в XIII веке, захватил несколько соседних государств, включая Мали.

Фатима, не в силах сдерживать ликования от вида того, что Сити пришла в сознание и снова говорила.

— К чему ты клонишь? — нахмурилась нубийка.

— Что я достаточно знакома с вашим видом, чтобы знать, как вас лечить. Ограничьтесь смертным телом. Пусть ваша джиннская сторона отдыхает. — Она посмотрела на Фатиму и Абигейл. — Что до вас…

Камня им не досталось. Амина лишь приложила руки к коже, и Фатима почувствовала, как тело наполняется теплом, а синяки и порезы исчезают.

— Как чудесно, — задумчиво пробормотала Абигейл, осторожно касаясь места на лбу, где закрылась рана. — Целительница, вы бы не могли сделать что-нибудь по поводу… — Она с надеждой подняла культю руки. Амина начала осматривать рану, но Дженн издал резкое шипение.

— Твой голос, — заговорил кариин, сверкнув серебряными глазами, запах вокруг него приобрел горечь. — Дженн помнит Хозяйку Джиннов. В своей голове. Зовущую. Настаивающую.

Амина в смятении выронила запястье Абигейл.

— Самозванец!

— Англичанка! — Глаза Вильгельма расширились. — За всеми этими бедами? Разве не любопытно, Яков? — Он снова оглядел Абигейл, и Фатиме показалось, что его улыбка таит следы восхищения.

Со стороны битвы раздался оглушительный грохот, и все взгляды обратились в его направлении — где ослепительные огни и стены пламени освещали ночь.

— Если у нас когда-нибудь будет война, — заявил Вильгельм, — надеюсь только, что она будет такой же славной!

— Не сегодня, — отрезала Амина, вставая. Она повернулась к Фатиме с любопытным взглядом. — Вы никогда не говорили, в каком агентстве работаете. Но раз вы здесь, должно быть, именно в том, что занимается… всем этим. Однажды мы встретимся вновь, и, может быть, вы расскажете мне больше о своей работе на правительство. Но сейчас нам нужно искать в развалинах других пострадавших. Я молюсь, чтобы вы сумели остановить это зло, агент. Верьте в Аллаха.

Приподняв подол галабеи, она заторопилась прочь, сопровождаемая двумя мужчинами. Фатима смотрела, как они исчезают в дымке пыли:

западноафриканская принцесса, германский кайзер и русский генерал, бредущие по разрушенному дворцу Абдин в эту очень странную ночь в Каире.

— Скажи, что у нас есть план. — Сити понадобилось некоторое время, чтобы подняться на ноги, и теперь она стояла, покачиваясь.

Фатима обернулась и увидела, что ее взгляд устремлен к битве бессмертных.

— План заключался в том, чтобы не позволить этому случиться. — Они зажали уши, спасая слух от громового раската какой-то джиннской магии.

— Если мы их не остановим, они уничтожат город.

— Вы не сможете их остановить, — вмешалась Абигейл. Она подошла ближе и стояла рядом с ними, растрепанная, но все еще умудряясь выглядеть надменно. — Я их сдерживала. Этих Девять Владык. На короткое и блистательное мгновение. Словно пыталась удержать звезду. — Она повернулась к Сити. — Спасибо, что меня спасла. Очень великодушно с твоей стороны.

Сити одарила ее убийственным взглядом и одной из своих кошачьих улыбок:

— Никакого великодушия. Я чуть не простре-

лила тебе башку, помнишь? У джиннов долгая память. И еще дольше они хранят обиды. А ты взяла и выжгла свой образ в нашей памяти. Жизнь, которая тебя ожидает, чувство, что за тобой постоянно охотятся, постоянная необходимость оглядываться через плечо, невозможность убежать от джиннов, которые даже во сны могут проникнуть… Я бы не хотела, чтобы ты все это упустила, Абби.

Кожа Абигейл приобрела мертвенно-пепельный цвет. На этот раз она действительно испугалась.

Фатима прислушалась. Кто-то звал ее по имени. Выкрикивал его. Она всмотрелась в темноту в поисках источника. К ним торопилась Хадия! Она бежала, насколько это получалось, учитывая завалы. Ее одежда и лицо были выпачканы пылью, но напарница все равно выглядела куда лучше, чем они. Когда новенькая добралась до них, то стиснула Фатиму в объятиях.

— Аль-Хамду ли-Ллях[101]. Мне сказали, что дворец обрушился! Я думала, вы под ним!

Фатима не стала сообщать, что так оно и было.

— Как вы сюда попали?

---

[101] Примечания: 101

Аль-Хамду ли-Ллях *(араб.)* Хвала Аллаху.

— Онси заставил-таки работать один из полицейских фургонов! Мы мчали всю дорогу! — Ее взгляд перескочил на Абигейл и ее отсутствующую руку. — Похоже, я что-то пропустила?

Фатима рассказала о произошедшем, наблюдая, как у напарницы отвисает челюсть.

— Девять Владык-ифритов! — Хадия посмотрела на огненных гигантов, сеющих хаос в городе. — Инспектор Асим приехал с нами. Он ввел в курс полицию и министерство. Говорят, король собирается ввести армию…

Не успела она закончить, как землю сотрясло от удара. Пауза. Снова удар. И опять. Чередой. Фатима хотела было спросить, что за новая напасть, но увидела сама.

По улицам Каира шагал еще один гигант. Но этот состоял не из огня, а из чего-то темного и колышущегося. Вода! Он не уступал размерами Владыкам-ифритам и формой напоминал стройного мужчину с длинными, способными совершать огромные шаги, ногами и руками, свисающими ниже того места, где должны были находиться колени. В его теле кружились водовороты и сталкивались потоки, порождая нескончаемые волны.

— Это еще что за новый ужас? — прошептала

Хадия.

— Это не ужас, — зачарованно ответила Сити. — Это работа джаннов!

Джанны? Фатима читала тексты, где утверждалось, что древнейшие мариды когда-то обитали в самых глубинах морей. Но даже они не сумели бы так манипулировать стихиями — не в таких масштабах.

— Где они вообще нашли столько воды? — спросила Хадия.

— Нил, — рассудила Фатима. — Где еще?

Пока они наблюдали, Владыки-ифриты встретили новый вызов.

Первый, кто столкнулся с новым врагом, взмахнул огненным клинком. Водяной гигант двигался на удивление быстро, со скоростью бурной реки. Он поднял длинную, подобную хоботу руку, и она пошла пульсирующими волнами. Когда конечность столкнулась с клинком, пламя умерло. Вода прошла сквозь руку ифрита, и там, где она касалась, огонь затухал, а расплавленная жидкость охлаждалась до черного камня в гейзерах пара. Владыка-ифрит взревел от ярости или, возможно, боли и отшатнулся. Его место занял другой, но лишь для того, чтобы рука-кнут выбила его лавовый глаз. Третий рухнул на колени, когда

водный гигант двумя ударами рассек его ноги — загасив их пламя.

На какое-то мгновение Фатима позволила себе надеяться.

Надежда умерла, когда вперед вышел король ифритов с тлеющей булавой на плече. Он что-то продекламировал, раздался гром, и его тело взорвалось новой волной пламени — переходящего от красного к оранжевому, затем ярко-синему, а после засиявшего обжигающе-белым.

Водный гигант ударил снова, вода встретила белый жар — и зашипела. Поднялись клубы густого пара, так что ничего нельзя было рассмотреть. Когда они рассеялись, король ифритов стоял невредимым. А вот водный гигант выглядел… меньше. На этот раз оружием взмахнул король, ударив гиганта булавой с такой силой, что тот отшатнулся, покрывшись рябью. Через мгновение его уже окружили Девять Владык, нанося страшные удары своим огненным оружием.

— Надеюсь, армия прибудет скоро, — прошептала Хадия.

Фатима уставилась на обреченного водного гиганта, размышляя о том, что случится со множеством джаннов, которые его вызвали. Если их чемпион не устоит и сломается, сколько кварта-

лов затопит эта вода?

— Этого недостаточно. — Фатиме не хотелось этого говорить. Но это было правдой. Джиннам не остановить Владык, которые однажды ими правили. Не остановить их и машинам, которые людям помогли построить джинны. Она всматривалась в зияющий портал — все еще видимый в ночи. В ту секунду, когда открылась эта дверь, битва была проиграна.

— Нет, этого недостаточно, — согласились с ней.

Фатима резко обернулась на гортанный голос, поискала глазами в темноте и наткнулась на фигуру, сидящую на корточках в руинах. Когда агент его заметила, он встал, отделяясь от теней в шелесте знакомой коричневой рясы. Она бы не смогла сдержать сорвавшийся с губ возглас, даже если бы пыталась.

— Ахмад! — вскрикнула Сити.

Верховный жрец культа Собека и самопровозглашенное живое воплощение древнего бога Нила на Земле помахал когтистой рукой. Абигейл отшатнулась, словно от кошмара.

— Ты все время здесь был? — спросила Сити.

— Не все время. Ну, бóльшую часть времени. Ладно, все время. Это тоже жутковато?

— Да, Ахмад, — вздохнула Сити. — Все это жутковато.

— Малеш. — Он откинул капюшон. — Трудно вспомнить, как думают люди.

Фатима скорчила гримасу при виде его крокодильей морды. Мужчина слишком далеко ушел от человеческого облика. Одной когтистой рукой он достал из рясы серебряную зажигалку-скарабея, а второй пачку «Нефертари». Вытащив тонкую сигарету, он попытался ее удержать в зубастой пасти — и сдался после трех попыток.

— Вот этого мне будет не хватать, — пожаловался жрец.

— Ахмад, — сказала Фатима. — Почему вы еще здесь?

Он посмотрел на нее отстраненным взглядом.

— Ахмад?

Он моргнул, возвращаясь.

— Агент. Сейчас мой разум временами затуманен. Я собирался уйти, да. В королевство Собека, что притягивает меня к себе. Плавать в реке. На юг, к старым храмам. Воссоединиться с погребенным богом. Но я вернулся назад, чтобы помочь. Чтобы остановить их. — Он взглянул на битву, где водного гиганта поставили на колени. — У меня кое-что есть. То, что я забрал. — Он снова выудил

пачку «Нефертари», но достал не сигарету, а маленькое непритязательное золотое кольцо.

Сердце Фатимы пропустило удар. Печать Сулеймана!

— Вор! — завопила Абигейл. Видимо, ее страх поубавился при виде кольца. — Ты украл то, что принадлежит мне! Верни! — Она протянула руку, но быстро ее отдернула, услышав крокодилье шипение. — Чудовище! Ты сожрал мою руку?

— Ты отняла ее у меня, — зарычал Ахмед. — Ты украла ее у меня. Будь благодарна, что я не разорвал тебя на куски. — Он отвернулся. — Кроме того, я не каннибал. Твоя рука воняла гнилью. Я ее выбросил.

Абигейл ответила чем-то нечленораздельным.

— Ахмад, что вы собираетесь делать с Печатью? — Фатима решила игнорировать их перебранку.

— Владык-ифритов нужно сковать вновь. Это кольцо обладает силой, чтобы это сделать.

Естественно. Кто, кроме Хозяина Джиннов, мог их теперь спасти?

— Я не случайно вас нашел, — сказал он. — Меня привели.

— Кто привел? — спросила Фатима. — Ваш бог?

— Мой бог, вселенское провидение, может, само

кольцо. — Ахмад пожал плечами.

— Оно вернулось ко мне! — сказала Абигейл с алчностью в глазах. — Оно знает, что я его хозяйка!

Остальные решили ее игнорировать.

— Кто его наденет? — заикаясь, спросила Хадия. Похоже, человек-крокодил пугал ее больше, чем все, что она видела раньше.

— Кольцо для смертных рук. А я един с погребенным богом.

— Смертные руки, — повторила Сити. — Значит, полуджинну не подойдет.

— Джинн не может использовать кольцо против джинна, — ответил Ахмад.

— Я могу его надеть, — сообщила Абигейл. — Я уже сковала Владык раньше.

На этот раз Ахмад извернулся, чтобы щелкнуть зубами, это немедленно заставило ее замолчать.

— Остаемся только мы вдвоем, — заключила Хадия, не выглядевшая счастливой по этому поводу.

— Похоже на то, — согласился Ахмад. Он предложил кольцо Хадие, которая тут же отступила.

— Возьмите его, — сказала Фатима.

Хадия бросила на нее настороженный взгляд, но протянула дрожащую руку, чтобы принять

кольцо, что-то при этом нашептывая, видимо, молитву. Сделав глубокий вдох, она его надела и стала ждать. Через несколько секунд тишины новенькая покачала головой и с явным облегчением выдохнула.

— Не думаю, что оно меня хочет, — сказала она.

Фатима напряглась под взглядами окружающих. Ну да, никто не давит. Она протянула руку, и Хадия опустила кольцо в ее ладонь. Оно не казалось тяжелым. Или могущественным. Обычное кольцо. Выбрав палец на правой руке, она натянула Печать и стала ждать. Ничего. Абигейл рассмеялась.

— Кольцо выбирает своего владельца, — ухмыльнулась она. — Нельзя просто так взять и…

Она остановилась на полуслове, уставившись на Печать. Все уставились. Потому что кольцо светилось.

— Я не понимаю… — начала Фатима, и тут мир закружился.

Она оказалась в бушующем водовороте. Без верха и низа. Без земли. Только ослепляющий шторм буйных цветов без всякой формы — и громогласный голос, бьющий по ушам: «Владей мной. Будь моей хозяйкой. Подчини меня своей

воле. Или я подчиню тебя». Фатима в панике схватилась за кольцо и вскрикнула. Оно горело! Переборов боль, она сдернула Печать с пальца.

— Фатима? Фатима!

Следователь смотрела в обеспокоенные глаза Сити. Она упала? С помощью подруги Фатима снова поднялась на ноги.

— Что случилось? — спросила Хадия.

Агент посмотрела на кольцо в руке. Оно светилось, но снова было прохладным. Как это можно объяснить?

— Ты думала, оно просто будет делать то, что ты пожелаешь? — насмешливо осведомилась Абигейл. Фатима встретила ее самодовольную улыбку. — Кольцо тебя подчинит, если ты им не овладеешь. — Она протянула руку. — Я единственная, кто может его контролировать. Позволь воспользоваться его силой. Позволь спасти твой город.

Фатима снова услышала голос в голове. «Мы помним ее. Такие амбиции. Она может снова нами владеть. Дать нам цель. У нас должна быть цель!» Рука, в которой лежало кольцо, дернулась и поднялась, предлагая его англичанке.

Хадия схватила ее запястье на полпути, переводя взгляд с напарницы на Абигейл. Фатима

опомнилась, только теперь понимая, что собиралась сделать. Она нахмурилась. Теперь эта штука пытается стать ее хозяином? Уставившись на Абигейл, агент подняла кольцо и снова надела его на палец.

Водоворот вернулся с ревом. Здесь не было ночи, не было там или здесь — только хаотичный шторм. Голос гремел, провозглашая свое требование.

«Нет, — оборвала его Фатима. — Ты выбрало меня, чтобы я тобой владела, значит, я буду тобой владеть! Подчинись мне сейчас же, иначе я выброшу тебя в самую глубокую и темную дыру, какую найду! Где ты не достанешься никому! Где у тебя не будет ни смысла, ни цели — никогда!» Голос не ответил, но водоворот исчез вмиг. Она вернулась. Вокруг стояли Сити, Хадия и Ахмад — Абигейл в стороне.

— Готово, — сказала им Фатима. — Я их… чувствую.

Это случилось, как только исчез водоворот. Она чувствовала джиннов. Всех джиннов. Это напоминало притяжение — словно она держала огромный магнит, а они были существами из металла. Каждого из них притягивало к Фатиме. И она знала, что ей достаточно только потянуть в

ответ. Ее взгляд остановился на Владыках-ифритах. Чувство, которое они вызывали, невозможно было пропустить — все остальное по сравнению с ними казалось незначительным. Подняв руку с кольцом, она обратила к одному из них силу кольца — и потянула.

Король ифритов, готовящийся нанести последний удар поверженному водному гиганту, пошатнулся под атакой Фатимы. Его эмоции хлынули в нее сквозь кольцо: шок, замешательство, а следом взрыв ярости. Он издал рык, бросая вызов. Она крякнула и усилила хватку. Абигейл говорила, что держать его — будто пытаться удержать звезду. Теперь эта звезда рассвирепела. Одним мощным рывком он ее отбросил, заставив пятиться назад.

— Что случилось? — спросила поймавшая ее Сити.

— Я не смогла его удержать. Битва, она делает его сильнее. Будто он ею кормится.

— Огонь растет, когда поглощает, — прошептала Абигейл. — Теперь этот огонь охотится на тебя.

Фатима подняла голову и поняла, что англичанка права. Король ифритов озирался. Он снова почувствовал силу кольца и теперь искал его

владельца. У них осталось мало времени.

Она потянулась и снова схватила ифрита. Ощущение было такое, будто она пыталась поймать грохочущий вулкан. Он вспыхнул белым пламенем, отбрасывая агента во второй раз. Она посмотрела на свои ладони и обнаружила, что они обожжены докрасна — а над одеждой поднимаются струйки дыма.

— Мне кажется, что вы привлекли его внимание, — сказал Ахмад.

Фатима оторвалась от своих рук и увидела, что подобные горящим лампам глаза короля ифритов устремлены на нее. Он поднялся в воздух, рыча от гнева. Остальные восемь Владык взлетели вместе с ним на огромных огненных крыльях и двигались в ее сторону. Агент подняла руку, чтобы попробовать еще раз, но ее остановила Хадия.

— Фатима, слушайте! Помните, что сказал тот марид? Что это кольцо скрывает еще большие силы! Что эта Печать даже не кольцо! Что она откроет свою истинную сущность только тем, чьи желания чисты!

К ней тут же вернулись воспоминания. Опустив руку, следователь позвала: «Я хочу поговорить!»

Ответа не последовало, несмотря на то что ифриты были все ближе.

«Я хочу овладеть истинной Печатью!»

По-прежнему нет ответа. Ифриты почти их достигли, жар их огромных тел накатывал волнами.

«Мое желание чисто!»

Без всякого предупреждения она упала в водоворот. Снова ни верха, ни низа. Ни земли. Только хаотичный танец. Затем краем глаза она заметила, что часть шторма начала растягиваться. Там, где он открылся, было только белое пространство, пустота, подобная чистому холсту, очищенная от любого цвета или движения. Она окутала ее и все стихло.

— Есть кто-нибудь? — спросила Фатима.

В ответ к ней рысью подбежал маленький комок пуха с удивительно знакомым цветом меха. Рамзес? Но нет. У Рамзеса желтые глаза. Эти светились ярким золотом.

— Ты — кольцо? — нерешительно спросила она.

— Мы — Печать, — мелодично ответил кот. Потому что, разумеется, он говорил. — Ты носишь кольцо.

Фатима посмотрела на руку. Действительно, носила. Но кольцо больше не было золотым. Вместо этого половина превратилась в железо, а

вторая в медь. Ее внимание вернулось к Печати.

— Почему ты выглядишь как мой кот?

— Ты так свободно делишься мыслями. Мы можем выбрать снова. — Через мгновение перед ней стояла Сити — с теми же яркими золотыми глазами.

— Нет, кот мне нравился, — быстро ответила Фатима.

Кольцо-Печать пожала плечами Сити и снова стала котом.

— Я хочу использовать твою истинную сущность, — сказала Фатима.

Печать расхохоталась. Странно было видеть, как смеется кот.

— Кто ты такая, чтобы выдвигать подобные требования? Ты возомнила себя вторым Сулейманом? Тебе недостаточно того, что мы уже тебе даем? Теперь ты хочешь и нашу сокровенную суть?

Фатима услышала голос матери. «Кошка бежит от ошейника». Она попробовала другой подход:

— Не требование — просьба. Мое желание чисто.

— Они всегда так говорят, — вздохнула Печать. — Говори, чего хочешь.

— Я хочу спасти этот город и всех его людей.

Для этого мне нужна истинная Печать.

— И что же ты хочешь попросить для себя?

— Ничего. Мое желание чисто.

— Ничего? — Печать снова засмеялась. — Когда ты так похожа на ту, другую?

— Другую?

Печать превратилась в Абигейл Уортингтон — даже без руки.

— Я не такая, как она, — сжала зубы Фатима.

— О? — Печать склонила голову Абигейл набок. — Знаешь, почему мы не выбрали ее? — Мерцание — и перед ней стояла Хадия. — «Не меня. Не меня». Вот что она нам говорила. Но ты… — Еще одно мерцание — и Фатима смотрела в свое зеркальное отражение. — В твоих мыслях не было сомнений. Ты была, как та, другая: сильная воля, решимость и готовность нами владеть. Она желала великой силы. Чего хочешь ты? Может, вызвать джиннов, чтобы они даровали тебе несметные сокровища? — Перед глазами Фатимы заплясало видение: джинны, несущие огромные сундуки с золотом и драгоценностями, составляют их у ее ног. — Или, может, чтобы джинны построили для тебя великое королевство? — Теперь она видела город золотых куполов и чудес, в центре стояла механическая статуя, похожая

на нее. — Или более интимное желание? — Теперь в видении появилась Сити, она смотрела обожающим взглядом, верная ей без вопросов и сомнений. — Нами владели великие правители и владыки, все они утверждали, что чисты — но все хотели гораздо большего.

Последнее видение встревожило Фатиму, и ее глаза устремились к кольцу из железа и меди на пальце, сулившему так много власти. Но она сумела уверенно улыбнуться. Рука нырнула в карман пиджака и похлопала по часам.

— В этом я отличаюсь от других, — сказала она, переходя на повседневный диалект саади, на котором говорила дома. — Я не владыка, не правитель. Я дочка часовщика из деревни под Луксором. Не хочу я таких вещей. Я просто хочу спасти этот город.

Ее двойник нахмурился и снова стал котом.

— Желание, которое чисто, действительно должно быть таковым! — прорычал он. — Используй нас для других желаний, и ты заплатишь — потерей тела и воли! И тогда мы будем владеть тобой, как пожелаем!

Фатима кивнула. Так оно обычно и работало.

— Я согласна.

Ей показалась, что кот снова улыбнулся.

— В таком случае, по рукам, — провозгласил он. И исчез.

Фатима вернулась в мир. Она знала, что здесь не прошло и секунды. Но как многое изменилось.

Вокруг нее были огоньки. Она знала, что это джинны. Все еще различных видов и форм, но состоящие из клубящегося температурного свечения ярких цветов, пульсировавших в гармоничной симфонии. Казалось, их сотни — они кружили в ночи подобно множеству светлячков.

Но никто из них не мог сравниться с Владыками.

Девять гигантов нависли прямо над ней, их тела — кипящие потоки света, — музыка их тел гремела и грохотала. Она неосознанно подняла руку, чтобы отдать им приказ. Но ифриты замерли посреди полета недвижимыми статуями, с оружием наизготовку — надежно удерживаемые силой кольца.

Только кольца больше не было. Ни золотого, ни железного, ни медного.

Оно пропало, исчезло с ее пальца. На его месте появились письмена и глифы, которые она не могла прочитать, впечатались в ее кожу, формируя симметричную геометрическую фигуру — будто Фатиму отметила божественная рука.

Роспись появилась на кончиках пальцев, на кистях и вверх, по рукам. Она знала, что если посмотрит в зеркало, то увидит, что они украшают даже ее грудь и лицо. Повернув кисти рук, агент посмотрела на сияющую звезду на каждой ладони — они изменялись между пятиконечными, шести-, восьми- или двенадцатиконечными. Истинная Печать.

Глядя на Девять Владык, она ощущала их ярость — от которой их сверкающие тела ярко пылали. Ненависть короля ифритов была осязаемой. «С этим, — решила она, — надо встретиться лицом к лицу».

С помощью Печати Фатима поискала среди множества джиннов, пока не остановилась на определенном огоньке. Он прилетел на ее зов, паря на огненных крыльях. Ифрит, которого Абигейл однажды подчинила своей воле.

— Хозяйка Печати, — поклонился он, низко склоняя рогатую голову. — Чем могу служить?

— Я вам не хозяйка, — ответила она ему. — И я не хочу, чтобы вы мне служили. Я хочу обратиться с просьбой. Поднимите меня вверх, чтобы я могла поговорить с Владыками. Пожалуйста. Вы можете отказаться, если хотите.

Ифрит выглядел искренне удивленным. Он

странно на нее посмотрел, но наконец поманил к себе. Агент взобралась на его широкую спину, не тронутая пламенем. Когда она устроилась, джинн прыгнул вверх и воспарил на огненных крыльях, поднимаясь выше, пока они не зависли перед лицом скованного кольцом короля ифритов.

Следователь достала из кармана министерское удостоверение и показала его Владыкам.

— Может, вы не слышали меня раньше. Я агент Фатима из египетского Министерства алхимии, заклинаний и сверхъестественных сущностей. В настоящее время вы нарушаете около сотни различных законов, регулирующих несанкционированные межпространственные сущности. Так что я хотела бы попросить второй раз — убирайтесь ко всем чертям туда, откуда пришли. Эта битва окончена — прямо сейчас.

Король ифритов молчал, но его ярость лилась потоком сквозь Печать. Она прочно его удерживала, так что он не мог даже мускулом пошевелить без разрешения. Джинн продолжал сопротивляться в затянувшейся тишине. Фатима закатила глаза, глядя на его тщетные попытки. Становилось неловко. Наконец он остановился, и его гнев начал ослабевать. Через некоторое время он выдохнул огнем. Когда он заговорил,

интонация принадлежала королю, отказывающемуся от трона.

— Слушаю и повинуюсь, Хозяйка Печати, — прогрохотал он. — Сегодня мы достаточно видели пролитой крови джиннов. Мы вернемся к нашему сну и покинем этот мир.

— Благодарю, Великий Лорд, — коротко кивнула Фатима.

— Это ничего не значит, смертная, — ухмыльнулся король ифритов. — Однажды все миры будут омыты огнем, из которого родились. И ты не всегда будешь здесь, чтобы использовать эту силу против нас. Нам остается только ждать. Этот мир, как все миры, сгорит. Со временем.

Это совершенно не обнадеживало.

— Точно. Теперь можете идти. И закройте за собой дверь.

Король ифритов рывком поднялся выше в небо, за ним последовали остальные Владыки. Сила огромных крыльев обдала их горячим ветром, так что ифриту, на котором она поднялась, пришлось податься назад. Фатима наблюдала, как огненные гиганты один за другим исчезали в зияющем портале. Когда в него прошел последний, портал схлопнулся с оглушительным грохотом, который — агент даже не сомневалась — выбил

стекла из окон на целую милю вокруг. Она покачала головой, избавляясь от звона в ушах. Совсем забыла об этом.

Вскоре они вернулись на землю. Следователь спустилась с ифрита и обнаружила, что ее уже ждут Сити и Хадия. Только Сити была не совсем Сити. На нее накладывалось более крупное кровавое свечение ее джиннской формы. Оно пульсировало, и Фатима внезапно почувствовала, что может узнать все, что связано с ее подругой: эмоции, мысли, даже воспоминания. У нее появилось искушение потянуться и чуть-чуть подглядеть, краешком глаза. Фатиме показалось, что она слышит кошачий смех.

«Я закончила, — торопливо сказала она. — Забирай свою силу назад».

Смех перешел в жалобное поскуливание, но когда Фатима посмотрела на руку, светящийся узор уже стерся с ее кожи. Кольцо опять вернулось на палец. Снова золотое. Она быстро его сняла — и тут же упала, когда подкосились ноги.

— Ты в порядке? — спросила Сити, подхватывая ее на руки.

— Слегка ослабла. — Скорей изможден.

— Хвала Аллаху, — выдохнула Хадия. — Мне кажется, мы победили.

Фатима обвела взглядом завалы, разрушенные здания, машины и пожары, все еще пылающие неподалеку — где водный гигант ковылял обратно к Нилу. Они победили. Но дорогой ценой. Сжимая кольцо в кулаке, она нашла Ахмада. Жрец устроился на камне и пристально смотрел на нее своими крокодильими глазами. Собравшись с силами, агент подошла к нему и открыла ладонь.

— Возьмите его, — сказала она. — Заберите туда, куда отправляетесь. И похороните. Где никто его не найдет. Никогда.

Ахмад заколебался, затем протянул когтистую руку, чтобы взять кольцо. Фатима уже решила избавиться от этой вещи. Черт бы с этими так называемыми ангелами. Она не собиралась возвращать им Печать. Не доверяла она и министерству. Когда она ощутила неожиданно нахлынувшее чувство утраты, то поняла, что не может верить даже себе.

Абигейл внезапно закричала, бросаясь на Ахмада — больше не заботясь об опасности. Англичанке могли откусить еще одну кисть, может, даже целую руку, если бы ее не перехватила Хадия, заведя локоть за спину и зафиксировав. Женщина продолжала вырываться, ее сине-зе-

леные глаза были широко распахнуты и горели лихорадочным блеском.

— Оно мое! — взывала она. — Я его заслужила! Оно не твое, чтобы отдавать! Оно мое! Мое!

— Почему эти колонизаторы всегда зарятся на чужое? — покачал головой Ахмад.

Ифрит, который молча стоял в стороне, прочистил горло:

— Это сила… — Он резко остановился, рогатая голова задергалась из стороны в сторону.

Он все еще не мог говорить о Печати, но Фатима поняла. Она владела ею совсем недолго, но Печать все равно на нее повлияла. Как долго Абигейл носила кольцо? Недели?

— Ты не сможешь его от меня спрятать! — выкрикивала англичанка. — Я могу его почувствовать, я его чувствую, чувствую! Я буду его искать, и оно будет меня звать, и я его найду, и оно снова будет моим! Оно принадлежит мне! Мне! Мне!

— Мне кажется, она это серьезно, — забеспокоилась Хадия.

— Вы можете заставить ее забыть? — обратилась Фатима к ифриту. — О… ну, вы знаете.

— Это… твое желание? — Его лавовые глаза сузились.

Она решительно покачала головой. Никогда.

— Считайте, что это для вашего собственного блага.

Ифрит задумался. Повернувшись к Абигейл, он поднял руку — и коснулся кончиком когтя ко лбу. Ее болтовня оборвалась, англичанка застыла, а потом упала в руки Хадии. Там, где к ней прикоснулся ифрит, на коже женщины медленно выжигался огненный символ, который затем исчез. Но ее челюсть расслабилась, а глаза опустели.

— Что вы сделали? — накинулась на ифрита Фатима.

— Заставил ее забыть, — ответил тот.

— Насколько?

— Все, что смог найти. Все, что было в ней.

Хадия ахнула.

— Я не это имела в виду!

— Она превратила меня в слугу. — Лицо ифрита исказилось от гнева. — Я больше не буду рисковать.

— Мы не можем этого допустить. — Фатима обратилась за поддержкой к Сити.

— Почему? — удивилась Сити безо всякого сострадания в глазах.

— Потому что… это неправильно. — Она снова обратилась к ифриту. — Я знаю, что она сделала

со всеми вами. Что она заставила вас делать. Она заслуживает правосудия. Но не этого. Я понимаю…

— Ты понимаешь рабство? — спросил ифрит.

Фатима замялась. Ее взгляд метнулся к сжатой руке Ахмада и тому, что было в ней спрятано. Но она знала, что даже если бы снова надела кольцо, то не стала бы его использовать, чтобы подчинить этого измученного джинна — даже чтобы он отменил сделанное.

— Я думала, вы пацифист, — наконец выдавила она.

Ифрит развернулся, расправляя огненные крылья.

— Вот почему она все еще жива. — Он поднялся в воздух с порывом обжигающего ветра и унесся прочь.

Сити положила руку на ее талию и, наклонившись, прошептала:

— Прости. Я знаю, что ты этого не одобряешь. Но у джиннов свое правосудие. Ты сделала что смогла. Ты спасла нас от того, что она устроила. — Фатима открыла рот, но подруга продолжила: — Играть с подобной мощью — значит, искушать терпение богов. Можешь ее жалеть, если хочешь, но я не позволю тебе обвинять себя в том, что она

сама навлекла!

Фатима сдалась и от накатившей усталости позволила голове опуститься на плечо Сити. Она смотрела на открытый рот Абигейл и ее смотрящие в никуда глаза — мертвые и пустые. Ей внезапно вспомнилась колыбельная джиннов.

«Девять Владык спят. Разве мы хотим их разбудить? Загляни им в глаза — и они выжгут твою душу».

Магия. За нее всегда приходится платить.

Эпилог

Фатима вымакала остатки супа кусочком лепешки. Тетушка Сити готовила молохаю лучше всех, с кусочками баранины, которые просто таяли на языке. Суп был лишь одним в череде блюд, стоявших на длинном столе: большие тарелки с курицей, тушенной в соусе чили, и даже фаттой со здоровенными кусками тушеной говядины. Подняв глаза, она заметила, что мадам Азиза одобрительно рассматривает ее, сидя во глава стола. Владелица «Мекки» любила, когда люди получали удовольствие от ее еды. Что означало не только вторую порцию, но третью и четвертую тоже. С нынешним аппетитом Фатимы это не было проблемой.

Они с Хадией пришли в нубийский ресторанчик, чтобы отпраздновать окончание дела. Асим тоже пришел. Казалось, что инспектор пытался есть за всех. В данный момент он сплетничал с дядюшкой Тофиком, одновременно наслаждаясь тарелкой сырой верблюжьей печени с острой смесью специй и вымоченным в уксусе луком. Тофик утверждал, что у этого нубийского блюда мощные лечебные свойства. Судя по количеству

печенки, которую эти двое уже съели, казалось, что они хотят излечиться от всех болезней.

Сити сидела прямо напротив нее, между Хамидом и Онси. Троица болтала, как старые друзья. Было странно видеть Хамида таким расслабленным и неформальным в разговоре. Но то, как он смотрел на Сити… узнаваемый взгляд. Не помогало и то, что она была безнадежной вертихвосткой.

— Потрясающе! — восторгалась Хадия рядом с ней. Она практически постанывала, пережевывая рыбу в рисе карамельного цвета. — Я думала, что мне придется ехать в Александрию, чтобы отведать приличной саядеи.

— В этом городе есть все, что нужно, — ответила Фатима. — Если знать, где искать.

— И завтра он тоже будет на месте, хвала Аллаху! — сказала Хадия.

— Хвала Аллаху, — пробормотала Фатима. Он будет на месте, хоть и пострадал.

С ночи во дворце Абдин прошло два дня. С тех пор как она столкнулась с Владыками-ифритами и спасла мир от завоевания армией порабощенных джиннов. А уже казалось, что прошло две недели или два месяца. Многое произошло за последние сорок восемь часов.

Она опустила взгляд на воскресный вечерний выпуск «Аль-Масри», лежащий на столе. Первая страница газеты была заполнена историями о том, что Абигейл Уортингтон разоблачили как самозванку, почти вытеснив все новости о королевском саммите — который тоже чудом уцелел. Городская администрация была особенно заинтересована, чтобы о поимке самозванца узнали. Не то чтобы им стоило волноваться. Каирские кумушки работали без продыху, а бывший Свидетель Мустафа объявил аль-Джахиза мошенником. Сорок леопардиц помогли разнести слово, переправляя его из одного места в другое.

Вразумленный Александр Уортингтон согласился помочь министерству раскрыть масштабы преступлений сестры. Абигейл отошла под его опеку, оставаясь в кататоническом состоянии. Ее соучастники — Виктор Фицрой, Бетани и Дарлин Эджингтон, а также Персиваль Монтгомери — были задержаны и обвинены в пособничестве ее преступлениям. Лондон отказался затребовать экстрадицию, а в отношении их семей в Англии проводилось расследование на предмет сговора. В настоящее время не планировалось восстанавливать имение Уортингтонов — поскольку большая его часть сейчас находилась в оставшейся после

ифритов воронке.

Большая часть Каира осталась нетронутой битвой. Но часть центра города была разрушена. Расчистка уже началась. Джинны-архитекторы разрабатывали грандиозные проекты по отстройке уничтоженного. По крайней мере, эпоха террора подошла к концу. Люди гуляли повсюду — словно наверстывая время, проведенное дома взаперти. Нападения на почве ненависти закончились. Сити сказала, что владельцы магазинов в Хане даже помогли починить заведение Мериры. Приятно знать, что город выстоял — хоть раны еще оставались.

Потрепанная социальная ткань, которой Абигейл так умело воспользовалась, сохранилась. Хадие пришла в голову идея поднять вопрос об условиях жизни в каирских трущобах на следующем собрании Египетского феминистского сестринства. «Если женщины могут бороться и побеждать патриархат, сможем справиться и с социальным неравенством! — сказала она. — Вот увидите!» Что касалось Фатимы, она собиралась настоять на уничтожении всех материалов, связанных с Часами Миров. Трудно сказать, прислушается ли начальство. Но этот механизм был слишком опасным, чтобы его сохранять — как бы

хорошо его ни заперли.

И, конечно, оставалась Печать Сулеймана.

На своем первом докладе она заявила, что кольцо было утеряно во время хаоса. Ни министерство, ни Ангельский Совет этому не порадовались. Но эту проблему им придется решать с самопровозглашенным воплощением бога Собека. Если они когда-нибудь его найдут.

— Я слышала, что Загроса выпустили, — сказала Хадия. — Без предъявления обвинений. Он вернется на этой неделе.

— Надо будет его навестить, — ответила Фатима. — Соскучилась по оскорблениям.

Сити разразилась громким смехом, привлекая ее внимание. Вот еще одна неожиданная незавершенность. Между ними многое произошло за последние недели. Фатима все еще пыталась осознать, что ее подруга — полуджинн. Как это влияло на их и без того сложные отношения, она не знала. Наверняка она знала только, что безнадежно влюбилась в эту женщину. Так что, может, не так уж все и сложно, в конце концов. «Если красть, то верблюда, — услышала она шепот матери. — А если любить, то луну».

— То, как ты смотришь на мою племянницу, — заметила мадам Азиза. — Помню, как на меня так

смотрели мужчины. Я была красавицей.

Фатима повернулась к ней в некотором ошеломлении. Старуха ничего не упускала! Рядом с ней Хадия наклонилась вперед:

— Вы все еще красавица, мадам Азиза. Как распустившийся цветок!

— Вот это поэзия, — расплылась в морщинистой улыбке пожилая женщина. — Ты отыскала стихи для моей племянницы? Нет способа лучше, чем удержать ее от побега.

У Фатимы пересохло во рту. Голос мадам Азизы был недостаточно громким, чтобы кто-нибудь за говорливым столом, кроме нее и Хадии, услышал эти слова. Но этого было более чем достаточно. Она взглянула в большие темные глаза напарницы, под цвет ее хиджаба. Проницательные глаза.

— Вам стоит попросить Онси, чтобы он нашел хорошие любовные стихи, — светски посоветовала Хадия, отхлебывая чай. — Он очень начитанный. И своего рода романтик. — Увидев невысказанный вопрос Фатимы, она пожала плечами. — Я уже говорила, что у меня есть кузина? — Она приложила руку к сердцу. — Напарницы доверяют друг другу. Как и подруги.

«Подруги, — задумалась Фатима. — Еще удивительнее, чем напарницы».

— Кстати, Сити рассказала мне о «Жасмине»? Я хочу туда сходить! — просияла улыбкой Хадия.

Фатима приподняла бровь. Это будет нечто. Она оглянулась на Сити, которая вернула долгий изучающий взгляд, от которого ее внутренности затрепетали. О да, совершенно безнадежная.

Их краткий миг прервался, когда вбежала одна из младших родственниц Сити с небольшим кожаным мешочком в руках. Она передала его Фатиме.

— Его оставил один человек. Мужчина. Он приходил раньше, но сказал, что я должна дать вам доесть ужин, а уже потом отдать.

— Как он выглядел? — Фатима забрала мешочек.

— Не могу сказать, — мотнула головой девушка. — Его голова была покрыта. И было уже темно. Но у него был странный хриплый голос. Мне показалось, что он может болеть.

Фатима посмотрела на Хадию, которая погрузилась в разговор с другим агентом и ничего не заметила. Извинившись, следователь отошла от стола в угол, где торопливо развязала мешочек. Внутри лежала деревянная коробочка и записка, которую она развернула и прочла:

Агент Фатима,

Надеюсь, вы в добром здравии. Я благодарю вас за все, что вы сделали. Теперь я ухожу, чтобы поселиться в священном месте, в моем доме и храме, где вечно живет та, что зовется Нефтидой. В этом мире существуют силы, которые не должны оказаться в человеческих руках. Или руках бессмертных. И должны быть навсегда запечатаны там, где не смогут причинить вреда. В этом мы оба согласны. Я кое-что оставил на ваше попечение, поскольку больше никому не могу это доверить. Вы можете доверять мне так же.

Лорд Собек, Хозяин Вод, Гневный Владыка Файюма, Защитник Государства, Генерал Королевской армии

P.S. – Это Ахмад.

Затаив дыхание, она осторожно открыла деревянную коробочку — ее сердце подпрыгнуло от блеска, который она заметила внутри. Собравшись с духом, Фатима откинула крышку. В коробке лежала маленькая серебряная зажигал-

ка. В виде жука-скарабея.

По какой-то причине зрелище заставило ее улыбнуться. И она использовала красный платок, чтобы промокнуть испарину, выступившую под котелком.

— Подколол, Ахмад, — пробормотала она.

Отщелкнув крышку зажигалки, она снова ее закрыла и спрятала в пиджак, рядом с карманными часами, чтобы затем вернуться к столу. Как раз к десерту.

Благодарности

Первый полновесный роман! Можете поверить? Стольких людей нужно поблагодарить. Во-первых, Диану Фо — которая не только помогла мне проработать этот роман шаг за шагом, но и рискнула с тем первым рассказом о джиннах, стимпанке и Каире. Благодаря тебе у Фатимы есть дом и мир, в котором она может расти! Лучшая тетушка-редактор в мире! Спасибо моему агенту, Сету Фишману, лучшему критику-хайпману, которого можно иметь на твоей стороне. Каждым своим предложением и пересмотром они с Дианой помогали мне сделать этот роман лучше. Спасибо Карлу и Руокси, которые помогли мне работать над последними частями книги и пересечь финишную черту. И моя искренняя благодарность всей команде Tordo.com — включая ваших волшебных редакторов — за тяжелую работу по превращению этой книги в живую, дышащую и прекрасную вещь!

Специальная благодарность тем, кто помог мне сориентироваться в завораживающем фольклоре и средневековых манускриптах, вдохновивших этот роман, как и тем, кто кропотливо разъяснял

мне сложности современного Египта с его разговорными языками, культурами и обычаями. Спасибо вам огромное за то, что поделились своими знаниями и живым опытом.

Я в неоплатном долгу перед своей сестрой Лизой, которая убеждала меня продолжать писать, даже когда я хотел сдаться; перед отцом, который всегда гордился моими достижениями; и матерью, которая была бы в восторге, если бы это увидела.

Благодарность Ласане, моему партнеру по путешествию от Каира до Асуана. Нам хватит шуток еще на «двадцать тысяч лет»! И, конечно, моя горячая любовь к Даниэль, Ниа и Нья, которые всегда на моей стороне.

И наконец — всем читателям, которые постоянно просили написать об этом мире еще, вы были величайшей мотивацией для моей музы. Эта книга появилась из-за вас. Пусть она доставит вам удовольствие и оправдает ожидания.

Мертвый джинн в Каире

Специальный следователь египетского Министерства алхимии, заклинаний и сверхъестественных сущностей Фатима эль-Шаарави разглядывала обмякшее на колоссальном диване тело сквозь пару спектральных очков.

Джинн.

И древний притом: почти вдвое крупнее человека, с пальцами, оканчивающимися длинными, как кинжалы, изогнутыми когтями. Его кожа была покрыта лазурной чешуей, отливающей бирюзовым под дрожащим светом керосиновых ламп. Он сидел обнаженным среди подушек с кистями цвета лаванды и бордо, мускулистые руки и ноги широко раскинуты, ничего не оставляя воображению.

— А вот это впечатляет, — раздался голос.

Фатима обернулась к фигуре, нависшей прямо над ее плечом. Длинные седеющие усы в стиле древних янычар подергивались на полном лице. Они принадлежали мужчине в униформе цвета хаки, обтягивающей его слишком плотно, особенно в области живота. Он указал выбритым

круглым подбородком на обнаженный пенис мертвого джинна: «инструмент» цвета полночной синевы, свисающий едва не до колен.

— Я видел взрослых кобр, которые были меньше. Мужчина не может не завидовать, когда такой штукой тычут ему в лицо.

Фатима вернулась к работе, не удостоив его ответом. Инспектор Асим Шариф представлял местную полицию, выступая посредником между ней и министерством. Неплохой человек. Просто вульгарный. Каирским мужчинам, несмотря на декларируемую современность взглядов, до сих пор некомфортно работалось с женщинами. И свою неловкость они выражали в экстравагантной, неуклюжей манере. Уже то, что министерство назначило какую-то провинциальную, обожженную солнцем саиди на должность в Каире, было щекотливым решением. Да еще и такую юную, в иностранной одежде — они все никак не могли к ней привыкнуть.

Сегодня она выбрала светло-серый костюм, дополненный жилетом той же расцветки, фисташковым галстуком и белой рубашкой в тонкую красную полоску. Она добыла их в Британском квартале, и портной специально подгонял одежду, чтобы та подходила ее мини-

атюрному телосложению. Аккомпанирующая трость — прочный отрезок черной стали, увенчанный серебряным набалдашником в виде львиной головы — была, следует признать, перебором. Но она привносила в ансамбль флёр экстравагантности. А отец всегда говорил, что если люди все равно будут пялиться, почему не устроить для них шоу.

— Обескровливание, — объявила она.

Фатима сняла покрытые медью очки и вручила их замершему в ожидании автоевнуху. Человек-машина принял инструмент чуткими металлическими пальцами и с механической точностью сложил его в кожаный чехол. В плоской бронзовой личине мелькнуло ее отражение: темные овальные глаза и крупный нос на красно-коричневой коже изящного лица. Его можно было назвать мальчишечьим, если бы не полные, четко очерченные губы, доставшиеся ей от матери. Когда автоевнух отступил, она заправила выбившуюся из копны черных, коротко стриженных волос прядь и повернулась к констеблю. Асим уставился на нее, будто она на фарси говорила.

— Эти символы. — Она постучала тростью по полу, где изгибающиеся белые письмена охва-

тывали диван кругом. — Это обескровливающее заклинание. — Увидев непонимающий взгляд Асима, она потянулась к поясу, достала джамбию и приставила острие кинжала к бедру джинна, загоняя его под чешую. Из тела лезвие вышло чистым. — Крови нет. Ни капли. Его осушили.

Инспектор моргнул, наконец понимая.

— Но, куда она… кровь… подевалась?

Фатима прикоснулась к сухой кромке клинка. Хороший вопрос. Она вставила кинжал в расшитые серебром ножны, закрепленные на широком кожаном ремне. Джамбию она получила от приезжего аздитского сановника — подарок за изгнание особенно мерзкого наснаса[102], донимавшего его клан. Это было ее первым заданием от министерства. Подслеповатый старик назвал ее «симпатичным, для юноши, и очень храбрым,

[102] Примечания: 102

Наснас — чудовища, у которых «всего один глаз, одна щека, одна рука, одна нога, половина туловища, половина сердца». Лейн в первом томе «Тысячи и одной ночи» (1839) указывал, что наснаса считают плодом союза шикка — демонического существа, разделенного продольно, — и человека. Наснас, согласно Лейну, похож на «половину человека — у него половина головы, половина туловища, одна рука и одна нога, на которой он весьма проворно скачет. Он обитает в лесах и в пустынных местностях Йемена и Хадрамаута и наделен даром речи. У одной породы наснасов лицо находится на груди, как у блеммий, а хвост, как у овцы. Мясо их нежно и потому весьма ценится. У другой породы наснасов крылья летучей мыши, обитают они на острове Раидж на побережье Южного моря».

раз сразился с полуджинном». Она не стала его исправлять. И сохранила кинжал.

— Думаешь, это могли быть… — Асим скривился, топорща тщательно напомаженные усы, и прошептал: — Гули?

Он ненавидел говорить о нежити. Не отличаясь, впрочем, как полагала Фатима, от всех остальных. Атаки гулей были на слуху в городе: на прошлой неделе сообщали о трех инцидентах. Министерство подозревало радикальную ячейку анархо-некромантов, но зацепок ни у кого не было.

Она присела на корточки, чтобы рассмотреть символы.

— Вряд ли. Гули одной кровью не ограничились бы. — Асим скорчил гримасу. — И они не практикуют магию. Это древнемаридский текст. Магия джиннов. — Она нахмурилась, указывая тростью: — Но вот это мне незнакомо.

На равной дистанции от круга были начерчены четыре глифа. Один выглядел как пара закручивающихся рогов. Второй — в виде серпа. Третьим нарисовали странный топор с крючковатым лезвием. Четвертый больше остальных: полумесяц, увитый лозой.

Асим нагнулся посмотреть:

— Никогда раньше не видел. Печать какого-то чародея?

— Возможно. — Она провела пальцем по одному из глифов, словно прикосновение могло принести ответ.

Выпрямившись, следователь отступила, чтобы рассмотреть джинна — гиганта, в чьей тени они оба казались карликами. Глаза откинувшейся головы остались открытыми, их яркое золото давило на нее расплавленными солнцами. Лицо марида было почти человеческим, если не обращать внимания на заостренные уши и рога цвета кобальта, завивающиеся из его головы. Она повернулась к Асиму.

— Как давно вы нашли тело?

— Сразу после полуночи. Его нашла одна из завсегдатаек. Всю округу на ноги поставила. — Он ухмыльнулся. — *Необычно* кричала, если понимаешь, о чем я.

Фатима смотрела на него безо всякого выражения, пока он не продолжил:

— В любом случае она откормленная крыска из трущоб, в Азбакею приходит работать. Гречанка, мне кажется. Только пару слов успел вытянуть,

пока ее адвокат-пезевенк[103] не прибыл. — Он издал звук отвращения. — Во времена моего деда старый хедив выстроил шлюх и отправил на юг. А сейчас они нанимают турецких сутенеров, чтобы те зачитывали полиции закон.

— Это 1912-й — новое столетие, — напомнила ему Фатима. — Хедивы больше не управляют Египтом. Османов больше нет. Теперь у нас король и Конституция. У всех есть права, не важно, где они работают. — Асим хмыкнул, словно именно это и было проблемой.

— Ну, она выглядела расстроенной. Может, потому что потеряла эту штуковину. — Он снова указал на гениталии джинна. — Или потому, что терять клиентов после этого дела — плохая примета.

Это Фатима могла понять. Азбакея была одним из самых богатых районов Каира. Клиенты здесь платили хорошие деньги. Очень хорошие.

— Она кого-нибудь видела? Может, предыдущего гостя?

Асим покачал головой:

— Сказала, что никого. — Он задумчиво поче-

---

[103] Примечания: 103

Пезевенк — слово пришло из Османской империи, где имеет армянские корни (либо из Персии), означает «сутенер», «сводник». Возможно также азербайджанское происхождение.

сал лысину на макушке. — Но в последнее время здесь действует албанская банда, грабят зажиточные районы, связывают жертв, пока занимаются их ценностями. Кровь джинна можно хорошо продать на магическом черном рынке.

Пришла очередь Фатимы качать головой, туша джинна впечатляла — не говоря уж о когтях.

— Шайку воров ожидал бы смертельный сюрприз, если б они наткнулись на марида. Мы знаем, кто он?

Асим махнул одному из своих людей, маленькому человечку с соколиным профилем, который смотрел на Фатиму с неодобрением. Забирая бумаги, она вернула взгляд, прежде чем отвернуться. На одной из них было зернистое, черно-белое фото знакомого лица: мертвый джинн. Под фотографией стояла печать: белый полумесяц и копье на красно-черно-зеленом фоне — флаг Махдистской Революционной Республики.

— Суданец? — удивленно спросила она, пытаясь найти паспорт.

— Похоже на то. Мы телеграфировали в Хартум. Посмотрим, что из этого выйдет. Там, наверное, сотня джиннов по имени Сеннар.

«Наверное», — согласилась Фатима про себя. Сеннар — это название города, гряды гор или

старого султаната в Южном Судане. Джинны никогда не называют своего истинного имени, используя вместо него названия мест — городов, холмов, гор, рек. Похоже, не имеет значения, сколько джиннов носят одно имя. Каким-то образом они различают друг друга. Она вернулась к паспорту, проверяя подпись, а затем бросила взгляд на пол. Нахмурилась, низко наклонилась и снова присмотрелась к тексту. За ней с любопытством наблюдал Асим:

— Что там?

— Почерк. — Она указала на заклинание. — Он тот же.

— Что? Ты уверена?

Фатима кивнула. Она была уверена. Часть заклинания нанесли на старомаридском, другую — на арабском, но не заметить сходство почерка было невозможно. Оно было написано рукой джинна. Марид использовал обескровливающее заклинание — на себе.

— Суицид? — спросил Асим.

— Чертовски болезненный, — пробормотала следователь. Только в этом не было смысла. Бессмертные себя не убивают. Во всяком случае, она не могла припомнить задокументированных свидетельств подобных случаев.

Ее взгляд обежал апартаменты, пытаясь отыскать хоть какую-то проясняющую деталь. Все здесь было чересчур, как в большей части Азбакеи: привозная парижская мебель, турецкая люстра и другие признаки изобилия. Чувствовалось и личное влияние джинна, украсившего стены мечами в гравированных ножнах, круглыми щитами из растянутой шкуры гиппопотама и широченными шелковыми коврами: коллекция существа, жившего веками. Глаза Фатимы остановились на фреске, достаточно крупной, чтобы занять бóльшую часть стены. Она была затоплена яркими цветами, изображая замысловатую сцену — могольская, судя по стилю. На фреске были нарисованы гиганты с бивнями, торчащими изо ртов, и телами свирепых тварей. На их коже танцевало пламя, и огненные крылья прорастали из спин.

— Еще джинны? — спросил Асим, проследив ее взгляд.

Фатима подошла к фреске и остановилась прямо перед ней.

— Ифриты, — ответила она.

— О, — сказал Асим. — Рад, что с ними сталкиваться не приходится.

Спору нет. Взрывоопасная раса джиннов, ко-

торые обычно избегали людей. Большинство их бессмертных кузенов тоже держали дистанцию. Странно увидеть их в коллекции марида. На фреске ифриты стояли на коленях с распростертыми руками перед широким черным озером. Ниже было вытравлено на джиннском: «Возрождение».

«И что это значит?» — задумалась Фатима. Она провела рукой по загадочному слову, снова надеясь, что прикосновение сможет одарить пониманием. Следователь в задумчивости посмотрела в сторону, и ее взгляд упал на книгу, лежащую на восьмиугольном приставном столике. Увесистый том в переплете из дубленой кожи с геометрическим орнаментом и золочением — древняя мода мамлюков. На обложке было написано: «Китаб аль-Кимья». Эту книгу она знала — учебник алхимии девятого века. Фатиме доводилось читать копию труда в университете, но эта выглядела оригиналом. Агент потянулась вниз, чтобы открыть том на месте, где кто-то оставил закладку, — и замерла. Это была знакомая

страница — поиск таквина[104], создание жизни. Но оцепенеть ее заставило другое.

Она присмотрелась к предмету, который перепутала с закладкой, — кусок серебра с ярко-мандариновым отливом. Следователь вынула его, удерживая на вытянутой руке, пока серебряный предмет отблескивал в свете газовых ламп.

Асим ругнулся охрипшим голосом.

— Это то, что я думаю?

Фатима кивнула. Металлическое перо длиной с ее предплечье. По его поверхности шевелились и корчились, словно живые, смутные линии огненного текста.

— Святой язык, — выдохнул Асим.

— Святой язык, — подтвердила она.

— Но это означает, что оно принадлежит…

— Ангелу, — закончила за него Фатима.

Она нахмурилась еще сильнее. «Ради всех миров, — думала она, — зачем джинну понадобилась одна из этих штук?»

---

[104] Примечания: 104

Таквин был целью некоторых мусульманских алхимиков, среди которых особенно выделяется Джабир ибн Хайян. В алхимическом контексте таквин обозначает создание искусственной жизни, вплоть до человеческой. Неизвестно, насколько буквально это стоит понимать, поскольку алхимические трактаты традиционно писались запутанным эзотерическим кодом.

* * *

Фатима устроилась на сиденье с красной подушкой в автоматической повозке, несущейся по узким улицам. Помимо залитого газовым светом рынка и булавочных огоньков на возвышающихся причальных мачтах, где каждый час отправлялись и прибывали дирижабли, бóльшая часть Каира спала. Пальцы следователя играли львиноголовым набалдашником трости, пока агент наблюдала за воздушными трамваями, которые двигались высоко над городом, вспыхивая в ночи сверкающим электричеством вдоль линий. Повозка Фатимы проехала мимо одинокого мужчины на шаткой телеге, запряженной осликом. Он пустил животину медленной рысью, словно бросая вызов современности вокруг него.

— Еще одно нападение проклятых гулей! — воскликнул Асим. Инспектор сидел напротив, просматривая несколько телеграмм. — Странно. Они никого не убили — только забрали. Схватили и тут же сбежали.

Фатима подняла глаза. Это *действительно* было странным. Гули питались живыми. Их жертв обычно находили наполовину поглощенными. Похищать людей не в их привычках.

— Их нашли?

— Нет, это произошло прямо перед полуночью, — он скривился. — Ты не думаешь, что они приберегли их… для следующей трапезы?

Фатиме не хотелось об этом думать.

— Уверена, люди министерства уже занимаются этим делом.

Инспектор вздохнул, сложил бумаги и откинулся на сиденье.

— Весь город разваливается, — пробормотал он. — Джинны. Гули. Чародеи. Ни разу об этом не волновался во времена деда. Спасибо тебе, аль-Джахиз.

Последние слова были насмешкой, каирским жаргоном, употребляемым с похвалой, сарказмом или гневом. Как еще вспоминать аль-Джахиза, знаменитого суданского изобретателя и мистика? Некоторые считали его тем самым средневековым мыслителем из Басры, перерожденным или перенесшимся во времени. Суфии утверждали, что он провозвестник Махди; копты полагали предвестником апокалипсиса. Был ли он гением, святым или безумцем — никто не мог отрицать, что он потряс мир.

Именно аль-Джахиз, с помощью мистицизма и машин, пробурил дыру в Каф, измерение джин-

нов. Цель его поступка — любопытство, озорство или злоба — осталась неизвестной. Позже он исчез, забрав свои невероятные машины с собой. Говорили, что даже сейчас он путешествовал по множеству миров, сея хаос, куда бы ни направился.

С тех пор прошло чуть больше сорока лет. Фатима родилась в мире, который оставил аль-Джахиз: мире, трансформированном магией и сверхъестественным. Эта эпоха принадлежала джиннам в особенности, их любовь к созиданию произвела несчетное количество чудес. Египет был теперь одной из великих держав, а Каир — его пульсирующим сердцем.

— Что насчет тебя? — спросил Асим. — Этот город лучше, чем та песчаная ловушка, которую саиди называют домом?

Фатима отвела взгляд от мужчины, что лишь заставило его ухмыльнуться.

— Когда я училась в женском колледже в Луксоре, я мечтала приехать в Каир — ходить в кофейни, посещать библиотеки, встречать людей, прибывших отовсюду.

— А теперь?

— Теперь я такой же циник, как все остальные каирцы.

Асим рассмеялся:

— Такой уж город.

Он сделал паузу, прежде чем наклониться, — в глазах блеск, и эти его смехотворные усы начали подергиваться. Что означало: он собирался задать дерзкий вопрос. Или глупый.

— Всегда хотел спросить — почему английский костюм? — Он указал на ее одежду. — Спасибо джиннам, мы их отогнали. Обратили в бегство на их холодный, тоскливый островок. Так зачем одеваться как они?

Фатима щелчком приподняла поле своего черного котелка, закинула ногу, чтобы продемонстрировать пару брогов:

— Завидуешь, что я стильнее тебя?

Асим фыркнул, потянул за полы своей слишком тесной униформы, на которой виднелись пятна пота, оставленные летней ночью.

— Моей дочери двадцать один — всего на три года младше тебя. И все еще не замужем. Мысль о том, что она ходит по этим улицам с открытым лицом, словно низкосортная заводская женщина… Там у всех мужчин грязные мысли!

Фатима уставилась на полицейского. Он считал, что у *других* мужчин грязные мысли?

— Если бы я назвал свою дочь в честь дитя

Пророка, да пребудет он с миром, — продолжил тот, — я бы хотел, чтобы она почитала это имя.

— Значит, хорошо, что я не твоя дочь, — сухо заметила агент. Из нагрудного кармана она достала золотые часы, оформленные в виде астурлаба. — Мой отец — часовщик. Он дал мне их, когда я покинула дом. Сказал, Каир живет так быстро, что они мне понадобятся, чтобы выдерживать его ритм. В молодости он сюда приезжал и потом рассказывал нам бесконечные истории о механических чудесах джиннов. Теперь хвастает каждому, кто готов слушать, своей дочерью Фатимой, живущей в городе, о котором он все еще грезит. Он это видит как прославление Пророка, да пребудет он с миром.

— Что ж, ладно. Оставлю защиту доброго имени семьи твоему отцу. Ты так и не ответила мне насчет костюма, — поджал губы Асим.

Фатима закрыла часы, положила их в карман и снова откинулась на спинку сиденья.

— Когда я была в школе в Луксоре, мне попадались те фотографии англичан и французов, посещавших Египет до появления джиннов. Большинство были в костюмах. Но иногда они надевали джеллабу и куфию. Я выяснила, что они называли это «отуземиться». «Чтобы экзотично

выглядеть», — говорили они.

— И как? — вмешался Асим.

— Ты о чем?

— Экзотично они выглядели?

— Нет. Просто смехотворно.

Асим фыркнул.

— Как бы то ни было, когда я купила первый костюм, английский портной спросил меня, почему я решила его носить. Я ответила, что хочу экзотично выглядеть.

Мгновение Асим смотрел на нее с открытым ртом, а затем взорвался лающим смехом. Фатима улыбнулась. Эта история срабатывала каждый раз.

Экипаж выехал на мост, ведущий в округ Аль-Джазиры, где два стальных льва охраняли вход. Подобные декорации были выпендрежем богатеев в этом процветающем островном районе. Они проехали по широким улицам с красивыми домами и виллами и остановились перед высоким зданием полированного белого камня в форме U, окруженного разросшимся садом, — когда-то оно служило летним дворцом старого хедива. Теперь здесь обитал другой жилец.

Асим нервно разглядывал величественное здание.

— Ты уверена, что стоит идти в такое время?

Выбравшись из экипажа, Фатима присоединилась к инспектору.

— Их вид не спит. — Следователь кивнула на две обтекаемые фигуры, рысящие в их сторону. Они выглядели как шакалы, сконструированные из черного и золотого металла, только с крыльями, сложенными на спинах. Механические твари подбежали на своих длинных лапах, чтобы проинспектировать новоприбывших, с каждым движением в их телах вращались шестеренки. Видимо, удовлетворенные, шакалы развернулись, словно приглашая следовать за ними.

Небольшая группа пересекла большой ухоженный сад, прежде чем подняться по лестнице и войти в высокую дверь. Внутри летний дворец старого хедива казался артефактом прошлого столетия: арабский, турецкий и неоклассический стили собрались под одной крышей. Пол был изготовлен из мрамора, где белые и коричневые плиты располагались шахматным узором, тогда как прямоугольные колонны поддерживали золотой потолок с геометрическим орнаментом. Мебель, декорировавшая интерьер ранее, заменили конструкциями из камня, дерева и железа. Фатима узнавала изобретения разных

эпох. Агент прошла мимо полной копии старого многоковшового гребного колеса и бросила взгляд на детальный набросок воздушного винта, занимающего часть стены. Это место напоминало музей.

Они остановились у следующих дверей, которые распахнулись перед их механическими проводниками, открывая залитую светом комнату под стеклянным куполом. Воздух наполняла странная смесь тоскливых грегорианских хоралов, энергичных нашидов и незнакомых Фатиме мелодий. Они разносились от огромного дерева из полированной стали. Под его широкой кроной стояла пара бронзовых автоматов, сделанных в виде мужчины и женщины. На распростертых над ними ветвях, меж металлическими зелеными листьями, качающимися, словно на ветру, сидели пестрые механические птицы. Из открытых клювов, в такт вихрю света, звучала музыка, будто тысяча светлячков двигались в едином ритме.

Под деревом высокая фигура изучала странную структуру из шестерней — часть из которых были массивными, а другие маленькими и деликатными, как монета. Каждую деталь вырезали с тщанием, так что их зубцы сливались в единое

целое. Поверхности шестерней покрывали выгравированные символы, в некоторых следователь узнала цифры. Когда они подошли, высокая фигура оторвалась от изучения и повернулась.

Только усилием воли Фатима подавила возглас изумления, подобный тому, что сорвался с губ Асима. Это всегда было странным опытом — оказаться в присутствии ангела — или, во всяком случае, существа, которое себя таковым называло.

Они появились после джиннов, внезапно и без предупреждения. Подтверждению их статуса было посвящено множество дебатов. Коптская церковь утверждала, что они не могут быть ангелами, ибо все божественные сущности обитают в небесах с Богом. Улемы также провозгласили, что истинные ангелы не имеют свободной воли, а значит, не могли самостоятельно принять решение появиться в этом мире. И те и другие сделали осторожные заявления, где наконец назвали их «потусторонними сущностями». Самопровозглашенные ангелы сохраняли по этому поводу молчание — не подтверждая заключений обеих религий и отказываясь раскрывать свои мотивы.

В отличие от джиннов, их тела казались почти

эфемерными, словно свет обратился в плоть, и требовали каркас, который бы их вмещал. Этот ангел возвышался, по крайней мере, на двенадцать футов, его тело было сложной конструкцией из железа, стали и шестерней, имитирующих мышцы и кости. Четыре механических руки простирались из покрытых бронзовой броней плеч, в то время как сверкающие платиновые крылья с карминным и золотым отливом лежали на спине. Лишь подобное удивительное произведение механики бессмертному и приличествовало.

— Добро пожаловать в мой дом, дети, — произнес ангел мелодично позвякивающим голосом. Его лицо скрывала полупрозрачная алебастровая маска с губами, застывшими в неизменной слабой ухмылке — возможно, для того, чтобы расслабить окружающих. Из овальных отверстий, заменявших глаза, лилось сияние, словно под маской скрывалась звезда. — Да обретете вы покой и познаете славу Его. Вы пришли к Творцу. Явите же себя и ваши нужды, и Творец поможет вам, чем сумеет.

Как и джинны, своими именами ангелы не делились. Вместо этого они выбирали титулы, подчеркивающие их предназначение. Творец сумел монополизировать бизнес по созданию

механических тел для своих собратьев — работа, которую нельзя было оставлять в руках джиннов.

Фатима выступила вперед.

— Ас-саляму алейкум, Творец. Я агент эль-Шаарави из Министерства алхимии, заклинаний и сверхъестественных сущностей, а это инспектор Шариф из полиции Каира. Мы не хотели помешать вашей работе. — Она сделала паузу, с любопытством осматривая высокий механизм, которым занимался ангел. — Это… какие-то часы?

Творец склонил голову, затем кивнул.

— Это инструмент времени, да. Ты наблюдательна. — В голосе прозвучало удивление.

— Я выросла рядом с часами и часовыми механизмами, — объяснила Фатима. — Но эти выглядят так, будто делают нечто большее, чем фиксируют местное время.

— Разумеется, — ответил ангел, обернувшись, чтобы взглянуть на свое творение. — Они будут замерять само преобразование времени. Не только здесь, но через пространства и расстояния, разом собирая все время в одном месте. Им суждено стать величайшими часами этого мира, или, возможно, любого другого.

Фатима подавила улыбку, услышав очевидную гордость в его голосе. Первое неписаное правило расследования — если нуждаешься в информации, следует польстить своему источнику. В этом смысле бессмертные не отличались от остальных. Конкретно этот на самом деле выглядел очень довольным собой.

— Они будут великолепны, когда будут закончены, — сказала она.

Творец вновь повернулся к агенту и кивнул.

— Я думаю, будут. И что вас привело сюда, следователь?

Фатима повернулась к Асиму, но мужчина зачарованно уставился на ангела. Похоже, разговор придется вести ей. Она кратко пересказала события ночи. Ангел слушал молча, без эмоций на неменяющемся лице.

— Творцу грустно слышать о подобных бессмысленных деяниях, — сказал он, когда Фатима закончила. — Иногда кажется, что суть этого города заключается в бойне.

— Вы имеете в виду атаки гулей?

— Гули, чародеи, нечистые духи и другие дурные вещи. Отметина аль-Джахиза все еще лежит на смертном мире. Я часто страшусь, что не к добру.

— Нас в министерстве она обеспечивает работой.

Если Творец и понял шутку, вида он не подал. Фатиме стало интересно, существуют ли задокументированные случаи ангельского смеха.

— Твой мертвый джинн, — сказал он. — Они непредсказуемые создания. Низшие существа, это нужно понимать. Лишь немногим выше смертных. Их часто поглощают страсти.

— Точно, — ответила Фатима, игнорируя проскользнувшее в комментарии оскорбление. — Но суицид?

— Джинны часто ведут войну со своим видом. Разве трудно поверить, что они способны отнять собственную жизнь?

Фатима не могла не согласиться. Ей доводилось вмешиваться в джиннские разборки — грязное дело. Но здесь скрывалось нечто большее. Она ткнула локтем Асима, который оторвался от своего восхищения, чтобы развернуть сунутый под мышку пакет. Перо.

— Кроме того, среди имущества джинна мы обнаружили этот предмет. Вы его узнаёте?

Ангел спланировал к ним, скользя как ветер над водой. Он ухватил перо механическими пальцами и приблизил к глазам для осмотра.

— Творец знает каждую шестеренку, каждое колесико, каждую деталь, что собраны вместе, формируя сосуд. Творец знает это перо. И оно было найдено у мертвого джинна?

Фатима кивнула:

— Мы знаем, что ваш вид легко от таких вещей не отказывается. Подумали, может, разговор с его хозяином принесет какие-то ответы.

Творец еще долго рассматривал перо с видимой задумчивостью. Ангелы были известны своей скрытностью. Она бы не удивилась, если бы он попросту отказался помочь.

— Творец назовет имя того, для кого было изготовлено это тело, — наконец сказал он. — Пусть это тебе поможет. Его называют Жнецом. Ты найдешь его на кладбище.

Фатима выдохнула с облегчением.

— Благодарю вас, — сказала она. Затем, внезапно вспомнив: — Еще один момент. Вы случайно не знаете, чем бы это могло быть?

Она протянула рисунок четырех загадочных глифов из апартаментов джинна. Один взгляд сияющих глаз и пауза.

— Глифы, — ответил он просто.

— Разумеется. — Фатима разочарованно спрятала рисунок. — Ну, еще раз спасибо за вашу

помощь, Творец. Ночного покоя вам.

— И вам. Ступайте в милости Его. — С этим ангел отвернулся от них и продолжил обследование незавершенного устройства. Сигнал, что их встреча закончена.

Когда они покинули дворец и вышли в ночь, Асим впервые заговорил:

— Кладбище? Он имеет в виду…

— Город Мертвых, — закончила Фатима. — Похоже, нам предстоит поездка в трущобы.

* * *

Когда они добрались до места назначения, и Фатима ступила на пыльную улицу, она пожалела, что не надела менее дорогую обувь. Временами казалось, что эту часть Каира внешний мир не затронул. Большинство людей избегали Города Мертвых. Сюда приходили мистики, чтобы получить нужное благословение. Другие оказывались здесь, потому что им некуда было больше пойти. Они жили в самодельных хибарах или в тесном пространстве гробниц, построенных сотни лет назад. Для ангела странно называть подобное место домом. Но их мотивы трудно было понять.

Пока Асим задавал вопросы местным, Фатима всматривалась в лица, выглядывающие из разва-

ленных домов. Из одного из них агенту ответил любопытным взглядом маленький мальчик без двух передних зубов. Следователь улыбнулась, но это лишь заставило его исчезнуть в тенях. Здесь все были на пределе. Она вернулась к Асиму, выслушивавшему, как старик с густой белой бородой жалуется на новые атаки гулей и исчезновения.

— Гули забирают людей! — кричал тот, потрясая кривой палкой, которую, похоже, использовал в качестве клюки. — Мы подавали заявления, но никто не приходит! Нас оставили здесь разбираться самим! — Еще несколько человек подхватили крик, изливая свое недовольство. Смущенный Асим уверил их, что пришлет людей. Но его подняли на смех, и кто-то отпустил грубую шутку о полицейском, который снова и снова загадочно терялся в борделе. Толпа взорвалась хохотом. Когда Асим попытался нанять проводника, охотников не нашлось. Вместо этого они просто указывали вправо.

— Каждый каирец — комик, — бурчал инспектор, когда они уходили. — Никогда не видел, чтобы трущобные крысы отказывались от денег.

Фатима не ответила. Несмотря на шутки, лица, которые она видела, были отмечены страхом. И

неудивительно, учитывая истории об исчезновениях и гулях. Вполне достаточно, чтобы любого испугать.

Сквозь уединенную часть Кладбища они добрались до одного из самых больших мавзолеев, стоявшего в отдалении. Путь был ухабистым и неровным, так что Асим освещал дорогу фонарем, купленным у местного. Как большинство гробниц, мавзолей состоял из осыпающегося поблекшего камня, когда-то обильно декорированного. Его крышу венчал округлый купол, все еще впечатляющий даже в своем вырождении. Они подошли к деревянной двери, подписанной белым мелом. Жнец.

— Что это за имя? — прошептал Асим. — Что он жнет?

Фатима покачала головой, не уверенная, что ей хотелось бы узнать. Следователь постучала в дверь. Когда ответа не последовало, постучала еще раз, позвала. Только тишина. Она схватилась за ручку, толкнула дверь, и та подалась. От хлынувшего запаха заслезились глаза.

— Смертью воняет! — Асиму стало плохо.

«Не только смертью», — подумала Фатима, прикрывая нос платком. Пахло мертвыми. Она осторожно ступила в темноту. Свою трость агент

оставила у двери, вцепившись вместо нее в выданный министерством револьвер. Забрав у Асима фонарь, она посветила по сторонам и замерла.

Ангел сидел, привалившись к стене. Или, вернее, его тело — павший гигант из железа и стали. Безжизненный механический каркас лежал с огромной дырой в груди. Сам ангел исчез.

— Такое ощущение, что его… разорвали, — потрясенно сказал Асим. Он указал на исковерканный металл, который будто вскрыли голыми руками.

Фатима направила свет фонаря на пол, где лежала разбитая алебастровая маска ангела. Там было что-то еще. Агент наклонилась ближе. Глифы, знакомые глифы, вытравленные белым. Загибающиеся рога. Серп. Крючковатый топор. Даже полумесяц, опутанный извивающейся лозой. Те же самые, что в жилище джинна. Она собиралась указать на них Асиму, когда тени в углу ее зрения зашевелились. Это было единственным предупреждением.

Нечто схватило ее за руку, сжав так сильно, что она закричала от боли и уронила фонарь. В поле ее зрения появилось безглазое, светло-серое лицо с щелкающими почерневшими зубами. Гуль.

Фатима потянулась за револьвером — но существо развернуло ее, словно куклу, утягивая вниз, с силой швыряя об пол. Она хватала воздух ртом как от ужасного удара, так и от жгучей боли в плече. Гули были мертвыми, но неестественно сильными. Этот может оторвать ей руку, если она не вырвется. Реагируя уже на рефлексах, следователь схватила первую попавшуюся вещь на своем поясе. Джамбия. Она выхватила ее из ножен, высоко подняла и широко взмахнула. Клинок блеснул во тьме, рассекая гнилые мышцы и кость. Предплечье гуля отвалилось, плюхнувшись на пол рядом с агентом с тошнотворным шлепком, прежде чем превратиться в черный пепел.

Освободившись, она на четвереньках поползла к фонарю. Рычание еще одного гуля и звуки борьбы заполняли темную комнату. Асим был занят. Добравшись до фонаря, Фатима схватила его и высоко подняла. В свете она увидела однорукого гуля, с ненавистью смотрящего на нее из-за бесцветного клочка кожи, где должны были находиться глаза. Его рот застыл в болезненном оскале, и нежить прошипела:

— Возрождение!

Затем он бросился вперед, оставшаяся рука тянулась к ней подергивающимися пальцами.

На этот раз револьвер Фатимы был наготове, и его длинный тонкий ствол направлен на противника. Следователь выстрелила в голову — единственный способ остановить гуля. Тот упал замертво, будто марионетка, чьи струны были перерезаны.

Когда на ее плечо опустилась рука, агент резко развернулась, вскидывая револьвер. За спиной стоял Асим, из раны на его голове сочилась кровь.

— Гули, — сказал он, дрожа. Фатима заметила, что на нее инспектор не смотрел.

Обернувшись, она снова подняла фонарь. Свет озарил возвышающуюся стену переплетенных, голых, бледно-серых тел, изуродованных магией, которая превратила трупы в насмешку над жизнью. Колышущаяся масса жалась друг к другу, почти не обращая внимания на двух живых существ. Казалось, они были заняты, разделяя между собой нечто слабо светящееся в их удлиненных пальцах, жадно пожирая этот свет.

— Плоть ангела, — прохрипел Асим. — Они пожирают…

Фатима почувствовала, как свело живот. Хватит. Она подняла револьвер и выстрелила. Раз, два, три раза. К ней присоединился Асим. Гули

завизжали, посыпались на пол, словно сраженные насмерть. Затем, как один, вся стена гулей обрушилась, и масса хлынула к ним бледным мертвым морем.

Фатима отступила, готовя джамбию к бою. Но атака так и не состоялась. Гули проносились мимо, обтекая их с Асимом, будто два острова на пути. Их животы были раздуты, натянуты до предела, но они резво скакали прочь, иногда на всех четырех, как животные, убегая в ночь через переднюю дверь. И единственным звуком было их пыхтение.

— Мы еще живы? — прошептал Асим в тишине.

Фатима с облегчением выдохнула. Они остались в живых, но теперь у них было больше вопросов, чем когда они начинали.

* * *

Фатима хмурилась, глядя в остывающую чашку кофе. Она подумывала вызвать автоевнуха, чтобы ее подогреть. Но, по правде говоря, агенту не очень и хотелось пить. Ее взгляд обратился к окну ночной абиссинской кофейни с золоченой амхарской вывеской.

— Наши люди излазили весь мавзолей, — го-

ворил Асим, шумно пережевывая пахлаву с начинкой. — Они подтвердили, что этот Жнец — он был нашим некромантом.

Фатима не нуждалась в подтверждении. Она видела инструменты и заклинания в мавзолее, включая копию «Китаб аль-Кимья». Некроманты использовали извращенную форму таквина, чтобы делать гулей, обычно из трупов. Но то, что она видела этой ночью, объясняло атаки. Жнец отправлял своих прислужников похищать живых людей, свежие тела для изготовления гулей. То место было лабораторией для создания нежити.

— На самом деле они не ангелы, — напомнила себе Фатима.

— Разумеется. — Асим выдергивал крошки пахлавы из усов. — Ну чем бы они ни были, падшими они, похоже, стать могут. Создания Жнеца обратились против него. Есть в этом нечто философское, как думаешь?

— Чтобы стая гулей победила одного из них? Скорее сомнительное, чем философское.

Асим пожал плечами.

— Ты видела то же, что и я. Они… им кормились. — Он скорчил гримасу, но аппетита не утратил.

— И те же гули просто нас отпустили.

— А ты бы предпочла, чтобы напали? Может, они объелись!

— Что говорит Ангельский Синедрион?

Ухмылка Асима сама по себе была ответом.

— Конечно, — пробормотала она. — Молчат, как обычно.

— Как всегда, — исправил он. — Высшие создания к нам не снисходят. — Он целиком запихнул в рот еще одну пахлаву. — Зато Хартум ответил насчет нашего мертвого джинна Сеннара. Оказалось, его изгнали. Шейх обвинил его в «неподобающих практиках».

— Что это означает? — поморщилась Фатима.

Асим стряхнул с пальцев сахарные крошки.

— С этими революционными суфиями, кто знает. Все эти мистическо-политические разговоры вызывают у меня головную боль. Некоторым только дай Маркса почитать…

— Значит, смерть Сеннара признали суицидом?

— Ты сама так решила, — напомнил ей Асим.

— Но мы ничего не узнали. Что произошло с его кровью? Те глифы — в мавзолее — были такие же. Мертвый джинн и мертвый ангел? Это не совпадение. Здесь какая-то связь.

Асим вздохнул и откинулся на спинку стула,

сложив руки на груди.

— Может, ты права. Но какую бы связь они ни разделяли, они унесли ее с собой в… куда отправляются такие, как они, когда умирают. Аллах даст, этим дело и закончится.

Фатима подалась вперед:

— Но что, если нет? — Она понизила голос: — Я рассказывала, что говорил тот гуль. «Возрождение». На картине с черным озером в квартире джинна было то же слово.

Асим недовольно поморщился:

— Я ничего этого не слышал. К тому же гули не разговаривают. Они просто… — Он сделал рычащее лицо и скрючил пальцы в пантомиме. — Много чего происходило. Может, его слова тебе почудились.

Фатима насупилась над своим кофе. Асим был прав. У гулей едва сознание было, что говорить о разуме. Они не говорили. Они никогда не говорили. Только этот. Может, ей *действительно* почудилось?

— Что насчет сбежавших гулей?

— Наши люди на них охотятся. Скоро их найдут. Вечно с этими гулями проблемы. Спасибо, аль-Джахиз. — Асим вытер руки и поднялся. — В любом случае каирская полиция считает дело

закрытым. И некроманта остановили в процессе. Неплохая работа для одной ночи.

Фатима насупилась еще сильнее:

— Министерство телеграфировало мне то же самое.

— Значит, так я и поступлю. Пойду домой. Посплю. Бумажной работы с утра будет больше чем достаточно. Современный мир любит бумажную работу. Еще одна вещь, о которой моему деду не приходилось переживать. — Он вздохнул. — Храни тебя Аллах, следователь.

— Храни тебя Аллах, инспектор.

Когда он ушел, Фатима продолжала сидеть, пытаясь соединить детали прошлой ночи. Но они просто не сходились. Следователь работала с пазлом, не зная, как выглядит целое, и это ни к чему не вело. Она запустила руку в волосы под котелком, сначала в раздражении, а затем в смирении. Положила несколько купюр на стол и вышла из кофейни в ночь. Может, она и примет совет Асима.

Достав карманные часы, агент щелкнула крышкой. Вслед за медленным движением полумесяца на вращающихся шестеренках раздавалось приглушенное тиканье. Все еще несколько часов до рассвета, хотя эта часть делового центра Каира,

кажется, никогда не спала. Фатима вернула часы на место, пытаясь решить — вызвать экипаж или поехать на воздушном трамвае, когда кто-то в нее врезался. Мужчина, одетый в черное. Контакт продолжался мгновение, прежде чем он исчез, даже не извинившись, оставив ее злиться на грубость. Иногда этот город…

Фатима остановилась, когда рука нащупала пустоту в нагрудном кармане. Часы пропали. Карманник! Ее обнес проклятый карманник!

Сыпя проклятиями, она развернулась и просканировала ночную улицу. Что-нибудь менее важное она бы спустила с рук, но не часы! Небольшие группы посетителей перемещались между ночными кальянными или рынками. Но своего вора агент обнаружила без особого труда — на другом конце улицы. Он остановился, насмешливо поболтал часами на цепочке и бросился прочь.

Фатима зарычала и рванула в погоню. Может эта ночь стать еще хуже? Мужчина бежал быстро, но и она не отставала — даже в неудобных туфлях. Следователь догоняла его без труда, расталкивая перепуганных прохожих. Когда карманник внезапно исчез за углом, она последовала за ним и обнаружила себя в переулке. Он вел к стене,

размер которой скрывали тени. Фатима выхватила револьвер, вспомнив, что в ночном Каире скрывались существа похуже воров.

— Я только хочу вернуть часы! — выкрикнула она. «И отвесить пару хороших пинков». — Просто отдай их. Я вооружена!

Агент вошла в переулок. Единственным звуком было цоканье ее туфель по каменной брусчатке. И слабое дыхание. Не ее. Фатима резко развернулась, когда фигура в черном выступила из теней. Как он оказался позади нее? Лицо карманника скрывалось под платком черной ткани, не открывая ничего, кроме острого взгляда.

— Ни шагу! — приказала она, поднимая револьвер.

Фатима моргнула. И в это мгновение он напал. Так быстро! Револьвер был отброшен чем-то острым, бесполезно бряцая по камням. Она заметила блеск стали. На пальцах мужчины были закреплены загибающиеся серебряные лезвия. Это когти? У нее не хватало времени на мысли, он снова атаковал, широко взмахнув рукой и рассекая ткань на ее груди. Агент охнула. Только не костюм!

Фатима решительно бросилась в атаку, орудуя тростью — укол, финт, взмах, удар. Она не про-

сто так таскалась с проклятой штуковиной! Ее противник парировал когтями, высекая искры каждый раз, когда они встречались с металлической тростью. Несмотря на риск, Фатима удерживала бой на близкой дистанции в поиске возможности для точного удара.

Следователь не заметила подсечку, сбившую ее с ног. Она тяжело рухнула, и противник набросился, придавил своим весом — прижимая к шее черный нож. Фатима перестала сопротивляться, вглядываясь в темные блестящие глаза. Когда мужчина опустил к ней лицо, агент напряглась, ожидая удара. Но вместо этого услышала почти кошачье мурлыканье:

— Впечатляет, — прозвучал сексуальный голос. Определенно не мужчина. Значит, женщина. Глупая ошибка. — Не ожидала, что ты так долго продержишься. Милая мальчишечка. — Она провела острым когтем по яремной вене Фатимы. — Я позволю тебе снова со мной покувыркаться, если пообещаешь, что будешь в одном из своих чудных костюмчиков. — Ее глаза сузились. — У нас есть кое-что, чего ты хочешь.

«У *нас*?»

— Мои часы имеешь в виду? — сердито спросила Фатима.

Женщина уронила золотые часы на ее грудь.

— Кое-что другое. Кое-что, что ты и инспектор пропустили. — Ее голос перешел в шепот. — Возрождение!

Глаза Фатимы округлились. Но прежде чем следователь успела спросить, в ее руку вложили предмет.

— Приходи в Дом Владычицы звезд, — сказала женщина. — И посмотри наши товары.

Затем она вскочила, в потрясающем кульбите запрыгнула на стену и начала карабкаться, прижимаясь к ее поверхности. Фатима поднялась на ноги, наблюдая за невозможным подъемом женщины. Когда та добралась до вершины, то подтянулась и перебросила себя на крышу, задержавшись на козырьке, чтобы бросить насмешливый взгляд, прежде чем умчаться прочь.

Пока смотрела, Фатима потянула шею. «Магия». Без нее никто не сумеет так двигаться. Она взглянула на предмет в руке. Бронзовая монета. На одной стороне была выгравирована корова, а на другой изображалась женщина. На ее лице была приятная улыбка, а из головы росли два изгибающихся рога с диском между ними. Фатима узнала символ без труда. И это означало, что сон подождет. Пришла пора отправиться к гадалке.

* * *

Фатима протискивалась в толчее рынка Хан-аль-Халили. Мимо проплыла пара женщин в длинных парижских платьях и вуалях чистой белизны, обе окруженные отрядом стражей. Поздние вылазки богатых в места попроще в последнее время вошли в моду. И Хан-аль-Халили стоило посетить. Для одного из старейших базаров в Каире появление газового освещения означало, что закрываться больше не придется — и он редко бывал закрыт.

Дневные торговцы уходили вечером, а ночные наполняли рынок в сиянии газовых ламп. В магазинах или на простых деревянных лотках товары теснились на полках, расползались по столам или собирались грудами в каждом доступном месте — от позолоченных латунных ламп, болтающихся на цепочках, до барометрических приборов для двигателей на дирижаблях. Даже в этот час базар на открытом воздухе был какофонией перебранок и торгов, окутанный ароматом острых приправ, выпечки и сладкого масла. Он ошеломлял.

Фатима все это оставила, спустившись в узкий проход, ответвляющийся от основного рынка.

Дом Хозяйки звезд делил витрину с аптекой. Один вход вел в пространство, заполненное бушелями жгучих трав, тогда как в другом виднелась дверь гадалки. Ее отмечал большой глаз небесно-синего цвета, окруженный золотыми звездами и красными свечами.

Зайдя внутрь, Фатима обнаружила старую женщину, сидящую за столом с маленькой девочкой, — странным образом бодрствующей в эти предрассветные часы. Все внимание обеих было обращено на прямоугольную доску в клетку, на которой стояли фигуры разных форм. Сенет. В Египте точные правила игры были позабыты около двух тысяч лет назад. Но Фатима не удивилась, увидев ее здесь.

Старая женщина подняла глаза, ее темная кожа сморщилась в улыбке.

— Мир тебе, дочь моя, и добро пожаловать в Дом Владычицы звезд. Чем могу…

Фатима перебила ее, протянув бронзовую монету.

— Мерира, — потребовала она.

Улыбка старой женщины исчезла вместе с морщинами, взгляд стал острее.

— Молодежь совсем позабыла о вежливости в разговоре со стариками вроде меня? — проскри-

пела старуха.

Фатима почувствовала, как заполыхало лицо, и покачала головой, устыдившись.

— Прошу прощения, тетушка. Ас-саляму алейкум. Я пришла поговорить с хозяйкой дома, Мерирой.

Старая женщина одобрительно кивнула:

— Хорошо, дочь моя. Ты можешь войти. Мерира тебя ожидает. — Она повернулась и жестом показала Фатиме двигаться за ней. Маленькая девочка смотрела им вслед, ее юные глаза были подведены черной сурьмой. Они прошли сквозь длинную занавесь из синих и золотых бусин, прикрывавшую узкий коридор и дверь в его конце. Старушка выстучала длинную кодовую дробь, после чего та открылась.

Фатима вошла в скрытую комнату, освещенную ярко горящими лампами. Она была богато декорирована, со столами красного дерева и подушками на стульях. На стенах красовались цветистые символы, не использовавшиеся столетиями, рядом висели фрески с древними королями и королевами, затерявшимися во времени.

В комнате было около десятка людей, все женщины, все в просвечивающих белых одеждах.

Некоторые собрались в небольшие группы, общаясь на приглушенных тонах. Другие, казалось, исполняли ритуал, звоня в колокольчик и сжигая благовония с горьким запахом под песнопения. Но сильнее всего внимание привлекала высокая черная статуя из гранита, изображавшая сидящую женщину, ту самую — с монеты. Ее голову украшали выгибающиеся рога с диском посередине. Хатор. Владычица звезд.

Прибытие в мир джиннов, предполагаемых ангелов и магии многих обратило в веру, но это привело к сомнениям в вере других. Появились последователи альтернативных философий — эзотерические мистики и спиритуалисты. Прошло не так много времени, прежде чем некоторые обратились к наиболее древним религиям Египта. Их обвинили в идолопоклонничестве, заставили уйти в подполье, где они могли встречаться, не опасаясь гонений. Скрытность язычников не позволяла установить их количество. Но министерство подозревало, что их ряды исчислялись в тысячах — и продолжали расти.

Фатиму подвели к широкому дивану, где ожидала почтенная женщина в золотом плиссированном платье. Она была в черном парике с ниспадающими на плечи косами; пальцы,

изукрашенные хной, раскладывали карты. А на коленях развалился черный кот, в чьи уши и нос были вставлены золотые серьги, а шею украшал ошейник из лазурита.

Справа от нее стояла поразительно высокая женщина с мраморной кожей цвета аквамарина и нефритовыми глазами, чье тело казалось таким же эфемерным, как ее прозрачное белое платье, развевающееся на невидимом ветру. Джинн. Джанн, если точнее, одна из элементалей. Не слишком удивительно. Джинны могут принадлежать к любой вере, и порядочное их количество оказалось среди последователей старых религий.

Слева от нее стояла более юная женщина с гривой кудрявых волос и в обтягивающем багровом платье. Высокая, со стройной мускулистой фигурой, она лениво опиралась на стену, поигрывая знакомым черным ножом. Фатима встретила взгляд: почти такой же темный, как кожа. Очень знакомый. На ее губах играла легкая улыбка.

— Ас-саляму алейкум, следователь, — позвала ее сидящая женщина, привлекая внимание. — Садись, пожалуйста.

Фатима неохотно приняла приглашение.

— Мерира, — сухо поздоровалась она, пропус-

кая обычные любезности.

Мерира была жрицей местного культа Хатор, с которым Фатима сталкивалась раньше. В ее глазах жила забота, и казалось, что круглые щеки в любой момент поднимутся в улыбке. Но Фатиму это не обманывало. За материнским лицом скрывался стальной разум, работающий как хорошо отлаженный механизм.

— Ты злишься, — заметила жрица, глядя на Фатиму карими, подведенными голубой сурьмой глазами.

— В следующий раз, когда захотите меня увидеть, Мерира, можете просто прислать записку. — Агент бросила взгляд на женщину с ножом, которая лишь подмигнула в ответ.

Мерира приняла виноватый вид.

— Прости нас. Сити должна была только передать послание. Но в ней больше Сехмет, чем в большинстве из нас, и она бывает… слишком рьяной. — Жрица бросила на женщину неодобрительный взгляд, что наконец стерло ее улыбку.

«Сити?» — подумала Фатима.

— К чему все это, Мерира? Я думала, такие, как вы, не высовываются. Не бегают по городу, нападая на агентов министерства!

— Мы приближаемся к концу миров, — раздал-

ся гулкий голос джанн. — И час близок.

Фатима хмуро на нее посмотрела, а затем перевела вопросительный взгляд на Мериру.

— Ты многие вещи видела этой ночью, — сказала жрица. Она перевернула карты на столе, открывая их лица: пара изгибающихся рогов, серп, крючковатый топор и полумесяц, увитый лозой.

Фатима уставилась, не в силах оторваться от знакомых глифов. Она наклонилась, хватаясь за стол.

— Хватит игр, Мерира! Что вы об этом знаете?

От улыбки на щеках женщины проступили ямочки.

— Может, нас и загнали в тени, но Око Ра пронзает всё. — Она взмахнула рукой, и внезапно из-за угла вышла еще одна женщина. Как и остальные, она носила полупрозрачное платье, плотно облегающее ее полные формы. Она уселась рядом с жрицей, большие зеленые глаза на круглом лице с оливковой кожей оценивающе рассматривали Фатиму.

— Рика пришла к нам в поисках убежища, — сказала Мерира. — У нее были дела с неким джинном.

Фатима подняла брови. «Греческая любовница

мертвого джинна?» Должно быть, она. Женщина идеально подходила под описание Асима.

— Как вы оказались в этом замешаны?

— Я встретила Сеннара в борделе. — У нее был сильный акцент, определенно греческий. — Он меня выбрал. Сказал, что нравятся мои глаза. — Она пожала плечами. — Я играю роль, он платит. Но он стал одержим мной, начал требовать, чтобы он был единственным клиентом. Я была не против, пока он платил за мое время. Затем он начал спрашивать о других вещах. — Рика умолкла, оглянулась на Мериру, дожидаясь кивка. — Рассказывал о других мирах, — продолжила она. — Утверждал, что существуют места за гранью мира, из которого пришел он. Места, где жили боги. Боги, которые могли проклясть тебя безумием, если посмеешь произнести их имя.

— Я не понимаю. О чем вы говорите? — покачала головой Фатима.

Джанн скользнула вперед, указывая эфемерным пальцем на карту с полумесяцем, увитым лозой:

— Когда-то джинны поклонялись собственным богам, следователь, старым созданиям, обитающим за пределами Кафа в холодных и темных мирах. Разве ты не видишь их здесь? Возрождаю-

щимися из этой тьмы?

Фатима опустила глаза на полумесяц, впервые понимая, что он выглядит как нечто поднимающееся, словно восходящее над горизонтом солнце.

— Возрождение, — выдохнула она.

— Сеннар хвастал, что старые боги скоро сделают этот мир своим, — продолжила Рика. — Он сказал, что сможет умереть и жить снова. Пообещал, что я смогу остаться с ним, когда остальные погибнут. Могу быть его… любимицей. — Ее глаза вспыхнули гневом. — Он хвастался могущественными друзьями. Я попросила доказательство, и он показал перо. Вы его нашли, следователь? Там, где я его оставила?

Фатима потрясенно кивнула, глядя на гречанку новыми глазами. Асим ее недооценил.

— Почему вы не обратились в полицию? В министерство?

Круглое лицо женщины побледнело.

— Я? Подать заявление на джинна-марида? И его могущественных друзей? И что бы после этого произошло? Никакие темные боги меня бы не оживили. Когда этой ночью я нашла Сеннара, я знала, что процесс начался. Я сбежала. Сити — мой друг. Она привела меня сюда, чтобы спря-

тать. Я рассказала святой матери… жрице… все, что я знала.

— А теперь мы говорим тебе, — закончила Мерира.

— Что именно вы мне говорите?

— О старом джиннском пророчестве, — ответила джанн. — О пророчестве, исполняющемся этой самой ночью. В нем говорится, что нужны трое, кто принесет себя в жертву добровольно. — Она указала на карту с рогами. — Овен. Старый и могущественный. Его кровь была отдана первой.

— Сеннар. Обескровливающее заклинание.

Джанн кивнула.

— Второй пожинал мертвых, как фермер пожинает пшеницу. — Она указала на серп.

— Жнец, — вздохнула Фатима. — А крючковатый топор? Кто это?

— Не топор, — поправила Мерира. — Тесло. Древний инструмент. Орудие последнего из трех. Строителя. Его лица мы не знаем.

— Многие считают, что аль-Джахиз прорубил дыру в Каф, — продолжила джанн. — Но правильнее сказать, что он отпер дверь, отыскав определенную точку в пространстве и времени, уникальную для Каф. Это, в свою очередь, ослабило барьеры других измерений, позволив магии

и сущностям, помимо джиннов, отыскать путь в этот мир. За пределами миров существуют другие миры. Чтобы найти их замки, нужно знать их уникальные места в системе.

— Система Пересекающихся Сфер, — вспомнила Фатима. — Каждый второкурсник ее изучает на Теоретической Алхимии. Великая формула аль-Джахиза. Но никто не смог ее воссоздать. Даже джинны.

— Этот Строитель нашел способ, — сказала джанн.

— Как? — спросила Фатима. Мерира кивнула на Рику.

Женщина нервно облизнула губы:

— Я не очень понимаю. Сеннар называл это Часами Миров. Какая-то машина, говорил он, открывающая дверь к их темным богам. Это была работа Строителя.

У Фатимы отнялась речь. «Пространство и время, — повторила она про себя. — Машина, соединяющая все время в одном пространстве». И в этот момент последний кусочек головоломки лег на свое место. Или, скорей, последняя деталь. Она видела Часы Миров. Она стояла перед ними и не узнала их.

— Я знаю, кто такой Строитель, — прошептала

она. — И мы в беде.

* * *

Фатима крепко держалась за котелок, сжимая зубы на каждой встряске двуместного глайдера, несущегося высоко над Каиром. Рядом с ней хохотала Сити, бросая аппарат в резкие виражи, заставляющие его крылья трепетать на ветру.

— Не любишь летать, милаха? — Женщина перекрикивала рокот двигателей, уставившись на Фатиму из-за выпуклых летных очков.

Фатима не ответила, вместо этого сосредоточившись на удержании последней трапезы в животе. Она собиралась поймать экипаж, но Сити настаивала на более быстром транспорте. И время было не на их стороне. Когда они пролетали над островным районом Аль-Джазиры, агент указала на место назначения, и глайдер нырнул. Спуск был быстрым, и Фатима ощутила, как ее желудок поднялся к горлу. Сити возле нее только рассмеялась. Может, эта женщина так развлекалась? Когда следователь уже думала, что ее наконец вырвет, они приземлились. Или, скорее, несколько раз отскочили от земли, и каждый из этих ударов был устремлен точно в живот Фатимы. Агент не выдыхала, пока аппарат

не остановился.

— К передней двери? — спросила она, спрыгивая на дрожащих ногах.

— Люблю прямой подход, — ответила Сити. Язычница переоделась в плотно обтягивающие бежевые брюки, заправленные в крепкие ботинки из коричневой кожи. Поверх она накинула красный стеганый кафтан мамлюков, подвязанный широким кушаком.

— Ты не обязана идти со мной, — сказала Фатима, вынимая револьвер. — Полиция в пути.

Сити бросила на нее насмешливый взгляд и достала из глайдера длинную винтовку с линзами.

— Мерира послала меня помочь. В этой стране уже достаточно богов. Нам не нужны эти темные выскочки. Кроме того, инспектор Шариф и его люди не прибудут, пока не станет слишком поздно. — Она сверкнула улыбкой. — Не стоит пренебрегать партнерами перед концом мира.

Фатиме пришлось признать, что женщина права.

— Пошли тогда. — Она посмотрела на длинную винтовку. — И держи эту штуковину наготове.

Второй раз за эту ночь агент шла к летнему дворцу старого хедива. Когда они приблизились, из сада показались механические шакалы, двига-

ясь навстречу. Но на этот раз они не рысили — но бежали, изящные и целеустремленные.

Когда один из них расправил крылья и взлетел, выстрел из винтовки Сити быстро вернул его на землю дымящейся грудой искореженного металла. Фатима выждала, пока второй приблизился, прежде чем выстрелить ему в стеклянный глаз, затем отбросила механическое тело тростью.

Сити пнула железную тушу.

— Похоже, нам не рады. Два ангела свихнулись в одну ночь. Уверена, что это рекорд.

— Они не ангелы на самом деле, — ответила Фатима.

Оставшуюся часть сада они пробежали с оружием наизготовку, пока не достигли передних дверей дворца. Фатима посмотрела наверх в поисках первых признаков рассвета. Джанн ясно дала понять, что Часы Миров должны быть запущены, когда восходит солнце. И этого нельзя было допустить. В конце вестибюля они подошли к дверям из красного дерева. Дождавшись готовности Сити, Фатима их распахнула. Женщин приветствовала ужасающая сцена.

Часы Миров стояли там, где следователь видела их в последний раз, — огромное устройство из шестеренок и маховиков. Только теперь они шли

с гармоничным тиканьем точности, и отметки на их огромных циферблатах ярко сияли. Темно-синяя жидкость очерчивала машину кругом. Фатима предположила, что это кровь джинна. Тела гулей, насыпанные грудой изломанных конечностей, образовывали более широкий круг. Их головы были удалены, а животы вспороты, открывая поглощенную плоть ангела. Вот, что осталось от Овна и Жнеца, предложивших себя в жертву.

Посреди этого кошмара стоял Строитель — Творец.

Вид ангела внушал страх. Три его руки держали изогнутые ножи, измазанные в крови. В четвертой висело обмякшее тело обезглавленного гуля. На их глазах он выпотрошил существо, расплескивая сияющее содержание его живота.

— Творец! — выкрикнула Фатима. Ангел повернулся, его алебастровая маска была как всегда спокойна. Он уронил гуля на пол и, широко расправив металлические крылья, забрызганные кровью, полетел к двум смертным.

— Стой! — предупредила Фатима, вскидывая револьвер. К ее облегчению, он послушался, глядя на них сверху своими светящимися глазами.

— Очень наблюдательный следователь, — за-

метил ангел мелодичным голосом.

— Я знаю, что ты задумал! Часы Миров.

— Ничего ты не знаешь.

— Выруби эту штуку! Или это сделаю я! — Фатима указала на Часы.

— Ты пришла, чтобы остановить меня? Когда я делаю это для Него? — Творец с любопытством склонил голову набок.

— Аллах здесь ни при чем. Мы знаем о существах, которым ты поклоняешься! Ты надеешься на перерождение!

— Нет. — Казалось, Творца оскорбило обвинение. — Я служу лишь Ему.

— Джинн Сеннар. Он сказал…

— Джинны суеверны, и их легко обмануть, — оборвал ее Творец. — Их темные боги не обладают силой, дарующей жизнь. Только разрушение.

— Тогда зачем? — Теперь Фатима ничего не понимала.

— Потому что так пожелал Он, — незатейливо ответил Творец. Он распростер руки. — Посмотри на свой мир. Такой испорченный, такой несовершенный. Вы непокорны. Заносчивы. Вы ссоритесь по пустякам. Вы воюете. Не того Он желал. То, что создаю я, так же совершенно. — Ангел указал на механическое дерево, под которым

стояли два человеческих автомата. — Этот мир может быть переделан, снова стать совершенным. Ваш вид может быть переделан. И я помогу Ему в этом. Но чтобы исправить несовершенство, нужно отбросить первое творение. Этим займутся темные боги джиннов. Они очистят этот мир, чтобы Он и я могли начать заново.

Фатима оцепенела от его извращенной логики:

— Создания, которых ты хочешь спустить с цепи, убьют тысячи!

— Миллионы, — исправил Творец. В его голосе не было злости или других эмоций, только расчет. — Жнец жаждал помочь снять подобный урожай смерти, даже зная, что сам его не увидит. Верный слуга.

— Ты когда-нибудь говорил с Ним? — спросил кто-то. Фатима и Творец повернулись к Сити, которая все еще держала винтовку наготове.

— Я знаю Его сердце, — ответил ангел.

— Это означает — нет. Так и подозревала. Ты Его придумал.

Творец сделал паузу.

— Что ты имеешь в виду?

— Вы ангелы. Вы придумали собственного Аллаха. Может, сначала только несколько главных. Затем в Него поверили остальные. Но я думаю,

что Он в любом случае ненастоящий.

Творец злобно на нее уставился, похоже, утратив дар речи. Как и Фатима. Это была самая кощунственная вещь, что она слышала. Сити только еще раз пожала плечами.

— Я видел кости твоих мертвых богов, дитя, — прошипел Творец. Теперь он точно был зол. — Они гниют в земле, их магия исчезла, а тела пожраны червями. — Ангел глубоко вдохнул, снова успокаиваясь, и вернулся к Часам. — Я лишь хочу сделать вас достойными Его. Когда они придут из своего темного мира, ты увидишь. Они вырвут твои смертные глаза, но ты увидишь.

Он перевел взгляд на стекло купола, где первые лучи рассвета пронзили небо.

— Началось.

Творец поднял вверх три кинжала, и Фатима приготовилась к атаке. Где Асим? Они с Сити долго против ангела не продержатся. Но тот не нападал, вместо этого он опустил свои сияющие глаза и благочестиво вздохнул.

— Даже сейчас вы не способны осознать силу моих убеждений. — И с этими последними словами ангел вонзил три клинка в свое тело — один воткнулся в грудь, второй расколол броню, окружающую сердце, а третий скользнул

сквозь металлические позвонки его шеи. Яркая, словно кровь звезды, жидкость хлынула из ран. Он пошатнулся, затем опрокинулся и рухнул на пол замертво.

— Вот это было неожиданно, — заметила Сити.

Фатима ничего не ответила. Ее глаза были прикованы к области перед Часами. Там появилась дыра. Она висела в воздухе, невозможная, но все же существовавшая — будто некто просверлил реальность и не нашел ничего, кроме черной пустоты на другой стороне. Клубы эфемерного тумана поднимались от мертвых приношений на полу, их затягивало в пустоту, небытие пожирало их. Пока агент смотрела, дыра выросла.

Фатима припомнила пророчество, о котором рассказывала джанн. Овен, Жнец и Строитель. Добровольно отданные жизни. Она перевела взгляд на мертвого ангела, сейчас окутанного эфемерным туманом. Отданные добровольно.

— Творец был последним, — произнесла она вслух. — Он был последней жертвой. Он все это время собирался умереть. Чтобы исполнить пророчество. — В ее голове всплыл образ последнего глифа, полумесяца, увитого лозой. — Чтобы открыть дверь. — Едва она произнесла последние слова, как поверхность дыры пошла зыбью, слов-

но вода, а затем из нее вырвались щупальца.

Вынырнувшие из бездонного черного моря щупальца были прозрачными, длинными и мясистыми. Некоторые — тонкими, как волос, другие — толще человека, они вываливались на землю извивающейся массой и расползались вокруг. Щупальца обвились вокруг трупов гулей, черневших и скукоживавшихся под их прикосновением, и тут же разлагались. Не обошли они и ангела, свет его тела угасал, пока не осталась иссохшая оболочка.

— Это. Отвратительно, — скривилась Сити, сжимая зубы.

Внезапно из дыры раздался рев, грубое, гортанное сплетение языков, поднимающихся и опадающих как один. Сила его была оглушающей, вызывающей дрожь дворца и такой ужас в Фатиме, что она отшатнулась под его натиском. Теперь она вспомнила черное озеро на фреске в квартире Сеннара, ифритов, вызывающих своих темных богов. Возрождение. Чем бы та штука — *штуки* — ни были, они жили в доисторической тьме и сейчас пытались выбраться. Когда они пройдут портал, эти страшные боги будут жаждать смерти. Они кормились ею. Они будут жаждать смерти целого мира.

— Мы должны закрыть дыру! — сказала Фатима, обретая голос.

Сити скованно кивнула, глядя широко распахнутыми глазами на шарящие щупальца, продолжавшие появляться из дыры:

— Я открыта любым идеям.

Мысли Фатимы метались, она пыталась вспомнить материал второго курса алхимии. Аль-Джахиз. Теория Пересекающихся Сфер. Часы Миров работали на великой формуле. Что сказала джанн? Пространство и время. Она посмотрела на Часы, на шестерни, неумолимо проворачивающиеся вперед, словно вели неотвратимый отсчет. Вот оно! *Время*. Агент повернулась к Сити:

— Мне нужно добраться до Часов!

Сити коротко кивнула, вскидывая свою длинную винтовку. И Фатима бросилась бежать.

Она слышала, как за ее спиной женщина делает выстрел за выстрелом. Мимо проносились пули, врезаясь в щупальца, пронизывая серую прозрачную плоть в брызгах черной зловонной крови, вызывавшей у нее рвотные позывы. Еще один выворачивающий рев донесся из портала, на этот раз вой боли и гнева. Фатима думала — смотрит она сейчас на множество существ или всего лишь на отростки одного, окунающего

конечности в ее мир. Она отбросила кошмарную мысль, сконцентрировавшись на Часах. Когда к следовательнице метнулось щупальце, она выхватила джамбию и рубанула по верхушке, оставив ее корчиться на полу.

Окрик Сити заставил Фатиму поднять голову вовремя, чтобы увидеть несущееся на нее массивное щупальце. Она упала на пол, прикрывая голову, но бросок прошел мимо и выше, в поисках источника пуль. Она обернулась и увидела, как Сити отпрыгивает от замахнувшейся конечности, по-кошачьи ловко приземляясь на стол. Женщина закинула винтовку за спину и надела свои серебряные когти на руки. Взревев, она полоснула толстое щупальце, оставляя в его плоти глубокие раны. «Не кошка, — подумала Фатима, — львица!» Еще одно щупальце быстро присоединилось к схватке, разворотив комнату и в ярости швыряя мебель в маленькую фигуру, остававшуюся за пределами досягаемости.

Фатима бросила взгляд вперед, обнаружила, что путь чист, и почти закричала от облегчения. Она вскочила и снова бросилась к Часам. Когда агент добралась, то уставилась на сложную конструкцию машины, где все железные шестерни и валики поворачивались в гармоничном един-

стве. Из механизма доносилось громкое тиканье, будто бьющееся сердце некоей метрономической сущности. «Пространство и время, — сказала джанн». Они открывали дверь. Часы были слишком большими, чтобы их передвинуть, но, может, она сумеет что-нибудь сделать со временем.

Фатима занесла трость, выискивая место между вращающимися шестеренками — обнаружив его, агент вогнала трость до самого львиноголового набалдашника. Две шестерни замедлились, и на мгновение она посмела надеяться. Затем, с резким хрустом, железные зубы перегрызли трость, проворачиваясь вперед и дробя ее в пыль. Сердце Фатимы пропустило удар.

Этого недостаточно. Творец превзошел себя. Машина была создана, чтобы достичь совершенства. Он выковал каждую шестеренку, каждую деталь поместил на место придирчивой рукой, с невероятным вниманием и непоколебимой волей. Это были не просто часы, это шедевр идеальной точности. Так просто его не остановить.

Идеальная точность. Мысль вертелась в голове Фатимы, словно резонируя с ритмичным тиком. Ухватившись за выступающую деталь, она подтянулась и полезла вверх. Часы воистину были работой Творца. Существа не просто стремяще-

гося, но *одержимого* совершенством. Существа, которое верит, что каждая деталь его виртуозной конструкции будет исполнена с абсолютной точностью — или не будет изготовляться вообще. И в каждых часах существовал механизм для поддержания их точности. Фатима карабкалась, пока не добралась до места, где могла заглянуть в железный корпус Часов, мимо циферблатов и шестеренок, пытаясь отыскать механизм подводки, пока не нашла его. Маятник — толстый металлический брусок, ровно обрезанный с обеих сторон. Он раскачивался вперед и назад в равномерном ритме, позволяя каждому зубцу в огромном центральном маховике раскручиваться в точный срок. Брусок был слишком большим, чтобы его снять. Но если она сможет как-то расстроить его ритм…

Не задумываясь, Фатима достала из нагрудного кармана круглый кусок золота. Часы ее отца. Слава Аллаху! Она засунула руку в корпус, заталкивая часы между маятником и маховиком. Маленький кусочек металла заклинил механизм, и маятник резко остановился. Фатима задержала дыхание, молясь, чтобы это сработало. Раздался сдавленный стон, и по Часам пробежала пугающая дрожь. Каждая шестерня останавливалась

и заедала, лишаясь своей идеальной точности. Гармоничное движение сменилось растущим разладом, будто само время теряло определенность. Фатима оглянулась, чтобы увидеть, как зияющая дыра в воздухе колыхнулась — и начала медленно закрываться.

Она могла триумфально закричать, но ужасный вой разнесся снова, на этот раз перемежаясь прерывистыми рыками. На один заставляющий замереть сердце миг дыра внезапно расширилась. Глядя во тьму, расстелившуюся перед ней, Фатима уловила силуэт чудовищной фигуры, которую она даже начать описывать не смогла бы. И каждый страх, каждый кошмар, которые когда-либо ее посещали, поднялись в ее груди. Затем, как лента, достигшая предела, дыра сжалась, коллапсируя в себя, когда реальность схлопнулась громовым хлопком бога.

Фатиму отбросило от Часов, когда сотрясающий рев пронесся по залу. На мгновение она была в полете, затем с силой грохнулась оземь. Из ее легких со всхлипом выбило воздух, а в плечах, ударившихся о камень, вспыхнула агония. Следователя несколько раз перевернуло, прежде чем спина во что-то врезалась, остановив движение. Долгое время она лежала в оцепенении голово-

кружительной боли, со звоном в ушах.

Затем кто-то появился, поднимая обломки, упавшие на нее. Сити. Женщина была покрыта пылью, кровь струилась из множества порезов — включая рану, окрасившую в багряный цвет волосы с правой стороны головы. Она протянула руку, и Фатима удостоверилась, что подает неповрежденную. Поднявшись, они обозревали зал, теперь почти неузнаваемый, с расщепленной мебелью и раскуроченными устройствами. Одна из стен рухнула, и воздух наполняла густая клубящяяся пыль. Часы уцелели только частично, несколько шестерней упрямо продолжали крутиться. Сама дверь исчезла.

— Похоже, тебе понадобится новый костюм, — прохрипела Сити между всхрипами. Фатима опустила глаза. Ее штаны были разорваны, и пиджак выглядел немногим лучше. Она ощутила укол потери, когда вспомнила о судьбе трости. И что произошло с котелком?

— Мне кажется, это твое. — Сити протянула кусок золота, болтающийся на цепочке. Фатима взяла часы и откинула крышку, улыбаясь знакомому тиканью. Пусть поцарапанная и покореженная — проклятая штуковина все еще работала. Захлопнув их, агент положила часы в

нагрудный карман.

Женщины принялись медленно пробираться сквозь руины. Фатима остановилась при виде серой плоти на их пути. Одно из щупальцев. Оно было ровно отрублено у самой основы, отрезанное от той штуковины — или *штуковин,* — теперь снова заключенных в темном мире. Фатима его пнула. Мертвое.

— Как думаешь, чье оно? — спросила Сити.

Фатима поморщилась, вспоминая зрелище, которое открылось в дверях.

— Этого мы знать не хотим.

Женщины повернулись на звук вдалеке. Голоса. Крики. Один принадлежал Асиму.

— Ты уж меня прости, — сказала Сити. — Но Мерира предпочитает, чтоб мы держали дистанцию с местной полицией.

Фатима понимала, о чем она.

— Не волнуйся. Насколько они знают, я никогда не встречалась ни с кем из вас. Тебя здесь тоже никогда не было. — Она притихла. — Спасибо, Сити.

Высокая женщина просияла улыбкой, в ее глазах появился озорной огонек.

— Можешь поблагодарить за хорошим ужином.

— Мы вдвоем? За ужином? — Фатима подняла бровь.

— А почему нет?

— Ты язычница. И, может, слегка тронутая.

Сити ухмыльнулась, не отрицая обвинений. Она потянулась, ловкими пальцами поправляя узел на галстуке Фатимы.

— У моей семьи ресторан в центре. Ты никогда не пробовала лучшей нубийской еды. У меня есть тетушка, которая приготовит нам лучшую фатту в любое время года, если я попрошу. И погоди, пока не отведаешь ее молохию. — Покончив с узлом, она подергала за галстук. — Только не забудь прийти в одном из этих милых костюмчиков.

Прежде чем исчезнуть, Сити подмигнула, растворившись в пыли с винтовкой за спиной.

Фатима покачала головой, повернувшись как раз вовремя, чтобы увидеть трех мужчин в униформах цвета хаки, пробирающихся сквозь обломки в дверном проеме комнаты, — ошалевший Асим во главе. Придерживая раненое плечо, она захромала навстречу инспектору. Он возненавидит бумажную работу по этому делу.

Дух трамвая 015

Глава первая

Офис суперинтенданта Безопасности и Техобслуживания Трамваев Рамзесской станции обладал всеми декорациями, приличествующими человеку, которого назначили — или скорее пропихнули по знакомству — на столь высокую должность. На полу лежал винтажный анатолийский ковер с синим геометрическим узором, красными антревольтами и золотыми тюльпанами, обрамленными лавандой. На стене висела одна из абстракций нового течения фараонистов с ассиметричными фигурами, кляксами и яркими цветами — никто толком не понимал значения их работ. Естественно, фотография короля в рамке. И несколько удачно расставленных романов самых свежих александрийских писателей, чьи кожаные обложки выглядели такими же новенькими, как в день их покупки.

«К сожалению», — отметил агент Хамид Наср, окидывая кабинет опытным взглядом следователя, изощренные упражнения суперинтенданта в хорошем вкусе были погребены под рутинной скукой бюрократа среднего звена: схемы движения и расписания веток, чертежи механизмов

и графики ремонта, протоколы и отчеты — все это слоями облепливало выцветшие желтые стены, словно подгнивающие чешуйки дракона. Они беспечно развевались в воздушных потоках медного вентилятора, чьи лопасти дребезжали в корпусе, будто пытаясь вырваться. И все же здесь каким-то образом стояла такая духота, что Хамиду приходилось сопротивляться позыву оттянуть ворот своей белой рубахи — спасибо, хоть темная униформа скрывала любые следы пота в томительной жаре конца каирского лета.

Хозяин кабинета сидел в кресле с высокой спинкой за заляпанным столом кофейного цвета. Стол был уже не новым, и на одной из ножек виднелась трещина. Но владелец позаботился о том, чтобы его отполировали, так что тот поблескивал под дрожащим светом газовой лампы в комнате без окон. Кажется, суперинтенданта не беспокоила невыносимая погода. Подобно своему вентилятору, он трещал не умолкая.

— Странно, что мы называем это трамвайной системой, — провозгласил он. Чиновник воздел палец перед своим крупным носом, сидящим над напомаженными седеющими усами, чьи кончики были подкручены вверх. Хамида поражало самомнение этого человека: он вел себя так,

словно читал лекцию первокурсникам в университете, а не говорил с агентами Министерства алхимии, заклинаний и сверхъестественных сущностей. — На деле это система тельферов[105], если хорошенько подумать, — продолжал он бубнить. — Трамваи идут по единственной кабельной линии. Но, подобно тельферам, наши вагоны двигаются по любой заданной линии, даже меняя их в определенных точках, как поезд. Оригинальный тельфер изобрели в Лондоне в 1880-х. Но когда идея попала в руки джиннам, механика была значительно расширена.

— Это потрясающе интересно, суперинтендант Башир! — воскликнул юноша, сидевший рядом с Хамидом. Ему было двадцать четыре, всего на четыре года моложе, на самом деле. Но круглое, чистое коричневое лицо под обязательной министерской феской выглядело так, будто принадлежало мальчишке. В настоящий момент оно излучало искренний интерес и внимание.

— Разумеется! — Голова суперинтенданта качнулась, словно заводная игрушка, он жаждал

[105] Примечания: 105

Тельфер (*англ.* telpher, от *греч.* tele — далеко и phero — несу) — устройство с электрическим приводом для подъема и перемещения грузов или деталей (таль). Название «тельфер» широко распространено на производстве, хотя стандартом не рекомендуется.

аудитории. — Люди плохо понимают, как работает транспортная система, соединяющая бóльшую часть Каира. Не говоря уже о том, что нужно запланировать на будущее. В городе больше двух миллионов людей, и рост потребует серьезной работы, чтобы поспевать за населением. — Он потянулся к бронзовому блюду на столе и неловко подтолкнул его вперед. — Еще суджуха, агент Онси?

Юноша поблагодарил и радостно схватил еще несколько кусочков сладости — загустевший сироп и орехи с привкусом гвоздики и корицы. Суперинтендант предложил блюдо Хамиду, но тот вежливо отказался. Он уже десять минут как сражался с одной из этих штуковин, застрявшей в его зубах.

— Вкуснотища! — сказал Онси, пережевывая пригоршню. — Откуда, говорите, их привозят, суперинтендант?

— Из Армении! — просиял мужчина, растягивая слово. — Я ездил к ним по работе с Транспортным бюро в прошлом году. Правительство рассчитывает, что рост модернизации обеспечит республике стабильность после стольких сложностей в посредничестве по вопросу их независимости. Пока был у них в гостях, я совершенно влюбился в

местную еду. Суджух — мое любимое лакомство.

— Суджук, — проговорил Онси, не забывая жевать. Его кустистые брови нависли над парой серебряных очков в проволочной оправе. — Всегда думал, что это такая вяленая колбаса.

— А! — воскликнул суперинтендант, наклоняясь вперед всем своим угловатым телом. — Скорее всего, вы думаете о суджуке! Звучит похоже, но произносится…

Хамид громко прочистил горло, откашлявшись в короткие усы. Если ему придется высидеть разговор о засушенном мясе Закавказья, он может сойти с ума. Или проглотить собственную ногу. То или другое. А он дорожил как психическим здоровьем, так и своими ногами. Сумев привлечь внимание суперинтенданта, агент бросил укоризненный взгляд на Онси. Они пришли по министерскому делу не для того, чтобы провести утро за праздной болтовней, подобно старикам в кофейне.

— Суперинтендант Башир, — начал он, стараясь превратить нетерпение в голосе в нечто более дипломатичное — и выковырять кусочек суджуха из зубов. — Не могли бы вы рассказать о своей проблеме с трамваем?

Чиновник моргнул, будто только сейчас вспом-

нил, зачем они собрались.

— Да-да, разумеется, — ответил он, со вздохом опускаясь в кресло. Башир пробежал пальцами по кафтану в синюю полоску, который носил поверх белой галабеи[106], украшенной пуговицами и воротником, по правительственной моде. Он достал из кармана платок и вытер пот со лба. — Все это так ужасно, — пожаловался он. — Ну не вижу смысла ходить кругами — в трамвае завелось привидение!

Хамид открыл блокнот и тихонько вздохнул, записывая слово «привидение». Именно оно было напечатано на папке, приземлившейся на его стол этим утром. Агент надеялся, что дело будет куда более интересным. А оно оказалось разгулявшимся духом. Хамид прекратил запись и поднял взгляд, когда его мозг осмыслил слова мужчины.

— Подождите. Дух вселился в ваш *трамвай*?

Суперинтендант ответил угрюмым кивком, заставившим опасть его усы.

— Трамвай 015, который ходит по маршруту в Старом городе. Одна из более новых моделей, вышедших в 1910-м. Только два года в эксплуата-

---

[106] Примечания: 106

Галабея — длинная просторная рубаха до пят с широкими рукавами, без воротника у народов Северной и Центральной Африки.

ции, а у нас уже проблемы. Спаси нас Аллах!

— Не знал, что они могут вселяться в трамваи, — пробормотал Онси, забрасывая еще один суджух в рот.

Хамид вынужден был согласиться. Он слышал о зданиях с привидениями. Домах с привидениями. Даже расследовал дело о мавзолее в эль-Карафе, где завелись призраки, что довольно по-дурацки звучит, если задуматься. Зачем делать кладбище своим домом, а потом жаловаться на привидений? Но трамвай с духами? Это что-то новенькое.

— О, уж поверьте, — уверил суперинтендант. — Пассажиры несколько раз с ним сталкивались. Мы надеялись, что, может, он сам уйдет. Но теперь призрак напал на женщину, вот вчера! Ей удалось сбежать, не пострадав, слава Аллаху. Но прежде ее одежда была разодрана в клочья!

Онси продолжал сидеть, вытаращив глаза, пока Хамид снова не прочистил горло. Юноша подпрыгнул, неуклюже вытащил блокнот и начал записывать.

— Как давно это продолжается? — спросил Хамид.

Суперинтендант опустил глаза на настольный календарь, задумчиво постукивая по датам.

— Вот здесь был первый отчет, чуть больше недели назад, от механика. Он человек сомнительной морали: пьяница и кутила. Его начальник считал, что тот пришел на станцию пьяным. Чуть его не уволил, но тут начали поступать жалобы от пассажиров. — Он указал на небольшую стопку бумаг рядом с собой. — Вскоре стали приходить сообщения от других механиков. Что уж тут, я сам видел эту нечестивую штуковину!

— И как вы поступили? — спросил Онси, увлеченный историей.

— Как поступил бы любой праведный человек, — горделиво приосанился суперинтендант. — Я известил нечистого духа, что я мусульманин и нет Бога кроме Аллаха, так что он не сумеет мне навредить! После этого моему примеру последовало еще несколько человек, декламируя суры, в надежде его прогнать. Увы, мерзкое создание все еще здесь. После атаки я решил, что стоит позвонить тем, кто лучше разбирается в таких вещах. — Он хлопнул себя по груди в жесте благодарности.

Хамид подавил желание закатить глаза. Половина Каира забрасывала министерство мелкими проблемами, пугаясь собственных теней. Представители второй половины считали, что сами

способны справиться с чем угодно — с помощью нескольких аятов, амулетов и оберегов или применив крохи народной магии, унаследованной от их тейты[107].

— Так вы, говорите, видели данную сущность, — подтолкнул он. — Можете ее описать?

— Не уверен. Я имею в виду, ну, это трудно объяснить. Может, мне стоит просто вам показать?

Хамид кивнул, поднялся и поправил китель. Суперинтендант последовал его примеру и вывел Хамида и Онси из жаркой комнатушки. Они шли по коридору, где размещались кабинеты станционной администрации, пока не добрались до посеребренных дверей лифта, где терпеливо ожидал автоевнух.

— Воздушная площадка, — скомандовал Башир.

Гладкое бронзовое лицо механического человека никак не показало, что тот услышал приказ, но он начал действовать — протянув металлическую руку к рычагу, вмонтированному в пол. Закрутившиеся шестерни тихо заворчали, словно старик, поднятый из кровати, и лифт пошел вверх. Они недолго ехали, прежде чем двери

---

[107] Примечания: 107
Бабушка.

снова отворились, и, когда Хамид выбрался, ему пришлось закрыться рукой от утреннего солнца.

Они стояли на крыше Рамзесской станции, откуда открывался обзор на Каир, распростершийся внизу: скопление оживленных улиц, шпили масаджид[108], заводы и архитектура, охватывающая столетия, посреди вздымающихся лесов новых конструкций. Суперинтендант был прав. Город рос с каждым днем, от забитого центра на юге, до особняков и ухоженных садов богатой Гезиры[109]. И это только на земле. Потому что над ней кипел жизнью совершенно иной мир.

Заостренные стальные башни на Рамзесской станции, подражавшие золотым минаретам, служили причальными мачтами для воздушных кораблей. Большинство из них были легковесными дирижаблями, каждый час курсировавшими между Каиром и главным портом Александрии, выгружая пассажиров со всего Средиземноморья и из-за его пределов. Среди них встречался транс-

---

[108] Примечания: 108

Масджид — мечеть, место для совершения коллективного намаза. Во множественном числе — масаджид. В корне этого слова лежит слово «суджуд» (земной поклон).

[109] Примечания: 109

Остров Гезира — один из самых красивых и зеленых районов столицы, любимое место отдыха каирцев. Здесь расположены престижные спортклубы, многие из них предназначены только для богатых иностранцев.

порт средних размеров, следующий в Луксор и Асуан и до самого Хартума. Одно гигантское судно затмевало остальные, нависая над ними, словно маленькая овальная луна голубого цвета: шестивинтовый корабль тяжелого класса, способный совершить путешествие без посадок от востока до Бенгалии, вниз к Кейптауну, мог даже пересечь Атлантику. Бóльшая часть Каира, впрочем, передвигалась на менее экстравагантных аппаратах.

Кабельные линии растягивались по небу во всех направлениях, металлические, изгибающиеся и сворачивающие по пути, переплетающиеся и перекрывающие полотно города. По ним проносились воздушные трамваи — оставляя за собой яркие электрические разряды. Трамвайная система была жизненной энергией Каира, бегущей по сети артерий и перевозящей по метрополии тысячи пассажиров. Легко было воспринимать ее как нечто само собой разумеющееся, гуляя по улицам внизу, не утруждаясь поднять взгляд на их громыхание. Но глядя отсюда, сложно было не воспринимать городской транспорт явным символом прославленной современности Каира.

— Сюда, пожалуйста, — позвал суперинтендант.

Он провел двух агентов через узкий мостопо-

добный переход прочь от воздушных кораблей и основных кабельных линий и вверх на несколько пролетов лестницы. Когда они наконец остановились, то оказались в стране трамваев. Около двадцати безжизненных вагонов, если не больше, выстроились ровными рядами, свисая с кабеля на своих блоках. Откуда-то снизу доносился звук других трамваев, в движении, а в прорехах платформы Хамид замечал их мелькание, когда те проносились мимо.

— Это одна из главных воздушных площадок, — пояснял Башир на ходу. — Сюда мы отправляем трамваи на ротацию и починку. Когда с 015 начались проблемы, его мы тоже здесь поставили.

Хамид посмотрел в направлении, куда их вел мужчина. Трамвай 015 выглядел как все остальные, встречавшиеся на его пути: узкий прямоугольный ящик из латуни, с секционными стеклянными окнами, почти полностью его охватывающими. Был он зеленым, с красной внутренней отделкой и двумя округлыми фонарями на каждом из концов, заключенными в плотно украшенные пересекающимися звездами кожухи. Номер 015 был выбит золотыми литерами на передней двери. Когда они добрались, суперинтендант отступил.

— Здесь я оставлю проблему в ваших умелых руках, — сообщил чиновник.

Хамид проказливо подумал о том, чтобы настоять на его сопровождении — пусть покажет, как смело он противостоял духу. Но решил, что не стоит. Не нужно быть мелочным. Агент махнул Онси, и они подошли к вагону. Дверь распахнулась от толчка, открывая небольшую лесенку. Между платформой и висящим трамваем оставался зазор, в котором далеко внизу виднелись каирские улицы. Пытаясь игнорировать головокружительный вид, Хамид поставил ногу на подножку и вскарабкался на борт.

Из-за высокого роста ему пришлось пригнуться, придерживая феску, и развернуть широкие плечи, чтобы втиснуться в узкий проем. Вагон слегка покачнулся от его прибытия и снова вздрогнул, когда за ним последовал Онси — ниже по меньшей мере на полфута, но достаточно коренастый, чтобы почти догнать Хамида по весу. В трамвае было не столько темно, сколько сумеречно. Лампы на потолке работали, и мерцающие алхимические нити отблескивали в серебряных пуговицах, спускающихся по кителям двух мужчин. Багровые бархатные занавески на окнах были отдернуты, позволяя проникать

солнечному свету. Но все здесь было словно затенено, заставляя выглядеть бордовую обивку прикрученных к полу сидений, выстроившихся по обеим сторонам трамвая, черной, как униформы агентов. И воздух отличался, он казался плотнее и холоднее, чем сухая каирская жара — заполняя ноздри Хамида и тяжело опускаясь на его грудь. Сомнений не оставалось, с трамваем 015 что-то было не так.

— Какова процедура, агент Онси? — спросил он.

Если министерство собиралось навешивать на него новых рекрутов, почему бы не проверить, хорошо ли их тренировали. С интересом оглядывающийся юноша просветлел, услышав вопрос.

— Сэр, мы должны удостовериться, что эта территория безопасна и гражданские не находятся в непосредственной опасности.

— Это пустой вагон трамвая, агент Онси, — ответил Хамид. — И я тебе говорил, перестань называть меня сэр. Ты сдал экзамены в академии, значит, ты такой же агент, как и я. Здесь не Оксфорд.

— А, да, сэр. Простите, сэр. — Он тряхнул головой, будто в попытке очистить ее от целой жизни английских школ, просочившейся акцентом в его

арабский. — То есть агент Хамид. Министерская процедура гласит: беря во внимание, что нам сообщили, мы обязаны провести спектральное обследование территории.

Хамид кивнул. Все-таки его тренировали правильно. Он достал из кителя небольшой кожаный чехол, где держал свои спектральные очки. Покрытый медью инструмент был стандартной экипировкой министерства. Они обхватывали голову, как обычные очки, но их круглые зеленые линзы были куда шире. Онси снял свои очки, чтобы надеть спектральные. Зрение мало что значило в тумане поразительно яркого, люминесцентного нефрита. Сквозь них можно было в деталях разглядеть парчовые цветные узоры на сиденьях, вместе с золотой каллиграфией на черных оконных стеклах. Но всего больше в глаза бросался потолок. Чтобы рассмотреть его, Хамид запрокинул голову, и он не мог винить Онси за шумное аханье.

Выгибающийся потолок трамвая был омыт спектральным сиянием. Оно исходило из сложной композиции шестеренок, покрывавшей все пространство. Некоторые из шестерней сцеплялись друг с другом, их зубцы смыкались. Другие соединялись цепями в блоки. Они проворачи-

вались и крутились одновременно в разные стороны, распространяя завихряющиеся облака света. Трамваям не требовалось кондукторов, даже автоевнухов. Джинны создали их работающими самостоятельно, чтобы те бороздили свои маршруты почтовыми птицами, что летят с посланием, и эта изощренная часовая машинерия была их мозгом.

— Вот что хочу спросить, — сказал Онси. — *Это* должно быть здесь?

Хамид прищурился, провожая его взгляд. Что-то двигалось посреди вращающихся шестерней. Частица эфирного света. Он стянул очки и ясно увидел ее невооруженным глазом — извивающуюся фигуру цвета сероватого дыма. Она скользила, словно угорь, поселившийся в кораллах. Нет, этого определенно *не* должно было здесь быть.

— Каков следующий шаг при первом контакте с неизвестной сверхъестественной сущностью, агент Онси? — продолжил проверку Хамид, не сводя глаз с объекта.

— Произвести стандартное приветствие, чтобы определить уровень разумности, — тут же ответил юноша. Понадобилось мгновение неловкого молчания, чтобы он понял, чего от него ожидает

Хамид. Рот Онси растянулся в идеальном «О!», и он торопливо вытащил сложенный документ. Когда новичок его развернул, показалось фото его сияющего улыбкой лица в сепии. Ниже была золотая с голубым печать министерства.

— Доброе утро, неизвестная сущность, — медленно и громко проговорил он, предъявляя удостоверение. — Я агент Онси, а это агент Хамид из Министерства алхимии, заклинаний и сверхъестественных сущностей. Настоящим мы сообщаем, что вы нарушили несколько законов, применяемых к паранормальным личностям и разумным созданиям, начиная со статьи 273 Уголовного кодекса, запрещающей проникновение и обитание в общественной собственности, принадлежащей государству, статьи 275 о действиях, направленных на запугивание и устрашение граждан…

Хамид потрясенно слушал, как напарник одним духом отбарабанил ряд нарушений. В существовании некоторых из них он не был даже уверен.

— …и, учитывая вышеуказанные обвинения, — продолжал Онси, — настоящим мы приказываем освободить данное помещение и вернуться на место своего происхождения либо, за отсутствием такового, пройти с нами в министерство для

дальнейшего допроса. — Закончив, он повернулся к Хамиду с удовлетворенным кивком.

«Салаги», — негромко проворчал Хамид. Прежде чем он смог отреагировать, в вагоне раздался тихий стон. Не было особых сомнений, откуда он доносился, поскольку серый дым прекратил свое скольжение и замер.

— Мне кажется, оно меня поняло! — обрадовался Онси.

«Да, — хмуро подумал Хамид. — И, скорее всего, ты его до смерти скукой заморил. Если оно уже было мертво, ты мог даже заставить его умереть от скуки еще раз».

Он как раз собирался произнести это вслух, когда внезапно разнесся ужасный визг.

Хамид попытался прикрыть уши, но его отбросило назад вместе со встряской, качнувшей трамвай. Он мог бы упасть, если бы не дотянулся до одного из поручней — поймав рукой вертикальный шест. Агент поднял голову и увидел, что серый дым яростно бурлит, словно разозленное облако, продолжая кричать, раздуваясь и увеличиваясь. Лампы, выстроенные на стенах, быстро замигали, и трамвай начал дрожать.

— О! — вскричал Онси, пытаясь удержаться на ногах. — Вот это да!

— Уходим! Уходим! — закричал Хамид, уже направляясь к двери. В какой-то момент, когда вагон затрясло особенно сильно, он упал на колено и вынужден был подниматься — при этом хватая Онси за китель, чтобы тащить того за собой. Когда агенты добежали до лестницы, что-то с силой толкнуло их сзади, и они покатились вниз клубком размахивающих рук и ног, пока бесцеремонным образом не приземлились на платформу. Снаружи они все еще слышали визг, пока висящий трамвай раскачивался и подпрыгивал. Дверь яростно захлопнулась, и мгновенно установились тишина и покой.

— Мне кажется, — сделал вывод Онси, лежа в обнимку с Хамидом, — мы можем подтвердить, что в трамвай 015 действительно кто-то вселился.

Глава вторая

Поздним утром следующего дня Хамид вновь обнаружил себя вместе с Онси в офисе суперинтенданта Безопасности и Техобслуживания Трамваев Рамзесской станции. Как и прежде, комнатушка была жаркой и тесной и наполненной постоянным жужжанием вентилятора, разгонявшего густой теплый воздух. На столе снова лежал сладкий суджух, каким-то образом не растаявший на жаре и остающийся таким же твердым. Агент невольно проникся уважением к стойкости этой сладости.

— Так это не призрак? — спрашивал суперинтендант Башир. Чем больше он слушал их отчет, тем глубже становились морщины на его лбу, пока тот не стал выглядеть как смятый пергамент.

Хамид покачал головой, тяжело работая над куском суджуха, который был за гранью пережевывания. На этот раз им хотя бы предложили чай, и он смыл лакомство прохладным вкусом гибискуса и мяты.

— Я расследовал больше дюжины дел с призраками и ни разу не видел призрака, — ответил он. Правда была в том, что за почти тридцать лет

работы министерства не было ни одного свидетельства существования призраков — несмотря на растущее количество спиритуалистов и самопровозглашенных медиумов, процветавших в базарных переулках. Что бы ни происходило с мертвыми, общение с живыми их явно не интересовало.

— Ну что-то в трамвай вселилось, — настаивал суперинтендант. — Вы сами видели. — У него хватило совести опустить глаза при этих словах, так что Хамиду удалось сохранить неловкость на лице только для себя. Ему все еще стыдно было вспоминать, как их вчера выкинули. Агенты создали не лучший образ для министерства, и он был благодарен за цвет своей кожи — оттенка скошенной пшеницы, — который никак не мог показать следы румянца. Онси, впрочем, казалось, совершенно не волновало это воспоминание.

— Скорее всего, в трамвай вселился джинн, — вмешался новичок, угощаясь вторым стаканом чая и потихоньку откладывая суджух в карман.

— Джинн? В моем трамвае? Вы уверены? — Брови суперинтенданта поднялись.

— В таких делах это почти всегда джинны, — ответил Хамид.

— Я встречал джиннов. Некоторые, вполне ожидаемо, работают в Транспортном Бюро. На моей улице живет земляная джанн. Несколько джиннов, включая очень старого и могущественного марида[110], посещают мою масджид. Это создание не похоже ни на одного джинна из тех, с кем я сталкивался. Оно скорее… маленькое. — Башир выглядел скептичным.

— О, существует больше видов джиннов, чем министерство способно описать, — быстро парировал Онси. — Всего четыре столетия назад ученый ас-Суюти[111] писал о джиннах, вызывающих болезни в человеческом разуме и теле. В раннем каламе содержится…

— Агент Онси хочет сказать, — перебил Хамид, прежде чем они по колено погрузились в

---

[110] Примечания: 110

Марид — классические джинны из поп-культуры, те самые, что исполняют желания и оказываются запертыми в разных предметах. Часто изображаются как бесплотные, эфирные создания, похожие на белых людей с бородами. Кроме того, считаются самыми дружелюбными из джиннов. В более поздней культуре маридов связали с морем (ДнД, к примеру), сделав их чем-то вроде водных элементалей.

[111] Примечания: 111

Джаладдин Абу Фадл Абдаррахман ибн Абу Бакр ибн Мухаммад ибн Сабик ибн Усман аль-Мисри ас-Суюти родился в начале месяца раджаб 849 г. хиджры (октябрь 1445 г.) в г. Ас-Суют на юге Египта, в семье известного каирского правоведа шафиитского мазхаба Камаладдина ас-Суюти (ум. 1451 г.), который был известен и за пределами Египта. Имам начал писать собственные сочинения в 866 г. Всего же в течение 12 лет имам ас-Суюти составил около 300 книг, и это если не считать те

из них, которые он уничтожил. Имам пишет, что он получил глубокие знания в области тафсира, хадисов, фикха и арабской грамматики, а также в других науках. По мнению ученых историков, ас-Суюти является одним из наиболее плодовитых авторов всей мусульманской литературы в целом.

обсуждение философских манускриптов, — что существуют джинны самых разных видов. Так что вполне возможно, что один из них захватил ваш трамвай.

— Хорошо, так чего он хочет? — спросил Башир.

— Трудно сказать, — ответил Хамид. — Джинны, к которым мы привыкли, обычно сами решают взаимодействовать с людьми и жить среди нас. Но есть и другие. Ифриты[112], к примеру, известны тем, что соблюдают дистанцию — большинство даже не остается на этом плане реальности. С некоторыми мы вообще не способны коммуницировать. Часто именно они занимаются вселениями — малые джинны за пределами нашей классификации. Скорее всего, вашего привлекла магия, управляющая трамваем, и он в нем поселился.

Суперинтендант протяжно вздохнул.

— Джинн, вселившийся в мой трамвай и нападающий на пассажиров. — Он закончил жестом руки, который сопроводила пресловутая каир-

---

[112] Примечания: 112

Ифриты — самый недружелюбный вид джиннов. Считается, что эти джинны служат Иблису (Сатане) и вызывают песчаные бури. Огромные крылатые существа из огня, живущие кланами со своими королями и правителями. Могут превращаться в различных животных или даже людей.

ская присказка: — Спасибо тебе, аль-Джахиз[113].

Прошло около сорока лет с тех пор, как бродячий суданский гений — или безумец, сами выбирайте — с помощью смеси алхимии и машин пробурил дыру в Каф[114]. Открытые в измерение джиннов двери впустили поток магии, навсегда изменив мир. Теперь каирцы поминали исчезнувшего мистика на каждом шагу, чаще употребляя имя в насмешку, чем прославляя, используя его, чтобы жаловаться на трудности эпохи.

Хамид никогда не понимал вездесущести этой фразы. Казалось не важным, правы ли суфии[115], и аль-Джахиз был провозвестником Махди[116], или, как боялись копты[117], предзнаменованием Апокалипсиса. И такими же бесполезными, думал

---

[113] Примечания: 113

Абу Усман аль-Джахиз (ум. 869 г.) — один из самых выдающихся писателей средневековой арабской литературы. Авторитет аль-Джахиза признавался еще при жизни: ему было позволено свободно входить и выходить во время аудиенций халифа, наряду с Умаром аль-Хаттабом и Хасаном аль-Басри он был назван в числе трех личностей, «из-за которых арабам могли позавидовать другие народы».

[114] Примечания: 114

В мусульманской мифологии горная цепь, опоясывающая Землю; обиталище джиннов.

[115] Примечания: 115

Суфизм, или тасаввуф — мистическое течение в исламе, проповедующее аскетизм и повышенную духовность, одно из основных направлений классической мусульманской философии. Последовате-

лей суфизма называют суфиями.

[116] Примечания: 116

У мусульман-суннитов Махди — это человек, который должен явиться в конце времен и вместе с Пророком Исой уничтожить Даджаля (Антихриста), а затем установить на планете процветание и порядок. Суннитские богословы, в отличие от шиитских, не указывают на конкретную личность, которая могла бы стать Мессией в будущем.

[117] Примечания: 117

Копты — этнорелигиозная группа египтян, живущая в Северной Африке и на Ближнем Востоке, распространенная в основном на территории Египта. Большинство коптов исповедуют христианство, составляя крупнейшую христианскую общину на Ближнем Востоке.

он, были продолжающиеся дебаты о том, был ли аль-Джахиз тем же средневековым мыслителем из Басры, перенесшимся либо переродившимся в другом времени. Какой бы ни была правда, без аль-Джахиза не было бы министерства. Египет не превратился бы в одну из ведущих мировых держав. Вполне вероятно, что без помощи джиннов не удалось бы выгнать британцев. И те же самые джинны отстроили Каир так, что он соперничал с Лондоном или Парижем. Часто казалось, что вся страна гордо расхваливала свою современность и все же мечтательно тосковала по более простому прошлому.

— Аль-Джахиз мог выпустить больше джиннов в наш мир, — заметил Онси, словно читая мысли Хамида. — Но вряд ли ему можно приписать всех. Какое-то количество джиннов всегда жило среди нас. Они появляются в слишком многих наших старейших текстах, чтобы считать иначе: в Китабе ал-Фихрист, Хамзанаме и, разумеется, Китабе

ал-Булхан[118]. Да что там, многие считают, что у старого хедива[119] Мухаммеда Али был тайный советник джинн за пятьдесят лет до прибытия аль-Джахиза в Каир. Даже его победу над мамлюками приписывают…

— Прежде чем мы углубимся в национальное прошлое, — вновь перебил Хамид — у парня в голове целая кипа исторических книг! — Мне кажется, лучше я поделюсь нашим предложением о том, как решить вашу проблему. — Агент развязал веревочки, удерживавшие кожаную папку, которую он принес с собой, и вынул лист бумаги, положив его на стол и подтолкнув к суперинтенданту. Мужчина поднял его и принялся читать, брови чиновника поднимались все выше и выше.

---

[118] Примечания: 118

Китаб аль-Фихрист — «Книга росписи известий об ученых и именах сочиненных ими книг») — труд багдадского книготорговца Ибн ан-Надима, завершенный в 987–988 гг. Книга представляет собой сведения о литературе на арабском языке первых четырех веков ислама, включая переводы произведений иноземных авторов. Ибн ан-Надим сообщает о книголюбах своего времени и их библиотеках, а также об истории книги и письменности.

Хамзанаме, или Дастан-е-Амир Хамза (Приключения амира Хамзы) — эпическое сочинение о подвигах и приключениях дяди пророка Мухаммеда, Хамзы ибн Абд аль-Мутталиба. Это произведение средневековой исламской литературы было создано в виде иллюстрированной рукописи при дворе правителя империи Великих Моголов Акбаре I, в 1558–1573 гг., на персидском языке.

Китаб аль-Булхан (Книга чудес) — арабский манускрипт VIV в., собран-

ный и, вероятно, иллюстрированный Ахмедом Джалаиром в Багдаде. Включает в себя тексты по астрономии, астрологии и геомантии, а также разделы, содержащие полностью иллюстрированные страницы, изображающие фольклорных персонажей и существ, знаки зодиака и т. д.

[119] Примечания: 119

Хедив — в нашем мире наследственный титул правителей Египта в 1867–1914 гг. После провозглашения британского протектората над Египтом (1914 г.) египетские правители приняли титул султана.

— Всемилостивый Аллах! — наконец сказал Башир, массируя виски. — Сколько подробностей.

Хамид позволил себе легкую улыбку. Он потратил половину дня, составляя этот план. Каждый элемент был тщательно расписан. Он немного гордился. Даже если дело было всего лишь о вселении духа в трамвай.

— Но цена, — грустил Башир. — Так дорого?

— Будет нелегко выманить джинна неизвестной классификации из вашего трамвая, — объяснил Хамид. — Бóльшая часть денег уйдут на консультацию с древним джинном, маридом, специализирующимся в посредничестве. Мариды, пожалуй, единственный вид, который подобные сущности готовы выслушать. Кроме того, нам понадобится закупить некоторые базовые алхимические эликсиры, чтобы очистить трамвай, к тому же необходимо барьерное заклинание — для безопасности, сами понимаете — и разные другие инструменты. Нам кажется, это лучший способ удостовериться, что работа проделана эффективно.

— Вы определенно основательно подходите к делу, — признал суперинтендант. — Но, боюсь, так не пойдет.

Улыбка Хамида померкла.

— Что? Почему? Это очень надежный план. — Агент был несколько оскорблен. Свое дело он знал.

— О, я не сомневаюсь в ваших способностях, агент Хамид, — успокаивающе произнес суперинтендант. — Я о цене. Я просто не могу это оплатить. — Заметив ошеломленный взгляд Хамида, он продолжил: — У моего учреждения ограниченные расходы на подобного рода вещи. Парламент постоянно пытается урезать нам бюджет, однако требует, чтобы наши системы работали безотказно. Не говоря уже о том, что Транспортное Бюро планирует строительство нескольких новых линий в Гелиополе[120]. У меня просто нет денег.

Хамид был в затруднении. Такого ответа он не ожидал.

— Мне жаль, — все, что он мог сказать. И ему действительно было жаль. Это был очень хорошо продуманный и расписанный план. — Хотел бы я, чтобы мы могли сделать больше.

---

[120] Примечания: 120

В нашем мире в Гелиополе трамвайная система была открыта 5 сентября 1908 г. Более того, существовала каирско-гелиопольская трамвайная линия. Она появилась при объединении двух трамвайных систем воедино в 1991 г. К сожалению, в связи с появлением метро она находилась в крайне запущенном состоянии. А после Египетской революции в 2011-м и 2014–2015 гг. трамвайная система в Гелиополе была почти полностью уничтожена.

— А! — воскликнул суперинтендант. — Любопытно, что вы это сказали. — Он потянулся в ящик стола и достал собственный лист бумаги. — По стечению обстоятельств как раз этим утром я читал межведомственный меморандум, посвященный общественной безопасности. Несколько месяцев назад его прислали из центрального правительства, он подписан министром внутренних дел. В нем указывается, что любая угроза общественному благу, проистекающая из мистических или противоестественных происшествий, попадает под юрисдикцию вашего агентства.

Хамид принял бумагу у чиновника, стараясь не выдернуть ее из рук. По стечению обстоятельств, да? Будто кому-то делать было нечего — читать межведомственный меморандум месячной давности. Беглое сканирование пробудило смутные воспоминания о том, как министерство лоббировало более широкие полномочия в отношении общественных учреждений. Он швырнул бумагу Онси, который принялся ее читать, что-то бормоча под нос.

— Я считаю, поскольку дух в трамвае теперь официально под юрисдикцией вашего агентства, — мягко сообщил Башир, — все затраты, связанные с его восстановлением до менее

катастрофического состояния, должны обеспечиваться *вашими* средствами. — Он сделал паузу в притворной неуверенности. — То есть, разумеется, если я все правильно понимаю.

— Думаю, что правильно, суперинтендант, — ответил Онси, заканчивая чтение.

Хамид бросил на юношу сердитый взгляд, но это было бесполезно. Он и сам уже смирился. Кто-то в министерстве не заметил возможной лазейки. И еще, им точно не довелось сталкиваться с такими, как суперинтендант Башир. Лицо чиновника расплылось в покаянной улыбке, которая никого не обманывала. Затем он потянулся к бронзовому блюду и подтолкнул его вперед.

— Еще сладкого суджуха, агент Хамид?

* * *

Хамид тяжело шагал по первому этажу Рамзесской станции, в его голове сплелись в клубок негодование и унижение. За спиной семенил Онси, пытаясь не отставать, пробираясь сквозь полуденную толпу. Их окружал роскошный транспортный узел Каира — строение из стекла и стали, созданное в новом неофараонском стиле. Позолоченные колоннады изгибались связками папируса, что выстраивались по дорогому

залу и расширялись на вершинах в цветущие лотосы, чьи широкие металлические лепестки изменялись и принимали новые формы каждое мгновение. Ряды колонн поддерживали вращающийся потолок, выстланный голубой плиткой, которая шла зыбью, словно вода. И завершалась эта композиция колышущимся бронзовым тростником, чьи движения были синхронизированы с механической точностью.

— Я полагаю, — пропыхтел Онси, заходя сбоку, — мы можем утешиться тем, что ты разработал план по решению проблемы.

Хамид остановился и повернулся к нему.

— Наша проблема не в решении этой проблемы, — рявкнул он. — А в ее оплате. — Он почти сразу пожалел о своем тоне. Все это не было ошибкой юноши. Что за прекрасный способ выучить нового следователя, только повышенного из кадетов. — Я имею в виду, — начал Хамид снова, смягчая голос, — стоимость этого плана сожрет практически весь наш оперативный бюджет.

Онси задумался, поправил съехавшие по носу картошкой очки.

— Может, мы справимся с тем, что останется, пока наши средства не восполнят?

— Этого придется ждать месяцы, — пробормо-

тал Хамид. — Министерство просто усадит нас за бумажную работу, чтобы мы прекратили увеличивать расходы.

— О, это ужасно, — сказал Онси.

И еще как. Никто не любил бумажную работу. Часто и без того казалось, что из нее состоит половина их труда. Кто устраивался в министерство ради восторга заполнения бесконечных отчетов — в трех экземплярах, не меньше? «Но, опять же, — уныло подумал он, — также никто не ожидал, что придется днями торговаться с государственными бюрократами по поводу трамвая с духом».

— Нам просто нужно найти другой способ, — заключил Хамид, смирившись с этой перспективой. Не успел он добавить что-нибудь еще, как воздух разорвал крик — пронзительный голос, совершенно точно не похожий на певучую декламацию муэдзина. Несколько прохожих остановились на звук в смятении и замешательстве.

— Мне кажется, он доносится оттуда, — подсказал Онси.

Он уже начал двигаться в сторону сутолоки, и Хамид последовал за ним. Они приближались к центру этажа, к возвышающейся статуе фараона, имя которого носила станция. Колоссальное

изваяние стояло с руками по швам, выдвинутой вперед правой ногой и высеченными каменными глазами, устремившими взгляд в вечность. Когда они подошли вплотную, источник крика стал явственно виден.

У основания статуи находилась группа женщин, около тридцати человек. Многие носили платья, пошитые в современных каирском или парижском стилях, в то время как остальные были в более привычных свободных себлехах[121]. Несколько носили вуали. По меньшей мере две из них были джиннами — и тоже женщинами. Почти все держали плакаты и таблички, слушая одну из участниц собрания, стоявшую на складной лестнице и энергично вещавшую.

— Сегодня мы встретились как парламент! — выкрикивала она. — Настоящий парламент! Женский! Мы — половина нации! Мы помогали в основании нации! Мы представляем ее надежды и отчаяние! Пока мы не представлены среди тех, кто голосует за ее лидеров, парламент Египта не может считаться истинным отражением своего народа! Может, мы и освободились от чужеземного ига, но нельзя освободить нацию, пока

[121] Примечания: 121

Традиционная египетская одежда, широкое женское платье с орнаментом на воротнике и вырезом на груди.

женщины в цепях!

Группа разразилась громкими криками, поддерживая ее.

Хамид взял листовку у молодой женщины в хиджабе с яркими узорами, ей было не больше восемнадцати. На листовке подобием Януса изображалась фараон Хатшепсут[122]: одна ее сторона выглядела как мать, державшая дитя, а другая как рабочая завода с инструментами. Под рисунком жирным шрифтом были напечатаны слова: «МЫ ТРЕБУЕМ ПРАВА ГОЛОСА!»

— У! — воскликнул Онси, разглядывая листок. — Суфражистки![123] Кажется, на этой неделе в парламенте будет обсуждаться законопроект о предоставлении женщинам права голосовать.

---

[122] Примечания: 122

Хатшепсут («Находящаяся впереди благородных дам») — женщина-фараон Нового царства Древнего Египта. Носила титулы «Великая жена царя» и «Супруга бога Амона». Фактически отстранив от власти несовершеннолетнего Тутмоса III и провозгласив себя фараоном, царица Хатшепсут закончила восстановление Египта после нашествия гиксосов, воздвигла множество памятников по всему Египту, отправила экспедицию в Пунт и, судя по всему, проводила военные походы. Наряду с Тутмосом III, Эхнатоном, Тутанхамоном, Рамзесом II и Клеопатрой VII она считается одним из самых известных египетских правителей.

[123] Примечания: 123

Длинное примечание, поскольку вся история с феминизмом в «Трамвае» лучше всего указывает на некоторые ее свойства: во-первых, это своего рода арабская утопия, во-вторых, автор искренне недолюбливает

Запад и вполне справедливо считает, что тот саботировал восточный мир. Кроме того, многие из этих событий и женщин так или иначе упоминаются либо обыгрываются в повести.

В нашем мире Египет в начале XX в. был родиной феминистского движения на Арабском Востоке. Но масштабов английских суфражисток никогда не достигал. Изначально в Египте речь даже не столько о феминизме шла, сколько об эмансипации. Было два основных требования: тахрир — т. е. освобождение от чьей-либо зависимости; и суфур — что буквально переводится как «снятие чадры».

В 1899 г. Касим Амин издает книгу «Освобождение женщины» (Тахрирал-мар). Его требования сводились к запрещению полигамии (многоженства), ограничению права мужчин на развод, предоставлению женщине образования, гарантии ее права на труд, уничтожению хиджаба. Эти идеи были восприняты в штыки традиционалистами. К. Амина объявили зиндиком (еретиком). Радикальные призывы К. Амина уничтожить хиджаб и затворничество были расценены как прозападнические и вызывали нарекания и чувства протеста в египетском обществе.

В 1919 г. женщины Египта впервые на Арабском Востоке выступили как политический субъект, приняв участие в антибританском восстании в Каире. Лидерами женской демонстрации были Худа Шарави и Сафия Заглул, которой египетский народ дал имя «умм ал-мисрийун» («Мать египтян»).

Сафия Заглул разъезжала по всей стране со страстным призывом к женщинам поддержать борьбу египетского народа против британских колонизаторов. 16 марта 1919 г. состоялась первая в египетской истории женская демонстрация; около 300 египтянок вышли в этот день с лозунгами «Да здравствуют свобода и независимость!» и «Свободу Сааду Заглулу!»

Восстание 1919 г. (всего оно длилось 55 дней) завершило для Египта целую историческую эпоху, расшатав до основания классический колониальный порядок, созданный еще лордом Кромером. Оно

способствовало тому, что многие женщины стали покидать гаремы и появляться в публичной жизни с согласия своих мужей, которые в обычное время не потерпели бы такого. Эмансипация стала реальностью.

16 марта 1923 г. (в день четвертой годовщины первого участия женщин в демонстрации) в доме Х. Шарави в Каире встретились несколько эмансипированных египтянок и создали первую политическую женскую организацию страны «Союз египетских женщин» (Иттихад ан-ниса алмисри), полное название которой звучало: «Союз египетских женщин за избирательное право».

Непосредственным поводом к собранию было приглашение египетских женщин для участия в Международном женском конгрессе в Риме. 12 членов исполнительного комитета организации под председательством Х. Шарави избрали делегацию для участия в конгрессе. В ее состав вошли Худа Шарави, Сиза Набарави, молодая двадцатилетняя женщина, и Фахми Виса (позже из-за болезни вместо нее была избрана Набавия Муса, руководитель женской школы в Александрии). На пути из Рима Шарави и Набарави демонстративно сняли с себя чадру, вероятно, символизируя этим эмансипацию; они сделали это сразу, как сошли с поезда на вокзале в Каире. Для Шарави этот жест стал исполнением давнего, еще детского желания.

19 апреля 1923 г. того же года была утверждена Конституция, которая провозгласила Египет конституционной монархией и узаконила равенство между мужчинами и женщинами. В одном из пунктов она провозгласила полную эмансипацию женщин. Однако принцип «всеобщего избирательного права» для женщин не был утвержден. Только 23 июня 1956 г., когда путем референдума была утверждена Конституция Египетской Республики, женщины получили активное избирательное право (по статье из Научного журнала КубГАУ № 128 (04), 2017 г., авторы Хорунжая С.В. и Турк С.Н.).

«Кто же не слышал, — подумал Хамид. — Это было на первых страницах каждой каирской газеты и темой споров в каждой кофейне». Судя по флайеру, женщины были частью Египетского феминистского сестринства — они требовали реформ уже больше десятилетия. В прошлом году сестринство стало активнее, выходя на улицы и в общественные места. Неудивительно, что они выбрали Рамзесскую станцию для протеста. Именно здесь, в конце концов, юная журналистка египетского издания La Modernité открыто сняла свою вуаль в 1899-м — вызвав национальную сенсацию и оживив движение.

— Как думаешь, они этого добьются? — спросил Онси. — Права голоса, имею в виду? В Лондоне женщины с трудом добились слушания по этому вопросу.

Хамид пожал плечами.

— Кто знает? — Он представить не мог, чтобы английские женщины были настолько же отважны. — Они сумели привлечь на свою сторону королеву, так что это в их пользу. — Он наблюдал, как другая женщина, с лицом, укрытым яшмаком в турецком стиле, поднимается, чтобы произнести речь.

— Захватывающие времена, — заметил Онси.

«Может, даже слишком волнующие для некоторых», — подумал Хамид. Многие лица на станции были искажены шоком от сцены. Одна старая женщина драматически хлопала себя по щекам и груди, сетуя на собрание. Другие зеваки качали головами, а несколько мужчин выкрикивали сердитые слова. Большинство, однако — особенно женщины, обратил внимание Хамид, — слушали с интересом. Так или иначе, страна найдет выход из этой суматохи, если Аллах позволит.

— От этой политики я проголодался, — откликнулся он. — И нам все еще надо сообразить, как разобраться с этим делом. — Он повернулся, жестом подзывая Онси. — Я знаю место, где мы можем совместить эти занятия.

* * *

— Семья моего отца из коптов, прямо отсюда, из Каира, — сказал Онси. Он рассеянно провел пальцем по черному крестику, вытатуированному на внутренней поверхности запястья, не забывая лакомиться кусочком суджуха. Новичок поймал суперинтенданта на слове, утянув почти половину блюда, а сладости рассовал по

карманам. — Большинство живет в Шубре[124], у них сеть кондитерских, — продолжал он. «Это могло объяснить, почему он такой сластена», — подумал Хамид. — А семья матери со стороны ее отца тоже копты, с юга в Минье — все торговцы хлопком. Сколотили состояние, когда у американцев начались проблемы в шестидесятых. Но вот ее мама была нубийкой из Луксора. Из-за этого тот еще скандал разгорелся, поскольку все это было до законов о религиозной терпимости. Так или иначе, я все это к тому, что, конечно, я люблю нубийскую еду! Моя бабушка готовила ее на праздники — хватало и мне, и всем девяти моим сестрам.

Хамид отхлебнул квасаб, позволяя прохладному соку из сахарного тростника омывать язык. Он еще не видел, чтобы до сути добирались настолько окольными путями. И Онси сказал *девять* сестер?

Когда они покинули Рамзесскую станцию, Онси дождался, пока Хамид совершит омове-

[124] Примечания: 124

Шубра-эль-Хейма (Шубра-эль-Хайма) — четвертый по населению город в Египте, расположен в губернаторстве Кальюбия. Находится на севере Большого Каира, являясь частью его агломерации. С 1940-х город населяли рабочие, работавшие на близлежащих фабриках, и их семьи. Сейчас город представляет собой сильно разросшиеся северные окраины Каира, куда стекаются переселенцы из сельской местности.

ние и молитву. Они быстро добрались в центр, к «Мекке» — нубийскому ресторанчику, который нравился Хамиду. Небольшое заведение было оформлено в подражание нубийскому дому: желтые деревянные рамы окон, зеленая и коричневая плитка на полу и небесно-голубые стены в тон тесно сдвинутым столам и стульям. Заведение ничем не напоминало элитные рестораны рядом с посольствами, и чтобы его найти, приходилось покружить по переулкам. Но еда была отличной, а в воздухе разливались ароматы тмина и чеснока.

Онси Юссефа приписали к Хамиду только на этой неделе, по плану министерской инициативы объединять в пары новых рекрутов с опытными агентами. Без сомнения, едва прикрытая попытка переломить привычки следователей, обычно предпочитавших работать в одиночку. Если им предстояло стать партнерами — для Хамида это слово звучало странно, — наверное, было полезно узнать о нем больше, чем можно прочитать в личном деле. Нет ничего лучше еды и напитков, чтобы развязать язык. Хотя парень вряд ли нуждался в стимулах.

— Если позволишь, агент Хамид, — отважился Онси, — могу я спросить о твоей семье?

Хамид пожал плечами.

— Все из Каира, большинство сейчас в Булаке[125]. Мой отец — полицейский. Как и три моих брата. Я нарушил традицию. Выпустился из академии в восьмом.

Глаза Онси вспыхнули, и его гладкое лунообразное лицо приняло облик коричневого херувима.

— Тысяча девятьсот восьмом году? Это разве не тот класс, в котором училась агент Фатима? Ты хорошо ее знал? О ней много говорили в академии?

Хамид сделал еще глоток квасаба. Конечно, много.

Агент Фатима эль-Шаарави была чем-то вроде звезды в министерстве. Одна из немногих женщин-агентов, и довольно молодая. Своеобразная личность, с ее привычкой одеваться в дерзкие английские костюмы. Не то чтобы Хамид ей завидовал. Но если она хотела носить мужскую одежду и поднимать такой ажиотаж, министер-

---

[125] Примечания: 125

Булак — гавань Каира; в настоящее время — один из районов этого города. Находится на левом берегу Нила, в древности была отделена от города Измаильским каналом, в XX в. засыпанном. В конце XIX в. в Булаке проживало около 20 000 жителей, гавань служила главным рынком для продуктов Верхнего Египта и Судана. В 1798 г., 21 июля, на противоположном берегу Нила произошла известная «битва у пирамид». Каир постепенно разрастался, и в начале XXI в. Булак представлял собой один из беднейших районов мегаполиса.

ство предлагало вполне приличную униформу.

— Да, мы с агентом Фатимой вместе посещали академию, — ответил он. Не то чтобы они часто общались. Просто несколько вежливых слов тут и там. После выпуска она получила повышение до специального следователя, раскрывая резонансные дела, расплескивающиеся по первым страницам каирских газет. Не то чтобы он завидовал ее успеху. Она была хорошим агентом. В министерстве находились и такие, кого беспокоило, что женщина достигла подобного статуса. Но Хамид гордился своей современностью и не поддавался устаревшим представлениям. Разве что было бы мило увидеть свое фото в газете только разок.

— Я слышал, она была самым юным в истории академии рекрутом, ей было только двадцать! — не умолкал Онси. — Мы изучали некоторые ее дела. Говорят, что последнее включало в себя, возможно, десятки безумных ангелов!

Хамид поставил чашку на стол и впился в молодого мужчину тяжелым взглядом.

— Мы не сплетничаем о делах других агентов. И лучше бы тебе не распускать министерские утки. — Он понятия не имел, почему последнее дело агента Фатимы было засекречено, но из-за

подобной секретности именно такие смехотворные слухи и возникали. В любом случае те *штуки* не были ангелами.

Заметив пристыженный после выговора вид Онси, он сменил тему.

— Так каким образом эдвардианский человек вроде тебя оказался в министерстве? Я так понимаю, ты с тринадцати лет учился в английских школах-пансионах.

Онси встрепенулся.

— Моя семья хотела, чтобы я получил *достойное* образование, — тактично ответил он. Хамиду не нужно было уточнять, что новичок имел в виду. Египет мог похвастаться, возможно, лучшими университетами в мире. Но некоторые все равно настаивали на том, чтобы отсылать своих детей на учебу в Англию или Францию, где в программе не было кощунственных предметов вроде алхимии. — Все это сплошной нонсенс, — торопливо добавил Онси. — В Сорбонне теперь изучают заклинания. И в Оксфорде, и в Кембридже в последние два года открыли школы сверхъестественного. Игнорировать трансцедентальные дисциплины уже не получается.

«Нет, — насмешливо подумал Хамид. — Не после того, как джинны и алхимия разбили ан-

гличан под Эт-Тель-эль-Кебиром в 1882-м. Затем и англичан, и французов в девяностых. Не говоря о катастрофе с Германо-Итальянским альянсом под Адуа[126]. Аль-Джахиз не просто открыл Каф джиннов, он истончил стены сверхъестественных миров по всему миру, и эффект все еще ощущался. Не мудрено, что старые империи пересмотрели свое мнение на «предрассудки туземцев и жителей Востока».

— Я жаждал вернуться, чтобы учиться в Каире, — мечтательно продолжал Онси. — Так что я бросил Оксфорд на втором курсе и зачислился в местный университет. Изучал средневековые манускрипты по эзотерическим наукам и тауматургической лингвистике. Я убедил семью аргументом, что министерство нуждается в большем количестве коптов в своих рядах, ведь они всегда жаловались на неравенство в гражданском обществе.

— Это значительная перемена после… — Хамид

---

[126] Примечания: 126

В нашем мире в ходе Англо-египетской войны в окрестностях Эт-Тель-эль-Кебира состоялось сражение между британскими войсками и армией египетских повстанцев. Решительная победа англичан открыла им путь на Каир и привела в итоге к капитуляции правительства Египта.

Сражение при Адуа — решающее сражение Итало-эфиопской войны 1895–1896 гг., произошло 1 марта 1896 г. близ города Адуа и окончилось сокрушительным поражением итальянцев.

сделал паузу. — Что ты изучал в Оксфорде?

— Английскую драматургию, — расплылся в улыбке Онси. — Я был членом драмкружка и играл Катарину в нашей постановке «Укрощение строптивой»!

Хамид пытался вызвать этот образ в уме, когда к их столику кто-то подошел. Агент повернулся и обнаружил высокую молодую женщину. Без сомнений, нубийка, и эффектная, с кудрявыми черными волосами, выглядывающими из-под желтого хиджаба. Но хватать воздух ртом подобно рыбе Хамида заставила остальная ее одежда. Девушка носила распространенное нубийское платье с узором, но подол заканчивался у колен, а на плечах оно удерживалось серебряными пряжками. Под платьем у нее было что-то похожее на бежевые бриджи в обтяжку, заправленные в высокие кожаные ботинки. Она стояла рядом, выжидательно глядя сверху вниз.

— Доброго дня и мира вам, мадам, — неуверенно поприветствовал он ее.

— Надо же, какие мы церемонные, — ухмыльнулась женщина. Она прищурила темные глаза и наклонила голову, заставив золотые сережки раскачиваться. — И тебе доброго дня, мира и здоровья.

Хамид был несколько озадачен. Для только что встреченного человека девушка уже порядком раздражала. Агенту не хотелось, чтобы Онси решил, будто он из тех, кто окружает себя незнакомыми женщинами.

— Мадам, может, я знаком с вашим отцом или братом? — осторожно спросил он.

Нубийка гортанно рассмеялась.

— Нет, но я здесь, чтобы познакомиться с твоим заказом.

После этого Хамид заметил, что она держит карандаш и блокнот.

— Простите. Я не подумал. Обычно меня обслуживает дядюшка Тофик.

— Старший сын моей пратети, — ответила она. — Я помогаю в ресторане, пока его нет.

— У него все хорошо со здоровьем? — спросил Хамид. Ему нравился пожилой мужчина, называвший его Капитаном и всегда готовый поделиться историей или шуткой.

— О, все в порядке, — ответила девушка. — Просто уехал навестить семью в Кене. Уже знаете, что будете заказывать? — Хамид заколебался. Тофик обычно приносил лучшее. Агент так и сказал, а она в ответ улыбнулась и постучала пальцем по кончику носа. — В таком случае я поступлю

так же. Думаю, справлюсь. — Следователь посмотрел на нее с сомнением, но из вежливости согласился.

Через некоторое время они с Онси вполне насытились, опустошив несколько мисок. Нубийка не подвела, заставив их стол запеченным мясом, соленой рыбой, чечевичной кашей и тушеной окрой. В данный момент в качестве десерта они наслаждались вкусным хлебом под названием кабед, который ели с молоком и медом. Большинство посетителей отправились спать, чтобы переждать дневную каирскую жару, и в ресторане кроме агентов почти никого не осталось. За едой они принялись обсуждать дело, но пока это ни к чему не привело.

— В общем, нам нужен джинн, — сказал Хамид, устало растирая виски. — Только они могут выманить одного из своих из трамвая. Но ни один джинн не согласится на жалкую сумму, которую мы готовы предложить. — Джинны приняли современный мир во всех его аспектах, включая требование справедливой оплаты. Многие вступили в профсоюзы. Их способности обходились недешево.

— Может, — осторожно предложил Онси, — у нас получится заинтересовать джинна чем-то по-

мимо денег? Я так понимаю, еще остались такие, что выполняют желания…

Хамид оборвал его, резко мотнув головой.

— Никогда не загадывай желаний джинну. Они куда лучше в переговорах, чем мы, и это почти всегда плохо заканчивается. — Катастрофы, связанные с исполнением желаний, занимали по меньшей мере пятую часть от поступающих в министерство дел, и он видел их больше чем достаточно.

В отсутствие идей напарники сидели в тишине, пока кто-то не придвинул стул к их столику. Хамид изумленно развернулся, чтобы снова увидеть бесстыдную молодую официантку. Нубийка сняла передник официантки, который теперь небрежно свисал с ее плеча.

— Простите, что прерываю вашу трапезу, — сказала она с умиротворяющим жестом. — Но я совершенно случайно подслушала ваш разговор — что-то насчет вагонетки или экипажа с призраками? — Хамид возмущенно на нее зыркнул, но это ее только раззадорило. — Ой, да хватит сжимать эту твою большую квадратную челюсть. Ресторан почти пустой, а вы разговаривали почти час. Знаешь, как скучно подавать еду? Чем мне еще заняться, чтобы убить время? Говорите тише,

если не хотите, чтобы я слушала! Кроме того, вы не первые Охотники за жутью из министерства, которые сюда пришли, знаете ли.

Хамид смущенно почесал свою челюсть. Не такая уж она и квадратная. И Охотники за жутью?

— Как я говорила, — продолжила та спокойнее. — Мне кажется, вы неправильно подходите к делу. Не только джинны могут уговорить этого духа. Есть и более дешевые решения. Не такие модные, как вся эта ваша алхимия и заклинания, но вы думали о ритуале зар?[127]

Хамид был готов объяснить, что агенты министерства не шатаются по округе, используя народные средства в деликатных делах. Но его губы не шевельнулись. Потому что, поразительным образом, она дала хороший совет.

— Зар? — спросил Онси, исключения ради не понимавший, о чем речь.

— Церемония, — пробормотал Хамид, прокручивая идею в голове. — Ее проводят, что-

[127] Примечания: 127

Зар — в культуре Сомали и граничащих регионов Среднего Востока это термин, обозначающий демона или духа, вселившегося в человека, в основном в женщин, и вызывающий у него или у нее дискомфорт или болезнь. Так называемый ритуал зар, или культ зар, — практика экзорцизма подобных духов. В настоящее время зар очень популярен в Каире и других крупных городах исламского мира в качестве чисто женского развлечения. Такие собрания могут включать музыку, угощения и заканчиваются танцами.

бы исцелить недуги, причиненные малыми джиннами. Министерство считает ее слишком беспорядочной и неорганизованной, чтобы классифицировать как настоящую дисциплину. — На этих словах нубийка неодобрительно хмыкнула. — Но мне кажется, что это может сработать.

— Могу дать имя и адрес, — предложила она. Вырвав страничку из своего блокнота, девушка быстро нацарапала несколько слов и толкнула ее вперед. — Но придется их убедить. Уверена, что Охотники за жутью с этим справятся.

Хамид прижал ладонь к груди и склонил голову:

— Спасибо вам большое, мадам.

Она улыбнулась в ответ.

— Пожалуйста. — Поднявшись, официантка шутливо прижала пальцы к векам — и поменяла смысл жеста поддразнивающим подмигиванием.

— Она была очень любезна, — сказал Онси, наблюдая, как девушка уходит прочь в своих странных ботинках.

— Возможно, — ответил Хамид, чей разум уже набрал обороты. — Заканчивай. Нам нужно договориться о встрече с шейхой.

Глава третья

Адрес на страничке из блокнота привел их на Шаиб-эль-Банат. Раньше она называлась улицей Солимана, в честь французского военачальника на службе у одного из старых пашей. Теперь она носила имя джинна-строителя, который превратил современный Каир в промышленную столицу. Кроме того, это было названием горной гряды где-то в Восточной пустыне, поскольку джинны никогда не называли своих настоящих имен, а пользовались названиями разных мест в качестве прозвищ.

Хамид ожидал, что окажется в каких-то задворках, не в одном из самых известных коммерческих центров города — с высокими зданиями самых разных архитектурных стилей. Агенты остановились на углу, перед строением с закругленным фасадом и множеством этажей, каждый из которых поддерживали коринфские колонны. На вершине резной горельеф под крышей, увенчанной белым куполом, изображал сидящих на тронах фараонов.

— Вот и пришли, — сказал он Онси, сверяясь с адресом. — Точно по указанию нашей любез-

ной официантки. Скажи мне, что ты насчет нее заметил?

Онси поджал губы, размышляя над неожиданным вопросом.

— Она где-то моего возраста, мне кажется. Определенно, куда симпатичнее. И еще эти штаны и ботинки. Интересная женщина.

«Что есть, то есть», — согласился Хамид.

— Что насчет ее сережек?

Лицо Онси сморщилось от сосредоточенности.

— Сережки? Они были золотыми. В виде какого-то животного? Может, птицы?

— Коровы, — поправил Хамид. — Золотой коровы, с диском между рогами. Эмблема богини Хатор[128].

Глаза юноши расширились.

— Идолопоклонница!

— Они не совсем так себя называют, — указал Хамид. Появление джиннов и магии вызвали в обществе непредсказуемые изменения. Некоторые

---

[128] Примечания: 128

Хатор, Хатхор (Дом Гора, т. е. небо) — в египетской мифологии богиня неба. В древнейший период почиталась как небесная корова, родившая солнце. Впоследствии изображалась женщиной с рогами и иногда ушами коровы, но в некоторых местностях сохранила облик коровы. Почиталась как богиня-мать, богиня любви, веселья, музыки, пляски. Один из распространенных ее эпитетов — «золотая». Хатор также связана с заупокойным культом, она вместе с богиней Таурт встречает умерших на пороге подземного царства.

после него отправились на поиски древнейших египетских богов, чьи храмы и статуи упорно сохранялись сквозь эпохи. В одном только Каире существовали десятки подобных культов. Большинство скрывалось, поскольку даже новые хваленые законы о религиозной терпимости почти не защищали их приверженцев. — Неудивительно, что она знает, где найти практиков зара, — продолжил следователь, дергая за ручку двери. — Всегда будь внимателен, агент Онси. Самые неожиданные вещи могут прятаться прямо перед твоими глазами. — Слова умерли на его языке, когда дверь отворилась.

Он ожидал увидеть вестибюль, но вместо этого агента приветствовало фойе, заполненное женщинами. Десятками женщин. Все они громко разговаривали и были так заняты, переходя туда и сюда, что большинство едва обращало внимание на двух мужчин. Хамид изучил стены, заклеенные плакатами. На одном из них изображалась женщина в вуали и с распростертыми руками, надпись ниже гласила: «ВОССТАНЬТЕ, ЖЕНЩИНЫ!» На другом юная заводская девушка сидела у ткацкого станка с лозунгом: «ЖЕНЩИНЫ, ПРОБУДИТЕСЬ!» Третий представлял женщину в современном платье: «ЕГИПЕТ, ОСВОБОДИ СВОИХ

ЖЕНЩИН!»

Его взгляд поднялся по каменной лестнице, где с балкона свисал большой транспарант в форме полумесяца, демонстрируя знакомую двуликую Хатшепсут на красно-зеленом фоне. Поверх золотыми буквами была нанесена надпись: «Штаб-квартира Египетского феминистского сестринства № 3». Хамид все еще собирал детали неожиданной сцены, когда его поле зрения заблокировала фигура: женщина в черном, с кислым выражением лица.

— А вот и ты! — воскликнула она безо всяких приветствий. — Целых два часа прошло! Мы что, слишком многого от тебя просим, если хотим, чтобы ты приехал, когда обещал? — Агент открыл рот, чтобы протестовать, но женщина вскинула голову вверх и щелкнула языком, отбрасывая любые его возражения. — Не хочу слышать твои оправдания. Тебе должно быть стыдно вести бизнес таким образом! Где твое самоуважение и как ты ожидаешь, что тебя будут уважать другие?

Под напором ее тирады Хамид невольно сделал шаг назад и заметил, что Онси поступил так же. Женщина была плотного телосложения и достаточно старая, чтобы быть его матерью. Она говорила с ним так, словно и *в самом деле* была

его матерью.

Женщина схватилась за голову в явном раздражении.

— Ты видишь, сколько еще нам нужно выпустить? Если ты не починишь машину сейчас, нам не хватит на митинги, запланированные перед голосованием!

Хамид проводил взглядом ее жест, только сейчас заметив листовки, которые другие женщины собирали у стен в аккуратные стопки. На всех было написано: «МЫ ТРЕБУЕМ ГОЛОСА!»

— Мадам, мы здесь не для починки вашей машины, — собравшись наконец с духом, ответил он.

— Тогда кто ее починит? Хочешь, чтоб мы сами занялись? — Она бросила на следователя злобный взгляд.

Он торопливо вытащил свое удостоверение и выставил словно щит.

— Я агент Хамид, а это агент Онси. Мы из Министерства алхимии, заклинаний и сверхъестественных сущностей.

Женщина внимательно рассмотрела его фото и печать. Она сдвинула свои густые брови.

— Мы вам не звонили. Нам нужен механик для принтера. Зачем они прислали нам мини-

стерских?

— Мадам, никто нам не звонил, — объяснил Хамид. Это становилось утомительным. — Мы ничего не знаем о вашем принтере или вашей работе. Мы ищем шейху и не подозревали, что это одна из сестринских штаб-квартир. Возможно, нас ввели в заблуждение. Если так, мы извиняемся, что потревожили ваш дом.

Женщина оглядела обоих, набросила шаль, а затем почти пренебрежительно сообщила:

— Вам нужна Надия. Она снимает офис семью пролетами выше. Зеленая дверь. Лифт занят, так что придется вам по лестнице. — Она покинула их так же торопливо, как появилась, скорее всего, в поисках своего блудного механика.

Хамид и Онси обменялись измученными взглядами, прежде чем пересечь этаж, пробираясь сквозь толпу, и начать подъем. На каждом этаже, который они миновали, были занятые работой женщины. Они делали плакаты, составляли петиции, даже заучивали лозунги. Учитывая, что на этой неделе должно было состояться голосование по законопроекту суфражисток, он понимал их спешку. Агент обратил внимание, что, помимо очевидных каирок, здесь встречались деревенские женщины. Их можно было узнать

по простым, но искусно обернутым галабеям. Похоже, сестринство собрало своих участников отовсюду в подготовке к митингам — разумный ход, если вспомнить, что на ранних этапах у движения были проблемы с инклюзивностью и в нем присутствовали только горожанки.

К тому времени, когда они добрались до седьмого этажа, Хамид обнаружил, что задыхается. Онси был немногим лучше. Они остановились, чтобы отдохнуть рядом с огромной фреской, изображающей толпы людей с джиннами, спрятавшимися среди них. В центре картины были три женщины в экипаже, все в черных платьях и длинных белых вуалях, одна из них стояла и, кажется, произносила речь.

— «Женщины 79-го», — заметил Онси, опознав знаменитую картину. Конечно, это была только копия. Оригинал куда большего размера выставлялся в музее в Гезире, посвящение женщинам, принявшим участие в Национальном восстании против британцев в 1879 году. Неудивительно. В конце концов, женщины были одними из самых убежденных последователей аль-Джахиза. Отведя глаза от фрески, Хамид увидел темно-зеленую дверь в конце коридора. — Мне кажется, мы пришли, — заключил он. Напарники подошли и

на этот раз постучали, прежде чем медленно отворить дверь. Внутри они увидели двух сидящих женщин, работающих на широком латунном коммутаторе, их руки быстро двигались, пока они говорили в головную гарнитуру и втыкали длинные черные корды в медные штекеры.

— Доброго дня, сэры, я могу чем-то помочь? — донесся голос.

Хамид повернулся к еще одной женщине, сидящей за широким расписным столом на ножках в виде лап животного. Не женщина, поправил он себя, но джинния. Ее кожа была глубокого оттенка красного, цвета темного рубина, даже губы. Пара закрученных серебряных рогов заменяла волосы, спускаясь ниже ее плеч и согласуясь с ее изысканным маникюром, длиной напоминающим когти. Кроме того, очень возможно, что она была самым красивым созданием, которое он когда-либо видел, с ее бездонными глазами, сияющими словно драгоценные камни в лунном свете. Пока следователь на нее смотрел, его рот пересох, но он сумел выдавить приветствие, показать удостоверение и спросить о хозяйке.

— Присаживайтесь, пожалуйста, агенты, — ответила джинния мелодичным голосом. — Я спрошу, есть ли у шейхи окно, чтобы встретиться

с вами. Не желаете ли напиток? Может быть, чаю?

Хамид мечтательно кивнул, благодаря секретаршу. Его ноздри заполнялись ароматами, витающими вокруг джиннии: жасмин, мед, пряная корица — такими сильными, что он чувствовал их на языке. Поднимаясь, она сдержанно улыбнулась агенту — джинния была на добрый фут выше его. И Хамид не мог не обратить внимания, что даже в длинном темно-бардовом платье ее походка была почти гипнотической.

— Очень примечательная джинния, — с придыханием проговорил Онси, когда они уселись.

Хамид не ответил, все еще пытаясь разогнать туман, заволокший его чувства. Вместо этого он принялся наблюдать за женщинами у коммутатора. Теперь, когда он был ближе, агент мог услышать, что они, похоже, принимают заказы — от людей, нуждающихся в зар. Из того, что расслышал следователь, звонки шли со всего Каира.

Все звонящие были женщинами, которые просили о церемонии по любому поводу: горячка, бездетность, депрессия, пристрастие, невезение. Список был бесконечен, и двум связисткам приходилось работать в напряженном ритме. Это было ошеломляющим откровением, и он задумался,

как много совершенно современных каирских женщин в уединении своих домов участвовали в том, что публично считалось заскорузлым предрассудком. Министерство очевидным образом чрезвычайно недооценило популярность церемонии.

— Агенты, шейха готова вас принять, — раздался мелодичный голос.

Хамид поднял голову и обнаружил высокого джинна, стоявшего над ним в темно-бордовой робе. Он был таким же рубиновокожим, как джинния, и у него были такие же длинные серебряные рога, завивавшиеся назад, словно волосы. Может, родственник? И его тоже окружал этот сильный запах. И в его глазах играла знакомая искра. Хамид моргнул, когда до него дошло. Он не был другим джином, это был тот же джинн! Следователь открыто его разглядывал, не в состоянии себя перебороть, а улыбка джинна была в большей степени понимающей, чем сдержанной.

— Ваш чай, агенты. И не могли бы вы пройти за мной?

Хамид принял свой стакан, предложил второй Онси, и напарники поднялись, чтобы следовать за джинном.

— Я слышал об этом виде джиннов! — шепотом произнес юноша, придвинувшись поближе. — Интересно, как они предпочитают, чтобы к ним обращались? Все равно замечательно красивый!

— И с той же завораживающей походкой, — вынужден был признать Хамид. Их провели сквозь еще одну дверь в небольшую комнату. Джинн предложил сесть и оставил их, закрыв за собой дверь.

Две фигуры перед ними отличались друг от друга настолько, насколько это вообще возможно. Первой была совсем не женщина и не джинн, но автоевнух. Только эта модель была незнакома Хамиду. У всех механических людей, которых он встречал, отсутствовали определенные анатомические особенности, они состояли из бочкообразных туловищ с присоединенными к ним шарнирными конечностями. Эта модель, со всей определенностью, была механической женщиной: плавные изгибы стройного тела легко просматривались даже под длинной белой робой. Все автоевнухи были одинаково безлики, но у этой модели наличествовало бронзовое лицо, отлитое словно в подражание какой-нибудь древней богине. Свет от лампы отражался на ее выступающих скулах металлическим сияни-

ем. Необычный автомат стоял неподвижно, с руками, сложенными на груди, разглядывая их пустыми овальными глазами, его полные губы были отлиты в легкой улыбке.

Другая фигура, без сомнений, была человеком, женщиной среднего возраста с собранными в косу волосами с проседью. Она сидела за отполированным столом сандалового дерева, с выгравированными по всей его поверхности пересекающимися кругами из суфийской символики, включая каллиграфический сигил, обычно используемый для обозначения аль-Джахиза. Не было ничего удивительного в том, что женщина оказалась суданкой — это было очевидным по тхобу цвета индиго, укутывающему ее от головы до щиколоток. Здесь же, на стене позади нее, висел бросающийся в глаза красно-черно-зеленый флаг с полумесяцем и копьем — означавший Махдистскую Революционную Народную Республику.

Хамид поприветствовал шейху, представив себя и Онси. Она приняла их с прохладной вежливостью, карие глаза разглядывали их, как можно смотреть на пару гадюк, пригласивших себя за ваш обеденный стол. Пальцы рассеяно водили по запутанным узорам из хны, покрывавшим

другую руку, пока они обменивались любезностями, и следователь задался вопросом — что ее так встревожило в их визите? Ответа долго ждать не пришлось.

— Я ожидала, что рано или поздно ко мне придут из министерства, — сообщила шейха с заметным акцентом ее родины. — Но мне кажется, вы должны понимать, что я не смогу способствовать вашему предприятию. — Агент Хамид потрясенно на нее уставился. Он еще даже не изложил свою просьбу. Неверно истолковав его замешательство, и до того твердый взгляд ужесточился до стали. — Я не склонюсь перед любым принуждением зарегистрироваться в министерстве. И сразу вам скажу, что любая другая шейха или кодия также будет сопротивляться подобным попыткам — это бы означало выдать женщин заблуждающимся мужчинам, которые считают то, что мы делаем, каким-то видом балади[129] или даже харамом[130]!

Хамиду понадобилось мгновение, чтобы понять, о чем она говорит, и агент выругал себя за

---

[129] Примечания: 129

Египетский народный танец живота.

[130] Примечания: 130

Харам — в шариате — запретные действия и деяния, являющиеся наиболее греховными.

недомыслие. Конечно, она думает, что два агента, появившихся в ее офисе, хотят поместить зар под контроль министерства. Учитывая то, что он знал о церемонии — с ее многочисленными лидерами и маленькими ячейками, — в городе обитали сотни подобных женщин. К тому же она, скорее всего, была права. Стоит министерству узнать про обширную природу ее операций, начнутся меры по регистрации и санкционированию их практик. Но он мог ее уверить, что это не было их текущей целью.

— Шейха Надия, — уважительно ответил Хамид, — мне жаль, что мы вас потревожили. Но мы пришли по другому поводу. — «Во всяком случае сегодня», — виновато подумал он. — Мы ищем вашей помощи, если вы готовы ее оказать.

Шейха уперлась в него недоверчивым взглядом, и следователь торопливо объяснил, что им было нужно. Она слушала с непроницаемым лицом. Когда Хамид закончил, женщина поначалу ничего не ответила, все еще обдумывая его слова. Хотя бы ее пальцы перестали водить по узорам.

— Должна признаться, агент Хамид, — наконец сказала она, — я не этого ожидала. — Плечи Надии расслабились, и она откинулась в кресле. Взяла стакан красного чая, до того стоявший

нетронутым. — Вы рассказали интересную историю про этот трамвай, в который вселился дух. Никогда раньше о подобном не слышала. Но скажите, почему вы не искали помощи одного из великих джиннов? — Хамид почувствовал, как дернулись его усы, когда он силился найти тактичный ответ. — А, — вздохнула она, прочитав его нерешительность, — вы предположили, что шейха выйдет дешевле, чем элитный марид. Ну, вы правы. Мы не пытаемся разбогатеть на женщинах города, хотя просим оплаты по мере их возможностей. Но, к сожалению, я должна вас разочаровать, отказавшись от вашей просьбы.

Хамид почувствовал, как ветер покидает паруса его надежд.

— Но почему? — спросил он.

Шейха сделала длинный глоток чая, прежде чем ответить.

— Во-первых, вы неправильно понимаете, чем мы занимаемся. Зар — это не церемония изгнания духов. Мы оцениваем каждую женщину, чтобы понять природу ее несчастья. Вполне возможно, что вселившийся джинн был потревожен действиями женщины или неким нарушающим порядок присутствием. Может, он хочет чего-то. Или предупреждает. Некоторые просто

капризны. В чем бы ни заключалась проблема, мы работаем, чтобы успокоить джинна, привести личность к гармонии с духом, так, чтобы его желания были удовлетворены. Мы не экзорцисты. — Она выплюнула последнее слово с отвращением и сделала еще глоток чая, будто пытаясь смыть его вкус. — Так что, как видите, я ничего не могу поделать с вашим трамваем, он же не личность на самом деле. И у нас нет привычки выкидывать джиннов оттуда, где они решили поселиться.

Ну, это не воодушевляло. Хамид мысленно пробежался по известной ему информации о заре, которой, признаться, было немного. Считалось, что эта традиция пришла из Абиссинии, где практиковалась как христианами, так и мусульманами. Она путешествовала по Нилу, пока не достигла Судана и Египта, выйдя за их границы в Магриб. Это был женский домен, или, во всяком случае, он никогда не слышал о мужчине, проводящем зар. Насколько понимал следователь, они имели дело с малыми джиннами того вида, что причиняли проблемы и которые редко принимали телесную форму. Как кто-нибудь мог оценить подобных созданий, было за гранью его понимания. Агент размышлял, как выйти из этого

тупика, когда неловкую тишину нарушил Онси.

— Шейха Надия, — спросил он, — вы когда-нибудь ездили на трамвае?

Она покачала головой, ее лицо исказилось.

— Когда я вижу, как они пролетают надо мной, у меня уже головокружение. Я ценю чудеса этой эпохи, но предпочитаю твердую землю под ногами.

— В таком случае позвольте рассеять возникшее недоразумение, — ответил Онси. — Простите меня за мое несогласие, шейха, но я не уверен, что различие между одержимым человеком и трамваем, которое вы делаете, имеет под собой основание.

— О? — спросила она, оценивающе поднимая бровь. — Прошу, просветите меня.

К этому парень, похоже, и стремился.

— Трамвай, о котором идет речь, разработан джиннами, — объяснил он. — Он наделен механическим мозгом, насыщенным магией. Таким образом, трамвай способен мыслить — что он делает, чтобы безопасно перемещать себя и пассажиров. Эти головокружительные маневры, свидетельницей которых вы оказались, выполняются мыслящим существом. Учитывая это, я утверждаю, что трамвай мало отличается от

личности, страдающей от недуга и требующей вашей помощи. Разве первые суфийские мастера не писали, что в достижении духовного совершенства нет ничего важнее великодушия?

Теперь поднялись обе брови женщины и Хамида тоже.

— Хотела бы я знать, откуда копт столько знает о концепции футуввы[131], — хмыкнула она, бросая взгляд на татуированное запястье. — Вы сделали интригующее заявление. Однако ваш аргумент приводит лишь к еще одной проблеме. Если трамваи, как вы говорите, мыслящие существа, выходит, они существуют в состоянии рабства. И я не буду помогать подобной угнетающей системе.

— Рабство! — вскричал Хамид, совершенно сбитый с толку. — Откуда во всем этом рабство взялось?

Шейха поднялась, и когда она заговорила, по речи чувствовалась, что монолог заучен наизусть.

— Мыслящие существа, созданные Аллахом

[131] Примечания: 131

Футуввa (благородство, мужество; от араб. «фата» — юноша) — важный концепт мусульманского мистицизма, а значит, суфизма. Альтруизм и великодушие, которые являлись основными принципами футуввы, дали основание сравнивать ее с институтом западноевропейского рыцарства. Как серьезная политическая сила футуввa часто взаимодействовала и с верховной властью. Салах ад-Дин усиленно пропагандировал ее для борьбы с крестоносцами.

или человеком, не должны принуждаться к службе, но иметь право выбирать свой путь. В Народной Республике все формы принуждения были отринуты. Ни один мужчина или женщина не могут иметь других в собственности. Также не можем мы позволить разумным трамваям или механическим людям, созданным по подобию нашему, служить нашим прихотям, в то время как мы процветаем от их труда. Сам аль-Джахиз, как вы знаете, был солдатом-рабом у одного из ваших пашей. Он часто говорил о том, какой вред рабство наносит душам тех, кто скован цепями, и душам тех, кто держит эти цепи. Многие джинны скажут вам то же, ибо они ненавидят рабство, может быть, сильнее любого другого земного порока.

Хамид был немного знаком с этой историей. Рабство запретили вместе с рождением независимого Египта в 1883 году[132]. Однако в Судане раннее махдитское движение собиралось возродить практику — пока джинн не обратил их руководство в революционный суфизм. Все же Хамид не мог не упомянуть очевидное, тем более что оно находилось лишь в футе от них.

---

[132] Примечания: 132
В 1895 г. в нашем мире.

— Шейха Надия. Не хочу показаться грубым, но вы сами хозяйка автоевнуха.

Шейха повернулась к механической женщине, которая все это время стояла неподвижно.

— Агент Хамид, вы снова неправильно поняли. Я не владею автоевнухом. Фахима мне не собственность, но ассистентка. Так ведь, Фахима?

— Да, мадам, — подтвердила автоевнух. — Мне кажется, агент ошибся по поводу природы наших отношений.

Хамид чуть не упал со стула. Эта автоевнух разговаривала? Ее губы не шевелились, а лицо оставалось неизменным, как у статуи. Но то были ее слова! И не просто обычные «да» или «нет» или «чем я могу служить?», но сложная фраза!

— Фахима — освобожденная машина, — сказала шейха, не пытаясь скрывать веселья от его потрясенного вида. — Когда-то она была обычным автоевнухом, но я помогла ей увидеть, что она нечто большее. Она начала думать за себя. Есть и другие, подобные ей, и они пробуждают сознание в своих товарищах. Вы смотрите в будущее.

Челюсть Хамида все еще висела. Автоевнухи обретают личность? Он уже мог представить хаос, когда механические люди начнут выступать против своих владельцев, требовать зарплаты

или предпочитаемую работу. Если у женщины и были подобные опасения, они потерялись за самодовольным выражением лица. Некоторым только дай Маркса почитать…

— Пожалуй, шейха слишком оптимистична, — вмешалась Фахима, слегка склоняя голову. — Только немногие из нас одарены внутренней искрой, позволяющей становиться чем-то большим. Возможно, это заложено в определенной конструкции. Или в какой-то науке, которую мы пока не понимаем. Большинство из нас довольны своей работой и больше одного выходного для себя не хотят, может, двух.

«И это все?» — сардонически подумал Хамид.

— Не уверен, как это что-либо меняет, — начал Онси, видимо, найдя новый аргумент. — Являются мыслящие машины рабами или нет, может оказаться предметом захватывающей дискуссии. Но плохой причиной, чтобы позволить трамваю 015 изнемогать в беде. Вы не больше поспособствуете рабству, исцелив его недуг, чем вылечив эксплуатируемого рабочего. Положение пострадавшего не устраняет вашего этического долга.

Похоже, шейху тронули его слова, взгляд ее стал задумчивым. Онси воспользовался брешью с мастерством шахматного игрока.

— Кроме того, вполне вероятно, что такой акт милосердия сделает трамвай 015 более восприимчивым к посланию свободы.

Это заставило ее вскинуться с интересом. Хамид резко повернул голову, бросая на Онси злобный взгляд. Они сюда не революцию пришли устраивать!

— Фахима, что ты думаешь о доводах агента? — поинтересовалась шейха.

— Мне кажется, в них есть смысл, — ответила механическая женщина.

Шейха Надия согласно кивнула.

— Я бы с большим удовольствием когда-нибудь устроила с вами пролетарский диалог о философии мастеров-суфиев и коптских мыслителей, агент Онси.

— О! — воскликнул тот, просияв улыбкой. — И я бы с большим удовольствием!

— Агент Хамид, — резко обратилась она, — я посмотрю, что смогу сделать с вашим трамваем.

— Спасибо, — с благодарностью ответил следователь. Хотя часть его все еще пыталась понять, что здесь только что произошло.

— А теперь, — строго сказала Надия, — давайте обсудим меру ваших возможностей.

Следующие полчаса они провели, слушая, как

шейха составляет план и высчитывает оплату. Фахима почтительно стояла рядом с ручным механическим калькулятором. Ее ловкие металлические пальцы расплывались в пятно, нажимая на цифровые клавиши, которые клацали по мере того, как в машине крутилась катушка, выпуская отпечатанную бумагу. Когда с этим было покончено, они вручили Хамиду длинный счет.

Он чуть не поперхнулся чаем.

Глава четвертая

Следующим утром агент Хамид обнаружил себя стоящим около трамвая 015 на воздушной площадке Рамзесской станции. Он сумел убедить шейху Надию немедленно взяться за дело, а не включать его в свое забитое расписание — в ином случае она могла не добраться до трамвая вплоть до следующего Мавлида[133]. И, конечно, за это пришлось доплатить. Такое ощущение, что за каждую мелочь надо было платить! Она утверждала, что ведет подсчет честно, обходясь с агентами, как с любым другим просителем. Все же услуги шейхи обходились значительно дешевле, чем помощь элитного джинна. Кроме того, шейха пришла со своим собственным.

Хамид посмотрел на рубинокожего джинна — в настоящий момент женщину, помогавшую подготовить трамвай к церемонии. Оказалось, что джинния не только секретарем работала. «Джиззу жила с моей семьей поколениями, — проинформировала его шейха. — У нас не было

[133] Примечания: 133

Мавлид — празднование дня рождения пророка Мухаммеда. Проводится 12 числа третьего месяца мусульманского лунного календаря.

сомнений в том, что джинны жили и работали среди нас задолго до аль-Джахиза. Ритуал, который я сегодня провожу, родился из этой связи».

Хамид подозревал, что это какой-то вид личных джиннов. Может быть, даже кариин[134]. В министерстве было зарегистрировано всего несколько подобных случаев — джиннов вроде Джиззу, связавших себя непосредственно с людьми, целыми семьями или родом, иногда даже считавшимися одними из них. Нужно было не забыть добавить это в отчет. В том случае, если план вообще сработает.

— Молюсь, чтобы все прошло хорошо, — ответил Онси, когда Хамид поделился этой мыслью. Он говорил с набитым суджухом ртом, пополнив этим утром свои запасы сладостей из блюда Башира. Суперинтендант с растущим недоумением

---

[134] Примечания: 134

Духовный двойник человека, либо часть самого человека, либо дополняющая сущность, живущая в параллельной реальности. По причине своей призрачной природы, кариины классифицируются как джинноподобные существа, хотя обычно ими не являются. Упоминаются в сурах Корана именно в контексте товарища, друга:

> Уа Ман Йа́шу «Ан Зикрир-Рахмани Нукаййид Ляху Шайтанаан Фахува Ляху Кариин.
> К тем, кто отвращается от поминания Милостивого, Мы приставим дьявола, и он станет его товарищем (Сура 43: Аз-Зухруф);
> Каля Ка́илюн Минхум Инни Кана Ли Кариин.
> Один из них скажет: «Был у меня товарищ» (Сура 37: Ас-Саффат).

наблюдал, как шейха Надия со своей свитой наполняли его маленький кабинет, все со свертками и разнообразными материалами для церемонии — от свечей до продовольствия, — было даже несколько живых петухов. Когда же появились Джиззу и Фахима, Башир все не мог решить, на кого он больше хочет пялиться: на привлекательную джиннию или говорящего автоевнуха.

— На все воля Аллаха, — провозгласил Хамид в ответ. Он наблюдал, как женщины оборачивают части трамвая белой тканью. — Что они сейчас делают?

— Я всю ночь читал о ритуале, — сообщил Онси. — Ты знал, что зар очень различается в зависимости от региона? Даже практики некоторых кланов, живущих неподалеку от Судана, отличаются друг от друга. А христиане исполняют его не так, как мусульмане, хотя иногда проводят его вместе. Мне кажется, что сейчас они готовят пациента. В обычном случае это была бы женщина, на которую надели белые робы. Ах да, видишь? Теперь они наносят сурьму под глаза.

И действительно, Хамид смотрел, как женщины использовали кисти, чтобы рисовать черной краской под двумя округлыми фонарями трамвая. Похоже, Онси впечатлил шейху своим

аргументом в достаточной степени, чтобы она относилась к вагону как к настоящей личности. Вспоминая весь этот разговор об «освобождении» каирских машин, следователь надеялся, что они не пожалеют, вложив ей в голову эту радикальную идею.

— Это будет то еще зрелище, — заметил Онси. — Суперинтендант Башир уверен, что не хочет этого видеть?

— Вполне, — хмыкнул Хамид. Чиновника настолько отталкивала идея ритуала — и перспектива встречи с джинном, вселившимся в его трамвай, — что он придумал какие-то оправдания, связанные с работой, и оставил их самих разбираться с проблемой.

— Агенты! — позвала Надия. — Нам нужна ваша помощь.

Хамид побрел к ней вместе с Онси. Он надеялся, что женщине нужно только что-нибудь перенести. Агент с сомнением разглядывал клетки с петухами. Насколько он понимал, зар должен окончиться жертвой. Его не пугали такие вещи, но кровь и перья, скорее всего, попадут на униформу. А он только ее постирал и выгладил. Но когда напарники подошли ближе, Хамид увидел, что она держит два плоских барабана тар.

— Зар всегда сопровождается музыкой, — сказала им шейха. — Как правило, я нанимаю для этого труппу. Но за такой короткий срок я не смогла никого найти. Придется обходиться тем, что у нас есть. А вы поможете. Теперь найдите себе места, мы готовы начинать.

Хамид нерешительно взял широкий барабан. Он не знал даже, что мужчинам позволялось участвовать в зар, и не ожидал, что его позовут содействовать. Но возражать не было времени, поскольку их быстро разместили в группе женщин. Часть из них были возраста Надии, но большинство моложе — с лицами разных вариаций суданского, египетского, может, даже абиссинского происхождения. Все были одеты в узорчатые платья и хиджабы, в противоположность простой белой ткани, свисавшей с трамвая. На двоих мужчин быстренько накинули яркие голубые галабеи поверх униформ — им сказали, что джинну этот цвет может показаться приятным.

В следующее мгновение струны удов слились со звучанием тростниковых флейт-най, заигравших в утреннем воздухе. Звуки доносились из Фахимы, которая, казалось, извлекала их из себя с той же непринужденностью, с какой Хамид мог насвистывать. Механическая женщина шла

вслед за Надией, расположившись по левую руку, в то время как Джиззу выбрала правую. «Крайне причудливое трио», — решил следователь и начал шлепать ладонью по козьей шкуре барабана.

— Эй ты, верзила! — окликнула женщина позади него. — Мы тут пытаемся умиротворить джинна, не выгнать! Попробуй попадать в такт. Ты ритм держишь, как англичанин!

Раздалось несколько смешков, и Хамид почувствовал, как к лицу прилила кровь. Он *не* поддерживал ритм, как англичанин! Просто начинать было сложно. И все эти разные звуки сбивали с толку. Следователь бросил взгляд на Онси — который энергично колотил по барабану, прекрасно попадая в такт музыке. Несколько женщин похвалили юношу, и Хамид сжал зубы. Его обскакал пацан, учившийся в Оксфорде? Агент возобновил усилия, когда дверь в трамвай открылась. Им приходилось заходить в трамвай по одному, и ко времени, когда Хамид добрался до подножки, вагон уже был наполнен людьми.

Ощущение внутри было тем же — плотный, тяжелый и холодный воздух. Надия и Джиззу стояли на одном конце, в то время как Хамид и другие женщины занимали другой. Посреди вагона на трехногом табурете стоял круглый де-

ревянный поднос. Он был покрыт белой тканью, под ней можно было разобрать груды орехов и сушеных фруктов. Рядом стояли клетки с петухами — алтарь с подношениями для джинна. Сумеречное пространство быстро наполнялось дымом благовоний, клубами поднимавшихся из двух жаровен, различимых в свете мигающих ламп. Едкий запах фимиамов вскоре пропитал воздух. Все это смешивалось с барабанами, музыкой Фахимы и равномерными песнопениями шейхи и других женщин — и создавало одурманивающую атмосферу.

Хамид присмотрелся сквозь дымку к конструкции шестеренок на потолке трамвая, разыскивая духа. Он обнаружил его почти немедленно — гибкое щупальце серого дыма, скользившее среди кружащихся шестерней. Было похоже, что оно заметило гостей и остановило свое постоянное движение. Замерев, оно оставалось в одном месте, и агент не мог избавиться от жутковатого ощущения, что за ним наблюдают.

Его внимание привлекла Надия, которая взялась за церемонию всерьез. Она громко пела, голос поднимался до пронзительного крика, сообщая ее имя и обращаясь к духу напрямую. Затем она начала танцевать.

Хамиду говорили, что это часть ритуала. Прежде чем убедить и умиротворить духа, его нужно идентифицировать. В некотором смысле министерство придерживалось похожих правил. Только там, где они использовали схемы с классификациями, шейха прибегала к танцу — быстрому кружению, от которого ее одежды развевались, как у дервиша.

Считалось, что у каждого вида джиннов, с которыми имел дело зар, были особая песня и ритм. Пока она танцевала под каждую из них, то не спускала глаз с парящего наверху духа, оценивая его реакцию. Рядом, в гармонии с ней, двигался Джиззу. Джинн сменил форму на мужскую, и теперь с текучей грацией кружился бок о бок с Надией. «Должно быть, это и подразумевается», — сообразил Хамид, когда говорят, что шейха танцует со своим джинном. Казалось, они вошли в транс, превратились в одно грациозное существо, пока пытались наладить контакт с неизвестным джинном. Хамид не удивился бы, увидев волны магии, растекающиеся от них, надень он очки. Он чувствовал их даже здесь, омывающие его и заставляющие волоски на коже становиться дыбом.

В своем круге, где другие женщины танцевали

и взмахивали волосами, Хамид держался настороже. Надия упрямо отказывалась заставлять джинна покинуть трамвай. Но с помощью философствований Онси они сумели ее убедить, что шейха может упросить духа найти более удобное убежище. Несмотря на все разговоры о разумных машинах, он представить себе не мог, чтобы кто-либо из джиннов захотел провести годы, вселившись в трамвай. Может, эта штука просто не знала, где находится.

Его внимание привлекала внезапная суматоха. Дух снова активировался, подражая Надие и Джиззу, пытаясь повторять их движения. И в процессе существо начало расти, увеличиваясь с каждой секундой. Нет, не просто расти, понял Хамид — оно обретало форму! Об этом их предупреждали заранее. Джинн может решить явить себя, когда будет готов к контакту, может даже воплотиться. Церемония работала! Следователь видел, как смутная масса медленно уплотнялась в более определенную форму. Появились признаки головы, затем добавились торс, руки и ноги, пока он не достиг того, к чему стремился.

Хамид замер в изумлении. Джинны, которых он знал, могли принять любую форму. У некоторых были головы животных или фантастических

существ. Другие, как Джиззу, выглядели более величественными версиями людей — выше, сильнее или аномально красивыми. Этот джинн не был похож ни на кого из них. Вместо этого он выглядел маленькой девочкой.

Пусть и похожей на призрак девочкой, чья подобная луне бледная кожа несла серый эфирный оттенок, почти сияя в сумраке и дыме благовоний. Она была тоненькой. Но не того типа, что выглядит оголодавшим, скорее деликатной — словно сделана из материала, который разобьется, если к нему прикоснуться. У нее были слишком большие глаза с черными, как смоль, чистыми радужками. Они были посажены на лицо с маленьким носом и еще более маленькими губами, окрашенными синим — единственное цветное пятно на лице. Платье цвета кости наволочкой укрывало ее до лодыжек, дальше показывались босые ноги. Она горизонтально парила над ними, глядя вниз своими огромными глазами, а длинные пряди серебристых волос развевались в воздухе, словно девочка была погружена в воду.

Надия остановила свой танец и песню. Она сделала несколько острожных шагов вперед, глядя вверх, на духа, говоря с ней и называя свое имя. Призрачная девочка с любопытством склонила

голову набок, а затем ответила. Хамид внимательно прислушивался к ее речи. В голосе слышался тот же скрежет, что в визге, который выгнал их с Онси из трамвая во время первого визита. На этот раз, когда она говорила, а не кричала, он звучал не так уж плохо. Что за язык? Судя по выражению лица Надии, она тоже его не узнавала. Шейха собиралась попытаться еще раз, когда девочка неожиданно бросилась.

Это произошло так быстро, что Хамид не был уверен в том, что увидел. Дух бросилась на шейху, только она не была девочкой. Во всяком случае, уже не была. Она размылась и вновь превратилась, на этот раз в нечто ужасающее. Лицо юной девочки стало древним, сморщенным и прогнившим, как у мумифицированных мертвецов, похороненных глубоко в старейших гробницах Египта. Ее длинные серебристые волосы потускнели и теперь свисали неровными спутанными прядями. Все тело выросло и удлинилось, став высоким и чудовищным. Узкие руки выдавались из массивных плеч, вытягиваясь до колен и заканчиваясь длинными пальцами заостренной кости.

Карга распахнула рот и испустила знакомый визг, так что другие женщины схватились от

боли за уши. Надия под атакой упала, и дух подняла одну из смертоносных рук для удара. Хамид уже выхватил свой револьвер — хотя он понятия не имел, могут ли пули повредить подобному существу. Но Джиззу успел первым, приняв форму, которая выглядела мужчиной и женщиной одновременно. Он заслонил Надию, защищая ее своим телом, угрожающе оскалил острые зубы, в глазах его разгоралось рубиновое пламя. Карга испустила еще один оглушительный визг, осознав, что здесь есть более доступная добыча, и резко повернулась к остальным в вагоне.

Когда дух полетела, Хамид выпрыгнул вперед и прицелился. Агент не успел выстрелить — карга врезалась в него, даже не пытаясь остановиться. От удара он покатился кубарем, проскользил по полу трамвая и врезался в алтарь, где паникующие петухи били крыльями и шумно кудахтали в своих клетках. Он не остановился, пока не влетел в прикрученный к полу стул, потеряв по дороге свою феску. Хамид беспомощно смотрел, как дух обрушилась на собравшихся женщин, раскидывая их, словно куклы. Когда полоснули когти, раздались пронзительные крики, сопровождаемые звуком разрываемой ткани.

Каким-то образом Фахима сумела поместить се-

бя между ними и стояла, широко раскинув руки. Дух разорвала ее платье, располосовав переднюю часть в лоскуты. Будто разгневавшись, когда обнаружила бронзу вместо плоти, карга била когтями по металлическому телу механической женщины — выбивая фонтаны искр, освещающие тусклые сумерки благовонного дыма. Эти когти могли низвести механическую женщину до шрапнели, если бы не голос, прогремевший сквозь вагон, привлекая всеобщее внимание.

Надия стояла. Ее лицо было искажено яростью, и она декламировала во всю силу легких. Дух неестественно выкрутила шею, уставившись на шейху опустевшими глазницами, и открыла забитый поломанными зубами рот, чтобы выпустить поток слов на неизвестном языке. Хамиду не нужно было его понимать, чтобы опознать проклятия. Нечистая магия, окутывавшая их, испускала смертельную, гнилостную вонь, от которой его чуть не вывернуло.

Но там, куда ударяли проклятия, появлялись тонкие золотые линии суфийских геометрических символов, вспыхивая в воздухе вокруг шейхи световым щитом. Она продолжала твердо держаться на ногах, читая заклинания и пробиваясь вперед. Вскоре дух начала отступать,

завывая от бешенства. Руки карги принялись съеживаться, а затем все ее тело провалилось в себя, пока вновь не осталась лишь маленькая струйка серого дыма. Отступая в механический мозг трамвайного потолка, дух дала выход своему гневу — и вагон начал дрожать и подпрыгивать.

Хамид не стал тратить время. Он подбежал, чтобы помочь подняться нескольким женщинам, остановившись, только чтобы схватить свою феску. Онси занимался тем же, быстро провожая их к двери. Поодиночке и парами они сбежали из трамвая в безопасность платформы. Снаружи все они наблюдали за дико раскачивающимся вагоном. Внезапно наступила тишина — пока из двери не вылетел комок крови, перьев и кишок. То, что осталось от алтаря и петухов, было теперь изуродовано и расквашено. Дверь трамвая захлопнулась со стуком, и все затихло.

Выпустив давно сдерживаемое дыхание, все еще потрясенный Хамид попытался осмыслить произошедшее. Он торопливо пересчитал женщин, чтобы удостовериться, что все были на месте. Чудом никто из помощниц Надии не получил серьезных ран. Передняя часть их одежды была ужасно разорвана, но костяные когти не тронули кожи. Иное дело Фахима. Глубокие

царапины тянулись по торсу механической женщины, местами из них даже вырывался пар и капала жидкость. Надия опустилась на колени, осматривая автоевнуха с очевидной тревогой. Когда она закончила, то поднялась и зашагала к мужчинам.

Хамид почти отшатнулся при виде штормовой тучи, клубившейся на ее лице, но вместо этого спросил:

— С ней все будет в порядке?

Надия коротко кивнула.

— Да, хвала Аллаху, она крепко сделана. Механик починит ее раны и восстановит то, что было сломано.

— Что произошло? Почему дух на вас напала?

— Я не знаю, — ответила шейха, воспламеняясь. — Я знаю только одно — это не джинн! Я прошла по всем семи видам малых джиннов-духов, известных зару, и эта *штуковина* не принадлежит ни к одному из них. В ваш трамвай вселился некий иностранный, неизвестный дух. Но не называйте ее джинном!

Хамид ошеломленно слушал. Не джинн? Иностранный дух?

— Но откуда? — спросил он.

— Этого я тоже не знаю, — отозвалась Надия. —

Она говорила на каком-то странном языке, может, на тюркском диалекте. — Женщина протянула Хамиду лист бумаги. Он скривился, обнаружив, что это счет. — Я пришлю дополнительные расходы позже. — Ее руки указали на избитую и потрепанную свиту. С вежливым, но холодным прощанием она вернулась к своей группе. Им понадобилось еще много времени, чтобы собраться с силами самим и собрать свои вещи, прежде чем они оставили Хамида и Онси на пустой платформе, где обманчиво спокойно висел трамвай 015.

Хамид устало вздохнул, посмотрел на счет и попытался не думать о предстоящих дополнительных тратах. По правде говоря, его разум был поглощен словами шейхи. Все это время агенты шли не по тому следу. Марид бы тоже не помог, не с иностранным, неизвестным духом. Все эти усилия — и напрасно. Худшим в этом было то, что он понятия не имел, что делать дальше. Хамид был опытным следователем, у которого не было улик, чтобы продолжать. То были гнетущие обстоятельства. Онси, стоявший рядом с ним, что-то бормотал под нос.

— Хочешь что-то сказать, агент Онси? — запальчиво спросил Хамид.

— О, я просто думал о том, что это не тюрк-

ский, — ответил тот.

— Что?

— Шейха Надия предположила, что дух говорил на тюркском диалекте, — пояснил юноша. — Но мне так не кажется. Да, ударение падает на последний слог, но сингармонизм иной. Кроме того, в тюркском нет дифтонгов…

Хамид позволил ему продолжать, сожалея, что вообще спросил.

— Я бы предположил, — продолжал парень, задумчиво постукивая по очкам, — что дух говорил на какой-то вариации архаического или классического армянского.

Голова Хамида вскинулась, и он навис над Онси, отступившим под его взглядом. Новичок заскулил, когда Хамид начал обыскивать карманы его кителя, роясь в них, пока не нашел то, что ему было нужно — и вынул наружу. В его пальцах, прямо перед носом Онси, так что тому пришлось скосить глаза, был зажат кусок сладкого суджуха. Затем следователь триумфально прорычал одно слово:

— Армянский!

* * *

Выяснилось, что суперинтендант Башир обладал силой духа не коварного визиря, но размазни. Стоило Хамиду предъявить доказательства его соучастия с иностранным духом, как признания хлынули потоком. Это произошло почти двадцать минут назад. Сейчас же Башир рухнул на свой стол самым недостойным образом, причитая и хлеща себя по щекам. Он мог бы начать рвать волосы, если бы нашел, за что ухватиться. Хамид был всей душой за раскаяние, но это уже становилось смехотворным.

— Хватит, — рявкнул он.

Суперинтендант проглотил несколько всхлипываний, будто наказанный ребенок, и теперь ограничивался лишь хныкающими звуками, испускаемыми через нос.

— Давай посмотрим, правильно ли я понял, — начал Хамид, повторяя историю, рассказанную между исполненными жалостью к себе рыданиями, — ты занимался контрабандой, используя трамвай 015, перевозил конфеты и кондитерские изделия из Армении в Старый город.

Это было гениальное предприятие, если подумать. Не только суперинтенданту понравился

сладкий суджух. Его полюбили и его жена, и его семья. А у его брата, как выяснилось, были контакты в армянском районе, как в Каире, так и в Старом городе. То, что началось с нескольких подарков домой, сувениров в обмен на услуги, быстро превратилось в полномасштабную операцию, где суджух завозился бочками. Они сумели скупить армянский рынок сладостей в разбросанных сообществах от столицы до Луксора. Каждый получал свою долю: дирижабли, перевозившие товар из Александрии, таможенники, игнорировавшие пошлины, и, разумеется, суперинтендант Башир, предоставлявший постоянные и надежные средства транспортировки.

— Вот только что-то пошло не так с одним из грузов, — продолжал Хамид. — И какой-то армянский дух пробрался в одну из твоих поставок. Ты знаешь, какое наказание, суперинтендант, полагается за провоз незарегистрированных сверхъестественных сущностей через египетскую границу?

Башир судорожно сглотнул и решительно затряс головой.

— Я бы никогда не участвовал в подобном! Аллах мне свидетель, я не принимаю подобных предложений! И я бы запретил такие попытки!

Вы должны мне поверить.

Хамид оценивающе рассматривал мужчину. Провоз мистических существ в страну был хорошо известной министерству проблемой. Но обычно контрабандисты занимались вещами вроде невылупившихся яиц птицы-рух или телят реем[135] — продавая неосторожным коллекционерам детенышей, которые быстро вырастали в невообразимых чудовищ. Два года назад поднялся ажиотаж по поводу грозовых птиц импундулу. Всего пять этих существ бушевали несколько дней: отключая трамваи, вырубая заводские станки и устраивая отключения электричества на самых богатых улицах Каира, снабженных электрическими лампами. Министерству пришлось привезти группу сангоманов из Бамбаты, чтобы их схватить. Но Хамид не мог поверить, что кто-нибудь сознательно провезет жуткий призрак, обитающий сейчас в трамвае 015. Скорее всего, штуковина пробралась в груз, когда тот был в Армении.

---

[135] Примечания: 135

Рух, или птица-слон, — огромная птица размером с остров или город, питающаяся слонами.

Реем — это животное огромного размера из еврейской мифологии, которое не могло поместиться в Ноевом ковчеге. Его размеры, по одному из источников, были «величиной с гору Тавор, длина его шеи — три километра, его помет попал в реку Иордан и запрудил ее».

— Когда ты понял, что возможно инфицировал свой трамвай? — спросил он Башира.

Суперинтендант поморщился.

— Когда с ней встретился. Я слышал, как она говорит, и сразу понял, что она армянка. Я пытался ее изгнать из трамвая. Но когда я рассказал о ней армянам…

— Они смылись, — закончил Хамид.

— Они вышвырнули меня из собственного бизнеса! — вскричал Башир, возвращая часть своего негодования. — Утверждали, что я был проклят, и не хотели иметь со мной дела! — Он содрогнулся. — Это так? То есть я проклят?

Хамид хотел бы сказать мужчине, что да.

— Ты не проклят. Но ты нарушил больше законов, чем я могу сосчитать! — Он отмахнулся от Онси, рвущегося перечислить каждый. — Ты попытался решить дело по-тихому, почти уволил рабочего, который обнаружил духа. Затем ты оставил зараженное транспортное средство на маршруте, чтобы выглядело будто все в порядке. Только после того, как дух напала на пассажирку, у тебя хватило совести отправить трамвай на площадку.

— Она почти разорвала женщину на куски! — воскликнул Башир, размахивая руками. — Я

только об одном и мог думать — что бы случилось, если бы она навредила пассажиру? Я не мог допустить такого пятна в своем резюме! Или на своей совести, — торопливо добавил он. — Я вывел трамвай 015 из эксплуатации до тех пор, пока не нашел бы способа все исправить.

— Вот когда ты заманил нас сюда под ложным предлогом, — продолжил Хамид. — Все это время зная об источнике проблем! Если бы ты честно обо всем рассказал с самого начала, мы бы не потратили столько времени. И несколько невинных женщин не были бы почти убиты сегодня!

— Я очень разочарован вашей беспринципностью, суперинтендант Башир, — добавил Онси, качая головой.

Уязвленному упреками Баширу хватило приличия повесить голову. «Умелый ход», — подумал Хамид. Он снова уселся на стул, сплетая пальцы.

— Вопрос в том, что нам теперь делать? — Онси скопировал позу Хамида, хотя ему стоило над ней еще поработать. Может, добавить изящный взмах очками.

— Как вы поступите? — Голос суперинтенданта дрожал.

Хамид небрежно пожал плечами.

— Мы можем стать героями. Людьми, раскрыв-

шими банду контрабандистов и коррупцию в транспортном секторе. О, газеты просто влюбятся в этот заголовок! — Кожа Башира приобрела светло-бежевый оттенок. Хамид позволил угрозе зависнуть в воздухе, чтобы воображение мужчины могло развернуться. — Но, к счастью для тебя, мы не занимаемся жалкими бюрократическими злоупотреблениями, — наконец сказал он, наклоняясь вперед. Следователь проигнорировал Онси, попытавшегося повторить маневр и чуть не сверзившегося со стула. — Мы агенты Министерства алхимии, заклинаний и сверхъестественных сущностей и мы будем действовать как нам и должно — решим дело трамвая 015!

— Вы меня не сдадите? — истончившимся голосом спросил Башир.

— Нет, — великодушно ответил Хамид. В конце концов, это всего лишь контрабанда *конфет*. Немного смешно, если подумать.

Суперинтендант, однако, не сдерживал себя в похвалах.

— О! Благослови Аллах вашу голову! Ваши глаза! Спаси вас Всемилостивый Аллах!

Какое-то время Хамид позволял ему продолжать, затем поднял руку, останавливая поток. Этого достаточно.

— Но ты больше не будешь заниматься контрабандой или еще чем-то подобным, — скомандовал он. — С этого дня ты пойдешь по прямому пути, суперинтендант Башир.

— Да! Да! — Мужчина кивал с явным облегчением. — Прямой путь!

Хамид встал и Онси вместе с ним. Из кармана кителя Хамид достал лист бумаги, развернул его и положил на стол лицевой стороной вниз, прежде чем подтолкнуть вперед. Башир поднял его, перевернул и в замешательстве прочитал.

— Я не понимаю, что это? — спросил он.

— Счет от шейхи Надии, — коротко ответил Хамид. — Ты получишь еще несколько. Включая счет за ремонт автоевнуха, думается мне. — Видя, как глаза мужчины стекленеют, по мере того как он занимался подсчетами, Хамид улыбнулся. Он поднял бронзовое блюдо и предложил его, побрякивая содержимым:

— Еще сладкого суджуха, суперинтендант Башир?

Глава пятая

Возвращающиеся с работы люди заполняли «Мекку» каждый вечер. И шум их разговоров создавал ровный гул голосов в небольшом пространстве нубийского ресторанчика. Группка заводских работниц в светло-синих платьях и перчатках жарко спорили с металлургами — все еще облаченными в закопченные фартуки. За другим столиком несколько констеблей в хаки распивали чай с уличным торговцем подержанными запчастями автоевнухов, чья голова была обернута тюрбаном. Полицейские от души хохотали, пока мужчина жаловался на жену и дочерей, каждый день отправлявшихся на протесты, оставляя его без ужина. Всякий язык болтал о предстоящем голосовании по женскому избирательному праву, которому предстояло состояться завтра. Ожидание в воздухе можно было рукой потрогать, и большинству каирцев трудно было не поддаться атмосфере.

Хамид, однако, воздерживался от разговоров о государственных делах или социальной политике. Он устало допил третью чашку кофе ароматного абиссинского купажа и принялся

за следующую. Эфиопские сорта неуклонно вытесняли из города более привычные турецкие вариации. Амхарская фраза «Буна тету», буквально «Пейте кофе», вошла в многоязычие постоянно расширяющегося каирского лексикона. Подняв голубую фарфоровую чашечку, он сидел, уставившись на белую пену, и обдумывал свой длинный день.

Удовольствие, которое он получил от устрашения суперинтенданта Башира (и это было *чрезвычайно* приятно), продержалось недолго. Покинув Рамзесскую станцию, напарники отправились в библиотеку министерства. Архив вмещал широкий выбор трудов о сверхъестественных сущностях, и они надеялись найти что-нибудь о неизвестной карге, вселившейся в трамвай 015. Их исследование заняло остаток дня. И все же агенты не обнаружили ни единого упоминания или зацепки. Единственным результатом их кропотливой работы было изнеможение.

Хамид посмотрел через столик, где Онси описывал события последних десяти часов их официантке — той самой юной нубийке, что познакомила их с шейхой Надией. Они выяснили, что ее зовут Аблой. Девушка сидела на стуле

между ними, и ее глаза расширялись с каждой деталью рассказа. Хамид лениво подумал, что надо бы выругать Онси за обсуждение министерских дел с гражданским. Но он слишком устал, чтобы его сейчас это волновало. Кроме того, было в Абле нечто такое, что побуждало тебя говорить, будто слова сами срывались с языка. Следователь бросил любопытный взгляд на ее серьги — уже не священная корова Хатор, но одинаковые фигурки серебряных львиц.

— Погоди, — перебила Абла. — Помедленнее. Кто этот Загрос?

— Джинн, управляющий библиотекой в министерстве, — объяснил Онси.

— Мне кажется, я знаю Загроса, работающего в Имбабе, — задумчиво проговорила она. — Маленький трехрогий джинн? Разрабатывает аппараты доения для верблюдов?

Хамид разделался с кофе и покачал головой. Учитывая то, как все джинны разделяли имена, в последней переписи, скорее всего, была целая страница Загросов — даже если это была горная гряда в Персии.

— Другой, — сказал он. — Древний марид, и довольно крупный, с лавандовой чешуей, из носа и ушей растут волосы, и у него бивни с серебряны-

ми наконечниками. Очень трепетно относится к манускриптам.

Министерский библиотекарь направил их к источникам, которые могли помочь вычислить духа. Где-то с полдюжины версий космографии десятого века «Чудес сотворенного и диковинок существующего» аль-Казвини»[136]. Бесконечные средневековые бестиарии, в подробностях описывающие всех, от василисков до морских чудовищ, предположительно размером с маленькие острова. Напарники просмотрели трактат о естественной истории Плиния Старшего. Все это время беспокойный джинн стоял над ними, выражая недовольство тем, как они обращались с манускриптами, и временами настаивая, что деликатные страницы будет перелистывать он.

---

[136] Примечания: 136

Абу Яхья Закария ибн Мухаммад аль-Казвини — сочинения аль-Казвини, компилятивные по характеру, условно называют «Космографией» и «Географией». Оба труда были иллюстрированы и снабжены картами. В космографическом сочинении (‘Ад-жа’иб ал-махлукат ва гара’иб ал-мауджудат — «Чудеса сотворенного и диковинки существующего») в доступной и увлекательной форме повествуется о небесном (планеты, звезды, небожители) и земном мире (минералы, растения, животные, человек). Вторая часть этого труда «Памятники городов и известия о людях» иногда считается самостоятельным произведением. Здесь много биографических сведений о знаменитостях, в частности о персидских поэтах. Сюда же включены и географические сведения, частично повторяющиеся в «Географии». Известно четыре редакции «Космографии».

Единственным, что смиряло библиотекаря с их присутствием, было необузданное ликование Онси, дорвавшегося до древних томов — и его Загрос очень даже одобрял.

— Вот так история, — сказала Абла, когда рассказ закончился. Сегодня она была в хиджабе с красными, зелеными и золотыми цветами Египетского феминистского сестринства, по всей длине которого вились слова «Голос женщинам». — Вы, Охотники за жутью, умеете развлекаться. Что теперь планируете?

— Все, что у нас есть — дух говорит на армянском, — проворчал Хамид. — В библиотеке немного нашлось по армянскому фольклору. Скорее всего, нам придется завтра идти в Армянский район. Или зайти в одну из церквей. Посмотрим, может, там кто-нибудь знает о духах своей родины.

Абла скорчила гримасу.

— Не хочу показаться грубой, но люди не очень любят с вами, ребята, разговаривать. — Увидев выражения их лиц, официантка пожала плечами. — Давайте будем честны. Вы в этом не виноваты. Мне кажется, это потому, что вы занимаетесь вещами, которые большинство людей считают жутковатыми. Одно дело признать, что

джинны и магия теперь часть мира. И совершенно другое — быть близко с ними связанными. Люди не могут вас понять.

Хамид с трудом сдерживал возмущение.

— Ты вроде общаешься с нами без проблем, — парировал он.

Абла прищурилась и усмехнулась.

— Я похожа на большинство людей, агент Хамид? — Нубийка замерла, задумчиво постукивая себя по подбородку. — Но, мне кажется, я знаю кое-кого, кто мог бы с вами побеседовать. Но вы должны пообещать, что купите мне куклу. Или двух.

Хамид смотрел на нее в замешательстве, но слушал.

* * *

— Как вы можете видеть, все они разные, — гордо сообщила им старуха. — Я каждую делаю вот этими самыми руками. — Она подняла пальцы, покрытые от возраста морщинами, но все еще без дрожи. — И каждой даю имя, словно они мои дети.

Хамид сидел на диване красного дерева, обитого желтой тканью и украшенного изумрудно-зелеными подушками. Он поднял взгляд на

деревянные полки, выстроенные рядами в три линии, которые висели на мозаичных стенах квадратной комнатушки, где витал легкий запах недавно сожженных благовоний. На каждой полке сидели куклы, их вылепленные лица поблескивали в свете алхимических ламп и улыбались ему из-под широко открытых глаз и густых черных ресниц. Каждая из них действительно отличалась: волосами, оттенком, чертами лица — легкая полнота губ здесь, кудрявая грива там. Их платья тоже варьировались, демонстрируя наряды разных народов.

Если честно, Хамид чувствовал себя среди них несколько неуютно. Что-то с этими куклами было немного не так. Слишком похожи на настоящих людей, но никогда в этом сходстве не доходящие до конца. Так еще и дети, с инфантильными личиками и пугающе маленькими руками, запертые в этом месте. Может, он выпил слишком много кофе, но агент все представлял, как они оживают с дергаными движениями и спрыгивают вниз, чтобы схватить его своими крохотными ручками.

Пытаясь игнорировать эти штуки, Хамид перевел взгляд обратно к женщине в кресле напротив. Он натянул улыбку и сказал:

— Превосходная работа, мадам Марьям. До-

стойная высшей похвалы. — Он поднял чашку и промыл рот чаем.

— О да! — тут же присоединился Онси, делив-ший с ним диван. — Чудесная работа! Когда мои сестры были младше, у них у всех были куклы, и я никогда не видел, чтобы они были такими реалистичными.

«Слишком реалистичными», — подумал Хамид, но продолжил улыбаться.

Они нашли магазин мадам Марьям именно там, куда их направила Абла: скромная лавка на ночном рынке Хан-аль-Халили, отмеченная темно-красными дверями. Кукольная мастерица была занята работой, когда они вошли, сидела за столом, где собирала свое последнее творение. Сейчас оно лежало неоконченным, блестящие глаза, которые должны были смотреть с улыбаю-щегося лица, лежали забытыми шариками среди ее инструментов.

— Юноши в наши дни так легко делают ком-плименты, — фыркнула она. — Я никогда не была симпатичной, из тех, с кого не сводят взглядов. А вот моя сестра, ох, что за красавица! Длинные тем-ные волосы, такие изящные скулы — как у моих кукол. Мужчины рядом с ней теряли головы! — От воспоминаний ее глаза затуманились. — Но

я? Я поняла, что когда мужчины тратят время на комплименты, обычно им что-то от меня нужно. Даже когда они приносят небольшие подарки, вроде кулечка со сладким суджухом. — Она благодарно склонила голову в сторону Онси. В конце концов, это была его идея. — Так что, агенты, зачем вы двое решили провести ночь, прихлебывая чай со старой кукольницей, так вольно раздаривая комплименты?

Хамид поставил свою чашку рядом с медным турецким чайником с длинным носиком, тщательно подбирая слова.

— Нас направила к вам Абла. — Видя пустой взгляд кукольницы, он исправился: — То есть Сити. — Агент полагал, что это какое-то прозвище, но девушка сказала использовать именно его.

Лицо мадам Марьям просветлело.

— А, Сити! Знаете, я помню ее с тех пор, когда она была девочкой. У ее матери было ателье прямо рядом со мной, и временами мне приходилось присматривать за ней. Я сделала ей первых кукол. Она до сих пор заходит время от времени, чтобы их купить.

Хамид кивнул. Было странно выяснить, что Абла собирала кукол. Теоретически у нее десятки кукол.

— Она сказала, что вы великая кукольница, — начал он. — Еще она сказала, что вы были прекрасной рассказчицей и часто делились историями об Армении.

Смех мадам Марьям был глубоким и заразительным.

— Только не говорите, что министерство вас прислало, чтобы выслушивать мои глупые истории? Может, лучше куклу купите? На подарок дочери или племяннице? — Она наклонилась и заговорщицки прошептала: — Сити точно понравится, если собираетесь за ней ухаживать.

Теперь покраснел Хамид.

— Агент Онси и я, мы оба, обязательно купим по замечательной кукле каждый перед уходом. Но еще мы бы с удовольствием послушали ваши истории. На самом деле мы и сами хотим рассказать одну, если выслушаете?

Она грустно на него посмотрела, но согласилась. Хамид переглянулся с Онси, и в следующие несколько минут они рассказывали о карге, вселившейся в трамвай 015. Когда напарники закончили, оба мужчины откинулись на спинку дивана и принялись ждать.

Мадам Марьям еще довольно долго молчала. Она обернулась, чтобы посмотреть на картину,

висящую над ее столом, единственное место, не занятое куклами. Картина изображала святого Георгия в византийском стиле, сражающего огромного извивающегося змея. Рядом с ней стояла небольшая каменная плита красноватого камня с выбитым на ней крестом, под которым находился горизонтальный триколор армянской независимости. Ее взгляд, однако, казался невидящим, словно старуха рылась в ментальном инвентаре. Каждые несколько секунд она касалась цветастого полосатого платка, перевязывающего ее седую косу. Когда мадам Марьям заговорила, голос ее был приглушен.

— Ал! — прошептала она. — Вот кого вы описали. Это может быть только она.

Хамид покрутил слово в голове, энтузиазм боролся в нем с невежеством.

— Ал? Никогда не слышал о таком духе.

— Откуда бы вам? — спросила мадам Марьям. — В Каире не должно быть алов. Алк, как называют их вид, живут в реках и горах Армении, в отдаленных местах, куда большинство не забирается. — Она задумалась. — Хотя я слышала, что персы, таджики да и другие утверждали, что в их землях алк тоже водятся — под другими названиями. Сама я их никогда не видела, но моя бабушка

рассказывала о них истории. Она говорила об алах, которые выглядели как уродливые старухи, с острыми клыками, длинными растрепанными волосами, большими медными когтями и грудью, обвисшей до колен!

Хамид внимательно слушал. Дух в трамвае был не настолько фантастическим, но сходств хватало.

— Чего ал может хотеть? — спросил он.

Кукольница нахмурилась, размышляя.

— Моя бабушка рассказывала истории об алк, которые похищали человеческую печень или соблазняли мужчин, чтобы те на них женились только для того, чтобы потом сожрать мужей. Но в большинстве ее историй алы охотились на женщин — они воровали их детей.

— Зачем духу нужен ребенок? — поморщился Хамид.

— Иногда истории говорят, что они едят детей. Или ал забирает младенца, чтобы вырастить как собственного. Никогда не знаешь, чего они хотят. Но они всегда охотятся на детей. Временами они обманывают женщин, чтобы те отдали им своего ребенка, а затем вырывают им язык, когда они пытаются кричать! Другие могут пробраться ночью в дом, похитить дитя и оставить вместо него

чудовище с лицом вашего ребенка. В нескольких сказках даже сказано, что ал может вырвать плод прямо из женского живота, а потом съесть ее внутренности.

На последней части кукольница задрожала и остановилась, чтобы налить себе еще чаю.

— Вы говорите, что дух, которая на нас напала, хотела ребенка? — спросил Хамид.

— Простите, что перебиваю, агент Хамид, — вмешался Онси. — Но дух не нападала на всех нас. О, она выкинула нас из трамвая в первый раз, но и все. Этим утром, когда она атаковала, она не нападала на меня. Не думаю, что и ты был ее целью.

Хамид припомнил хаотическую сцену. Онси был прав. Дух на него не нападала. Она отбросила его, чтобы убрать с дороги.

— Она преследовала женщин! — воскликнул он.

— И единственным пассажиром, на которого она напала, тоже была женщина. Мне кажется, я теперь понимаю, почему она разрывала их одежду. Она не пыталась их убить, во всяком случае, не сразу.

Хамид вспомнил, как яростно призрак полосовала женщин — но не ранила, а только срывала

их одежды — в области живота.

— Она искала женщину с ребенком, — закончил он. Пораженный осознанием, следователь повернулся к кукольнице. — Как нам ее остановить?

Прежде чем ответить, мадам Марьям отхлебнула чая.

— Вам понадобится железо, чтобы ее сковать. Желательно что-нибудь острое. Даже маленькая иголка подойдет. Уколите дух. Затем, когда это сделано, приведите ее в дом и заставьте работать.

— Звучит немного странно, — прищурился Хамид.

— Как и большинство сказок, — отрезала она. — И это все, что я вам могу сказать об але, так что желаю вам удачи. — Старуха улыбнулась и обвела рукой полки. — Между тем могу я заинтересовать вас куклой?

* * *

Поедающий детей армянский дух вселился в каирский трамвай, — повторила Абла. — Ну, должна признать, этого я не ожидала. — Они снова сидели в ресторане. Вечерняя толпа поредела. Помимо двух мужчин, задержавшихся за

настольной игрой, только они втроем и остались. Хамид и Онси разделили вечернюю трапезу из вареных овощей в ароматном рагу и цыпленка, приготовленного в остром соусе чили, которую Абла милостиво придержала для них. Нубийка выдвинула стул, любуясь двумя куклами, упакованными в разрисованные зеленые коробки.

— Не просто армянский, — ответил Онси, отрывая кусок лепешки, чтобы обмакнуть его в рагу. — Похоже, этих алк знают по всей Центральной Азии и Кавказу.

Оказалось, что мадам Марьям все-таки была права насчет духа. Агенты вернулись в министерскую библиотеку с названием духа, и на этот раз Загрос помог им добыть информацию в изобилии. У них все еще не было ничего конкретно об Армении, но разнообразные вариации духа появлялись во множестве текстов. Они часто возникали в местном фольклоре изолированных и отдаленных мест, которых мало коснулся современный мир. В деревенской Персии их знали как аалов; в пастушьих общинах таджиков и пуштунов — олы, халы, ялы; а в деревеньках, стоящих на забытых торговых путях Кавказа, могли называть как угодно — от алмасты до аль-карисов.

В нескольких случаях духов описывали как

мужчин — стариков с буйными волосами, живших в глубоких реках и выныривавших по ночам, чтобы пакостить фермерам. Но в основном алы были женщинами. Иногда прекрасными девушками, жившими в кустах и ручьях или темных горных расщелинах — мужчины могли увидеть их только на мгновение. В других историях они были старыми и чудовищными старухами — каргами с острыми когтями. Но в истории каждого племени и народа была одна постоянная — женщины-алы преследовали матерей либо самих детей — как новорожденных, так и тех, кто все еще оставался в утробе. Некоторые похищали младенцев, пили кровь беременных женщин или даже удаляли органы матерей, чтобы те не могли кормить.

— На редкость отвратительно, в общем, — заключил Онси после того, как Хамид пересказал бóльшую часть.

— Все это звучит будто придумано мужиками, — фыркнула Абла.

— Мы это не сочиняли, — нахмурился Хамид. — Дух настоящий. На самом деле такого рода враждебные духи, связанные с деторождением, известны по всему миру и почти неизменно женские по природе. Чурель в Индии, Ла Йорона в

Америке, ламия в Древней Греции… — Их было так много, что им с Онси пришлось отказаться от мысли исследовать каждую из них, или они задержались бы на всю ночь. В персидском фольклоре даже утверждалось, что алы были дальними родственниками джиннов, хотя Загрос надулся от подобного предположения столь яростно, что Хамид оставил эту линию поиска.

— Женщины по природе, — повторила Абла, которую перечень не тронул. — И что это означает для духа? Ты сам говорил, что он был серым дымом, прежде чем принял форму. Существуют целые теории, утверждающие, что у духов нет формы в нашем мире и они обретают ее в подражание нашим историям.

— Ты читала последние коптские исследования работ Фомы Аквинского и записей аль-Джахиза о джиннах! — восторженно охнул Онси.

— Просмотрела, — отмахнулась Абла. — Вот, что я думаю. Этот дух был просто бесформенным существом, занимавшимся своими делами. Затем он встретил мужчин. И они решили сделать его прекрасной женщиной или чудовищной старухой, потому что только так мужчины женщин и видят. Может, они пытались объяснить, отчего их жены умирали при родах или почему младенцы

умирали в пеленках. Может, они просто боялись старых женщин. И они придумали ала, сделали его женщиной и во всем ее обвинили!

У Хамида закружилась голова. То, что люди — притом мужчины — несли ответственность за похищающего детей духа, сводило его с ума. Но Абла выглядела совершенно убежденной в своей логике.

— Любопытнейшая теория! — одобрил Онси.

— Только, — сказал Хамид, — если то, о чем ты говоришь, возможно, женщины могли придумать ала с тем же успехом.

Абла строго покачала головой.

— Ни одна женщина не додумается до такой нелепицы.

Хамид сдался. Это был не тот спор, который он мог выиграть.

— Ну, как бы ал, вселившаяся в трамвай 015, ни появилась, — сменил он тему, — нам все еще нужно найти способ ее оттуда выселить.

Их исследование выявило приличное количество способов, один другого изобретательнее. Были обычные средства: сжигание благовоний и амулеты. Древние религии предписывали талисманы и заклинания. Как у мусульман, так и у христиан в регионах, где опасались алов, были

особые молитвы для защиты беременных женщин и новорожденных. В более экстремальных случаях предлагалось развешать у дома внутренности животных, чтобы запутать духа, который забирал вместо младенца кровавое приношение. Избавление от ала было тяжелой работой.

В некоторых деревнях Персии крестьяне утверждали, что нужно схватить ала за нос и держать, пока та не вернет украденное дитя — и материнские органы. Таджики говорили, что определенная едкая трава, растущая на их родине, если ее правильно сжечь, изгоняла алов. Некоторые пуштуны считали, что нужно воспользоваться огнем — пламя выгонит ала из их домов и святых мест. Все это не слишком привлекало, особенно идеи схватить существо за нос или поджечь трамвай. Однако было одно средство, на которое они натыкались снова и снова.

— Железо, — сообщил Хамид, когда они закончили со списком. — Во многих историях для экзорцизма алов используется железо.

— В Хорасане жители деревень подкладывают железные предметы под подушку или кровать беременных женщин, — сказал Онси. — И могут привязывать небольшие кусочки железа, вроде иглы, к шее ребенка.

— Некоторые пуштунские сказки утверждают, что ала можно напугать и выгнать железной лопатой, — добавил Хамид. — Кавказские истории наставляют людей в отдаленных регионах помещать нож, ножницы, инструменты — что-нибудь железное — над дверьми или в нижней части трубы, чтобы отгонять алов.

— Тетушка Марьям сказала, что в Армении для изгнания алов используется железо, — уловила Абла.

— Именно, — сказал Хамид. — Мы решили, поскольку дух вроде бы из Армении, лучше использовать армянские методы.

— Разумно, — одобрительно кивнула она, а затем ее глаза вспыхнули. — Подождите!

Сити спрыгнула со стула и почти бегом отправилась в заднюю комнату. Вскоре она вернулась, широко улыбаясь и держа в правой руке небольшой черный предмет. «Кинжал», — удивленно сообразил Хамид.

— Кое-что железное, — сказала нубийка. Она ловко прокрутила клинок между пальцами и с изящным перехватом протянула его Хамиду рукоятью вперед. От этой демонстрации брови следователя поползли вверх, и он, уже не в первый раз, задумался, кем именно Абла — или,

возможно, Сити — была на самом деле.

— Благодарю, — кивнул он, принимая кинжал. — Хотя, судя по предыдущим словам, я уж решил, что ты не хочешь, чтобы мы изгоняли духа.

Ее улыбка исчезла, сменившись свирепым выражением, глаза засверкали.

— Она поедает детей, — почти прорычала Сити. — Милых, толстеньких, невинных детишек. Кто так делает? К дьяволу это чудовище. Мочите ее!

Хамид официально склонил голову, чувствуя, будто получил приказ, а не просьбу.

— У нас остается еще одна проблема, — сказал следователь, когда она снова уселась. — Нам кажется, дух нас узнает. Она появилась перед шейхой Надией, поскольку знала, что там были женщины. Предыдущее нападение тоже было на женщину. Она выгоняет мужчин, но форму для нас не принимает. В идеале нам нужна беременная женщина в качестве приманки.

— Я надеюсь, вы двое понимаете, что не существует настолько глупой женщины с ребенком, которая согласится быть приманкой для духа-убийцы, — ответила Абла. — Она, скорее всего, всех своих братьев и родственников на вас на-

травит, если вы даже предложите подобное.

— Мы понимаем, — заверил ее Хамид. — И мы никогда так не поступим. — Они с Онси обсуждали этот вопрос по дороге к ресторану. И согласились, что больше не будут сознательно рисковать гражданскими. В министерстве были женщины-агенты — но их было очень немного. Насколько он знал, единственная, жившая в Каире, не носила платьев. «Кроме того, это было их дело, — твердо подумал он. — Они его и закроют».

— Я думал над этой проблемой, — сказал Онси, оттирая пальцы от пудры с пирожных. — Мне кажется, есть способ выманить духа, обманув ее. — Он сделал паузу, на его круглом лице появилось сомнение. — Ты помнишь мой рассказ, как в Оксфорде я был в драмкружке и играл Катарину из «Укрощения строптивой»? Ну все в основном согласились, что я был довольно хорош.

Когда Онси изложил свой план, Хамид застонал. Абла, с другой стороны, с трудом сдерживала восторженные повизгивания.

Глава шестая

Следующим утром Рамзесская станция кипела жизнью. С самого рассвета люди вливались в транспортный узел, прибывая на трамваях со всего Каира и воздушных кораблях со всей страны. Женщины преобладали в ошеломительной степени: юные и старые, коптки и мусульманки, в модных городских нарядах или более традиционных платьях, в рабочих спецовках и униформах медсестер, в школьных формах и государственном обмундировании. Они прибывали с плакатами и растяжками, где были написаны названия их городов, городков и сел, скандируя, хлопая и распевая, пока собирались во все разрастающиеся толпы. Знаки, призывающие голосовать, были повсюду, на многих изображения активисток, несколько даже с лицом королевы. Развевающийся флаг с двуликой Хатшепсут — символа Египетского феминистского сестринства — свисал с ограды наверху, рядом с другим, с надписью: «ЖЕНЩИНЫ 79-го ЖИВУТ!» Атмосфера была наэлектризована, все собрались на этом историческом месте, чтобы услышать решение парламента о предоставлении величайшего пра-

ва большинству населения Египта.

Хамид нервно поправлял вуаль на своем лице, пока он и Онси пересекали Рамзесскую станцию. Когда следователь согласился с планом юноши, то надеялся, что они просто натянут галабеи, которые в более удаленных местах все еще носили и мужчины, и женщины. Но Абла настояла, что так дело не пойдет, и сумела отыскать на базаре ночного портного, который сумел бы подготовить заказ за несколько часов. Он сдержал свое слово, подогнав платья к утру. Для такого короткого срока наряды были изысканы — полностью белые, пошитые в смеси парижской и египетских мод, популярных среди высших классов каирских женщин, с круглыми шляпками, с которых спускались полупрозрачные вуали, окутывающие их лица небольшими облачками.

Несмотря на свой дискомфорт, Хамид должен был признать, что доводы Онси оказались убедительными. Дух появлялась только рядом с женщинами. Так что если они хотели выманить ее самостоятельно, им нужно выглядеть как женщины. Было широко известно, что у духов своего рода тоннельное зрение, когда дело доходило до подобных вещей. Одень неодушевленный объект как человека, и за человека они его и

примут. Оставь несколько камней вместо еды, и они попытаются их сожрать. Для многих духов восприятие равнялось реальности. Таким образом, было логично предположить, что ал примет их за добычу, если они будут выглядеть соответственно.

Проще сказать, чем сделать.

Уже в третий раз Хамид чуть не свалился с небольших белых каблуков, подобранных в тон длинному платью. Как современные женщины могли передвигаться в этих штуках, было выше его понимания. Положение ухудшали еще и лишние фунты, которые он набрал, — много пришлось напихать, чтобы его живот выпирал в подражание женщине с ребенком. Онси сделал все от него зависящее, чтобы маскировка выглядела идеальной, он зашел так далеко, что утяжелил ее мягкие части более плотным материалом. Ноша в результате получилась изрядная.

— Ты должен расставлять ноги в сторону! — инструктировал Онси, скользящий рядом с ним. Он говорил громко, чтобы его было слышно за шумом толпы. — Представь, что ты пингвин, и делай вот так. — Юноша принялся переваливаться с ноги на ногу и, похоже, двигался с легкостью, рассекая толпу набитым животом.

«Наверное, такие вещи проще даются, когда у тебя девять сестер», — проворчал Хамид про себя. Но он скопировал походку — и передвигаться действительно стало терпимее. К тому времени, как они добрались до лифта, старший агент уже устал. Подъем к воздушной площадке трамваев позволил краткую передышку, прежде чем дверь открылась навстречу утреннему небу Каира и они подошли к пункту своего назначения.

Трамвай 015 тихо и одиноко висел у платформы. В его спокойствии было что-то зловещее — словно вагон их поджидал.

— Ты готов? — спросил Хамид, подавляя тревогу.

— Готов, — слегка дрожащим голосом ответил Онси.

Хамид посмотрел на юношу и увидел, что глаза под очками слегка расширились. Он вспомнил, как сам нервничал, когда был рекрутом, впервые столкнувшимся с по-настоящему опасной ситуацией.

— Я никогда не забываю, что я агент министерства, — ободрил он. — С чем бы мы ни сражались, оно может быть старше, могущественнее и обладать силами, нам недоступными. Но к этому нас и готовили, и нет ничего неуязвимого. Еще

молитвы помогают.

Онси кивнул с благодарностью.

— Я молюсь не переставая. Думаю, со мной все будет в порядке.

— Тогда начнем. Помни, нам всего лишь нужно ее уколоть. — Подобрав платье, Хамид подошел к двери трамвая 015 и отворил ее.

Внутри вагон выглядел почти таким же, каким они его оставили. В соответствии с регуляциями по безопасности Транспортного профсоюза никто не приходил сюда убирать. Чешуйки высохшей крови несчастных петухов испещряли часть окон, а красная полоса с белыми перьями тянулась по полу. Огрызки и кусочки еды, оставленные на алтаре, тоже были разбросаны, вместе с деревянным подносом, табуретом и клетками, превращенными в переломанные прутья.

Хамид пробрался сквозь обломки и уселся на другом конце вагона, схватившись за поручень, чтобы опустить себя на сиденье. Сидеть было приятно. На подушках рядом с ним оставались глубокие разрывы, оставленные когтями духа в их предыдущую встречу. Он продолжал смотреть вперед и старался не думать о когтях, которые могут наносить подобный урон. Но краем глаза все равно всматривался в потолок. Следователь

почти сразу нашел эфирный серый дымок, лениво извивающийся среди часовых механизмов трамвая, его движения освещались каждым мерцанием верхних ламп. Он бросил взгляд на другой край вагона, где сидел Онси. Напарники были на месте. Откинувшись назад, Хамид принялся ждать. Прошло немного времени, прежде чем они услышали, как запирающие механизмы, держащие трамвай на месте, начали открываться.

Об этом агенты договорились с Баширом. Они с Онси согласились — для того чтобы провернуть эту аферу, трамвай 015 должен был снова начать движение. Чтобы они выглядели обычными пассажирами. Башир неохотно согласился отправить трамвай по старой неиспользуемой линии, делающей быстрый круг по центру Каира. Они надеялись, что где-то по пути ал заглотит наживку и покажется.

Когда отпустили швартовые зажимы, раздалось шипение пара, и трамвай толчком отправился в спуск с воздушной площадки к основным платформам внизу. Хамид наблюдал сквозь занавешенные окна, как они опускаются сквозь паутину стальных перекладин. Он рискнул бросить быстрый взгляд на серый дымок. Тот начал двигаться быстрее, будто в предвкушении. Хо-

роший знак. Взгляд вниз по вагону обнаружил мирно сидящего Онси. Парень вынул из сумки две длинные железные спицы и занялся вязанием. Он мурлыкал колыбельную, время от времени останавливаясь, чтобы с любовью погладить фальшивый живот. Хамид сумел оторвать глаза от спектакля и для спокойствия нащупал во вшитом кармане черный кинжал. Оружие было удивительно легким, он предполагал, что подогнанным под Аблу — мозаику, которую он все никак не мог собрать. Легкая дрожь вернула его внимание к окну. Они проплывали мимо сетчатой конструкции витых кабелей, змеившихся по небу Каира. Сверху донесся звук блочной системы, захватывающей нужную линию — и трамвай 015 начал движение.

Вагон, покачиваясь, несся через город. Его двигатели гудели и стучали на ходу, сопровождаемые знакомым скрипом блока, скользящего по кабелю. Каждые несколько секунд яркие голубые вспышки озаряли салон — снаружи с пронзительным треском летали электрические разряды. Движение было плавным, слегка укачивающим и оттого убаюкивающим пассажиров. Только не сегодня. Хамид с трудом удерживался от нервного постукивания ногой, выжидая, когда что-нибудь

произойдет. Он убивал время, выглядывая в окно, рассматривая другие трамваи, проносящиеся по своим линиям, поворачивающие в ту или иную сторону, пока мимо мелькали улицы Каира.

Когда ал появилась перед ним, он почти подпрыгнул.

Хамид не был уверен, когда дух подлетела или приняла форму. В одно мгновение она была дымом, кружащим вокруг шестерней. А в другое она была здесь — принимая знакомую форму девочки с бледной, подобно луне, кожей, тронутой серым. Она уселась рядом со старшим агентом, в том же простом платье цвета кости, и выглядела хрупкой, как статуя из яичной скорлупы. Ее деликатные черты под серебристыми прядями, достигающими талии, были почти детскими. Она смотрела на Хамида большими смоляно-черными глазами, которые, казалось, шли зыбью.

Сделав глубокий вдох, Хамид медленно повернулся к алу. Тонкие синие губы раздвинулись в улыбке, обнажая мелкие зубы, поблескивающие подобно жемчугу. Дух каркнула своим скрипучим голосом что-то, чего он не мог понять, и с любопытством склонила голову. Когда следователь не ответил, она указала тонким пальчиком на его круглый живот и начала издавать мягкие,

воркующие звуки. Сложив руки в подобие колыбели, она раскачивала их вперед-назад и снова и снова напевала слова, похожие на «нанибала».

Когда наконец ал протянула руку, чтобы прикоснуться к его животу, Хамид отшатнулся, слишком хорошо помня истории, где рассказывалось, что подобные отвлекающие маневры всегда предвещали нападение духа. Она громко рассмеялась его пугливости, и агент не мог не подумать о хищнице, играющей со своей добычей. Конечно, он и сам был отвлекающим маневром.

Прямо над головой духа Хамид видел, как к ним подбирается Онси. Он поднялся в тот же момент, как ал устроилась на сиденье, и теперь медленно приближался, сжимая спицу в руке. На ходу он напевал колыбельную, и Хамиду очень хотелось, чтобы напарник шевелился быстрее. Ничего не подозревающая дух продолжала бормотать, слишком занятая своим издевательским ритуалом, чтобы заметить движение. Онси был уже так близок, что Хамид видел отблески света на железной спице. Занеся импровизированное оружие, Онси остановился, готовый ударить. Мгновение тишины — и в голове Хамида взвыли предупреждающие сирены.

Готовясь к удару, Онси закончил колыбельную.

Повисшая в трамвае тишина была громче самого звука, и ал насторожилась. Она нахмурилась, уловив направление взгляда Хамида, и подняла голову, чтобы заметить почти дотянувшегося до нее Онси.

Дальше все произошло так быстро, что Хамид с трудом успевал следить. Девочка испустила шипение, увидев Онси. Размывшись, она исчезла, а на ее месте появилась карга. Она вытянулась в полный рост и ударила Онси своими когтями, так что тот отлетел, лишаясь возможности нанести удар. Хамид действовал инстинктивно. Он выхватил кинжал и бросился. Агент удивился, когда рухнул в проход, острие ножа воткнулось в пол. Промахнулся! Ал двигалась неожиданно быстро, уходя с пути прежде, чем он мог до нее дотянуться.

Осознав, что на нее расставили ловушку, карга невообразимо широко распахнула рот с поломанными зубами и испустила яростный визг. Но к этому двое мужчин тоже подготовились, набив уши ватой. Ее голос ранил, заставлял голову гудеть, но не выводил из строя. Вскочив на ноги, Хамид выставил кинжал в сторону духа. С другой стороны трамвая Онси тоже поднялся — в каждой руке по спице.

— Навстречу! — закричал Хамид, делая шаг вперед. Онси решительно кивнул, повторяя его действие.

Ал вертела головой, бросая взгляды на каждого мужчину своими пустыми провалами на сморщенном лице. Она угрожающе заверещала, полосуя воздух когтями, но не атаковала. Ее безглазый взгляд настороженно ощупывал железо в их руках, и она съежилась, как надеялся Хамид, в искреннем ужасе. Но дело все еще было непростым. Удачный взмах когтей мог выпотрошить их, если агенты не будут осторожны, и не раз ему приходилось отпрыгивать, прежде чем он мог до нее дотянуться. Именно во время этого утомительного наступления произошло кое-что непредвиденное. Ал подняла когти над головой и вонзила их в шестерни, покрывающие потолок. Они не разламывали механический мозг, вместо этого погружаясь в него, словно дым. Внезапная дрожь пробежала по трамваю, и вагон метнулся вперед в ужасающем рывке.

Хамид улетел назад, сбитый с ног, его кинжал вылетел из руки. Он тяжело приземлился на бок и был вынужден вцепиться в поручень, поскольку вагон продолжал набирать скорость. Хамид выругался. Они должны были предвидеть, что

дух, проведя столько времени в трамвае, найдет способ им управлять! Следователь поднял голову, чтобы увидеть, как Онси уносит в другой конец, пока он отчаянно пытается за что-то схватиться. Ал запрокинула голову и дико захихикала. Хамид представить не мог, как дела могут пойти еще хуже — когда они пошли.

Внезапный поворот пустил его покатом. Когда он сумел остановиться, то выглянул в переднее окно трамвая, где увидел, что они отправились в другом направлении. Дух заставила трамвай поменять кабель! Они больше не были на старом, неиспользуемом маршруте, но выбрались на основные линии города! Сбывались худшие страхи Хамида, когда он заметил другой трамвай, быстро приближающийся к ним — гудок ревел в ужасе от неотвратимого столкновения.

Хамид задержал дыхание, охваченный чувством беспомощности, когда в последнюю секунду их трамвай резко сменил линию. Другой трамвай прошел под углом, быстро удаляясь от них. Но Хамид видел лица паникующих пассажиров, без сомнения, залитых тем же холодным потом, что и он. Снова услышав хихиканье духа, агент почувствовал, как его страх превращается в гнев. Он поднял глаза и осматривал стены,

пока не нашел болтающуюся рукоять цепи в углу. Хамид с усилием поднял себя по поручню и побрел к ней.

Он шел на слабых ногах к блочной системе, придерживаясь за спинки прикрученных стульев и поручни. Скорость трамвая не помогала, как не помогало и то, что он еще два раза поменял линии. Но агент был полон решимости добраться, подстегиваемый приводящим в бешенство смехом духа. Одно дело — рисковать собственными жизнями. Но теперь это чудовище посчитало, что может отправиться в город и устроить там беспредел! *Этого* он допустить не мог! Наконец подойдя достаточно близко, следователь протянул руку и попытался схватить ручку. Он промахнулся на первой попытке и почти упал на второй — но с третьего раза пальцы крепко ее обхватили, и он дернул.

Хамид держался за спинку кресла, когда вагон замедлился в скрежещущем торможении. Раздались звуки затухающих и вновь возрождающихся к жизни двигателей. Когда вагон снова начал движение, он двигался в противоположную сторону. Этот переключатель был создан для экстренных ситуаций. Он перемаршрутизировал трамвай, возвращая его домой — это было его

единственным назначением. Делая быстрые повороты, трамвай менял линии, находя неиспользуемые кабели и двигаясь к Рамзесской станции. Ал бесновалась от такого вмешательства, отчаянно пыталась направить вагон туда, куда ей хотелось. Но трамвай отказывался, держась заданного курса.

— Все кончено! — сказал ей Хамид. Он снова держал кинжал перед собой. С другой стороны поднялся и теперь выжидал Онси. — Тебе стоит сдаться!

Ал бросила на него ненавидящий взгляд, презрительно оскалив свои поломанные зубы. Она испарилась в тумане, вновь превратившись в дым и вливаясь в шестерни. Скрежещущий звук ее голоса гремел по вагону, и тот яростно содрогался. Хамид быстро опознал слова, даже на незнакомом языке — проклятие. Она проклинала трамвай. Из шестеренок полетели искры, и вагон снова начал набирать скорость. Он несся по кабелю, извлекая тонкий визг и бесконечные голубые разряды электричества. Когда следователь увидел быстро приближающуюся Рамзесскую станцию, то с ужасом понял, что планирует ал.

— Хватайся за что-нибудь! — прокричал он Онси и схватился сам. — Она хочет разбить!..

Хамид не успел закончить предупреждение, когда мир резко перевернулся вверх тормашками. Его закружило, било о прикрученную мебель, пока он пытался прижать к телу конечности. Все превратилось в мельтешащее пятно, и агент с трудом мог сказать, что происходило. Раздался ужасающий лязгающий звук и началась вибрация, от которой даже зубы его задрожали — затем наконец наступили тишина и покой.

Пытаясь проморгаться, Хамид поднял голову, чтобы осмотреть трамвай, стараясь понять, как стулья оказались на потолке. Ему понадобилось мгновение, чтобы осознать, что он смотрит не на потолок и что стулья оставались там, где были всегда. Вагон достиг платформы, но слетел с блока. Похоже, теперь он лежал на боку, а Хамида зажало между двумя сиденьями, где он приземлился. Болело все, но, кажется, ничего не было сломано. Он пытался подать голос, чтобы позвать Онси, когда длинные когти обхватили сиденье и над ним появилось отвратительное лицо.

Карга триумфально ухмылялась, Хамид попытался поднять кинжал, который он каким-то образом сумел удержать, но под этим углом не мог ударить. Ал хихикнула и зашипела, пригибая свою сморщенную голову ближе, так что та ока-

залась в дюймах от его собственной. Ее дыхание, такое холодное, что оставляло кристаллики льда в усах следователя, несло омерзительную вонь, заполнявшую его ноздри. Он приготовился к атаке этих хищных челюстей, но дух внезапно вскинула голову, прислушиваясь.

Хамид тоже прислушался. Чувства вернулись, так что он с трудом, но расшифровал звук — равномерное скандирование, набирающее силу. Голоса женщин. Сотен женщин, собравшихся на станции. Ал издала жаждущий крик и испарилась в дыме. Она вылетела в разбитое окно трамвая прямо над ними и пропала.

— Онси! — хрипло позвал Хамид. — Онси! Ты в порядке?

— Здесь! — простонал парень. — Потрепало, но я справлюсь. А ты?

— Буду в порядке, — ответил он, пытаясь подняться.

— Дух! — вскрикнул Онси. — Боюсь, она…

— Я знаю, — сжал зубы Хамид. Им удалось изгнать ала из трамвая 015, только чтобы отправить ее в море ничего не подозревающих женщин внизу.

* * *

Хамид боялся, что им понадобилось слишком много времени, чтобы извлечь себя из перевернутого трамвайного вагона. Затем спуск на лифте занял еще несколько бесконечных минут. Он ходил кругами, считал этажи на табло вверху. В своей голове следователь ругал себя за то, что не выбрал лестницу, хотя знал, что это бы заняло больше времени. В нем просто говорила тревога, но у агента хватало причин для беспокойства. Когда серебряные двери лифта наконец распахнулись, он выскочил, пролетел мимо автоевнуха, внутренне готовя себя к крови и бойне.

Этаж Рамзесской станции заполнился людьми еще больше, если это было возможно. Люди были повсюду — в основном женщины, но к ним присоединилось немного мужчин и джиннов. Они переполняли зал и верхние балконы, скандируя и размахивая плакатами, некоторые нарисовали лозунги на своих руках и лицах. Хамид ощутил облегчение, увидев, что ожидаемого ужаса не случилось. Он не сомневался, что ал была здесь. Она не смогла бы удержаться, когда вокруг столько женщин. Но, может быть, она решила оставаться незамеченной.

— Как мы ее здесь найдем? — посетовал Онси.

— Мы следователи, — сказал ему Хамид, уже сканируя огромную толпу. — Нас учили видеть то, мимо чего другие люди просто прошли бы. Не смотри на все одновременно. Разум не может охватить все сразу. Вместо этого попытайся найти то, что выбивается. То, что не подходит картине.

— То, что выбивается, — пробормотал Онси. Он повторял эти слова, как мантру, пока не воскликнул: — О! Там!

Хамид кивнул, впечатленный наблюдательностью юноши. Он тоже заметил духа, чуть дальше, у ног колоссальной статуи фараона Рамзеса. Она приняла вид девочки, чья бледная кожа и белое, как кость, платье определенно выделялись. Ал шла по залу босиком, впитывая окружающее, рот был распахнут в изумлении. Женщины повсюду, куда бы эти голодные черные глаза ни посмотрели. «Она должна была себя чувствовать как ребенок, оказавшийся в кондитерской», — мрачно подумал Хамид. Потянувшись за кинжалом во вшитом кармане платья, он сделал шаг вперед.

Во всяком случае, попробовал. Его путь заблокировала масса людей. Напарники попытались протолкаться, но почти не продвинулись. Он начал прикидывать, как им пробраться, но тут Онси

принялся выкрикивать писклявым голосом:

— Ты что, не видишь, что здесь беременные женщины? — кричал он. — Каирцы совсем забыли о манерах? Какой скандал! Неужели никто нас не пропустит?

Хамид уставился на него в откровенном восхищении. Парень действительно вжился в роль! Старший агент почти забыл, что они все еще были в своих нарядах — да еще и с вуалями. Драматический подход сработал. Люди расступались перед ними, упрекая тех, кто не уступал дорогу достаточно быстро. Вскоре перед ними лежал открытый путь к алу. Но от открывшейся картины что-то в животе следователя оборвалось.

Ал выбрала жертву: женщину, стоявшую чуть в стороне и смотревшую на народ, баюкая спеленутого ребенка на руках. Остановившись рядом с ней, дух начала свой ритуал, улыбаясь и воркуя младенцу. Глядя на девочку, женщина улыбнулась в ответ и слегка наклонилась, чтобы показать новорожденного. Глаза ала расширились. Сложив свои руки в колыбельку, она раскачивала их перед женщиной с вопрошающим видом. Хамид двинулся быстрее, пытаясь перекричать какофонию, чувствуя, как сердце заходится в панике.

Но его предупреждение не понадобилось.

Возможно, дело было в странности бледной среброволосой девочки. Или просто материнский инстинкт. Но женщина отшатнулась и вежливо покачала головой. Она отвернулась и продолжила наблюдать за людьми. Ал бестрепетно потянулась и дернула ее за руку, все еще вопросительно улыбаясь. Женщина отдернулась и на этот раз что-то сказала, ее вид больше не казался вежливым. Улыбка духа исчезла, стремительно превращаясь в гнев. Размывшись в пятно, она переменилась.

Возвышающаяся на месте девочки карга на свету, сияющем сквозь стеклянные окна Рамзесской станции, смотрелась еще страшнее, чем в сумерках трамвая. Бледно-серая кожа выглядела словно ее слишком туго натянули на удлиненное тело, под ней ясно проступали ребра и ключицы. Округлые костяные шишки тянулись вдоль спины до самых ног, которые выгибались назад, как у животного. Она провела пустым, сгнившим взглядом по толпе, широко распахнула пасть — и завизжала.

Мать с ребенком, в ужасе наблюдавшая за разворачивающимся всего в футе от нее ужасом, закричала. Как и все остальные, кто оказался

поблизости, часть из них начали бежать от ала. Вопль духа прорезал скандирование в зале, пустив эхо, звучавшее даже громче в широком пространстве, и многих заставил схватиться за уши. Когда собравшиеся пришли в себя, чтобы увидеть кошмар среди них, все люди, как один, начали отступать.

Теперь среди отчаянно проталкивающихся в противоположном направлении тел Хамиду и Онси приходилось прикладывать еще больше усилий, чтобы продвигаться вперед. Но пользы от их попыток было мало, их утягивало вместе с остальными, словно отливом. Рядом с алом стояли только два человека. Хамид в ужасе увидел, что мать с младенцем остались на месте. Женщина замерла, оцепенев от страха. Ее руки обхватили дитя в попытке его защитить, а глаза не отрывались от нависающей опасности. Загнав свою добычу в угол, карга обернулась к женщине с триумфом и только что слюной не исходила на ребенка в ее руках.

Хамид поднял кинжал. Это был невозможный бросок, но если он сумеет даже немного зацепить духа, этого будет достаточно. Он уперся ногами, чтобы принять более устойчивую позу, и вознес молитву Милостивому и Милосердному Аллаху,

дабы тот направил его руку.

Но внезапно кто-то встал на его пути.

То была еще одна женщина, в длинной черной галабее на полной фигуре. Она подбежала к алу, стала позади нее и принялась кричать. Карга вывернула шею и ответила коротким и угрожающим визгом. Но женщина не сдвинулась с места, поднимая предмет на цепочке, висевший на ее шее. Хамса, с удивлением опознал Хамид, — синий, разрисованный амулет в форме раскрытой ладони правой руки с глазом по центру. Старый символ, все еще популярный в деревнях для защиты от зла. Женщина взмахивала им, будто оружием, со всей мочи выкрикивая суры.

Теперь ал повернулась полностью, поднимая одну из массивных, когтистых лап, чтобы сразить надоеду. Но из толпы появилась другая женщина в ярких нубийских одеждах. Она подняла раскрытую ладонь, на которой хамса была нарисована хной, и добавила свой решительный голос. Хамид ошеломленно смотрел, как появляется все больше женщин, присоединявшихся к молитвам и совершавших защитные движения руками. Одна девушка выбежала прямо перед остолбеневшей матерью, сорвала свою модную парижскую шляпу с голубыми страусовыми перьями и трясла ею

перед лицом карги.

Дух вертелась в разные стороны, шипя и угрожающе вздымая когти. Но, похоже, она была ошарашена видом этих отважных женщин, собравшихся вместе, чтобы защитить одну из своих. И это было именно то, в чем нуждался Хамид.

Многие в толпе остановились, чтобы посмотреть на разворачивающееся странное действо, и ему удалось пробиться вперед, наконец добраться до сцены. Семеня на каблуках, он держался спины ошалевшей и растерявшейся ал, стараясь не оказаться в ее поле зрения. На этот раз он не промахнулся, когда выхватил кинжал и вонзил его в открытую спину.

Ал закричала от боли или гнева, когда клинок рассек кожу на ее спине. Там, где железо разрезало плоть, поднимался едкий дым. Она взмахнула мощной костлявой рукой, отбрасывая Хамида. Он услышал, как многие в толпе ахнули, кто-то поспешил ему помочь, думая, что пострадала беременная женщина. С их помощью агент поднялся как раз вовремя, чтобы увидеть, как ал бежит на него, в ее пустом взгляде чувствовалось узнавание, наводящая ужас пасть с изломанными зубами застыла в оскале. Переведя дыхание, следователь заставил себя говорить, выдавив

всего одно слово:

— Стой!

Карга немедленно застыла, замерев на полушаге, одна когтистая лапа занесена вверх. Хамид ощутил нарастающее облегчение, когда увидел дрожащую ал, застывшую на месте. Во многих сказках говорилось, что стоит уколоть ала железом, и ты сможешь заставить исполнять ее приказы. Он был счастлив, что эта часть историй сработала. Поднимаясь на ноги, он оттолкнул руки, пытавшиеся его удержать, и подошел к духу. Остановившись прямо перед высокой фигурой, Хамид уставился в ее лицо и приподнялся на цыпочках, чтобы встретить взгляд.

— Шагай назад, — твердо скомандовал он.

Ал заскулила, но начала пятиться. Ее длинные члены двигались рывками, производя щелкающие звуки на ходу — но она пятилась. Хамид с удовольствием наблюдал, как карга приняла позу, подобную статуе над ней — руки по швам, даже несмотря на сверкающие ненавистью глаза.

К нему, задыхаясь, подбежал Онси, в его высоко поднятой руке было зажато удостоверение. Юноша тут же обратился к скованному духу:

— От имени Министерства алхимии, заклинаний и сверхъестественных сущностей настоящим

мы берем вас под арест за нарушение множества положений, регулирующих паранормальные личности и разумных существ, начиная со статьи…

Хамид решил, что на этот раз он не прочь послушать, как Онси вываливает каждое правонарушение, но юношу прервала девушка, бегущая по залу с криком, ее высокий голос разрушил опустившуюся тишину. «Что теперь?» — подумал Хамид. Несколько человек разобрали первый крик и начали повторять и передавать его дальше. И когда слова добрались до агента, вся Рамзесская станция взорвалась оглушающими возгласами:

— Закон принят! Мы победили! Мы победили!

Подхваченный ликованием, Хамид обнаружил, что и сам кричит.

Эпилог

Когда агент Хамид засел за отчет, была уже поздняя ночь. Министерство рано опустело, как и всегда по четвергам, перед пятничным выходным. Глядя на толпы, до сих пор празднующие на улицах, большинство ушло задолго до захода солнца. Не все были довольны, что женщинам дали право голоса. Но теперь, когда это произошло, трудно было найти хоть одного человека против. Каирцы были странными в этом отношении людьми, часть города обожала что угодно, лишь бы это давало возможность похваляться своей современностью.

Он отпустил Онси, хоть тот протестовал и рвался помочь. Хамид настоял. Кто захочет потратить ночь после первого большого дела, заполняя отчеты? Бумажной работы хватит на всю следующую неделю. Бумажная работа *всегда* находилась. Он перечитал отзыв, который написал о последнем рекруте министерства. В нем использовались слова вроде «достойный одобрения» и «превосходящий ожидания». Может быть, эта идея с партнерами была не такой уж и плохой, в конце концов.

Сделав перерыв в работе, следователь взял экземпляр «Аль-Масри», который держал рядом. На главной странице вечернего выпуска красовался жирный заголовок: «ЕГИПЕТСКИЕ ДАМЫ ПОЛУЧИЛИ ГОЛОС!» Ниже было фото двух женщин, сложивших пальцы в знак победы. Бóльшая часть газеты посвящалась сегодняшнему большому событию, но Хамид перевернул несколько страниц к другой истории.

В нижнем углу четвертой страницы красовалась его с Онси фотография. Все еще в платьях и вуалях, они стояли по обеим сторонам гримасничающей ал. Фотограф, запечатлевший их на снимке, обещал, что сделает все, от него зависящее, чтобы тот попал в газету. К фото не прилагалось заметки, просто слова под ним: «Агенты министерства схватили чудовище Рамзесской станции». Но Хамиду этого было более чем достаточно. Он улыбнулся, разглядывая зернистый снимок, и задумался, стоит ли поместить его в рамку. Или это будет слишком тщеславно? Стук в двери заставил его торопливо закрыть газету. Он поднял взгляд на знакомую, но неожиданную фигуру.

Агент Фатима эль-Шаарави стояла в его дверях. Выглядела она, как обычно, блестяще — в

лавандовом английском костюме и жилете в тон, белой рубахе и багряном галстуке, а голову венчал черный котелок.

— Добрый вечер, агент Хамид, — любезно поздоровалась она. — Не помешаю?

— Добрый вечер и вам, агент Фатима, — сказал Хамид, вставая и бессознательно поправляя униформу. — И нет, совсем не помешаете. Прошу, проходите.

Женщина улыбнулась и вошла, демонстрируя пару черных кожаных брогов. Хамид снова поправил униформу.

— Хотела спросить, как вы относитесь к басбусе? — спросила она. Хамид посмотрел на ее протянутую руку, только сейчас заметив маленький, украшенный миндалем золотой пирог, который она держала.

Он улыбнулся и кивнул в ответ.

— Я люблю басбусу.

— Отлично! Я думала, мне придется все съесть самой. — Фатима сняла котелок и повесила его на крючок, потом выдвинула кресло перед его столом. Хамид расчистил место и нашел чистые ложки. Через мгновение оба зарылись в сладкий пирог с легким привкусом апельсина.

— Я думал, вы будете сегодня праздновать, —

сказал он, пытаясь завязать вежливый разговор. Хамид не помнил, когда в последний раз они говорили, помимо приветствий.

Фатима кивнула, тряхнув коротко стриженными черными кудрями.

— Вот для этого и пирог. Я должна была отправиться в центр, чтобы встретиться с подругой, но меня задержало дело. А теперь… — Она указала на листы отчета, разбросанные по его столу.

— Бумажная работа, — произнесли они в один голос.

— Что за дело? — спросил Хамид, не в силах сдержаться.

Она закатила глаза, отрезав ложечкой еще кусок пирога.

— Один некромант решил, что будет блестящей идеей возродить чародея, похороненного в Долине Царей. Надеялся получить какое-то запретное знание. Вместо этого он поднял труп древнего фараона. То есть, ну, ее назвали Долиной *Царей* не просто так, правильно? Так вот, оказалось, что наш древний король был мегаломаном, и теперь, когда он вернулся, хотел поднять армию мертвых из их усыпальниц и захватить страну. Или мир. Я забыла. В любом случае мне удалось запечатать мертвого бога-фараона назад в его

саркофаг и арестовать некроманта. Надеюсь, они выдвинут ему обвинение в тупости. Все это заняло целый день[137]. — Фатима скорчила гримасу отвращения, затем остановилась и вопросительно посмотрела на Хамида. — Что насчет вас? Что у вас было за дело?

Тот сидел с открытым ртом, потрясенный. Боги-императоры и армии мертвых?

— Мы раскрыли дело о вселившемся в трамвай духе, — ответил он, чувствуя себя глупо, даже произнося эти слова. Агент ожидал, что она изобразит вежливый интерес. Но вместо этого ее лицо просветлело.

— Так это были вы? На Рамзесской станции? В платье?

Хамид застенчиво кивнул, вынул газету и открыл ее на четвертой странице.

— Вторым был агент Онси. Один из наших новых рекрутов.

Фатима рассматривала фото, качая головой.

— Все пытаются понять, кто это был. Сначала мы услышали историю, затем она появилась в вечерней газете. Никогда бы не догадалась, что это были вы. Говорят, вы сражались с духом прямо

---

[137] Примечания: 137
Вольное изложение сюжета фильма «Мумия».

на вокзале, с ножом, врукопашную!

Все произошло не совсем так, но зачем спорить?

— Это было ужасно, — ответил он.

Следователи провели еще немало времени за пирогом, разговорами и обменом историями.

— …в любом случае, — произнес Хамид, когда они пили теплый мятный чай, — к нам летят власти из Армении, чтобы забрать ала назад. Министерство хочет, чтобы я попытался завербовать одного из них для обновления записей о фольклоре в том регионе. Был даже разговор, что мы с Онси организуем специальный отряд по расследованию дел с менее известными сверхъестественными сущностями.

— Мои поздравления! — сказала Фатима, поднимая чашку. — За увеличение бумажной работы!

Хамид присоединился, возвращая тост.

— Похоже, мы все были заняты, с тех пор как вступили в министерство, — задумчиво проговорила Фатима, делая глоток. — Закопались в собственные дела. Нам нужно иногда собираться — устраивать такие посиделки чаще.

— Нужно, — согласился Хамид. Он сделал паузу и решил пойти на риск. — По министерству ходи-

ли слухи об одном вашем деле прошлым летом. Только о нем новые рекруты и толкуют. Что-то насчет Ангельского Совета?..

Лицо Фатимы окаменело, и следователь уставилась на него безо всякого выражения.

— Прошу прощения, — тут же сказал он, пристыженный. — Я не хотел навязываться. Сам знаю, что это дело засекречено.

— Оно *действительно* засекречено, агент Хамид, — ответила она серьезным голосом. Затем наклонилась вперед с ухмылкой, играющей на губах, и прошептала: — И я все ждала, чтобы кто-нибудь подошел ко мне и спросил, а я бы обо всем рассказала! Теперь вы можете всем передать. Вы знаете, как эти предполагаемые *ангелы* относятся к своей конфиденциальности. Но все это началось, когда мне позвонили насчет мертвого джинна…

И пока Хамид с растущим восхищением слушал историю, он мог только представить, как Онси расстроится, что все это пропустил.